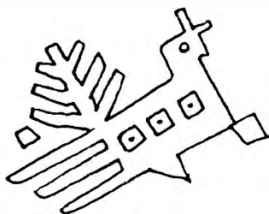

СКАЗКИ
НАРОДОВ
МИРА

СКАЗКИ
НАРОДОВ
ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ
И КАВКАЗА

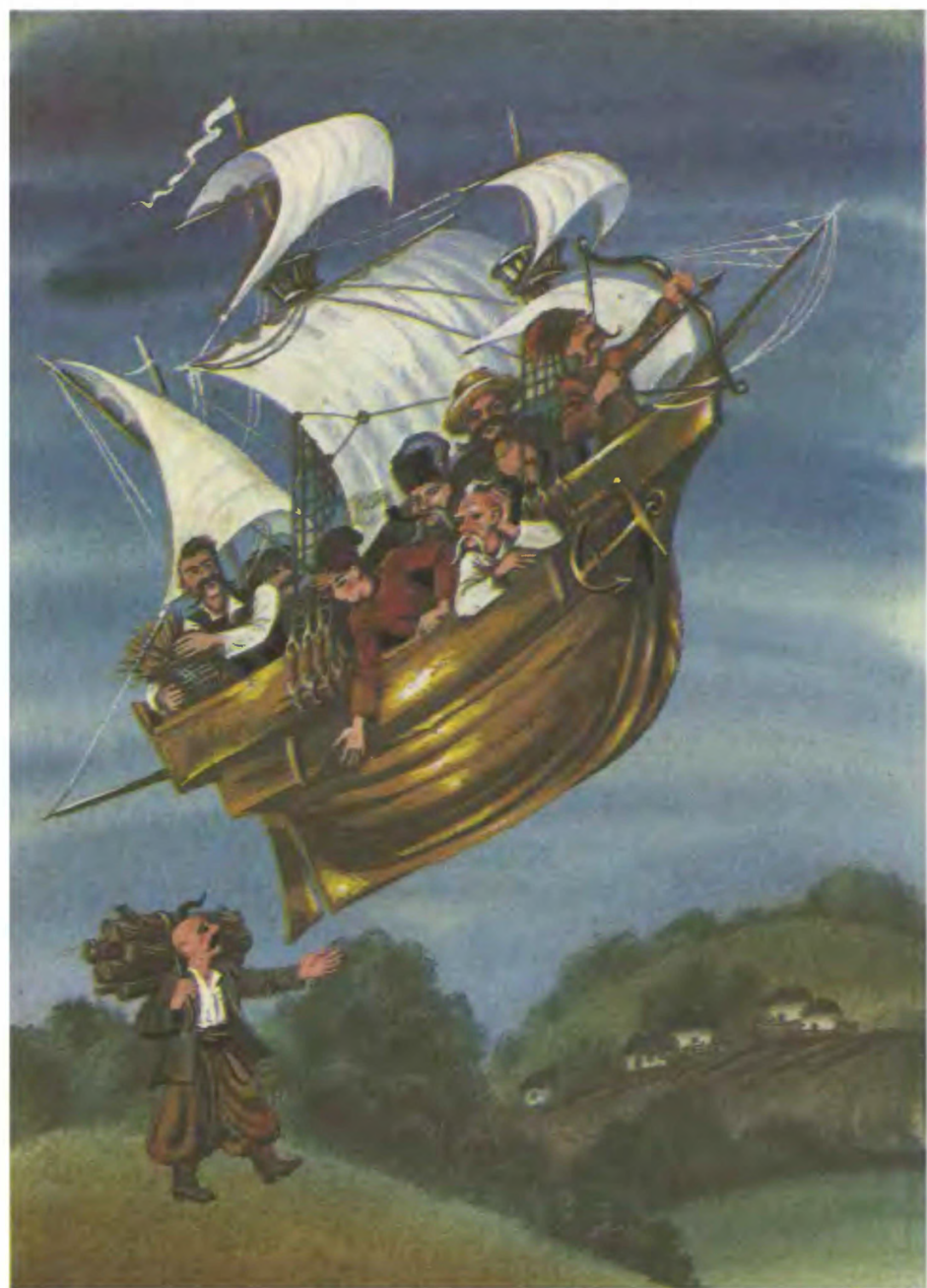
СКАЗКИ
НАРОДОВ
МИРА

ТОМ
IX

МОСКВА
«Детская литература»
1994

СКАЗКИ
НАРОДОВ
МИРА

*в
десяти
томах*

ТОМ

IX

СКАЗКИ
НАРОДОВ
ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ
И КАВКАЗА

Редакционный совет издания

«СКАЗКИ
НАРОДОВ
МИРА»

Аникин В. П.	Никулин Н. И.
Ващенко А. В.	Путилов Б. Н.
Қор-оглы Х. Г.	Рифтин Б. Л.
Михалков С. В.	
Налепин А. Л.	Шатунова Т. М.

Научный руководитель издания
В. П. АНИКИН

Составитель, автор вступительной статьи и словаря
А. И. АЛИЕВА

Оформление серии
Б. А. ДИОДОРОВА

Оформление тома
В. А. ТОГОБИЦКОГО

Художник
Елена ПОПКОВА

С 4804030400—026 Подп. изд.
М101(03)-94

© А. И. Алиева. Составление, вступ. ст. и словарь, 1994
© Б. А. Диодоров. Оформление серии, 1994
© В. А. Тогобицкий. Оформление тома, 1994
© Е. А. Попкова. Иллюстрации, 1994

Сказка-складка

В серии «Сказки народов мира» в 1988 году вышел в свет том «Сказки народов Европы», включающий сказки народов стран Западной, Центральной и Юго-Восточной Европы. В данный том вошли сказки народов Восточной Европы, проживающих в государствах Балтии (Литва, Латвия, Эстония), на Украине, в Беларуси, в Молдове, в Армении, Грузии, Азербайджане. Значительное место в томе занимают сказки народов Российской Федерации. Это народы и Севера (карелы, вепсы, саамы и другие), и Поволжья (татары, башкиры, удмурты, мордва, марийцы, коми, чуваша), и Северного Кавказа, пожалуй превосходящего по числу языков и народностей любой другой регион мира, пусть даже более обширный по территории.

Многие столетия эти народы имели тесные исторические, экономические и культурные связи. А значит, всегда шел интенсивный обмен фольклорными произведениями. Каждому известно, что соседи всегда учатся друг у друга; обмениваются они и песнями, и рассказами, и сказками, в результате чего культура каждого из них становится только богаче.

Читатель, который прочитает до конца лежащую перед ним книгу, убедится в том, что, несмотря на стремление составителя отобрать самые оригинальные произведения, в сказ-

ках разных народов много общего. Конечно, это обусловлено не только и не столько взаимодействием культур этих народов, сколько сходством их исторических судеб, а следовательно, и экономического, и культурного развития.

В этом томе представлены все основные разновидности народной сказки — волшебные, авантюрные, бытовые и о животных.

Волшебные, или, как их еще называют, собственно сказки, занимают центральное место в фольклоре любого народа. Характерная черта волшебного эпоса — поразительное сходство сюжетов сказок самых разных народов. Сюжеты таких сказок, как, например, «Золушка» или «Кот в сапогах», встречаются почти у всех народов мира, и поэтому в фольклористике они называются международными или бродячими сюжетами. Однако сказки на эти сюжеты воспринимаются нами как совершенно самостоятельные произведения. И это потому, что в сказке каждого народа международный сюжет, оставаясь узнаваемым, получает свое, присущее только этой сказке оформление. Так, например, сюжет о запечном дураке и о трудных задачах, которые он решает с помощью своих чудесных помощников, совершенно по-разному оформлен в украинской сказке «Летучий корабль», в белорусской «Мудрая девушка» и в грузинской «Сказке об Олененке и Елене Прекрасной».

Кроме того, так называемые международные сюжеты в ряде сказок получают своеобразное развитие. Так, в литовской сказке «Ель — королева ужей» известный многим народам рассказ о том, как девушка становится женою человека, принимающего облик того или иного животного или чудовища (в данном случае ужа), имеет совершенно оригинальное продолжение. В отличие от сказок других народов, где родственники героини сжигают звериную шкуру своего зятя, в литовской они коварно убивают ужа. Это приводит и к нетрадиционному финалу: с горя жена и дети превращаются в деревья — ель, ясень и осину. Иначе говоря, типично волшебная сказка соединяется с древним мифом о происхождении этих деревьев.

В марийской сказке «Дуболгó Пичáй» своеобразное оформление и развитие получил сюжет о спящей красавице, а

в лакской «Заза́, красная коровушка» — сюжет «Золушки». К тому же герои каждой из этих сказок живут так, как жили их создатели, и это придает сказочному повествованию национальное своеобразие.

Калмыцкая сказка «Три брата» — пример того, как традиционные сюжеты органично соединяются с оригинальными, отражающими жизнь создавшего ее народа. В ней необычное начало: кобылица, которую хозяева хотели зарезать (известно, что калмыки, как и многие другие народы, употребляют конину в пищу), убежала от них, нашла трех мальчиков, вырастила их и наплодила им табуны чудесных коней. Такая поэтизация лошади, которая способна не только одарить людей несметными табунами, но и вырастить ребят — будущих хозяев этих коней, вполне понятна в фольклоре народа, в жизни которого конь всегда играл огромную роль. Это оригинальное начало естественно сочетается с широкоизвестным сюжетом о том, как младший из братьев добывает жен для своих старших братьев и для себя, как завистливые и неблагодарные братья хотят погубить его и как счастливо все кончается.

Наконец, в фольклоре каждого народа есть сказки на совершенно самобытные сюжеты: такова эстонская сказка «Златопряхи», чувашская «Как крестьянский сын за солнце работал» и многие другие, составившие этот том.

А вот кого же называет народ героем сказки, какими чертами наделяет? В центре многих сказок — герой-богатырь, отличающийся чудесным происхождением (в марийской сказке бездетная старуха вылепила себе мальчика из теста — его так и называли Нончы́к-паты́р, т. е. «богатырь из теста») или необыкновенным воспитанием (герой грузинской «Сказки об Олененке и Елене Прекрасной» был оставлен родителями в лесу и выкормлен оленихой, герой калмыцкой сказки «Три брата», как уже говорилось, выращен чудесной кобылицей). Если даже рассказывается о чудесном происхождении или необыкновенном детстве героя, то во всех случаях подчеркивается, что он обладает незаурядной силой, острым умом, находчивостью. Таковы герой молдавской сказки «Фэт-Фрумбс и Солнце», богатырь из аварской сказки «Морской конь». Главное — то, что все свои недюжинные способ-

ности богатырь употребляет на пользу людям, даже тем, которые поступают с ним коварно. Отличительная его черта — справедливость: он справедливо делит все, добытое им, с братьями или с друзьями.

В сказках о герое-богатыре отразились древнейшие представления о сверхъестественном родстве человека и животных, вот почему звери или животные нередко бывают воспитателями (или даже родителями) сказочных богатырей. Сказочный герой может быть и царским сыном, и сыном крестьянина, но это не имеет особого значения: он всегда отличается бесстрашием, решительностью в достижении поставленной цели, добротой и великодушием. Герой сказки нередко обретает чудесных помощников именно потому, что оказывает бескорыстную помощь тем, кто попал в беду: герой караеvской сказки «Приключения охотника» сохраняет жизнь орлу, козе, рыбе, кунице и обретает в них надежных друзей.

Иногда достоинства одного героя как бы разделены между несколькими персонажами. Так, в абазинской сказке «Три брата» все братья умные и справедливые. Благодаря этому они не только возвращают похищенного у них коня, но и мудро делят наследство между княжескими сыновьями и в награду получают большой надел земли.

В сказках разных народов есть и персонаж, аналогичный русскому «Мальчику с пальчик». Герой еврейской сказки «Мальчик Бёбеле» произошел из фасолины и этим отличается от своих сказочных собратьев. В остальном это такой же озорной, веселый, но в то же время умный и добрый мальчик, как и в сказках других народов.

Герой волшебной сказки наделен лучшими человеческими качествами. Но даже он никогда бы не смог добиться поставленной цели, если бы у него не было чудесных помощников, таких, как красавица из калмыцкой сказки «Три брата». Нередко ее красота заставляет терять разум не только обычного человека, но и чудовищного дэва: «Как взглянул дэв на красавицу, так и ослеп от ее красоты, вмиг истаял и дух испустил». Но еще больше ценит народ в героине волшебной сказки доброту, решительность характера, готовность прийти на помощь, умение вести хозяйство,

смекалку. Особенно отмечаются в сказке чудесные способности героини — такие, как понимание языка птиц и зверей.

Вместе с тем сказка сурово осуждает героиню, когда она проявляет коварство по отношению к герою, жестокость к окружающим, когда она груба и ленива (как мачехина дочка в лакской сказке «Заза, красная коровушка»).

Как видим, волшебные сказки разных народов все вместе воссоздают идеальный, по народным представлениям, образ женщины, обладающей не только прекрасной внешностью, но и добрым характером, умом, к тому же хорошей хозяйки и верной помощницы своего жениха или мужа.

Чудесными помощницами сказочного героя нередко выступают встретившиеся на пути героя старухи (белорусская сказка «Мудрая девушка», карельская «Черная уточка», абхазская «Сантá Сааджá и Сафá Сааджá» и др.). Нередко это не простая старуха, а старуха-великанша, мать враждебных герою чудовищ-дивов. В таком случае она заставляет своих сыновей помочь герою достичь цели. Помощниками героя бывают и враждебные, но побежденные им чудовища.

Нередко на помощь герою волшебной сказки приходят люди, наделенные необыкновенными способностями, которые могут выплывать море, передвигать горы, слушать землю — такие, как Обьедало и Опивало из украинской сказки «Летучий корабль».

Среди помощников-животных одно из центральных мест принадлежит коню. Нередко наделенный даром человеческой речи, конь бывает мудрым советчиком своего хозяина.

В роли чудесных помощников сказочного героя бывают и необычные существа — солнце, его мать, а также языческие боги — Торá (верховное божество), Пихамбáр — покровитель домашнего скота и повелитель волков, Пюлехсé — божество, раздающее блага (чувашская сказка «Как крестьянский сын за солнце работал»).

Богатырская сила и чудесные помощники необходимы герою волшебной сказки для того, чтобы одолеть самых разных врагов — чудовищ, змей, ведьм, чертей и просто великанов.

И богатырь всегда побеждает врага, как бы силен, могуч, коварен он ни был.

В волшебных сказках не только излагается ход сказочных событий, но и даются подробные описания богатырских поединков, выносливости коня, женской красоты, отличающиеся особой выразительностью.

На протяжении столетий в волшебной сказке отражались представления самых разных исторических эпох, в ней отразились и современные представления, и черты современного быта, что, однако, ничуть не лишает волшебную сказку ее неповторимого очарования.

Если в волшебной сказке действие происходит в фантастической обстановке, а герой добивается поставленной цели или побеждает своего врага с помощью чудесных помощников и предметов, то в бытовых и авантюрных сказках борьба противостоящих сил — добра и зла, — в самых разнообразных их проявлениях, происходит на фоне реальных и бытовых отношений. Это не случайно; в отличие от волшебной, бытовая сказка максимально связана с действительностью, с реальными человеческими проблемами.

Тематика бытовых сказок разнообразна, но их герои активно выступают против всякой несправедливости, против различных человеческих пороков, прежде всего таких, как лень, глупость, жадность. Так, отец героя кабардинской сказки «Трудовые деньги» все-таки приучил своего ленивого сына работать и ценить деньги, полученные за тяжелый труд. Замечу кстати, что о необходимости много и хорошо работать говорится не только в бытовых, но и в сказках о животных. Пример тому — белорусская сказка «Легкий хлеб». Таким образом в сказке утверждаются этические идеалы народа, его представления о совершенном человеке.

Во многих бытовых сказках высмеивается человеческая глупость: такова, например, черкесская сказка «Кто же из них глупее?» или вепсская «Двенадцать умных братьев».

Осуждая различные человеческие пороки, бытовая сказка вместе с тем воспекает и прекрасные человеческие достоинства — прежде всего ум, находчивость, трудолюбие, особенно трудолюбие, ум и находчивость женщины. В курдской сказке «Чья работа труднее» наглядно и с юмором рассказывается о нелегком труде женщин, который они выполняют как бы шутя; героиня кумыкской сказки «Пеймá-ханум» трижды

устыдила старшину, который возомнил себя чересчур умным и стал задавать людям невыполнимые задачи. В балкарской сказке «Счастье, ум и богатство» убедительно показано, что человеку, лишившемуся ума, не поможет ни счастье, ни богатство.

Важная особенность бытовых сказок состоит в том, что о вещах очень серьезных и важных в них говорится весело, с юмором, отчего они звучат особенно убедительно.

В центре бытовой сказки в большинстве случаев — бедняк, старый дом которого полон ребятишек, а все богатство — паршивая лошаденка да захудалая корова. Однако, как правило, едва сводящий концы с концами бедняк не только не унывает, но еще и демонстрирует свое превосходство над глупыми, кичливыми, своевольными богачами. В бытовых сказках разных народов выступают лукавые озорники, в образах которых воплощено остроумие и жизнерадостность простого труженика, чей уничтожающий смех оказывается сильным оружием в борьбе против зла.

В отличие от героя волшебной сказки он не прибегает к помощи чудесных помощников. Если же ему и нужна помощь, то он получает ее от реальных людей — жены, невесты, верного друга. Героиня бытовой сказки — это не изнеженная красавица, а трудолюбивая и мудрая женщина, которая делит с мужем все ежедневные заботы, поддерживает его мудрым советом или прощает ему любые проступки.

В бытовой сказке часто низкорожденному справедливому герою противостоят жадный и спесивый барин, который загадывает герою трудные загадки, купцы, бессовестно обманывающие народ, жестокий хан и несправедливый судья, глупый и легионерный князь.

Общие для всех этих персонажей черты — глупость, самодовольство, жадность, самодурство, вседозволенность, из-за которых они, как правило, бывают посрамлены. В бытовых сказках отчетливо звучит протест против несправедливости, мечты о лучшей жизни, без унижения одного человека другим.

В отличие от волшебных сказок, в большинстве своем бытовые сказки невелики по объему — в них обычно один сюжет, действие которого развивается динамично. Он отли-

чается обилием невероятных сюжетных ситуаций, неожиданностью поворотов, иногда странными поступками персонажей и завершается разрешением конфликта.

Смешная, веселая бытовая сказка заставляет людей задуматься над очень серьезными вещами, а значит, воспитывает, причем не только на положительных, но и на отрицательных примерах.

Характерная черта бытовых сказок — их сатирическая направленность. Элементы сатиры находим и в сказках о мудрых ответах, известных разным народам. В них дочь бедняка всегда оказывается умнее и находчивее глупого и самоуверенного правителя.

Бытовые сказки всегда пользовались большой популярностью у слушателей и читателей.

Наряду с волшебными и бытовыми в этой книге представлены и сказки о животных. Это — древнейший пласт сказочного эпоса, в котором широко отразились представления и верования людей далекого прошлого.

Мы знаем, что животные нередко бывают персонажами и волшебных сказок. И в волшебной, и в сказке о животных выступают практически одни и те же животные, звери и птицы. Различается же их роль в сказочном повествовании и, соответственно, их характеристики. Если в волшебной сказке животные обычно бывают чудесными помощниками героя, то в эпосе о животных они бывают главными действующими лицами.

В основе сказок о животных лежит, как правило, рассказ о встрече различных животных, реже — животных и человека. Но человек в этих сказках никогда не играет главной роли, хотя во многих случаях он обнаруживает явное преимущество даже перед самыми могучими представителями животного мира.

Круг животных, действующих в этих сказках, необыкновенно широк. И это понятно, ибо он включает в себя тех многочисленных животных и зверей, с которыми приходится сталкиваться жителям и знойного юга, и Крайнего Севера, и средней полосы России, Северного Кавказа и Закавказья. Примечательно, что характерные особенности того или иного животного не только переходят из сказки в сказку в фоль-

клоре одного народа, но и являются общими или сходными в сказках разных народов нашей страны.

Так, например, лиса всегда характеризуется как хитрая, лицемерная, угодливая и вместе с тем корыстолюбивая. Волк во многих случаях олицетворяет глупость и самоуверенность; наделенный обычно и силой и выносливостью, он нередко терпит поражение от зверей и животных, которые на первый взгляд во многом ему уступают.

Медведь, как и волк, во многих сказках неповоротлив, глуп или до глупости доверчив, за что бывает наказан, причем иногда очень жестоко.

И еще тигр, лев, медведь, волк, лиса ассоциируются обычно с властью имущими, с угнетателями, домашние животные нередко олицетворяют угнетенных. В сказках, где фигурируют домашние животные, как правило, утверждается и побеждает добро.

В сказках многих народов животные действуют в бытовой сфере и ведут себя как люди. В азербайджанской сказке «Как голубь учился гнездо вить», например, высмеиваются самоуверенные люди, которые не доводят начатое дело до конца; адыгейская сказка «Как старый кот обратился в хаджи» учит, что нельзя верить старому врагу, если даже он притворяется твоим другом.

Сказки о животных возникли в глубокой древности, когда человек, добывая диких животных или приручая их, хорошо изучил их повадки, их характер. Эти наблюдения и легли в основу разных сказок о животных, которые в течение многих веков впитывали опыт многих поколений, шлифовались. Со временем эти сказки стали своеобразной энциклопедией, по которой дети познакомились с богатым и разнообразным миром животных.

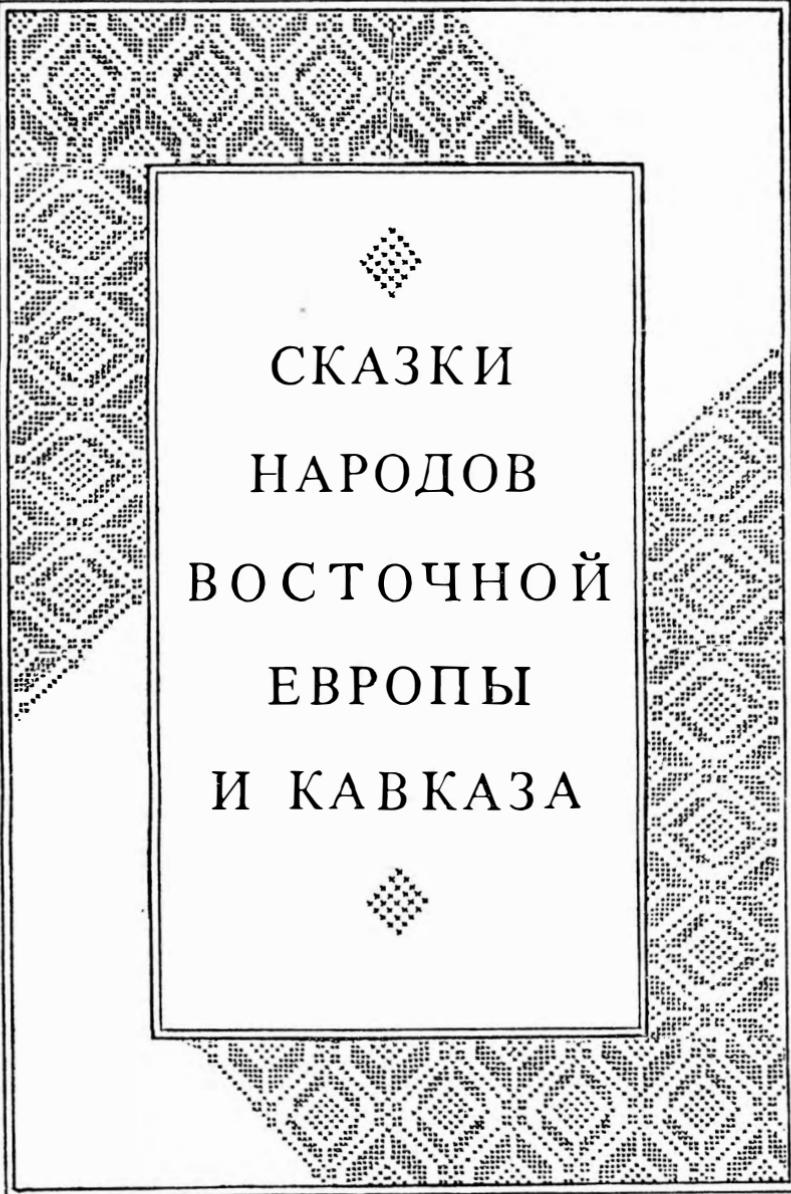
Сказки о животных — одно из наиболее поэтических ярких явлений фольклора любого народа. Их отличает краткий, стремительно развивающийся сюжет, а главное — в выразительных и легко запоминающихся диалогах. И не случайно очень велик интерес детей к сказкам о животных, поэтому они всегда широко использовались при воспитании подрастающего поколения, на наглядных примерах утверждали победу добра, справедливости, разума.

Создатели народных сказок на протяжении столетий жили трудно — они тяжелым трудом добывали себе пропитание, в неравной борьбе, плохо вооруженные, охотились на животных, с помощью примитивных орудий труда растили хлеб, испытывали гнет власть имущих. Но они всегда верили в то, что наступит справедливая, светлая жизнь, и эта вера звучит в сказках.

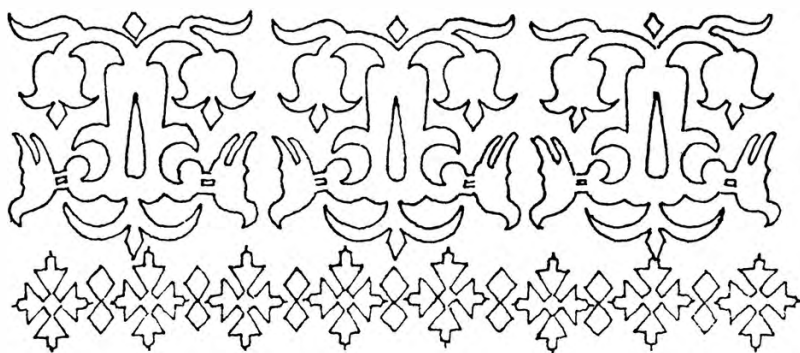
А самое главное — «сказка-складка» — сказка любого народа сложена так складно, что она доставляет истинное наслаждение и маленьким детям, которые безоглядно верят ее каждому слову, и взрослым, которые четко отделяют вымысел от правды, но тем не менее продолжают любить эти нехитрые на первый взгляд повествования.

А. Алиева

СКАЗКИ
НАРОДОВ
ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ
И КАВКАЗА

ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ

Украинская сказка

или старик со старухой, было у них три сына: двое — умных, а третий — дурачок. Умных они и жалеют, каждую неделю старуха им чистые рубахи дает, а дурачка все ругают, смеются над ним, а он знай себе на печи в куче проса сидит в грязной рубашке, без штанов. Коль дадут — поест, а нет — то и голодает. И вот прошел на ту пору слух: так, мол, и так — прилетел царский наказ к царю на обед собираться, и кто построит такой корабль, чтоб летал, да на том корабле приедет, за того царь дочку выдаст.

Вот умные братья советуются:

— Пойти бы, пожалуй, и нам, может, там наше счастье.

Пораздумали, у отца-матери просят.

— Пойдем мы,— говорят,— к царю на обед: потерять ничего не потеряем, а может, там наше счастье.

Отец их отговаривает, мать отговаривает — нет!

— Пойдем, да и все! Благословите нас в путь-дорогу.

Старики, нечего делать, благословили их в дорогу; надавала им старуха белых паляниц*¹, зажала поросенка, фляжку горилки* дала, пошли они.

А дурень сидит на печи и тоже просится.

— Пойду,— говорит,— и я туда, куда братья пошли!

— Куда уж тебе, дурню, идти? — говорит мать.— Да тебя там волки съедят!

— Нет,— говорит,— не съедят, пойду!

Старики поначалу над ним смеялись, а потом и бранить начали. Так нет! Видят, что с дурнем ничего не поделаешь, и говорят:

— Ну, ступай, да чтоб назад не возвращался, нашим сыном не назывался.

Дала ему мать тóрбу*, наложила туда черного черствого хлеба, фляжку воды дала и выпроводила его из дому. Он и пошел.

Идет и идет, вдруг встречает по дороге деда. Такой седой дедуня, борода вся белая, до самого пояса.

— Здравствуйте, дедушка!

— Здорово, сынок!

— Куда, дедушка, идете?

А тот и говорит:

— Хожу я по свету, людей из беды выручаю.

А ты куда?

— К царю на обед.

¹ Объяснение слов, помеченных звездочкой, см. на с. 663.

— А ты разве умеешь такой корабль смастерить, чтобы сам летал? — спрашивает дед.

— Нет, — говорит, — не умею!

— Так чего ж ты идешь?

— А Бог его знает, — говорит, — чего! Потерять ничего не потеряю, а может, где там мое счастье закатилось.

— Так садись, — говорит, — отдохни маленько, пополудничаем. Доставай-ка, что у тебя там в торбе.

— Эх, дедусь, нет у меня ничего, один только черствый хлеб, вы такой и не укусите.

— Ничего, доставай!

Вот дурень достает, глядь — а из того черного хлеба да такие белые паляницы сделались, каких он отродясь и не едал: прямо сказать, как у панов.

— Ну что ж, — говорит дед, — как же, не выпивши, полдничать? А нет ли там у тебя в торбе горилки?

— Да где ж она у меня возьмется? Есть только фляжка с водой.

— Доставай! — говорит.

Достал он, отведали, а там такая горилка сделалась!

— Ишь, — говорит дед, — как Бог дураков-то жалует!

Вот разостлали они на траве свѣтки*, уселись и давай полдничать. Закусили хорошенько, поблагодарил дед дурня за хлеб да за горилку и говорит:

— Ну, слушай, сынок, ступай теперь в лес, подойди к дереву и, трижды перекрестясь, ударь топором по стволу, а сам поскорей падай ниц и лежи, пока тебя не разбудят. Вот корабль тебе и построится, а ты садись на него и лети, куда тебе надо, и забирай по пути всякого встречного.

Поблагодарил дурень деда, распрощались они.

Дед пошел своей дорогой, а дурень в лес направился.

Вот приходит в лес, подошел к дереву, стукнул топориком, упал ниц и уснул. Спал-спал, вдруг спустя некоторое время слышит — кто-то будит его.

— Вставай, твое счастье уже спелое, подымайся!

Дурень проснулся, видит: стоит корабль, сам золотой, мачты серебряные, паруса шелковые, так и надуваются, только лететь!

Вот, не долго думая, сел он на корабль, снялся корабль и полетел... И полетел ниже неба, выше земли, что и глазом не видеть.

Летел-летел, вдруг видит: на дороге припал человек к земле ухом и слушает. Он и крикнул ему:

— Здорово, дядько!

— Здорово, голубчик!

— Что ты делаешь?

— Да вот слушаю,— говорит,— собрались ли уже к царю на обед люди.

— А ты разве туда идешь?

— Туда.

— Садись со мной, я тебя подвезу.

Тот и сел. Полетели.

Летели-летели, глядь: человек на дороге — одна нога к уху привязана, а на другой скачет.

— Здорово, дядько!

— Здорово, милый!

— Чего ты на одной ноге скачешь?

— Да вот, если б я,— говорит,— отвязал другую, то за один шаг весь бы свет обошел. А я,— говорит,— не хочу.

— Куда ж ты идешь?

— К царю на обед.

— Так садись с нами.

— Дóбре.

Тот сел, опять полетели.

Летели-летели, глядь — стоит на дороге охотник, из лука нацеливается, а нигде ничего не видать — ни птицы, ни зверя.

Дурень крикнул:

— Здорово, дядько! Куда ты целишься, коль не видно ни птицы, ни зверя?

— Так что ж, что не видно? Это вам не видно, а мне-то видать!..

— Где ж ты ее видишь?

— Э, да там вон за сто миль, на сухой грушке сидит!

— Садись с нами!

Он и сел. Полетели.

Летели-летели, вдруг видят: идет человек, несет за спиной полный мешок хлеба.

— Здорово, дядько!

— Здорово!

— Куда ты идешь?

— Иду,— говорит,— хлеб на обед добывать.

— Да у тебя и так полон мешок!

— Да что этого хлеба! Мне и на один раз поесть не хватит.

— Садись с нами!

— Добре!

Сел и тот. Полетели.

Летели-летели, глядь — бродит у озера человек, будто что ищет.

— Здорово, дядько!

— Здорово!

— Чего ты тут ходишь?

— Пить,— говорит,— хочется, да вот никак воды не найду.

— Да перед тобой же целое озеро — чего ж ты не пьешь?

— Эх, да что этой воды! Мне ее и на один глоток не хватит.

— Так садись с нами!

— Добре.

Сел он. Полетели.

Летели-летели, вдруг видят: идет в село мужик и несет мешок соломы.

— Здорово, дядько! Куда ты солому несешь?

— В село,— говорит.

— Вот так так! Да неужто в селе соломы нету?

— Есть,— говорит,— да не такая!

— А это какая же?

— Да такая,— говорит,— какое бы жаркое лето ни было, а разбросай ее — и вмиг, откуда ни возьмись, мороз и снег будут.

— Садись с нами!

Тот сел, и полетели дальше.

Летели-летели, вдруг видят: идет мужик в лес и вязанку дров за плечами тащит.

— Здорово, дядько!

— Здорово!

— Куда ты дрова несешь?

— В лес.

— Вот так так! Неужто в лесу дров нету?

— Как нету? Есть,— говорит,— да не такие.

— А это какие ж?

— Там простые, а это такие: только их разбросать — и враз, откуда ни возьмись, войско перед тобой явится!

— Садись с нами!

Согласился и этот, сел, и полетели.

Долго ли, коротко ли летели, прилетают к царю на обед. А там посреди двора столы поставлены, понакрыты, бочки с медом, вином стоят — пей, душа, ешь, душа, чего пожелаешь! А людей, прямо

сказать, с полцарства сошлось: старые и малые, паны и богачи и старцы убогие, как на ярмарку. Прилетел дурень с товарищами на том корабле, спустился у царя перед окнами, вышли они из корабля, обедать пошли.

Глянул царь в окно, а там на золотом корабле кто-то прилетел, и говорит он слуге:

— Ступай да спроси, кто на золотом корабле прилетел?

Пошел слуга, посмотрел, приходит к царю.

— Какое-то,— говорит,— мужичье, оборванцы!

Царь не верит.

— Да как же это,— говорит,— возможно, чтоб мужики да на золотом корабле прилетели! Ты, наверное, плохо расспрашивал.

И пошел сам к людям.

— Кто тут,— спрашивает,— на этом корабле прилетел?

Выступил дурень.

— Я,— говорит,— ваше величество.

Царь как поглядел, что на нем свиточка — латка на латке, а на штанах дыры — колени повылезли, так за голову и схватился: «Как же я свою дочь да за такого холопа выдам!»

Что тут делать? И решил ему задачи задавать.

— Ступай,— говорит слуге,— да объяви ему, что хотя он и на корабле прилетел, а если не добудет воды целящей и живящей, пока гости пообедают, то не то что царевны не отдам, а вот мой меч — его голова с плеч!

Слуга и пошел.

А Слухало и услышал, что царь говорил, и рассказал о том дурню. Сидит дурень на лавке (скамьи такие вокруг столов устроены) и печалится — не ест, не пьет. Увидал это Скороход.

— Почему,— спрашивает,— не ешь?

— Да где уж мне есть! И в рот не лезет.

И рассказал, так, мол, и так:

— Задал мне царь, чтобы я, пока гости отобедают, добыл воды живящей и целящей. А как я ее добуду?

— Не горюй! Я тебе достану!

— Ну, смотри!

Приходит слуга, дает ему царский наказ, а он уже давно знает, как и что.

— Скажи,— говорит,— что принесу!

Вот слуга ушел.

Скороход отвязал ногу от уха да как двинулся, так враз и набрал воды живящей и целящей.

Набрал, утомился. «Пока там,— думает,— обед, я успею еще вернуться, а сейчас посижу у мельницы да отдохну маленько».

Сел и уснул. Гости уже обед кончают, а его все нету. Сидит дурень ни жив ни мертв.

«Пропал!» — думает.

А Слухало приложил к земле ухо и давай слушать. Слушал, слушал.

— Не горюй,— говорит,— возле мельницы спит, собачий сын!

— Что ж нам теперь делать? — спрашивает дурень.— Как бы его разбудить?

А Стрелок и говорит:

— Не бойся: я разбужу!

И как натянул лук, как выстрелил — стрела напрямик в мельницу ударилась, так щепки и полетели... Проснулся Скороход — поскорей туда! Гости только обед кончают, а он уже воду несет. Что тут делать царю? Давай другую задачу задавать.

— Ступай,— говорит слуге,— объяви ему: коли съест со своими товарищами за один присест шесть пар волов жареных да столько хлеба, сколько в сорока печах будет напечено, тогда,— говорит,—

отдам за него дочь. А не съест, вот мой меч — его голова с плеч!

А Слухало и подслушал, да и рассказал о том дурню.

— Что ж мне теперь делать? Я и одного-то хлеба не съем! — говорит дурень и опять загрустил, чуть не плачет.

А Обьедало и говорит:

— Не плачь! Я за всех вас поем, да еще и не хватит.

Приходит слуга: так, мол, и так.

— Ладно, — говорит, — пускай дадут!

Вот зажарили двенадцать быков, напекли сорок печей хлеба. И как начал есть Обьедало — все дочиста поел и еще просит.

— Эх, — говорит, — мало! Хоть бы еще немного дали!

Видит царь, что он такой, опять задачу задает, чтобы сорок сороковых бочек воды залпом выпил да сорок сороковых вина, а не выпьет: «Вот мой меч, а его голова с плеч!»

Подслушал Слухало, рассказал. Плачет дурень.

— Не плачь! — говорит Опивало. — Я, — говорит, — один выпью, да еще маловато будет.

Вот выкатили им по сорок сороковых бочек воды и вина. И как начал пить Опивало, все дочиста выдул да еще посмеивается.

— Эх, — говорит, — маловато. Еще бы выпил!

Видит царь — ничего с ним не поделаешь, и думает: «Надо его, вражьего сына, со свету сжить, а то он моей дочерью завладеет!» И посылает к дурню слугу:

— Поди объяви, что велел-де царь, чтоб перед венцом в баню сходил.

А другому слуге наказывает пойти и сказать, чтобы баню чугунную натопили: «Уж теперь он,

такой-сякой, сжарится!» Натопил истопник баню, так и пышет... самого черта можно зажарить!

Сказали дурню. Вот идет он в баню, а за ним Морозко следом идет с соломой. Только вошли в баню, а там такая жарница, что прямо невозможно! Разбросал Морозко солому — и враз стало так холодно, что дурень еле обмылся, да поскорей на печь, там и заснул — намерзся-таки здорово! Отворяют утром баню, думают — от него один только пепел остался, а он лежит себе на печи; они его и разбудили.

— Ох, — говорит, — как крепко я спал! — да и вышел из бани.

Доложили царю: так, мол, и так — на печи спал, а в бане так холодно, будто целую зиму не топлено. Крепко опечалился царь: что тут делать? Думал-думал, думал-думал...

— Ну, — говорит, — коль выставит мне к завтраму целый полк войска, уж выдам тогда за него свою дочь, а не выставит: мой меч — его голова с плеч!

А у самого на уме: «Где уж простому мужику полк войска добыть? Я царь, да и то!..»

Вот и отдал приказ.

А Слухало подслушал, да и рассказал о том дурню. Сидит опять дурень, плачет: «Что мне теперь делать на свете? Где мне столько войска добыть?»

Идет на корабль к товарищам:

— Ой, братцы, выручайте! Не раз из беды выручали, и теперь выручите! А не то я пропал!

— Не плачь! — говорит тот, что дрова нес. — Я тебя выручу.

Приходит слуга.

— Наказал, — говорит, — царь, что, коль выставишь целый полк войска завтра утром, тогда царевна твоя!

— Ладно, будет сделано! — говорит дурень. — Только скажи царю, коль не отдаст и теперь, то я на него войной пойду и силой царевну возьму.

Вывел товарищ ночью дурня в поле и понес с собою вязанку дров. И давай их в разные стороны раскидывать: что ни кинет — то и человек! И набралось столько войска, что Боже ты мой!.. Просыпается наутро царь, слышит: играют. Спрашивает:

— Что это так рано играют?

— Да это, — говорят, — тот, с золотого корабля, свое войско муштрует.

Понял тогда царь, что ничего не поделаешь, велел позвать его к себе.

Приходит слуга, просит. А дурень сделался такой, что его и не узнать: одежда на нем так и сияет, шапочка казачья, золотая, а сам такой красавец, что Боже ты мой! Ведет он свое войско, сам впереди на коне вороном, а за ним старшина.

Подступил ко дворцу.

— Стой! — крикнул.

Войско в ряды построилось — все, как один.

Пошел во дворец. Царь его обнимает, целует:

— Садись, зятюшка мой любезный!

Вышла и царевна. Как увидала — так и засмеялась: какой у нее муж пригожий будет!

Вот их поскорей обвенчали да такой пир задали, что аж до самого неба дым взвился... да на облаке и остановился.

И я с того пира шел да как глянул на облако, так и упал. А упал, так и встал. Вы прбсите сказку сказать, вот я рассказал — ни длинную, ни короткую, а вот так, как от вас до меня. И еще б рассказал, да больше не умею.

ЭГЛЕ

Литовская сказка

днажды вечером три сестры купались в озере.

Вот они наплавались, наплескались и вышли на берег.

Две старшие оделись, а младшая — ее Эгле звали — только руку протянула к рубашке, вдруг кто-то как зашипит на нее!

Посмотрела Эгле — это уж забрался в рукав.

— Уходи прочь! — закричала девушка.

— Пообещай, что пойдешь за меня замуж, уйду, — сказал уж человеческим голосом.

Эгле рассердилась, а сестры смеются.

— Чем не жених тебе! — говорят. — Соглашайся, сестрица.

И побежали домой.

Осталась Эгле одна на берегу. Солнце зашло, совсем стемнело. Страшно Эгле, да как без рубашки домой пойдешь?

— Милый уж, отдай рубашку! — просит она.

А уж все свое твердит:

— Назовись моей невестой.

— Ну ладно, — крикнула Эгле, — будь по-твоему!

Уж выполз из рукава. А Эгле схватила рубашку и скорей за сестрами.

На другое утро села Эгле у окошка пряжу прасть. Сидит прядет, песни поет. Про ужа и думать забыла. Вдруг слышит — во дворе зашур-

шало, зашипело. Глянула девушка в оконце, да так и обмерла со страха.

Полон двор ужей! Шипят, извиваются. А три самых больших, самых толстых вползли на порог, в щелку под дверь — в дом проскользнули.

Эгле — скорей из комнаты да в клеть*. Забилась в уголок, дрожит от страха.

А уж говорят отцу с матерью:

— Пришли мы сватами от самого царя озерных вод. Снаряжайте вашу младшую дочь. Она за нашего господина обещала замуж пойти.

Что тут делать! Пусть хоть царь, а все равно гад ползучий, уж холодный, — как за такого любимую дочь отдать! Но и отказать нельзя — сама девушка слово дала.

Как раз в ту пору у них старуха соседка гостила. Та старуха и говорит потихоньку отцу с матерью:

— Отдайте вместо дочери белую гусыню. Где ужам разобрать!

Отец с матерью так и сделали. Вынесли белую гусыню и говорят сватам:

— Вот наша младшая дочь. Везите поскорее невесту к жениху.

Ужи посадили белую гусыню в корыто и повезли ее со двора. Только подъехали к воротам — слышат, кукушка на заборе кукует:

Ку-ку, ку-ку!
Девушку припрятали,
Гусыню сосватали.
Ку-ку!

Воротились уж и в дом, зашипели, засвистели — подавай им настоящую невесту.

Опять старуха соседка шепчет отцу с матерью:

— Выведите им белую овечку.

Мать с отцом привели белую овечку.

— Не хотелось с дочкой расставаться,— говорят,— да что поделаешь! Берите ее, ведите к жениху.

Ужи повели белую овечку. Полдороги прошли, как вдруг с дерева опять кукушка закуковала:

Ку-ку, ку-ку!
Девушку припрятали,
Овечку сосватали.
Ку-ку!

Приползли сваты назад.

— Нет,— говорят,— не та невеста.

А старуха соседка все учит:

— Отдайте узам белую корову.

Привели белую корову, алой лентой ей шею обвили, отдали сватам. Ужи погнали по проселку белую корову, до самого большака довели. А там в кустах кукушка сидит, по-кукушечьи говорит:

Ку-ку, ку-ку!
Девушку припрятали,
Корову сосватали.
Ку-ку!

Воротились сваты, говорят:

— Мы к вам с честью, а вы вот как! Три раза нас обманули! Смотрите, в четвертый обманете — не миновать вам беды. Зубами изгрызем мы ваши деревья в садах, хвостами побьем посевы на полях.

Эгле услышала эти слова и вышла к сватам.

— Я,— говорит,— слово дала, я и отвечаю. Ведите меня к жениху.

Сваты по дороге ползут, за сватами Эгле идет,

за Эгле ужи в пыли вьются — невесту к жениху провожают. А кукушка за ними летит, по-кукушечьи говорит:

Вот это невеста!
Умна и прелестна,
Стройна, точно елка,
Кудри — как из шелка!

Подошли к озеру. Вода в озере запенилась, забурлила и отхлынула от берега. А на прибрежном песке юноша появился — статный, красивый, в богатой одежде.

— Я жених твой,— сказал Эгле юноша.— Зовут меня Жалтис. Для других людей я уж, а для тебя, девушка, сбросил я змеиную кожу, тебе одной открыл свое имя. Полюбишь меня, красавица?

— Полюблю,— сказала Эгле,— буду тебе верной женой.— И пошла за женихом в подводное царство.

С тех пор девять лет минуло. Эгле родила своему мужу двух сыновей и дочку. Хорошо жилось Эгле. И дети удались ласковые, послушные, и муж ее любил и берег. Только вот затосковала Эгле по родному дому. Стало ей подводное царство не мило, захотелось на отца с матерью поглядеть, ласковым словом с братьями перекинуться, с сестрами за прялкой песни спеть. Просит она мужа:

— Отпусти меня, Жалтис, домой погостить, отцу с матерью показать наших деток.

А Жалтис не отпускает.

— Разве плохо тебе в подводном царстве? — спрашивает ее.

— Нет, хорошо,— отвечает Эгле,— да плоха та дочь, что отца и мать своих забудет навеки.

— Ну, будь по-твоему,— говорит Жалтис.—

Отпущу тебя, только прежде спряди ты мне золотую кудель*.

Эгле села за пряжу. День прядет, другой прядет, а кудель все не убывает, будто даже больше становится. А старая нянюшка, которая младшую дочку нянчила, поглядела, как Эгле пряжу прядет, покачала головой и говорит:

— Хоть до моих лет доживешь, и то тебе не спрясть всей кудели.

— А что же, нянюшка, делать? — спрашивает Эгле.

— А ты накали спицу в огне да и проткни ею кудель.

Взяла Эгле спицу, накалила и только воткнула в кудель — вдруг выскочила из клубка большая жаба. Эта жаба в кудели сидела и выпускала изо рта золотые нити. Эгле с одного конца пряжу пряла, а с другого конца кудель еще длиннее становилась. Ну, а теперь Эгле всю кудель в одну ночь спряла.

Наутро приносит она мужу пряжу и говорит:

— Что ты велел, то я исполнила. Исполни и ты, что обещал.

— Хорошо, — ответил Жалтис, — я от своих слов не отказываюсь. Отпущу тебя к матери и отцу, когда ты эти башмаки сносишь.

Жалтис достал из-под лавки железные башмаки и подал их жене. Обула Эгле железные башмаки. С утра до вечера ходит по острым камням, на скалы взбирается, а на железной подошве хоть бы царапина!

Нянюшка смотрит на нее и головой качает:

— Зря себя, доченька, мучишь. Сто лет проживешь — сто лет башмаки целы будут.

— Научи, нянюшка, что делать! — просит Эгле.

— Снеси кузнецу и вели их в горн бросить.

Так Эгле и сделала. Кузнец перекалил железо в

горне — стало оно ломкое да хрупкое, что стекло.
В один час износила Эгле башмаки.

Приходит она к мужу и говорит:

— Теперь отпустишь?

— Отпущу,— говорит Жалтис.— Только как же ты без заячьего пирога в родном доме покажешься? Смотри, осудят тебя люди — загордилась, скажут.

Тут Эгле и вспомнила. Еще когда она маленькой была и случалось отцу с матерью куда-нибудь из дому уезжать, никогда они с пустыми руками не возвращались. Привезут пирог, всех детей куском оделят и притом такие слова скажут: «По дороге шли, в заячий домик зашли, заяц нам пирог испек, вот и вам кусок». Так по всей Литве исстари велось. Стыдно стало Эгле, что дедовский обычай забыла, и побежала печь пирог. А муж потихоньку все ведра и горшки припрятал, одно решето оставил. Как в решете воду носить, как тесто месить? Вода прольется, мука просыплется.

Но и тут старая нянюшка помогла. Она взяла ржаного хлеба и залепила дырки. Эгле замесила в решете тесто — ни капельки воды не пролила, ни горсточки муки не просыпала.

Испекла Эгле пирог и стала с мужем прощаться.

Муж ей говорит:

— Больше девяти дней не гости. И смотри, как назад пойдешь, чтобы никто тебя не провожал. Стань на берегу и позови меня так:

Если жив мой друг бесценный —
Забурли, вода проточная,
Из пучины брызни, пена,—
Пена белая, молочная!

Если ж милый мой убит
И в пучине темной плавает —

Над волною закипит
Пена красная, кровавая...

И вы, мои сыновья, и ты, дочь, слово дайте: о чем знаете, людям не рассказывать.

Дали дети слово.

Тут Жалтис обернулся ужом и вынес жену с детьми на берег озера.

Вот радости-то было, когда Эгле со своими детьми в родной дом постучалась!

Отец и мать дочерью да внуками не налюбуются, братья, сестры с Эгле не наговорятся.

Только соседи их дом стороной обходят и говорят:

— Вернулась ужиха с уженятами. Хорошо еще, мужа своего дома оставила. Не было бы от них беды!

Братьям обидно. Стали они сестру уговаривать:

— Откажись от мужа, оставайся с нами навеки. А придет муж за тобой — мы тебя не выдадим.

Эгле отвечает:

— Не дело вы, братья, говорите. Как жене от живого мужа отказаться, как детей родного отца лишить? И не придет муж за мной — я сама, как время поспеет, из вод озерных его вызову.

— А как ты его вызывать станешь?

— Эх, братья, — отвечает Эгле, — не вам его звать, не вам про то и знать. А меня лучше не спрашивайте, все равно не скажу.

А старуха соседка учит братьев.

— Не с той стороны, — говорит, — подступаете. Что мать не скажет — малые дети выболтают.

Вот собрались братья ночью в лес коней пасти и старшего сына Эгле с собой взяли. В лесу коней на зеленую траву пустили, разложили костер и стали у

мальчика выпрашивать, как отца по имени зовут и на какой он зов отзывается.

Ничего им старший сын не сказал. Лаской выпрашивают — отмалчивается, побоями выпытывают — только слезы льет.

— Ну,— говорят братья,— этот в мать пошел, может, с младшим лучше сговоримся.

Утром вернулись они домой. Эгле спрашивает у сына:

— Отчего у тебя, сыночек, глаза красные?

— В лесу костер дымно горел,— отвечает ей сын,— вот глаза и покраснели.

На следующую ночь опять пошли братья в лес коней пасти и зазвали с собой младшего сына Эгле. Да и от него ничего не добились.

Вернулись наутро домой. Эгле глянула на сына и спрашивает:

— Что это, сыночек, и у тебя глаза красные? Не обидели ли тебя дядюшки?

— Нет, не обидели,— отвечает ей сын.— Я всю ночь не спал, коней стерег, вот и покраснели глаза.

И на третью ночь собрались братья в лес. Приласкали они маленькую племянницу и с собой заманили.

Была она у матери с нянюшкой любимым дитятей. Ни кто ее никогда и пальцем не тронул, злого слова не сказал. Вот стали ее дядья выпрашивать да выпытывать. Она в землю глазками уперлась, молчит, только головой качает: «Не знаю я ничего». А как пригрозили ей дядья гибким прутом, она задрожала вся, побелела, как платок, да все и рассказала. И как отцово имя — сказала, и на какой он зов отзывается — открыла. Ну, дядьям только того и надо. Еще пригрозили ей, чтобы она перед матерью и словом не обмолвилась, и отвели ее домой.

А сами захватили косы, пошли к озеру. Сделали они свое злое дело, косы о траву вытерли и воротились назад. Только стали косы в сених вешать, услышала Эгле железный звон, и сжалось у нее сердце.

— Что, братцы,— спрашивает,— вы так рано на работу поднялись?

Братья отвечают:

— Густая трава по утренней росе ровнее ложится.

А Эгле все душой беспокойна. В тот же день собралась она назад, к мужу. У порога с матерью и отцом попрощалась, у ворот сестер, братьев обняла — никому провожать себя не позволила.

Подошла она с детьми к озеру, стала на бережку и сказала, как муж ее научил:

Если жив мой друг бесценный —
Забурли, вода проточная,
Из пучины брызги, пена,—
Пена белая, молочная!

Если ж милый мой убит
И в пучине темной плавает —
Над волною закипит
Пена красная, кровавая...

Тут всколыхнулись озерные воды, пеной вспенились. Да не белая пена на волнах качается, не белая, как молоко, а красная, как кровь. И со дна голос слышался:

В час туманный,
В час рассветный
Я людьми загублен злыми.
Дочка милая,
Зачем ты
Назвала отцово имя?

Заплакала, зарыдала Эгле. Потом обернулась к детям и сказала:

— Нет у вас ласкового отца, нет у меня любимого мужа. Никто нас в подводном царстве не приветит, а под одним кровом со злыми убийцами нам не жить. Пусть же будет так, как я скажу:

Сыновья мои родные,
Вы сдержали слово твердо —
В дуб и ясень превратитесь,
Не сгибаясь, стойте гордо.

Ты же, маленькая дочка,
Не сильна в беде душою,
Стань пугливою осиною,
Трепещи всегда листвою.

Мне же елью стать печальной,
Стать угрюмой, темной елью,—
Лить потоки слез янтарных,
По ночам стонать с метелью.

И как сказала, так и случилось: старший сын превратился в дуб высокий, младший — в ясень, а дочь — в трепетную осину.

Сама Эгле обернулась темной елью.

С тех пор и повелись на земле ель, дуб, ясень и осина. Печальной вдовой клонит ель свои ветви долу. Чуть дохнет ветер — дрожат, точно от страха, мелкие листочки осины. А у дуба и ясеня стволы крепкие и твердые, как сердце верного человека. А почему это так, только тот и знает, кто слышал от дедов про бедную Эгле и про ее детей.

СЕДУН

Сказка коми

ил-был крестьянин. Было у него три сына: старший — Васильей, средний — Пёдор и младший — Иван. Был Иван седуном, с печи не слезал, все сидит там, бывало, да глину колупает. А два других брата — те не глупые, толковые. Вот заболел как-то отец, совсем ослабел. Позвал сыновей, говорит:

— Ну, сыновья мои, видно, помирать мне пришла пора, не поправлюсь уже. Похороните меня, а потом три ночи навещайте могилу. В первую ночь пусть Василей придет, во вторую — Педор, а после и ты приходи, Седун.

Так простился отец с сыновьями, да тут же и отошел. Похоронили они его честь по чести. Наступил вечер, пора идти на могилу старшему сыну. Василей и говорит:

— Не сходишь ли ты, Седун, на могилу отца вместо меня? Я куплю тебе за то красную рубаху.

— Ладно, схожу, — согласился Седун.

Давно он заглядывался на красную рубаху. Собрался не мешкая и пошел.

Проспал ночку на могиле отца Седун, а утром отец подарил ему красного красавца коня. Доволен Седун. Отвел скорей коня к ручью, сам же как ни в чем не бывало пошел домой.

Вот вторая ночь приближается, надо идти на кладбище среднему брату — Педору. Вечером просит Педор Седуна:

— Не сходишь ли ты, Иван, вместо меня на могилу? Я справлю тебе за это пару сапог.

— Схожу,— опять согласился Седун.

И на что ему вроде сапоги? Никуда ведь не ходит. Да, видно, надо и ему покрасоваться — пошел.

Проспал Седун вторую ночь на могиле отца, утром получил в подарок серого коня. Седун рад, отвел и этого коня к ручью.

Когда приблизилась третья ночь и настал черед самого Седуна идти на кладбище, он подумал, что теперь уж никто ему за это не заплатит. Поплелся, однако, проспал на могиле отца и третью ночь. Утром отец подарил младшему сыну вороного коня. Отвел Седун и воронка к тому же ручью.

А той стороной правил царь, и было у царя три дочери: Марья, Василиса и Марпида. И пришла им пора выбирать себе женихов. Царь дал девицам по шелковому платку: одной красивый-прекрасивый платок, другой еще краше, а младшей, Марпиде-царевне, самый красивый, весь огнем горит.

Утром вывесила на балкон свой платок старшая дочь.

— Кто достанет платок,— объявили по всему царству,— тому и быть женихом!

Услыхал это народ — со всех сторон ко дворцу потянулся. Братья Седуна тоже засобирались.

«Может, и нам счастье улыбнется!» — думают про себя.

Увидел их сборы Седун, запросился:

— Братья, не возьмете ли и меня с собой?

Те только смеются:

— Куда тебе, дураку! Сидел бы уж на печи.

Запрягли они в сани старую отцовскую клячу и поехали.

А Седун пошел к ручью, кликнул там красного коня и влез ему в ухо.

В одном ухе попарился-помылся, в другом — оделся-обулся и вышел такой красивый да сильный — молодец молодцом!

Вскочил молодец на коня и вскоре догнал своих братьев — они на кляче-то недалеко и уехали. Догнал и, не останавливаясь, только наклонившись, ударил на скаку по уху одного брата, ударил другого и просвистел мимо. Повалились братья на колени.

— Свят, свят,— говорят,— никак, Илья-пророк промчался!

А Седун промчался к цареву дворцу, выше балкона подпрыгнул, но платок оставил, не взял.

Дивится народ:

— Вот ведь может, а не берет!

Наверно, какой-нибудь счастливец и достал потом этот платок, но Седун не видел. На обратном пути он еще раз повстречал своих братьев, опять дал по уху одному и другому. Повалились братья на колени.

— Свят, свят,— говорят,— и верно Илья-пророк, как застращал!

Когда братья домой воротились, Седун на печи лежал — он давно уж прискакал, коня к ручью отпустил, а сам на свое место влез.

— Ну, братцы, что видели-слышали? — спрашивает.

— Ничего не видели,— говорят.— Кто-то снял уж платок, не про нас он, видно... Только Илья-пророк по дороге проскакал мимо, застращал нас сильно.

— А я так никакого грома не слышал. Сидели бы и вы дома — лучше было бы,— говорит Седун.

На другой день средняя дочь вывесила платок.

Братья опять собрались — может, на этот раз повезет. Попросился было Седун:

— Возьмите и меня!

Да они только рассмеялись:

— Молчи уж, дурак, куда ты пойдешь! Лежи себе на печи.

Запрягли свою клячу и поехали.

Слез Седун с печи, пошел к ручью, кликнул другого коня, серого. В одно ухо влез — помылся-попарился, в другом оделся-обулся, опять сильным да красивым молодцом явился. Вскочил на серого коня и поскакал. Как догнал братьев, опять, не слезая с седла, одному дал раз, другому, повалились они на колени.

— Свят, свят! — крестятся. — Илья-пророк промчался, совсем застрашал нас!

А Седун подъехал к балкону, подпрыгнул и опять, как в прошлый раз, не взял платок, только глянул.

Подивились люди:

— Вот ведь каков: мог взять платок, а не снял!

Поскакал Седун обратно. Глядит: братья его все еще к цареву дворцу едут. Опять почтил их Седун затрещинами, повалились они на колени, шепчут:

— Свят, свят! Да ведь в самом деле Илья-пророк!

Скоро ли, не скоро, воротились братья домой. Седун спрашивает с печки:

— Ну, братья, достался ли сегодня платок?

— Не достался нам, кто-то снял уже, — отвечают братья. — Только Илья-пророк скакал мимо, опять нас страшал...

— А я так ничего не слышал, — говорит Седун. — Сидели бы оба дома, никаких страстей не видали бы.

На третий день младшая из сестер Марпида-

царевна вывесила платок. Народ собрался со всего царства — кто только не хотел достать тот платок!

Завидно братьям, говорят:

— Сходим и мы, может, достанется напоследок.

Седун тоже не смолчал на печи:

— Сегодня и я не останусь дома, поеду с вами!

Потом вышел и первый сел в сани. Посмеялись братья, поругали и отговаривать принялись — не вылез Седун из саней.

— Ну, будь по-твоему, — согласились наконец.

Довезли Седуна до ручья и вытолкнули его из саней. Вытолкнули и, посмеявшись, уехали, а Седун остался.

— И то хорошо, что до ручья довели, самому не тащиться, — улыбнулся вслед Седун.

Кликнул третьего — вороного коня, в одно ухо влез — попарился-помылся, в другом — оделся-обулся, такой молодец стал, статный да красивый. Вскочил на коня и помчался. Ох и досталось от него братьям! Оглянулся, отъехав, — они все еще на коленях стоят, подняться не смеют...

— Свят, свят! — шепчут. — Илья-пророк проскакал, страху нагнал...

Подъехал Седун ко дворцу, разогнал коня, тот прыгнул выше крыши, и только когда опускался, снял Седун платок у Марпиды-царевны.

— Ой, ловите, ловите! — кричат люди. — Кто это? Кто такой?

А как его изловишь, если он верхом пошел, над головами?

На обратном пути вновь встретил Седун братьев — те все еще ко дворцу ехали — и опять хорошенько отколотил их. Повалились те на колени.

— Свят, свят! — крестятся. — Опять Илья-пророк страху на нас нагоняет...

Приехали они домой, а Седун уже на печи.

— Завтра, Седун, и ты с нами поедешь,— говорят.

— Ну,— удивился Седун,— неужто и меня приглашают?

— Завтра все должны быть, даже безногие и слепые, со всего царства. Царские дочери будут искать в толпе своих женихов.

— Ладно, поеду,— согласился Седун,— если только не станете выкидывать меня из саней. А платок не достали?

— Не достали,— отвечают.— Только Илья-пророк вновь такого страху на нас нагнал, о каком мы и слыхом не слыхивали.

— А сидели бы дома, как я, лучше бы дело было.

Улеглись братья спать с вечера, а на рассвете проснулся один и глазам не верит:

— Что такое? Горим, что ли? Не пожар ли в избе?

А это кончик красного платка высунулся во сне из-за пазухи Седуна.

— Брат, брат,— стал будить другого,— никак, Седун избу поджег, огонь на печи вон!

Услышал это Седун, спрятал кончик платка под рубаху, огня-то и не видать стало. Повскакивали братья, а никакого пожара нет.

Как совсем рассвело, запрягли братья клячу, кликнули с собой Седуна к царевым хоромам. Глядят, а люди со всех сторон идут и едут — кто может и кто нет, слепой и безногий, бедный и богатый. К полудню все собрались, никого по домам не осталось. Седун тоже со всеми торопится.

— Этого-то зачем привели? — смеются кругом.— Ведь он — сразу видно — не жених.

— Нет,— отвечает царь людям,— все должны быть сегодня здесь!

Когда народ собрался, царь поднес старшей дочери кубок вина, велел обойти с ним всех людей:

— У кого увидишь свой платок, тому поднеси вино, а потом сядь на его колени — он и будет твоим женихом.

Только пошла старшая дочь обходить гостей, тут же и увидела свой платок — кто достал, тот ведь прятать не будет.

— Батюшка, — говорит девушка, — нашла я своего жениха!

Угостила она суженого вином и села на его колени.

Подал отец кубок вина второй, средней дочери:

— Теперь ты обойди гостей, найди, угости своего суженого и сядь к нему на колени.

Наконец настал черед обходить гостей Марпиде-царевне. Подал ей царь кубок вина, наставил, как прежде ее сестер. Стала Марпида-царевна обходить ряды гостей, а платок-то ее немного — самый уголок — высунулся из-за пазухи Седуна. Глянула на суженого Марпида, так сердце у нее и упало. Прошла она мимо Седуна, будто ничего и не заметила, и ни с чем вернулась к отцу.

— Не сыскала я, батюшка, платка, — говорит.

— Обойди в другой раз, — отвечает царь. — Все равно где-нибудь свой платок увидишь. Здесь он должен быть, в стороне людей не осталось!

Царевна опять обошла всех и мимо Седуна прошла, только опять будто и не заметила платка, хотя он теперь наполовину высунулся. Принесла она кубок вина, поставила на стол.

— Не нашла, — говорит, — батюшка, платка. Даже и звать не знаю, где бы он мог быть...

Нахмурился царь.

— Так и не сыскала? — спрашивает. — Или

плох на вид жених, стыдишься, должно? Пойди да гляди лучше.

На этот раз не стала царевна обходить гостей, пошла прямо к Седуну, угостила вином, вытерла ему платком под носом и села рядом. Увидели это люди, что рядом-то села, хихикать стали.

— Нашла? — спросил царь, услышав смешки.

— Нашла, батюшка, — проговорила Марпида-царевна, а сама и голову от стыда не поднимает.

Тут увидел царь ее суженого, огорчился.

— Тьфу! — говорит. — Ну и сыскала себе жениха, мне зятя...

Да что делать — не откажешься от царского слова. Отправил их царь в какой-то хлев, в котором то ли свиней, то ли коров прежде держали. Без пира и почестей отправил.

— Уходите, — говорит, — с моих глаз!..

А с двумя другими зятьями пировать остался. И мы там были — ели-пили...

Вот зашел я как-то к царю и рассказал, что, мол, далеко-далеко водится златорогий олень. В поле пасется, бежит быстро, да если кто поймает, тот уж, конечно, самого первого места в царстве...

Понял царь, к чему все это рассказано, говорит зятьям:

— Покажите-ка свое умение — изловите того оленя и приведите сюда.

Ну, засобирались зятья, взяли веревки, кожаные вожжи и отправились в степь. А Седун говорит жене:

— Выйди к отцу, попроси водовозную клячу, я тоже хочу оленя ловить, я тоже царский зять.

Царевна Марпида пошла к отцу просить клячу для Седуна.

— Какую еще клячу нужно этому Седу-

ну? — отмахнулся царь. — Пусть лучше сидит дома, не смешит людей.

А Марпида-царевна опять просит отца:

— Жалко, что ли, клячу-то? Дай ему.

Тут уж и матушка-царица слово замолвила за свою дочь. Отдал царь водовозную кобылу. Худая та была — кожа да кости. Приполз Седун и сел на нее не как все, а задом наперед. Конец хвоста в зубы взял, ладонями по бокам хлопает — едет!

— Смотрите, смотрите! — кричат кругом люди. — Седун-то, третий царев зять, тоже поехал оленя ловить!

— Задом наперед уселся! Не иначе как он и изловит златорогого оленя!

А Седун знай себе едет да едет, будто и не слышит эти насмешки. Добрался до своего ручья, схватил за хвост кобылу да как встряхнул — туша разом отлетела, а в руках только шкура осталась! Повесил он эту шкуру на изгородь и кликнул своего коня. Прискакал первый, гнедой. Вошел Седун в одно ухо, помылся-попарился, в другом оделся-обулся и таким молодцом опять стал — заглядишься! Вскочил на коня, догнал свояков, одного ударил по уху, другого и полетел дальше. А те повалились на колени, крестятся:

— Свят, свят! Илья-пророк страху нагоняет.

А Седун тем временем изловил в поле златорогого оленя, обратно едет. Увидели Седуна свояки, удивились:

— Ты уже обратно едешь, оленя везешь, а мы только на охоту собираемся!

— Поздно, — говорит Седун, — я уже изловил златорогого.

Принялись свояки уговаривать Седуна, чтобы он продал им этого оленя.

— Ну, ладно, — ответил Седун. — Только плата

за него особая. Отрежьте с ноги по большому пальцу и дайте мне, иначе не получите оленя.

Подумали свояки, да как иначе быть? Отрезали по большому пальцу с ноги, отдали молодцу. Отдал им Седун златорогого оленя и умчался.

Приехали, привезли зятя оленя царю, любо тому стало, еще радушной их угощает.

— Вот зятя какую добычу привезли,— хвалит.— Этакого зверя поймать сумели! Седун вон тоже на охоту отправился, да все нет его. Не видали ли где?

— Не видали,— говорят зятя и опять наперебой рассказывают, как ловили златорогого красавца.

Немало прошло времени, пока Седун вернулся. До ручья скоро доскакал, да от ручья плестись пришлось долго. Да еще на лошадиной туше поймал с десяток ворон-сорок и потащил царю.

— Натё,— говорит,— тесть-теща, добычу вам принес!

— Тьфу!— только и сказал царь и приказал слугам выбросить птиц куда-нибудь подальше.

Вот хохоту-то было!

Приковылял Седун в хлев, на кухнюшку теперешнюю, к суженой своей — к столу даже не пригласили...

Пошел я опять к царю и рассказал, что где-то в дальнем краю, слышно, водится свинка — золотая щетинка. Выслушал царь, говорит:

— Ну, зятя, поймайте мне ту свинку — золотую щетинку. Привезете ее — любимыми зятьями будете.

Ноги хоть и болят у зятьев после недавней охоты на златорогого оленя, да царю не отка-

жешь. К тому же и любимыми зятьями хочется быть.

— Ладно,— говорят,— поймаем.

Взяли сыromятные вожжи и поехали.

А Седун опять свою Марпиду к царю-батюшке посылает:

— Сходи, Марпида-царевна, попроси у отца другую клячу, я тоже поеду за свинкой — золотой щетинкой. Зять ведь я ему!

Пошла Марпида-царевна к отцу, стала просить клячу, а отец стоит на своем:

— Не дам! Хватит того, что один раз уже осрамил перед всем честным народом.

Тут царица-матушка опять за дочку заступилась, жалко, видать, стало царевну, ну, вдвоем и уговорили царя.

Сел Седун на клячу боком и поехал себе потихонечку.

— Глядите, глядите,— кричат и хохочут кругом,— Седун опять на охоту отправился!

— Да сидит как, уж научился! Глядишь, и поймает свинку.

А Седун будто и не видит, не слышит ничего, едет да едет. Доехал до ручья, схватил кобылу за хвост, дернул — туша отлетела, а шкуру повесил на изгородь. Кликнул своего второго, серого коня, опять вошел в одно ухо — попарился-помылся, в другом оделся-обулся, вновь стал статным да красивым. Вскочил на коня, догнал свояков, дал каждому по уху. Повалились они на колени, глядят вслед, бормочут:

— Свят, свят! Опять Илья-пророк страху нагоняет.

Поймал Седун свинку — золотую щетинку, на обратном пути встречает свояков.

— Да ты, кажись, уже с охоты возвращаешься,

добрый молодец, а мы все-то на лов едем! Не продашь ли нам свинку? — спрашивают Седуна.

— Продам,— отвечает молодец.

— А дорого ли возьмешь?

— А снімете со своих спин кожи с ремень шириной, так ваша свинка будет.

Призадумались было свояки, да куда деваться — согласились: сняли один у другого по полоске кожи и отдали молодцу. Отдал им за то Седун золотую щетинку и ускакал.

Привезли зятя во дворец небывалую свинку — золотую щетинку, царь пуще прежнего доволен: выхваляется перед гостями, поит всех, любимых зятьев угощает!

Сидят так, пируют все, Седуна, конечно, и не ждет никто, тут он и возвращается — втрое больше прежнего принес ворон да сорок! Узнал про то царь, нахмурился:

— Опять Седун срамит нас!..

Теперь Седуна не допустили к пирующим, хотя он даже теще гостинец принес. Повернулся и заковылял в хлев к своей Марпиде...

На этом пиру опять подошли к царю, стали рассказывать, что, мол, далеко-далеко пасется-гуляет тридцатисаженная кобылица с тридцатью жеребятами...

Даже в лице изменился царь, услышав про ту кобылицу. Призвал зятьев, говорит: «Изловить надо ее и жеребят и пригнать ко дворцу!» Согласились зятья, а сами хоть и мнят о себе много, а и ходить уже не могут, прихрамывают. Собрались, однако, поехали.

Узнал про то Седун, опять уговорил Марпиду пойти к отцу просить третью клячу — хочется, видно, вместе со свояками изловить ту кобылицу.

Пошла Марпида к отцу. И не хотел он отдавать Седуну клячу, да царица-матушка заступилась за дочь, сама приказала кому надо про ту клячу.

Сел Седун на этот раз на лошадь как надо, сидит прямехонько да еще и погоняет, чтобы рысью шла.

Увидели его люди, смеяться-то еще смеются, да поговаривают:

— Смотрите-ка, научился-таки ездить...

Ну, добрался Седун до ручья, схватил кобылицу за хвост, потрянул ее посильнее. Туша так прочь и отлетела, а шкуру он удержал, повесил на изгородь. Затем крикнул третьего коня, вороного. Прискакал конь. Залез Седун в одно ухо — помылся-попарился, в другом оделся-обулся и стал статным и красивым молодцем. Говорит ему вороной конь:

— Возьми, хозяин, с собой три ведра смолы, три сита тонких иголок да еще прихвати с изгороди три конские шкуры. Без этого не поймать тридцатисаженную кобылицу, которая там пасется в поле со своими жеребятами. Как приедем, увидишь — стоит на том поле дуб. Ты полезай на дерево, а меня покрой конской шкурой, облей смолой и обсыпь иголками из сита, затем сделай все в точности еще два раза. Сделаешь все, сиди на дереве и глаз не своди с кобылицы. Как только заметишь, что кобылица умаялась, опустилась на колени, прыгай с дерева и надевай на нее уздечку. Тогда она покорной станет, пойдет за тобой, куда прикажешь, а жеребята сами побегут следом.

Взял Седун все, что велел ему конь, и отправился в путь. Свояков, конечно, опять обогнал на полдороге, и опять попало им от него. Повалились те на колени: «Свят-свят!» — бормочут, а Иван летит себе, не останавливается.

Доскакал до поля, где дуб стоит, подъехал к дубу, глядит, кобылица и впрямь пасется у речки. Седун скорее покрыл своего вороного конской шкурой с изгороди, облил ведром смолы и осыпал иголками из сита. Затем накинуд вторую и третью шкуры, проделал все, что полагалось, а сам залез на дуб.

А тридцатисаженная кобылица увидела тем временем вороного коня, кинулась к нему, да как укусит! Если бы не шкуры, смола и иголки, тут бы и конец ему. Да только старая шкура в рот кобылице попала. Воронко лягается, бьет кобылицу по бокам, а у той рот шерсти, смолы да иголок полон, кусаться она больше не может! Все-таки изловчилась, избавилась от этой смолы. Укусила еще раз, да поболее шкуры захватила, потом в третий раз укусила вороного, весь рот себе шкурой, смолой да иголками забила!

А вороной знай себе отбивается от нее, лягает. Пала она наконец на колени. Тут Иван спрыгнул с дуба и взнуздal ее. Покорилась она и пошла за новым хозяином. Ну а жеребята — куда им от матери? — бегут следом...

Едет Седун обратно молодец молодцом, глядит — навстречу ему свояки поспешают:

— Да ты, оказывается, уже поймал кобылицу, а мы все еще ловить едем!

— Поймал уж, вот она, — отвечает Седун.

— А не продашь ли нам? — спрашивают.

— А что дадите? — спросил Седун.

Свояки мнутса, ничего не могут придумать. А Седун знает: пальцы с ног брал, кожу со спин брал. Не снимать же головы! Не дождался Иван ответа, поехал, оставив свояков на дороге.

Всегда Иван возвращался в свою хлевушку незаметно, а тут глядит — народ на улице собрался,

ждет. Да и как не заметить, ведь целый табун жеребят у молодца, кобылица тридцатисаженная да еще его конь вороной! Пыль столбом поднимается. Кто-то вперед побежал конюшню открывать да помочь коней загнать. Радуется и царь:

— Оленя златорогого зятя поймали, свинку — золотую щетинку поймали, теперь вот и кобылу тридцатисаженную пригнали с жеребятами!

Про Седуна царь и не вспоминает, разве что гости помянут его:

— Ничего, и он скоро принесет свою добычу — ворон да сорок.

Ну, стоят все возле конюшни, ждут. Выбежала и Марпида-царевна, тоже отперла свой хлев. Дверь у нее на деревянной петле скрипнула сильно. Заметил царь, рассмеялся:

— Ждет, что ли, тоже кого Седуника?

Глянь, а кони идут не в конюшню к зятям, а в хлев Седуна! Удивляются люди: «Седун, что ли, поймал кобылицу-то с тридцатью жеребятами?» Зашел, правда, в хлев молодец, статный, красивый, — все заметили, да разве признал бы кто в нем Седуна. А молодец вошел в хлев и говорит Марпиде-царевне:

— Ну, сходи-ка, жена, растопи баню — дальняя была дорога, запылится.

Истопили баню, собрался он мыться.

— Сходи, — говорит, — Марпида, позови отца.

Пошла Марпида-царевна к отцу, говорит:

— Приглашает тебя зять в баню.

А тот отказывается:

— Велика честь с Седуном в бане мыться — он и так осрамил меня довольно!

А Седун пришел в баню, подвесил на притолоку пальцы с ног да кожаные ремни со спин свояков — плату их за златорогого оленя да за свинку — золо-

тую щетинку — и стал мыться. Царь же сидел-сидел с гостями да пошел-таки в баню — мыться не мыться, а выманить у Седуна тридцатисаженную кобылицу с жеребятами. Как-никак к себе он ее в хлев загнал... Только заходит царь в баню, а ремни да пальцы его любимых зятьев стук да шлеп его по лбу.

— Чего это ты тут развесил? — спрашивает царь.

— А это, — отвечает Седун, — ремни со спин твоих зятьев да пальцы с их ног — плата мне за златорогого оленя да свинку — золотую щетинку.

Не стал мыться царь, воротился во дворец. А тут и зятя пожаловали с охоты. Неразговорчивые вернулись оба, молчаливые, без добычи.

— А ну-ка, — говорит царь, — разувайтесь, покажите ноги!

Нечего делать, разулись зятя. Глядит царь, а больших пальцев на ногах ни у того, ни у другого нет!

— А теперь, — приказывает царь, — снимите рубахи.

Сняли зятя и рубахи. А там гостей, народу на пиру! Так и покатались все от хохота. Все ведь ждали кобылицу тридцатисаженную — и гости, и слуги, и крестьяне. Смотрят на царевых зятьев-охотников, за животы от смеха схватились. А зятя разутые и раздетые стоят перед всеми, опустив головы, — стыдно им.

— Я вам не то что царство свое, а и кухню не отдам! — говорит царь.

И прогнал он их со двора с их женами, со своими пожитками и слугами:

— Чтобы и духу вашего в моем царстве не было!

Прогнал, а сам тут же отправился в баню.

А Иван уже помылся в бане и, конечно, не Седуном вышел оттуда. Помылся-попарился и молодцем стал статным да сильным! Вернулись они с царем во дворец и семь раз столько же, сколько прежде было, славно пировали-столовались с гостями. Ну, затем, конечно, Иван стал царем, а сам прежний царь в бывшие вышел, стариком остался.

А у Марпиды-царевны настала хорошая жизнь. Верно, и сейчас еще царствует Иван, славно поживает со своей Марпидой-царицей.

МУДРАЯ ДЕВУШКА

Белорусская сказка

хал однажды мужик с базара домой. А дорога лежала через густой, непроходимый лес. Нигде живой души не видать.

Застигла его ночь на дороге. Темно — хоть глаз выколи. Ничего не видно! Решил он остановиться и заночевать. Разложил костер, спутал коня и пустил пастись. А сам сел возле огня, жарит сало на прутике и ест. Поел, улегся и сразу заснул — очень уж утомился в пути.

А утром пробудился, глядит — и глазам своим не верит: кругом со всех сторон вода, волны так и хлещут, вот-вот захлестнут... Испугался мужик, не знает, что и делать.

«Пропал я,— думает,— не выбраться мне отсюда!..»

А вода все прибывает и прибывает, волны все выше и выше вздымаются... Вдруг видит мужик — вдалеке человек в челне плывет. Обрадовался он:

«Ну, видно, не судьба мне здесь погибнуть!»

Стал он кликать пловца изо всех сил:

— Эй, человек добрый! Плыви скорее сюда! Спасай — тону ведь я!..

Пловец повернул свой челнок в его сторону и поплыл к нему. Подплыл не очень близко и остановился.

— Спаси меня, браток! — упрашивает его мужик. — Что хочешь возьми, только спаси!..

— Хорошо, — говорит пловец, — я тебя спасу, только не даром: отдай мне то, что у тебя в доме есть и о чем ты не знаешь.

Думал, думал мужик:

«Что же это такое, что у меня в доме есть и о чем я не знаю?.. Кажется, ничего такого нет. Э, что будет, то будет, а торговаться некогда, надо соглашаться!»

— Хорошо, — говорит, — отдам я тебе, что у меня в доме есть и о чем я сам не знаю, только спаси!

— Мало ли что ты сейчас говоришь, а потом еще от своих слов откажешься!

— Так что же мне делать, дорогой браток?

— Сдери вон с той березы кусок бересты, разрежь мизинец и напиши это обещание на бересте своей кровью. Так-то крепче, надежнее будет.

Мужик так и сделал. Написал своей кровью на бересте запись и бросил ее в челн.

Пловец схватил кусок бересты и захохотал диким голосом.

И в тот же миг пропала вся вода, будто ее никогда и не было, и пловец исчез. Тогда догадался

мужик, что это не иначе как сам черт был. Нечего делать, поймал он своего коня, запряг и поехал домой.

Дорогой ему так тяжело, так грустно стало — хоть помирай. Сердце беду предвещает...

Погоняет мужик коня как может, домой торопится.

Приехал и скорее вошел в хату. А в хате весело, гостей полно, только жены за столом не видно.

— Здорóво! — говорит мужик. — Что тут у вас нового?

— Э, у нас добрая новость! Жена твоя сына родила, да такого хорошего, такого крепкого! Поди сам взгляни!

Как услышал это мужик, в глазах у него помутилось, голова закружилась. Всю жизнь он был бездетным, теперь вот сын родился, а он его отдал черту нечистому!

Смотрят гости на хозяина, понять не могут, что с ним творится.

— Верно, — говорят, — это он от радости разума лишился!

А мальчик и в самом деле уродился такой красивый да здоровый! Рос он как тесто на дрожжах.

Назвали его Юрием.

Отдали Юрия учиться: он всех обогнал в науке — такой уж был толковый да понятливый, ко всему способный. Люди радуются, на него глядя, родителям завидуют. Один отец его все мрачнее да печальнее становится.

Догадался Юрий, что тут что-то не так, неспроста; пристал он раз к отцу:

— Скажи, тятя, или ты недоволен мной, что так невесело смотришь на меня всегда? Или не любишь ты меня? Или я сделал что-нибудь плохое, о чем и сам не знаю?

Вздыхает отец и жалобно глядит на сына:

— Нет, сынок, люблю я тебя больше всех, и плохого ты ничего не сделал, только... обещал я отдать тебя нечистому, когда ты еще и не родился.

И рассказал ему, как было дело.

— Коли так, тятя, так будь здоров! — сказал сын. — Надо мне идти. Неизвестно, скоро ли увидимся. Или я свою голову сложу, или тебя от твоего обещания освобожу!

Стал Юрий собираться в дорогу. Взял краюху хлеба, кусок сала и тихонько ночью вышел из дому, чтоб родителей своих прощанием не растревожить.

Вышел и отправился в путь.

Шел он по лесам, шел по борам, шел по болотам и вышел к какой-то хатке. Вошел он в хатку. А в той хатке бабка сидит, старая-престарая.

— Здравствуй, бабушка! — говорит Юрий.

— Здравствуй, дитятко! Куда ты идешь?

Рассказал ей Юрий, куда он направляется. Выслушала бабка и говорит:

— Хорошо, дитятко, что ты ко мне зашел! Ступай-ка ты, принеси мне воды да наколи дров: буду я блины печь. Как напеку да накормлю тебя — расскажу, куда идти. А сам ты не скоро дорогу найдешь.

Принес Юрий воды, наколот дров, а бабка блинов напекла, накормила его досыта и рассказала, куда ему идти.

— А придешь к нечистому, найди прежде девушку — работницу его. Она тебе во многом поможет.

Простился Юрий с бабкой и опять пошел. Шел он по темным лесам, шел по густым борам, пробираясь по топким болотам.

Долго ли, коротко ли шел — пришел ко двору. Двор на горах построен, большой да крепкий, кру-

гом высокой оградой обнесен. Постучал Юрий в ворота.

— Хозяина, — говорит, — хочу видеть!

Вышел пан-хозяин в дорогих нарядах. Золото на нем так и блестит.

А это и был сам нечистый.

— Что тебе надо? — спрашивает он у Юрия.

— Да вот, — отвечает Юрий, — разыскиваю своего пана. Меня батька обещал отдать ему, когда я еще не родился.

— Я твой пан! — говорит нечистый. — Я хотел уже за тобой гонцов посылать, потому что пора пришла — ты взрослым стал. А ты, смотрю, сам явился. Так и нужно! За это хвалю тебя!

— А скажи мне, пан, есть ли у тебя запись от моего батьки?

— Есть запись, есть! На бересте кровью написана. Коли ты мне будешь верно служить, отдам тебе эту запись и выпущу на волю — иди куда хочешь. А не угодишь мне — с живого кожу сдеру! Ну, отвечай мне теперь: шел ты по лесам?

— Шел.

— Шел по борам?

— Шел.

— Шел по болотам?

— И по болотам шел.

— К моему двору пришел?

— Пришел.

— Ну, так вот тебе и работа: чтоб ты за эту ночь в моем бору все деревья вырубил да убрал, а на том месте землю вспахал, взборонил и пшеницу посеял. И чтоб пшеница у тебя взошла, поспела. Чтоб ты сжал ее, вымолотил, зерно смолот, а из той муки пирогов напек и принес мне их завтра рано поутру. Выполнишь все — пойдешь на волю. Работа легкая!

Сказал и засмеялся нехорошо.

Вышел Юрий от своего пана, опустил голову, не знает, что ему и делать. Идет он по двору и думает:

«Ну задал задачу!.. Учился я всему, а как этакое дело сделать, не знаю. Пропал я совсем!..»

Стал Юрий бродить по двору — панову девушку-работницу разыскивать. Бродил, бродил и забрел на самый конец двора. Видит — стоит маленькая хатка. Выглянула из хатки девушка. Юрий и спрашивает ее:

— Не ты ли у этого пана в работницах живешь?

— Да, молодец. А что ты такой печальный? О чем горюешь?

— Как же мне не горевать, — отвечает Юрий, — если пан мне задал на ночь такую работу, что я и за год не выполню!

— А какую он тебе работу задал?

— Приказал он мне, чтобы я за одну ночь в его бору все деревья вырубил да убрал, а на том месте землю вспахал, взборонил, пшеницу посеял, чтоб она у меня взошла, вызрела, чтоб я сжал ее, вымолотил, смолот, а из той муки пирогов напек да принес ему завтра рано поутру.

Понравился Юрий девушке. Пожалела она его и думает:

«Ни за что погубят парня!»

— Не горюй, — говорит она. — Ложись и спи спокойно, отдыхай после долгого пути. Я тебе помогу. Без меня не снести тебе головы на плечах. Тут уж и так много людей погублено...

— А скажи ты мне, — говорит Юрий девушке, — по своей воле ты у пана живешь?

— Куда там по своей!.. До тех пор мне здесь томиться, пока не полюбит меня кто и не уведет отсюда.

— Я тебя уведу! — говорит Юрий.

Стали они сговариваться обо всем, долго говорили...

— Ну а теперь пора тебе спать! — сказала девушка.

Лег Юрий и тут же крепко заснул, очень уж утомился, пока по лесам да по болотам пробирался.

А девушка в полночь вышла на крыльцо, ударила три раза в ладоши, и слетелись к ней разные чудовища.

— Здравствуй, молодая хозяйка!

— Здравствуйте, страшные чудовища!

— Зачем нас потребовала: на перекличку или на работу?

— Зачем мне вас перекликивать? Я с вас работы требую. Вырубите в панском лесу все деревья, уберите их, а землю вспашите, взбороните и пшеницу посейте. И чтоб та пшеница взошла, вызрела за одну ночь. А вы ее сожните, вымолотите, смелите, из той муки пирогов напеките и завтра утром ко мне принесите!

Бросились чудовища, и пошла работа: кто бор вырубает, кто деревья в сторону тащит, кто пашет, кто боронит, кто засекает!.. Не успели посеять пшеницу — взошла она, зацвела, вызрела. Кинулись чудовища к пшенице. Тот жнет, тот молотит, тот мелет, тот пироги печет.

Солнце еще не взошло, а уже все готово.

— Принимай, молодая хозяйка!

Взяла девушка пироги и говорит:

— Ну, ступайте теперь все по своим местам!

Чудовища тут же скрылись из глаз.

А девушка пошла к Юрию, стала его будить.

— Ну, — говорит, — молодец, так в чужой стороне не спят! В чужой стороне надо пораньше вставать!

Проснулся Юрий, вскочил, и первая его думка: «Есть ли пироги?»

А пироги на столе лежат, и такие румяные, пышные!

— Бери пироги, неси пану! — говорит девушка.

Положила пироги на блюдо, накрыла полотенцем и отправила Юрия к пану.

Вышел пан из покоев.

Поклонился ему Юрий:

— Здравствуй, пан-хозяин!

— Здравствуй, молодец! Исполнил ли ты мое приказание?

— Исполнил, пан-хозяин! Как приказал, так все и сделано.

— Покажи!

— Изволь посмотреть!

Поглядел пан на пироги, обнюхал, — как должно! Он эти пироги — хап-хап! — тут же и съел.

— Ну, — говорит, — молодец ты, Юрий! Работник ты, как вижу, не из плохих! Одну службу сослужил. Если еще две сослужишь — отпущу к отцу. Ступай, трое суток отдыхай, а на четвертые приходи за новым приказанием.

Услышал это Юрий, запечалился:

«Вот чтоб ты лопнул, нечистая сила! Наверно, придумает работу потруднее прежней. Что тут делать? Вся надежда на девушку».

Идет он от пана хмурый, понурый. Увидела его девушка, спрашивает:

— Что ты, Юрий, такой невеселый?

— Как же мне веселым быть, когда пан хочет мне новую работу дать!

— А ты не горюй: первую работу выполнили — и вторую выполним! Когда срок наступит, смело иди к пану за приказанием.

Как наступил срок, пошел Юрий к пану.

Встретил его пан-нечистый, поздоровался:

— Здорово, молодец!

— Здорово, пан-хозяин!

— Видишь ты мой двор?

— Вижу.

— Видишь вон ту гору?

— Вижу.

— Вот на той горе построй ты за одну ночь каменный дворец, чтоб лучше моего был! И чтоб было в том дворце столько комнат, сколько дней в году; чтоб потолок был как небо чистое, чтоб ходили по нему красное солнце и светлый месяц и сверкали звезды ясные; чтоб был тот дворец крыт маком и чтоб в каждое маковое зернышко было вбито по три золотых гвоздика. И чтоб вокруг того дворца протекала река и был через ту реку мост — золотая дощечка, серебряная дощечка, золотая дощечка, серебряная дощечка... Да чтоб через мост перекинулась радуга, а концами в воду упиралась. Словом, чтоб не стыдно было людям показать! Построишь такой дворец — отпущу к отцу, не построишь — с живого кожу сдеру! У меня так заведено: коли милость — так милость, коли гнев — так гнев. А теперь иди!

Пришел Юрий к девушке и рассказал, какую работу задал ему пан.

— Не печалься, все будет сделано. К сроку будет готово! — говорит девушка. — А теперь иди к горе. Ходи да поглядывай, будто высматриваешь место, где дворец строить собираешься.

Юрий так и сделал: походил-походил возле горы, посмотрел-посмотрел кругом, а вечером пришел в хатку и лег спать.

В полночь девушка вышла на крыльцо и ударила в ладоши. Слетелись тут к ней разные чудовища.

— Здравствуй, молодая хозяйка!

— Здравствуйте, страшные чудовища!

— Зачем нас требуешь: на перекличку или на работу?

— На что мне вам перекличку делать! Требую вас на работу: надобно за эту ночь на той горе каменный дворец построить. Чтоб было в том дворце столько комнат, сколько дней в году; чтоб потолок был как небо чистое и чтоб ходили по нему красное солнце и светлый месяц и сверкали звезды ясные; чтоб был крыт тот дворец маком и чтоб в каждое маковое зернышко было вбито по три золотых гвоздика. И чтоб вокруг того дворца протекала река и был через реку мост — золотая дощечка, серебряная дощечка, золотая дощечка, серебряная дощечка... Да чтоб через мост перекинулась радуга — концами в воду упиралась!

Только сказала — бросились чудовища: кто камни носит, кто стены кладет, кто крышу кроет, кто гвоздики вбивает!

Под утро явились к девушке.

— Все ли у вас готово?

— Все готово, молодая хозяйка! Только на том вон уголке одно зернышко не успели прибить тремя гвоздиками: двумя прибили.

— Ну, это не беда. А теперь убирайтесь все туда, откуда явились!

Исчезли чудовища, как будто их и не бывало. Пришла девушка в хатку, стала будить Юрия:

— Вставай, иди к пану! Все готово!

Вышел Юрий, глянул на дворец и диву дался: стоит дворец — высотой под самое небо, над дворцом радуга играет, мост огнем горит. Во дворец вошел, глянул на потолок — чуть не ослеп: так красное солнце сияет, так светлый месяц блестит, так ясные звезды сверкают!..

Стоит Юрий на мосту, дожидается пана.

А тут скоро и сам нечистый появился. Глядит, любитесь.

— Ну, молодец ты, Юрий! — говорит он. — Хорошая работа, если только она твоя! Нечего и говорить, постарался! Будет теперь тебе еще одна работа — последняя. Исполнишь — к отцу вернешься. Не исполнишь — голову потеряешь. А работа эта вот такая. Есть у меня добрый конь — цены ему нету, да необъезженный он. Объезди его!

— Хорошо, — отвечает Юрий, — завтра объезжу!

А сам думает:

«Ну какая же это работа! Да я любого коня объезжу!»

Пришел, рассказал девушке.

— Вот эта работа по мне!

— Нет, — отвечает девушка, — наперед не хвались! Эта работа самая трудная. Ты думаешь, что это будет настоящий конь? Нет, это будет сам нечистый! Не верит он, что ты бор вырубал, пшеницу сеял, пироги пек и дворец строил — хочет тебя испытать. Да ты не горюй: я тебе и тут помогу!

Утром девушка говорит Юрию:

— Ну, пора! Иди коня объезжать. Возьми этот ивовый прутик. Коли конь заупрямится да захочет тебя сбросить, ты его между ушей ударь этим прутиком — сразу утихнет, покорным станет!

Взял Юрий ивовый прутик и пошел во дворец:

— Где пан?

— Нет пана, — отвечают слуги. — Приказал он тебе идти в стойло, выводить коня да объезжать.

Вошел Юрий в стойло. Стоит там конь — золотая шерстинка, серебряная шерстинка, глаза кровью налиты, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым валит — и подступиться невозможно. Юрий

махнул ивовым прутиком — и жар ему стал нипочем. Подошел он к коню — конь на дыбы становится, под потолок подскакивает, сесть на себя не дает. А как заржал — стойло все затряслось, ходунном заходило. Юрий как ударит его меж ушей — конь так на колени и упал. Тут Юрий скорей ему на спину скок!.. Конь на дыбы — чуть-чуть седока не скинул! Да Юрий не промах: давай его хлестать прутиком меж ушей! Конь под ним беснуется, а он его знай нахлестывает. И понес его конь — летит, чуть земли касается, сам все хочет Юрия скинуть, чтоб копытами раздавить... А Юрий его хлещет, спуску ему не дает!..

Скакал-скакал конь, летал-летал и по горам, и по болотам, и через леса, да под конец так замаялся, что перестал и скакать, и летать — домой повернул. Тихим шагом пошел. Так они и на двор вернулись.

Поставил Юрий коня в стойло, а сам стал по двору бродить. Слуги панские от него отворачиваются, боятся: вдруг пан увидит — подумает, что они с Юрием в дружбе. Пришел Юрий в хатку к девушке, рассказал ей, как и что было.

— Ну, видно, добрую взбучку задал ты пану, коли сам цел вернулся! Ешь, отдыхай — ты, видать, сильно утомился.

На другой день приходит к Юрию от пана слуга, зовет к пану во дворец. Пошел Юрий. Встречает его пан с завязанным лбом.

— Ну, — говорит, — теперь я не знаю тебя, а ты не знай меня! Бери отцову запись и завтра поутру уходи!

Взял Юрий запись и пошел в хатку, сам радуется. Рассказал все девушке. Она говорит:

— Рано ты радоваться стал! Не таков пан, чтобы тебя живым выпустить. Нельзя нам утра

дождаться. Как наступит полночь, так сейчас же надо в дорогу отправляться. Надо убежать в твою сторону, не то пан погубит нас обоих!

В полночь собрались они в дорогу. Девушка велела Юрию поплевать в каждый угол хатки. Закрыли они дверь крепко-накрепко и пошли.

Как наступило утро, отправил пан своего слугу к Юрию: приказывает ему явиться. Стучит слуга в окошко.

— Вставай,— кричит,— уже день настал!

— Сейчас встану! — отвечают слюнки.

Уже солнце к полудню стало подбираться. Снова слуга пришел.

— Вставай,— кличет,— ведь уж скоро полдень!

— Одеваюсь! — отвечают слюнки.

Уже и обедать пора. Слуга опять кличет.

— Умываюсь! — отвечают слюнки.

Обозлился пан, опять посылает за Юрием. Пришли слуги, зовут, а слюнки высохли — никто не откликается. Выломали двери — никого в хатке нет. Как сказали об этом пану — рассердился он, разгневался, разбушевался, об стенку головой стал биться. А пани-хозяйка кричит:

— Вот и сам ушел, и служанку нашу увел! Посылай гонцов в погоню! Или живых, или мертвых, а пускай их приведут! Его пусть казни предадут, а служанка мне нужна — такой работницы, такой искусницы нигде не найти!

Пустились гонцы вслед, скачут — как конь скакать может.

И Юрий с девушкой бегут, сколько силы позволяют.

Говорит девушка Юрию:

— Приляг ухом к земле да послушай — не шумит ли дубрава, не стонет ли дорога, нет ли за нами погони?

Юрий послушал и говорит:

— Сильно шумит дубрава, сильно стонет дорога!

— Это пан-нечистый за нами погоню послал! Скоро они догонят нас. Бежим поскорей! А как будут настигать, я обернусь стадом овец, а тебя сделаю пастухом. Начнут пановы слуги допытываться у тебя, не видел ли ты, как проходили здесь парень да девушка, ты и скажи: «Видел, когда был молод, когда нанялся пастухом да когда двух овечек пас, а сейчас я уже старик и от тех двух овечек у меня целое стадо».

И превратилась девушка в стадо овец, а Юрий стал стариком пастухом. Тут скоро и гонцы показались.

— Эй,— кричат,— старик! Не видел ли ты, как проходили здесь парень да девушка?

— Как не видеть, видел!

— Когда?

— А когда я был еще молод, да только что нанялся в пастухи, да когда двух овечек пас. А сейчас я уже старик и от тех двух овечек у меня целое стадо.

— Э!.. Где же мы их догоним! — говорят гонцы.— Тут овечек, может, с тысячу. Сколько лет прошло, когда они здесь проходили!

Поскакали гонцы назад, к пану. А Юрий с девушкой прежний вид приняли и дальше побежали.

Вернулись гонцы и говорят пану:

— Никого мы не видели. Может, след потеряли, может, не по той дороге погнались, повстречали мы только пастуха да стадо овец. Тот пастух сказал нам, что он с малых лет в тех местах стадо пасет, а парня с девушкой не видел.

— Ах вы дурни! — закричала пани.— Ведь это они и были! Надо было старика убить, а овец сюда

пригнать! Ведь это моя служанка! Это она обернулась овцами, а парня пастухом сделала!

— Скачите снова, догоняйте! — кричит пан. — Его рубите топорами, а овец ко мне гоните!

Кинулись гонцы назад, в погоню. А Юрий с девушкой тем временем уже далеко отбежали. Бегут они, бегут... Говорит девушка Юрию:

— Приляг ухом к земле да послушай — не шумит ли дубрава, не стонет ли дорога, нет ли за нами погони?

Послушал Юрий и говорит:

— Сильно шумит дубрава, сильно стонет дорога! Гонятся за нами панские слуги!

Тут девушка платочком махнула — сама обернулась садом, а Юрий стал старым садовником.

Подъезжают гонцы и спрашивают:

— Не видел ли ты, дед, как тут двое бежали — парень да девушка молодая?

— Нет, никого я не видел, хоть давным-давно этот сад стерегу, — отвечает садовник.

— А пастух не гнал ли тут овечек?

— И пастуха не видел.

Так гонцы ни с чем повернули назад. А Юрий с девушкой побежали дальше.

Приехали гонцы и рассказывают пану и пани как и что:

— Никого мы не догнали: будто растаяли они оба! Повстречали мы только садовника в саду, так он сказал нам, что никто по той дороге не бежал и пастух овечек не гнал. Мы и вернулись. Что ж, ловить ветер в поле?..

— Дурни вы! — закричали на них пан и пани. — Нужно было рубить и сад, и садовника! Ведь это же были Юрий и служанка наша! Плохая на вас надежда! Надо самим гнаться!

И кинулись в погоню пан и пани вместе с гон-

цами; летят — пыль облаком поднимается, земля дрожит, кругом гул идет.

Услышали Юрий с девушкой этот шум да гул — быстрее бежать пустились. Догадались они, что пан и пани вместе с гонцами за ними гонятся. А гул тем временем все громче и громче становится.

— Ну,— говорит девушка,— хоть и недалеко до твоего дома, только не успеем добежать... Надо спасать тебя. Я разольюсь рекой, а ты на другом берегу будешь.

И сейчас же — хлип! — разлилась широкой рекой. А Юрий на другом берегу очутился.

Тут скоро пан и пани со своими слугами подскакали. Взглянула пани на речку и закричала:

— Секите ее топорами! Секите топорами!

Кинулись слуги к реке, стали сечь ее топорами. Застонала река, кровью потекла.

А Юрий на другом берегу стоит, помочь ничем не может, что делать — не знает.

— Околевай, негодная! — кричат пан и пани реке. — А ты, мужичий сын, берегись: и до тебя доберемся!

Покричали, погрозили, да ничего поделать не могли. Так ни с чем и домой возвратились. Слышит Юрий — стонет река:

— Ох, тяжело мне... Долго мне еще отлеживаться — раны болят. Долго с тобой не видаться... Иди, Юрий, домой, к отцу, к матери, только меня не забывай! Да смотри ни с кем не целуйся. Поцелуешься — меня забудешь. Приходи сюда почаще — проводывай меня!

Пошел Юрий домой, грустный, печальный. Думал с молодой женой вернуться, а вот как вышло...

Пришел он домой. Отец с матерью как увидели его, чуть от радости не умерли. Только очень уди-

вились, что Юрий ни с кем целоваться не хочет. Даже с ними ни разу не поцеловался. И стал Юрий дома жить, родителей своих радовать. А как настанет вечер — пойдет он к реке, поговорит с нею и вернется домой. Сам ждет не дождется, когда у девушки раны заживут.

Так много времени прошло. Вода в реке посветлела — раны у девушки стали заживать, закрываться.

И надо было беде случиться: заснул раз Юрий, а в это время пришел дед старый и поцеловал его, сонного. Проснулся Юрий и забыл девушку — словно и не видел ее никогда.

Прошло еще немного времени, отец и говорит Юрию:

— Что ты все холост ходишь? Надо тебе жениться. Мы тебе хорошую невесту высмотрели.

Понравилась эта невеста Юрию. Стали свадьбу справлять. Свадьба была веселая, шумная. Одному Юрию что-то не по себе — тяжело, тревожно, сердце щемит, сам не знает почему.

А на кухне каравайницы свадебный каравай готовят: тесто месят, всякие украшения лепят. Вдруг вошла какая-то незнакомая девушка и говорит:

— Дозвольте мне, каравайницы, сделать вам селезня и уточку на каравай и поднести тот каравай молодым!

Каравайницы дозволили. Вылепила девушка из теста селезня и уточку. Посадила селезня на каравай, а уточку в руках держит. После того вошла в горницу, поставила каравай перед молодыми, сама селезню по голове уточкиным клювом стучает и приговаривает:

— Забыл ты, селезень, как я тебя из неволи вызволяла! — да в голову его стук. — Забыл, как я

тебя от гибели спасла! — да снова в голову его стук. — Забыл, как я за тебя раны принимала! — да еще в голову его стук.

Тут Юрий будто проснулся — припомнил, что с ним случилось, узнал свою девушку. Вскочил он с места, кинулся к ней, стал к сердцу прижимать:

— Вот, родители, моя жена милая! Это она меня от верной смерти спасла! Это она меня из неволи вызволила! Одну ее я люблю! А других и знать не хочу!

И посадил ее рядом с собой. Справили тут веселую свадьбу, и стал Юрий жить со своей молодой женой.

И долго жили, счастливо жили!

ФЭТ-ФРУМОС И СОЛНЦЕ

Молдавская сказка

авным-давно, а может быть, и не так давно, не скажу, только случилась такая беда — не стало на земле Солнца. Всегда стояла непроглядная ночь, да такая темная-темная. Не было света и тепла. Стали гибнуть леса и поля, а за ними звери и птицы.

Говорили люди, что Солнце украли драконы. Но куда они его упрятали, никто не знал. И страдал от темноты несчастный народ — ох, как страдал!

Так вот, в те времена на опушке дремучего леса, на берегу могучей реки, жили в ветхой избушке муж и жена. Были они очень бедные: в доме ни мяса, ни соли, во дворе ни птицы, ни скотины. Перебивались кое-как с хлеба на мякину. Мужик-то был старательный, собою ладный, семьянин хороший. Исходил он все царство вдоль и поперек, работу искал. Готов был воду из камня выжимать, лишь бы с пустыми руками домой не являться.

Но вот пошла по свету молва, будто можно Солнце из плена вызволить. Стали люди о том поговаривать и друг друга подбадривать. Ведь если Солнце спасти да на небо вознести, снова земля будет светлой и щедрой. Зелень покроет луга, на нивах созреет хлеб — только убирать поспевай! Привольно станет жить людям.

И вот собралось тогда человек тридцать, а может быть, и сорок, а с ними и тот мужик, который на опушке леса жил, и решили они пойти Солнце из неволи вызволить и на небо вернуть.

Горько плакала да причитала жена мужика, все просила его, чтоб не оставлял он ее одну-одинешеньку. Да не могла его уговорить. Чем громче она причитала, тем тверже муж на своем стоял. Ушел мужик из дому и пропал. И остальные, все, кто с ним пошел, точно в воду канули.

Немного времени прошло, как уехал мужик, и родила жена мужика сыночка, пухленького такого крепыша.

Дала она ему имя Ибн, ласково звала Ибникэ. А еще прозвала мальчика красавцем — Фэт-Фрумбсом. И стал он Ионикэ Фэт-Фрумос.

Рос Ионикэ Фэт-Фрумос не по дням, а по часам. За день так вырастал, как другие за год. Неделя прошла — и за работу взялся: то одно мастерит, то другое. Но скоро понял: как ни старайся, все пона-

прасну — бедняк из нищеты никак не выбьется. Вот и спросил он однажды у матери:

— Скажи, мать, чем занимался мой отец? Стану я делать то же, может, заживем получше.

— Сыночек дорогой, помнится мне, что не приходилось ему вольно вздохнуть: всю жизнь он маялся на всякой работе, а достатка в доме так и не увидел.

— А куда же он пропал?

— Ох, горе мое, сыночек мой родненький! Лучше бы ты об этом не спрашивал! — запричитала мать и горько заплакала.

А когда успокоилась, призналась сыну:

— Боюсь я тебе рассказывать, как бы и ты не пошел вслед за отцом.

— Расскажи, матушка, расскажи!

Видит мать, пора уже сыну все знать, и стала она рассказывать ему, душу отводить:

— Жили мы всегда бедно, с горем пополам крохи добывали. А как пропало Солнце, совсем худо стало. И вот дошла до нас молва, будто какая-то злая сила запрятала Солнце в темницу. Собрались люди и отправились Солнце искать. С ними и отец твой пошел. И нет о нем с тех пор ни слуху ни духу.

Узнал сын о горькой отцовской судьбе и закручинился; опечалили его слезы материнские.

С того дня загорелось в его сердце желание — пойти Солнце искать. Ни о чем не мог думать, одно Солнце было у него на уме и во сне, и наяву. Сложил он песню и, куда ни пойдет, все ее распевает:

День и ночь кромешна мгла,
Нет ни света, ни тепла.
Подрасту и в путь пойду,
Солнце дивное найду.

Я темницу сокрошу,
Солнце в небо отпущу,
Пусть тепло свое и свет
Дарит много-много лет,
Расцветают пусть поля,
Сердце людям веселя.

Проезжал мимо дома бедной женщины Черный царь — он той страной владел — и услышал песню ее сына. Велел царь остановить коней и стал слушать песню. Прослушал он ее от начала до конца, а затем приказал кучеру:

— Живо сбегай да приведи ко мне певца.

Соскочил кучер с козел и закричал:

— Эге-гей, где ты? Постой!

— Я здесь!

Шагая на ощупь, наткнулись царский кучер и Фэт-Фрумос друг на друга. А пока они до кареты добирались, царь сидел и думал: «Всего у меня вдоволь, чего душе угодно. Но будь еще у меня и Солнце, не было бы мне равного на свете».

— Здесь царь, становись на колени! — сказал кучер, подводя Ионикэ к царской карете.

— Кто ты такой? — спросил царь.

— Сын бедняцкий, — ответил мальчик.

По голосу царь догадался, что ему лет двенадцать-тринадцать, не больше.

— Кто тебя этой песне научил?

— Сам придумал — сам и пою. Как подрасту, вызволю я Солнце из глубокой темницы.

— Как звать тебя, мальчик?

— Ионикэ Фэт-Фрумос.

— А где живут твои родители?

— Отца у меня нет, а мы с матерью живем на опушке леса, недалеко отсюда; только не жизнь это, а горе одно.

— Послушай,— говорит царь,— если знаешь ты, где заперто Солнце, иди жить ко мне во дворец; буду я тебя кормить-растить. А почувешь в себе вдоволь сил, дам тебе коня доброго да денег на дорогу, но с уговором, что привезешь мне Солнце со всем его светом и теплом.

— Светлейший царь, коль ты желаешь, чтобы я за тобой во дворец последовал, вели привести и матушку мою. Иначе иссохнет у нее сердце от горя и печали, пока будет разыскивать меня по всем дорогам да тропкам.

— Ну, быть по-твоему,— сказал царь и велел кучеру сбегать за матерью Ионикэ.

Пришла она, с сыном простилась, а к царю не поехала — не захотела дом свой бросать.

И стал Ионикэ жить при царском дворе. Скоро почувял он в себе такую силу великую, что камни рукой в порошок растирал! Тогда объявил он, что пойдет Солнце вызволять, и попросил царя снарядить его в путь-дорогу.

Царь говорит:

— Выбери себе в конюшне коня по душе, саблю да палицу и отправляйся.

Взял Фэт-Фрумос узду, серебром расшитую, и пошел выбирать себе коня по душе. Всю конюшню обошел, но ни один конь не дал взнуздать себя. И вот в самом темном углу увидел он еще одного коня. Тощий конек — одна шкура да кости, еле-еле на ногах держится. Но заметил он Фэт-Фрумоса да так к узде и потянулся.

— Тпру... жалкая кляча, не тебя я ищу!

Еще раз обошел Фэт-Фрумос всю конюшню, и опять ни один конь не дал взнуздать себя; только клячонка из темного угла голову к узде протягивала.

— Ну что ж, делать нечего,— решил Ион Фэт-Фрумос и взнуздал клячу.

Конь почувствовал узду, встряхнулся трижды и из несчастной клячи вдруг обернулся славным скакуном. А как почуял на себе седло, а в седле седока, заговорил человеческим голосом:

— Скажи, хозяин, как тебя везти? Хочешь — ветром расстелюсь, хочешь — как мысль помчусь.

— Ты ветром не стелись, мыслью не мчись, а вези меня, как добру молодцу ездить пристало.

Побежал конь рысью, задрожала земля под копытами. Проскакали они через горы высокие, через долины широкие и доехали до какой-то кузницы. Фэт-Фрумос кричит кузнецу:

— Кузнец, кузнец, мастер-удалец, скуй мне палицу молодецкую, не малу, не велику, по силе моей, да смастери петли и засовы на двери, чтобы запиралась кузница крепко-накрепко и не мог бы в нее никто ни зайти, ни заглянуть.

— Ладно, путник, пока твой конь отдохнет малость, я все сделаю.

— Я дальше поеду, а ты делай, как я велел. Вернусь — чтоб все было готово. Возьми деньги вперед и делай все получше. Да гляди, укрепи двери заклепками калеными.

Принялся кузнец за работу, а Фэт-Фрумос пришпорил коня и дальше отправился.

Ехал он, ехал, долго ли, коротко ли, и решил отдохнуть у моста.

Вот лежит Фэт-Фрумос у дороги и вдруг слышит стук копыт по ту сторону моста. Ступил чужой конь на мост — и захрапел, попятился. Всадник стегает его плетью да кричит:

— Ах ты, кляча негодная! Чтоб тебе гривы лишиться, чтоб тебя волки загрызли, чтоб твои кости в земле истлели! Когда я за тебя денежки пла-

тил, не ты ли хвастала, что, кроме Фэт-Фрумоса, никого на свете не боишься!

А Фэт-Фрумос вскочил и говорит:

— Полно тебе, дракон, лаяться! Я и есть Фэт-Фрумос.

Услыхал его всадник, рассмеялся громко, даже горы окрестные затряслись:

— Ха-ха-ха! Послушайте этого юнца неразумного! Да знаешь ли ты, что не простой дракон перед тобой, а сам Вечер-великан, похититель Солнца? И ты посмел стать мне поперек пути?! Что ж, подойди поближе да говори — на саблях ли хочешь биться или на поясах бороться?

Не оробел Фэт-Фрумос, отвечает великану:

— Давай лучше на поясах бороться. Борьба честнее.

Кинулся Вечер-великан на Фэт-Фрумоса, схватил за пояс, поднял над головой и бросил с такой силой, что Фэт-Фрумос по щиколотки в землю ушел. Но вскочил Фэт-Фрумос, схватил великана за пояс, бросил и вогнал в землю по колени. Поднялся разъяренный Вечер-великан да с такой силой кинул Фэт-Фрумоса, что вогнал его в землю по пояс. А Фэт-Фрумос вырвался из земли, схватил в ярости великана да и всадил его в землю по самую шею. Потом выхватил саблю и отрубил Вечер-великану голову, а коня так палицей стукнул, что с землею смешал.

Отдохнул Фэт-Фрумос, сил набрался, вскочил на коня и отправился дальше. Ехал он, ехал на коне своем быстроногом, доехал до второго моста и опять надумал отдохнуть. Присел у обочины дороги и запел:

День и ночь кромешна мгла,
Нет ни света, ни тепла.

Исхожу я все пути,
Солнце б только мне найти.
Я темницу сокрушу,
Солнце в небо отпущу,
Пусть тепло свое и свет
Дарит много-много лет,
Расцветают пусть поля,
Сердце людям веселя.

Поет он свою песню и вдруг — цок-цок! — слышит цоканье копыт по ту сторону моста. Как подъехал чужой конь к мосту — захрапел, попятился. Нахлестывает его всадник плетью, кричит:

— Вперед, кляча пугливая! Чтоб тебе гривы лишиться, чтоб тебя волки задрали, чтоб твои кости в земле истлели! Когда я за тебя денежки платил, не ты ли хвастала, что, кроме Фэт-Фрумоса, никого на свете не боишься!

А Фэт-Фрумос вскочил и говорит:

— Полно тебе, дракон, лаяться! Я и есть Фэт-Фрумос!

Соскочил всадник с коня, насмехается, куражится:

— Ха-ха-ха, послушайте этого юнца глупого! Называет меня драконом простым и не знает, что перед ним сам Ночь-великан. Стоит мне подуть разок — и вся земля засыпает. Что ж, коли ты храбрый такой, подойди поближе да скажи: на саблях ли хочешь биться или на поясах бороться?

Не оробел Ионикэ Фэт-Фрумос, отвечает Ночь-великану:

— Давай поборемся. Борьба честнее.

Схватил Ночь-великан Фэт-Фрумоса за пояс и бросил его с такой силой, что по щиколотки в землю вбил. Вскочил Фэт-Фрумос, схватил великана за пояс и вогнал его в землю по колени. Под-

нялся разъяренный великан, да так бросил Фэт-Фрумоса, что ушел тот в землю по пояс. А Фэт-Фрумос вырвался из земли, схватил в ярости Ночь-великана за пояс и вогнал его в землю по самую шею.

Потом схватил саблю и отрубил ему голову, а коня так ударил палицей, что с землей его смешал.

Отдохнул Фэт-Фрумос, почувял, что силы вернулись к нему, вскочил на коня и поскакал дальше.

Ехал он, ехал — по горам, по долам, по оврагам и холмам, перебрался за высокие горы с острыми вершинами, добрался до третьего моста и опять вздумал отдохнуть. Прилег у обочины и запел:

День и ночь кромешна мгла,
Нет ни света, ни тепла.
Исхожу я все пути,
Солнце б только мне найти.
Я темницу сокрушу,
Солнце в небо отпускаю,
Пусть тепло свое и свет
Дарит много-много лет,
Расцветают пусть поля,
Сердце людям веселя.

Только закончил он свою песню, слышит цоканье копыт по ту сторону моста. Как подъехал конь к мосту, захрапел, попятился.

Хлещет его всадник плетью, кричит:

— Ах ты, паршивая кляча! Чтоб тебе гривы лишиться, чтоб тебя волки загрызли, чтоб твои кости в земле истлели! Когда я денежки за тебя платил, не ты ли хвастала, что, кроме Фэт-Фрумоса, никого на свете не испугаешься!

Фэт-Фрумос услышал, как всадник плетью щелкает и проклятиями сыплет, вышел ему навстречу и говорит:

— Полно тебе, дракон, лаяться! Я и есть Фэт-Фрумос.

Соскочил всадник с коня, наступает на Фэт-Фрумоса да хвастает:

— Ха-ха-ха! Что за дурак: меня за простого дракона принял! А я сам Полночь-великан. Когда по земле хожу — все спят, никто глаз открыть не смеет! Коли ты такой храбрый, говори, чего хочешь: на саблях биться или на поясах бороться?

Не обробел Ионикэ Фэт-Фрумос, отвечает Полночь-великану:

— Давай бороться. Борьба честнее.

Полночь-великан схватил Иона Фэт-Фрумоса, поднял его да так бросил, что тот по щиколотки в землю ушел. Тогда Ион Фэт-Фрумос ухватил великана и вогнал его в землю по колени. Вскочил рассвиrepевший Полночь-великан да как бросит Иона Фэт-Фрумоса — забил его в землю по самый пояс. Поднялся Фэт-Фрумос, ухватил в гневе великана и так его подбросил, что тот упал и тоже по пояс в землю ушел.

Хотел Фэт-Фрумос голову ему отрубить, а Полночь-великан из земли вырвался и с саблей на него кинулся. Бились они, бились, пока от усталости не повалились в разные стороны.

Вдруг над ними орел закружился. Увидел его великан и закричал:

— Орел мой, орленок, окропи меня водой, чтобы силы ко мне вернулись! За твое добро и я добром отплачу: поесть тебе дам.

Ион Фэт-Фрумос тоже стал просить орла:

— Орел мой, орленок, окропи меня водой, чтобы силы ко мне вернулись! Я на небе Солнце

зажгу. Осветит оно и согреет просторы, по которым носят тебя крылья.

Кинулся орел вниз, нашел воду, окунул в нее крылья, набрал воды в клюв и стрелой полетел к Иону Фэт-Фрумосу. Похлопал над ним мокрыми крыльями, потом напоил из клюва. Вскочил Ион Фэт-Фрумос и почувствовал в себе силы небывалые. Одним ударом рассек он великана сверху донизу, да и коня заодно прихватил. Потом вскочил Фэт-Фрумос на своего коня и поскакал вперед. И вот доехал он до высокого замка. Отпустил коня, а сам закружился на одной ноге и обернулся золотистым петухом с красным гребешком. Захлопал крыльями петух, закукарекал и обернулся мухой, а муха — «ж-ж-ж!» — полетела к замку ведьмы Пожирайки. Прилетел Ион к замку, ткнулся в дверь, ткнулся в окно, ткнулся под крышу — все закрыто, нет нигде лазейки. Взлетел он на крышу и по дымоходу пробрался в замок, полетал по комнатам и спрятался в уголке. Видит Фэт-Фрумос в комнате стол, а на нем яства да напитки разные. И сидят вокруг стола четыре женщины: три помоложе, а четвертая — древняя старуха. И слышит Фэт-Фрумос — говорит старуха:

— Невестушки мои, красавицы, что же вы все глядите вдаль да горюете? Сейчас вернутся ваши мужья, и неладно будет, коли найдут вас заплаканными да печальными. Расскажите лучше о чем-нибудь, так и время незаметно пройдет. Начнем с тебя, жена Вечер-великана.

Стала жена Вечер-великана со стола убирать и такую речь повела:

— Мой муж такой сильный, что, коль встретится с этим несчастным Ионом, подует — и вгонит его в землю. Вовек Иону из земли не выбраться.

После нее заговорила другая, не иначе как жена

Ночь-великана,— была она черная, как смола, только зубы да глаза поблескивали:

— А мой муж такой сильный, что, коль встретится с тем несчастным Ионом да подует, полетит Ион на край света, как лист кукурузный.

Тут заговорила и третья, самая страшная да уродливая, с железными когтями на ногах и булатным ножом за поясом:

— А у моего Полночь-великана такая сила, что, коль повстречается ему несчастный Ион, муж мой одним ударом превратит его в прах да развеет по ветру, чтобы и следа от Иона не осталось.

— Будет вам, не хвастайтесь. Ион тоже не лыком шит. А повстречается он на пути кому-либо из моих сыновей, придется им биться крепче, чем с любым другим богатырем.

— Нечего этого негодника богатырем называть! — прервала ее жена Вечер-великана. — Коли уж с мужем моим случится что, я сама с ним расправлюсь. Обернусь колодцем с прохладной водой, и коль выпьет Ион хоть каплю, останется от него один пепел.

— А я могу обернуться яблоней,— поспешила сказать жена Ночь-великана,— надкусит Ион яблоко и тут же отравится.

— А коли моему мужу он такое зло сделает,— сказала жена Полночь-великана,— где бы ни был и куда бы ни направился Ион несчастный, я повстречаюсь ему на пути виноградным кустом. Попробует он одну ягодку и тотчас ноги протянет.

— Опять вы за похвальбу принялись! Знаете ведь, родненькие, нет добра от хвастовства. Загляните-ка лучше в подземелье да проверьте, там ли Солнце.

Вышли невестки Пожирайки из комнаты, а Фэт-Фрумос за ними мухой полетел. Невестки в подзе-

мелье спустились, а Фэт-Фрумос за ними. Слышит — звякнули ключи, загремели засовы, открыли невестки железную дверь. И увидел Ион в темноте тоненький-тоненький луч света.

— Тут оно, Солнце! Никогда отсюда не вырвется,— сказала жена Полночь-великана.

Захлопнули невестки железную дверь, загремели ключами и засовами, поднялись из подземелья.

А Фэт-Фрумос у двери остался. Зажужжала муха и превратилась в золотистого петуха с красным гребешком. Захлопал петух крыльями, кукарекнул три раза — стал Фэт-Фрумос снова человеком. Ощупал дверь в темницу — семь замков на ней. Сломал Фэт-Фрумос семь замков один за другим, открыл дверь, видит — стоит в углу железный сундук, а из замочной скважины тоненький лучик светит. Напряг Ион все силы, открыл сундук. И вырвалось оттуда яркое Солнце, молнией вылетело в дверь и унеслось в небеса.

Вмиг осветилась вся земля, люди стали на Солнце глядеть, теплу да свету радоваться. И пошло кругом такое ликование, какого еще мир не видывал. Обнимались люди, точно братья. Счастливы были, что от тьмы избавились и что всех одинаково согревает ласковое Солнце.

А Черный царь вскочил на крышу своего дворца и стал ловить Солнце руками, да с крыши-то и свалился вниз головой. Тут и пришел ему конец.

Ион Фэт-Фрумос вслед за Солнцем выбежал из подземелья, бросился к своему коню и крикнул:

— Неси меня быстрее ветра к кузнецу!

Помчался конь — только земля под копытами гудела. Скакал-скакал, увидел колодец у дороги и остановился на водопой. Но Ион Фэт-Фрумос нагнулся с седла, всадил в колодец саблю по самое дно, и хлынула оттуда поганая кровь.

Пришпорил Ион Фэт-Фрумос коня, щелкнул плетью и отправился далее.

Долго ли, коротко ли он ехал и вдруг увидел на своем пути ветвистое дерево, все усыпанное яблоками. Яблоки все крупные, румяные да спелые, висят у самой дороги. Глянешь на них — так слюнки и потекут. Никто мимо не пройдет, яблока не отведав. А Ион Фэт-Фрумос, как увидел яблоню, выхватил саблю и посек ей все ветки. Полился из яблок ядовитый сок. Где капнет, там земля загорается и в окалину превращается.

Ион Фэт-Фрумос пришпорил коня и поскакал дальше. Долго ли, коротко ли он ехал, видит — растет у дороги виноградный куст, а на нем гроздьи тяжелые висят. Ягоды крупные, спелые, соком налитые. Но Ион-то знал, что это за куст стоит. Подъехал он поближе и искромсал куст саблей. Полился тут сок ядовитый, а из него пламя языками вьется.

И снова Ион Фэт-Фрумос коня пришпорил, плетью хлестнул — впереди был еще долгий путь.

Едет он, а Солнце знай себе светит. Где прежде голая земля была, теперь поля зеленели да сады дивные цвели. На глазах чудеса творились: росли-разрастались тенистые леса, поднимались буйные травы.

Ехал Ион Фэт-Фрумос, ехал, и вдруг, откуда ни возьмись, подул сухой ветер, суля беду всему свету: траву к земле пригибает, деревья в лесу ломает. И показалась черная туча. Где она пролетит, там земля выгорает.

Оглянулся Фэт-Фрумос и понял: не туча это, а Пожирайка злая его догоняет.

Пришпорил Ион Фэт-Фрумос коня, помчался стрелою и прискакал к кузнице. Есть ли кто в ней,

нет ли, глядеть не стал, въехал в кузницу с конем, запер окна и двери на запоры, какие кузнец ему выковал. А палицу с шипами, что у наковальни лежала, в огонь сунул. Тут и Пожирайка вихрем подлетела, вокруг кузницы носится, а проникнуть в нее не может: заперта кузница на крепкие запоры, двери да ставни пригнаны ладно, и нигде щели не отыщешь.

Взмолилась Пожирайка сладким голосом:

— Ион Фэт-Фрумос, сделай в стене щелочку, хоть одним глазком дай взглянуть, каков ты собой, что сумел сыновей моих да невесток извести. Ведь были они самыми храбрыми да самыми сильными на земле.

Ион Фэт-Фрумос подбросил углей в горн, раздул мехами огонь, а когда палица накалилась добела, пробил в стене дыру и стал около нее с палицей.

Как заметила Пожирайка дыру в стене, рот разинула да бросилась к ней, чтобы рассмотреть молодца и погубить его. А Ион Фэт-Фрумос размахнулся и — раз! — метнул палицу прямо ей в пасть. Проглотила Пожирайка палицу раскаленную и околела на месте.

Фэт-Фрумос отодвинул засовы, вышел из кузницы и коня своего вывел. Глядит — ни тучи нет, ни ветра. А Солнце светит да припекает. И лежит у стены Пожирайка.

Вскочил Фэт-Фрумос на коня и поскакал дальше.

Искал он по свету то место, где Солнце в полдень отдыхает. Слышал Фэт-Фрумос, будто живет там самый главный враг — дракон Лимбэ-Лимбэу, которого ни меч, ни сабля, ни палица не берут. Много горя да несчастья причинил дракон людям, и приходился он Пожирайке мужем, а трем велика-

нам — отцом. Пока жив дракон, не будет людям счастья на земле.

Много Фэт-Фрумос пересек высоких гор, глубоких долин и бурных потоков. И кого в пути встречал, у всех спрашивал, где найти дракона Лимбэ-Лимбэу.

И вот повстречался ему древний хромой старик. Поведал он, что тоже дракона искал, да ногу в пути сломал. Рассказал он ему, что смерть дракона Лимбэ-Лимбэу, которого палица не берет, сабля не сечет, спрятана в свинье с поросятами. А искать ее надо на полночь от Каменной горы.

Повернул Фэт-Фрумос коня на полночь, поскакал, как ветер, только земля под копытами дрожит.

Ехал он долго ли, коротко ли, по зеленым лугам, по крутым горам, ехал день до вечера, до заката красна солнышка и решил отдохнуть на берегу озера. Прилег на травку, глядит на озеро, да вдруг видит у берега свинью с поросятами. Смекнул он тут, что это и есть та свинья, о которой древний старик ему говорил. Подкрался Ион ближе и увидел страшилище: вместо щетины у свиньи — острые иголки, клыки и копыта железные. По камням ступает — искры высекает.

Ион Фэт-Фрумос схватил свою палицу да так огрел свинью, что та на месте дух испустила. Из свиньи выскочил заяц и бросился было бежать, да Фэт-Фрумос зарубил его саблей. Из зайца утка вылетела: взмахнул Ион саблей и отрубил ей голову. Упала утка на землю и яйцо снесла. Покатилось яйцо по кочкам, разбилось, а из него три жука вылетели. Ион Фэт-Фрумос изловил двух и убил, а третьего упустил. Жук взметнулся вверх и полетел на полночь. Ионикэ Фэт-Фрумос вскочил на коня и следом за жуком помчался.

А жук полетел к замку дракона Лимбэ-Лимбэу. Стоял тот замок на высокой горе, и войти в него можно было только через одну дверь: не было в замке больше дверей, не было и окон.

День и ночь охранял ту дверь сторож. Дракон Лимбэ-Лимбэу приказал уничтожить каждого, кто бы ни появился перед дверью. Человек ли, птица ли, зверь или букашка, любое живое существо — никто не должен проникнуть в замок дракона. Но забыл дракон предупредить сторожа, в чем его смерть спрятана.

И вот прилетел жук к замку Лимбэ-Лимбэу, а сторож его не впускает. Напрасно молил его жук:

— Пусти меня к Лимбэ-Лимбэу, хозяину нашему, жизнь его в большой опасности, и дни его сочтены. Пропусти: как хозяин меня увидит да в руке подержит — век ему жить.

— Мое дело приказ исполнять. Если пропущу кого в замок, снесет мне хозяин голову.— И поймал сторож жука да ногами истоптал.

А тут и Фэт-Фрумос к замку подъехал. Сторож бросился на него, да Ион мигом с ним расправился. Вошел в замок и увидел бездыханного Лимбэ-Лимбэу. Схватил его, бросил на кучу дров и поджег. А когда костер прогорел, развеял пепел по ветру.

— Пусть тебя ветер развеет, чтоб и следа от злых драконов не осталось,— сказал Фэт-Фрумос. Потом сел на коня и поскакал в родные края.

СТАРЫЙ ЦЫГАН И СПОРНИКИ

Цыганская сказка

ил старый цыган со своей женой, и был у них сын. Короче сказать, в одно прекрасное время поставил цыган палатку и говорит жене:

— Поеду-ка я в город на ярмарку, лошадей менять!

Взял цыган кнут и отправился. Поле едет, лесом едет. Выехал он на опушку леса и вдруг видит: выбегают к нему навстречу шесть мальчиков и шесть девочек — росточка маленького, на каждом голубые штанишки и красные рубашечки, расшитыми кушаками подпоясанные.

— Стой,— кричат дети,— ты куда?

Отвечает им цыган:

— Менять еду!

— Ну давай езжай! Удача будет!

Удивился цыган такому разговору, но виду не подал, а сам тронул лошадей и подался в город.

А в городе в тот день была такая ярмарка, какой цыган еще в жизни не видал. Неслыханная выпала цыгану в тот день удача, и домой возвращался он с большими деньгами. Подъезжает он к тому месту, где с маленькими детишками повстречался, а они уже поджидают его:

— Ну, скажи, хорошо ли поменял?

— Хорошо, хорошо! Спасибо! Что вам дать, скажите? Ничего для вас не пожалею!

— Ничего нам, дядя, не надо! Жди нас сегодня к себе в гости. Только смотри, сделай так, чтобы нас никто не увидел!

Едва наступила ночь, а дети уже в шатре старого цыгана. Просят они его:

— Ты приготовь, где бы нам от людского глаза спрятаться.

— Вы заходите, — говорит цыган, — я уже все для вас приготовил.

А в шатре цыгана, в его кибитке*, стоял большой сундук. Там и устроил цыган спорникам место для ночлега, перину расстелил, подушки приготовил — все, как полагается. А они говорят ему:

— Ты нам, дядя, зеркало дай, расческу, помаду, румяна и краску...

Все сделал цыган, как его просили спорники. С той поры привалило ему невиданное счастье: за что ни возьмется цыган — все у него спорится, в любом деле ожидает его удача. Но каждое утро, когда вся семья цыгана вставала после сна, предупреждали его спорники:

— Хороший ты человек, дядя, понравился ты нам. Только смотри, чтобы никто не знал, что мы у тебя живем, ни одна живая душа...

Много ли, мало ли времени прошло, только однажды утром, когда еще весь табор спал, подошла к шатру старого цыгана одна цыганка. Понадобилась ей горящая головешка, чтобы костер разжечь. А спорники по ночам только и делают, что пляшут да веселятся. Так и возятся в своем сундуке до третьих петухов. Услыхала цыганка возню в шатре старого цыгана и давай ругаться:

— Что такое? Еще чуть свет, еще спят все, а они танцуют, другим спать не дают. Будьте вы прокляты!

Едва произнесла цыганка свои проклятия, как

спорники тотчас и сгнули. Перед восходом солнца встал старый цыган, подошел к кибитке, прислушался — не слышать привычного шума.

— Вы здесь? — спрашивает.

Нет ответа. Открыл сундук, посмотрел, а там нет никого.

— Что такое? — удивился цыган. — Ушли и никого не предупредили...

Так прошел день, а после полуночи вышел старый цыган на дорогу и стал спорников звать. Только напрасно кричал он на весь лес — так к нему никто и не вышел.

Прошло несколько дней. Как-то раз поехал старый цыган по своим делам в город. И снова на том же самом месте к нему навстречу спорники выбежали.

— Дядя! — кричат. — Мы бы пожили у тебя, да только есть у вас в таборе женщина одна нехорошая. Прокляла она нас, обругала недобрым словом. Не можем мы теперь жить у тебя, дядя.

Отвечает им цыган:

— Хорошо мне было с вами, деточки, да раз так получилось, то идите с богом.

И спорники ушли, сказав на прощанье, что все равно будут помогать старому цыгану в его делах.

— Будешь в город ездить, всегда нас здесь найдешь. А жить у тебя нам, знать, не судьба.

С тех пор так и повелось: как поедет цыган в город, на своем заветном месте обязательно спорников встретит.

Проходит неделя, проходит вторая, проходит третья. Как-то раз говорят спорники старому цыгану:

— Смотри, дядя, та самая цыганка, что нас прокляла, хочет и тебе недоброе дело сделать. купишь

ты сегодня лошадку, а она по воле той цыганки увернет твоего сына неведомо куда.

— Что же мне делать? — испугался старый цыган. — Научите.

— Ничего ты сам сделать не сможешь, потому что колдунья та цыганка. Только мы сможем тебе помочь. Не переживай, не плачь по сыну, мы его в беде не оставим. Скажи ему, что, когда воротим мы его обратно, пусть он все свои силы соберет, всю свою ловкость проявит, но лошадку ту объездит. Стоит ему три раза на ней вокруг табора проехать, как станет та лошадка послушней дитя малого...

Так и получилось, как сказали спорники. Привел старый цыган домой на ярмарке купленную лошадку. Решил сын цыгана на той лошадке прокатиться, вскочил в седло, а тут подскочила к нему та цыганка, что спорников проклала, ударила лошадку прутом, та взбесилась и рванула в лес. Только ее и видели.

Так день за днем прошло шесть недель. Старый цыган места себе найти не может. Хоть и верил он спорникам, но все равно на душе у него неспокойно. К исходу шестой недели услышал старый цыган на рассвете конское ржание, топот копыт и выбежал из шатра. Глядит: из леса бежит уже не та лошадка, что он для сына купил, а красавец конь, на том коне его сын сидит и с трудом поводья держит, а позади спорники бегут, коня того погоняют. Вспомнил старый цыган наказ спорников и крикнул:

— Сын мой, вижу я, что мало у тебя сил осталось. Соберись с силами, покажи ловкость цыганскую, проскачи три раза вокруг табора!

Собрал сын старого цыгана последние силы, натянул повод покрепче и направил коня в объезд табора. Только первый круг сделал — сбавил конь

свой бег. Второй круг проехал — конь шагом пошел. Третий круг закончил — встал конь у шатра старого цыгана. Не слез с коня сын старого цыгана, а упал ему на руки, едва живой. Только на третий день пришел он в себя.

С той поры вернулась к старому цыгану удача. А злая цыганка пропала из табора, и больше ее никто не видел.

ЗЛАТОПРЯХИ

Эстонская сказка

хочу рассказать вам хорошую сказку о тех далеких временах, когда на земле еще понимали язык четвероногих и пернатых и прислушивались к их мудрому слову.

Жила в ту пору в темном дремучем лесу, в одинокой избушке, хромая старуха с тремя красавицами дочерьми. Дочки подле старухи цвели, точно яркие цветочки вокруг сухого пня; особенно пригожей и милой была младшая сестра. Но в лесной глуши красотой девушек могли любоваться только солнце днем да месяц и звезды ночью.

Словно юноша влюбленный,
Солнышко на них глядело,
То играло в пестрых лентах,
То румянило узоры.

Старуха не давала дочерям лентяйничать и терять время попусту — они должны были работать с утра до вечера. Девушки весь день проводили за прялками — они пряли пряжу из золотого льна. Ни в будний день, ни в субботу вечером не было у бедняжек времени, чтобы запасти себе приданое. Если в сумерки или ночью, когда всходила луна, им не удавалось тайком взяться за спицы, то к приданому ничего и не прибавлялось. Спряденную кудель старуха тотчас заменяла новой и к тому же требовала, чтобы нить, которую пряли девушки, была одинаково ровной, в меру крученой и тонкой. Готовую пряжу она держала под замком, в тайнике, куда девушки не смели и ногой ступить.

Откуда появлялся в доме золотой лен и на какую ткань шла спряденная нитка, пряжи не знали; старуха никогда им об этом не говорила. Каждое лето она два или три раза куда-то уходила и пропадала иногда больше недели, домой же всегда возвращалась ночью, и сестры никогда не видели, что она приносила с собой. Перед уходом старуха оставляла дочерям прядева на столько дней, сколько думала пробыть в отлучке.

Вот и сейчас старуха снова стала собираться в путь. Разделив между дочками прядево на шесть дней, она, по обыкновению, начала поучать их:

— Дочки, работайте усердно, не зевайте по сторонам, чтоб нитка на веретене не оборвалась, не то золотая пряжа потускнеет, и тогда конец вашей счастливой жизни!

Но девушки только посмеялись над наставлением старухи, и не успела она отойти от дому и на десять шагов, как сестры наперебой стали издеваться над ней.

— Ни к чему нам эти глупые поучения, — сказала младшая. — Золотую нитку рви сколько хо-

чешь — она не порвется, и уж когда прядешь, тем более.

— Да и золото потускнеть не может,— добавила вторая сестра.

Так смеялись девушки по своему легкомыслию, пока смех их в конце концов не обернулся слезами.

На третий день после ухода старухи неожиданно случилось событие, принесшее сестрам сперва испуг и слезы, а в конце концов — счастье и благополучие.

Королевич из рода Кáлева*, охотясь с друзьями на диких зверей, заблудился в густом лесу. Он заехал так далеко, что уже не слышал ни лая собак, ни звуков охотничьего рога, которые помогли бы ему выбраться из чащи. То ли лесные духи ловили голоса звавших его людей, то ли звуки тонули в густых зарослях, не долетая до королевича. Выбившись из сил, юноша слез с коня и прилег отдохнуть в тени кустов, а лошадь пустил пастись на траве.

Когда королевич проснулся, солнце уже клонилось к закату. Он стал искать дорогу и наконец набрел на маленькую тропинку, которая вела к избушке хромой старухи.

Девушки очень испугались, увидев незнакомого юношу,— им до сей поры не приходилось видеть чужих людей. Но уже вечером, закончив работу, положенную на день, сестры так подружились с пришельцем, что забыли и об отдыхе. Когда наконец старшие сестры пошли спать, младшая осталась с юношей. Они сидели на пороге избушки, и ни тому, ни другому в эту ночь спать не хотелось.

* Пока они при свете луны и звезд нашептывают друг другу сладкие речи, посмотрим, что делают охотники, потерявшие в лесу своего старшего. Они без устали искали юношу, ездили по лесу и вдоль, и поперек, пока совсем не стемнело. Отчаявшись, они

отправили к королю двух гонцов с печальной вестью, а сами улеглись на ночь под ветвистой елью, решив на другое утро вновь начать поиски.

Король тотчас же приказал на следующее утро, не дожидаясь рассвета, выслать отряд конных и пеших воинов на розыски пропавшего сына. Но лес был такой большой, что людям лишь на третий день к полудню удалось напасть на след, который вел к избушке.

Королевич не скучал в обществе сестер и не вспоминал о доме. Уезжая, он тайно поклялся младшей сестре скоро вернуться и либо добром, либо силой увезти ее с собой. И хотя старшие сестры даже не подозревали об этом сговоре, тайна вскоре неожиданно-негаданно открылась.

Не на шутку испугалась младшая из сестер, когда, сев после отъезда королевича за прялку, заметила, что золотая нить на веретене порвана. Девушка проворно связала концы нити узелком и стала быстро вертеть колесо прялки, чтобы наверстать время, которое потеряла, милюясь со своим суженым. Но вдруг сердце у девушки сжалось: она заметила, что золотая пряжа утратила свой блеск. Не помогли ни вздохи, ни слезы — дело не шло на лад.

«Пришла беда — отворяй ворота» — говорит старая пословица. Так случилось и теперь.

Ночью старуха вернулась домой. Войдя в горницу, она мигом почуяла — что-то здесь неладно. Гнев закипел в ее сердце. Она подозвала к себе дочерей и потребовала от них ответа. Как девушки ни таились, как ни оправдывались — ничто не помогло: ложь на глиняных ногах ходит. Хитрая старуха сразу же поняла, какие песни напевал ее младшей дочери юноша. Она разразилась страшными проклятиями, осыпая ими небо и землю.

В конце концов пригрозила свернуть юноше голову и бросить его на съедение диким зверям, если он вздумает вернуться.

Младшая дочь, красная, как вареный рак, весь день не находила себе покоя и ночью не сомкнула глаз. Особенно мучила ее мысль о том, что королевичу, если он вернется, не миновать смерти. Рано утром, когда старуха и сестры еще крепко спали, девушка потихоньку вышла из избы во двор, надеясь, что утренняя прохлада развеет ее тяжкие думы.

К счастью, она еще в детстве научилась у старухи понимать язык птиц, и теперь это ей пригодилось. На верхушке ели сидел ворон и приглаживал клювом перья. Увидев его, девушка воскликнула:

— Милый ворон, мудрейшая из птиц! Можешь ли ты помочь мне?

— Какая помощь тебе нужна? — спросил ворон.

— Полети над лесами и равнинами, лети до тех пор, пока не увидишь прекрасный город, где живет король, — ответила девушка. — Разущи там королевича и поведай ему про мою беду.

И она рассказала ворону о том, как порвалась у нее золотая нить и какие страшные угрозы сыпались из уст старухи. Девушка попросила передать королевичу, чтобы он больше не возвращался. Ворон пообещал выполнить ее просьбу, если найдется в городе кто-нибудь, кто знает язык птиц, и тотчас же отправился в путь.

Старуха теперь не позволяла младшей дочери садиться за прялку, а заставляла ее наматывать готовую пряжу. Для девушки эта работа, пожалуй, была бы и легче, но старуха не давала бедняжке ни минуты покоя, с утра до ночи осыпая ее проклятиями и бранью. Если девушка пыталась оправдываться, старуха бесновалась еще пуще. Злая баба

уж если начнет браниться — ее никакой силой не остановишь.

Под вечер с верхушки ели слышалось карканье ворона: «Кра, кра!» — и измученная девушка выбежала во двор послушать, какие вести принесла ей птица. Ворону посчастливилось встретить в королевском саду сына некоего мудреца, повелевавшего ветрами. Юноша этот хорошо знал язык птиц. Ворон передал ему слова девушки и попросил все рассказать королевичу. Узнав о случившемся, королевский сын сильно опечалился и стал втайне советоваться со своими друзьями, как спасти девушку.

— Скажи ворону, — наказывал королевич сыну мудреца, — чтобы он поскорее летел к девушке и передал ей вот что: «На девятую ночь будь наготове — придет избавитель и вырвет голубку из когтей ястреба».

Ворону, чтобы вознаградить его за хлопоты и подкрепить его силы, дали кусок мяса и отправили в обратный путь.

Девушка поблагодарила мудрую птицу за добрые вести и все услышанное сохранила в тайне, так что ни сестры, ни старуха ни о чем не догадались. Но чем ближе подходил девятый день, тем тяжелее становилось на сердце у девушки: она боялась, как бы неожиданная беда не испортила все дело.

На девятую ночь, когда старуха и сестры пошли спать, девушка на цыпочках вышла из избы и села под деревом на траву поджидать суженого. Страх и надежда переполняли ее сердце. Уже и вторые петухи пропели, а в лесу не слышно было ни голосов, ни шагов. Между вторым и третьим пением петухов до нее донесся отдаленный топот конских копыт. Чтобы топот и голоса приближающихся людей не разбудили сестер и старуху, девушка

побежала в ту сторону, откуда слышался шум, и вскоре увидела отряд воинов. Впереди ехал королевич,— уезжая отсюда в прошлый раз, он сделал на стволах деревьев отметки, которые теперь помогли ему найти дорогу. Увидев девушку, юноша соскочил с коня, помог ей сесть в седло, потом сел сам, и они помчались. Месяц, выглядывая из-за деревьев, освещал им путь.

Едва занялась заря, как лес наполнился птичьими голосами. Если бы девушка прислушалась к ним и последовала советам птиц, это избавило бы ее и королевича от многих бед. Но юноша нашептывал ей на ухо сладкие речи, и девушка не слышала и не видела никого, кроме своего суженого, а тот просил ее отбросить всякий страх и смело положить на защиту воинов. Когда отряд достиг равнины, солнце стояло уже высоко.

Старуха, встав поутру, не сразухватилась дочери. Лишь немного погодя, увидев, что за мотовилом* никого нет, она спросила у дочек, где их младшая сестра. Но те не знали. По некоторым приметам старуха поняла, что дочь убежала, и задумала наказать беглянку, послав за ней погоню. Старуха принесла с чердака горсть волшебных трав, высушенных и перемешанных, прибавила к ним колдовской соли, завязала все в тряпочку, обмотала шерстяной ниткой и, бормоча заклинания, послала волшебный клубок с попутным ветром вдогонку дочери, приговаривая:

Мать Ветров, махни полою,
Пусть расправят крылья вихри!
Пусть клубочек мой помчится,
Словно ветер, словно птица;
Пусть несется, смертоносный,
И заставит пасть беглянку!

К молдавской сказке «Фэт-Фрумос и Солнце».

К полудню королевич со своим отрядом достиг берега широкой реки. Через нее был переброшен мостик, такой узенький, что проехать по нему можно было только поодиночке. Когда королевич достиг середины моста, посланец ветра — волшебный клубочек на лету слегка коснулся коня. Испуганный конь с храпом взвился на дыбы, и не успели люди броситься на помощь, как девушка соскользнула с лука седла* в реку. Королевич хотел было прыгнуть вслед за ней, но воины удержали его: река была такой глубокой, что ни один смертный не мог бы помочь беде.

От ужаса и горя королевич чуть не лишился рассудка. Воины силой отвезли его в замок, где он провел много недель в уединенной комнате, оплакивая свою невесту. В первые дни юноша не принимал ни пищи, ни питья. Опечаленный король велел созвать всех мудрецов своей страны, но никто не мог сказать, чем болен королевич, и никто не знал, как его вылечить. Тогда сын волшебника, служивший у короля садовником, дал ему такой совет:

— Пошлите гонцов в страну финнов, к старому мудрецу, он знает дело лучше, чем здешние мудрецы.

Король поспешил послать гонцов к финскому мудрецу, и спустя неделю старик прилетел в королевство на крыльях ветра.

— Добрый король! — сказал мудрец. — Этот недуг на королевича наслал ветер. Злой волшебный клубок поразил юношу в сердце, поэтому он и грустит. Тут не помогут ни уговоры, ни лекарства — только время залечит рану. Пусть он почаще бывает на ветру, чтобы ветер развеял его тоску.

И правда — королевич стал поправляться, начал есть и спать. В конце концов он рассказал родителям о своем горе.

Старый король желал бы, чтобы сын нашел себе новую невесту и поскорее привел в дом молодую жену, но королевич и слышать об этом не хотел.

Так, в скорби и печали, прошел почти год. И вот однажды юноша случайно оказался у реки, где погибла его любимая. Вспомнив об этом, он горько заплакал. Вдруг ему послышался нежный, красивый голос, хотя никого поблизости не было. Голосок пел:

По заклятью злой старухи
Взяли волны слабенькую,
Скрыли волны бедненькую,
Обнял Ахти* миленькую.

Соскочив с коня, королевич осмотрелся вокруг, заглянул под мост, не спрятался ли там кто-нибудь. Но насколько хватало глаз, нигде таинственной певуньи не было видно. На поверхности воды, меж широких листьев, тихо покачивался цветок кувшинки. Это было единственное, что бросилось в глаза юноше. Но цветок не мог петь, тут, конечно, крылось какое-то волшебство. Королевич привязал коня к пню у берега, уселся на мосту и стал ждать, не послышится ли голос снова. Долго все кругом было тихо, потом голосок снова запел:

По заклятью злой старухи
Взяли волны слабенькую,
Скрыли волны бедненькую,
Обнял Ахти миленькую.

Иной раз хорошая мысль осеняет человека совсем случайно. Так было и на этот раз. «Если я сейчас поеду в лесную избушку,— подумал королевич,— кто знает, может быть, златопряхи помогут

мне разгадать эту тайну». Юноша вскочил на коня и поехал по направлению к лесу. Он надеялся найти дорогу по знакам, которые оставил на стволах деревьев, но лес разросся, и королевич проплутал больше суток, прежде чем отыскал тропинку. Он остановился в лесу поодаль от избушки и стал подстергать, не покажется ли кто из девушек.

Рано утром старшая дочь вышла к ручью умыться. Подойдя к ней, юноша рассказал о своем несчастье и о таинственной песне, которую он услышал у моста. Старухи, к счастью, не было дома, и девушка позвала юношу в горницу. Из рассказа королевича сестры сразу поняли, что виной несчастья был старухин волшебный клубок и что сестра их не умерла, а только опутана нитями колдовства.

— Не заметили ли вы в речных волнах того, кто мог бы петь? — спросила старшая сестра.

— Нет, — ответил королевич. — Насколько хватало глаз, на воде не было ничего, кроме желтого цветка кувшинки с широкими листьями. Но ведь ни цветок, ни листья не могли петь.

Девушки сразу же решили, что кувшинка и была их сестра, утонувшая в реке и превращенная силой волшебства в цветок. Они знали, что заколдованный клубок, который старуха послала вдогонку их сестре, мог превратить ее во что угодно, но отнять у нее жизнь он не мог. Однако королевичу сестры ничего не сказали; они не хотели внушать ему напрасные надежды, пока не придумают, как спасти сестру. Старуха должна была вернуться только через несколько дней, поэтому у них было время подумать и посоветоваться.

Вечером старшая сестра принесла с чердака горсть волшебных трав, мелко растерла их, смешала с мукой, замесила тесто, испекла лепешку и

угостила его юношу перед сном. Ночью королевич увидел странный сон — будто живет он в лесу среди птиц и понимает их язык.

Когда он утром рассказал девушкам свой сон, старшая сестра молвила:

— В добрый час пришли вы к нам, в добрый час приснился вам такой сон. Когда вы поедете домой, он сбудется. В лепешку, которую я вчера испекла для вас, были подмешаны волшебные травы мудрости. Они помогут вам понять все, о чем говорят между собой птицы. Этим маленьким крылатым существам известна мудрость, неведомая людям; поэтому внимательно прислушивайтесь к щебетанию пернатых. А когда наступят для вас счастливые дни, вспомните и нас, бедных сироток, которые, точно узницы, вечно сидят за прялкой.

Королевич поблагодарил девушек за добрые советы и поклялся выволить их из рабства, хоть ценой выкупа, хоть силой, затем попрощался и пустился в путь. Велика была радость девушек, когда они увидели, что нить на веретене не порвалась и блеск золота не потускнел: старуха, вернувшись домой, ни в чем не сможет их заподозрить.

А королевич тем временем ехал по лесу, и ему казалось, будто он окружен множеством людей: пение птиц, их крик и щебет отдавались у него в ушах, как внятная и разумная речь. Юноша дивился тому, сколько мудрости остается неведомой человеку из-за того, что он не знает языка пернатых. Правда, вначале путник не понимал многого из щебетания птиц, хотя они и говорили о людях. Но эти люди и их тайные дела были королевичу неизвестны. Вдруг на верхушке высокой сосны он увидел сороку и пестрого дрозда. Они вели между собой беседу, которая, как показалось королевичу, касалась его.

— Люди ужасно глупы! — сказал дрозд. — В самом пустячном деле и то не умеют правильно поступить. Там в реке, около моста, уже целый год томится дочка хромой старухи, превращенная в кувшинку. Она поет, жалуясь прохожим на свое горе, но никто и не подумает ее спасти. Вот только несколько дней тому назад проезжал через мост ее бывший женишок, слышал жалобы девушки, но и он оказался не умнее других.

— А ведь бедняжка по его вине несет на себе проклятие старухи, — ответила сорока. — Если он не наберется иной мудрости, кроме человеческой, то девушка так и останется цветком на веки вечные.

— Спасти ее было бы нетрудно, — сказал дрозд, — если б рассказать все старому финскому мудрецу. Он легко освободил бы пленницу из водной темницы.

Этот разговор заставил юношу задуматься. Едучи дальше, он размышлял о том, кого бы послать гонцом в страну финнов.

Вдруг он услышал, как одна ласточка прощевтала другой:

— Давай полетим в страну финнов, там есть получше места для гнезд, чем здесь.

— Постойте, друзья! — закричал королевич на языке птиц. — Передайте от меня привет старому финскому мудрецу и спросите у него совета — как вернуть человеческий облик девушке, превращенной в кувшинку!

Ласточки пообещали выполнить его просьбу и полетели своей дорогой.

Добравшись до берега реки, юноша пустил коня пастись, а сам остался на мосту, прислушиваясь, не зазвучит ли снова песня. Но ничего не было слышно, только волны шумели да ветер свистел над

рекой. Опечаленный, сел королевич на коня и поехал домой. О том, что случилось с ним во время поездки, он никому не сказал ни слова.

Прошло несколько дней. Однажды королевич сидел в саду и размышлял о том, что ласточки, улетевшие в страну финнов, наверное, забыли о его просьбе. Вдруг он увидел большого орла, кружившего высоко в воздухе над его головой. Орел опускался все ниже и ниже и наконец уселся на ветку липы, поблизости от королевича.

— Старый финский мудрец шлет тебе привет, — сказал орел, — и просит не сердиться, что он задержался с ответом: трудно было найти кого-либо, кто направлялся бы в вашу страну. Чтобы вызволить девушку из плена и вернуть ей облик человека, ты должен сделать вот что: пойдя к реке, сбрось с себя одежду и вымажь все тело грязью, чтобы нигде не осталось ни единого белого пятнышка. Потом зажми нос двумя пальцами и крикни: «Пусть на месте юноши черный рак появится!» И в тот же миг ты превратишься в рака. Смело ныряй на дно реки, не бойся утонуть. Заберись под корни кувшинки, высвободи их из песка и ила, потом зацепись клешней за кончик корня, и вода сама поднимет тебя вместе с цветком на поверхность. Плывайте вниз по течению, пока на левом берегу не покажется раскидистая рябина. Поодаль от нее будет стоять камень вышиной с маленькую избушку. Поравнявшись с ним, ты должен крикнуть: «Кувшинка стань девушкой, рак превратись в юношу!» И твое желание тотчас же сбудется.

Сказав это, орел поднялся в воздух и полетел своей дорогой. Юноша долго смотрел ему вслед, не зная, что и думать.

Больше недели размышлял королевич: у него не хватало решимости поступить так, как велел муд-

рец. Но однажды юноша услышал голос ворона, говорившего ему:

— Что же ты медлишь? Финский мудрец никогда не давал неправильных советов, да и язык птицы никогда еще никого не обманывал. Поспеши к реке, спаси девушку и осуши ее слезы.

Слова ворона придали юноше смелости. «Пусть я погибну,— подумал он,— но лучше смерть, чем вечная печаль».

Сев на коня, он поскакал знакомой дорогой к берегу реки. Подъехав к мосту, королевич снова услышал песню:

По заклатью злой старухи
В полусне я здесь качаюсь.
У речной волны в объятьях
Цвет весенний увядает,
В глубине холодной, темной
Скрыта милая твоя.

Королевич стреножил коня, чтобы тот не мог далеко уйти, потом сбросил с себя одежду, вымазал тело грязью, не оставив нигде ни одного белого пятнышка, зажал себе нос и, воскликнув: «Пусть на месте юноши черный рак появится!», бросился в реку. Вода с шумом взметнулась кверху, и снова все стихло.

Юноша, превратившийся в рака, стал освобождать от песка и ила корни цветка, глубоко ушедшие в речное дно. Эта работа отняла у него много времени. Корни крепко вросли в землю, и раку пришлось трудиться целых семь дней, наконец он справился с делом. Распутав корни, он зацепился клешнями за один из них, и вода подняла его вместе с цветком на поверхность. Волны несли их все дальше и дальше, и хотя по берегам росло много

кустов и деревьев, однако рябины и большого камня все еще не было видно.

Наконец на левом берегу они увидели ветвистую рябину, покрытую гроздьями красных ягод, а чуть поодаль стоял камень величиной с избушку. Поравнявшись с ним, пловец воскликнул: «Кувшинка стань девушкой, рак превратись в юношу!» — и тотчас же на поверхности воды показались две головы — юноши и девушки. Волна прибила пловцов к берегу, но выйти они не могли, так как оба были нагие.

— Милый юноша, у меня нет никакой одежды, поэтому я не решаюсь выйти из воды, — смущенно сказала девушка.

— Я закрою глаза, а ты выйди на берег и спрячься под рябиной, — ответил юноша. — Я побегу к мосту, где оставил коня и одежду перед тем, как броситься в реку.

Когда девушка укрылась под рябиной, королевич поспешил к тому месту, где оставил коня и одежду, но не нашел ни того, ни другого. Юноша не знал, что пробыл в облике рака семь дней, ему казалось, что он провел на дне реки каких-нибудь несколько часов.

Вдруг к берегу подъехала великолепная карета, запряженная шестеркой лошадей. В карете королевич нашел одежду для себя и спасенной им девушки. Вместе с каретой прибыли также слуга и служанка. Оставив слугу подле себя, юноша послал карету со служанкой и с одеждой туда, где пряталась под рябиной его любимая.

Через час с лишним девушка, наряженная в красивое свадебное платье, приехала к королевичу, поджидавшему ее у реки. Юноша, тоже одетый в богатый свадебный наряд, сел в карету рядом с невестой, и они поехали в город, прямо к церкви.

В это время король и королева в траурных одеждах сидели в церкви, оплакивая своего любимого сына. Все считали, что он утонул, так как его конь и платье были найдены на берегу реки. Велика же была радость родителей, когда сын предстал перед ними живой и невредимый, и с ним рядом — милая девушка, оба в ослепительных одеждах. Король сам повел жениха и невесту к алтарю, где их и обвенчали. Затем начались пышные и шумные свадебные празднества, длившиеся шесть недель.

Время движется, не зная ни остановок, ни отдыха, и все же дни радости летят как будто быстрее, чем часы скорби. Вскоре после свадьбы наступила осень, потом пришла зима с морозами и снегом, и у наших молодых не было охоты даже за порог ступить.

Но когда снова пришла весна во всей своей красе, королевич с молодой женой вышли погулять в сад. Тут сорока, сидевшая на верхушке дерева, закричала ему:

— Ох ты, неблагодарное создание! Как только для тебя наступили счастливые времена, ты и забыл о тех, кто помогал тебе в беде! По-твоему, несчастные девушки до конца дней своих должны прясть золотую пряжу? Хромая старуха не мать им, а колдунья! Она украла их в дальней стороне, когда они были еще малыми детьми. Много грехов у старухи, она не заслуживает пощады. Надо бы сварить ядовитый корень и угостить им колдунью, не то она снова будет преследовать девушек своим волшебным клубком.

Тут королевич вспомнил, как он ходил в лесную избушку просить у сестер совета, как научился понимать язык птиц, как поклялся девушкам вызвать их из неволи. Обо всем этом он рассказал

жене, и она, обливаясь слезами, стала умолять мужа поспешить на помощь ее сестрам.

На другое утро, проснувшись, она сказала королевицу:

— Мне снился вещий сон, будто старуха ушла из дому и сестры остались одни. Сейчас самое время отправиться к ним на помощь.

Не медля ни минуты, королевич велел снарядить большой отряд воинов и вместе с ними двинулся в путь. На другой день они достигли лесной избушки. Девушки, как и предвещал сон, оказались одни и с радостным криком бросились навстречу своему избавителю. Королевич тотчас же приказал одному из воинов набрать ядовитых корней и приготовить старухе такое блюдо, чтоб ей, когда она вернется домой и поест, уже никогда больше есть не захотелось.

Переночевав в избушке, королевич и воины ранним утром пустились в обратный путь, взяв с собой обеих девушек, и к вечеру прибыли в город. Велика была радость сестер, когда они свиделись после двух лет разлуки.

А старуха вернулась домой в ту же ночь. Она быстро проглотила кушанье, оставленное на столе, и легла спать, да так больше и не встала. Ядовитый корень сделал свое дело.

Когда королевич спустя неделю послал своего военачальника посмотреть, что делается в лесной избушке, тот нашел старуху мертвой. В тайнике же оказалось пятьдесят возов золотой пряжи, которую потом разделили между тремя сестрами. После того как добро было увезено, королевский военачальник велел пустить под крышу избушки красного петуха. Пламя, точно огненный петуший гребень, уже вырывалось из слухового окна, как вдруг по стене скользнула на землю большая кошка с горящими

глазами. Воины стали гоняться за кошкой и в конце концов поймали ее. В это время птичка, сидевшая на дереве, прощеветала: «Зажмите кошке хвост капканом, и все тайны откроются!» Так воины и сделали.

— Смилуйтесь надо мной, люди! — сказала кошка. — Я такой же человек, как и вы, хотя силой волшебства превращена в кошку. Это кара за мое злодейство. Я жила в дальней стране, в замке короля, владевшего несметными богатствами, и вела там хозяйство, а колдунья была первой служанкой у королевы. Нас одолела алчность, и мы тайно сговорились со старухой похитить у короля трех его дочерей и множество сокровищ, а потом бежать. Мы постепенно вынесли из замка всю драгоценную утварь, которую старуха превращала в золотой лен, а затем унесли и девочек. Старшей из них было три года, а младшей — пять месяцев. Старуха боялась, как бы я, раскаявшись, не выдала ее, и превратила меня в кошку. Как только колдунья умерла, я снова обрела дар речи, но человеческий облик ко мне так и не вернулся.

Когда кошка кончила свой рассказ, королевский военачальник молвил:

— Отправляйся и ты вслед за колдуньей, лучшей смерти ты не заслужила! — и велел бросить ее в огонь.

А королевские дочери, как и их младшая сестра, вышли впоследствии замуж за королевичей. Золотая пряжа, найденная в лесной избушке, составила им богатое приданое. Откуда девушки были родом и кто их родители, так и осталось неизвестным. Говорят, будто еще много возов золотого льна старуха зарыла в землю, но где его искать — никто сказать не может.

ТРИ БРАТА,
ТРИ ОБЛАКА,
ТРИ ВОЛШЕБНЫХ КОНЯ
И ТРИ КНЯЖЕСКИЕ
ДОЧЕРИ

Чеченская сказка

старой сáкле* жил бедняк. Было у него три сына. Все вместе ходили они в горы валить для князя лес. Однажды старик простудился и слег. Чувствуя, что больше ему не подняться, позвал сыновей, усадил перед собою и сказал:

— Пришла нам пора расстаться. По мне не горюйте. Живите дружно. Пусть каждый помнит: плохим быть легко, трудно быть хорошим. А на могилу мою положите большой кусок каменной соли. Да не забывайте наведываться туда.

Отец умер. Сыновья похоронили его с почестями, потом раздобыли глыбу соли, обтесали и поставили на могилу. Каждый день кто-нибудь из троих наведывался на могилу отца. И стали братья замечать, что глыба соли день ото дня становится все меньше и меньше.

Старший сын предложил:

— Надо ночью посторожить отцову могилу. Видно, наша соль кому-то пришлась по вкусу

Братья согласились.

Первым отправился старший брат. Пришел к могиле, измерил веревочкой высоту соляной глыбы, завязал узелок для памяти. Затем расстелил старенькую бúrку*, прилег и ждет. Ждал-ждал, а только стемнело — не выдержал и уснул.

Так было три ночи подряд.

На четвертый день, прежде чем вернуться домой, старший брат достал веревочку, приложил и заметил, что соляная глыба уменьшилась.

Вторым отправился сторожить соль средний из братьев. Пришел к могиле, измерил веревочкой высоту глыбы, завязал узелок для памяти. Затем расстелил старенькую бурку, прилег и ждет. Ждал-ждал, уже и ночь наступила, а он все крепится, чтобы не уснуть. Но в полночь не выдержал и заснул.

Так было три ночи подряд.

На четвертый день, собираясь домой, средний брат достал веревочку, приложил и заметил, что соли стало меньше.

Третьим отправился младший из братьев — Али. Пришел к могиле, но измерять глыбу не стал, а вынул лук, выбрал стрелу покрепче, положил старенькую бурку на землю, сел и ждет. Ждал-ждал, уже и полночь миновала, но никого нет. Али сидит, не выпускает лука из рук. И только светать начало, глядит — надвигается с горы черное облако и опускается на могилу.

Али закричал:

— Эй ты, черное облако! Дух ли ты, человек ли, зверь ли — остановись!

А черное облако все ниже и ниже опускается на землю.

Али натянул тетиву и выпустил стрелу. Попал прямо в середину облака. Облако превратилось вдруг в коня черной масти. «Вот кому наша соль по вкусу пришлась! Видно, волшебные кони не меньше простых любят соль лизать», — сообразил Али. Бросился он к черному коню и вскочил на него. Конь тут же взмыл вверх и семь раз облетел небо из конца в конец. Потом опустился на землю, тряхнул

гривой, фыркнул и, довольный, проговорил человеческим голосом:

— Теперь-то на мне нет ни песчинки!

Али возразил:

— Кроме меня, джигита*!

Черный конь понял, что седок попался не из робких. Придется ему покориться.

— Отныне ты мой хозяин, а я твой верный конь. Спустись на землю, вырви волос из моей гривы и спрячь. Когда я буду тебе нужен, потри его в руках, и я явлюсь, как бы далеко ни находился, — сказал черный конь.

Али слез с коня, вырвал из его гривы волос, и черный конь умчался прочь.

На вторую ночь Али снова сел на бурку сторожить могилу. Когда начало светать, глядит — надвигается с горы белое облако.

Али закричал:

— Эй ты, белое облако! Дух ли ты, человек ли, зверь ли — остановись!

А белое облако все ниже опускается на землю.

Али натянул тетиву и выпустил стрелу, которая попала прямо в середину облака. Вдруг оно превратилось в коня белой масти. «Этому коню тоже соли захотелось», — подумал Али. Не теряя ни мгновения, он бросился к белому коню и вскочил на него верхом. Волшебный конь тут же взмыл вверх и двадцать семь раз облетел небо из конца в конец.

Потом конь опустился на землю, тряхнул гривой, фыркнул и, довольный, проговорил человеческим голосом:

— Теперь-то на мне нет ни песчинки!

Али возразил:

— Кроме меня, джигита!

Белый конь понял, что седок попался не из робких. Придется ему покориться.

— Отныне ты мой хозяин, а я твой верный конь. Спустись на землю, вырви волос из моей гривы и спрячь. Когда я понадобится тебе, потри его в руках, и я явлюсь, как бы далеко ни находился,— сказал белый конь.

Али слез с коня, вырвал из его гривы волос, и белый конь умчался. Али запрягал белый волос туда, где лежал у него черный.

На третью ночь опять сел на бурку сторожить могилу. Только начало светать, глядит — надвигается с горы красное облако.

Али закричал:

— Эй ты, красное облако! Дух ли ты, человек ли, зверь ли — остановись!

А красное облако все ниже опускается на землю.

Али натянул тетиву и выпустил стрелу, которая попала прямо в середину облака. Вдруг оно обратилось в коня рыжей масти. «И ты повадился соль лизать!» — воскликнул Али, вскочил на него верхом и обеими руками вцепился в гриву. Конь с места взмыл вверх и восемьдесят три раза облетел небо из конца в конец. Потом опустился на землю, потряхнул гривой, фыркнул и, довольный, проговорил человеческим голосом:

— Теперь-то на мне нет ни песчинки!

Али возразил:

— Кроме меня, джигита!

Рыжий конь понял, что седок попался не из робких. Придется ему покориться.

— Отныне ты мой хозяин, а я твой верный конь. Спустись на землю, вырви волос из моей гривы и спрячь. Когда я понадобится тебе, потри его в руках, и я явлюсь, как бы далеко ни находился,— сказал рыжий конь.

Али слез с коня, вырвал из его гривы волос, и

рыжий конь умчался прочь. Али запрягал рыжий волос туда, где у него лежали белый и черный, и пошел домой. Ничего не стал он братьям рассказывать, а только сказал, что соль на могиле отца никто больше не тронет.

Пока Али сторожил могилу, до их аула* дошел слух, что князь той стороны выдает замуж трех своих дочерей. Свататься может каждый, но получает княжескую дочь лишь тот, кто победит в состязаниях с другими джигитами.

Старшие братья решили поехать и попытать счастья. Оседлали они своих коней и отправились. Али с собой они не взяли:

— Нельзя втроем на двух конях ехать, засмеют нас. А третьего коня у нас нет. Да и делать тебе там нечего — куда тебе тягаться с лучшими джигитами!

Али ничего не сказал в ответ. Когда братья были уже далеко от дома, он достал черный волос и потер его в руках. Тут же перед ним появился черный конь.

— Готов служить тебе, Али. Куда ехать велишь?

— К замку княжескому, — коротко молвил Али. — Только поезжай по дороге, не надо по небу лететь.

Черный конь рванулся по узкой горной дороге. Он догнал и оставил позади старших братьев Али. Те почтительно ответили незнакомому всаднику на приветствие, посмотрели вслед, и средний брат сказал:

— Как похож этот всадник на нашего брата Али!

А младший брат все скакал вперед. Спорил с ветром черный конь, высекал из камней искры, а на крутых поворотах, где Али пытался его придержать, покусывал удила от нетерпения.

И вот добрались они до владений князя. Подъезжая к замку, Али ожидал увидеть толпу джигитов. Но площадь перед замком пустовала. Только у входа в замок в кресле сидел старый князь и грел на солнце свои старые кости. Рядом с ним стояла стража — два воина с саблями. Али поздоровался с князем и спросил:

— А где остальные джигиты? Может быть, я слишком рано приехал?

— Ты опоздал, джигит,— сказал князь, с хитрой усмешкой поглядывая на Али.— Твои соперники уже давно в пути: два дня миновало, две ночи прошло, а теперь уж третий день на исходе.

— Светлый князь, куда они скачут? Сказал бы ты мне — глядишь, я их догоню.

Князь пожал плечами, но ответить ответил:

— Есть у подножия горы Казбек родник. Рядом с ним большое грушевое дерево растет, а под деревом кувшин стоит. В том кувшине — кольцо моей старшей дочери. Кто первым туда доскачет, кольцо достанет и сюда привезет, тому и быть женихом.

Пришпорил Али своего волшебного скакуна. Черный конь устремился в ту сторону, куда третьего дня ускакали соперники. Теперь он не бежал по дороге, а летел по воздуху, обгоняя ветер. И часу не прошло — настиг Али всех джигитов. Обогнал их, добрался до Казбека, нашел родник с грушевым деревом, а под грушевым деревом — кувшин с кольцом. Взял кольцо и повернул обратно. Солнце стояло еще высоко, когда Али вернулся к замку княжескому с кольцом в руке. Князь удивился, но уговор нарушать не стал.

— Достоин ты моей старшей дочери. Но свадьбу я справлю всем трем дочерям сразу. Возвращайся к себе домой и жди. Когда у всех дочерей будут женихи, я объявлю. Тогда и приезжай.

Старшие братья видели, как всадник на черном коне отдавал старому князю кольцо, но не узнали Али. Сами они только-только подъехали.

— Упустили мы старшую дочь,— сказал средний брат.— Надо завтра пораньше встать. Может, средняя достанется одному из нас.

И поворотили коней домой. Приехали, а младший брат уже там — хлопочет у сакли, крышу чинит, будто и не думал со двора отлучаться. Увидел братьев и спрашивает:

— Чей конь пришел сегодня первым? Кто станет женихом старшей дочери князя?

— А зачем тебе это знать? Ведь ты еще молод! По правде сказать, он был похож на тебя, но сидел на таком коне, какого ты в жизни не видел,— услышал Али в ответ.

На рассвете братья снова стали седлать коней. И опять не взяли Али.

Только они выехали из аула, Али достал белый волос и потер его в руках. Явился к нему белый конь:

— Готов служить тебе, Али. Куда ехать прикажешь?

Юноша рассказал, что намерен потягаться с теми джигитами, которые будут сегодня свататься к средней дочери князя.

— Поедем к замку княжескому,— приказал он коню.— Только поезжай по дороге, не надо по небу лететь.

Белый конь рванулся по узкой горной дороге. Он догнал и оставил позади старших братьев Али. Те почтительно ответили неизвестному всаднику на приветствие, посмотрели вслед, и средний брат опять сказал:

— Как похож этот всадник на нашего брата Али!

А младший брат все скакал вперед. Спорил с ветром белый конь, высекал из камней искры. На крутых поворотах, где Али пытался его придержать, покусывал удила от нетерпения.

Двор князя был полон народу. Джигитов понаехало видимо-невидимо. Каждый мечтал взять в жены девушку-красавицу, среднюю дочь князя. А князь объявил:

— Женихом будет только тот джигит, который на своем коне быстрее всех взберется вон на ту гору и доставит мне перо из орлиного гнезда.

Смутились джигиты: гора была отвесная, нигде ни деревца, ни кустика, ни выступа — удержаться не за что, коню ступить некуда. А гнездо находилось на самой вершине горы, скрытой за тучами. Али тоже засомневался, сможет ли на такую гору взобраться. Но белый конь успокоил его:

— Я вырвусь вперед из толпы и мигом на гору взлечу. Только ты вцепись в гриву покрепче, хлестни меня кнутом, чтобы круп мой горел, гикни громче шестидесяти трех джигитов.

Али вцепился в гриву, крепко сжал своего скакуна ногами. Как только был подан знак, белый конь вырвался из толпы. Али хлестнул его кнутом, чтобы круп горел, гикнул громче шестидесяти трех джигитов. Конь устремился вверх, по отвесной каменной стене. Ступит передними ногами — тропу высечет, ступит задними ногами — широкую дорогу вырубит.

Вмиг доставил конь своего седока на вершину горы, к орлиному гнезду. Джигит взял из гнезда орлиное перо, спустился с горы и вручил его князю. Князь удивился, но нарушать уговор не стал:

— Достоин ты моей средней дочери. Но свадьбу я справлю всем трем дочерям сразу. Возвращайся к

себе домой и жди. Когда у всех трех дочерей будут женихи, я объявлю. Тогда и приезжай.

Старшие братья видели, как всадник на белоснежном коне отдавал князю орлиное перо, но разглядеть Али не успели.

— Упустили мы и среднюю дочь, — сказал один из них другому. — Надо завтра еще раньше подняться. Может, хоть младшая дочь достанется кому-то из нас.

Поехали они к себе в аул. Али был уже дома и сделал вид, что никуда уезжать и не думал. Он встретил их вопросом:

— Какой джигит победил сегодня? Кому быть женихом средней дочери князя?

И услышал вчерашний ответ:

— А зачем тебе это знать? Ведь ты еще молод. По правде сказать, он был похож на тебя, но сидел на таком коне, какого ты в жизни не видел.

На третий день братья поднялись, когда светать не начинало. Али еще спал. Они оседлали коней и выехали из аула.

Только скрылись братья вдали, Али потерял рыжий волос, и к нему тут же явился рыжий конь:

— Готов служить тебе, Али. Куда ехать прикажешь?

Али сказал, что хочет помериться силами с теми джигитами, какие приедут сегодня за младшей дочерью князя.

— К замку княжескому поедem; только вези меня по дороге, не надо по небу лететь, — попросил джигит рыжего коня.

Помчались они в сторону замка. Обогнав старших братьев Али. Те почтительно ответили на приветствие, и средний брат опять удивленно сказал:

— Как похож этот всадник на нашего брата Али!

А младший брат все скакал вперед. Спорил с ветром рыжий конь, высекал из камней искры; на крутых поворотах, где Али хотел его придержать, покусывал удила от нетерпения.

Когда добрались до княжеского замка, было еще совсем рано. Но во дворе уже толпились джигиты: многие приехали из дальних краев и ночевали здесь. Вот появились и старшие братья, но в сутолоке они не заметили Али.

Наконец из замка показался князь. Подошел к джигитам, молча оглядел их и только потом заговорил — громко, чтобы всем было слышно:

— Женихом младшей дочери я объявлю того джигита, который на всем скаку достанет барана из колодца глубиною в шестьдесят три локтя*.

Соперники смутились, подались назад. Толпа заволновалась, зашумела: мыслимое ли дело в узкий колодец на коне въехать? Нет, видно, князь решил младшую дочь замуж не выдавать. Так бы и сказал сразу, зачем требовать от джигитов непосильного дела? Али тоже взяло сомнение, но рыжий конь его успокоил:

— Ничего, я и не такое видел. Не жалею моих боков, ударь меня кнутом и гикни так, чтобы не только люди, но и деревья к земле припали. Да держись покрепче.

Али вцепился в гриву покрепче, ударил коня кнутом, гикнул что было сил: и люди, и деревья к земле припали.

Конь вынес седока из толпы и подлетел к тому колодцу, в который княжеские слуги опустили барана. Передними ногами конь принялся землю взрывать, а задними — разбрасывать ее в стороны. В два счета до самого дна добрался. Али схватил барана за рог и повернул обратно. Уже было выб-

рался из колодца, но бараний рог вдруг обломился, и баран упал обратно в колодец.

Младшая дочь князя сидела у окна и видела все. Когда Али уронил барана, она закричала ему:

— Хватай барана за шерсть!

Али послушался ее совета, вернулся в колодец, запустил руку в шерсть, схватил барана и поднялся из колодца. Бросил барана к ногам князя, и князь сказал:

— Вот кто достоин руки моей самой любимой дочери. Теперь будем готовиться к свадьбе. Быть ей через три дня. Приезжай, удалец.

Али ускакал на своем рыжем коне, а за ним потянулись остальные джигиты.

Когда братья вернулись в родной аул, Али хлопотал во дворе как ни в чем не бывало. И снова спросил, словно никуда не ездил и ничего не знает:

— Кто сегодня победил в состязании? Кого объявили женихом младшей дочери?

— А к чему тебе это знать? Ведь ты еще молод. По правде сказать, он был похож на тебя, но сидел на таком коне, какого ты в жизни не видел.

Тут Али не сдержался. Достал черный волос, потом белый и рыжий, потер их в руках, и сразу появились все три коня: черный, белый и рыжий. Братья ахнули от удивления.

— Что вы теперь скажете? — сказал Али старшим братьям.

Братья смешались, покраснели, стали просить Али не обижаться на них.

Али ответил:

— Поздненько вы спохватились. Отец наказывал нам жить дружно. А вы забыли его наказ, только о себе заботились, только себя джигитами считали. Но я не забыл отцовы слова: «Плохим быть легко, трудно быть хорошим». Я поступлю,

как повелел нам отец. Мы братья, и я обойдусь с вами по-братски. Выбирайте себе по коню, а когда поедем на свадьбу, каждый выберет девушку, какая придется ему по душе и которой он сам понравится.

Так и сделали. Через три дня князь объявил, что начинается свадьба. Али поехал к нему вместе с братьями — на черном, белом и рыжем конях. Князь взглянул на коней и признал женихов. Старший брат выбрал старшую дочь, средний — среднюю, Али выбрал младшую. Она ему показалась самой красивой и доброй. Али не забыл, как она своим советом помогла ему барана из колодца добыть.

Три дня длилась свадьба. Потом братья собрались домой, сели на коней, посадили княжеских дочерей впереди себя. Князь одарил их подарками и проводил в путь-дорогу.

И поехали они в свой аул: Али — впереди, на рыжем коне, средний брат — за ним, на белом коне, и старший — чуть поодаль, на черном коне.

Вернулись они домой и стали жить-поживать.

СКАЗКА ОБ ОЛЕНЕНКЕ И ЕЛЕНЕ ПРЕКРАСНОЙ

Грузинская сказка

ыло то или не было — жил в одной деревне один очень богатый царь. Вот однажды говорит царь своим охотникам:

— Пойдите на охоту и убейте первого зверя, какого встретите.

Пошли охотники, идут, видят — на поляне оленья matka. Только навели ружья, чтобы убить ее по приказу царя, смотрят — а у нее мальчик вымя сосет. Увидел ребенок ружья, бросил вымя, обхватил за шею оленя, обнимает, ласкает.

Удивились охотники.

Взяли с собой мальчика, привели к царю, рассказали ему обо всем.

А у того царя был сын, ровесник этому мальчику.

Окрестил их царь обоих вместе, и назвали найденного в лесу ребенка Олененком.

Вместе с сыном царя растет Олененок, в одной комнате спят, и одна кормилица их кормит.

Кто растет годами, а они днями. Стало им по двенадцати лет.

Радуетса царь, что растут у него двое сыновей.

Вышли раз мальчики в поле со стрелами. Пустил сын царя стрелу, а тут старуха несет в кувшине воду, и отбила та стрела ручку у кувшина.

Повернулась старуха и говорит:

— Проклясть не проклянй тебя — единственный ты сын, но пусть упадет в твое сердце любовь к Елене Прекрасной.

Удивился Олененок:

— Что это она говорит?

А сын царя с того дня только и думает что об этой Елене Прекрасной. Запала ему в сердце любовь, не дает покоя.

Что делать? Прошло три недели. Ходит юноша полуживой, убивает его любовь к той, которую и не видел никогда.

Сказал ему Олененок:

— Пусть умрет твой побратим, если не привезет тебе ту Елену Прекрасную.

Пошел к царю и говорит:

— Отец, вели кузнецу выковать мне железные каламаны* и железные лук да стрелы. Надо мне отправиться на поиски Елены Прекрасной.

Согласился отец. Выковали Олененку железный лук да стрелы в пять пудов весом, железные каламаны, и отправился он с сыном царя в путь.

Сказал Олененок приемному отцу на прощание:

— Не бойтесь, отец. Где Олененок, там вам страшиться нечего. Ждите нас два года. Вернемся, так со славою, а нет — знайте, нет уж нас в живых.

Идут они, идут. Вошли в густой, непроходимый лес. Видят — в лесу скала высокая, на скале огромный дом. Перед домом чудесный сад. А в том доме все пятиголовые да девятиголовые дэвы* живут.

Сказал сын царя Олененку:

— Устал я, брат, отдохнем здесь немного.

— Хорошо,— говорит Олененок.

Лег сын царя, задремал.

Сказал Олененок:

— Ты лежи, отдыхай, а я пойду в сад, принесу тебе самых лучших плодов.

Не как братья они, как отец с сыном,— так Олененок о друге заботится.

Вошел Олененок в сад, подошел к лучшей яблоне, срывает плоды.

Выскочил вдруг девятиголовый дэв и кричит:

— Кто ты, как осмелился войти в мой сад? Здесь и птица в небе не летает и муравей по земле не ползает, так все меня боятся!

— Я это — Олененок! — крикнул юноша.

Попятился дэв. Заворчал только со злости.

Знали дэвы, что, как появится на свете олений сын, тут им конец.

Перепугались дэвы, разбегаются, прячутся кто куда.

Перебил Олененок всех, только один пятиголовый дэв уцелел — на чердаке притаился.

А сын царя спит себе в тени.

Очистил Олененок дом от дэвов, пошел разбудил брата. И дэвов дом им остался, и все дэвово богатство.

Гуляют себе братья по саду, развлекаются.

А пятиголовый дэв — Бабаханджом — сидит на чердаке, дрожит.

Решился наконец, вылез из своего угла, сошел вниз и говорит Олененку:

— Не убивай меня, буду тебе братом. Все наше богатство пусть твоим будет.

Улыбнулся Олененок.

Спросил потом этот пятиголовый дэв:

— А что за нужда вас гонит, что вы по свету ходите, деревни да города обходите?

Ответил Олененок:

— Дело у нас одно. Не выполним — и тебя, вот как всех этих дэвов, изничтожу! — И рассказал ему: — Мы ищем Елену Прекрасную, и ты должен искать ее вместе с нами.

У Бабаханджом был домик, он взваливал его себе на спину и переносил куда надо.

Сказал дэв:

— Вот садитесь в этот домик и поедем искать Елену Прекрасную, только не легкое это дело. Очень уж много на нее охотников.

Сели и поехали. Ехали так месяца три и добрались до одной реки.

— Устал я, — говорит сын царя Олененку, — отдохнем.

А Бабаханджом тем паче устал. Вышли братья из домика, сели у реки, отдыхают.

Пить захотелось, напились воды, а она соленая.

Удивился Олененок:

— Отчего бы это вода соленая?

— А это не вода, а слезы,— говорит Бабаханджоми.— Тут вверху живет пятиголовый дэв, он тоже любит Елену Прекрасную, да никак не добьется ее. Горит он от этой любви, как в огне. А слезы его так рекой и текут.

Удивился Олененок и говорит:

— Так не будь я Олененок, если не добуду ее моему брату и не пожению их!

Пошли они к тому дэву, и говорит Олененок:

— Что, дэв, очень ты любишь Елену Прекрасную?

Плачет дэв, льет слезы.

Пообещал Олененок:

— Что же, покажем ее тебе, как будем везти домой.

Поехали дальше.

Еще сколько-то месяцев прошло. Едут они, вот вся вышла у них пища. Дошли они так до одного лесочка. Все еще ничего о Елене Прекрасной не знают.

Олененок и говорит:

— Пойду-ка я, вдали деревенька виднеется, порасспрошу, может, там знают, где искать Елену Прекрасную.

Бабаханджоми с братом остались в домике. Олененок пошел.

Видит — в лачуге старушка, и спрашивает:

— Мать, ради любви всех матерей, скажи мне, не знаешь ли ты, где искать Елену Прекрасную и в каком замке она живет?

Удивилась старушка. Знает она, как трудно добраться до Елены Прекрасной, дивится, как просто говорит о том юноша.

— Очень трудное это дело, сынок,— сказала старуха,— не знаешь, видно, ты. Ее любит царь Ветер, все выслеживает, хочет похитить ее. Вот и держат эту красавицу за девятью замками, и луча солнца она не видит, так боятся, чтоб не похитили ее.

Рассказала она все же, где находится замок Елены Прекрасной. Там разбит большой сад и вокруг высокая ограда, а в самой глубине сада — замо́к, там и живут Елена Прекрасная и ее родные.

— А как добраться до нее? — спрашивает Олененок.— Брат мой хочет взять ее в жены.

— Ох, трудное это дело,— говорит старуха.— Много у нее женихов, не отдадут ее за твоего брата. Три задачи задает она женихам, выполнят — выйдет замуж, а нет — так в прах сотрут молодца.

Улыбнулся Олененок. Что она задумает такое, что бы нам не выполнить? И пошел туда, где своего брата да Бабаханджоми оставил.

Взвалил дэв свой домик с Олененком и сыном царя на спину и пошел.

Добрались так до замка.

Пошел Олененок вперед.

А мать Елены Прекрасной — чародейка, и может она человека и убить, и оживить.

Увидела она Олененка, а он такой молодец да так хорош собой, заглядеться можно.

— Кто ты, что за человек? И что тебя привело сюда?

Сказал Олененок:

— Другом я пришел, не врагом.

— А что тебе угодно?

— Хочу вашу Елену Прекрасную в невестки взять.

А у Елены три брата. Все три в ту пору в лесу на охоте были.

— Побудь здесь,— говорит мать Елены Прекрасной.— Подожди братьев, сговоритесь, все устроится.

Сидит Олененок в саду, ждет братьев.

А сын царя с Бабаханджами дожидаются его, боятся, как бы царь Ветер не сцепился с Олененком да не погубил его. Решили они пойти разведать.

Как стемнело, показались братья Елены Прекрасной. Один несет на себе целого оленя, другой — косулю, третий — целый ствол дерева на растопку.

Учуяли они запах чужого. Спрашивают мать:

— Кто это здесь?

— С добром он пришел, дети, не троньте его,— говорит мать.

А тем временем Бабаханджами привел сына царя. Стоит сын царя, ждет, что будет.

Сели братья свежевать оленя. Подошел Олененок. Пока они одну ножку свежуют, Олененок — раз-раз и освежевал всего оленя. Удивились братья Елены Прекрасной.

Сели за ужин. Хватает Олененок огромные куски мяса. Дивятся братья.

Поужинали так и легли спать.

Настало утро, и говорит Елена Прекрасная:

— Выполнит он три задачи — стану его женой, а нет — так не бывать этому.

Повели сына царя к красавице. Говорит она с ним, а он стоит молчит, звука не издает. А это мать Елены Прекрасной заговорила его, одурманила, ничего и не соображает несчастный, стоит как каменный.

— Уходи,— прогнала красавица сына царя.

Вышел он, как пьяный. Подбежал Олененок, спрашивает:

— Ну как, о чем она говорила?

— Не знаю, брат, ничего и не понял я.

Рассердился Олененок. Пошел опять просить, чтоб во второй раз приняла жениха красавица.

Согласилась она, а жених и во второй раз молчит, так и вышел от нее, как во сне.

Рассказал Олененок Бабаханджомии обо всем. Сговорились они, упрости красавицу вызвать жениха еще и в третий раз, а он опять стоит, как окаменелый, опять его заговорила старуха. Подошел Бабаханджомии, достал нужные письма, что от заговора спасают, да и забросил в комнату, где Елена Прекрасная с женихом говорит.

Затрещали стены, очнулся сын царя. Как отрезвел, увидел Елену Прекрасную, подбежал, схватил ее за руку да как крикнет:

— Моя ты, моя!

Обрадовался Олененок, обрадовалась Елена Прекрасная. Знала она, что мать ее заговаривала женихов, чтобы не отдавать ее замуж.

Вышли жених с невестой, веселятся.

Вот на другой день поутру гуляют жених с невестой в саду, а Олененок тут же неподалеку, смотрит на них, не нарадуется.

Завидел красавицу царь Ветер, понесся вихрем, налетел на жениха, завертел его, закружил да и бросил наземь. Схватил потом красавицу и унесся с нею в небо.

Увидел Олененок своего брата бездыханным, чуть не умер с горя, забыл и о Елене Прекрасной. Тут только вспомнил, что ему та добрая старушка о царе Ветре рассказывала, да уж поздно.

Сидит Олененок, оплакивает брата.

Подошла мать Елены Прекрасной и говорит:

— Не плачь, его-то я оживлю, вот только Елену похитили, и как тому горю помочь, не знаю.

Вынесла она платочек, провела по лицу юноши, ожил он, встал. Трет себе глаза, говорит:

— Как же долго я спал.

Огляделся — нет Елены Прекрасной, стал убиваться, плакать: что теперь делать, как быть?

Пошел Олененок к Бабаханджومي:

— Похитил у нас царь Ветер невесту, надо отбить ее во что бы то ни стало.

— Умри Бабаханджومي, если не пособит тебе, — говорит дэв. — Загляни ко мне в правое ухо, там найдешь седло, достань, а в левом — узда да плеть, взнуздай меня, и поедем.

Оставил Олененок сына царя в доме Елены Прекрасной, взнуздав Бабаханджومي, девять подпруг затянул, девять удил заложил в пасть.

— Садись теперь, — говорит Бабаханджومي. — Три раза ударь меня плетью, да так, чтобы девять полос кожи содрать, полечу я, только смотри не трусь!

Попрощался Олененок с сыном царя:

— Сиди жди, а мы едем на поиски Елены Прекрасной.

Вскочил на дэва, вытянул его три раза плетью, да так, что и впрямь девять полос кожи содрал. Застонал дэв, засвистел, ударился оземь, бросился вверх, прорвал облака и полетел. Пронеслись так по небу, долетели до одного поля.

В поле старуха. Спрашивает ее Олененок:

— Где здесь царь Ветер живет?

Запричитала старуха:

— Ой, сынок, что тебя привело сюда? Почувствует он человеческий дух, всех нас изничтожит! Как только ты осмелился показаться здесь? Он недавно привез девушку, невиданную под солнцем краса-

вицу, такой был вихрь, такой стон да посвист — все кругом рушилось.

— Вот за этой-то красавицей я и приехал,— говорит Олененок,— проводи меня к нему.

— Хорошо,— сказала старуха.

Сама дрожит, еле дышит от страха.

Сошел Олененок с дэва, запрягал ему в уши седло, узду да плеть, пошел со старухой.

Остался дэв, ходит, осматривается, хозяйничает, всех кур извел у царя Ветра.

Привела старуха Олененка к замку царя Ветра и ушла.

Царь в то утро вышел на охоту, а Елена Прекрасная сидит одна в замке. Сидит плачет.

Подошел Олененок, двинул ногой дверь, выбил ее, вошел.

— Как попал ты сюда? — говорит красавица. — И что с тем несчастным? — спрашивает про жениха.

Обнялись деверь с невесткой, расцеловались.

Рассказал все Олененок и говорит:

— Вот и пришел я увезти тебя.

— Ой, не увезти тебе меня! Обоих сгубит царь Ветер проклятый.

Пошел Олененок к старухе и говорит:

— Научи, как увезти отсюда красавицу, как погубить царя Ветра.

Сказала старуха:

— Пойди и скажи красавице: как уйдет он, пусть украсит один угол дома цветами да встретит его грустная, будто скучает по нему.

Так и сделали. Как ушел на охоту царь Ветер, встала Елена Прекрасная, набрала цветов, возится с ними, как ребенок, убирает, украшает один угол дома. Вернулся к вечеру царь, удивился, спрашивает:

К грузинской сказке «Сказка об Олененке и Елене Прекрасной».

— Что это ты, словно ребенок, с цветами возишься?

— Что же мне делать? — говорит она. — Тебя дома нет, я и забавляюсь. Сказал бы ты мне, где твоя душа, все не так скучно бы было.

— Зачем же тебе, красавица, моя душа?

— Как зачем? Буду знать, хоть ее приласкаю, пока тебя дожидаясь. Скажи мне, ведь жена я тебе.

Сказал царь Ветер:

— Хорошо, скажу, раз так.

Повел ее на кровлю и говорит:

— Вон там, на поляне, видишь оленя? Три человека ему траву косят, а он один всю траву съедает, и не успевают за ним косари. В голове этого оленя три коробочки, в этих коробочках моя душа.

— И никто не убьет того оленя? — спрашивает красавица.

— А его никак не убить, если лук да стрелы мои не взять. В тех трех коробочках сидит по птичке. Одну птичку умертвить — до колен окаменею, другую — по пояс окаменею, а третью — умру. Поняла теперь, где моя душа?

Настало утро. Ушел царь Ветер по своим делам, а красавица взяла его лук да стрелы и дала их Олененку, рассказала ему, как царя убить можно.

Обрадовался Олененок, взял лук, стрелы, пошел, пустил стрелу, убил оленя, побежал, разрубил ему голову, достал коробочки.

Только упал олень, почуял Ветер недоброе. Поспешил он домой.

Оторвал голову первой птичке Олененок — отнялись у царя Ветра ноги.

Оторвал и второй птичке голову — отяжелел царь Ветер, еле до порога добрался. Тянется, кричит Елене Прекрасной:

— Предала меня?!

Хочет он взобраться по лестнице, а Олененок уж третью птичку схватил.

— Вот тебе за твое злодейство! — крикнул царю Ветру и оторвал голову третьей птичке.

Повалился царь Ветер замертво, а Олененок подходит к Елене Прекрасной:

— Что ж, едем.

— Иди, — говорит Елена Прекрасная, — пройди девять комнат, в десятой стоит на привязи конь царя Ветра. Такой это конь, не конь — буря, сядем на него, полетим.

Взял Олененок того коня, позвал Бабаханджоми. Достал из его ушей все снаряжение, сам на дэва сел, Елену Прекрасную усадил на того коня-бурю. Полетели они.

Привезли Елену Прекрасную к жениху. Отпраздновали свадьбу.

Благодарят все Олененка.

А царь-отец уж все глаза выплакал, все свое царство в черное одел. Горюет, плачет о гибели молодцов. Уж и не чает их в живых увидеть.

Отпировали молодцы в семье невесты, взвалил Бабаханджоми свой домик на спину, поехали.

Едут мимо того дэва, что о Елене Прекрасной целую реку слез наплакал.

Олененок и говорит:

— Что, дэв, хочешь взглянуть на Елену Прекрасную?

— Эх, господин мой Олененок, кто мне даст взглянуть на нее?

— Смотри, — говорит Олененок.

Как взглянул дэв на красавицу, так и ослеп от ее красоты, вмиг истаял и дух испустил.

Поехали дальше.

Переночевали во дворце тех девятиголовых

дэвов, что Олененок истребил, и дальше поехали.

Осталось еще пути на пять месяцев.

Вот стали они на отдых у одного леса.

Вдруг ночью прилетели три голубя. Сели на ветку. Первый и говорит:

— Как узнает царь — везет его сын Елену Прекрасную, вышлет ему ружье в подарок. Выстрелит ружье и убьет его. А кто подслушает нас да расскажет о том, окаменеет и умрет.

— Да будет так,— подтвердили два других голубя.

А второй голубь говорит:

— Как узнает царь-отец, что едет сын, выйдет, выведет ему коня, а сын сядет на коня, упадет и умрет.

— Да будет так,— подтвердили опять голуби и добавили: — А кто подслушает нас да скажет, окаменеет и умрет.

А третий говорит:

— А еще: как приедут, придет ночью гвелеша́пи* и удавит обоих — и сына царя, и Елену Прекрасную, а кто подслушает нас и расскажет, окаменеет и умрет.

Сказали и улетели.

Слышит все это Олененок. Молчит.

Настало утро. Вошли все в дэвов домик, поехали.

Узнал царь, что едет сын его жив-невредим да Елену Прекрасную везет. Выслал ему ружье, а Олененок бросился вперед, схватил ружье и забросил его далеко, не дал жениху.

Огорчился сын царя: «Отец мне ружье выслал, почет оказал, а Олененок забросил его далеко».

Выслал отец своего коня сыну. Вернул Олененок и коня.

Огорчился сын царя, да уж что делать?

Приехали, встретил их отец, приветствовал. Отпраздновали свадьбу.

Вышел Олененок, отпустил Бабаханджом.

— Спасибо за службу. Иди теперь, живи себе на свободе.

Ушел дэв. А Олененок пробрался в опочивальню молодых, стал за дверями, ждет. Уснули те, а Олененок не спит. Да и как ему заснуть? Стоит на страже, меч наготове держит, знает ведь, что ждет друга.

В полночь и показался гвелешапи. КрадетсЯ, уж и пасть разевает, вот-вот бросится на молодых и задушит их. Замахнулся Олененок мечом, так и зарубил гвелешапи. Изрубил в куски и покидал под кровать.

Настало утро.

Встали молодые и не знают, что ночью было.

Пришли убирать опочивальню и видят — валяются под ложем молодых куски падали. Рассвирепел царь: кто это смеется над нами?

Стали судить да рядить. Свалили всю вину на Олененка. Он и в пути сыну царя неуважение оказал: и ружья не дал, и коня отослал. Он, верно, и сейчас над ним посмеялся.

Говорит Олененок:

— Только добра я вам желал. Не делайте так, чтоб вам жить да радоваться, а мне умереть.

Нет, гnevаются на него, требуют сказать, что это и откуда!

— Что ж, — говорит Олененок, — скажу, но да не будет вам в тягость, что я столько трудился для вашего счастья, а вы же меня губите. В ту ночь, как отдыхали мы в поле, — начал Олененок, — прилетели три голубя, сели на ветку и заговорили. Один сказал: как подъедут, вышлет царь-отец ружье

сыну, выстрелит ружье и убьет его. Кто выдаст нас, окаменеет.

Сказал это Олененок и окаменел по колени.

Поняли все, просят его:

— Не говори больше, не надо!

— Нет,— сказал Олененок,— говорить, так до конца. А второй голубь сказал: выйдет царь-отец коня, упадет сын с коня и убьется...

Сказал и окаменел по пояс.

— Не говори,— просят все,— не надо!

— Нет,— говорит Олененок,— надо было верить мне, а теперь поздно. А третий голубь сказал: ночью, как войдут молодые в опочивальню, придет гвелешапи и съест их...

Сказал это Олененок и окаменел весь.

Плачут, убиваются отец с сыном, да уж чем горю помочь?

А Елена Прекрасная уж тяжелая ходит. Да только не радуется то сына царя. «Нет,— думает он,— должен вернуть я жизнь верному другу, чего бы мне это ни стоило».

Встал он, надел железные каламаны, взял в руки железный посох и пошел.

Ходит, спрашивает всех:

— Как оживить моего окаменевшего друга?

Устал он, присел у одного леса отдохнуть немного. Вдруг выходит из чащи старик. Спросил и его сын царя, как друга спасти. Сказал старик:

— Куда ты идешь? Его спасенье у тебя дома.

Не понимает сын царя, в чем же то спасение. А старик и говорит:

— Не знаешь ты, что родился у тебя сын, золотокудрый мальчик. В нем-то и есть спасенье твоего друга. Убей его в колыбели, свари, обдай той водой окаменевшего друга — оживет.

Возвращается сын царя.

«Что ж,— думает,— дети еще будут, а друга да брата уж не найду».

Пришел, видит — лежит сын в колыбели, как месяц светится. Так и блестят золотые кудри у мальчика.

Сказал жене:

— Елена Прекрасная, так и так научили меня.

Согласилась и она:

— Только бы оживить нашего Олененка.

Сделали все, как велел старик.

Шевельнулся Олененок, открыл глаза, ожил.

Наутро подошла Елена Прекрасная к его колыбели — мать ведь она, болит у нее сердце за сына, хоть и принесла его в жертву,— видит: шевелится что-то в колыбели. Отвернула полог, а там живой ребенок.

Обрадовались все.

Закололи корову да пятнадцать баранов так целиком на вертелах и зажарили. Четырнадцать дней пировали, со стола не убирали.

ПОКАТИГОРОШЕК

Украинская сказка

или старик да старуха. Было у них шесть сыновей да одна дочка. Вот батька послал раз сыновей поле пахать. Собрались сыновья и говорят:

— Пусть нам сестра на пашню обед принесет, чтобы среди дня домой не возвращаться.

Сестра спрашивает:

— А где же вы пахать будете?

Братья говорят:

— А мы проведем плугом борозду от самого дома и прямо до поля. Вот ты той бороздой и ступай.

Собрались братья, поехали.

Едут, сами борозду плугом прокладывают.

А в лесу, близ того поля, жил змей. Увидел он, что братья борозду прокладывают, и догадался, что это след для кого-то. Змей затоптал ту борозду, а к своему двору проложил новую.

А мать в это время приготовила для сыновей обед и говорит:

— Неси, дочка!

Вот дочка и понесла братьям обед. Вышла она из дому и пошла вдоль змеевой борозды. И до тех пор шла, пока не зашла на змеев двор. Там змей ее схватил и говорит:

— Будешь теперь всегда у меня жить, а родных своих позабудь: не вернешься к ним никогда!

В полдень братья выпрягли волов, сели — ждали, ждали обеда, а сестра все не идет. Так до самого вечера голодные и работали.

Вернулись вечером домой и спрашивают у матери:

— Почему же сестра не принесла нам обед?

Мать говорит:

— Обед вам Оленка давно уж понесла, да вот до сих пор назад не пришла. Я думала, она с вами вернется. Уж не заблудилась ли где?

Встревожились братья:

— Может, Оленку утащил тот проклятый змей, что в лесу живет? Надо идти искать ее!

И пошли все шестеро по борозде.

Идут да идут, меж собой разговор ведут.
Видят — пастух стадо свиней пасет.

— Здорово, дядька пастух!

— Здорово, хлопцы! Куда идете?

Братья говорят:

— Идем сестру искать. Видно, ее проклятый
змея утащил!

— Коли хотите вы отнять у змея свою сестру,
то зажарьте и съешьте самого большого кабана из
моего стада!

Не поняли братья, зачем это надо, но спорить не
стали. Зарезали самого большого кабана, изжари-
ли, стали есть. Ели-ели — и четвертой доли не съели.

— Ну,— говорит пастух,— раз вы все вместе не
смогли одного кабана съесть, лучше и не ходите к
змею. Домой возвращайтесь! А пойдете — не
бывать вам в живых!

Не послушались его братья, пошли дальше.

Идут да идут, видят — пастух стадо коров и
волов пасет. Остановились братья, поздоровались с
пастухом:

— Здорово, дядька пастух!

— Здорово, хлопцы! Куда это вы идете?

— К змею идем, сестру отнимать.

— Коли хотите ее отнять,— говорит пастух,—
поймайте самого большого вола из моего стада,
зажарьте и съешьте всего!

Поймали братья самого большого вола, заре-
зали, изжарили, стали есть. Съели по куску, а
больше и не могут.

Говорит им пастух:

— Не смогли вы шестеро съесть одного вола,
так, видно, невелика ваша сила и не отнять вам
сестру. Возвращайтесь-ка лучше подобра-поздо-
рову.

Не послушались его братья. Дальше пошли.

Идут да идут, видят — возле дороги пастух табун коней пасет.

— Здорово, дядька пастух! — говорят братья.

— Здорово, хлопцы! Куда это вы идете?

— Идем мы к тому змею, что в темном лесу живет. Он, проклятый, нашу сестру утащил. Будем выручать ее!

Показал пастух на вороного жеребца и говорит:

— Кто из вас поймает вот этого вороного жеребца да сядет на него, тот и змея убьет, и сестру выручит. А кто не поймает — пусть лучше домой возвращается!

Стали братья ловить жеребца. Ловили, ловили, да не поймали.

— Возвращайтесь домой! — говорит им пастух.

— Нет, пойдем сестру выручать!

Пошли дальше. Идут да идут и пришли к змееву двору. Вошли во двор, огляделись, стали сестру звать.

Вышла Оленка, их сестра, и говорит:

— Братики мои, голубчики! Зачем вы сюда пришли? Ведь вам этого змея не одолеть. Как прилетит он домой — всех вас погубит. Куда же я вас спрячу? Посидите вот в этом хлеву.

Только братья спрятались в хлев, загудела, затряслась земля. Прилетел змей, оглядел все, обнюхал и говорит:

— Фу! Фу! Как человеческим духом пахнет!

А Оленка ему в ответ:

— Какие же тут люди, кроме меня? Ты по свету налетался, человеческого духу нанюхался.

— А может, и так! — говорит змей.

Стала Оленка спрашивать его:

— Что бы ты сделал, если бы мои братья сюда пришли? Погубил бы ты их?

— Нет,— отвечает змей,— не погубил бы. Как дорогих гостей встретил бы!

Обрадовалась Оленка, побежала во двор. Открыла хлев и говорит:

— Выходите, братики!

Вышли они. Змей спрашивает:

— Ну, как живете-можете, гости дорогие?

— Ничего.

— Давай, Оленка, угощать гостей дорогих. Собирай обед!

Подала сестра обед. Змей по целой воловьей туше глотает, а братья по кусочку съели — больше не могут. Змей говорит:

— Неси теперь орехов на закуску.

Принесла Оленка мешок железных орехов. А орехи — каждый по кулаку. Змей и говорит братьям:

— Ну, гости дорогие, будем орешки грызть!

Змей знай щелкает орехи один за другим. А братья взяли по одному ореху, хотели раскусить, да не смогли. Засмеялся змей и говорит:

— Ну, хлопцы, биться будем или мириться?

— Будем биться!

— Тогда идемте на ровное место, на площадку!

Пришли на гладкое место, на площадку.

Дунул змей — стала площадка чугунной. Ударил змей братьев — всех шестерых вогнал в чугунную площадку. Потом вытащил всех, бросил в глубокую яму, а яму завалил тяжелым камнем...

Ждали, ждали старик да старуха своих сыновей, а их все нету.

— Ну,— говорят,— видно, сгинули они, пропали, никогда к нам не вернутся... Одни мы, горе-мычные, на белом свете остались!..

Как-то раз выстирала старуха белье и пошла на реку полоскать. Полощет она белье и видит —

катится по берегу горошина. Подняла она ту горошину, проглотила и пошла домой.

Много ли, мало ли времени прошло — родился у нее сын. Стали думать старики, как его назвать. Вспомнила старуха горошинку, которую возле реки нашла да проглотила, и говорит:

— Назовем его Покатигорошком!

Так и называли.

Растет Покатигорошек не по годам, не по дням — по часам да по минутам. И вырос такой-то большой, такой-то складный да пригожий! Во всем отцу с матерью помощник, ни от какой работы не отказывается.

Задумал раз старик выкопать возле хаты колодец. Стал копать. И Покатигорошек с ним копает. Копали, копали и докопались до огромного камня. Старик говорит:

— Надо людей на помощь звать, одним нам этот камень не вынуть!

Пошел звать людей. Пока старик ходил да людей звал, Покатигорошек сам вытащил камень. Стоит, подкидывает камень, будто это маленький камешек. Пришли люди — дивятся, глазам своим не верят: никогда такого силача не видывали!

Стали старик и Покатигорошек копать дальше. Копали, копали и выкопали железную булавку.

— Пойду я, батька, к кузнецу, — говорит Покатигорошек, — пусть он мне из этой булавки булаву* выкует!

Пришел к кузнецу, принес булавку.

Удивился кузнец, думает:

«Разве можно сделать из этой булавки булаву?»

Да и выковал булаву из своего железа.

Приходит Покатигорошек и спрашивает:

— Ну что, выковал булаву?

— Выковал.

— А из моей булавки она?

— Из твоей.

Взял Покатигорошек булаву, вернулся домой и говорит отцу:

— Брошу я мою булаву в небо и лягу спать, а вы меня через двенадцать суток разбудите. Когда булава будет вниз падать, я ее подхвачу!

Вышел во двор и забросил булаву вверх. После того вернулся в хату, лег и заснул.

Через двенадцать суток летит булава вниз, гудит вовсю! Разбудил отец Покатигорошка. Тот вышел, поставил мизинец. Булава как ударилась о мизинец, так и рассыпалась на мелкие кусочки.

— Нет,— говорит Покатигорошек,— не из моей булавки кузнец эту булаву выковал!

Пришел к кузнецу, велел другую булаву выковать — из своей булавки.

— А обманешь, так я тебя самого разобью молотом на наковальне!

Крикнул кузнец своим помощникам:

— Заматайте скорее кузню! Просеивайте мусор, ищите булавку: я ведь ее на пол бросил!

Замели помощники кузню, собрали мусор в кучу, стали просеивать. Просеяли и нашли булавку.

Взял кузнец булавку, положил в огонь — и стала она на глазах расти. Принялся кузнец ковать. И такую булаву выковал, что и двадцати молодцам не поднять. А Покатигорошек взял ту булаву одной рукой, принес к себе во двор и подбросил в небо. А сам опять лег спать на двенадцать суток. На тринадцатые сутки летит булава вниз, гудит страшно.

Разбудил отец Покатигорошка. Тот вышел, поставил мизинец, булава о мизинец ударилась — только немножко погнулась.

— Ну,— говорит Покатигорошек,— с такой булавой можно куда хочешь идти!

Пришел он в хату, сел с отцом и матерью обедать.

Как пообедали, он и завел разговор:

— Были ли у вас до меня дети?

— Было у нас шесть сынов да дочка Оленка.

— А где ж они?

Заплакали старики:

— Погибли они все, пропали... Не иначе как их проклятый змей погубил...

— Ну,— говорит Покатигорошек,— если так, пойду я их разыскивать, выручать.

Стали отец и мать отговаривать его:

— Не ходи, сынок! Они вшестером пошли, да не вернулись, а ты один и вовсе пропадешь!

— Нет,— говорит Покатигорошек,— не пропаду. Как же я моих кровных братьев да сестру не выручу из беды? Не может того быть! Шейте мне суму да сушите сухарей на дорогу!

Нечего делать: сшила ему мать суму дорожную, насушила сухарей. Взял Покатигорошек суму, взял свою булаву, попрощался с отцом, с матерью и пошел разыскивать сестру и братьев.

Идет он да идет, видит — пастух стадо свиней пасет. Поздоровался Покатигорошек с пастухом. Пастух его спрашивает:

— Куда идешь, хлопец?

— Иду к змею — сестру и братьев выручать.

— Их змей забрал и тебя заберет! Вот если поймаешь самого большого кабана в моем стаде да съешь его, так победишь змея! А не съешь — лучше подбру-поздорову домой возвращайся!

Покатигорошек тут же изловил самого большого кабана, зарезал его, изжарил и съел всего. Поблагодарил пастуха и пошел дальше. Идет он да идет, смотрит — пастух пасет стадо коров и волов.

— Здорово, дядька пастух!

— Здорово, хлопец! Куда это ты идешь?

— К змею иду — братьев да сестру выручать!

— Э, да есть ли у тебя сила-то? Вот коли съешь самого большого вола из моего стада, так, может, и выручишь. А нет — лучше и не ходи к змею, сам пропадешь!

Заколот Покатигорошек самого большого вола, зажарил его и съел целиком, только кости оставил.

Поблагодарил пастуха и пошел дальше.

Идет да идет, видит — пастух табун коней стережет.

Остановился он, поздоровался:

— Здорово, дядька пастух!

— Здорово, хлопец! Куда путь держишь?

Рассказал Покатигорошек пастуху, куда и зачем он идет. Пастух говорит:

— Ну, если поймашь вон того вороного жеребца да сядешь на него — есть у тебя сила, убьешь змея. А не поймашь — самого тебя змей убьет!

Поймал Покатигорошек вороного жеребца, схватил за гриву и только вскочил на него — жеребец так и припал к земле.

— Э! — говорит Покатигорошек. — На таком коне далеко не уедешь!

Попрощался с пастухом и пошел дальше.

Долго по лесу шел и увидел большой-пребольшой двор.

Вошел во двор — тихо, в дом заглянул — тихо, никого не видать (змей-то в ту пору по свету летал, на добрых людей нападал).

Вышла девушка, спрашивает его:

— Зачем ты, хлопец, забрел сюда? Кто ты такой?

— Эх, дивчина, дивчина! Какая же ты недогадливая! Я твой брат Покатигорошек, пришел змея убить, а тебя и братьев домой увести!

— Какой же ты мне брат! Не знаю я тебя.

— Так я ж родился после того, как ты и братья пропали!

Рассказал Покатигорошек сестре об отце, о матери. Потом спрашивает:

— А где же наши братья?

Заплакала девушка:

— Пришли братья сюда, меня выручить хотели, да все тут и погибли... Избил их проклятый змей до полусмерти и в яму бросил, а яму тяжелым камнем завалил... И с тобой то же будет... Убегай лучше, пока его нету...

— Ну,— отвечает Покатигорошек,— не затем я сюда пришел, чтобы убегать. Пришел я, чтобы змея убить да вас всех из злой неволи выволить.

Только сказал — затряслась, загудела земля.

— Ой, братик дорогой! — говорит Оленка.— Прячься скорее: змей летит!

— Нет,— отвечает Покатигорошек,— не буду я прятаться. Не в прятки играть я пришел!

Прилетел змей, закричал:

— Фу! Фу! Человечьим духом пахнет!

— Как же не пахнуть,— отвечает Покатигорошек,— когда я к тебе пришел!

— А ну, хлопец, чего тебе тут нужно? Биться или мириться пришел?

— С таким губителем не мириться, а только биться! — говорит Покатигорошек.

— Хо-хо! Вот ты какой! Ну ладно, будь потвоему. Только сначала пообедать нужно!

— Что ж, я не против!

Приказал змей подавать обед. Подала Оленка.

— Погляжу я, каков ты силач,— говорит змей.— Можешь ли ты целого кабана съесть?

— А вот погляди! — отвечает Покатигорошек.

И съел кабана. Змей и глазом мигнуть не успел.

— А целого вола съешь?

— И это нетрудное дело.

Съел и вола.

— Молодец! — говорит змей. — А теперь посмотрим, как ты еще одно угощение отведаешь.

И приказал принести мешок железных орехов; каждый орех — по кулаку.

Принесли орехи. Змей грызет по два ореха, а Покатигорошек — по четыре.

Как сгрызли они все орехи, змей и говорит:

— Ну что же, биться или мириться?

— Биться!

— Так идем на гладкое место, на площадку.

— Идем.

Пришли на площадку. Дунул змей — стала площадка медной. Змей и говорит:

— Бей ты первый.

— Нет, — отвечает Покатигорошек, — бей ты сначала: ведь ты тут хозяин, а не я!

Вот ударил змей Покатигорошка по голове — по щиколотки в медную площадку его вогнал.

Вытащил Покатигорошек ноги, как замахнулся своей булавой, как ударил змея — вогнал его в медь по колени.

Вывался змей, размахнулся, ударил Покатигорошка что было сил — и его по колени в медь вогнал... Обрадовался, да рано: Покатигорошек сейчас же вытащил ноги, изловчился и ударил змея булавой — вогнал его в медь по пояс. Хотел было змей вырваться, да не тут-то было: Покатигорошек его еще раз булавой ударил. Не дал опомниться — в третий раз ударил и убил до смерти...

После того пришел к сестре и спрашивает:

— Куда змей наших братьев запрятал?

Привела его Оленка к камню — камень огромный, сотне казаков не сдвинуть. Покатигорошек

толкнул его, камень так и отвалился в сторону, на мелкие крошки рассыпался.

— Живы ли вы, братцы мои родные? — спрашивает Покатигорошек.

А братья так ослабели, что и ответить не могут.

Вытащил Покатигорошек братьев из ямы, дал им с силами собраться и повел их всех к отцу, к матери. А змеев двор спалил, чтобы и памяти о змее не осталось.

Увидели отец и мать всех своих детей живыми-здоровыми — то-то обрадовались! Стали их целовать, обнимать, к сердцу прижимать.

ТРИ БРАТА

Калмыцкая сказка

ного лет тому назад жили старик и старуха. У них были желтая собака и бурая кобылица. Кобылица жеребилась в день по три раза: утром, в полдень и вечером.

Однажды старуха сказала старику:

— Если бы я съела мясо жеребенка, вынутого прямо из утробы матери, то помолодела бы. Давай нарежем кобылицу.

— Если мы убьем кобылицу — нашу кормилицу, что же потом будем делать?

А старуха заладила свое:

— Хочу помолодеть! — и послала желтую собаку за кобылицей.

Прибежала собака к кобылице. Кобылица ее спрашивает:

— Ты зачем пришла?

— Мне приказано тебя привести, зарезать тебя хотят. Решила я тебе помочь. Я подпалю бечевку, которой тебя вязать будут.

Привела собака кобылицу. Не долго думая, старик и старуха наточили ножи. Старуха и говорит:

— Собака, принеси бечевку!

Желтая собака подпалила бечевку и принесла ее. Связали бурую кобылицу и только хотели резать, а кобылица как рванется, опрокинула старика и старуху и убежала. Не вышло дело.

Немного спустя старуха опять говорит старику:

— Эх! Поела бы я жеребятинки, сразу бы помолодела.— И так надоела старику, что согласился он резать кобылицу.

Опять послала старуха собаку. Прибежала собака к кобылице.

— Ты зачем пришла?

— Велят опять тебя привести, зарезать тебя хотят,— говорит собака.— Да только я и теперь подпалю бечевку.

Пошли собака с кобылицей. Старики повалили кобылицу.

— Собака! Принеси бечевку,— приказывают.

Подпалила собака бечевку и принесла. Связали старик со старухой кобылицу, резать хотят. Да не тут-то было. Опять сбила кобылица обоих: старика закинула за один бугор, старуху — за другой. Убежала.

Только через два дня добрались старики до дому.

Долго старуха помалкивала, а потом опять за свое:

— Поела бы я жеребятинки, помолодела бы. Давай зарежем кобылицу.

Сказала так и послала за кобылицей желтую собаку. Пришла собака к кобылице.

— Зачем пришла?

— Тебя хозяева требуют.

— А что мне там делать?

— Хотят тебя убить,— отвечает собака.

— Подпали же опять бечевку,— просит кобылица.

— Ладно, сделаю,— согласилась собака и привела кобылицу.

Старики вдвоем повалили кобылицу.

— Принеси бечевку,— говорят собаке.

Подала собака пережженную бечевку. Связали бечевкой кобылицу покрепче, а как стали резать, забросила кобылица старика и старуху за речку и убежала. Только на прежнее место не вернулась больше кобылица.

Бежала она, бежала и прибежала в стоянку одного грозного хана*. Слышит, кто-то жалобно плачет. Побежала туда и видит: лежат трое маленьких новорожденных мальчиков, брошенных в ямке. Отца хан угнал воевать, а мать померла от голода и холода. Кобылица положила мальчиков себе на спину и побежала подальше от злого хана.

Бежала она, бежала и прибежала в большой дремучий лес. Смастерила там себе жилье из травы и стала кормить детей своим молоком.

Жили у нее мальчики, пока не выросли большими. А кобылица жеребилась утром, в полдень и вечером. Всю землю кругом скоро заполнила она табуном. Однажды сказала кобылица трем мальчикам:

— Вы оставайтесь здесь, а я пойду подальше и там где-нибудь ожереблюсь.

Взбежала она на большую гору и осталась там. Жеребилась утром, в полдень и вечером и развела еще один огромный табун. Заполнил он опять всю землю кругом. Поскакала назад кобылица, домой к трем мальчикам, и говорит им:

— Пойдите пригоните второй табун.

Оделись три мальчика, сели на лошадей и отправились за табуном. Через три года доскакали они до другого табуна. Пока собирали, прошло еще три года. Пока пригнали домой — еще три. А когда пригнали табун домой, хорошо зажили вместе со своей кормилицей-кобылицей.

Однажды кобылица и говорит им:

— Попрощаться нам надо. Стара я стала.

Сказала и обернулась черным облаком. А когда улетело облако на небо, меньшей из трех заплакал. Вдруг облако опустилось на землю, вышла из него кобылица и спрашивает:

— Чего ты плачешь? Вон старший брат твой еду варит. Иди к нему! Ну!

Побежал меньшей к старшему брату. Опять обернулась кобылица черным облаком, закричала по-лебединому и взвилась в небо. Снова меньшей из трех братьев стал о ней плакать. Горько плакал, пока снова не спустилась к нему кобылица.

— О чем ты плачешь? — спрашивает.

— Не дала ты мне имени, так безымянным и оставляешь... — ответил меньшей.

— На голубом стеклянном бугре возросший — Кокодэ Мудрый — будет твое имя.

Дав имя меньшому, взвилась кобылица облаком, улетела в небо.

Остались три брата одни на земле. Выстроили себе дом, не доставал тот дом до неба всего на три пальца. Дом разукрасили: на дверях тигр и медведь — того гляди, схватятся. На притолоках

ворон и сокол — вот-вот бросятся друг на друга. На верхней притолоке попугай. Окна в доме из огненного стекла. Перед дверями растет дерево шабдал, вершиной в небо упирается. Ветви его свисают вниз и издают чудесные звуки — будто раковины поют и трубы играют. Покоряются все этим звукам — в небе пляшут птицы, а на земле звери. Такое прекрасное дерево перед дверями. По правую сторону дома — табун игривых лошадей. По левую — табун лоснящихся лошадей. Позади дома — табун ретивых лошадей. Впереди дома — табун прытких лошадей. А рядом с домом серая гора Богзатин, вершиной самые белые облака подпирает.

Так жили-поживали три брата.

Однажды меньшей и говорит братьям:

— Что же это мы так живем? Поищем-ка себе жен.

Приказал Кокодэ Мудрый оседлать серо-голубого коня. Взял конюх Кокодэ Мудрого узду и пошел за серо-голубым на зеленую траву, где били из земли прохладные ключи.

Чтобы мягко было валяться коню, рассыпан там бархатный песок. Чтобы не потер конь ноги, привязан он арканом из ваты.

Приготовился в путь конь Кокодэ Мудрого. Доброе тело свое подобрал к крестцу, упругое тело свое подобрал к ушам, быстрое тело свое подобрал к глазам, резвое тело свое подобрал к четырем чашам золотым. Вот и готов конь.

Пора одеваться Кокодэ Мудрому.

Надел он искусным мастером сшитую, десятью цветами переливающуюся белую одежду. Она на нем как влитая. Надвинул на лоб шапку с кистью Нильвинг. Она на нем как влитая. Опоясал себя поясом Лодбинг из кожи пяти четырехлетних лошадей. Он на нем как влитой. Надел красные сапоги

со скрипом. Они на нем как влитые. Взял оружие верное.

Когда вышел Кокодэ Мудрый из дому, чтобы сесть на коня, прыгнул конь чуть-чуть не до неба и вернулся на прежнее место, где ждал его хозяин. Потом обошел справа налево дом и отправился в путь вместе с хозяином. Полетел он, как пущенная из лука стрела, растаял, как марево в раскаленном зное летнего дня.

Едет Кокодэ Мудрый и видит вдали то ли ласточку, то ли еще что величиной с муху. Подъехал поближе, увидел перед собой кибитку с белой дверью без петель. Сошел с коня, серебряный чумбур* в руке, вошел внутрь и сел у правой решетки. У левой решетки сидит старуха, пищу готовит. А перед старухой сидит, волосы расчесывает такая раскрасавица, что как обернешься назад, то при свете ее красоты можно перечесть всех до одной рыбешек в океане. При сиянии ее лица можно табун караулить, при блеске ее глаз писать и ночью можно. Закричала на него старуха:

— Эй, ты, бугай приبلудный, что ты за человек, с пылающим лицом, с горящими глазами, откуда взялся?!

Кокодэ Мудрый тихо ответил:

— Я не бугай приبلудный, и не горят мои глаза, и не пылает мое лицо, я простого человека сын.

Сказал так и замолчал. Помолчал и говорит:

— А где ваш хозяин?

— Отправился в табун,— отвечают ему.

Тогда вышел Кокодэ Мудрый из кибитки. Красавица — за ним. Вышла, дала ему три творожных лепешки, ни слова не промолвила и не взглянула ни разу. Кокодэ Мудрый сел на коня, не обернулся на девушку и поехал дальше. Полетел он опять по степи.

Пошел с запада дождь, пошел с востока снег.

Вдруг навстречу Кокодэ Мудрому идет чудовище — пятнадцатиголовый черномазый Мус.

— Ха-ха-ха! Вон едет поганый! — приговаривает.

А за ним бежит собака, желтая, облезлая, с трехлетнюю корову ростом. Бежит, раскусывает камни с барана величиной и кидает их. Бросил ей Кокодэ Мудрый одну лепешку. Схватила ее собака, съела и бежит дальше, не лает. Снова бросил ей Кокодэ Мудрый лепешку. Опять она съела. Третью бросил. Третью съела. Подбежала к нему, прыгает на лошадь и ласкается.

А тем временем пятнадцатиголовый черномазый Мус думает: «На всей земле ни одного человека нет, который мог бы победить меня и двух моих братьев. Отчего же ласкается к нему моя собака?»

Приблизился Мус к юноше и говорит ему:

— Эй, ты, бугай приبلудный, что ты за человек, с горящими глазами, с пылающим лицом?

А юноша ему в ответ:

— Не бугай я приبلудный, и не горят у меня глаза, и не пылает лицо. Я сын простого человека. Хоть и многоголов ты, а безрассуден.

Ударил тут Кокодэ Мудрый по десяти головам Муса, откинул их назад и стал бороться с пятью головами. Боролись так, что разлетелся терн мелкими веточками. Боролись так, что обмелели океаны, стали лужами. Боролись так, что горы стали долинами, а долины горами.

Боролись они сорок девять суток.

Поборол Мус юношу, чуть-чуть было не убил.

— Рассказывай про свои горести, печали и беды, — говорит Мус, а сам сидит на юноше. — Дрожит мое сердце, сокрушить тебя хочет.

— О бедах я помолчу. Если хочешь на про-

шанье посмотреть чудеса, которые показывал мне мой отец, смотри,—сказал Кокодэ Мудрый.

Отпустил его Мус. Тогда он и говорит:

— Сядь покрепче, держись сильнее.

Взялся Мус покрепче, сел попрочнее. Толкнул его юноша раз, едва удержался Мус. Еще раз толкнул. Чуть не свалился Мус. Третий раз толкнул. Перекувырнулся Мус и полетел прочь. Юноша тут же поймал Муса и бросил об землю. Вошел Мус в землю на девять локтей. Тогда Кокодэ Мудрый разжег трубку величиной с бычьей головой, уселся и курит. А дым в трубке клокочет.

Ковыляет к юноше Мус, глаз выбит, рука сломана, ноги одной нет, словно коршун подстреленный.

— Мус! Куда ходил? — спрашивает его юноша и улыбается.

— Вода в этой реке горькая, ходил я пить из дальней реки,—отвечает Мус угрюмо.

Поглядели они друг на друга исподлобья, бок о бок, как бугаи, потерлись, головы подняли и друг на друга, как верблюды, пошли. Как бараны, схватились, перебрасывались и снова сорок девять суток боролись. На своем тонком бедре потряс юноша Муса восемь тысяч раз. На своем черном бедре потряс Мус юношу семь тысяч раз. Снова потряс юноша Муса восемь тысяч раз и бросил бездыханного на землю. Черная кровь становой жилы Муса, клокоча, землю на три пальца кругом покрыла. Убил он Муса, слил воду семи рек в одну и бросил в нее Муса. Потом сел Кокодэ на лошадь и умчался прочь.

Повстречал опять на пути кибитку с белой дверью без петель. Подъехал к ней, спешил и, с серебряным чумбуром в руках, вошел. Сел у правой стены. Снова увидел красавицу. При свете ее кра-

соты ночью можно счесть кипарисы за горой. А на левой стороне сидит злая старуха и как закричит:

— Эй, ты, бугай приبلудный, что ты за человек, с пылающим лицом, с горящими глазами, откуда ты?

— Нет огня у меня в глазах, и не пылает мое лицо,— говорит Кокодэ Мудрый и спрашивает: — А хозяин ваш где?

— Поехал в табун.

Вышел Кокодэ Мудрый, а красавица — за ним вслед. Дала ему три лепешки. Взял он их, положил в боковой карман, сел на коня и поскакал. Еще пуще прежнего дождь льет, еще пуще прежнего снег сыплет, еще страшнее первого двадцатипятиголовый черный Мус движется. А за ним желтая собака величиной с верблюда, разгрызает камни с быка величиной и бросает их. Бросил ей юноша лепешку. Съела — и дальше бежит. Подбросил другую. Съела — и снова бежит. Бросил третью. Съела, подбежала к нему, прыгает и ласкается.

Размышляет Мус: «Отчего это к чужому ласкается моя собака?»

Подошел Мус к юноше и говорит:

— Эй, ты, бугай приبلудный, что ты за человек, с пылающим лицом, с горящими глазами?

— Не горят мои глаза, лицо не пылает и не приبلудный я бугай. Хоть и складно говоришь ты, а бестолков.

Ударил Кокодэ Мудрый Муса, оторвал его десять голов и стал сражаться с пятнадцатью головами.

Боролись они так, что стали горы долинами, а долины горами. Боролись так, что леса посохли, стали хворостом. Боролись так, что океаны обмелели, стали лужами, а лужи разлились океанами.

Боролись они сорок девять дней. Совсем было одолел Мус юношу, ударил его об землю.

— Перед смертью рассказывай о своих бедах,— говорит Мус, а сам сидит на юноше.

— Подожди, Мус. Посмотри лучше двенадцать хитростей борьбы, каким отец меня научил, поучись у меня напоследок.

— Покажи! — приказал Мус.

— Сядь покрепче, держись сильнее.

Вцепился Мус, крепко сидит. Толкнул его юноша один раз. Еле удержался Мус. Снова толкнул. Чуть не свалился Мус. В третий раз толкнул. Перевернулся Мус, слетел с юноши. Юноша встал, встряхнулся, а сам посмеивается.

Поставил Кокодэ Мудрый своего серо-голубого коня в тень и сам сел. Пускает дым из трубки величиной с бычьей головой. Глядит — Мус ковыляет. Одна лапа разорвана, глаз выбит, рука вывернута, лапа сломана.

— Мус! Куда ходил? — спрашивает его юноша.

— Вода в этой реке горькая, ходил я пить из дальней реки,— отвечает Мус злобно.

Тут пошли боком друг на друга Мус и Кокодэ Мудрый, как два бугая. Исподлобья друг на друга, как верблюды, посматривают. Схватились, как бараны. Зашумело, загремело все вокруг. Потряс юноша Муса на своем тонком бедре восемь тысяч раз, молча сдавил его семь тысяч раз и загнал его одним ударом на девять локтей в землю. Рекой течет черная кровь из становой жилы Муса.

Тогда Кокодэ Мудрый говорит:

— Если вправду ты богатырь — поднимайся, если нет на то силы — убью.

— Не в силах я, убивай,— отвечал Мус.

Убил юноша Муса, слил воду семи рек в одну и бросил туда Муса.

Опять Кокодэ Мудрый сел на своего серо-голубого коня и отправился дальше. Заметил, что-то вдали виднеется. Поехал туда. Стоит кибитка с белой дверью без петель. Подъехал, слез и, держа чумбур, вошел в нее. Вошел и сел. По левую сторону сидит старуха, а перед ней девушка. При свете ее красоты можно счесть все пылинки в степи. Как закричит старуха:

— Эй, ты, бугай приبلудный, что ты за человек, с пылающим лицом, с горящими глазами?

Отвечает Кокодэ Мудрый:

— В лице нет у меня жара, и в глазах нет огня, и не приبلудный я бугай.— Сказал и сел. Посидел еще и спрашивает: — Ваш хозяин куда пошел?

— Поехал в табун,— отвечает старуха.

А когда Кокодэ Мудрый собрался уезжать, красавица девушка дала ему три бараньих ноги. Взял их юноша. Поскакал дальше.

Едет. Дождь идет, снег падает. Мчится прямо на юношу тридцатипятиголовый черный Мус. Один его голос звучит на небе, другой — на земле. Одним клыком бороздит он землю, другим — небо. Бежит с ним собака со слона, на ходу разгрызает камни с целого верблюда величиной. Лаает и бежит, бежит и лаает. Бросил Кокодэ Мудрый собаке одну баранью ногу. Перестала собака лаять, съела ногу и дальше бежит. Снова бросил Кокодэ Мудрый баранью ногу. Опять съела. Третью ногу бросил. Съела и стала к нему ластиться.

Никак не поймет Мус: «Отчего это моя собака к чужому ластится?» Подъехал и спрашивает юношу:

— Эй ты, бугай приبلудный, что ты за человек, с пылающим лицом, с горящими глазами?

Отвечал Кокодэ Мудрый:

— Нет у меня огня ни в глазах, ни в лице, не

приблудный я бугай. Хоть и силен ты, но безрассуден, хоть и здоров, а дурак.

Ударил Кокодэ Мудрый по десяти головам, разлетелись они в разные стороны, и стал бороться с двадцатью пятью оставшимися.

Боролись так, что стали горы долинами, а долины — горами. Боролись так, что океаны обмелели, стали лужами, а лужи разлились океанами. Боролись так, что посохли кусты терна и выросли новые. Сорок девять дней боролись. Едва одолел Мус юношу. Одолев, сказал:

— Перед смертью юноша всегда три печали вспоминает. Говори, какие у тебя? Сердце бьется — так хочу я тебя убить, жизнь твою кончить. Складной нож, сделанный манджиком* Цыдэ, у твоего горла.

А юноша ему в ответ:

— Лучше посмотри двадцать хитростей борьбы, каким меня отец научил.

Согласился Мус.

— Крепче держись, прочней сиди,— сказал юноша и толкнул Муса.

Еле удержался Мус. Толкнул его юноша еще разок. Чуть не свалился Мус. Опять толкнул. Кубарем покатился с него Мус. Вскочил юноша с земли, схватил Муса и одним ударом загнал на девять локтей в землю.

— Ну что, Мус? Есть ли у тебя про запас хитрости?

— Нет,— отвечал Мус,— перехитрил ты меня, победил, убивай теперь.

Убил Кокодэ Мудрый старшего Муса и отправился к нему в дом. Приехал, прикончил еще его злую мать, а жену взял с собой. Скот послал кочевать и так приказал:

— Ступайте по моему длинному следу, где след

перекрещивается — там и обедайте, где след кругом пойдет — там заночуйте.

Поехал Кокодэ Мудрый в дом среднего Муса. Убил его мать, жену тоже с собой взял, отослал скотину кочевать и опять наказал идти по своему длинному следу.

К младшему Мусу в дом приехал и с его родней так же расправился.

Поскакал теперь Кокодэ Мудрый в родные свои края. И так погнал своего коня, что до ушей коню рот растянул, до костей его исхлестал. Из конских глаз искры посыпались, из ушей огонь запылал, из носа дым повалил клубами.

Скакал, скакал и прискакал. Вошел в дом. Поздоровался со старшими братьями. Немного спустя прибыли и жены-пленницы. Все три красавицы. Тогда Кокодэ Мудрый отдал жену старшего Муса своему старшему брату, жену среднего Муса — среднему брату, а себе взял жену меньшого.

Так и жили братья, радовались жизни.

Однажды ночью старший брат, Цагадэ Мудрый, вышел на двор. Видит — тьма кругом, ночь, а в окне Кокодэ Мудрого странный свет мерцает. «Что это за свет?» — подумал старший брат и поспешил в дом Кокодэ Мудрого, вошел и увидел, что сияет лицо жены Кокодэ Мудрого.

Прибежал Цагада Мудрый к Уладэ Мудрому и говорит:

— Лицо жены брата нашего, Кокодэ Мудрого, чудесное сияние испускало. Забрал он себе самую лучшую. Обманул нас. Давай отнимем у него жену.

Улада Мудрый и говорит:

— Нет, не прав ты. Если бы младший брат не нашел нам наших жен-красавиц, где бы мы их взяли?

Прошло много дней. Однажды ночью опять уви-

дел Цагада Мудрый чудесный свет и опять прибежал к Улада Мудрому.

— Вставай, смотри, в доме Кокодэ Мудрого неземной свет мерцает.— А сам задыхается, еле дальше говорит: — Давай воткнем у его порога две косы, а потом потащим по земле кожу и закричим: «Вставай, Кокодэ Мудрый, вставай, украли твоего бурого коня». А потом убежим, Кокодэ Мудрый выскочит и отрежет себе косами ноги, а мы возьмем его жену.

Прикрепили братья к дверям острые косы и стали бегать и кричать:

— Кокодэ Мудрый! Выходи! Увели твоего любимого коня!

Вскочил Кокодэ Мудрый, а жена его не пускает, целует, за ноги хватает.

Кричат братья:

— Увели твоего бурого! Вставай скорей! Завладела тобой твоя служанка, трус ты несчастный!

Оттолкнул Кокодэ Мудрый жену, бросился из дому и отсек острой косой себе обе ноги. Повалился Кокодэ Мудрый на землю.

Построили братья Кокодэ Мудрому травяную кибитку и оставили его там. Сами же вместе со скотом и кибитками отправились кочевать.

Прошли дни.

Как-то готовил себе Кокодэ Мудрый пищу, вдруг снаружи постучались. Отпер Кокодэ Мудрый. Стоит перед ним человек.

— Что тебе нужно?

— Мои старшие братья слышали, как братья Кокодэ Мудрого расправились с ним, и выкололи мне оба глаза,— отвечает пришелец.

— Ну, входи сюда, побратаемся в беде,— сказал безногий Кокодэ Мудрый.

Вдвоем сварили они себе кашу, поели, легли

спать. На другой день вечером опять кто-то стучится.

— Кто там? — спрашивают.

— Услышали мои старшие братья, что братья Кокодэ Мудрого отрезали ему ноги, и отрезали мне руки, — сказал пришедший.

— Заходи сюда, будем друзьями, — пригласили его слепой и безногий.

Так втроем и жили дружно — слепой, безногий и безрукий.

Однажды услышали они, что Хормустá-небесный* отдает замуж свою дочь.

— Поплывем за невестой на лодке, возьмем ее себе, — решили друзья.

Сказано — сделано.

Безногий сел верхом на слепого, а безрукий их вел. Так пришли они к лесу, срубили деревья, смас-терили лодку, сели в нее втроем, ударили по корме и поплыли на небо.

Пока плыли вверх, дочь небожителя провезли мимо них на лодке в дом жениха. Взял Кокодэ Мудрый платок в руку и закричал:

— Не ваш ли это платок?

Потянулась девушка за платком, а Кокодэ Мудрый схватил ее за руку и перетянул к себе в лодку. Поплыла по воздуху лодка вниз, а за ней туман стелется.

Прибыли три друга домой. Опять Кокодэ Мудрый оседлал слепого и, взяв в проводники безрукого, отправился на охоту. Хорошо поохотились. Принесли домой зайцев, лис, велели дочери Хормусты-небесного приготовить пищу. Так и жили себе, поживали.

Как-то раз отправились трое друзей на охоту, а девушка забралась на верх кибитки и смотрит во все стороны. Вдруг из безлюдного скалистого

ущелья дым поднимается. Побежала девушка туда. Видит, выходит дым из старой кибитки. В кибитке той — бабка и дед Муса. Бабка сидит и чешет себе голову.

— Девушка, а девушка, чего робеешь? Заходи! — говорит старуха.

Вошла девушка. Взяла старуха кашу и угощает девушку. Девушка будто кашу съела, а сама спрятала ее в рукав. Потом старуха легла и говорит:

— Почеши-ка мне голову, милая.

Пока чесала девушка старухе голову, та шилом продырявила ей полу, насыпала туда золы и говорит:

— Спасибо, девушка, возьми теперь огонь и ступай домой.

Положила ей в полу горящих углей и отпустила. По пути от кибитки Муса и до дома просыпала девушка золу сквозь дырку в платье. Так след за собой и оставила.

Бабке Муса того и надо. Была та бабка одноглазая, глаз у нее впалый, желтый, да и тот на затылке.

Побежала старуха по следу за девушкой. В кибитку зашла — а девушка спит. Стала старуха сосать девичью кровь, насосалась — и домой. Девушка еле живая лежит, заболела, ослабла.

Вернувшись домой, трое охотников спрашивают девушку:

— Отчего это ты так похудела?

— Вовсе я не похудела, — отвечает девушка, а сама лежит слабая, плачет.

Прошло некоторое время, пошли друзья опять на охоту. Старуха тут как тут. Пришла в кибитку к девушке, пососала-пососала ее кровь и отправилась домой.

Возвратились охотники, дивятся на девушку и говорят друг другу:

— Отчего это она так худеет?

В другой раз слепой и безногий пошли на охоту, а безрукого спрятали следить за девушкой. Только скрылись охотники из виду, глядит безрукий — пришла старуха, старая, желтая, нос краснее меди, и давай сосать кровь девушки. Закричал безрукий и прогнал ее прочь. Вскоре вернулись и остальные. Сказал им безрукий:

— Приходила сюда какая-то ведьма и сосала кровь девушки.

Тогда слепой стал за дверью, безногий залег на дверную притолоку, а безрукий под шкурой спрятался. Пришла старуха. Осмотрелась. На руках и ногах у нее козьи жилы. Нос краснее меди, глаз один и тот на затылке. Прокралась она в кибитку, шепчет:

— Девушка, есть ли в твоём доме кто?

— Нет,— отвечает девушка.

— Правду говори,— приказывает старуха.

А у девушки и сил нет больше ответить. Пошла старуха за стариком, привела его. Стали вместе сосать.

Кинулись тут на них три друга. Старуху схватили, а старик убежал. Связали они старуху.

— Сделай девушку такой, какая была, сделай, какая была! — бьют и приговаривают.

Взмолилась старуха. Проглотила она девушку и вернула обратно. Сделалась девушка такой, как была прежде. Удивились друзья. Подводят к старухе безглазого.

— Сделай его зрячим,— требуют.

Проглотила его старуха и возвратила его юношей с прекрасными глазами. Отдали ей тогда безрукого. Проглотила и вернула его с руками.

Тогда Кокодэ Мудрый сказал друзьям:

— Если старуха меня проглотит и не выпустит, разрубите ее на мелкие куски, разрежьте на мелкие части и освободите меня.

Проглотила старуха Кокодэ Мудрого и говорит:

— Хоть убейте, хоть зарежьте, как знаете, а не выпущу я его.

Порубили два друга старуху на мелкие куски, искали, искали, устали, а Кокодэ Мудрого не нашли. Сели они опечаленные отдохнуть, вдруг воробей на трубе зачирикал:

— Чир-чир-чир! В мизинце ищи, в мизинце ищи!

Стали искать в мизинце и нашли. Сидит Кокодэ Мудрый здоровый, ноги скрестил и трубку курит.

Так превратились калеки в здоровых и решили вернуть дочь Хормусту-небесному. Отвезли ее и пошли втроем куда глаза глядят.

Шли, шли и дошли до того места, где дорога на три расходится. Попрощались друзья. Побрели каждый по своей.

Шел Кокодэ Мудрый, шел и пришел к дому своих братьев. Прикинулся он тогда цыганом. Вошел. А в кибитке мясо варили. Жену же Кокодэ Мудрого братья сделали простой пастушкой.

Как сварилось мясо в котле, Кокодэ Мудрый подошел помешать, вынул лучшие куски, а сам и говорит:

— То мясо, которое я первым выну, съест тот, кто у огня сидит.

И отдал лучшее мясо своей жене.

Взяла она мясо, вышла и села на дворе, а лицо ее зарумянилось. Дочь Цагада Мудрого увидела это и спрашивает у матери:

— Почему, как поела пастушка мяса, лицо ее зарумянилось?

А мать отвечает:

— Оттого, что она никогда не видала цыгана.

Захотелось женщинам, чтобы у всех был румянец. Стали они просить «цыгана» доставать и им мясо, а сами ели да ели, пока вечер настал. Постелили на дворе постель Кокодэ Мудрому, а жену его прогнали прочь.

Объявился Кокодэ Мудрый ночью своей жене. Бросились они друг другу в объятия, до рассвета рассказывал он обо всем, что с ним приключилось.

Как настало утро, жена Цагада Мудрого кричит:

— Вставай, пастушка паршивая, открывай трубу!

А пастушка лежит и не встает.

Тогда вскочила жена Цагада Мудрого, схватила кнут, выбежала наружу, да ни с чем пришлось ей вернуться. Сидит пастушка с цыганом, а цыган ее обнимает.

Заварили чай и позвали Кокодэ Мудрого чай пить. Кокодэ Мудрый выпил чаю, разостлал перед кибиткой белый войлок, посадил на него братьев, роздал им по луку, себе один взял и говорит:

— Стрела того, кто из нас в чем виновен, вернется обратно и попадет ему прямо в сердце. А если кто не виновен, то стрела прилетит обратно и попадет ему в правую полу.

Братья пустили стрелы.

Вернулась стрела Цагада Мудрого и прямо ему в сердце вонзилась. Прилетела стрела Улада Мудрого и тоже в самое сердце попала. А стрела Кокодэ Мудрого вернулась обратно, прямо ему в правую полу.

Тогда Кокодэ Мудрый сказал своим двум снохам:

— Что хотите себе взять? Хвосты и гривы семисот кобыл или кобыльи копыта?

Решили снохи: «Из хвостов и грив наплетем мы бечевок и арканов». И ответили:

— Гривы и хвосты возьмем.

— Ладно! По-вашему будет.

Пригнал Кокодэ Мудрый семьсот кобыл, привязал своих снох к гривам и хвостам и погнал табун по степи.

После того жил Кокодэ Мудрый со своей женой и радовался жизни.

СКАЗКА О СОЛНЦЕ

Саамская сказка

авным-давно была на севере страна, где не светило солнце.

И луна не светила.

Совсем темная была страна.

Только звезды виднелись в черном небе. Но от звезд какой свет? Почти никакого. Одно мерцание...

Черное небо висело над страной, и так было темно, что люди различали друг друга по голосам.

И огня не знали люди Темной страны.

Жили они в вéжах* из дерна и прутьев, утепляли эти жилища как могли — землю насыпали, мхом утыкали... Но все равно дрожали от холода, потому что в Темной стране всегда дул лютый ветер с холодного моря, глухо закрытого льдом.

Худо было людям в Темной стране. Совсем худо. И была в Темной стране высокая круглая гора.

Полнеба закрывала круглая гора, никто никогда не видел, какие звезды светят по ту сторону круглой горы...

А у подножия горы стоял длинный и высокий черный забор.

Такой длинный и такой высокий, что никто не мог его обойти. И никто не мог перелезть через этот забор, чтобы увидеть, что там.

Знали вежники только: стоит за забором большой дом из черных бревен, обитый для тепла оленьими шкурами.

И живут в том доме семьдесят черных братьев.

И пасутся за высоким забором сто тысяч оленей. И теплы шкуры оленей, и горяча их кровь, и вкусно их мясо...

Но вежники только слышали про все это — не было у них самих ни оленей, ни домов, и ели они только рыбу, которую вытаскивали из-под черного льда. Так жили люди в Темной стране тысячу лет. И еще тысячу. И еще тысячу лет, и еще...

И не думал никто из вежников, что можно жить как-то иначе.

Но однажды случилось: увидели вежники — едет вдоль высокого черного забора старик на олене. На белом олене, на чудесном олене.

Олень был такой красивый и такой белый, что от него исходило тихое сияние. И в этом сиянии увидели вежники лицо старика, простое и мудрое лицо старого человека, который много жил, много видел, никому не завидует и хочет оставить людям добрую память о себе.

— Здравствуйте, люди! — сказал старик и остановил оленя.— Какая глухая тьма в вашей

стране, — сказал старик, и люди увидели его длинную седую бороду, почти до колен. — Неужели вы, вежники, никогда не видели солнца? — спросил старик.

Но никто ему не ответил, никто не понял, о чем он спрашивает.

Вежники не знали солнца. И луны не знали. Знали только звезды — тусклые светлячки в черном небе.

— Да, — сказал старик, — я вижу, вы не знаете солнца... А солнце — это большая радость и большое тепло. И живет солнце по ту сторону круглой горы, за высоким забором. На самом быстром олене долго ехать, чтобы увидеть солнце. А пешком вдоль высокого забора до солнца никогда не дойти, для этого мало жизни человеческой...

Слушали вежники старика и молча дивились: что же это за штука такая — солнце, которое сразу и большая радость, и большое тепло?..

Услышали старика и черные братья. Услышали — и вдруг закричали:

— Глупые вы, вежники! Глупые и темные! Разве может быть что-то такое, что сразу и радость и тепло? Разве может быть что-нибудь такое, чего бы мы не знали? Приехал на белом олене старый обманщик и рассказывает вам сказки, словно маленьким детям! Побьем его и прогоним! Нет на земле цвета лучше черного!.. Побьем старика и прогоним! Побьем! И прогоним! Побьем! И прогоним!

Задумались вежники. Разве за сказку бьют?

А семьдесят черных братьев уже пошли на старика, уже окружили его вместе с оленем.

Покачал головой мудрый старик, и погасли его глаза, и лицо его потемнело, и потухло сияние от белого оленя.

Сказал старик:

— Трудно поверить в то, чего не видел. Но если есть забор — есть что-то и за забором. Если есть гора — есть земля и за горой. Если есть светлячки-звезды — может быть и такая большая звезда, яркая, как сто тысяч звезд сразу, теплая и радостная... И есть на земле много разных красок, не одна черная. А черный цвет — это цвет большой неправды, цвет обмана и злой силы. Я уйду. И покажусь теперь только тому, кто поверит в солнце.

Черные братья протянули руки, чтобы схватить старика, но белый олень ударил копытом, расступилась земля — и исчез олень, и старик исчез.

Разошлись люди по своим вежам, по своим делам. А черные братья ушли в свой большой дом, за высокий забор. И все стали жить, как жили.

И только один юноша не мог больше жить постарому. Запомнил он слова старого человека о неведомом солнце, которое сразу и тепло и радость.

Пошел юноша к темным озерам, туда, где растет ягель — олений мох. Посмотрел он на черное небо, посмотрел он на черную воду, посмотрел он на черную землю и сказал:

— Как бы хорошо, если бы не все черное! Так хочется верить в солнце! Так хочется увидеть солнце! Но пропал старик, обидели старика. И белый его олень пропал. Как теперь я найду их, в такой тьме?..

Только юноша сказал эти слова — раскрылся ягель и явился перед юношей чудесный олень. Был он такой белый, что от шкуры его исходило сияние...

— Я здесь, — сказал олень. — Я жду тебя. Садись верхом.

Юноша очень удивился и сел верхом на оленя.

И помчались они по мхам и болотам, через чер-

ные озера, над черными лесами, над угрюмыми сопками...

Долго ли мчались, коротко ли — остановился чудесный олень.

И видит юноша: перед ним на гранитном камне сидит тот самый старик, седая борода до колен, лицо простое, мудрое, независтливое.

— Здравствуй,— сказал старик.— Спасибо тебе, что поверил ты в солнце. Среди самого темного народа всегда найдется герой. Не может быть народа без героев...

— Спасибо тебе за доброе слово,— сказал юноша.— Но скажи, как мне достать солнце для вежников? Хоть кусочек солнца, которое сразу и тепло и радость...

— Достанешь ты солнце,— сказал старик.— Но чтобы солнце всех согрело и всех обрадовало, нужно, чтобы все люди твоего племени поверили в солнце. Хоть на волосок, но поверили бы. Только тогда солнце дастся тебе в руки. Только тогда согреет всех.

— Хорошо,— сказал юноша, сел на оленя и вернулся обратно в свою Темную страну.

Приехал, рассказал, как было. И попросил у каждого по волоску.

Задумались вежники, но дали юноше по волоску, каждый дал по волоску, целый ворох набрался. Только черные братья не дали ни волоса. Но у черных братьев юноша и не просил ничего.

Начал юноша плести из волосков шкатулку. Трудная это была работа. Семьдесят дней и семьдесят ночей плел он шкатулку. Но это только так говорится — семьдесят дней. Потому что в Темной стране дни были похожи на ночи, а ночи — на дни. Не было разницы между днем и ночью — одинаково

темно. А в темноте, на ощупь, сплести прочную шкатулку — непростое дело.

Но юноша крепче всех поверил в солнце — и он сплел шкатулку.

И вышел он снова к озеру, на берегу которого рос высокий ягель, олений мох. Посмотрел на черное небо и сказал:

— Готова моя шкатулка. Семьдесят дней и семьдесят ночей в глубокой тьме плел я ее. И вера многих людей вошла в меня через эти волоски, через глаза мои и через пальцы. Теперь я готов достать солнце для вежников.

Только он это сказал — раскрылся ягель, олений мох, и явился перед юношей белый олень.

— Садись,— сказал олень.— Садись на меня верхом.

И снова помчались они по черным мхам, над черными озерами, над черными лесами и черными болотами.

Долго мчались, так долго, что юноша счет времени потерял.

И вдруг вспыхнул вдали густой красный свет. Видит юноша: на самом краю земли стоит огромное красное солнце. Стоит, переливается, жаром пышет, глаза слепит.

— Стой,— сказал юноша белому оленю.— Стой, погоди, глазам больно, дай привыкнуть...

Остановился олень и говорит юноше:

— Посмотри, какое солнце огромное, какое яркое, какое горячее! Такое солнце одному никак не унести. Мы с тобой отколем кусочек, покажем людям в Темной стране. Понравится им кусочек солнца — пусть сами приедут и возьмут остальное. А не понравится — придется вернуть на место и кусочек.

— Понравится! — сказал юноша.— Не может

солнце вежникам не понравится, не может такого быть! Едем скорей, глаза привыкли, рукам пора дело делать — скорей!

— Раскрой свою шкатулку,— говорит олень,— и держись крепче за меня.

Раскрыл юноша шкатулку — и понеслись они прямо на солнце. На полном скаку ударил олень своими рогами по солнцу, отскочил от солнца кусочек и упал прямо в шкатулку. Юноша сразу крышку шкатулки захлопнул, а чудесный олень помчался обратно.

Достигли они Темной страны, слез юноша с оленя и низко поклонился ему. А олень ударил копытом — и пропал.

Стоит юноша среди своих людей, среди вежников, и говорит:

— Все вы дали мне по волоску. Сплел я шкатулку и привез вам кусочек солнца. Совсем маленький кусочек. Давайте выпустим его, пусть он осветит наше небо и нашу землю. И если частица солнца придется вам по душе — я знаю, как достать остальное солнце. Оно много больше, мне одному не под силу, нужно всем взяться.

Только он сказал эти слова, прибежали с кругой горы из-за высокого забора семьдесят черных братьев. Бегут, руками машут, кричат во все горло:

— Не смей выпускать! Высохнут наши озера! Железо в земле расплавится и зальет наши дома! Сам ты ослепнешь, и все мы сгорим!

Отвечает им юноша:

— Не высохнут озера, и не расплавится железо. Видел я солнце, видел я землю вокруг настоящего солнца. Прекрасна та земля, нет ничего красивее! Потому что солнце не терпит черного цвета!

Обступили черные братья юношу со всех сто-

рон, хотят вырвать шкатулку. Но тут вежники заступились за своего.

— Нет,— сказали они,— не дадим вам шкатулку. Она из нашей веры сплетена, она из нашей надежды. И если он привез частицу солнца, пусть покажет всем!

Но черные братья схватили юношу и потащили его к черному болоту, чтобы утопить вместе со шкатулкой. Видят вежники — плохо дело, не помогают слова. Подняли они с земли камни и кинулись на черных братьев. Началась битва, и поднялся черный ветер, настоящая черная буря.

И вдруг раскрылась шкатулка. И кусочек солнца вылетел из нее. Ветер подхватил и поднял маленькое солнце над черной землей.

Сначала тусклой звездочкой замерцало солнышко над людьми. Потом ветер начал раздувать его, как раздувает угли в костре.

И солнышко засветилось, все ярче, все ярче, и красным светом вспыхнуло небо. Озарились болота, озарились озера, и ягель на берегу, олений мох, засветился...

Смотрят вежники: вода в озерах стала голубой, мхи окрасились в желтый цвет, в розовый, в зеленый... И даже камни стали разноцветными. Никогда не думали вежники, что так красива их Темная страна.

А черные братья стали еще чернее, совсем как мокрые уголья. Потом вспыхнули жарким пламенем и сгорели без остатка. И ветер развеял пепел. Потому что тот, кто не верит в солнце, не сможет выдержать света его и тепла. Кому солнце не в радость — тому оно на беду.

— Спасибо тебе! — закричали вежники юноше. — Спасибо тебе! Научи нас, как добыть все солнце! Научи!

— Идите туда, где жили черные братья,— сказал юноша.— Идите и сломайте высокий забор. И возьмите сто тысяч оленей. И тогда мы все вместе поедem и добудем солнце.

Вежники так и сделали.

Сломали высокий забор, взяли оленей и поехали туда, куда указывал юноша.

Долго ехали, и показалось вдали огромное красное солнце. Слезли вежники с оленей и низко поклонились солнцу.

Юноша сказал:

— А теперь поставьте оленей большим кругом, головами в одну сторону.

Вежники так и сделали.

И вдруг расступилась земля, и появился чудесный белый олень, тот самый, на котором когда-то приезжал в Темную страну мудрый старик.

Чудесный олень тронул солнце рогом, оно качнулось, приподнялось и плавно легло на рога всех оленей. И сто тысяч оленей бережно понесли солнце в Темную страну.

И они донесли солнце в целости и сохранности, и Темная страна перестала быть темной: поднялись навстречу солнцу цветы и травы, потянулись в небо деревья.

И люди в тундре научились улыбаться друг другу, детям и солнцу.

С тех пор и светит над тундрой солнце.

И тысяча лет прошла с тех пор, а потом еще тысяча и еще...

Другие люди живут в тундре, и они совсем не знают, как это может быть сплошная тьма, когда день не отличить от ночи. Но память о смелом юноше, который поверил в солнце,— память до сих пор живет и никогда не умрет, она вечна. Как вечно само солнце — Большая Радость и Большое Тепло.

СКАЗКА О КУРАЕ

Башкирская сказка

давние времена жил один хан. Хан этот был очень злой и жадный. Он жестоко угнетал народ.

Каждую неделю он брил себе голову, для этого хан призывал всякий раз нового человека и домой его не отпускал. Народ был в постоянном страхе и так запуган, что люди не знали, как спастись от хана, послушаться которого никто не смел.

Однажды хан позвал к себе сына одних бедных стариков. У них было три сына. Пошел к хану старший сын и не вернулся. Через неделю хан позвал другого сына. Пошел к хану средний сын и тоже не вернулся домой. Старик со старухой были в отчаянии. Через неделю пришли от хана звать и последнего сына.

Жили старики очень бедно. Все, что у них было съестного, мать уже отдала на дорогу старшему и среднему сыновьям, а младшему нечего было и дать. Старик со старухой были очень этим опечалены. Но мать все же придумала, что дать на дорогу сыну. Она замесила на своем молоке тесто из лебеды и напекла лепешек. Взял ёгет* эти лепешки, распростился с родителями и отправился в путь.

Вышел он на пригорок, оглянулся в последний раз на родные места, где он родился и вырос, и с великой тоской на сердце запел, прощаясь с родным Ирандэком*, с журчащими ручьями, душистыми

лужками и кустарниками, с тенистым лесом и родными горами.

Через несколько дней дошел егет до ханского дворца. Как только его привели к хану, хан дал ему свою остро отточенную бритву и приказал обрить ему голову.

Хан снял корону, и егет замер от удивления: на голове у хана торчал рог. Но удивляться было некогда.

Когда егет обрил хану голову, то хан сказал: «Посиди тут» — и вышел. А егету очень захотелось есть. Он вынул последнюю домашнюю лепешку и начал ее есть. В это время вернулся хан, он увидел, что егет жадно ест что-то такое, чего он сам еще никогда не видел и не пробовал.

Хан сказал егету:

— Что ты ешь? Отломи-ка и дай мне попробовать.

Егет отломил хану кусочек лепешки. Хан съел и говорит:

— Как вкусно! Из чего это испечено?

— Моя мать замесила на своем молоке тесто из лебеды и испекла эти лепешки, — ответил егет.

Хан был поражен и не знал, что и думать.

«Я съел лепешки, испеченные на молоке его матери! Теперь выходит, я стал его молочным братом, и его кровь мне проливать нельзя. Если же я не убью его, он расскажет всем, что на голове у меня рог, — думал хан. — Чтобы избавиться от этого егета, пожалуй, лучше будет отвезти его туда, где не ступала нога человека и оставить там», — решил хан.

Хан позвал своих палачей и приказал им отвезти егета в дремучий лес.

Ханские палачи связали егета по рукам и ногам, завязали ему глаза и повезли. Потом они ссадили

его с коня и бросили в непроходимом лесу, где бродят одни дикие звери.

Долго жил там егет, питаясь кореньями и ягодами. Он смастерил лук и стрелы и охотился на зверей, а из шкур сшил себе одежду, потому что старая одежда на нем вся износилась. Все время тосковал он по своим родителям — по отцу и матери — и всем сердцем стремился к родному Ирандеку, да не знал, как туда дойти.

Однажды, скитаясь по лесу, он устал и прилег под дерево отдохнуть. Поднялся сильный ветер.

Вдруг до слуха егета стали доноситься дивные звуки. Егет вскочил на ноги и пошел в ту сторону. Шел он долго, сам не зная куда, наконец поднялся на вершину горы. Тут он увидел высокое растение с мохнатой головкой. Оно покачивалось на ветру и издавало приятный звук. Егет сорвал это растение, сделал длинную дудку, подул в нее и вновь услышал приятные звуки, которые шли из стебля растения.

Егет обрадовался, что нашел себе друга. Каждый день он подолгу учился играть на этой дудке. Наконец он научился наигрывать разные песни, какие знал еще дома и какие приходили ему в голову. На сердце у него стало легче и спокойнее.

Вот как-то раз шел он, шел и дошел до родных мест. Устал егет с дороги и сел на пригорок, а потом начал играть. Услышал приятные звуки окрестный народ, что жил на яйлау*, и пришел к егету.

Егет рассказал обо всем виденном народу: о том, как хан убивает молодых егетов, о том, как он сам спасся от смерти. Тогда весь народ поднялся на хана и расправился с ним по заслугам.

И с той поры в башкирском народе кура́й* переходит из поколения в поколение и играют на нем хорошие, душевные песни.

ВОЛШЕБНАЯ ПТИЦА

Латышская сказка

...ыл-был слепой король. Было у него трое сыновей: два умных, третий — простака.

Однажды созвал король сыновей и сказал:

— Всего у меня вдоволь: денег, и добра, и верных подданных. Одного мне не хватает: слепой я, нет у меня света в очах. И ни за какие деньги нельзя его вернуть, ибо ни один врач не берется меня вылечить.

— Да,— вздохнул Простака.

Умные сыновья молчали.

Отец же продолжал:

— И все же меня никогда не покидала надежда. Дошло до меня, что за тридевять земель живет принцесса, которая семь недель спит крепким сном, а другие семь бодрствует. У этой принцессы есть птица, слушая пение которой, хромы начинают танцевать, а слепые становятся зрячими. Но принцесса свою волшебную птицу никому не показывает, никому ее не дает и даже пение ее слушать не позволяет. Поэтому птицу надо взять тайком.

— Украсть! — воскликнул Простака.

— Замолчи, дурак! — посоветовали умные братья.

А король продолжал:

— Да, нелегко добыть птицу, потому что ее крепко охраняют и каждого, кто приблизится к птице, убивают. Все же я надеюсь на вас, сыновья

мои, и верю, что вы совершите подвиг и вернете своему отцу свет очей. Вы, мои старшие сыновья, седлайте коней, берите полные мошны* денег и отправляйтесь в путь! Ваш младший брат, Простак, останется дома со мной. Через три года жду вас обратно.

Оба старших брата оседлали удалых коней, насыпали полные мошны денег и отправились в путь.

Ехали братья весело. Возле первой же корчмы* они привязали коней к коновязи и пошли утолить жажду.

Так пошло и дальше: где корчма, там и привязывают коней к коновязи.

Однажды встретился им по дороге старичок с длинной белой бородой.

— Куда, сынки, путь держите?

Оба королевича рассердились: такой ничтожный старикашка, странник, осмелился назвать их сынками и выпрашивать, куда они едут!

— Тебе какое дело? — оборвали они старика.

И поехали дальше, останавливаясь и выпивая во всех корчмах.

Прошло три года, прошло четыре, пять, шесть лет — от сыновей никакой весточки. Король опечалился:

— Дорогие мои сыновья, худой конец пришлось вам из-за меня принять, убили вас стражи принцессы. Остался у меня один лишь сын, да и тот Простак. Какое дело с таким начнешь? Отыскался бы какой-нибудь храбрец, который поехал бы и привез мне вести о моих сыновьях.

Простак очень близко к сердцу принял горе отца. Он просил отца раз, просил другой отпустить его разузнать, куда братья девались. Но отец все отказывал:

— Выбрось из головы такие мысли! Куда ты поедешь, дурачок! Раз уж твоим умным братьям не повезло, то ты и пяти шагов не сделаешь, как сразу попадешь в беду.

Но Простак все просил и просил.

Наконец король сказал:

— Пусть будет по-твоему. Только не вздумай брать доброго коня и много денег. Все равно далеко не уедешь.

Простак рад, что получил разрешение, взял старого коня, бросил в кошелёк два-три дукáта* и поехал. По дороге встретил старичка с длинной белой бородой. Старичок спрашивает:

— Куда, сынок, путь держишь?

Простак все подробно рассказал: так, мол, и так, отец слепой, ни один лекарь не может его вылечить, а за тридцать земель у принцессы есть птица, пение которой делает человека зрячим. Поэтому два умных брата уже шесть лет назад поехали за птицей, но еще не вернулись. Отец теперь хочет знать, куда его сыновья делись. Вот он, Простак, и едет их искать.

Старичок дал Простаку клубок ниток и сказал:

— В той корчме, где ты переночуешь, не пускайся ни с кем ни в какие разговоры и прямо спозаранку отправляйся дальше. Этот клубок покажет тебе дорогу к принцессе. Если клубок катится впереди, то не бойся, можешь идти смело, ни один страж тебя не увидит, а сама принцесса будет спать крепким сном.

Простак поблагодарил, взял клубок и поехал дальше. Поздно вечером он приехал в корчму. Корчмарь уговаривал его пить и играть в карты, но Простак не поддался ни на какие уговоры.

Утром спозаранку он поехал дальше. Ехал он долго и наконец счастливо добрался до замка прин-

цессы. Вокруг замка стояли стражники. Простак остановился на опушке леса, положил клубок на землю и стал ждать, когда он покатится. Ждал до позднего вечера, ждал всю ночь, но клубок лежит и не движется.

На другое утро клубок сначала немного покружился на месте, а потом покатился вперед. Простак — за ним. Клубок катится между стражами прямо в замок. Простак — за ним. Ни один стражник не видит его, не слышит. Клубок катится в замок, и Простак идет за ним вслед.

Вошел Простак в замок и видит: принцесса спит. Она была прекрасна, как весеннее солнышко. Лоб блее лилии, щеки розовые, словно утренняя заря. У Простака занемогло сердце, и он забыл про птицу, забыл про отца и братьев, забыл про все на свете...

Но клубок не оставил Простака: он начал кататься взад-вперед у Простака под ногами.

Простак очнулся, снял на память перстень с пальца принцессы, взял птицу и поспешил за клубком вон из замка.

Как только Простак выбежал на волю, так в замке сразу поднялась тревога. Принцесса проснулась и начала допрашивать стражу:

— Кто у меня был? Кто взял птицу и перстень?

А Простак на опушке леса подхватил клубок, вскочил на коня и пустился домой.

Вечером он добрался до той же корчмы и остался там ночевать. Корчмарь опять звал его играть в карты. Простак не удержался и сел играть. Но сегодня ему всюду везло, и в картах тоже. Скоро он выиграл у корчмаря изрядную горсть золота. Он был не прочь и еще поиграть, но клубок вдруг начал толкаться в кармане.

Простак кинул карты на стол:

— Хватит.

Корчмарь почернел от злости, но что он мог поделать...

Простак выспался и спозаранку собрался ехать домой. Но тут он увидел за садовым плетнем двух человек, прикованных цепями к тачке. Они возили землю. Простак спросил, кто это такие, и узнал, что это должники корчмаря. Простак пожалел несчастных и выкупил их из рабства. Какова же была его радость и удивление, когда он узнал, что выкупил своих старших братьев! Теперь они уже все трое поехали в отцовский дом.

По дороге братья остановились на опушке леса отдохнуть. Как только Простак заснул, старшие братья убили его, взяли волшебную птицу и помчались домой.

Старый король на радостях не знал, что делать, как славить своих умных сыновей. Жаль ему было, что отпустил он Простака бродить по белу свету.

— Завяз, наверно, в каком-нибудь болоте и теперь уж не вернется! Разве такой знает, куда ногу поставить, куда шагнуть? — сказали братья.

Привезли братья птицу, однако свет очей к отцу не вернулся. Птица не пела. Братья и так и сяк пробовали заставить ее петь, но все напрасно! Птица не пела, и король как был, так и оставался слепым.

А убитый Простак лежал на опушке леса. Вдруг из чащи выползла ящерица. Она долго бегала около Простака и все попискивала: «Жив! Жив!» Тут Простак и впрямь начал шевелиться, потягиваться, зевать. А потом встал и побрел в сторону отцовского дома.

После долгого-долгого пути он пришел в отцовский замок. Но никто его здесь уже не узнал.

Тогда Простак нанялся к своему отцу конюхом.

Вместо платы он получил за работу маленького лохматого жеребенка.

Вскоре в королевство пришла такая весть: принцесса зовет к себе того, кто сумел украсть ее волшебную птицу.

Старшие братья взяли птицу и отправились к принцессе.

— Это вы взяли мою птицу? — спросила принцесса.

— Мы! — ответили братья.

— А что вы еще взяли, кроме птицы?

Умные братья не знали, что сказать. А птица сидит, нахохлилась и не поет.

Видя это, принцесса велела обоим братьев строго наказать за ложь.

Затем приехал на своем лохматом коне Простак. Лишь только впустили Простака к принцессе, птица сразу встрепенулась и запела. Принцесса спросила:

— Что ты еще взял, кроме птицы?

— Еще я взял перстень, — признался Простак. — Вот он.

Принцесса обрадовалась, что нашла своего суженого. Скоро они сыграли свадьбу.

После свадьбы Простак и принцесса отправились навестить слепого короля.

Отправляясь в путь, принцесса взяла с собой каравай хлеба, который, сколько его ни ешь, никогда не убавляется, кружку воды, которую, сколько ни пей, никогда не выпьешь, и меч, которым можно победить любого врага.

— Кто знает, какие опасности могут повстречаться в пути? А так нам не страшны ни голод, ни жажда, ни враги, — сказала принцесса.

Пришлось им проезжать через разные государства. В первом государстве был голод. Ни у кого

не было ни крошки хлеба, люди ходили еле живые.

Принцесса и Простак начали отрезать ломоть за ломтем от своего каравая. И накормили всех людей. В благодарность народ признал Простака и принцессу правителями своей страны.

Во втором государстве хлеба было вдоволь, но не хватало воды. Дождя не было очень давно, все ручьи высохли, все колодцы вычерпаны. Принцесса и Простак начали наливать воду из своей неисчерпаемой кружки и поить народ. Здесь тоже признали их правителями своей страны.

В третьем государстве люди были в большом страхе: сильный и злой враг напал на них.

Взял Простак меч, которым можно разбить любого противника, встретил врага и победил его. И здесь народ избрал их правителями своей страны.

Слава о доброй королевской чете далеко опередила их. Слепой король вышел навстречу Простаку и его жене. Птица запела, и слепой король сразу прозрел.

БАТЫРЫ ИЗ ПЛЕМЕНИ ЧУДЬ

Удмуртская сказка

огда, в какие далекие времена это случилось, никто сказать не может, но только само собой разумеется, что и

алангасáров* уже на свете не было, и потомки Ёда расселились в лесном краю разными племенами, и Инмáр с Кылдыси́ном не появлялись больше людям. Именно тогда-то на реке Каме поселилось племя, которое называли чудь светлоглазая. И жило это племя на горе, на высоком берегу. Люди этого племени любили простор и волю, а потому расселились не грудно, не теснились один возле другого. Но жили дружно: как завидят, что на кого-то из них надвигается неприятель, то пускали упреждающие стрелы братьям. Возьмут и пустят стрелу на курган, что у реки Белой, и дальше, к Чеганди́нскому урочищу. Как долетит стрела, так они немедля собирались все вместе и встречали неприятеля.

Росту они были очень высокого, силы непомерной, а характера независимого. Другие племена называли их баты́рами*.

Однажды после набега врагов их поселение превратилось в пепелище. Тогда оставшиеся в живых мать, три брата и красавица сестра бросили его и ушли к тому месту, где теперь находится селение Чегандá и где берег Камы выступает в реку тремя мысами. Не с пустыми руками явились они в эти места, несметные богатства принесли с собой, бесчисленные стада пригнали.

Понравились этой семье три крутых мыса на Каме, и решили они обосноваться здесь и больше не искать другого места.

Сперва обжили они средний мыс, что оброс могучим сосняком, построили здесь просторное жилище, обнесли изгородью загон для скота. Но не долго им пожилось вместе, не хватило миру между братьями, пошли у них ссоры и раздоры, потому что очень уж не похожи были друг на друга три брата: и обличьем, и характерами.

Как-то, распорившись не на шутку, пришли

они к своей мудрой матери за советом, как им поступить, чтобы впредь не ссориться, как разделиться по справедливости и без обиды для нее.

Посмотрела мать на возмужавших сынов и сказала:

— Видно, сыны, и для вас пришло время вылететь из гнезда. Не стану держать вас. Выбирайте каждый место по сердцу и поселяйтесь там.

Первым выбор сделал младший безусый брат. Он был белокур и голубоглаз.

— Больше всего я люблю землю пахать, — сказал он матери и братьям. — Уступите мне левый мыс, там хотел бы я жить. Уж очень мне по душе роща на том мысу и соловьи, что по весне поют.

Сказал и стал ждать ответа, с опаской и тревогой посматривая на братьев. Но братья молча поклонились ему, и тогда мать ответила:

— Силой и ловкостью ты, сын, не обделен, к труду прилежен и любишь землю пахать и сеять. Если нравится тебе левый мыс — владей им, братья отступаются от него в твою пользу.

Тут заговорил средний:

— Я был с отцом, когда он в последний раз взмахнул мечом и, раненный смертельно, завещал мне свои доспехи, лук и колчан со стрелами. Я люблю охоту и скотоводство. Отдайте мне этот средний мыс! Я стану защищать всех вас. А мать и сестру я никуда не отпущу, они останутся жить здесь, как жили.

Так сказал средний брат. Рыжие волосы его спускались на могучие плечи, борода, такая же рыжая, густо прикрывала подбородок и щеки, на широкой груди покоилось ожерелье из медвежьих и кабаньих клыков. Сказал и сверкнул зеленоватыми глазами на братьев. Младший на это ответил покло-

ном, а старший только головой кивнул и усмехнулся одними губами.

— Значит, всех нас ты берешь под свою защиту? Спасибо,— сказала мать.— Мы остаемся с твоей сестрой жить здесь, в этом жилище. Ты любишь охоту, как любил ее и твой отец, стрелы у тебя тоже не знают промаха. Не чья-нибудь, а твоя стрела пронзила сердце врага, убившего отца. Ты смел и бесстрашен, сын мой, все соседи не смеют трогать твой скот и твое жилище. Ты будешь хорошим защитником. Но предупреждаю: не обижай ни сестру, ни братьев, ни меня. Я говорю тебе об этом, потому что знаю твой вспыльчивый нрав и злопаметность. Поклянись мне, что не обидишь никого из нас!

Тот поклялся.

— Смотри же, сын, сдержи клятву! Не то кары тебе не избежать,— еще раз предупредила мать.

Теперь взгляды всех обратились к старшему. Что скажет он?

Высокий, как и братья, но черноволосый, с твердым пронзительным взглядом черных глаз, похожих на глаза матери, стоял он перед всеми спокойный и уверенный. Длинные прямые волосы были схвачены на лбу зеленым обручем, длинная черная борода закрывала всю грудь.

— Ничей остался правый мыс. Тогда я беру его себе,— рассудительно сказал он.

После этого все поклонились ему.

Так стали жить братья невдалеке друг от друга, но порознь.

Наступила весна. Младший, идя за сохой, радовался хорошей погоде и пел песни. Его голос сливался с птичьим веселым гомоном и разносился по всей округе.

Белокурая красавица сестра на среднем мысу

сплела венок из цветов, украсила им распущенные волосы, слушая брата и пение птиц. По вечерам она тоже выходила из землянки послушать его песни и соловьев в березовой роще на левом мысу. Иногда она и сама начинала петь. Тогда все, казалось, смолкало, прислушиваясь к нежным звукам ее голоса.

Ее пение доносилось и до правого мыса, послушать его выходил старший брат. Мать тоже с доброй улыбкой слушала пение дочери. Только один средний брат не любил ее песен: в них не было ни жажды мести, ни ненависти, была только одна чистая любовь. Он, обрывая пение, громовым голосом звал сестру домой. Не нравилось ему и то, что сестра часто навещала младшего брата. Он бы и вовсе запретил ей ходить к нему, если бы не боялся матери.

Средний брат соорудил два высоких земляных вала, которые защищали скот от нападения диких зверей. Целыми днями он бродил по лесу, охотясь на дичь и зверей, а по вечерам выходил на нос мыса с луком в руках и бил пролетающих лебедей и гусей.

Правый мыс казался пустынным, лишь землянка и тропинка, ведущая к ней, выдавали, что там кто-то живет. Ни звуком, ни стуком не выдавая себя, старший чернобородый брат ранним утром покидал жилище и отправлялся в овраг, в ближний лес и собирал там травы. Под вечер он так же тихо возвращался с пучком трав. У дверей его встречала мать. Не говоря друг другу ни слова, они заходили в землянку и плотно закрывали дверь, чтобы никто не слышал их разговора. Мать любила всех детей одинаково, но вещице знания и умение решила передать старшему. Далеко за полночь дверь снова открывалась, и мать возвращалась обратно к среднему сыну.

Ни сестра, ни другие братья не догадывались об этих тайных встречах матери со старшим сыном, ничего не знали они и о том, чем занимается их брат, которого они почти не видели с той поры, как отделились. Только сестра, которая любила собирать цветы, встречала иногда старшего брата, когда тот шел к пещерам. Она молча раскланивалась с ним и никогда не заговаривала, робея от его глубокой задумчивости. Сестра спрашивала о нем у младшего брата, но он знал еще меньше ее. И откуда ему знать, если он совсем никуда не ходил со своего мыса, разве что к матери, да и то редко.

Из птиц лишь одни совы почему-то селились на правом мысу. Их жуткие крики в наступавшей ночи пугали сестру, когда она, заслушавшись младшего брата и соловьев, сидела около своего дома.

Так они и жили, пока жива была мать. Но вот ее не стало. Горько оплакивал мать младший сын, самый сердечный из братьев. Но горше того плакала сестра: не стало матери, больше некому заступиться за нее, некому защитить ее от притеснений среднего брата. Младший брат, хоть и любил ее больше, чем остальные, не мог облегчить ее участь, потому что сам был робок и не умел владеть оружием. Старший же никогда не вмешивался в их жизнь, и ей казалось, что ему не было до нее никакого дела.

Знала сестра, что средний брат при первом же удобном случае расправится с младшим за то, что он ее любимый брат.

Средний сын тоже оплакивал мать. Только старший был по-прежнему молчалив и не выдавал своих чувств ни слезами, ни вздохом.

После похорон умолкли песни на левом мысу. И сестра больше туда не заходила, чтобы не гневить среднего брата. Лишь когда средний брат уходил

далеко охотиться, то перекликалась она с любимым братом. Но однажды охотник вернулся раньше и услышал, как они переговариваются друг с другом. В гневе он схватил лук, вытащил стрелу из колчана и хотел пустить ее в брата. Тот испугался, бросился с мыса в Каму и поплыл. Средний собрался было пустить стрелу в плывущего, но передумал: жаль стало стрелы. «Все равно ведь утонет, не переплыть ему полноводной Камы», — подумал он.

Но тот все же переплыл реку и поселился на ближайшем холме.

Сестра видела все и еще больше невзлюбила того, с кем приходилось жить под одной крышей. А средний брат, насмехаясь над ней, сказал:

— Больше небось не захочется песенки распевать да без дела разгуливать. Станешь теперь зерна молотить на ручной мельнице. И ходи где угодно: кроме нас со старшим братом, больше никого нет на всем берегу. Старший, сама знаешь, мне не помеха, он не вступится за тебя. Да и оружия у него нет никакого.

Днем, если поблизости не было брата, она уходила на высокую гору над пещерами, откуда хорошо был виден холм, приютивший младшего. Она махала рукой, брат отвечал ей тем же. Он что-то кричал, но слова не долетали до нее, и она начала плакать горькими слезами. Слезы капали на песок и были так горячи, что песок плавился. Эти спекшиеся слезки и сейчас находят над пещерами.

Однажды кто-то подошел к ней и осторожно положил руку на плечо. Оглянулась — старший брат.

— Не таись, сестра, может, я смогу помочь твоей беде, — сказал он.

Пуще прежнего залилась слезами девушка:

— Никто, наверное, мне не поможет. Средний

брат сильнее вас обоих, и век мне жить у него в неволе. Разве ты поможешь мне убежать от него? Он и тебя убьет.

— Хочешь убежать от него? — переспросил старший брат. — Это очень просто, сестра. Я помогу.

— Ты не сумеешь. Ведь у тебя нет лодки, ее он спрятал далеко в лесу. У тебя не хватит сил притащить лодку к воде.

На это брат только улыбнулся. Ведь она совсем не знала его. А сестра продолжала:

— Если он увидит, как ты тащишь лодку, то пустит стрелу прямо в сердце тебе.

Надвигались вечерние сумерки, над Камой сгустился туман, в лесу заухали совы. Темная ночь спустилась на землю, а сестра все упрашивала брата, чтобы он не пытался спасти ее.

Тут издалека донесся крик среднего брата, который разыскивал исчезнувшую сестру. Она вздрогнула и в страхе зашептала:

— Беги, брат. Если он найдет нас, то убьет тебя. Беги отсюда, спасайся!

— Не бойся. Теперь ничего не бойся!

Он взял ее на руки и, взмыв в воздух, полетел. Они вмиг очутились возле землянки на правом мысу. Впервые сестра зашла в жилище старшего брата. В большой землянке летали совы и летучие мыши, по стенам висели сушеные травы, на полках стояли горшочки с разными снадобьями.

— Ложись, сестрица, спать. Утро вечера мудренее, — посоветовал он напоследок.

И она послушалась.

Утром брат дал ей горшочек с каким-то настоем и сказал, что если она его выпьет, то обратится в белую лебедь.

— Полетишь к тому холму, где живет наш

младший брат. Там искупайся в ключе, что под холмом течет, и снова обернешься девушкой,— пояснил он.

Средний брат всю ночь искал сестру. Утром вышел на мыс, а над ним белая лебедь летит и кричит:

— Прощай, постылый брат!

Тут он догадался, что это не лебедь, а его сестра улетает от него, рассердился и пустил в нее стрелу. Но его стрела впервые пролетела мимо цели. Он стал пускать стрелы одну за другой, но даже не задел белую лебедь.

За Камой лебедь искупалась в ключе и стала прежней девушкой-красавицей.

А средний брат бросился на землю и стал кататься от злости. Немного успокоившись, он поднялся с земли и увидел старшего брата, который стоял на своем мысу и смотрел на него с укором. Тогда он выхватил из колчана последнюю стрелу и пустил ее в брата. Стрела тут же вернулась обратно в колчан. Сколько раз пускал он ее, столько раз она возвращалась к нему. А старший брат как стоял, так и стоит, с осуждением глядя на среднего брата. Тогда рыжий схватил копье и метнул его в брата. Копье сломалось, не долетев до цели.

Рыжий брат от бессильной ярости снова бросился на землю. Тело его вдруг стало покрываться густой шерстью, а сам он превратился в огромного рыжего волка, присел на хвост и завыл. Услышали этот вой бывшие враги среднего брата — волки — и стали ему подвывать. То воя, то рыча, рыжий волк смотрел на черноволосого человека, он готов был броситься на него, но страх удерживал.

Надоело человеку слушать волчий вой, повернулся он и ушел в землянку. Тогда рыжий волк побежал к пещерам, где были запрятаны несметные

богатства, оставшиеся еще от отца с матерью. Там и остался жить он рыжим волком-великаном.

По ночам вой этого волка наводил страх на все живое вокруг.

Старший брат тоже не остался на своем мысу и вскоре перебрался на другой берег Камы и поселился на дальнем холме.

Холм, где жили белокурые брат с сестрой, с той поры стали называть Белой горой, а другой, на котором жил старший, чернобородый, — Черной горой.

Говорят, что и сейчас находят на среднем мысу и в овраге стрелы, которые средний брат пускал в белую лебедь. Встречали искатели кладов и рыжего волка, охраняющего вход в пещеры напротив устья реки Белой, где сокрыты богатства братьев племени чудь.

ТРИ ЗАВЕТА

Армянская сказка

дин человек, умирая, позвал к себе своего единственного сына и сказал:

— Я умираю, сынок. Займи мое место в лавке, торгуй и запомни три моих завета: во-первых, где бы ты ни был, чем бы ни был занят, если услышишь плач ребенка, пойди узнай, отчего дитя плачет; второе — никогда не переходи реку, если не знаешь

брода; и, наконец, не путешествуй ночью. Ночуй там, где тебя застала темнота.

Сказав все это, отец скончался.

Сын похоронил его честь честью и стал вместо него торговать в лавке.

Прошла неделя, две, три недели, месяц, два, три месяца. Однажды друзья этого молодого купца говорят ему:

— Собирайся, пойдем в Тифли́с* за товарами.

Ладно. Собрались и пошли.

Идут день, два, три дня, неделю, две, три недели, доходят до Тифлиса.

Молодой купец задержался в Тифлисе дольше других, накупил товаров, навьючил мулов, нанял помощников и двинулся в обратный путь. Шли они день, два, три дня, неделю, дошли до бурной реки.

Помощники говорят:

— Перейдем вброд.

А купец говорит:

— Нет, найдем кого-нибудь, кто нас переведет,— ведь этой реки не знаем.

Тут один из помощников говорит:

— Вы все трусы! Сейчас я покажу вам, где тут брод.

Вошел он вместе с конем в реку, вода закружила его, и он утонул.

«Прав был мой отец»,— подумал молодой купец.

Нашел он местного крестьянина, обещал ему плату и хороший подарок, и тот перевел его караван там, где был брод.

Пошли они дальше.

По дороге встретился им богатый купец, который направлялся в Гянджѹ*.

Понравился ему молодой купец, и он ему сказал:

— Пойдешь со мной в Гянджу, если я тебя возьму пайщиком в свою торговлю?

— Отчего не пойти,— говорит молодой купец. Стали они считать товары. У молодого товаров оказалось меньше.

— Что ж,— говорит богатый купец,— будешь моим младшим партнером. Отправляйся-ка ты вперед, поезжай к моей жене, отдай ей мой перстень. Она его узнает и тебя приютит. Подготовь лавку, все как надо устрой, а я с караваном приеду — начнем торговать.

Направился молодой купец в Гянджу, разыскал дом своего партнера, пришел к его жене и отдал ей перстень.

Жена приняла его в дом, и так он ей понравился, что стала она его потихоньку подговаривать, чтобы он старого мужа убил, а сам на ней женился.

— Что ты, что ты, женщина! — говорит ей молодой купец.— В своем ли ты уме? Я с твоим мужем подружился, он меня взял своим партнером. Разве могу я пойти против него на злое дело?

Женщина смолчала, но затаила злобу. «Погоди,— думает она,— вот муж вернется, уж я знаю, как тебе отомстить».

Прошел день, два, три дня, купец приезжает с товарами. Видит: его молодой партнер лавку приготовил, все вымыл, вычистил, прибрал. Разложили они товары, стали торговать. Торговля пошла удачно: что ни день, то прибыль.

Прошел так месяц, два, три месяца. Однажды жена старого купца говорит ему:

— Прогони этого парня, чтоб я его больше не видела.

— Почему это, жена, что он тебе сделал?

— Когда он пришел сюда без тебя, он подгова-

ривал меня, чтобы я тебя убила, а сама вышла бы за него замуж.

Купец поверил коварной женщине и задумал отомстить молодому человеку.

У этого купца была пекарня. Пошел он к пекарю и говорит:

— Пекарь, я должен тебе сказать одну вещь, выслушай меня.

— Пожалуйста, говори, хозяин,— отвечает пекарь.

— Завтра утром придет к тебе один человек и спросит: «Сделал ли ты то, что тебе хозяин велел?» Как только он это скажет, затолкай его в печку, пусть сгорит.

— Ладно,— говорит пекарь.— Раз велишь, сделаю.

Вечером младший купец пришел из лавки, сели они ужинать как ни в чем не бывало. Собрались спать.

Старый купец говорит молодому:

— Завтра утром пойдешь к нашему пекарю и спросишь его, сделал ли он, как приказал хозяин.

— Хорошо,— говорит парень,— пойду спрошу.

Наутро встал молодой купец и, ничего не ведая, направился в пекарню. Вдруг слышит: где-то поблизости горько плачет дитя. Завернул он за угол. Видит: лежит малыш, коленку ушиб, не может встать.

— Не плачь,— говорит,— не велика беда, заживет коленка.

Поднял он ребенка на руки и понес его к матери.

Жена купца тем временем встала, нарядилась и отправилась к пекарю узнать, покончил ли он уже с молодым купцом.

Вышла из дому, дошла до пекарни и постучалась.

— Кто там? — спрашивает пекарь.

— Это я, хозяйка. Открой дверь.

Пекарь открыл дверь, а жена хозяина зашла и спросила:

— Сделал ты уже, что тебе хозяин велел?

А пекарь, не долго думая, схватил ее и сунул в печь.

Отнес молодой купец малыша и пошел к пекарю.

— Сделал ты, что тебе хозяин приказывал? — спрашивает он у пекаря.

— Да,— говорит пекарь,— сделал.

Молодой купец отправился к старшему своему компаньону и говорит:

— Пекарь сделал, что ты ему велел.

Купец, увидев молодого человека живым и здоровым, чуть язык себе не откусил. Пошел он к пекарю и спрашивает его:

— Кого это ты бросил в печь?

— Хозяин,— говорит пекарь,— разве ты не сказал, чтобы я бросил в печь того, кто придет утром и спросит, выполнил ли я твое распоряжение?

— Да,— говорит купец.

— Ну вот, утром пришла твоя жена и спросила меня. Ее я и сжег в печи.

Купец стал плакать и рвать на себе волосы. Но ничего не поделаешь — вернулся домой.

Позвал купец к себе молодого купца и стал у него допытываться:

— Скажи мне честно, что у тебя вышло с моей женой?

Молодой человек рассказал купцу, как его жена подговаривала убить его.

— Ладно,— говорит купец,— я тебе верю, но у себя оставить не могу. Возьми свою долю и плату до конца года и уходи.

— Как хочешь,— сказал молодой человек.

Вернул он купцу ключ от лавки, взял свою долю, нанял помощника и направился в свою родную деревню.

Уже почти дошли они до деревни, как стало темнеть.

— Давай разложим палатку,— говорит молодой купец своему помощнику.

— Да что ты! — отвечает тот.— Идти-то осталось два шага.

— Нет, не пойду,— говорит молодой купец,— мне мой отец завещал: никогда ночью не путешествовать.

Разбили они палатку, легли спать.

Среди ночи молодой купец проснулся. «Дай,— думаю,— посмотрю, все ли в порядке, не подбираются ли к нам воры». Стал он глядеть, вся ли поклажа на месте. Вдруг видит: кто-то бежит из деревни и что-то тяжелое тащит. Стал он за этим человеком следить. А тот со своей ношей свернул на кладбище. Дошел он до большого камня, отодвинул его, зарыл то, что принес, и опять навалил на то место тяжелый камень. Потом он торопливо пошел назад в деревню.

«Вот и я сейчас его клад вырою! — обрадовался купец.— И разбогатею!»

Хотел он позвать помощника, но тот так спал, хоть за ноги его возьми и об землю брось — не проснется. Осторожно пробрался на кладбище. Отодвинул камень и тихонько откопал сверток. Взял его на плечи, принес в свою палатку и развернул. И что же он увидел! Девушка, красивая, как русалка, одетая, как царица, лежит без сознания, вся изранена, истекает кровью. Сердце ее еле слышно бьется. Полюбил ее молодой купец с первого взгляда и решил вылечить.

На рассвете навьючили коней и тронулись они в путь. Уже не в деревню, а куда глаза глядят. Шли они день, два, три дня, неделю, две, три недели. Дошли до города. Тут молодой купец отпустил помощника и снял комнату. Поселился он там с девушкой, созвал всяких знахарей-лекарей и говорит:

— Что хотите берите, только вылечите эту девушку.

Стали знахари-лекари лечить ее. Месяц лечили, два, три месяца, наконец вылечили.

Когда девушка окончательно поправилась, стал он ее расспрашивать, что с ней случилось и как оказалась она на кладбище.

Вот что она ему рассказала.

— Я дочь царя. У отца моего есть казначей. Сын этого казначея, очень злой и неприятный человек, задумал на мне жениться. Он преследовал меня, умолял выйти за него замуж, но я каждый раз ему отказывала. И он затаил на меня злобу. Однажды гуляла я со служанками в поле. Вдруг увидели мы, что пять всадников скачут прямо на нас. Служанки в испуге разбежались, а меня кто-то схватил, его спутники меня связали и увезли. Я потеряла сознание и очнулась только в твоей палатке.

— Я тебя спас,— говорит купец,— мне на тебе и жениться.

— Что ж,— говорит царевна,— я согласна. Сходи за священником, обвенчаемся.

Пожились они, и жена стала просить мужа поселиться в ее родном городе. Хотела она отомстить сыну казначея за его кровавое злодеяние. Собрали они все свое имущество и отправились в путь. День шли, два, три дня, неделю, две, три недели, дошли до города. Сняли там комнату подальше от царских покоев и стали жить.

Жили-жили и постепенно все деньги прожили.

— Муж мой,— говорит царская дочь,— что ты такой стал печальный? Может, кончились у тебя деньги и нам не на что жить?

— Да,— говорит муж.— Чего скрывать? Если от тебя скрою, то от Бога все равно не спрячешься. Денег у нас совсем нет.

Услышав это, жена вынула из своих волос драгоценный камень и говорит:

— Вот возьми этот камень и иди на базар прямо к сыну казначея. Покажешь ему камень и спросишь, сколько он стоит. Сын казначея скажет тебе: «Тысяча двести рублей». Ты скажешь: «Дай мне половину, а остальные возьми себе на здоровье». Если он тебя позовет к себе — ступай, а назавтра пригласи его к нам в гости. Хорошо?

— Ладно,— отвечает муж,— как ты сказала, так и сделаю.

Взял он камень и пошел на базар. Отдал он этот камень сыну казначея за полцены. Сын казначея так обрадовался, что пригласил его к себе домой — выпить и закусить вместе, втайне надеясь, что он и еще как-нибудь сможет использовать такого простачка.

Пришли они в дом царского казначея. Поговорили о том о сем, просидели до обеда. Потом слуги накрыли стол, сын казначея и купец ели и пили до самого вечера.

На другой день сын казначея, как они уговорились, пришел в гости в дом купца.

Просидели они целый день, ели и пили, пировали, а в полночь, совсем опьянев, заснули.

Встала среди ночи царская дочь, взяла кинжал и с силой вонзила его в живот своему обидчику. Он тут же испустил дух. Разбудила она своего мужа.

— Я наконец отомстила,— говорит она.—

Теперь отвези труп на кладбище и зарой его там же, где этот негодяй хотел меня закопать.

Муж видит: ничего не поделаешь, сделал, как жена ему велела.

— Теперь нам надо скрыться,— говорит жена,— уехать в другую страну, а не то нас здесь царские палачи казнят. Поедем в Стамбул*, будем там жить, посмотрим, как дело обернется.

— Ладно,— говорит муж.— Пусть будет потвоему. Поглядим, что получится.

Купил муж на базаре двух хороших коней, собрали они свои пожитки и поехали в Стамбул. Едут они, едут день, два, три дня.

Дочь царя очень устала, совсем обессилела.

— Остановимся здесь,— говорит она мужу.— Здесь родничок, попьем воды, немного поспим и дальше поедем.

После завтрака царская дочь уснула, а муж остался стеречь добро. Сидит он и думает: «Интересно, есть ли у моей жены еще камень, или уж совсем мы нищие?»

Посмотрел, а у нее в волосы вплетена красная суконочка, на нее нашита целая дюжина драгоценных камней.

Обрадовался муж, взял суконку, положил на траву и любуется блеском камней.

Вдруг, откуда ни возьмись, налетела ворона. Она приняла красную суконку за кусок мяса, схватила ее и в тот же миг улетела.

Молодой муж кинулся за ней, не поймал, стал плакать, рвать на себе волосы, да не вернешь.

Уж и не знает, как ему жене в глаза посмотреть. Решил он так: пойду один, заработаю много денег, чтобы жену самому содержать. И пока жена не проснулась, сел он на коня и ускакал. Ехал он верхом день, два, три дня, неделю, две, три недели, доехал

до Тифлиса. Стал искать работу, у всех расспрашивать, повстречался с одним богатым человеком.

— Братец,— говорит тот человек,— есть у меня место садовника. Если хочешь, найму тебя, будешь у меня служить.

— Ну что ж,— говорит молодой купец,— с удовольствием.

Нанялся в садовники, работал от зари до зари, все в саду делал и по дому помогал, сил не жалел, со временем не считался.

Прожил купец так несколько лет, заработал порядочно денег.

— Давай мне расчет, хозяин,— говорит он в один прекрасный день.

Хозяин стал его уговаривать остаться. Жалко ему было отпускать такого хорошего работника. Но тот настоял на своем.

— Ладно,— говорит хозяин.— Хорошо ты работал, и заплачу я тебе хорошо, только спили на прощание тот засохший тополь в саду, чтобы он вид не портил. Спилишь его, нарубишь на дрова — и иди с миром.

Спилил купец тополь, распилил ствол, нарубил на поленья, нагрузил на воз и стал напоследок щепки собирать. Видит: лежит на земле суконка его жены, и все драгоценные камни целы. Подумайте только: на этом тополе было воронье гнездо, ворона и притащила сюда краденую вещь!

Тут муж царской дочери просто обомлел от счастья и отправился в Стамбул разыскивать свою жену.

Что же было с его женой? Проснулась она тогда у ручья, видит: ни мужа, ни коня его, ни драгоценных камней нет. Подумала, что напали на них грабители, а мужа связали и с собой увезли. Печальная, села она на своего коня и одна отправилась в

город Стамбул. На последние деньги открыла там караван-сарай* и стала брать за ночлег очень дешевую плату, чтобы все бедные люди могли там останавливаться. Подумала она: «Может, и муж мой доберется до Стамбула и придет в мою гостиницу?»

А муж ее действительно через несколько лет добрался до Стамбула. Драгоценные камешки он продавать не хотел, поэтому разыскал в городе самый дешевый караван-сарай.

Пришел он, спросил себе самую дешевую комнату и поселился в ней.

Увидев нового жильца, дочь царя сразу узнала в нем своего мужа, но пока до поры не стала ему ничего говорить, и от него все время пряталась.

А что же царь? Все эти годы он искал свою дочь. Кажется, нет такого места на земле, куда бы он ни посылал людей, но найти ее никто не мог.

Вызвал он как-то к себе казначея и говорит ему:

— У меня дочь пропала, у тебя сын. И никто их не может найти. Давай переоденемся бедными людьми и пойдем по свету сами — искать своих детей.

— Многие лета здравствовать тебе, царь, — говорит казначей. — Твоя правда. Пойдем.

Царь и казначей оделись бедняками, взяли с собой еды и пошли. Ходили, ходили, весь свет исходили, никак не могут найти ни сына, ни дочь.

В конце концов решили: пойдем в город Стамбул, там много народу, спрашиваем.

Пришли они в Стамбул и говорят:

— Мы бедные люди, нет ли здесь караван-сарая для бедных чужестранцев?

— Как не быть, — отвечают им, — есть, — и ука-

зали караван-сарай, который содержала царская дочь.

Увидев отца и казначея, она тотчас их узнала, но не подала виду. Накрыла стол для них, выставила все кушанья, какие у нее только были, и усадила за стол всех постояльцев караван-сарая.

Когда гости немного подвыпили, хозяйка у них спрашивает:

— Гости мои, что вы за люди, кто вы и откуда? Расскажите мне. Начни ты,— обратилась она к своему мужу.

Тот рассказал про все свои приключения. Только сказал он, что раненая девушка оказалась дочерью царя, как вскочил бедно одетый гость и закричал:

— А ведь я и есть тот царь! Найди же мою дочь! Кроме тебя, никто не сможет этого сделать!

Тут в разговор вмешалась хозяйка караван-сарая.

— Казначей,— сказала она одному из гостей,— дочку царя пытался убить твой сын! Не ищи его, он получил по заслугам. А твою дочь я сейчас приведу,— сказала она царю.

Вышла она в другую комнату, оделась в свое прежнее платье, причесалась и вышла к гостям. Ее отец и муж оба кинулись к ней. Стали ее обнимать и плакать от радости. И начались тут пир и веселье, каких свет не видал.

С неба упало три яблока: одно — мне, другое — вам, а третье — всем добрым людям.

ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО

Татарская сказка

давние-давние времена жил, говорят, в одной деревне мужик со своей женой. Жили они очень бедно. Так бедно, что дом их, обмазанный глиной, только и стоял что на сорока подпорках, а не то бы упал. И еще, говорят, был у них сын. У людей сыновья как сыновья, а у этих сын с печи не слезает, все с кошкой играет. Учит кошку человеческим языком говорить да на задних лапах ходить.

Время идет, мать с отцом старятся. День походят, два полежат. Совсем хворые стали, а вскоре и померли. Похоронили их соседи.

Сын на печи лежит, горько плачет, у кошки своей совета спрашивает, ведь теперь, кроме кошки, у него на всем белом свете никого не осталось.

— Что делать-то будем? — говорит он кошке. — Не милостыней же нам с тобой жить. Давай уйдем куда глаза глядят.

И вот, когда свечерело, ушел джигит со своей кошкой из родной деревни. А из дома он взял только старый отцовский нож — больше и брать-то ему было нечего.

Шли они долго. Кошка-то мышей хоть ловит, а у джигита от голода живот сводит.

Вот дошли до одного леса, отдыхать устроились. Попробовал было джигит уснуть, а на голодный желудок сон не идет. Ворочается с боку на бок.

— Ты чего не спишь? — спрашивает кошка.

Уж какой тут сон, когда есть хочется. Так и прошла ночь. Рано утром послышалось им, будто кто-то жалобно плачет в лесу.

— Слышишь? — спросил джигит. — Вроде кто-то плачет в лесу?

— Пойдем туда, — отвечает кошка.

И они пошли.

Недалеко прошли, вышли на лесную поляну. А на поляне высокая сосна растет. А на самой верхушке сосны большое гнездо виднеется. Вот из этого-то гнезда плач и раздается, будто дитя стонет.

— Полезу я на сосну, — говорит джигит. — Будь что будет.

И полез на сосну. Смотрит, а в гнезде два детеныша птицы Семру́г* плачут. Увидали они джигита, заговорили человеческими голосами:

— Ты зачем сюда пришел? Ведь каждый день к нам змей прилетает. Двух братьев наших он уже съел. Сегодня наша очередь. А тебя увидит — и тебя съест.

— Съест, коль не подавится, — отвечает джигит. — Я выручу вас. А где ваша мама?

— Наша мама — царица птиц. Она улетела за Ка́фские* горы, на собрание птиц и скоро должна вернуться. При ней бы змей не посмел нас тронуть.

Вдруг вихрь поднялся, лес зашумел. Птенцы прижались друг к другу:

— Вон наш враг летит.

И правда, вместе с вихрем прилетело чудовище и опутало сосну. Когда змей поднял голову, чтобы из гнезда птенцов достать, джигит и вонзил отцовский нож в чудовище. Змей тут же свалился на землю.

Обрадовались птенцы.

— Ты не уходи от нас, джигит,— говорят они.— Мы напоим тебя и накормим досыта.

Поели все вместе, попили и о деле заговорили.

— Ну, джигит,— начали птенцы,— теперь слушай, что мы скажем тебе. Прилетит наша мать, спросит, кто ты такой, зачем сюда явился. Ты ничего не говори, мы сами расскажем, что ты нас от смерти лютой спас. Станет она тебе серебро-золото дарить, ты не бери ничего, скажи, что добра всякого у тебя и своего хватает. Проси у нее волшебное кольцо. А теперь прячься под крыло, как бы худо не вышло.

Как они сказали, так все и стало.

Прилетела Семруг и спрашивает:

— Что это, будто человеческим духом пахнет? Нет ли кого чужого?

Птенцы отвечают:

— Чужих нет, и наших двух братьев нет.

— А где они?

— Их змей съел.

Птица Семруг запечалилась.

— А вы-то как в живых остались? — спрашивает у своих детенышей.

— Нас джигит один храбрый спас. Посмотри на землю. Видишь, змей мертвый лежит? Это он его убил.

Смотрит Семруг — и действительно, змей лежит мертвый.

— Где же тот смелый джигит? — спрашивает она.

— Да вот под крылом сидит.

— Ну, выходи, джигит,— говорит Семруг,— выходи, не опасайся. Что же тебе подарить за спасение моих деток?

— Ничего мне не надо,— отвечает парень,— разве только волшебное кольцо.

А детеныши птицы тоже просят:

— Отдай, мама, кольцо джигиту.

Делать нечего, согласилась царица птиц и отдала кольцо.

— Если сумеешь уберечь кольцо, будешь повелителем всех пэри* и джиннов*! Стоит только кольцо на большой палец надеть, как прилетят все они к тебе и спросят: «Падиша́х* наш, что угодно?» И приказывай, что захочешь. Все исполнят. Только не теряй кольцо — худо будет.

Надела Семруг кольцо на палец своей ножки — тут же налетело полно пэри и джиннов. Семруг сказала им:

— Теперь он станет вашим владыкой, ему и служите.— А джигиту, вручая кольцо, сказала: — Если хочешь, никуда не уходи, с нами живи.

Поблагодарил джигит, но отказался.

— Я уж своей дорогой пойду,— сказал он и спустился на землю.

Вот идут они с кошкой по лесу, между собой переговариваются. Когда устали, сели отдохнуть.

— Ну, что нам с этим кольцом делать? — спрашивает джигит у кошки и надевает кольцо на большой палец. Только надел, как пэри и джинны со всего света прилетели: «Падишах наш султан, что угодно?»

А джигит еще и не придумал, что просить.

— Есть ли,— спрашивает он,— на земле место, куда нога человеческая не ступала?

— Есть,— отвечают те.— В море Мохит есть остров один. Уж и красивый он, и ягод-фруктов там не счесть, и нога человеческая туда не ступала.

— Вот меня с моей кошкой туда и перенесите.

Только сказал, он уже с кошкой своей на том острове сидит. И так здесь красиво: цветы необыкновенные, фрукты диковинные растут, а морская

вода, как изумруд, переливается. Подивился джигит, и решили они с кошкой остаться здесь жить.

— Вот дворец бы еще построить,— сказал он, надевая кольцо на большой палец.

Появились джинны и пэри.

— Постройте мне двухэтажный дворец из жемчуга да яхонта.

Досказать-то не успел, как на берегу уж дворец поднялся. На втором этаже дворца чудесный сад, между деревьями в том саду яства всякие, вплоть до гороха. А на второй этаж самому и подниматься не надо. Сел на кровать с красным атласным одеялом, кровать сама и поднимает.

Походил джигит с кошкой по дворцу, хорошо здесь. Только скучно.

— Все у нас есть с тобой,— говорит он кошке,— что же нам теперь-то делать?

— Теперь тебе жениться надо,— отвечает кошка.

Призвал джигит джиннов и пэри и повелел принести ему портреты самых красивых девушек со всего света.

— Я из них кого-нибудь себе в жены выберу,— сказал джигит.

Разлетелись джинны и пэри красивых девушек искать. Долго искали, но ни одна из девушек не нравилась им. Наконец прилетели в цветочное государство. У падишаха цветов дочь невиданной красоты. Показали джинны портрет дочери падишаха джигиту нашему. А он как взглянул на портрет, так и сказал:

— Вот ее мне и принесите.

А на земле ночь была. Только сказал джигит свои слова, смотрит — она уж тут как тут, будто в комнате заснула. Ведь джинны ее прямо спящую перенесли сюда.

Рано утром просыпается красавица и глазам своим не верит: спать легла в своем дворце, а проснулась в чужом.

Соскочила с кровати, к окошку подбежала, а там море да небо лазурное.

— Ох, пропала я! — говорит она, села на кровать с атласным одеялом. А кровать как поднимется! И оказалась красавица на втором этаже.

Походила она там среди цветов, диковинных растений, подивилась обилию разной еды. Даже у отца своего, падишаха цветочного государства, ничего подобного не видела!

«Видно, я попала совсем в другой мир, о котором я не только ничего не знала, но и не слыхивала», — думает девушка. Села на кровать, спустилась вниз и только тут увидела спящего джигита.

— Вставай, джигит, как ты сюда попал? — спрашивает его.

А джигит ей отвечает:

— Это я велел принести тебя сюда. Ты теперь здесь будешь жить. Пойдем, я тебе остров покажу... — И они, взявшись за руки, пошли смотреть остров.

Теперь заглянем к отцу девушки.

Просыпается утром падишах страны цветов, а дочери нет. Он так любил свою дочь, что, узнав о том, упал без памяти. В те времена — ни тебе телефона, ни тебе телеграфа. Разослали конных казаков. Нигде не найдут.

Созвал тогда падишах к себе всех знахарей, волшебников. Половину своего состояния обещает тому, кто найдет. Все стали думать-гадать, куда его дочь могла деться. Да никто тайны не разгадал.

— Мы не можем, — заявили они. — Вот там-то, там-то живет одна колдунья. Разве только она поможет.

Падишах велел привести ее. Та стала колдовать.

— О, мой государь,— сказала она,— жива твоя дочь. Живет с одним джигитом на острове морском. И хоть трудно это, но я могу твою дочь доставить тебе.

Падишах согласился.

Обернулась колдунья просмоленной бочкой, покатилась к морю, ударилась о волну и поплыла к острову. А на острове бочка превратилась в старушку. Джигита дома в то время не было. Узнала про то старушка и направилась прямо во дворец. Увидала ее девушка, обрадовалась новому человеку на острове и спрашивает:

— Ой, бабушка, да как ты здесь очутилась? Как сюда добралась?

Старушка в ответ:

— Этот остров, доченька, среди моря стоит. Тебя на остров по воле джигита перенесли джинны.

Услыхала те слова девушка, горько заплакала.

— А ты не плачь,— говорит ей старушка.— Мне отец твой велел вернуть тебя обратно в цветочное государство. Только вот тайну волшебства не знаю я.

— Как же ты сможешь меня вернуть?

— А вот слушай меня и все делай, как я велю. Придет джигит домой, а ты улыбайся, ласково его встречай. Он удивится этому, а ты еще ласковой будь. Обними его, поцелуй, а потом и скажи: «Вот уже четыре года, скажи, ты меня здесь через волшебство держишь. А вдруг с тобой что случится, что тогда мне делать? Раскрой мне тайну волшебства, чтоб и я знала...»

Тут девушка увидела в окно, что джигит с кошкой возвращаются.

— Прячься, бабушка, скорей, муж идет.

Превратилась старушка в серую мышку и убежала под сэкэ*.

А девушка улыбается, будто и правда сильно мужу обрадовалась, встречает его ласково.

— Что это ты сегодня такая ласковая? — удивляется джигит.

О, она еще больше к мужу ластится, все, как старушка учила, делает. Обнимает его, целует, а потом тихим голосом говорит:

— Вот уже четыре года ты меня здесь через волшебство держишь. А вдруг с тобой что случится, что мне тогда делать? Раскрой мне тайну волшебства, чтоб и я знала...

— А у меня волшебное кольцо есть, которое все мои желания выполняет, стоит только его на большой палец надеть.

— Покажи мне, — просит жена.

Отдает ей волшебное кольцо джигит.

— Хочешь, я его спрячу в надежное место? — спрашивает жена.

— Только, пожалуйста, не потеряй его, а то худо будет.

Как только уснул ночью джигит, встала дочь падишаха, старушку разбудила, кольцо на большой палец надела. Слетелись джинны и пэри, спрашивают:

— Падишах наш султан, что угодно?

— Этого джигита вместе с кошкой в крапиву бросьте, а меня и бабушку в этом дворце к моему отцу отнесите.

Только сказала, все было сделано в тот же миг. Колдунья тотчас к падишаху побежала.

— Вернула, — говорит, — тебе, о падишах, дочь твою, как обещала, да в придачу еще и дворец из драгоценных камней...

Глянул падишах, а рядом с его дворцом стоит

другой дворец, да такой богатый, что он даже про горе свое забыл.

Проснулась дочь, к нему выбежала, долго от радости плакала.

А отец от дворца глаз оторвать не может.

— Не плачь,— говорит,— один дворец этот всего государства моего дороже. Видать, не пустой был человек твой муж...

Падишах цветочной страны приказал дать колдунье мешок картошки в награду. Был голодный год, старуха от радости не знала, куда себя деть.

Пусть они так радуются, а мы давайте-ка заглянем, что с нашим джигитом.

Проснулся джигит. Смотрит — он вместе с кошкой своей в крапиве лежит. Ни дворца, ни жены, ни волшебного кольца нет.

— Эх, погибли мы! — говорит джигит кошке. — Что же нам теперь делать?

Помолчала кошка, подумала и стала учить:

— Давай плот построим. Не вынесет ли нас волна куда надо? Нам во что бы то ни стало надо жену твою найти.

Так и сделали. Построили плот и поплыли по волнам. Плыли они, плыли и приплыли к какому-то берегу. Степь кругом: ни деревни, ни жилья — ничего нет. Стебли трав ест джигит, изголодался. Много дней они шли и видят наконец город перед собой.

Джигит говорит кошке своей:

— В какой бы город мы ни пришли с тобой, давай договоримся — не бросать друг друга.

— Я скорее умру, чем тебя брошу,— отвечает кошка.

Пришли они в город. Зашли в крайний дом. В том доме сидит одна старушка.

— Пусти нас, бабушка. Мы только отдохнем немного да попьем чайку,— говорит джигит.

— Входите, сынок.

Кошка сразу мышей стала ловить, а джигита старуха стала чаем угощать, о житье-бытье расспрашивать:

— Откуда явился, сынок, потерял ли что или ищешь?

— Я, бабушка, в работники хочу наняться. А что это за город, куда я пришел?

— Это цветочное государство, сынок,— говорит старуха.

Так случай привел джигита и его верную кошку куда надо.

— А что у вас, бабушка, слышно в городе?

— О сынок, у нас в городе большая радость. Дочь падишаха четыре года пропадала. А вот теперь колдунья одна нашла ее и вернула отцу. Сказывают, будто на острове морском джигит один ее у себя через волшебство держал. Сейчас и дочь здесь, и дворец даже, в котором она на острове жила, тоже здесь. Наш падишах так радостен, так добр теперь: если хлеб у тебя есть — кушай на здоровье, а ноги идут — ходи на здоровье. Вот.

— Пойду-ка я, бабушка, на дворец погляжу, а кошка моя пусть у тебя побудет.

Сам шепотком кошке говорит:

— Похожу я у дворца, если что, так найдешь меня.

Идет джигит мимо дворца, сам весь в лохмотьях. В это время падишах с женой на балконе находились. Увидев его, жена падишаха и говорит:

— Смотри, какой джигит идет пригожий. У нас же помощник повара умер, не пойдет ли этот?

Привели джигита к падишаху:

— Куда, джигит, идешь, куда путь держишь?

— Я в работники хочу наняться, хозяина себе ищу.

— У нас повар без помощника остался. Иди к нам.

Согласился джигит. В бане помылся, в белую рубашку нарядился и такой красивый сделался, что падишахский визирь* Хайбулла залюбовался им. Уж больно джигит напоминал визирю сына, рано умершего. Обласкал Хайбулла джигита. А у того и поварские дела неплохо пошли. Картошка у него целенькая, не разваривается никогда.

— Где ты научился этому? — спрашивают его.

Едят да похваляют. А джигит знай себе варит, а сам смотрит да слушает — не скажут ли чего.

Однажды решил падишах гостей созвать, заморский дворец обновить. Понаехали падишахи да богатые вельможи из других стран. Пир горой начался. И колдунью пригласили. А она, как увидела джигита, так все и смекнула, аж почернела от злости.

— Что случилось? — спрашивают у нее.

А она в ответ:

— Голова что-то разболелась.

Уложили ее. Пир без нее пошел. Когда гости разъехались, цветочной страны государь снова стал допытываться:

— Что случилось?

— Повар твой — это тот джигит. Погубит он всех нас.

Разгневался падишах, велел джигита схватить, в подвал посадить, лютой смертью убить.

Прослышал визирь Хайбулла про это, к джигиту побежал, все рассказал.

Закручинился джигит, а Хайбулла и говорит:

— Не бойся, я тебя выручу.

И к падишаху побежал, потому что падишах всех визирей на совет позвал.

Одни говорят:

— Голову ему отрубить.

Другие:

— В море утопить.

Хайбулла предлагает:

— Давайте мы его в бездонный колодец бросим.

И если на то милость ваша будет, я сам его и брошу.

А падишах очень доверял Хайбулле.

— Как хочешь убей, только в живых не оставляй.

Хайбулла взял с десятков солдат, чтобы падишах чего не подумал, вывел в полночь джигита да в лес повел. В лесу-то солдатам и говорит:

— Я вам дорого заплачу. Но давайте спустим джигита в колодец на аркане. И пусть никто не знает об этом.

Так и сделали. Привязали джигита, еды ему дали, воды в кувшин налили. Визирь обнял его:

— Ты не кручинься, не тоскуй. Я к тебе приходить буду.

А потом на аркане джигита в колодец спустили. А падишаху сказали, что джигита в бездонный колодец бросили, не выйдет он теперь оттуда никогда.

Прошло несколько дней. Кошка ждала-ждала своего хозяина, забеспокоилась. Пыталась выйти — не выпускает ее старуха. Тогда кошка разбила окно и все-таки убежала. Походила вокруг дворца, где джигит несколько дней жил, поваром работал, а потом на след напала и к колодцу прибежала. Спустилась к нему, смотрит: жив хозяин, только мыши мучают его. Быстро кошка с ними расправилась. Много мышей полегло здесь.

Прибежал визирь мышиноного падишаха, увидел все это, доложил своему государю:

— Объявился некий джигит в нашем государстве и много воинов наших изничтожил.

— Иди, выясни у него поприличнее, что ему угодно. Тогда мы все сделаем,— сказал мышинный падишах.

Пришел визирь к джигиту, расспрашивает:

— Зачем пожаловали, зачем наши войска поубивали? Может, вам что надо, все исполню, только не губите вы мой народ.

— Хорошо,— говорит джигит,— мы не тронем солдат твоих, если сумеете отнять волшебное кольцо у дочери падишаха цветочного государства.

Созвал мышинный падишах своих подданных со всего света, приказ дал:

— Отыщите волшебное кольцо, если даже вам придется перегрызть для этого все стены дворца.

И правда, мыши перегрызли во дворце и стены, и сундуки, и шкафы. Сколько дорогих тканей изгрызли они в поисках волшебного кольца! Наконец одна маленькая мышка забралась в изголовье дочери падишаха и заметила, что волшебное кольцо привязано узлом к волосам ее. Перегрызли мыши ее волосы, утащили кольцо и доставили.

Джигит надел волшебное кольцо на большой палец. Джинны да пэри тут как тут:

— Падишах наш султан, что угодно?

Джигит сначала велел себя из колодца вытащить, потом сказал:

— Меня, кошку и жену мою вместе с дворцом обратно на остров отнесите.

Только сказал, а он уже во дворце, будто никогда не выходил оттуда.

Просыпается дочь падишаха, смотрит: она опять

на морском острове. Что делать, не знает, будит мужа своего. А он говорит ей:

— Какое же наказание для тебя придумать?

И стал каждый день бить ее по три раза. Какая уж это жизнь!

Пусть они так поживают, мы вернемся к падишаху.

В цветочном государстве опять переполох. Пропала дочь падишаха вместе с богатым дворцом. Падишах созывает визирей, говорит:

— Живой тот джигит оказался!

— Убил я его,— отвечает Хайбулла.

Позвали колдунью.

— Умела в первый раз найти дочь мою, сумей и сейчас. Не найдешь — велю казнить.

Что ей остается делать? Она снова на остров прибыла. Во дворец вошла. Джигита-то дома в ту пору не было. Дочь падишаха и говорит:

— Ой, бабушка, уходи. В первый-то раз погубила...

— Да нет, доченька, выручать тебя я пришла.

— Нет, бабушка, теперь его не проведешь. Он кольцо все время при себе носит, а ночью в рот кладет.

— Вот и хорошо,— обрадовалась старуха.— Слушай меня и делай, как я велю. На вот тебе нюхательного табаку. Муж уснет, ты щепоточку и дай ему понюхать. Он чихнет, кольцо выскочит, ты хватай его скорей.

Дочь падишаха спрятала старуху, тут и джигит вернулся.

Ну, спать легли. Джигит взял кольцо в рот да и заснул крепко. Жена поднесла щепотку нюхательного табаку к его носу, он и чихнул. Кольцо выскочило. Старуха скорее кольцо на палец надела да приказала джиннам и пэри дворец в цветочное

государство перенести, а джигита с его кошкой на острове бросить.

За минуту старухин приказ был исполнен. Падишах цветочного государства очень обрадовался.

Оставим их, вернемся к джигиту.

Проснулся джигит. Ни дворца, ни жены. Что делать? Загоревал джигит. А тут и кошка от горя заболела.

— Видать, смерть моя близка,— говорит она джигиту.— Ты уж похорони меня на нашем острове.

Сказала так и умерла. Совсем затосковал джигит. Один-одинешенек на всем белом свете остался он. Похоронил свою кошку, простился с ней. Построил плот и снова, как в первый раз, поплыл на волнах. Куда ветер гонит, туда плот и плывет. Вот наконец к берегу плот прибило. Вышел джигит на берег. Там лес кругом. В лесу какие-то диковинные ягоды растут. И такие они красивые, такие спелые. Джигит набрал их и поел. И сразу у него на голове рога полезли, сам весь густой шерстью покрылся.

«Нет, не видать мне счастья,— грустно подумал джигит.— И зачем только я эти ягоды поел? Увидят меня охотники — убьют».

И забегал джигит по чаще. Выбежал на поляну. А там другие ягоды растут. Не совсем спелые, бледноватые.

«Хуже, чем есть, не будет, наверное»,— подумал джигит и поел этих ягод. И тотчас же пропали рога, шерсти не стало, сделался он снова пригожим джигитом. «Что за чудо? — удивляется он.— Постой-ка, не пригодятся ли они мне?» И набрал джигит тех и других ягод, дальше пошел.

Долго ли, коротко ли он шел, а пришел он в цветочное государство. Постучался к той же ста-

рушке, к которой он в тот раз заходил. Старушка и спрашивает:

— Где, сынок, так долго ходил?

— Ходил, бабушка, богачам служил. Кошка моя умерла. Погоревал я да снова в ваши края подался. Что в вашем городе слышно?

— А у нас дочь падишаха опять пропадала, долго ее искали да опять нашли.

— Откуда, бабушка, ты все знаешь?

— Девушка бедная по соседству живет, так она прислугой у дочери падишаха работает. Вот она мне и рассказала.

— Она во дворце живет или домой приходит?

— Приходит, сынок, приходит.

— Нельзя ли мне с ней повидаться?

— Почему же нельзя? Можно.

Вот приходит девушка вечером домой, а старушка зовет ее к себе, будто за делом. Входит бедная девушка, видит: джигит сидит, собой хорош, лицом пригож. Влюбилась она тут же.

— Помоги мне,— говорит ей джигит.

— Всем, чем могу, тебе помогу,— отвечает девушка.

— Только смотри, не проговорись никому.

— Ладно, рассказывай.

— Дам я тебе три красные ягоды. Как-нибудь скорми их своей госпоже. А что потом будет, сама увидишь.

Так девушка и сделала. Принесла утром те ягоды в спальню дочери падишаха и положила на стол. Проснулась та — на столе ягоды лежат. Красивые, спелые. Никогда таких ягод она раньше не видела. Спрыгнула с кровати — хоп! — и съела ягодки. Только съела, и из головы рога полезли, хвост появился, а сама вся густой шерстью покрылась.

Придворные увидали — из дворца убежали. Падишаху доложили, что до такой беды дожили: была, мол, у тебя дочь, а теперь шайтан с рогами, даже говорить разучилась.

Напугался падишах. Всех визирей созвал, тайну волшебства разгадать приказал.

Каких только докторов не пригоняли да профессоров разных! Иные пробовали рога те пилить, да только спилят они — рога снова растут. Со всего света шептунов, колдунов и врачей собрали. Только никто из них помочь не может. Даже та колдунья бессильной оказалась. Падишах велел ей голову отрубить.

Прослышала на базаре про все старушка, у которой джигит остановился, рассказала ему:

— Ой-ой-ой, какое горе, сынок. Говорят, у дочери нашего падишаха рога выросли и сама она вся будто шерстью покрылась. Чисто зверь какой...

— Пойди, бабушка, скажи падишаху: ко мне, мол, приехал лекарь один, он, мол, от всех болезней лекарства знает. Я сам ее лечить буду.

Сказано — сделано.

Пришла старуха к падишаху. Так и так, мол, лекарь приехал, от всех болезней средства знает.

Сам падишах быстрее к лекарю поехал.

— Ты можешь вылечить дочь мою? — спрашивает.

— Только мне посмотреть ее надобно, — отвечает джигит.

Привозит падишах лекаря во дворец. Лекарь и говорит:

— Надо, чтобы во дворце никого не осталось.

Ушли все из дворца, только дочь падишаха в зверином обличье да лекарь остались. Тут джигит и начал свою жену, изменницу, палкой охаживать.

А потом дал одну ягодку, ту, которая не совсем спелая, у нее рога пропали.

Она пала на колени, стала умолять:

— Дай мне, пожалуйста, еще ягод...

— Верни мое волшебное кольцо, тогда ягод еще получишь.

— Вон в сундуке шкатулка есть. В той шкатулке кольцо лежит. Бери.

Джигит берет кольцо, жене ягоды протягивает. Та съела и обрела свой прежний облик.

— Эх ты, негодница,— говорит он ей,— сколько ты мне горя принесла.

А тут падишах со своими приближенными явился. Смотрит, дочь его снова красавицей стала.

— Что хочешь проси,— предлагает падишах,— все дам.

— Нет, мой падишах, ничего мне не надо,— сказал джигит и, отказавшись от награды, ушел из дворца. Уходя, успел шепнуть Хайбулле-визирю: — Ты тоже уходи, сейчас этого дворца не будет.

Хайбулла-визирь так и сделал: ушел вместе со своей семьей.

А джигит надел кольцо на большой палец и велел джиннам да пэри отнести падишахский дворец и бросить в море. Те так и сделали.

Обрадовался народ, что злого падишаха больше нет. Стали люди просить джигита быть их правителем. Он отказался. Стал править страной умный и добрый человек из бедных. А джигит взял себе в жены ту девушку, которая помогла ему.

Там сейчас пир горой. Все столы уставлены едой. Вино льется рекой. Я не смог попасть на свадьбу, опоздал.

БАТЫР И ЧИГЕ-ХУРСУХАЛ

Чувашская сказка

авным-давно жили-были старик со старухой. Весь свой век они мирно трудились, а кроме ветхой избенки на подпорках да одного ягненка, ничего у них не было. И не было у них детей. О том старики тужили-горевали.

И вот однажды приснился старухе Питамбър*.

— Век вы живете в мире и дружбе, много трудитесь, а счастья не видали,— сказал он.— Хочу я вас наградить. Ступайте перед восходом солнца к дубу Киреметь*, принесите в жертву ягненка, потом возьмите кусочек коры этого дуба, заквасьте на ночь в квашне, и наутро появится у вас сын-батыр.

Старик со старухой все так и сделали, как велел Питамбар. Наутро появился у них сын. Назвали его Иваном.

Рос Иван не по дням, а по часам. Съедал за один присест три караваев хлеба, выпивал бочку воды и в неделю стал словно двадцатилетний.

Спрашивает Иван у родителей:

— Отчего так плохо живете?

— Потому, сынок, бедно живем, что нет у нас счастья и удачи,— ответил старик.

— Ну, так я пойду искать удачу,— сказал Иван,— и найду ее.

И отправился Иван искать счастья. Идет он день, идет два и три. И только на седьмой день при-

вела его дорога к дивному месту. Увидал он медное озеро. На берегу того озера раскинулся красивый сад. Все яблони в саду бронзовые, листья на яблонях бархатные, а яблоки красной меди.

Смело перемахнул Иван через медный тын* и увидел посредине сада большой ток из красной меди, а возле тока медный дом.

Вошел в дом — нет никого, только пахнет жареной бараниной, а Иван очень проголодался. Не долго думая, вытащил из печки жаркое и съел все дочиста.

Потом лег на кровать и уснул крепким богатырским сном.

Много ли, мало спал, пробудился от страшнейшего шума-гама. Будто бурей сорвало медную дверь с петель, и в горницу влетел лохматый орел, весь в медных перьях. Ударился он об пол и обернулся человеком.

— Кто осмелился зайти в мой дом непрошеным, незванным и пользоваться моим добром?

— Я осмелился, — ответил Иван.

— Ах, это ты, Иван-батыр! — закричал орел. — Слышал про тебя. Живым отсюда не уйдешь!

— Что ж, если хочешь силой меряться, — проговорил Иван, — выйдем из дому.

Вышли оба на медный ток, стали друг против друга.

— Начинай! — скомандовал орел.

— По нашим чувашским обычаям, — сказал Иван, — первым начинает тот, кто просит боя.

Орел мешкать не стал. Расправил плечи, размахнулся и так ударил Ивана, что тот по колени в медный ток ушел. Но в ту же минуту батыр вскочил, легонько ударил противника, и орел-великан по шею в медный ток провалился. Повертелся, подергался и запросил пощады:

— Не убивай меня! Будь моим старшим названным братом.

Вытащил его Иван, и отправились они с орлом путешествовать. Прошли чуть ли не тысячу верст и увидели серебряное озеро. Возле озера серебряный сад окружен серебряной оградой. В саду серебряные яблони с серебряными плодами. Посреди сада серебряный дворец, а перед дворцом просторный серебряный ток.

Оставил Иван медного орла на берегу серебряного озера, а сам перескочил через серебряный ток и зашел в серебряный дворец. Напился, наелся и повалился спать-почивать.

В скором времени пошел грохот, поднялся шум, дверь с петель сорвалась, и влетел в серебряный дворец орел в серебряных перьях.

Обернулся орел добрым молодцем, стал браниться:

— Какой невежа осмелился зайти сюда без моего ведома?

Потом заметил Ивана.

— А! Сам Иван-батыр пожаловал! — крикнул он. — Прийти-то пришел, а назад живым — не уйдешь!

Вышли на серебряный ток. Изо всей силы ударил серебряный орел Ивана и по пояс вогнал его в серебряный ток. Легко выбрался добрый молодец и сказал:

— Теперь моя очередь.

Вполсилы ударил серебряного орла и по самую шею вогнал в ток. Сколько ни бился орел-великан, выбраться не мог и стал просить:

— Будь моим старшим названным братом!

Протянул Иван ему руку, помог выбраться, и тронулись они в путь втроем.

Шли долго ли, коротко ли, увидели предивное

золотое озеро. К озеру золотой сад примыкал. В саду золотые яблони с золотыми яблоками. За золотым тыном золотой дворец стоит, и возле дворца золотой ток. Оставил Иван своих спутников возле озера, а сам перелез через золотой забор и вошел во дворец. Поел и попил сколько хотел, потом лег на пуховую постель и крепко уснул.

Вдруг засверкала молния, загредел гром, поднялась сильная буря, и влетел во дворец лохматый громадный орел в золотых перьях. Обернулся он батыром и заговорил:

— Кто это тут разлегся на моей пуховой постели? Выходи на волю!

Вскочил молодец с постели.

— А! Это Иван-батыр! Слышал я о тебе. Давай силой меряться.

Только вышли, как ударил золотой орел Ивана изо всех сил и вбил по самую шею в золотой ток. Напряг Иван все свои силы и выкарабкался, стал на ноги и со страшной силой обрушил удар на противника. По самую макушку забил его в золотой ток. Только голос послышался:

— Напрасно я понадеялся на свою силу. Вижу теперь: ты много сильнее меня. Будь моим старшим названным братом.

Вызвали Иван золотого великана, и пошли они вчетвером искать счастья.

Шли степями широкими, через дремучие леса пробирались, переправлялись через озера и моря. По многим государствам прошли и достигли таких мест, где солнце всегда грело по-летнему.

Встретилась им на лесной поляне изба, огороженная высокой железной стеной. Всем хотелось поесть и отдохнуть. Но ни калитки, ни ворот в железной стене найти не могли. Принялись орлы-великаны стену ломать. Сколько ни бились, ничего

К татарской сказке «Волшебное кольцо».

поделать не смогли. Стоит стена, как стояла. Тогда ухватился за железный лом Иван-батыр, ударил раз, другой и пробил в стене пролом. Вошли через пролом на широкий двор. На дворе семь быков, а в избе никого нет.

Зарезали быка.

— Вари обед,— сказал Иван-батыр медному орлу,— а мы пойдем за ворота, поглядим-поразведем да дров еще припасем.

Сварил медный орел быка, сидит ждет остальных. Вдруг за дверью послышался голос:

— Открывай дверь!

Открыл он и видит: стоит за порогом стар-старичок, сам с локоток, а борода — сажень* длиной.

Старичок попросил:

— Внеси гостя в избу, посади за стол!

Внес медный орел старика в избу, посадил за стол.

— Чего это у тебя в котле? — спросил старичок с локоток.

— Мяса наварил, братьев обедать жду,— ответил медный орел.

— А-а, моего быка порешил! — закричал старик.

Выдернул он из бороды три волосины, скрутил, связал теми волосинами медного орла, суп и мясо съел и скрылся неизвестно куда.

Воротились в избу три батыра, принесли дров.

— Готов обед? — спрашивают.

А медный орел кое-как освободился от волоса-ных пут, встал из-под лавки и говорит:

— Когда печь растопил и стал обед варить, до того угорел, что не помню, как и упал под лавку.

— А обед где?

— Ничего не помню, только вот сейчас очнулся.

Нечего делать, зарезали другого быка, оставили обед варить серебряного орла, а сами ушли.

Принялся серебряный орел за дело. Скоро мясо уварилось.

В ту пору послышался за дверью голос:

— Отвори дверь!

Дверь отворил, увидел за порогом старичка с локоток, борода — сажень длинной.

— Чего стоишь? Внеси меня в избу, посади за стол, — говорит старичок с локоток.

Поднял его серебряный орел, а старик тем временем выдернул из бороды три волосины, связал богатыря, побил, помял его и бросил под лавку. Сам мясо съел, суп выхлебал и исчез, будто его и не бывало.

Пришли батыры и спрашивают:

— Управился с обедом?

— Какое управился! Принялся варить да так угорел, что и память отшибло. Сейчас только очухался.

Поискали, искали, ни супа, ни мяса не нашли и повалились спать несолоно хлебавши.

На другой день зарезали третьего быка и говорят золотому орлу:

— Сегодня твой черед: вари обед, а мы скоро придем.

Сказали и ушли.

Только успело мясо увариться, как раздался стук в дверь. За дверью старичок с локоток стоит. И говорит он:

— Перенеси меня через порог, посади на лавку!

Поднял его золотой орел, а старичок — раз, раз! — закрутил, связал его тремя волосинами и принялся бить. Бил, бил, под лавку бросил:

— Лежи там!

А сам весь обед съел без остатка и скрылся.

Кое-как успел только золотой орел развязаться, как воротились три батыра:

— Давай обедать!

— Какой тут обед! — молвил золотой орел. — Изба такая угарная, чуть жив остался, лежал без памяти, покуда вы не пришли.

— Ну ладно, — засмеялся Иван-батыр, — ступайте, орлы-великаны, дров припасите, а я стану обед варить и погляжу, что тут творится.

Зарезал он четвертого быка, положил в котел и поставил в печь.

Приготовил обед. «Скоро должны быть мои названные братья», — подумал он. И в ту же минуту услышал из-за двери голос:

— Открой дверь гостю!

— Открывай сам! — крикнул Иван.

Дверь отворилась, и вошел в избу старичок с локоток, борода в сажень длиной тянется.

— Посади меня за стол! — просит.

— Сядешь и сам, коли есть хочешь.

— А чего это у тебя в печи варится? — спрашивает старик.

— Быка освежевал, обед варю, — отвечал Иван-батыр.

Старичок с локоток вырвал три волосины из бороды и кинулся на Ивана:

— Покажу, как моим добром пользоваться!

Схватил Иван-батыр старика в охапку и давай трепать. Бил, бил, вынес на улицу, нагнул высокое дерево, привязал к нему за бороду непрошеного гостя. Отпустил вершину, и взлетел старичок вверх.

Воротился батыр в избу, а тут и орлы явились. Иван встречает их, посмеивается:

— Узнал я, что за угар в этой избе. Теперь угар ваш на вершине дерева висит.

— Где, где? — заговорили названные братья-орлы. — Пойдем поглядим!

— Никуда он не денется, — остановил их Иван. — Пообедаем, тогда и посмотрите. Садитесь за стол!

Пообедали. Вышли на двор. Смотрят, а на макушке дерева только клочья бороды висят.

— Видно, очухался и сумел отвязаться, — сказал Иван-батыр. — Ну ничего, найдем по следам.

Пошли все четверо по следам старичка с локоток. Следы привели их к бездонной пропасти. Разрезали они бычьей шкуры на ремни, связали, и получился длинный ременный трос.

— Ну, кто первый спустится в подземелье за стариком? — спросил Иван-батыр.

Орлы с ноги на ногу переступают, молчат.

— Что ж, придется, видать, мне спускаться, — заговорил Иван. — Привяжем ремень к дереву, а вы стойте здесь. Когда дерну три раза, тащите.

С теми словами ухватился добрый молодец за ремень и стал спускаться. Спускался долго. Один за другим миновал он шесть слоев земли. А когда спустился за седьмой слой, ремень кончился. Видит Иван-батыр — до дна недалеко. Он соскочил наземь и оказался в подземном царстве. Заметил невдалеке избушку. Стены стеклянные, а крыша шелковая.

Иван зашел в избушку и видит: стены в ней зеркальные, а за стеклянным столом сидит девушка-красавица.

— Кто ты есть, молодец? — спросила девушка. — И как попал в подземное царство?

— Я ищу старичка с локоток, борода — сажень длиной, — отвечал Иван.

— Не знаешь ты, видно, что это и есть царь подземного царства, злой и страшный колдун Чиге-

хурсухал. Он давно держит нас, трех сестер, в плену, не выпускает на белый свет.

— А где же он сейчас? Как к нему добраться, скажи мне, красавица.

— И сама не знаю, где он находится. Ступай к средней сестре, может, она укажет.

Распростился Иван с девушкой и пошел к средней сестре. Издали он увидал домик с серебряной крышей. На крыше месяц светил и звезды сверкали. Зашел Иван в домик, увидал девицу, еще краше первой, поклонился ей и спросил:

— Скажи, красавица, как мне разыскать Чиге-хурсухала?

— Разве не ведомо тебе, молодец, что он страшный колдун? Ведь он убьет тебя!

— Не бойся, красавица! Знаю я этого старика, за тем и пришел сюда, чтобы помериться с ним силой, а заодно и вас, трех сестер, освобожу из плена. Скажи, как его разыскать?

— Придется тебе, добрый молодец, идти к нашей старшей сестре, только она знает, где сейчас находится Чиге-хурсухал.

Иван-батыр мешкать не стал, направился к старшей сестре. Вышел на морской берег и тут увидал избушку с золотой крышей. У крыльца трехголовый змей сторожит избушку, никого не пропускает. Не успел Иван меч обнажить, как выскочила на крыльцо девица, столь красивая да приветливая, век бы на нее глядеть не наглядеться. Взглянул на нее добрый молодец да так и обомлел, а на сердце у него стало тепло и радостно, будто летним солнышком обогрело. И красавица, глядя на него, зарделась, словно маков цвет. А потом испуганно заговорила:

— Как ты, добрый молодец, попал в это страшное подземное царство злого волшебника? Ведь

не выпустит тебя живым отсюда Чиге-хурсухал!

— Волшебника-старика я не боюсь,— отвечал Иван.— Скажи только, как мне его найти? Хочу с ним помериться силой и тебя с сестрами из плена освободить.

Подала ему девица — ненаглядная красота коромысло и золотой перстень:

— Ступай по берегу и дойдешь до огненного залива. Вода там пламенем полыхает. Ты окуни семь раз коромысло, и Чиге-хурсухал выйдет на сушу. А в перстне, что я тебе дала, сокрыта большая сила. Когда почувешь, что ослабел, сними перстень с мизинца и надень на безымянный палец. Сила в тебе утроится. Ох, поскорее бы ты живым-невредимым воротился!

Поблагодарил Иван, распростился с прекрасной девицей и пошел по берегу моря. Добрался до залива, в котором вода словно пламя горела, и принялся опускать в море коромысло. Когда окунул его в седьмой раз, всколыхнулась вода в заливе и пламя улеглось. Послышался голос:

— Кто смеет меня беспокоить?!

И вслед за тем выбрался на берег старик Чиге-хурсухал.

— А-а-а! Это ты опять мне поперек дороги становишься! Ну, знай — живым не отпущу!

Кинулся на молодца старик, теперь уже не с локоток, а громадного роста. Иван едва успел снять перстень с мизинца и надеть на безымянный палец. Бились они, бились, оба по колени в землю увязли. Тут Иван изловчился и так крепко ударил злого колдуна по голове, что вбил его по плечи в землю, выхватил меч и отсек напрочь голову. После того пошел к золотоверхому домику. Девица-краса его дождалась.

— Ой, как я рада, что вижу тебя живым-здоро-

вым! — проговорила она и зарделась, залилась румянцем.

И опять Ивану-батыру легко и радостно стало на душе.

— Теперь и ты и сестры твои навсегда избавились от злого колдуна, и мы с моими названными братьями выведем вас из подземного царства.

Засуетилась красавица, захлопотала. Достала из укладки золотое яичко и, когда они вышли на улицу, перебросила яичко с руки на руку. В ту же минуту не стало домика-дворца с золотой крышей.

Подала яичко Ивану:

— Как только перебросишь яичко с руки на руку, станет златоверхий дворец со всем, что в нем есть, там, где тебе понадобится.

В скором времени зашли они к средней и младшей сестрам и все четверо добрались до места, где висел ременный трос. Иван чуток надставил конец ремня и сказал:

— Сперва пусть по очереди поднимут вас, прекрасные девицы, а потом и я подымусь.

Первой привязал он к ремню младшую сестру и подергал ремень. Орлы вытащили девицу. Глядят не наглядятся.

— Там остались мои две сестры, опускайте ремень, — сказала девица.

Когда вытащили среднюю и старшую сестру, медный орел шепнул:

— Лучших невест нигде не сыскать. Я на младшей женюсь, тебе, средний брат, средняя сестра, а золотой орел на старшей женится, если оставим Ивана в подземном царстве.

С теми словами выхватил он меч и пересек ремень.

Упал ремень к ногам батыра, и понял Иван, что предали его орлы. Подумал-подумал, как быть, и

пошел куда глаза глядят. Шел, шел и пришел в большую деревню. Попросился в крайнюю избу:

— Люди добрые, пустите отдохнуть прохожего человека!

В избе застал одну старуху. Плачет хозяйка, голосит:

— Горе-печаль нас, добрый молодец, извели вконец. Уж который день без воды сидим, от жажды изнываем!

— А чего так? — спрашивает Иван. — Озеро рядом, а без воды сидите?

Пуще прежнего заплакала старуха и сквозь слезы пожаловалась:

— Поселился, видишь ты, в нашем озере двенадцатиголовый змей. Кто ни придет за водой, всех пожирает. Вот и живем да смерти ждем, боимся за водой идти.

— Дай-ка мне ведра, по воду схожу, погляжу, какой такой змей!

Взял ведра, пришел к озеру и только успел зачерпнуть воды, как забурлила вода, поднялась большая волна и показалось из воды чудовище о двенадцати головах.

— Три дня добычи дожидался, — зарычал змей, — и вот дождался!

Раскрыл змей все двенадцать пастей и кинулся на Ивана. Встретил его молодец ударом меча и отсек сразу три головы. Закипел жаркий бой — смертная игра. Долго бились. Удалось Ивану отсечь еще три головы, и почувствовал он: иссякли силы, ослабела рука. А змей по колени его в землю втоптал. Вот-вот совсем одолеет. Тут вспомнил про кольцо, которое подарила ему девица-душа. Сдернул перстень с мизинца, надел на безымянный палец и сразу стал втрое сильнее против прежнего. Утроились силы, и страх перед змеем пропал. Рубит

мечом, и катятся одна за другой змеиные головы. Отсек двенадцатую голову, и рухнуло бездыханное чудище наземь.

Встретили Ивана-батыра все жители деревни от мала до велика. Обнимают и прославляют его:

— Проси, добрый молодец, чего хочешь, за то, что избавил нас от змея, спас от неминучей смерти.

— Кабы пособили вы мне из подземного царства выбраться на белый свет, так то и была бы мне награда,— проговорил Иван.

— В этом помочь тебе может лишь птица Амарт*,— присоветовал самый старший старик.— Живет птица Амарт на двадцатисаженной сосне. Придется идти к ней.

Распрощался молодец с народом и отправился в путь. Подошел к дереву, а в ту пору большая змея подползала к огромному гнезду на сосне. Из гнезда со страхом глядели на змею птенцы. Пожалел их Иван, поднял большой камень и убил змею. Обрадовались птенцы, защебетали:

— Спасибо, добрый человек, избавил нас от смерти. Скоро прилетит наша мать, птица Амарт. Она отблагодарит тебя.

В ту пору пошел по лесу страшный шум и все кругом потемнело. Закрыла своими крыльями птица Амарт солнце. Птенцы запищали:

— Зачем нас надолго одних оставила? Напала на гнездо большая змея, съела бы она нас, если бы добрый молодец не защитил.

Тут и заметила птица Амарт Ивана-батыра.

— Чем отблагодарить тебя, добрый молодец, за доброе дело? — спросила она.

— Помоги мне подняться из подземного царства на белый свет,— попросил Иван.

— Поднять-то я тебя подыму. Дорога знакомая,

но дальняя, а ты больно тяжелый. Заготовь двенадцать пудов мяса и двенадцать ведер воды. Когда станем подыматься, ты смотри: поверну ежели голову направо, кидай мне в рот мясо, а налево поверну — пить давай. Без того сил не хватит вынести тебя на белый свет.

Воротился Иван в деревню, рассказал, чего требует птица Амарт. Народ с радостью помог ему. Погрузил Иван припасы на спину птице Амарт, сам сел на нее. Взмахнула птица десятисаженными крыльями и полетела. Повернет голову направо, Иван кидает ей в рот мясо, налево повернет голову, он пить дает. Летели, летели, все припасы стали к концу подходить, а птица Амарт чаще и чаще поворачивала голову то вправо, то влево. Под конец ни мяса, ни воды не осталось, и в эту самую пору вылетела птица на белый свет, упала вместе с Иваном наземь и проговорила:

— Если бы пришлось еще хоть немного подыматься, сбросила бы тебя, молодец, так я ослабела от голода и жажды. А теперь прощай. Ступай куда тебе надо, а я к деткам тороплюсь.

Поблагодарил Иван птицу Амарт и тронулся в путь. Идет да радуется: «До чего же хорошо на белом свете! Радостно идти по родимой обжитой земле, не то что в подземном царстве!»

Шел долго ли, коротко ли и добрался до золотого дворца, где золотой орел жил. А там пир горой. Все три орла свадьбу играют, собираются трех сестер-красавиц к венцу вести.

— Знаете, как за измену и предательство карают? — крикнул Иван.

Выхватил было свой острый меч, а потом оставился:

— Неохота мне на радости, что выбрался на землю, кровь проливать. Уходите прочь отсюда

куда знаете, лишь бы не видеть мне изменников, черных предателей!

Убежали орлы без оглядки, скрылись неизвестно куда.

— А вы, красавицы, узнали меня? — обратился он к девицам.

Младшая и средняя сестры головами покачали:

— Что-то не припомним, кто ты такой.

А старшая сестра кинулась Ивану на шею:

— Дорогой, желанный Иванушка! Можно ли тебя забыть? Я все время о тебе помнила, плакала и надеялась, что не навек с тобой разлучилась! Ведь я перстень свой отдала и тебя своим суженым назвала.

Отправил Иван-батыр среднюю и младшую сестру к их родителям, а старшую привез к своим старикам, к отцу с матерью.

Встретили их отец и мать с великой радостью.

— Ну как, сынок, — спросил отец, — нашел ли ты счастье?

— Трех пленниц из подземного царства освободил, злого волшебника убил, народу пособил освободиться от двенадцатиголового змея, красавицу невесту, верную и любящую подругу, нашел. Это ли не счастье?

— Правда, сынок. Видать, не зря ты родной дом покинул да по белу свету странствовал. Невеста твоя нам с матерью по душе пришлась, и мы с радостью благословляем вас. Живите в мире и согласии, как прожили мы свою жизнь.

И завели свадебный пир на весь мир. И я на том пиру был, обо всем этом узнал и сказку рассказал.

СЕСТРА СЕМИ БРАТЬЕВ

Лезгинская сказка

О ли жили, то ли не жили, говорят, когда-то муж и жена. Было у них семь сыновей.

Однажды пошли мальчики играть со своими сверстниками, а те не приняли их в игру.

— Мы не хотим играть с братьями, у которых нет сестры! — сказали им сверстники.

Вернулись домой семеро братьев очень печальные.

— Что с вами, сыночки? — забеспокоилась мать. — Кто вас обидел?

— Мы хотели поиграть с соседскими детьми, — жаловались сыновья, — а они не приняли нас в игру, потому что у нас нет сестры!

И сказали семь сыновей отцу с матерью:

— Нет у нас сестрицы... Не хотим мы больше здесь жить. Испеките нам хлеб на дорогу. Мы пойдем странствовать!

Горько плакали отец и мать, не отпускали сыновей, но сыновья настояли на своем и покинули отцовскую саклю.

Долго ли, коротко ли они странствовали, но пришли наконец в дремучий лес, нашли в том дремучем лесу вековую чина́ру* и построили себе под чинарой жильё.

Стали они охотниками. Днем ходили в лес за добычей, а к вечеру домой возвращались.

Прошло так не год и не два — много лет прошло. А у матери семи сыновей родилась и подросла за это время дочь.

Захотела однажды девушка со своими подружками поплясать, а те не приняли ее в хоровод.

— Мы не хотим танцевать с сестрой, у которой нет братьев,— сказали они.

Заплакала девушка, прибежала домой.

— О чем ты плачешь, доченька? — встревожилась мать.

— Хотела я поплясать,— сказала дочь,— а девушки прогнали меня, сказали: «У тебя нет братьев».

— Ах, доченька! — заплакала мать.— Братьев у тебя было семеро...— и замолчала, боясь огорчить дочь.

Но девушка стала ласкаться к матери, стала просить ее рассказать, где же эти семеро братьев, и, видя, что дочь не оставит ее в покое, мать сказала:

— Да, было у тебя семеро братьев, доченька... Так же, как ты, пошли они однажды поиграть со сверстниками, а те не приняли их в игру, закричали: «Не хотим дружить с братьями, у которых нет сестры!» Обиделись твои братья, и вот уже много лет, как ушли из дому...

— Ах! — сказала дочь.— Милая мама! Пойду и я за ними! Укажи мне дорогу, по которой они ушли.

Очень горевали отец с матерью, долго отказывались отпустить единственную дочь, но она настояла на своем, и пришлось им согласиться.

Купил отец для дочери новые чувяки*, дала ей мать сладких чурёков* да кувшин шербёта*, и пошла девушка по той же дороге, по которой ушли ее братья.

Много ли, мало ли она шла, но вот встретился ей пастух со стадом коров.

— Отведай, пастух, моего шербета! Отведай моих сладких чуреков! Скажи, не знаешь ли ты, где дом семи братьев?

— Спасибо, милая! — поблагодарил пастух. — Твоего угощения мне не надо... Я и так тебе все расскажу. Иди по этому ущелью, дойдешь до дремучего леса. В дремучем лесу увидишь вековую чинару. Под этой чинарой стоит дом семи братьев!

Поклонилась девушка пастуху и снова пустилась в путь. Отыскала дом своих братьев, открыла дверь, вошла.

Навела она в доме порядок, все почистила, убрала, огонь в очаге раздула и ужин сварила. А сама потом спряталась в сундук с орехами.

Наступил вечер. Вернулись семеро братьев с охоты домой. Увидели они, что все прибрано и ужин готов, обрадовались:

— Чьи это добрые руки потрудились? Кто это о нас позаботился?

Поужинали братья и говорят старшие младшему:

— Пойди, братец, принеси орехов!

Сунул младший брат руку в сундук, а там что-то живое! Испугался он да как закричит:

— Здесь кто-то есть!

— Ба! — сказал старший брат. — Кто бы там ни был, ведь он не храбрей меня! — Пошел, открыл крышку и увидел в сундуке девушку.

— Кто ты такая? Как ты к нам попала? — спрашивают братья.

Рассказала девушка, как она пришла и кто она такая.

— Так ты наша сестрица? — обрадовались братья. — Будь в нашем доме хозяйкой! Поживешь

немного с нами в лесу, наохотимся мы вдоволь, а потом вместе к отцу с матерью вернемся.

Рано утром собрались семеро братьев на охоту.

— Милая сестрица, — наказывали они, — все здесь твое. Делай что хочешь... Только об одном тебя просим: смотри, чтоб не потух огонь в очаге... Огня в этих местах добыть невозможно!

Ушли братья в лес, а девушка поднялась на крышу и стала низать на нитку свои кораллы, не забывая поглядывать вниз на очаг.

Раз, когда она так наклонилась, упала у нее прямо в очаг коралловая бусинка. И когда девушка смотрела, есть ли в очаге огонь, она видела эту красную бусинку и думала, что это тлеет уголек.

Стало солнце заходить. Спустилась девушка с крыши, хотела разжечь очаг, приготовить ужин, а огня-то в очаге нет — только красная бусинка!

Забралась девушка высоко на чинару и увидела, что вдали над лесом поднимается дымок.

А там, где поднимался дымок, был дом злого змея Ашдаг^{*}. Но девушка-то этого не знала! Слезла она с чинары и решила побежать к соседям огонька попросить.

Прибежала к дому Ашдаги, стала в ворота стучаться.

Ашдага услышал и сказал своей дочери:

— Эй, Гүри, Гури, дочь моя Гури-пэри! Пойди посмотри, кто там стучится!

Вышла дочь Ашдаги, посмотрела: стоит за дверью девушка и плачет.

Пожалела ее Гури-пери, сказала тихонько:

— Милая моя сестрица, ведь мой отец — змей Ашдага! Если он тебя увидит, станешь ты лакомством для него! Беги отсюда!

— Убить меня в вашей власти, — отвечала девушка. — Пощадить — тоже в вашей власти.

Делайте что хотите, только дайте мне огня. Я не могу оставить моих братьев без ужина...

— Что ж, заходи тогда,— пригласила дочь Ашдаги и крикнула: — Отец, эта девушка просит у нас огня!

Ашдага в ту пору был сыт. Он подумал: «Я могу съесть ее и потом. Только надо пуститься на хитрость».

— Принеси мне железное сито,— велел он дочери.

Наполнил Ашдага сито золой, а сверху положил горящие угли.

— Когда будешь нести,— сказал он девушке,— покачивай по дороге сито, иначе угли затухнут.

Поблагодарила девушка, схватила сито и, покачивая его, побежала домой. А где бежала, там от золы след оставался.

Разожгла девушка огонь в очаге, сварила ужин. Вернулись ее братья домой: поели, попили и спать легли... Она им ничего не рассказала, побоялась.

Рано утром ушли семеро братьев, как всегда, в лес на охоту. А змей Ашдага к тому времени успел проголодаться и по следу, который оставила зола, приполз к дому семи братьев. Увидела девушка змея, закрыла дверь на засов.

— Открой! — шумел змей.— Открой, а не то я дом развалю!

Но девушка дверь не открыла.

— Вот сейчас вернутся мои братья! — крикнула она.

— Хорошо же! Завтра я тебя съем непременно! — погрозился змей и уполз, потому что все-таки побаивался семи братьев-охотников.

Вечером, когда вернулись братья из лесу с добычей, молвила сестра:

— Милые братцы, я вчера побоялась рассказать вам правду... Не уберегла я огонь в очаге, и пришлось мне просить огня у змея Ашдаги. А сегодня Ашдага приполз к нашему дому. Он грозитя меня съесть.

— Не бойся, милая сестрица,— успокоили ее братья.— Мы убьем Ашдагу!

Вырыли они у дверей сакли большую яму и ловко накрыли ее войлоком, а сами, все семеро, не пошли на охоту, спрятались за дверью.

Голодный Ашдага приполз на другой день и тут же свалился в яму. Выскочили из-за двери семеро братьев, пустили в него семь стрел. Убили Ашдагу и землей засыпали.

Упросила вскоре сестра семерых братьев на родину вернуться.

Купили братья золотой сундук и белого верблюда. Сестру свою они посадили в этот золотой сундук, навьючили сундук на белого верблюда и пустились в путь.

Все было бы хорошо, да, на беду, когда уже выходили они из лесу, попался им навстречу заяц. Не стерпели семеро братьев, схватили свои луки и бросились догонять зайца.

А белый верблюд с золотой поклажей брел да брел потихоньку. Увидел его проходивший мимо молодой крестьянин. Остановил он верблюда, открыл сундук, а там красавица девушка!

Долго ждали они семерых братьев, но те, видно, так далеко погнались за зайцем, что и дорогу потеряли.

— Поедем к нам! — сказал тогда юноша сестре семи братьев.— Если я тебе по сердцу, будь моей женой.

Девушка согласилась, вышла за него замуж. Родился у них сын. Когда мальчик научился гово-

рять, мать привела его на берег озера, неподалеку от их дома.

— Как станут в озере лягушки квакать,— сказала она,— брось в них, сыночек, горсть песку и скажи: «Лягушки, лягушки! Моя мама — сестра семи братьев, моя мама — поклажа белого верблюда, моя мама — сокровище золотого сундука!»

Ушла она, оставив ребенка на берегу, и слышит мальчик: заквакали в озере лягушки. Бросил он в них горсть песку, закричал громко:

— Эй, лягушки, лягушки! Моя мама — сестра семи братьев! Моя мама — поклажа белого верблюда! Моя мама — сокровище золотого сундука!

Проходили в это время мимо озера семеро братьев-охотников. Услышали они, что кричал мальчик, обрадовались.

— Веди нас скорее к твоей маме! — сказали братья.

Но сестра уже сама бежала к озеру им навстречу. Обнялись они и поклялись никогда больше не разлучаться.

А потом все вместе: и зять семи братьев, и племянник семи братьев, и сестра семи братьев, и сами семь братьев — вернулись к отцу с матерью и остались там навсегда.

Я тоже с ними там был, но погостил немного и вернулся сюда к вам, чтобы рассказать вам эту сказку.

ТАЙНА ДРУЖБЫ

Азербайджанская сказка

ил-был шах. И был у него единственный и любимый сын, а звали его Мелік.

Однажды ехал Мелик верхом по берегу моря и вдруг видит: конюх и Кечал Мамед* о чем-то спорят, кулаки в ход пустили. Мелик подскакал, разнял спорщиков и спрашивает:

— Что же это вы не поделили? За что тузите друг друга?

Драчуны чуть-чуть отдышались, конюх и говорит:

— Господин мой, дело было так. Стоял я на берегу и увидел, что по морю плывет какой-то сундук. Бросился я в воду, с трудом вытащил сундук, а тут, откуда ни возмись, Кечал появился, кричит, что он первым увидел и потому сундук его. Вот мы и подрались.

Мелик пожурил драчунов, дал каждому по пятерке, а сундук забрал себе. Вез, вез и вдруг подумал: «Дай-ка открою я этот сундук и посмотрю, что в нем. Может, догадаюсь, почему его бросили в море».

Сказано — сделано. Открыл царевич сундук и видит, что внутри лежит еще один сундучок, поменьше. Открыл он этот сундучок, а там еще одна шкатулочка. В шкатулочке лежит бумажный свиток. Развернул его Мелик и прочитал: «Тот, кто хочет постичь тайну истинной дружбы, должен посетить крепость трех стариков».

Прочитал сын шаха это послание, пошел к отцу и говорит:

— О свет очей моих, отец и государь! Разреши мне отправиться в дальнее путешествие.

Шах удивился:

— Что это ты надумал, сынок? Куда собрался?

Мелик не хотел рассказывать отцу о таинственной находке, но тот так настаивал, что в конце концов он поведал и о ссоре конюха с Кечалом Мамедом, и о том, как забрал у них сундук, и о странном послании. В ответ шах рассмеялся:

— Так вот почему ты решил отправиться в дальние страны. Нет, сынок, человек не должен верить всему, что услышит. Нельзя гнаться за каждой птицей. Какой-то глупец нацарапал пустые слова, а ты готов внять его совету. Нет, не пущу я тебя одного рыскать по белу свету. Нету у меня, кроме тебя, никого, и не хочу я с тобой расставаться. Живи дома. Вся страна к твоим услугам. Разве здесь нельзя познать тайну настоящей дружбы?

Пригорюнился царевич, попробовал отца уговорить, но тот был непреклонен. Так ничего и не добившись, ушел Мелик от отца. И направился прямо в палату печали. Была во дворце такая комната. Если у кого-нибудь из приближенных шаха случалась беда какая, приходили они сюда и проливали горькие слезы. Все тут было черное — и стены, и потолок, и пол. Ни один луч света не пробивался сюда.

Мелик надел все черное и целую неделю никуда не выходил. Томился он, тосковал, и от слез его расплылись чернила на свитке.

После разговора о путешествии долго ждал шах сына к ужину, но так и не дождался. Не появился

Мелик и утром. Встревожился шах, созвал всех своих слуг и отправил на поиски царевича.

Они обыскали дворец и сад, заглянули во все уголки, разослали глашатаев, но никто не мог найти беглеца. Наконец, когда прошла неделя и началась новая, сына шаха нашли в горнице печали. Тут же дали знать государю. Он вызвал своего визиря, вместе с ним отправился к сыну.

Мелик встретил их бледный и удрученный. Шах, который от волнения забыл о таинственном письме, удивился, увидев в руках сына какую-то бумагу, и спросил:

— Сынок, что с тобой, какое у тебя горе? Что это ты держишь в руке?

Мелик упал перед отцом на колени:

— О свет очей моих, отец и государь! Я испрашивал твоей воли отправиться в дальнее путешествие, чтобы узнать тайну истинной дружбы, но ты не разрешил. Этот отказ так опечалил меня, что я не смог сдержаться и пришел сюда выплакать свое горе.

Долго уговаривал шах сына, сулил ему золотые горы, обещал исполнить любое другое желание, только молил не уезжать. Увы, все было бесполезно. Мелик твердил, что ему ничего не нужно, только бы узнать тайну дружбы. Наконец, посоветовавшись с визирем, шах решил отпустить сына, дав ему в сопровождение сто воинов.

Хитроумный визирь предложил коварный план.

— Мы скажем воинам, чтобы они по одному постепенно покинули царевича. В конце концов он останется один, испугается и вернется обратно.

Так и сделали. На следующий день сын шаха, простившись с отцом, выехал из дворца. Следом за ним на горячих конях направились сто храбрых воинов.

Только выехали они на большую дорогу, как навстречу попался Кечал Мамед.

Царевич остановил свой отряд и обратился к нему:

— Послушай, Мамед, в сундуке, который мы нашли, оказался свиток. Какой-то неведомый человек написал, что тот, кто хочет познать тайну истинной дружбы, должен пойти в крепость трех стариков. Вот я и отправился на поиски этой крепости. Пойдем со мной.

Подумал Кечал и согласился:

— Ладно, только подожди, я своим скажу.

Испросил Мамед разрешения у отца, попрощался с матерью, которая положила в его хурджин* ячменного хлеба, и догнал Мелика.

Двинулись они в путь. Шли долго. Вдруг Мелик повернул голову и увидел, что они остались вдвоем, а все воины незаметно куда-то исчезли. Кечал Мамед повернул своего коня поперек дороги и испуганно спросил:

— Как же мы пойдем одни, без войска? Что мы можем там сделать одни, без воинов, без оружия. Давай и мы вернемся.

Мелик закипел от гнева:

— Вижу, братец, ты не прочь удрать. Что ж, возвращайся, я один пойду.

Правильно говорят в народе — все кечалы сметливые и сообразительные. Посмотрел Мамед на царевича и сказал:

— О господин мой, не забудь, что если уж суждено кому-нибудь найти это место, то только мне. Я пойду с тобой.

И они продолжали путь. Ехали да ехали, то помалу, то помногу, спотыкались всю дорогу, где расспросом, где без спросу, как вдруг видят: кончились запасы еды. Мелик опечалился:

— Что же нам теперь делать? Есть нечего, умрем мы с голоду.

Но Кечал беззаботно махнул рукой:

— Мать положила мне в хурджин ячменного хлеба. Давай съедим, а там видно будет.

Он достал каравай хлеба и нарезал толстые ломти. Мелик поморщился. Ему в жизни не приходилось есть такого жесткого хлеба.

Снова двинулись они в путь-дорогу. Шли днем и ночью и наконец добрались до высокой-высокой горы. Перевалили через нее, и открылась их взорам широкая долина, вся усыпанная цветами. Да такая красивая, что даже цветник в шахском саду не мог с ней сравниться. Каждый цветок переливался тысячью красок, голова кружилась от пьянящего аромата. В ветвях деревьев соловьи заливались, тут и куропатки, и фазаны, и перепелки, и попугаи, и павлины с пышными хвостами. Вдали пугливо пробегали стада ланей, газелей.

Среди долины возвышался дворец, выложенный из золотых и серебряных кирпичей. Его башни уходили в облака. Со всех сторон дворец был обнесен высокой крепостной стеной, один вид которой внушал страх.

— Как здесь красиво! — восхищенно произнес Мелик. — Вот бы где остаться...

Но Кечал Мамед не разделял его восторга:

— Рано, мой господин, говорить о том, чтоб остаться. Что-то не нравится мне это место...

И словно в подтверждение его слов, не успели они дойти до крепостных стен, как раздался страшный грохот. Путникам показалось, что небо рухнуло на землю. В ту же минуту ворота дворца распахнулись, неизвестно откуда появились две огромные руки. Одна сбросила с коня Мелика, другая опустила на землю Кечала Мамеда. Те же руки,

двигавшиеся сами по себе, схватили коней под уздцы и отвели в крепость, поставили в конюшню. Только здесь путники, ни на шаг не отстававшие от коней, остановились и огляделись. Это была большая конюшня, как городская площадь. Снова появились руки, задали коням корм. Потом те же руки привели Мелика и Мамеда во дворец, такой пышный и роскошный, что отцовский дворец показался царевичу жалкой хижинкой.

Людей по-прежнему не было видно. Словно по воздуху подплыли к усталым путникам чаша для омовения и полотенца. На столе появилась скатерть, а на ней сто разных блюд, одно другого вкуснее. Гости только диву давались, откуда все это берется. Но недолго предавались они раздумьям. Оба были очень голодны и принялись за еду. Когда они наелись досыта, опять появились таинственные руки, убрали все со стола. Потом они повели Мелика и его друга в опочивальню. Здесь гости не мешкая разделались и легли. Сын шаха, привыкший к холе и неге, уснул, едва его голова коснулась подушки. Зато Кечал, хитрый и умный, как лиса, спал вполглаза, чутко прислушиваясь к малейшему шороху.

Было уже далеко за полночь, когда Мамед увидел, как распахнулись двери в комнату. Вошли три старика в огромных черных чалмах*, длинных черных балахонах, черных башмаках с острыми, загнутыми вверх носами. Один старик держал в руках черную книгу, другой нес тяжелый черный жезл, а к поясу третьего была привешена кривая сабля с черной рукояткой. Старик с саблей заговорил первым:

— Нечего долго раздумывать. Отрубить им головы — и все. Не приведи Аллах, раскроют наши тайны.

Старик с книгой в руках возразил ему:

— Один из этих юношей царевич. Если убьем его, шах пошлет на нас войско, и мы погибнем. А Кечалу Мамеду смерть пока не суждена.

— Что же нам делать с ними? — растерянно спросил старик с жезлом.

Старик с книгой, по-видимому самый мудрый, ответил:

— Раз уж они попали к нам, попросили у нас приют, наш долг — помочь им.

Не успел он вымолвить последнее слово, как Мамед соскочил с постели и упал на колени:

— О старик, не откажи нам в своей помощи. Мы идем узнать тайну истинной дружбы. Укажи нам путь.

Старик простер над ним руку и сказал:

— О юноша, мы разгневались на вас, хотели казнить, но раз ты так просишь, раз молишь о помощи, слушай и запоминай. Встаньте на заре, чуть свет. Садитесь на коней и отправляйтесь прямо по дороге, по правой стороне. Встретится вам лисица. Но это не настоящая лисица, а старуха колдунья. С утра до ночи сидит она на распутии семи дорог и следит за всеми, кто проходит. У каждого она всеми правдами и неправдами старается выведать, куда и зачем он идет. Смотрите не доверяйте ей вашу тайну, иначе горе вам... Как только отойдете от лисицы, слезайте с коней, снимите с них подковы и поставьте их наоборот. Потому что эта хитрая ведьма, не сумев выведать вашу тайну, начнет вас преследовать. А если вы подкуете коней перевернутыми подковами, она пойдет в другую сторону и потеряет ваш след.

Немного дальше вам встретится птичка-невеличка. Каждое ее перышко окрашено тысячью красок. Смотрите не смейте ее убивать! Она заколдованная. Подсыпьте ей немного корма и идите

дальше. До самого моря вы не встретите больше никаких препятствий. Но вот переплыть море на своих конях вы не сможете. Снимите седла и сбрую, отпустите коней в лес. На берегу вы увидите огромный черный камень. Под ним вы найдете удила. Один конец бросьте в воду. Тотчас же из воды навстречу вам выйдет конь о трех ногах. Садитесь на него оба, он довезет вас до другого берега. Только смотрите — камень хоть и невелик на вид, но весит тысячу пудов. У вас не хватит сил сдвинуть его с места. Станьте возле камня и скажите: «О черный камень, ты упал с небес, земля помогла тебе, теперь помоги нам». Камень сразу станет легче, ты сможешь поднять его и взять удила. На другом берегу вы увидите точь-в-точь такой же камень. Снимите с коня удила и положите под камень. О коне не беспокойтесь. По суше он ходить не может и потому вернется в море. Еще у камня вы найдете железные башмаки и посохи. Наденьте башмаки, возьмите посохи в руки и ступайте вперед. Будете идти до тех пор, пока не сотрутся башмаки и не сотрется посох. Вот тут вы и остановитесь. Сразу же перед вами появится старуха, дадите ей денег, и она покажет вам место, которое вы ищете.

Только старик вымолвил последнее слово, как все трое исчезли, а Кечал кинулся будить Мелика. Тот спал как убитый. Наконец он поднял голову и зло закричал:

— Эх, зачем ты разбудил меня? Какой сон мне снился!!! Будь ты на моем месте, вовек бы не проснулся...

Но Кечал Мамед, не обращая внимания на крик, спокойно сказал:

— Господин мой Мелик, тебе повезло, что ты спал и ничего не видел. Если бы ты только знал, как напугали меня старики.

— Какие старики, что ты болтаешь? — удивленно спросил Мелик.

И тогда Кечал рассказал ему все, что видел и слышал. Лишь в одном погрешил он против истины. «Птицу, — сказал он, — надо подстрелить».

Не зря ведь говорят в народе — нет на свете хитрее Кечала. Он подумал: вдруг по дороге они поспорят и Мелик, уверенный, что знает все сам, прогонит его и доберется до места, которое они ищут. Лучше пусть Мелик не все знает.

Потом Кечал потребовал, чтобы сын шаха пообещал в дороге слушаться его во всем. Они поклялись в вечной дружбе и скрепили клятву кровью.

На заре, едва рассвело, Мелик и Кечал, как велел старик, вышли и направились к конюшне. Но те же самые руки, что встретили их вчера, уже держали оседланных коней у ворот. Сели друзья на коней и отправились в путь-дорогу.

Как предсказывал старик, вскоре встретилась им лисица. Побежала она рядом с ними, заговорила по-человечьи. Как ни уговаривала их, как ни упрашивала рассказать, куда едут, что ищут, но ничего не вышло. Молодцы наши только смеялись хитрой колдунье в ответ, а тайны своей не выдали. Отъехали немного, спрятались за деревом и оглянулись. Лисица отстала. Тут они спешили, перековали коней и поехали дальше.

Долго ли ехали, коротко ли, наконец встретили они птицу. Мелик тут же сорвал со спины лук, натянул тетиву, хотел стрелу выпустить, но Кечал схватил его за руку. Царевич удивленно спросил:

— Да ведь ты сам говорил, что птицу, которую мы встретим в пути, надо подстрелить. Почему же сейчас не даешь мне сделать это?

Мамед соскочил с коня, упал перед сыном шаха на колени:

— О господин мой Мелик, прости меня. Все проклятая хитрость. Это она виновата, что я соврал тебе. Старик велел не трогать птицу, а, наоборот, накормить ее.

Рассердился Мелик, но потом все же простил Мамеда. Пошли они дальше. Долго шли молча, пока не добрались до самого моря. Спешились они, расседлали коней, отпустили их в лес. Встал Мамед подле черного камня и повторил те слова, которым научил его старик: «О черный камень, ты упал с небес, земля помогла тебе, теперь помоги нам». И вправду, камень стал таким легким, что Мамед одной рукой приподнял его, а другой достал спрятанные там удила. И в ту же секунду раздался такой грохот, словно небо обрушилось на землю. Море заволновалось, закипело, и выскочил из воды конь о трех ногах. Кечал Мамед тут же накинул на него удила и потянул к себе. Конь уперся, попытался вырваться, вернуться в море, но не тут-то было. Кечал держал крепко. Вскочили они вдвоем на широкую спину, бросился конь в пучину и в одно мгновение вывез их на другой берег. Только Мамед снял удила, конь тут же прыгнул в море и скрылся из глаз. А Кечал спрятал удила под черный камень, как велел старик, и стал искать кованые башмаки. Они были тут же, рядом.

Мелик и Мамед обулись в башмаки, взяли в руки железные посохи и пошли. По долинам, по стремнинам, где — привал, где — перевал, то в обход, то напрямик, день — путь, сон — миг. Вдруг заметили, что башмаки продырявились, а посохи стерлись с концов. Знать, добрались они до того места, которое искали. Огляделись и видят — неподалеку хижина стоит. Направились они туда. Только хотели постучать в дверь, вышла на порог старуха. Мелик глянул в ее добрые глаза и сказал:

— Бабушка, мы устали и проголодались в пути, не оставишь ли ты нас переночевать?

Старуха вздохнула:

— Места у меня есть много, сынок, оставайтесь, не жалко. Вот только накормить мне вас нечем.

— Это не беда, бабушка. Было бы где спать. А поесть найти нетрудно.

Он достал из кармана большой рубин и протянул старухе:

— Вот возьми. Променяй у менялы на деньги и купи чего-нибудь покушать.

При виде такого огромного рубина у старухи глаза на лоб полезли. Но она ничего не сказала и пошла в город к знакомому купцу. Подала ему камень и сказала:

— Братец, на-ка этот рубин, дай мне взамен еды и денег.

Купец осмотрел камень и враз смекнул, что старухе одной не унести столько денег. Поэтому он сказал:

— Пойди приведи амбала*, сама ты не справишься.

Старуха подумала, что купец смеется над нею, но пошла, а про себя подумала: «Говорит, надо привести,— приведу. Но если только этот нечестивец надо мной посмеялся, я его проучу так, что весь свой век помнить будет».

Но купец и не думал шутить. Когда старуха вернулась с амбалом, он навьючил на беднягу два огромных мешка — один с деньгами, другой — с продуктами.

Привела она амбала домой, сложил он мешки в дом, получил за труды и ушел. А Мелик и Мамед набросились на еду, а когда поели, поблагодарили старуху, и Кечал сказал:

— Послушай, бабушка, есть у нас одно дело. Если ты нам поможешь, дадим тебе столько драгоценных камней, что и не счесть.

Старуха в ответ рассмеялась:

— Куда мне их девать, сынок? Мне хватит и того, что вы уже дали. Скажите лучше, чем я могу вам помочь?

— Мы пришли сюда, чтобы узнать тайну истинной дружбы. Узнать ее можно в заколдованной крепости трех стариков. И только ты можешь показать это место.

Старуха засмеялась:

— Да ведь вы оттуда пришли. Крепость, где вы ночевали у трех стариков, и есть то самое место.

Мелик удивился:

— Зачем же они прислали нас сюда, почему не рассказали о своей тайне?

— Дети мои, этого я вам сейчас сказать не могу. Вы встретите стариков еще раз. И тогда они откроют вам тайну истинной дружбы. А теперь идите на окраину города. Там вы увидите высокий дом. В нем живут неразлучных два друга — Ахмéd и Мамед. Может, там вы узнаете тайну.

Долго шли Мелик и Мамед, пока не прошли весь город. На самой окраине они увидели пастуха со стадом овец. Они подошли к нему:

— Братец пастух, может, ты знаешь, где живут два неразлучных друга Ахмед и Мамед?

— Как не знать? — охотно откликнулся пастух. — Их-то овец я и пасу. Вот видите этот высокий дом, там, вдали? В нем они живут.

Друзья пошли прямо к дому, который указал им пастух, постучали в дверь.

Открыл им Ахмед. Мелик поклонился и сказал:

— Мы чужестранцы, никого не знаем в этом городе. Не могли бы вы приютить нас на одну ночь?

Ахмед широко распахнул двери:

— Для гостей — самое почетное место. Проходите, пожалуйста, милости просим.

Он провел гостей в парадную комнату, усадил на ковер. Поговорили о том о сем, потом слуги подали разные кушанья, одно лучше другого. Но как Ахмед ни старался, как ни уговаривал, ни Мелик, ни Мамед даже не притронулись к еде.

— Почему вы не хотите отведать моего хлеба? — наконец обиженно спросил Ахмед.

Тогда Мелик решил открыть цель их прихода.

— Братец, мы пришли сюда, чтобы узнать тайну дружбы твоей с Мамедом. Пока ты не откроешь нам эту тайну, мы не станем ни пить, ни есть.

— О гость, зачем тебе понадобилась моя тайна? Скажи правду. А не скажешь — и от меня ничего не узнаешь.

И поведал Мелик Ахмеду обо всем, что с ними приключилось, о том, как нашли сундук, о письме, которое в нем оказалось, о том, что шах не хотел его отпускать, и обо всех приключениях в пути.

Пожалел Ахмед своих гостей и сказал:

— Да, братцы мои, прошли вы немало. А теперь выслушайте меня. В молодости у меня было очень много друзей. Каждый день я с кем-нибудь пировал. Так и жил. Однажды отец сказал мне: «Сынок, погляжу я, очень много у тебя друзей, а ты когда-нибудь испытывал их?» Я пожал плечами и ответил: «Нет, отец, не испытывал. А зачем? Я и так знаю, что они мои верные друзья. Разве не видишь: они каждый день приходят ко мне, забавляют, не дают скучать, ничего худого я от них не видел». Но отец не унимался: «Сынок, ты еще очень молод, нельзя называть каждого, кто тебе улыбается, другом. Все они друзья, пока полно денег в карманах. Сейчас у

нас достаток, мы богаты, и они, как мухи, слетаются на мед. Большинство из них приходит из-за еды, из-за питья. Ты думаешь, они по-настоящему любят тебя? А ты попробуй испытать их. Узнай, что у них на душе».

Слова отца запали мне в сердце. В один прекрасный день я убил барана, положил его в мешок и завязал крепким узлом. Когда настал вечер, я взвалил мешок на плечи и пошел по очереди ко всем своим друзьям. Я постучал в первую дверь. Мой друг вышел. Я опустил мешок на землю и сказал: «Сегодня со мной случилась большая неприятность. Я убил шахского барана, и, как назло, самого любимого. Если шах узнает, меня повесят. Баран у меня сейчас в мешке, помоги мне спрятать». Друг насупил брови и отвел в сторону глаза: «Извини, брат, мы не раз пили и ели вместе, но я не могу выполнить твою просьбу. Баран — не иголка, его не спрячешь. Боюсь, узнает шах, не сносить мне тогда головы».

Долго я умолял друга, но он был непреклонен и в конце концов захлопнул перед моим носом дверь со словами: «Послушай, да отстань ты от меня! Я очень сожалею, что подружился с тобой. А теперь не то что дружить, знать тебя не желаю...»

Так с мешком за плечами я обошел всех своих друзей. Меня встречали, как всегда, приветливо. Но стоило мне рассказать, в чем дело, все двери захлопывались, и меня гнали вон. В ту ночь постучался я в тридцать девять дверей, тридцать девять друзей просил о помощи. И ни один из них меня даже за порог не пустил.

Опечаленный, я возвращался домой и вдруг вспомнил, что в маленьком домике, у самой дороги, живет один мой знакомый. Мы не были с ним близки, и я хотел пройти мимо. Если друзья,

К азербайджанской сказке «Тайна дружбы».

с которыми я день и ночь пил и кутил, не хотели приютить меня, станет ли со мной разговаривать этот человек? Но все-таки какой-то голос шептал мне: «Постучи! Испытай и его». И я, проклиная шайтана*, подошел к двери. На стук вышел сам хозяин. Я робко поздоровался с ним и сказал: «У меня большое несчастье. Я нечаянно убил шахского барана, и теперь я не нахожу места, где бы спрятать его. Не можешь ли ты помочь мне?» Он подумал немного и грустно покачал головой: «Конечно, это очень плохо, что ты убил чужого барана, тем более из шахского стада. Но теперь ничего не поделаешь. Как говорится, чему быть, того не миновать. Однако тебе грозит беда, и я должен тебе помочь. Нельзя же допустить, чтоб ты погиб из-за какого-то барана».

Он вернулся в дом и через минуту появился снова с большой лопатой. «Пойдем,— сказал он.— Зароем барана на окраине города».

Мы шли долго. Я падал с ног от усталости — ведь за этот вечер с мешком на плече я обошел чуть ли не весь город. Мой спутник вдруг остановился и сказал: «Ты, наверное, очень устал, дай я понесу барана». Я не хотел отдавать ему мешок, но он насильно отнял его у меня. Наконец мы дошли до небольшого арыка*. Здесь мы вырыли яму, положили в нее мешок с бараном и засыпали землей.

«Давай немножко углубим арык,— предложил мой знакомый,— тогда вода потечет прямо над ямой, и никому и в голову не придет, что здесь может быть что-то зарыто».

Сказано — сделано. Мы подрыли немного, так чтобы слегка изменилось русло арыка, и вода потекла над тем местом, где был зарыт баран. Когда все было кончено, я поблагодарил своего знакомого и вернулся к себе домой.

На следующее утро я опять пошел к нему, чтобы поблагодарить еще раз. Я не застал его. Мне сказали, что он пошел на свадьбу к какому-то бэку*. Этот человек, которого я знал совсем мало, оказался единственным моим другом. Интересно, может ли он хранить тайны? Чтобы увериться в этом, я тоже пошел на свадьбу. Там собрались все самые знатные люди нашего города. Я вошел в комнату и увидел своего нового друга на самом почетном месте. Прямо с порога я закричал: «Будь ты проклят, нечестивый, пропади пропадом, ну-ка, выйди во двор, посмотришь, что я с тобой сделаю». Он даже бровью не повел и спокойно ответил: «Не кричи, Ахмед, ступай себе домой. Хоть бей меня, хоть режь, все равно ни за что не скажу, над чем течет вода». Услыхав эти слова моего друга, я раз и навсегда поверил, что мой новый друг надежен, как скала, что он никогда не выдаст тайны, не предаст меня.

С того самого дня я души не чаял в Мамеде (я и забыл сказать, что моего нового друга звали Мамед). Мы проводили все время вместе и так привязались друг к другу, что и часу не могли прожить врозь. Но счастье никогда не бывает вечным. Случилось так, что Мамеду пришлось перебраться в другую страну. Он продал все свое имущество, забрал отца и мать и переехал.

Прошли годы. Умерли мои родители. Я обеднел, друзей у меня не было, родных тоже, только одна сестра. Жили мы плохо, перебивались с хлеба на воду. Я повсюду искал работу, но ничего не мог найти. Тогда я взял сестру, и мы отправились искать счастья по свету. Деньги, которые у нас были, кончились, одежда пообносилась. Мы брели из города в город, голодные, оборванные, потеряв всякую надежду. Так мы пришли в этот город, и я

случайно узнал, что мой друг Мамед живет здесь. Мы уже несколько дней ничего не ели, сестра совсем обессилела. Я решил найти друга Мамеда и одолжить у него хоть немного денег. С трудом я узнал, где находится дом Мамеда. Я отправился туда и как раз в дверях встретился с ним. Он куда-то уходил с женой. Я отозвал его в сторону и тихонько сказал: «Братец, со мной стряслась беда, и я пришел в этот город, где у меня нет ни жилья, ни родных. Одолжи мне немного денег». К моему удивлению, Мамед даже не взглянул на меня. Достал горсть мелочи, сунул мне в руку и ушел. Такое холодное отношение обидело меня, я хотел вернуть ему деньги, но вспомнил, что сестра умирает с голоду, и смирил свою гордыню.

Эту ночь мы с сестрой провели в караван-сараяе. Когда мы вышли на улицу рано утром, к нам подошли какая-то женщина и девушка. «Сынок,— сказала женщина,— вы похожи на чужестранцев. Мне кажется, вам негде жить. У нас в доме семь комнат, и все пустуют. Пойдемте со мной, будете моими детьми. Будем жить все вместе, как одна семья».

Ее приглашение удивило и даже немного насторожило меня. Я знал — в этих краях найти пристанище не так-то легко. Может быть, она хотела заманить нас в ловушку? Но что могла взять она с двух оборванцев? У нас даже не было денег, чтобы заплатить за жилье. Но женщина говорила так приветливо, что мы с сестрой согласились и пошли с ней. С того дня женщина ухаживала за нами, как за родными детьми. А я и сестра, как могли, помогали ей в домашних делах.

Однажды я шел на базар, и вдруг какой-то старик остановил меня: «Сынок, я должен твоему отцу два кошелька золота. Только сейчас я узнал, что он

умер, а его дети живут здесь. Возьми эти деньги, они твои». Я не хотел брать деньги. Но старик не отставал, пришлось положить кошелек в карман. Дома я отдал деньги женщине, которая приютила нас. Так мы и жили, спокойно и счастливо. А в один прекрасный день я встретил на базаре Мамеда. Я хотел пройти мимо, будто не заметил его, но он окликнул меня: «Ахмед, ты обижен на меня?» Что я мог ему сказать? «Конечно, обижен. Ты не похож на человека, верного в дружбе. Когда я попросил у тебя денег, ты даже не взглянул на меня, не спросил, как я живу. Разве так поступают друзья?» Мамед нахмурился: «Все, что ты говоришь, правда, Ахмед. Я дал тебе деньги, не глядя на тебя. Это так. Но я не изменил нашей дружбе. Я разговаривал с тобой, как с чужим, потому что ты был похож на нищего и моя жена не поверила бы, что такой оборванец может быть моим другом. Но потом я подослал к тебе свою мать, и она взяла тебя в сыновья. А еще немного спустя я послал к тебе отца, и он отдал тебе два кошелька золота».

Гости мои, вы знаете, что это была правда. Я понял моего друга, и с того дня наша дружба окрепла. Мы больше никогда не разлучались. Вот и все.

Когда он кончил свой рассказ, уже рассвело, запели петухи. Мелик и Кечал Мамед поблагодарили Ахмеда, сели на коней и отправились в путь. Шли они днем и ночью. По долинам, по стремнинам, где — привал, где — перевал, то в обход, то напрямик, день — дорога, отдых — миг. Чтоб попасть на родину, им надо было пересечь семь стран семи шахов. А еще надо было пройти между двух гор. На одной из них жили сорок разбойников, и каждого, кто появлялся в этих местах, они грабили и убивали.

Когда Мелик и Кечал подошли к злополучной горе, дозорные разбойников заметили их, налетели со всех сторон, окружили путников. Были у них сабли, начали они отбиваться. Увидали разбойники, что не одолеть им Мелика и Мамеда, послали к атаману с известием, что, мол, пока ты там сидишь, два чужеземца убивают твоих людей. Приказал атаман всем разбойникам сесть на коней. И живыми или мертвыми привести чужеземцев.

Увидели Мелик и Мамед, что несутся к ним сорок разбойников на быстрых конях, поняли: не устоять им. Пришпорили они своих коней и полетели, словно птицы. А разбойники за ними. Вдруг конь Мамеда споткнулся и упал. Пока Кечал поднимал коня, разбойники настигли его, схватили, скрутили руки и отвезли к атаману. Тот велел бросить пленника в темницу, а через три дня отрубить ему голову. Но пока Мамед томится в тюрьме, посмотрим, что случилось с Меликом.

Когда разбойники окружили Кечала, Мелику удалось спастись. Долго скакал он, сам не знал сколько. Наконец доскакал он до луга, но тут, сломленный усталостью, сполз с коня, отпустил его пастись, а сам лег под дерево. Но луг этот, на беду, был заповедником могучего шаха. Не успел Мелик заснуть, как стража увидела коня, поймала Мелика и отвела во дворец. Грозному повелителю доложили, что какой-то странник нарушил его приказ и пустил своего коня пастись в заповедник. Разгневался шах и приказал посадить пришельца на тридцать девять дней в подземелье, а на сороковой день соорудить перед дворцом виселицу и повесить. Мелику даже не объяснили, в чем он провинился, и заточили в темницу.

А тем временем Кечал Мамед успел осмотреться в своей темнице и увидел, что он не один. В углу

лежал какой-то юноша. Он тяжело и прерывисто дышал. Поминутно останавливаясь, он рассказал Мамеду, что попал сюда семь лет назад по приказу шаха. С тех пор ни разу не видел он белого света.

Ночью юноша умер. А Мамед снял с него одежду, надел ее на себя, а мертвеца нарядил в свой костюм и усадил в углу. Сам же, притворившись мертвым, вытянулся у двери. Наступило утро. Стражник принес заключенному похлебку и увидел, что один умер. Завернули его в циновку, положили на арбу* и повезли на вершину, чтобы сбросить в пропасть.

По дороге Кечал, конечно, незаметно выскользнул из циновки и удрал. Но об этом никто из разбойников никогда ничего не узнал. Потому что аробщик, обнаруживший, что потерял «мертвеца», побоялся рассказать об этом кому-нибудь.

А Кечал, соскользнув с арбы, шел днем и ночью, не останавливаясь, пока не добрался до страны, где томился в неволе Мелик. Вошел он в город и услышал, как глашатаи возвещали, что на городской площади будет повешен человек. Вместе со всеми горожанами и Мамед пошел к площади. Посреди нее на высоком помосте стоял трон. На троне восседал шах, окруженный визирями, а внизу наготове стояли палачи. Перед ними под виселицей со связанными руками стоял Мелик. Увидел это Мамед, содрогнулся, но не растерялся. Пал ниц перед шахом и говорит:

— О могучий шах, я знаю очень много о человеке, которого ты собираешься повесить. Это лиходеи из лиходеев, позволь мне самому повесить его.

Шах удивился, но милостиво разрешил:

— Говори, юноша, что ты знаешь о нем. Если твои слова понравятся мне, я выполню твою просьбу.

Кечал Мамед хитро улыбнулся и сказал:

— О великий и могучий шах! Этот неверный — сын шаха. Сюда он пришел, чтобы убить тебя и захватить власть. Ты правильно решил его повесить. А еще хочу сказать тебе вот что: этот собака и сын собаки когда-то поклялся, что повесит тебя на виселице верхом на коне.

Шах удивился:

— Верхом на коне? А как это делается и что это такое?

Мамед приготовил ответ заранее:

— О шах! Прикажи привести хорошего коня, и я покажу, что значит вешать верхом на коне. Мы сразу убьем двух зайцев: и тебе покажу новый способ казни, и его повесим, чтоб знал, как замышлять зло против могучего и великого шаха.

Слова Мамеда очень понравились шаху. Он приказал привести самого лучшего коня. Слуги бросились на конюшню, и через минуту на площади гарцевал стройный белый конь. Кечал Мамед подал знак, палачи надели веревку на шею Мелика, подняли его и посадили на коня. Мамед с саблей в руках вскочил на того же коня, пришпорил его и, подъехав прямо к виселице, сказал палачам:

— Натяните веревки покрепче. Я отскочу назад, а Мелик повиснет в петле. Такой способ и называется повесить верхом на коне.

Не успел он закрыть рот, как палачи натянули веревки. В то же мгновение Мамед острой саблей перерубил веревки и пришпорил коня так, что тот полетел птицей. Когда шах понял, в чем дело, поднял шум и потребовал, чтоб беглецов поймали и привели живыми или мертвыми, было уже поздно. Все войско шаха бросилось в погоню, но так и не смогло настигнуть Мамеда и Мелика, которые благополучно добрались до берега моря.

Мамед лихо соскочил с коня, подошел к волшебному черному камню, одним духом выпалил заклинание и достал удила. Только он бросил их в воду, как из моря вышел конь о трех ногах, путники вскочили на его спину и переплыли море. Только в эту минуту увидели их шахские воины, но переплыть через море не могли.

А Мамед тем временем спрятал удила под черный камень на другом берегу. Прошли друзья немного вперед, увидели своих коней, которые мирно паслись на лугу. Вскочили они в седла и двинулись в путь. Долго ли ехали, коротко ли, наконец добрались до замка трех стариков. И опять две руки отвели коней в конюшню, а гостей во дворец, подали им обед, приготовили постель. И опять не встретили путники ни живой души.

Мелик так устал, что заснул, как только голова его коснулась подушки. У Мамеда тоже слипались глаза. Он боялся, что крепко уснет, поэтому разрезал себе палец и посыпал солью.

Далеко за полночь двери широко распахнулись. Вошли три старика. Первый держал в руках черную книгу, другой же тяжелый черный жезл, а на поясе третьего была кривая сабля с черной рукояткой. Как и в тот раз, старик с саблей заговорил первым:

— Дайте-ка я их убью, чтобы, не приведи Аллах, не раскрыли нашей тайны.

Старик с книгой решительно возразил:

— Ты, кажется, так и будешь всегда жестоким. Бедняги с трудом познали тайну истинной дружбы, а ты хочешь их убить.

Кечал больше не мог молчать. Он соскочил с постели, упал на колени перед стариком с книгой и горячо сказал:

— О мудрый из мудрых, мы познали дружбу: хочешь, расскажу?

Старик улыбнулся:

— Не трудись, сынок, не рассказывай, мы и так знаем эту тайну.

Мамед удивился:

— Но если вы знали эту тайну, почему же послали нас в такую даль?

— О мой сын, если бы тайна досталась вам без труда, если бы вы не испытали все тяготы пути сами, наши слова пропали бы даром. Поэтому мы послали вас туда. А теперь идите с миром, живите счастливо и дружно, как Ахмед и Мамед.

Мелик и Кечал Мамед поблагодарили стариков и двинулись в обратный путь.

Шли они от зари до зари и наконец добрались до своей страны. Шах, узнав о прибытии сына, вышел ему навстречу. Семь дней и ночей длился во дворце пир. Шах накормил всех бедняков и калек, а Мамеду подарил красивый дворец.

ОКОЛДОВАННАЯ СИРОТКА

Цыганская сказка

ила-была девочка, цыганочка-сиротка. Жила она у старой колдуньи в избушке на курьих ножках. Колдунья на нее нарадоваться не могла: добрая душа была у девочки, все делала, что старуха ее просила. Одно только и

печалило колдунью, что была сиротка некрасивой, как цветок невзрачный. Видела колдунья, как мучилась девочка из-за этого, и решила помочь ей. Прочитала она колдовские заклинания, вставила сиротке вместо глаз два изумруда, а вместо губ — кораллы, а потом и говорит:

— А ну поверотись, милая.

Повернулась сиротка и сразу сделалась такой красавицей, что ни в сказке сказать, ни пером описать. И так нравилась колдунье сиротка, что втайне думала она обучить ее колдовскому ремеслу. Ждала только колдунья, когда вырастет девочка.

На ту пору случилось так, что мимо избышки на курьих ножках проезжал князь. Видит — возле крыльца девочка стоит, да такая красивая, что глаз не отвести.

— Зайди в дом, красавица, принеси водицы, — попросил князь, — а то пить хочется.

Забегала сиротка в дом, зачерпнула ковшиком водицы и принесла князю. Тут обратил князь внимание на то, что девочка одета плохо, понищенски: такие на ней лохмотья, что, того и гляди, рассыплутся.

— Девочка милая моя, хочешь, я тебя одену и обую?

— Спасибо, добрый человек, — проговорила девочка, — спасибо за доброту да за заботу твою, но не надо мне ничего.

А князь не унимается:

— А может, ты хочешь на тройке моей покаяться?

Посмотрела девочка на княжескую карету и не смогла устоять.

— Только недолго, добрый человек, — попросила она, — а то скоро тетушка моя придет, станет искать меня да беспокоиться.

Ударил кучер кнутом, кони взвились и понеслись прямо к княжеским хоромам. Как увидела девочка богатство да роскошь такую, сразу забыла и про тетушку-колдунью, и про избушку на курьих ножках, и про жизнь, которой жила до сих пор. Обступили тут сиротку служанки, мамки да няньки, стали за ней ухаживать. Помыли, причесали, одели девочку в дорогие одежды, и стала она пуще прежнего красавицей.

— Будет она мне любимой дочерью! — воскликнул князь.

Хватилась колдунья — нет девочки, цыганочки-сиротки. Звала, звала, аукала — ничего. Начала колдунья ворожить и узнала о том, что без нее в избушке на курьих ножках князь побывал да цыганочку в свой дом увез. Обиделась колдунья и решила пойти к князю. Является. Стучит в ворота, а ворота на запоре. Зовет колдунья слуг, а те ее в хоромы не пускают:

— Куда прешь, старая ведьма? Слышанное ли дело, чтобы нищие к князю ходили...

— Да у него моя сиротка. Он похитил ее у меня.

— С ума ты сошла, старуха! Да за такие слова тебя и повесить могут. Убирайся отсюда, пока цела.

Так и ушла колдунья ни с чем. Ушла, да обиду затаила,

Проходит время. Расцвела сиротка, как тюльпан весной. Превратилась она в красавицу девушку. Князь смотрит и не налюбуется. И взял князь ее в жены. Крепко он ее любил за красоту да за доброту. Жили они дружно, в согласии, в радости и спокойствии. А прошел год, и родила сиротка сына. Решил князь на радостях пир устроить. Созвал гостей со всей округи, знатных да богатых. Хотелось князю наследника своего показать.

Узнала о пире и колдунья. И вот, едва наступил

вечер, она, сотворив заклинания, повернулась вокруг себя и оборотилась заморской красавицей. Вышла колдунья из избушки на курьих ножках, свистнула, и подкатила тройка вороных чудоконей, запряженных в карету... Прикатила колдунья на пир, а он уже в самом разгаре. Пьют гости, веселятся, хозяйкой восхищаются, сыном княжеским не налюбуются.

Пир уже стал к концу подходить. Устала сиротка от шума да от веселья, вышла из хором и пошла к пруду, где любила она по вечерам бывать. Подходит к ней колдунья и говорит:

— Жарко тебе, красавица? А ты пойдی окунись, легче станет.

Послушалась сиротка колдунью, вынула глазки свои изумрудные и губки коралловые, чтобы не потерять, и бросилась в воду.

А колдунье только того и надо было. Утащила она глазки изумрудные да губки-кораллы, повернулась вокруг себя и снова превратилась в старую колдунью. Выходит сиротка из воды, глядь — нету глазок изумрудных да губок коралловых. Посмотрела сиротка в пруд и отшатнулась: из воды глядело на нее некрасивое лицо. Заплакала сиротка:

— Как же я теперь на глаза князю покажусь? Не узнает он меня, а если узнает, то разлюбит.

— Не печалься, сиротинушка моя,— говорит ей старая колдунья,— иди со мной.

И тут сиротка вспомнила, что она уже где-то видела эту старую женщину. И она пошла за ней следом, и привела ее колдунья в избушку на курьих ножках.

Хватился князь — нет нигде жены. Пропала, как сквозь землю провалилась. Поднял он слуг. Принялись они по всей округе бегать да княжескую жену искать — не могут найти. Во все концы князь гон-

цов разослал, награду огромную обещал тому, кто жену его отыщет. Но и гонцы ни с чем возвратились. Пошел тогда князь к известному колдуну и рассказал ему о своем горе.

— Если поможешь мне, то я награжу тебя щедро: и детям, и внукам твоим хватит.

— Дам я тебе, князь, клубок шерсти,— ответил колдун,— брось его перед собой, будет ниточка разматываться, а ты иди за ней. Приведет тебя клубок к тому самому месту, где жена твоя находится.

Взял князь клубок из рук колдуна и отправился в путь-дорогу. Катится клубок, катится, разматывается ниточка шерстяная, а князь идет сзади, не отстает. Клубок через поле — и князь за ним, клубок через лес — и князь туда же, клубок через речку — князь вплавь пускается. Износил князь свои сапоги, босиком пошел, уже ноги в кровь изодрал, а клубок все катится и катится. И когда клубок уже совсем размотался, выбежал князь на поляну и увидел перед собой избушку на курьих ножках. Тут князь упал замертво от усталости.

Выбегают колдунья и сиротка из избушки. Как увидела сиротка князя, залилась горькими слезами, поняла, что он ее ищет. Упала сиротка перед колдуньей на колени, стала молить ее:

— Бабушка, верни мне моего мужа, люблю я его больше жизни, сделай меня такой, какой я прежде была, чтобы и он любил меня. Я тебя никогда не забуду.

Жалко стало колдунье девочку. Повязала она ей передничек, положила в него глазки изумрудные да губки коралловые, пошептала заклинания и говорит:

— Ну-ка, надень!

Надела сиротка глазки и губки.

— А теперь повернись два раза.

Повернулась сиротка и такой стала красавицей, еще краше, чем была. Одежда на ней золотом сияет, на руках браслеты, в ушах серьги драгоценные.

Плеснула колдунья на князя живой водой, и встал тот живой да невредимый. Осмотрелся вокруг, видит: жена его стоит. Бросились они друг другу на шею да сразу обо всем на свете забыли. Так домой к князю и ушли, обнявшись и не сказав колдунье ни слова. Обиделась колдунья на них и черную злобу затаила.

Живет князь с женой своей в радости да веселье. Сын у них подрастает потихонечку. Все хорошо, да однажды заболела княжеская жена. Лучших лекарей со всего света созывал князь — ничего не помогло. Околдовала колдунья сиротку злыми чарами — так и умерла она.

— Не захотела ты со мной живой жить, — проговорила колдунья, — так хоть я к тебе к мертвой приходить буду.

Долго тосковал князь, да слезами горю не поможешь. Выстроил он для жены своей хрустальную часовню, гроб там на золотых цепях повесил, а когда тоска его брала, приходил он к ней, подолгу сидел возле мертвой жены и смотрел на нее. А она и мертвая, как живая, лежала, словно уснула ненадолго и сейчас встанет, и все будет по-прежнему. Но шло время, а сиротка не вставала.

Пока сын князя и сиротки маленьким был, не давал князь ему в часовню ходить, на мать смотреть, но пришло время, и не мог уже князь удерживать мальчика, который хотел на мать хотя бы глазком одним взглянуть. А мальчику в княжеском доме ни в чем отказа не было. Наказал князь прислуге, чтобы та сыну не перечила, что ему захочется — пусть берет.

Как-то раз пошел княжеский сын на кухню, видит — корзина с яйцами стоит. Начал он с ними забавляться, да все и переколотил. Только одно осталось. Посмотрел княжеский сын на это яйцо, а оно все насквозь светится, словно из хрусталя сделано. И взяла мальчика горе-тоска.

— Поедем к маме, отец, хочу я ее повидать!

Нечего делать, пришлось князю согласиться. Велел он запрячь пару лошадей. Едут они с сыном, едут. Приезжают к часовне. Открывают хрустальную дверь, и мальчишка сразу к матери. А она лежит, как живая. Стал княжеский сын яичком хрустальным по лицу матери своей катать: по одному глазу прокатит — глаз открывается, по другому прокатит — другой открывается. По руке яичком прокатит — рука поднимается, а потом по сердцу провел — забилося сердце, и встала сиротка из гроба, как будто и не было тех лет, что она мертвой в гробу лежала.

Разрушились чары старой колдуньи. Тут и сама колдунья объявилась:

— Ладно, девочка моя, больше я тебя мучить не буду, живи, как жила, раз тебя сын твой нашел.

Упала тут сиротка перед колдуньей на колени:

— Ты прости меня, бабушка, ведь это я сама виновата, что все время забывала о тебе, радуясь своему счастью. Теперь этого больше не будет!

Закатил князь на радостях пир на весь мир.

Со всех концов земли князей да царей созвали, а на самое почетное место колдунью усадили. А та, чтобы народ не пугать видом своим, повернулась вокруг себя два раза и превратилась в заморскую красавицу, да такую, что сам царь на балу за ней ухаживал.

Попировали, попировали да разошлись, а князь

с женой и с сыном стали жить да поживать припе-
ваючи. И старую колдунью у себя в хоромах оста-
вили и больше в избушку на курьих ножках не
отпускали.

СЕСТРИНА ЛЮБОВЬ

Литовская сказка

мерла у одного чело-
века жена, оставила малых сирот — двух братьев и
одну сестрицу. Погоревал, погоревал вдовец, но в
дом хозяйка нужна, малым деткам — мать, вот он и
женился во второй раз.

Выбежали как-то братья во двор поиграть.

— Ты будешь лошадка,— говорит старший,— а
я — кучер. Ты «и-го-го» кричи, а я тебя погонять
буду. Но-о, Сивка, но-но!

— Нет, ребята,— говорит им мачеха,— вы
лучше в серых волков поиграйте. Станьте на четве-
реньки и кричите «у-у-у».

Послушались пасынки мачехи, стали на четве-
реньки — и ну выть по-волчьи. А отец, глядя на
сыновей своих, не нарадуется.

— Смотри, как ребяташки наши резвятся! —
говорит он жене.

А та хлопнула в ладоши и говорит:

— Вот пускай и превратятся они в волков, пус-
кай рыщут по лесам дремучим, по пескам горючим,
по оврагам сыпучим!

Не успела вымолвить, как оба брата превратились в волков и побежали к лесу.

Вскочила на крыльцо за ними сестрица, плачет, убивается, руки ломает, братьев своих милых зовет.

Тут только поняли отец с дочерью, что за мачеху он в дом привел: не женщина это Божья, а злая колдунья — лѣуме.

Вот и говорит отец дочери:

— Берись, Мѣрите, за всю работу по дому, угождай мачехе как можешь. Авось смиростивится она и возвратит сыночкам моим человеческий облик.

Раньше всех в доме вставала падчерица, позже всех ложилась. Работа в руках у нее спорилась: и пряла она тоньше всех, и ткала быстрее всех, а если за рукоделье какое возьмется — вся деревня сбегалась поглядеть. Но мачехе все было мало.

— Ты уже совсем, девка, выросла, — говорила она падчерице. — Не век же тебе на отцовских хлебах сидеть, пора тебе приданое готовить!

Послушалась Марите мачехи, наткала себе штуку полотна, нашила сорочек, простынь, наволок и, по обычаю, принялась полотенца вышивать. Да такие они у нее красивые получились, что и глаз не оторвать. Все она на них вышила: и как они с отцом и матушкой родною хорошо жили, и как матушка умерла, а отец к ним в дом злую мачеху-лауме привел, и как братья на двор играть выбежали, а мачеха их в волков превратила, и как она сама, Марите, стоит на крыльце и руки ломает. Увидала мачеха полотенца эти, ничего не сказала, только еще пущую злобу на Марите в душе затаила. Дождалась она, когда муж ее зерно на мельницу повез, схватила полотенца падчерицы в охапку и вышвырнула их за дверь.

— Ступай и ты за своими полотенцами! — кричит.

И вытолкала Марите на улицу, а дверь за ней на засов заперла.

Завязала Марите полотенца свои в узелок, идет по дороге, слезами заливается. Свернула она к лесу. Трое суток лесом шла, видит — пламенеет что-то вдали, точно костер горит. А это был дом Солнышка, сюда оно к вечеру почивать спускалось.

Постучалась Марите к Солнышку в окошко. Впустило ее Солнышко в дом да и спрашивает ласково:

— О чем ты плачешь, красавица?

Рассказала девушка Солнышку, как злая мачеха-лауме братцев ее в волков превратила, а сама еще пуще слезами заливается.

— Солнышко, Солнышко красное, не видело ли ты моих милых братьев? — спрашивает.

— Побудь у меня до вечера, — сказала Солнышко, — вечером я соберу к себе все свои лучи, что за день по белу свету разбрелись, и расспрошу их, не видели ли они твоих братьев.

Затопила Марите печку, напекла Солнышку и наварила всякой снеди, полный стол яствами устала.

Потемнело за окном, стали к Солнышку лучи его на отдых собираться. Сели хозяйева с гостьей за стол, и, когда все наелись, спрашивает Солнышко у своих лучей:

— Не повстречались ли вам братья Марите, которых злая мачеха-лауме в волков превратила?

— Нет, — отвечают лучи, — мы ведь только днем по белу свету бродили, а волки больше по ночам рыщут. Спроси, девушка, у Месяца, может быть, он что-нибудь о братьях твоих знает.

Расспросила Марите дорогу к Месяцу, распро-

щалась с хозяевами да как оглянулась с порога — видит, что Солнышкина светлица так и осталась после ужина не метена. Взялась она за метлу, хорошенько пол подмела, сор собрала и уже хочет его в печку кинуть.

— Стой, красавица,— говорит Солнышко,— не выбрасывай сор, а завяжи его в уголок полотенца, авось он тебе еще сгодится.

Послушалась Марите его совета, завязала сор в узелок полотенца и отправилась в путь-дорогу.

Шла она лесом, глядит — впереди что-то серебрится и голубеет, точь-в-точь глыба льда сияет. А это был Месяцев дом, сюда он к утру почивать спускался.

Постучалась Марите к Месяцу в окошко, а сама стоит, слезами заливается. Жалко ей братьев своих, поскорее разыскать их хочется.

Впустил ее Месяц в дом да спрашивает ласково:

— О чем ты плачешь, красавица?

Рассказала ему девушка про братьев своих, как злая мачеха-лауме их в волков превратила.

— Месяц, Месяц ясный, не видел ли ты моих милых братьев? — спрашивает.

— Переночуй у меня,— говорит Месяц,— а наутро я соберу к себе все свои лучи, что всю ночь по белу свету бродят, и расспрошу их, не видели ли они твоих братьев.

Истопила Марите печку, напекла и наварила Месяцу всякой снеди, полный стол яствами уставила, легла спать, а заснуть не может — все лучей Месяца дожидается. Чтобы тоску разогнать, взялась она постирать белье Месяцу. Белье у нее белое, как кипень, получилось. Протянула она веревку во дворе, белье развесила. А тут светлеть стали окна, начали к Месяцу лучи его на отдых собираться.

Уселись хозяева с гостьей за стол, откушали.

— Не видали ли братьев Марите, которых злая мачеха-лауме в волков превратила? — спрашивает Месяц у своих лучей.

— Видели, — ответили лучи, — они на Стеклянной горе логово себе устроили, но взобраться на гору эту обыкновенному человеку не под силу.

Расспросила Марите у лучей Месяца дорогу к Стеклянной горе, распрощалась с хозяевами, вышла во двор, глядит — белье, что она постирала, уже высохло на веревке. Принялась она его снимать, потом веревку от столбов отвязала, свернула жгутом, хочет в кухне на крюк повесить.

— Стой, красавица, — говорит Месяц, — не вешай веревку на крюк, лучше возьми ее с собой, авось она тебе еще сгодится.

Послушалась Марите Месяца, взяла с собой веревку и отправилась в путь-дорогу. Шла она, шла лесами дремучими, песками горючими, оврагами сыпучими и счет потеряла дням и ночам, что она в пути провела. Утомила, обессилела, еле-еле до Стеклянной горы добрела.

Ступила она на Стеклянную гору. А гора эта крутая и скользкая, никак на нее не взобраться. Голая она вся, только на самой вершине сухая сосна торчит.

«Что же делать?» — думает Марите. А в это время вышло из-за тучи Солнышко и глянуло ей прямо в лицо. Она и вспомнила про сор, что Солнышко наказало ей в уголок полотенца завязать. Стала она этот сор перед собой сыпать, ноги уже не скользят — так она до половины Стеклянной горы и добралась. А тут ночь уже наступила, потемнело вокруг, а Марите всего только полпути прошла.

Дальше гора еще отвеснее, еще круче, а у Марите уже весь сор вышел.

«Что мне делать дальше?» — думает бедняжка.

А тут Месяц из-за тучи вышел и глянул ей прямо в лицо. Тут-то и вспомнила Марите про веревку, что Месяц наказал ей с собой взять.

Сделала она петлю из веревки, размахнулась изо всех сил и накинула ее на засохшую сосну, что на Стеклянной горе росла. Так по веревке и добралась она до самой вершины. А на вершине вход в пещеру чернеет. Вошла Марите в пещеру, а в пещере лестница — вниз ведет. Спускалась Марите по лестнице этой, спускалась, тысячу ступенек насчитала и со счету сбилась. Привела ее лестница в богатые хоромы. Смотрит девушка — не то это человеческое жилье, не то звериное логово.

Посреди хором стол богатый стоит, две лежанки у стен, но лежанки не одеялами, а мхом лесным устланы, а вокруг них кости обглоданные валяются. Догадалась Марите, что это жилище ее братьев.

«А что, как не узнают меня братья, — думает бедняжка, — и загрызут меня насмерть? Развешу-ка я тут по стенам свои полотенца. Если признают их братья — значит, они люди еще, а не признают — значит, и впрямь они в диких зверей превратились».

Развесила Марите полотенца свои по стенам, а сама в печку спряталась и ждет.

Под утро вернулись волки в свое логово, увидели полотенца на стенах и говорят один другому:

— Глянь-ка, братец, а ведь это мы с батюшкой, с матушкой родною и с сестрицей счастливо живем.

— А это отец злую мачеху-лауме к нам в дом привел.

— А это она нас в серых волков превратила.

— А это сестрица Марите на крыльце плачет, руки ломает... Сестрица Марите, где ты, родимая?

— Я здесь! — отозвалась Марите и вылезла из печки.

Рассказали братья ей, что злая лауме такое заклятье на них наложила: если кто хочет их расколдовать, чтобы они снова в людей превратились, должен тот человек крапивы нарвать, прясть из крапивы пряжи, соткать из той пряжи дерюгу, сшить из той дерюги рубашки и рубашки те на волков надеть — тогда они снова в людей превратятся. А пока не превратятся они в людей, человек этот должен молчать, слова даже нельзя ему вымолвить, «да» и «нет» сказать нельзя.

И крапиву рвать, и прясть, и ткать, и шить — все это он должен делать молча.

— Но кто же возьмет на себя такую муку, чтобы нас спасти! — сказал меньшей брат и заплакал.

— Я и не такую муку на себя взяла бы, только бы вас, милые братцы, спасти, — ответила Марите. — Сегодня наговоримся вдоволь, а завтра уж я молчальницей стану.

Назавтра нарвала Марите крапивы, стала пряжу из крапивы прясть. Руки ее белые пузырями покрылись, но она молчит, слова не вымолвит.

Потом из пряжи Марите наткала дерюги и принялась из дерюги этой братьям рубашки шить. И прядет, и ткет, и шьет — все это молча.

А в это время охотился в лесу подле Стекланной горы молодой бравый охотник. Глянул он на гору и видит, что над горой дымок вьется, значит, кто-то тут живет.

Решил охотник взобраться на гору — поглядеть, кто на ней поселился. Привязал он коня своего у подножия горы, смотрит — по склону горы тропинка вьется, сором посыпанная, чтобы ноги по ней не скользили, а дальше веревка свисает, к сухой сосне привязанная.

Долго ли, коротко ли взбирался охотник на гору,

но наконец добрался до самой вершины, отыскал пещеру и по лестнице спустился в жилище волков. Только сейчас оно на звериное логово и не походило, так Марите его убрала да разукрасила.

Вошел охотник в хоромы и ахнул: сидит в хороммах этих у окна красавица, каких он еще и не видел, и шьет что-то.

— Кто ты, красавица? — спрашивает охотник, а девушка молчит.

— Не можешь ты говорить со мной или не хочешь? — спрашивает охотник, а девушка в ответ ни полслова.

— Матушка моя повсюду невесту для меня искала, — говорит охотник, — но как увидит она тебя, других уже искать не станет. — А сам поближе к Марите подходит. — Хочешь ты со мной к матушке моей поехать? Скажи только «нет», и я тотчас уйду, оставлю тебя в покое, — говорит охотник.

А девушка в ответ ни «нет», ни «да» не говорит.

— А, раз так!.. — сказал охотник, схватил девушку на руки и вынес ее из пещеры на белый свет.

Спустился он со своей драгоценною ношей со Стеклой горы, усадил девушку на коня и увез с собой. И не видел он, что за ним выскочили на дорогу два серых волка да подглядели, куда он их сестрицу умчал.

Горько было молодому охотнику, что невеста его за целый день слова ему не вымолвила, но недолго пришлось ему мучиться.

Сшила к вечеру Марите вторую рубаху. Видит охотник — вышла его красавица на крыльцо, а под самое это крыльцо два серых волка прибежали. Не успел хозяин и ружье с гвоздя снять, набросила его красавица на волков рубахи, и превратились волки в статных, рослых парней. Тут невеста заговорила

и рассказала охотнику все — и про мачеху-лауме, и про колдовство ее, и про заклятье, что она на братьев Марите наложила.

Не знала только Марите, что заклятье мачехи еще не кончилось. Как сшила девушка братцам рубахи, осталась у нее еще дерюга, а остаток этот ни мерить, ни вешать нельзя было, иначе братья Марите снова в волков обратятся.

Ничего этого не знала счастливая невеста. Целыми днями она песни распевала да помогала свекрови к свадьбе готовиться. Порешили они с жёнихом послать гонца — пригласить батюшку Марите на свадьбу.

Как узнала злая мачеха-лауме про счастье, что ее падчерице и пасынкам выпало, решила она на своем поставить, снова парней в волков обратить. Переделась она цыганкой, завернула котенка в лохмотья и на руках его, как ребенка, укачивает.

Подошла злая лауме под окно падчерицы и умильно так просит:

— Красавица, красавица, богатая будешь, счастливая будешь!.. Может, есть у тебя в доме плохонькая дерюжка? Отмерь мне всего четыре пяди, внучку моему на пеленки... Не пожалей в такой день!

А про себя думает: сейчас отрежет кусок, и снова братья превратятся в волков.

А Марите скупой никогда не была.

— Зачем мне отмерять тебе четыре пяди? — говорит. — На тебе всю дерюгу, что у меня осталась! — И бросила цыганке в окно дерюгу.

Так доброта Марите спасла братьев от злой колдуньи. Вскоре сыграли веселую свадьбу Марите и охотника. Сто гостей созвали, сто гусей приготовили, сто пирогов напекли. Мне бы такую свадьбу устроили — я бы хоть сегодня женился!

ОКАМЕНЕЛОЕ ЦАРСТВО

Ассирийская сказка

ил-был на свете бедный пастух Бикра́й, который долго не имел детей. На старости лет у него родился сын, назвали его Сара́ном. Саран скоро вырос и стал пасти стадо. Недалеко от пастбища была высокая черная гора, покрытая травой и дремучим лесом. Пастух Бикрай никогда не загонял туда стада, так как он знал, что там жили семь братьев — дэвов; поэтому перед смертью он строго-настрого завещал сыну своему никогда не гнать на эту гору стада.

Но вскоре после смерти отца Саран забыл его завещание и в один прекрасный день погнал туда скотину. Вопреки завету отца он не увидел дэвов. Место же ему очень понравилось, и на другой день он опять отправился со своим стадом на черную гору. На этот раз в глухой чаще леса он увидел прекрасный дом с железными воротами, которые он одним ударом разбил вдребезги, и зашел во двор. Здесь он увидел младшего из семи дэвов, который смотрел за домом и готовил пищу своим братьям.

Дэв, заметив Сарана, разгневался великим гневом и бросился на него. Но Саран, благодаря своей силе и ловкости, одолел его, потом зашел в дом, где был приготовлен великолепный обед. Пообедав, он наполнил свою пастушескую сумку пищею для своей матери и со стадом преспокойно вернулся домой.

Никому ничего не говоря, он каждый день гнал стадо на черную гору и вскоре победил всех семейных дэвов; шестерых он зарыл в глубокую яму, а седьмого, самого старшего дэва бросил в близлежащую пропасть. Истребив всех дэвов, Саран не стал пасти стадо и переселился со своею матерью на черную гору.

Много добра было у дэвов, и Саран ни в чем не нуждался. Каждый день он ходил на охоту, добывал птиц и зверей, ловил рыбу. Однажды, когда Саран был на охоте, его мать подошла к краю пропасти и, услышав стоны дэва, решила помочь ему. Каждый день она приносила дэву хорошую пищу, а сыну ничего об этом не говорила. Через некоторое время дэв выздоровел, выбрался из пропасти и стал мужем матери Сарана.

Прошло немного времени, и мать сказала Сарану, что скоро у него будет помощник — младший брат. Вскоре у матери Сарана родился мальчик, которого называли Мича́хом. Сын дэва рос не по годам, а по дням; в семь лет он уже стал ходить с Сараном на охоту.

Однажды Мичах остался дома и случайно услышал разговор матери с дэвом. Он узнал, что его отец-дэв по совету матери превратится в змею и скроется в нижней части двери, чтобы ужалить до смерти Сарана, когда тот возвратится домой.

Вечером Мичах вышел навстречу своему брату и недалеко от дома стал требовать, чтобы тот сел ему на спину и так зашел в дом, — в противном случае им обоим угрожает несчастье. Саран, не зная, в чем дело, сначала отказался, но потом вынужден был уступить просьбам брата; он сел на семилетнего Мичаха и так попал в дом.

Дэв не мог ужалить своего родного сына и потому не смог ужалить и Сарана.

В другой раз Мичах узнал, что его отец превратится в ядовитого скорпиона и скроется в верхней части двери, чтобы укусить Сарана в голову. Узнав об этом, Мичах перед приходом брата вышел ему навстречу и стал просить взять его теперь на спину и так зайти в дом, так как теперь беда угрожает сверху. Усталый Саран сначала отказывался, а потом уступил Мичаху, взял его на спину и так вошел в дом. Дэв и в этот раз не мог укусить Сарана.

Саран, удивленный поступками своего брата Мичаха, спросил его о причине их; тогда Мичах открыл ему всю тайну, сказал, что дэв стал мужем их матери. Этот дэв, превратившись один раз в змею, а другой раз — в скорпиона, хотел погубить Сарана, но он, Мичах, взяв его на спину, избавил от укуса в пятку, а сев на него — от укуса в голову.

Услышав рассказ Мичаха, Саран в тот же миг прогнал и дэва, и мать, и братья стали жить вдвоем. Но скоро надоела им жизнь без хозяйки в доме, и Мичах посоветовал Сарану, как старшему брату, найти себе невесту.

Когда Саран собрался в путь, Мичах указал ему на два небесных светила и сказал, что большое принадлежит Сарану, а маленькое ему и в случае, если одно из них закроют тучи, они должны поспешить на помощь друг другу. Выслушав своего брата, Саран отправился в дальние страны. Много лет он странствовал, но нигде жены по сердцу не нашел.

Но вот на одной горе он заметил стадо овец и направился туда; приблизившись, он увидел, что и овцы, и пастух, и собаки — все обращены в камни и стоят неподвижно. Удивился Саран и пошел дальше, но скоро его глазам представилось целое окаменелое государство, в котором и люди, и животные, и птицы, и здания, и деревья, и травы с

цветами — все обращены в камни. Направился он в царский город, зашел во дворец, но и здесь представилось тоже все окаменелое: стоит царь, окруженный сановниками, но и они каменные, — словом, ничего нигде живого Саран не встретил.

Вышел он из города, сел отдохнуть на горе. Вдруг он заметил дым, который шел из одного дома на краю города. Саран направился туда — узнать, почему все окаменели в этом государстве. Зашел он в дом, откуда выходил дым, и увидел красавицу, на коленях которой, положив голову, и отдыхал отвратительный дэв.

Красавица, увидев Сарана, сжалилась над ним и попросила его поскорее удалиться, а то проснется дэв и превратит его в камень. Но Саран ответил, что никуда не уйдет, пока не убьет дэва и не возьмет ее себе в жены.

Долго красавица умоляла, чтобы Саран ушел, но он и слушать об этом не хотел. Он разбудил дэва и грозно потребовал отдать ему красавицу. Трудно было дэву стерпеть такое оскорбление от обычного человека, каких он уничтожил великое множество. Разгоряченный, со сверкающими молнией глазами, с мельничными жерновами и огненным мечом, бросился он на Сарана, у которого, кроме лука и пастушеской дубины, ничего в руках не было. Швырнул он в Сарана камнем, но Саран прыгнул так высоко, что камень пролетел и не повредил ему.

Настала очередь Сарана. Пустил он стрелу с такою силою, что она свалила с ног дэва, который тотчас почувствовал, что теряет последние силы: обливаясь кровью, попросил он прекратить борьбу до следующего дня; согласился на это и Саран.

На другой день начали они бороться, и дэв понял, что силою не одолеть ему Сарана. Собрал он

все оставшиеся силы и так дунул на Сарана, что тот в одно мгновение превратился в камень.

Небесное светило Сарана тотчас помрачилось, и его брат Мичах, заметив это, поспешил к нему на помощь. Долго он шел по той дороге, по которой странствовал Саран, и наконец прибыл в столицу окаменелого царства. Не встретив здесь нигде ни людей, ни живых существ, он зашел в последний крайний дом, где увидел дэва, прелестную красавицу и своего брата, превращенного в камень. Тотчас потребовал он, чтобы дэв обратил окаменелого брата в человека, и когда дэв отказался, он начал с ним борьбу.

Три дня продолжалась эта борьба, ни один из них не мог одолеть другого; тогда дэв решил и Мичаха обратить в камень, подул на него своим дыханием, но ничего не смог с ним поделать — ведь Мичах был дэвского происхождения. Тогда Мичах собрал свои последние силы, повалил дэва на землю и своим мечом снес две его головы, а одну оставил; затем взял его за длинные уши и приказал сначала превратить Сарана в человека. Когда Саран ожил, Мичах вывел дэва из дому и велел ему оживить все, обращенное в камень. Что было делать дэву — пришлось ему исполнить требование Мичаха.

Скоро город и все царство ожили: люди начали ходить, говорить, птицы запели, деревья и цветы расцвели, послышалось ржание коней, мычание коров, блеяние овец, ожила природа, и жизнь потекла своим порядком.

Когда Мичах убедился, что все приведено в прежний вид, тогда он снес и последнюю голову дэва. Стали братья жить в доме дэва у красавицы, на которой женился Саран.

Скоро царь узнал, что это Мичах спас его царство от козней злого дэва, призвал его к себе и в

знак благодарности выдал за него свою красавицу — младшую дочь, справил обоим братьям семидневную свадьбу.

Вскоре после свадьбы Мичах и Саран с огромными богатствами и красивыми женами возвратились в свой дом, где стали жить-поживать да детей наживать.

ПОРТНОЙ, МЕДВЕДЬ, ЧЕРТ И ВИРЯВА

Мордовская сказка

одном селе жил портной Шкамрав. Шил он плохо, и постоянно все его бранили. Не раз ему говорили:

— У-у! Чтоб у тебя руки отсохли, как ты плохо шьешь!

Даже когда Шкамраву и удавалось что-нибудь хорошо сшить, его тоже бранили. Другие портные завидовали ему и говорили:

— У-у! Как ты хорошо сшил, чтоб у тебя руки отсохли!

И думает Шкамрав про себя: «Трудно здесь жить. Плохо сошью — ругают, хорошо — тоже ругают. Уйду куда глаза глядят, где уши худого не слышат».

Ушел Шкамрав из села. Шел, шел и пришел в большой дремучий лес. Вот идет он по лесу и встречает медведя. Медведь спрашивает портного:

— Ты куда это, Шкамрав, милый мой, собрался?

— Иду куда глаза глядят, где уши худого не слышат.

— Что так?

— Житье мое никуда не годится: плохо сошью — ругают, говорят: «Чтоб руки твои отсохли, как плохо сшил!» Хорошо сошью — тоже ругают, говорят: «Чтоб твои руки отсохли, как хорошо сшил!» Вот я и надумал уйти отсюда.

Медведь говорит портному:

— Мое житье тоже неважное: мужики мною скотину пугают; как рассердятся, говорят: «У! Медведь тебя задери!» Бабы мной ребятишек страшат, говорят: «Смотри не плачь, а то медведь тебя съест». Пойду и я с тобой туда, куда глаза глядят, где уши худого не слышат.

— Что ж, — говорит портной, — пойдем.

Пошли они дальше вдвоем. Идет навстречу им черт и спрашивает:

— Вы куда это собрались?

— Идем, — говорят, — туда, куда глаза глядят, где уши худого не слышат.

— Что так?

— Да так и так, житье наше плохое!

И рассказали черту про свои обиды.

Черт говорит им:

— И моя жизнь не лучше вашей: мужики ругаются — меня поминают, бабы доброго слова обо мне не молвят, ребятишки мной тоже друг друга пугают. Возьмите и меня с собой.

— Что ж, пойдем.

Пошли. Шли они, шли, зашли в самую глубь леса. Стоит в лесной чаще избушка. Вошли они, видят — никто в ней не живет. Поселились они в этой избушке.

И вот как-то надумали они пиво варить.

— Чтобы пиво варить, солод нужен. Где же мы солоду возьмем? — говорит портной.

— Солоду нет? — отвечает черт. — Это не беда. Сейчас добуду. На реке стоит мельница, помольцев сейчас нет никого, а за дверью мешок с солодом стоит, слетаю сейчас — принесу!

— Да и корчаги у нас нет, где солод заваривать!

— А корчагу я принесу, — говорит медведь. — Неподалеку в лесу стоит старый дуб, под дубом весной бабы брагу варят. Там и теперь опрокинутая корчага стоит.

Слетал черт за солодом, медведь корчагу приволок. Стали пиво варить.

Попробовал портной да и говорит:

— Надо бы медку для крепости подбавить!

Медведь говорит:

— Ну, это уж по моей части. Неподалеку здесь пчельник, пойду принесу меду.

Принес медведь меду, нашли хмельку в соседних кустах, и пиво вышло на славу. Убрали его приятели в погреб.

Пошел через денек портной в погреб за пивом, смотрит — затычка у бочки вынута, кто-то уже пробовал пиво.

Пришел портной в избушку и говорит:

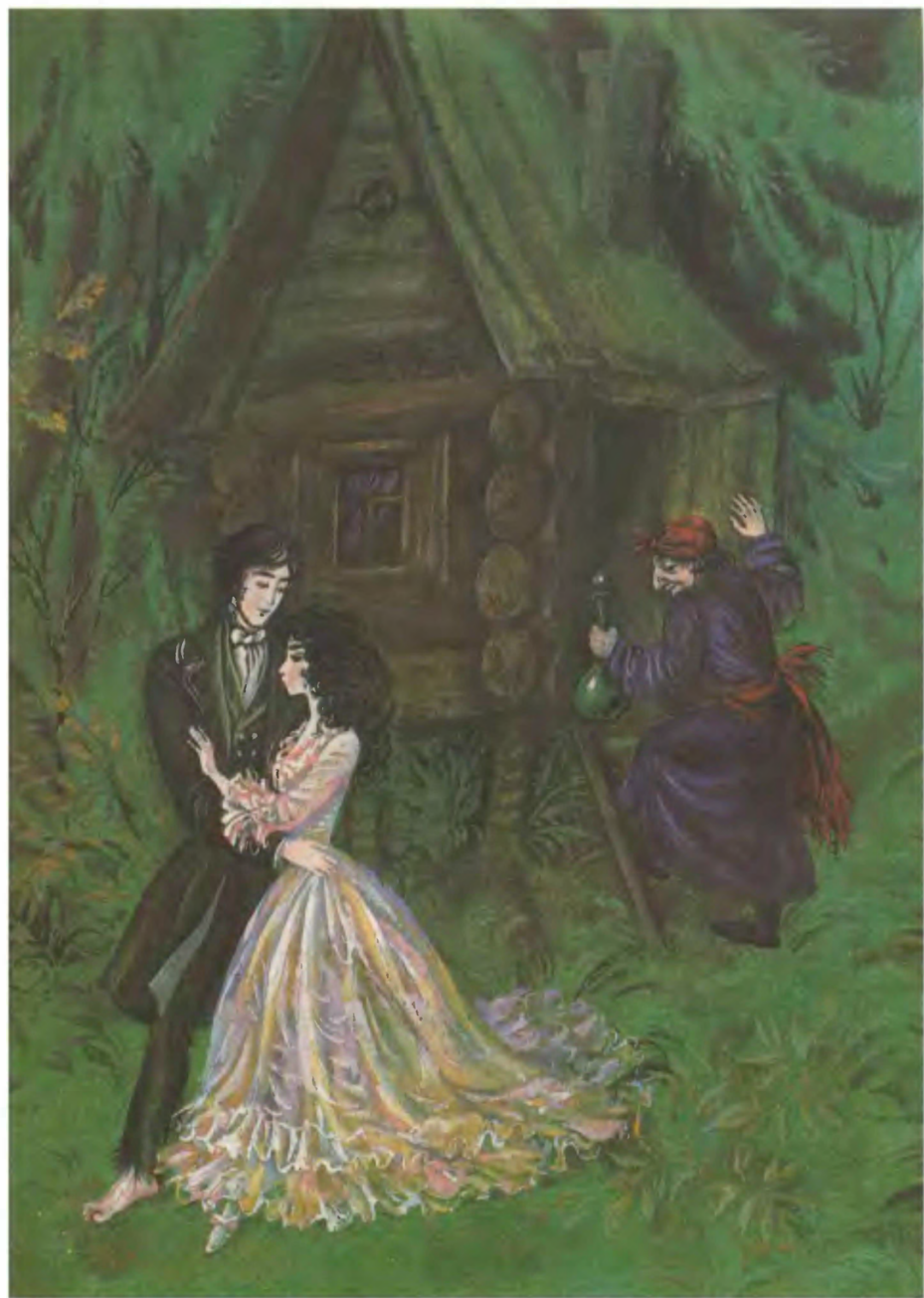
— Братцы, а ведь пиво наше кто-то ворует!

— Кто ж бы это мог воровать?

— Придется нам караулить.

Сговорились они по очереди караулить свой погреб. На первую ночь пошел медведь. Залез медведь с вечера в погреб, спрятался за пивную бочку и ждет, что будет.

Около полуночи вдруг послышался шум. Медведю показалось, что кто-то подъехал не то на телеге, не то на санях с колокольчиками.

К цыганской сказке «Околдованная сиротка».

Притаился медведь за пивным бочонком, чуть дышит. А это подъехала Вириява* в ступе. Пест у ней — кнут, ухват — дуга, сковородка — колокольчик. Едет — кочергой путь расчищает, пестом ступу погоняет, помелом след замечает, сковородником в сковороду бьет. И такой шум-звон от нее, словно свадебный поезд идет.

Подъехала Вириява к погребу, бросилась скорее к бочке, давай пиво пить, пьет-захлебывается.

Медведь выскочил из-за бочки да как рявкнет:
— Ты что, старая, наше пиво воруеть?

А Вириява уж во вкус вошла, не может оторваться от пива. Рассердилась она на медведя, что помешал он ей, да как хватит его пестом по лбу! Медведь хотел было кинуться на Вирияву, да куда там! Она его пестом оглушила, помелом глаза засорила, кочергой под себя загребла да еще сковородкой звон подняла.

А сама напилась пива и уехала.

Приходит медведь в избушку и стонет.

— Кого видел? — спрашивают его портной с чертом.

— Никого я не видел! — бурчит медведь.

— Что ж ты стонешь?

— С лестницы в погреб сорвался, насилиу жив остался!

Ладно. На следующую ночь пошел черт сторожить.

И повторилось все, что было с медведем. Вириява рассердилась еще пуще — не только побила черта, еще кончик хвоста ему кочергой отшибла.

Наутро пришел черт домой сердитый да ворчливый. Спрашивают его портной с медведем:

— Кого видел?

— Кого там увидишь! — проворчал он в ответ, а сам хвост зализывает.

— Что это у тебя хвост в крови?

— Дверью нечаянно прищемил.

На третью ночь собрался караулить пиво Шкамрав.

Взял он с собой балалайку, аршин свой железный и спрятался.

В самую полночь едет-шумит Вирява: кочергой путь расчищает, пестом ступу погоняет, помелом след замечает, сковородником в сковороду бьет.

«Эге, вот кто наше пиво пьет!» — думает портной. Притаился, стал смотреть, что будет.

А Вирява вынула затычку, припала к пиву и пьет. Тут портной ударил по струнам, заиграл на балалайке и запел:

Пей, пей, женушка,
До самого донышка!

Понравилась Виряве песня. Напилась она вволю и говорит:

— А-а, это ты, Шкамрав? Молодец! Играй теперь плясовую, я плясать хочу!

Ударил портной плясовую. Принялась Вирява плясать. Уж она пляшет, она извивается. А портной ей подыгрывает, подмигивает. Наплясалась Вирява вволю и говорит:

— Ух! Давно так не веселилась, устала! Даже есть захотелось мне. Ну-ка, портной, молодой-удалой, подойди ко мне поближе, я тебя съем!

— Что ж, я не против, — отвечает портной, — давно в теплом месте не сиживал. Только ты, бабушка, еще пивца перед едой-то хлебни — полегче да повеселей будет!

Припала Вирява к пивной бочке опять — пьет, только пузыри булькают.

А Шкамрав снова песню запел:

Пей-ка, попей-ка,
На дне-то копейка!
Если с донышка попьешь —
Злата, серебра найдешь!

Обрадовалась Вирява. Пьет она, пьет, от жадности надувается — до самого дна добирается. Пила-пила и свалилась хмельная. Этого-то Шкамрав и дожидался. Снял он с себя красный кушак, скрутил Виряве руки и давай ее железным аршином бить. Уж он бил ее, бил, стегал-стегал — все похмелье из нее выколотил. Мечется Вирява, волком воеет, филином кричит и взмолилась наконец:

— Шкамрав, миленький, отпусти ты меня! Я для тебя все сделаю, что захочешь.

— Ага,— говорит портной,— давно бы так! Ну-ка, что ты можешь для меня сделать?

— Я за тебя дочку свою выдам, красавицу!

— А еще что?

— В приданое избу новую поставлю, скотины полон двор дам, отсыплю семь мер серебра, семь мер золота!

— А не обманешь, старая? — спрашивает портной.

— Если не веришь, то на вот платочек мой волшебный, который я дочке в приданое берегу: как только накроешь им лицо себе и утрешься — станешь сам молодцом и все твои желания сбудутся.

— Ну, ладно! — согласился портной и развязал Виряве руки.

Вскочила Вирява, уселась скорей в ступу, взмахнула пестом, стукнула в сковородку — и была такова.

Приходит под утро Шкамрав в избушку свою, видит — черт с медведем не спят, его поджигают.

— Ну, кого ты там видел? — спрашивают.

— Видел, — говорит, — Вираву.

— Чем она тебя наградила?

— Да чем? Дочь свою, красавицу, за меня просватала! В приданое дает новую избу, скотины полный двор, семь мер серебра и семь мер золота.

Черт с медведем ушам своим не верят, а Шкамрав продолжает:

— Вот и платочек дала свой волшебный: как только накрою им лицо да утрюсь — все мои желания сбудутся.

Тут уж черт с медведем признались:

— Мы ведь тоже с Виравой дрались! Посмотрим еще, кому придется жениться-то. Это мы еще поспорим!

— Как же мы спорить будем? — спрашивает портной.

— Давайте так спорить, — говорит медведь. — Двое будут по очереди дома оставаться, а третий нас пугать станет. Кто сильнее всех сумеет напугать других, тот и женится на дочке Виравы, тому и платочек волшебный достанется!

Говорит так медведь, а сам думает: «Я их так испугаю, что убегут они и дорогу сюда позабудут. Недаром меня и мужики, и бабы, и ребятишки — все боятся».

А черт тоже доволен. Думает он: «Ну, пусть себе только останутся, я на них такого страха нагоню, что век не забудут: недаром даже моего имени все боятся».

Нечего делать портному — хочешь не хочешь, надо соглашаться.

Первым пошел медведь пугать, а портной и черт дома остались.

Вот зашел медведь за кусты и давай реветь.

Ревел-ревел — принялся деревца молодые с корнем вырывать. Треск по всему лесу пошел. Черт струсил и хотел бежать, а Шкамрав говорит:

— Не бойся: это медведь.

А медведь подошел к самой избушке да как заревет во всю мочь, словно ребят пугает:

— Вот медведь идет, медведь! Задерет вас медведь, бегите!

Шкамрав с чертом кричат ему из избы:

— Ну, довольно тебе кричать да шуметь, ведь мы не ребятишки!

Так медведю и не удалось их испугать.

Пошел черт пугать, а портной с медведем дома остались.

Залез черт на высокое дерево и давай оттуда дуть на избушку. Такой поднялся ветер, что сосны застонали, дубы затрещали, осины заплясали, а на избушке вот-вот крыша обвалится, и окна вон вылетят.

Струсил медведь, говорит он портному:

— Надо нам бежать, а то, чего доброго, буря опрокинет избушку и нас задавит.

А портной только смеется.

— Это,— говорит,— черт нас так пугает, не бойся!

Видит черт — не бояться портной и медведь бури, подлетел к самому оконцу да как крикнет не своим голосом, точно бабы на ребятишек:

— Смотрите, смотрите: черт, черт летит!

А портной с медведем кричат ему из избушки:

— Ну, довольно тебе! Все равно не боимся — знаем, кто ты такой!

Вернулся черт к товарищам — никого не испугал.

Пришла очередь портному пугать медведя да черта. Дождался он ночи, взял с собой сковородник,

сковороду, сделал из двух палок колотушку и тихонько вышел.

В полночь слышат черт с медведем: кто-то к избушке подъехал — не то на санях, не то на телеге, стучит, гремит и в колокольчик звенит. Испугались они. Медведь шепчет черту:

— Кто это? Уж не Вирява ли?

— Должно быть, она! — говорит черт, а сам трясется.

А портной подошел к оконцу, да как брякнет изо всех сил в колотушку, да как звякнет в сковороду, как крикнет не своим голосом:

— Выходите, выходите скорей! Это я, Вирява, в ступе еду! Пест у меня — кнут, ухват — дуга, сковорода — колокольчик! Кочергой путь расчищаю, помелом след заметаю, медведя с чертом поджидаю, хочу медведю кости помять, черту хвост оторвать!

Испугались медведь с чертом не на шутку. Выскочили они из избы и бросились бежать, только хворост под ними трещит. Бегут, бегут — назад не оглядываются. Так и убежали.

Остался Шкамрав один, накинул себе на лицо платочек волшебный, утерся, и встала перед ним новая изба. В избе под окошечком сидит красавица — дочка Вирявы и вышивает. На лавке стоят семь мер серебра, семь мер золота. Кругом дома двор новый огорожен. Полон двор скотины.

Поженились Шкамрав с Вирявиной дочкой и стали жить да поживать и добра наживать.

ТАЙНА БЕЗНОСОГО СИЛАЙМЫ

Ингушская сказка

тобы обрадовать вас
хорошим, чтобы развеселить вас веселым, расскажу
вам эту сказку...

Когда-то, давным-давно, жил один воин. Он ездил по белому свету, выручал добрых людей из беды, наводил страх на врагов. Повидал он разные страны, побывал во многих битвах, а когда почувствовал, что прошла его молодость и надвинулась старость, решил вернуться в те места, где родился и вырос. А родился он в ауле среди высоких гор, возле быстрого Терека*. Туда и направил он своего боевого коня. На привалах не задерживался, дорогу выбирал покороче, где встречал реку — переправлялся вплавь, где встречал лес — не объезжал его, а пробивался прямо через чащу. И все торопил коня: хотелось ему поскорее родные горы увидеть.

И вот на двадцать третий день пути оказался богатырь у быстрого Терека. Крутая каменистая дорога вела в горы. Когда конь стал подниматься по дороге вверх, всадник придержал его и сказал:

— Поезжай потише, мой верный конь. Пока мы ехали к этим горам, я торопил тебя, просил мчаться быстрее ветра. На привалах не задерживался, дорогу выбирал покороче, где встречал реку — переправлялся вплавь, где встречал лес — не объезжал его, а пробивался прямо через чащу. Не терпелось мне, хотелось поскорее родные горы увидеть.

Довез ты меня до быстрого Терека. Теперь поедem не торопясь: я хочу насмотреться на горы, каждый камень, каждое дерево хочу я разглядеть получше. Ведь с той поры, как я уехал отсюда, много в Тереке воды утекло, много раз листва опадала в лесах.

Послушался верный конь седока своего, пошел по дороге шагом. А воин, отпустив повод, вспоминал свою молодость, глядел по сторонам, рассматривал горы, старался ни одного дерева, ни одного камня не пропустить.

И вот вдали показался аул. Богатырь сразу узнал его, обрадовался и сказал своему коню:

— Наконец-то я снова вижу аул свой. Стану в нем жить и больше никогда его не покину. Скажи мне, мой верный конь, чего ты хочешь — жить при мне или по свету поездить?

— Я хочу еще по свету поездить! Отдай меня молодому смелому джигиту, — отвечал конь человеческим голосом.

Всадник подумал-подумал и говорит:

— Будь по-твоему. Не пристало боевому коню на конюшне стоять. Подарю я тебя джигиту без коня, которого мы встретим в пути. Только ты его сперва проверь — дорожит ли он тобою. Если он проверку выдержит, служи ему верою, как мне послужил. А когда он отпустит тебя, разыщи меня снова.

— Хорошо, — произнес конь, — я выполню твой наказ.

Пока всадник с конем своим говорил, из того аула, куда он направлялся, показался человек. Он шел навстречу по той же дороге. Всадник подъехал поближе и увидел молодого джигита.

Когда воин поравнялся с ним, джигит почтительно поздоровался и посторонился.

— Далеко ли путь держишь, джигит? — спросил богатырь.

— Далеко ли, и сам не знаю. Иду я счастье свое искать.

— А почему ты идешь пешком, разве у тебя нет коня?

— Сирота я. Нет у меня ни отца, ни матери. Кто же мне даст коня?

— А тебе по душе мой конь? Хочешь, я тебе отдам его?

— Таких прекрасных коней я только во сне видел. Но как же ты дальше поедешь, если коня отдашь мне?

— Бери, бери, до аула рукой подать, ноги меня донесут. А дальше я ехать не собирался. Садись в седло, нельзя без коня в далекий путь отправляться.

Джигит помог воину слезть с коня, вскочил в седло, взял в руки повод.

Старый воин сказал:

— Теперь поезжай, ищи свое счастье, но запомни, что я тебе скажу на прощанье. Лучше моего коня есть на свете только один конь. Пока ты его не отыщешь, моего коня не меняй и никому не отдавай. А если добудешь того коня, отпусти моего, он отыщет меня.

— Спасибо тебе за коня. А твой наказ я крепко запомню, — ответил молодой джигит.

Прощаясь он со старым воином, проводил его взглядом и поехал вниз по каменистой горной дороге.

«Теперь у меня есть конь. Не вернусь в аул, пока не отыщу свое счастье», — сказал про себя джигит и прищипорил коня. Конь помчался быстрее ветра. Расступились горы, остался позади Терек, а конь все мчался и мчался.

Так они проехали три дня. На утро четвертого

дня вдруг впереди засверкала вода. Юноша подъехал поближе и оказался на берегу огромного, широкого и глубокого озера. Посредине озера виднелся островок с высокой каменной башней. Она сияла на солнце золотой крышей, серебряными окнами.

«Поплыву к этой башне, посмотрю, кто в ней живет»,— решил джигит и направил коня в воду. Конь покорился и поплыл к маленькому островку. Но он не забыл наказ старого хозяина своего и решил проверить, дорожит ли им новый хозяин. Когда до островка оставалось меньше половины пути, конь притворился, что тонет.

— Без тебя я не хочу жить! — воскликнул джигит и отпустил коня.— Выбирайся на берег, лучше я погибну!

Но конь не дал ему утонуть.

— Держись за седло,— крикнул он человеческим голосом,— доберемся до берега оба! Я только проверить хотел, дорожишь ли ты мною.

И они двинулись дальше. Конь плыл, а джигит за седло держался.

Плыли-плыли, пока волна не вынесла обоих на берег.

Джигит взял коня под уздцы, подвел к башне и привязал к железному кольцу, которое заметил у самого входа. Потом открыл серебряную дверь и смело поднялся в башню. А в той башне жила красавица, подобная солнцу. Джигит вошел, поздоровался и попросил у девушки напиться. Девушка подала ему воды в дорогой чаше и бросила туда золотое кольцо. Юноша понял, что это значит: девушка увидела его мокрый бешмёт* и спрашивает, не поднялся ли он из-под воды. Он отпил несколько глотков, бросил в чашу сучок и вернул ее девушке. Это был ответ: я прибыл сюда по воде.

— Садись, будь гостем моим и скажи, что привело тебя сюда, — сказала хозяйка.

Джигит молча смотрел на девушку и не мог отвести глаз, а потом сказал:

— Я вышел на поиски своего счастья, а как увидел тебя, сразу понял, что был бы счастлив с тобой.

Красавица ответила:

— Ты тоже мне нравишься, джигит. Сюда, ко мне, добраться не просто. Если ты хочешь, чтобы я стала твоей женой, ты должен вернуться на берег, отыскать человека по имени Силаймá, узнать, здорова ли его жена, и выведать его тайну. Но никому не говори, куда ты едешь, и ни у кого дороги не спрашивай.

— Как же я того Силайму узнаю? — спросил джигит.

А девушка ответила:

— Узнать Силайму нетрудно: у него нет кончика носа, но почему его нет, того никто не знает. Это и есть тайна Силаймы. Он дал слово — открыть ее только тому, кто совершит настоящий подвиг. Больше ничего я тебе сказать не могу. Хочешь — ищи Силайму, не хочешь — возвращайся домой.

— Я найду Силайму, все узнаю о его жене и выведаю его тайну! — воскликнул джигит и тут же попрощался с хозяйкой башни.

Вышел он к своему коню, вскочил в седло, выбрался на берег и пустился в путь. Долго ли он ехал, коротко ли — догнал незнакомого всадника.

— Салám алéйкум*, добрый человек!

— Ва-алéйкум салám!* — ответил всадник.

— Куда путь держишь?

— К себе домой возвращаюсь. А ты куда едешь? — спросил незнакомец.

— А я счастье свое ищу.

Поехали они рядом. Джигит подумал-подумал и говорит:

— Я хочу подружиться с тобой.

— Сперва испытаем силу коней, потом сами померимся силами, а там посмотрим, можешь ли ты быть другом моим, — ответил незнакомец.

Пустили они коней вскачь — конь джигита вырвался вперед. Потом спешили и стали мериться силами. Джигит изловчился и положил незнакомца на лопатки. Незнакомец сказал:

— Теперь я вижу, что ты можешь быть моим другом. До сих пор ни один джигит меня еще не побеждал.

Сели они на коней и поехали дальше. Едут джигиты и рассказывают друг другу разные истории. Вот увидели на пригорке большой каменный дом. Когда проезжали мимо, из дому выбежала девочка и сказала:

— Не шумите у этого дома: если проснется Берзы Казá, не сносить вам головы.

— А кто такой этот Берзы Каза, что все его бояться должны? — громко спросил джигит.

— Тише! — испугался его спутник. — Берзы Каза — страшный волчище. На всем белом свете нет никого опаснее его. Не страшусь я никаких чудовищ, а вот с ним встречаться не решаюсь. Я за своего коня боюсь: он сызмала волков пугается.

Но Берзы Каза уже проснулся. Из дому послышалось его грозное рычание.

— Я приму с ним бой, мой конь не из пугливых. А ты отъезжай подальше, спустись в лощину и подожди меня! — крикнул джигит своему новому другу.

Едва спутник его отъехал, из дому показался страшный волчище Берзы Каза. Был он лохматый,

огромного роста, с большущими клыками. Джигит не испугался. Конь его тоже стоял как ни в чем не бывало.

— Давай бороться! — крикнул Берзы Каза.

— Давай! — смело ответил джигит и слез с коня.

Начали они бороться. Боролись час, боролись два, боролись три. Наконец джигит осилил Берзы Каза и подмял его под себя. Не давая волчищу опомниться, он выхватил свой кинжал и снес ему голову. А затем вскочил на коня и поехал в ложину, где друг его дожидался.

Направились они дальше и скоро оказались у какого-то замка. Друг подъехал к воротам и сказал:

— Вот в этом замке я и живу. Сделай милость, будь моим гостем.

Он привел джигита в кунáцкую*, усадил, а сам вышел за угощением. Джигит осмотрелся и заметил, что в одну из дверей проникает какое-то сияние. Подошел, приоткрыл дверь и удивился: на высокой постели лежала красавица. Сияние исходило от ее лица, от ее волос. Но глаза красавицы были закрыты. Красавица тяжело ворочалась и стонала. Когда хозяин вернулся, джигит не выдержал и спросил, кто это лежит в соседней комнате.

— Это жена моего брата. Она отчего-то вдруг занемогла и с каждым днем слабеет. Мы с братом не знаем, чем ее вылечить. У всех лекарей побывали, все снадобья перепробовали, а ей все хуже и хуже. Брат мой опять уехал искать лекарство, неизвестно — привезет или нет.

«Пока не отыщу для нее лекарство, не поеду дальше,— решил джигит. Другу он ничего не стал говорить.— Вот вернусь с лекарством, тогда и скажу. Пусть он пока остается здесь. Мало ли что случиться может, потребуется помощь, а помочь

будет некому». Когда его друг вышел из комнаты, джигит выбежал из замка, вскочил на коня и выехал в поле.

— Что ты решил? Куда нам следует ехать? — спросил у него конь после трех дней пути.

— У моего друга есть брат, его жена прекраснее лучей солнца. Но она вдруг занемогла и лежит при смерти в замке. Я хочу помочь ей вылечиться. Пока я не найду для нее лекарство, не успокоюсь, — ответил юноша.

— Лекарство находится далеко отсюда, за двумя высокими горами, которые стоят так близко одна к другой, что и муравей не проползет между ними. Время от времени горы расходятся, но это продолжается всего один миг. Когда они расходятся, между ними может проскочить всадник. Горы сразу с громом и грохотом сходятся. Все, что попадает между гор, обращается в пыль. Когда подъедем вплотную, ты крикни, будто кричат пятнадцать человек, и ударь меня кнутом, будто ударили восемнадцать человек. Я брошусь вперед, и мы проскочим между горами, — посоветовал конь.

— Хорошо, я сделаю все, как ты сказал, только поезжай побыстрее, чтобы нам поскорее вернуться, — ответил джигит.

Конь помчался вперед. И вот впереди показались горы. Джигит подъехал поближе и увидел: две горы стоят так близко, что даже муравью между ними не проползти. Слез джигит с коня, подобрал сваленное сухое дерево, подошел к двум горам и, когда они разошлись, сунул дерево между ними. Горы сдвинулись с грохотом и громом и раздавили дерево в порошок. «Правду сказал мне конь, опасное это место», — подумал джигит. Но раздумывать не стал и вскочил на коня. Напряглось, словно стало каменным, все его тело, гулко забилося

сердце. Джигит крикнул, будто крикнуло пятнадцать человек сразу,— горы разошлись, он хлестнул коня, будто его хлестнуло восемнадцать человек, и устремился в щель. Горы сомкнулись с грохотом и громом, но смелый всадник успел проскочить.

Поехал джигит по равнине. Ехал-ехал и заметил вдали огромного льва. Лев громко рычал и катался по земле.

— Этот лев занозил себе ногу острым осколком камня,— сказал конь,— поэтому он так мечется. Ты вырой яму, и мы укроемся в ней. А затем начни дразнить льва. Лев бросится к нам, перепрыгнет через яму, и острый камень, засевший в его лапе, выпадет. Лев успокоится, станет смирным и поможет добыть лекарство, которое мы ищем.

Джигит послушался доброго совета. Быстро вырыл яму, укрылся в ней с конем и принялся дразнить льва. Лев бросился на крик и перепрыгнул через яму. Острый камень вылетел, боль в лапе прошла. Лев лег на траву и довольно заурчал. Когда джигит выбрался из ямы, лев проговорил человеческим голосом:

— Это ты меня от мук избавил? Теперь я твой друг. Скажи мне, что привело тебя в эти края. Сюда мало кто может добраться, а тот, кто добирается, не может обратно вернуться.

— Я ищу средство, чтобы вылечить одного человека,— ответил джигит и поведал льву, кто он и откуда.

— Следуй за мной,— коротко промолвил лев.

Шли-шли и наконец дошли до глубокой пещеры.

— Подожди меня здесь,— сказал лев, а сам скрылся в пещере. Вышел оттуда с кувшином молока и отдал его юноше с такими словами: —

Если трижды побрызгать этим молоком больного человека, он сразу станет здоровым.

Джигит поблагодарил льва и отправился в обратный путь.

Ехал-ехал и опять оказался у двух гор. Подъехал к ним вплотную, крикнул, будто крикнуло пятнадцать человек, хлестнул коня, будто хлестнуло восемнадцать человек. Горы разошлись на миг, и конь устремился в щель. Горы сдвинулись с грохотом, но смелый всадник уже проскочил.

Долго ли ехал, коротко ли, наконец прибыл джигит к своему другу. Зашли они в комнату, где лежала красавица, и трижды побрызгали ее молоком. Она сразу встала с постели, будто никогда и не болела. Друг джигита побежал за братом своим. А красавица взглянула на джигита и сказала:

— Когда мой муж увидит меня здоровой, он сильно обрадуется и спросит, что тебе подарить. Ты отвечай: «Подари мне вон ту саблю с отломанным концом и вон ту серую клячу, что пасется на лугу; больше мне ничего не нужно». Сабля эта не простая: кто владеет ею, того никто не победит в поединке. А у коня только вид неказистый. Быстрее его на свете нет другого коня.

Джигит выслушал ее и подумал: «Видно, нашел я того коня, о котором мне старый воин говорил, когда отдавал своего скакуна».

И вот приехал муж, увидел, что жена его выздоровела, обрадовался и воскликнул, обращаясь к молодому джигиту:

— За то, что ты для меня сделал, проси у меня что хочешь!

— Подари мне саблю с отломанным концом и серую клячу, что у замка пасется,— попросил юноша,— больше мне ничего не надо.

— Зачем тебе поломанная сабля и старый

конь? — удивился хозяин замка. — Взял бы что-нибудь получше.

Но джигит стоял на своем. Хозяин отдал ему саблю и старую клячу.

Пока хозяин замка говорил с ним, джигит удивленно поглядывал на его лицо: у хозяина не было кончика носа. «Уж не это ли Силайма, которого я должен найти?» — подумал он. Потом набрался решимости и спросил:

— Скажи мне, пожалуйста, не зовут ли тебя Силаймой?

— Да, я Силайма, прозванный Безносым, а зачем тебе это знать?

— Красавица, которая живет в башне посредине озера, дала слово стать моей женой, если я узнаю тайну человека по имени Силайма. Скажи мне, какой я должен подвиг совершить, чтобы ты раскрыл мне свою тайну?

— А разве ты не совершил подвига, раздобыв лекарство для моей жены? Слушай, что со мною приключилось.

В одной высокой башне, которая стояла в середине моря, жили-были две сестры. Я посватался к старшей из них (ее-то и вылечил ты). Она ответила, что выйдет за меня, если я пригоню табун лошадей семиголового горного змея вместе с тигроподобным жеребцом. Я взял с собой восемь товарищей и поехал за этим табуном. Мы угнали табун, когда семиголовый змей спал. Но скоро он проснулся, узнал, что мы угнали его лошадей, и бросился вдогонку. Едва мы выбрались из гор и выехали на равнину, сзади поднялся шум и гул. Это змей мчался за нами следом. Он отломал верхушку горы и бросил ее в нас. Каменной глыбой он убил восьмерых моих товарищей. Я ехал впереди на тигроподобном жеребце, и камень меня не достал. Но маленький осколок

камня срезал мне кончик носа. С тех пор меня и прозвали Безносым Силаймой. Вот тебе моя тайна.

Джигит выслушал рассказ Силаймы и заторопился в дорогу. Попрощался он с Силаймой, с его женой-красавицей, с его братом, другом своим, взял волшебную саблю и пошел к своим коням: к тому, на котором приехал, и к тому, которого Силайма ему подарил.

Сначала отпустил коня, которого ему у родного аула старый воин подарил:

— Поезжай, отыщи первого своего хозяина, поклон ему от меня передай и живи при нем.

— Прощай, молодой джигит! — сказал конь человеческим голосом и ускакал.

Затем джигит оседлал серую клячу, а когда сел на нее, она тряхнула гривой, мотнула головой и обернулась стройным серым скакуном.

— Куда везти тебя, храбрый джигит? — спросил скакун человеческим голосом.

— Вези меня к большому озеру, где в башне под золотой крышей моя невеста живет.

Серый конь рванулся вперед. Он больше летел по воздуху, чем по земле, и к вечеру оказался у озера.

— Отыскал ли ты человека по имени Силайма, узнал, как поживает его жена, и выведал ли его тайну? — спросила девушка-красавица, когда увидела джигита.

— И Силайму я нашел, и жену его видел, и его тайну выведал. Сейчас расскажу тебе все, как было, — ответил джигит.

Рассказал он ей о своих приключениях: как он подружился с братом Силаймы, как победил страшного волка Берзы Каза, как добыл чудесное молоко

и вылечил красавицу жену Силаймы. Поведал и тайну Силаймы.

— Ты нашел Силайму и узнал его тайну. Ты добыл чудесное молоко и спас жизнь красавице, которая приходится мне родной сестрой, — воскликнула девушка, — я согласна стать твоей женой!

Юноша женился на ней, и они стали жить-поживать. Если на их землю налетали враги, молодой джигит доставал свою волшебную саблю, садился на чудесного коня, выезжал навстречу врагам и обращал их в бегство. И пошла из аула в аул молва о добром непобедимом богатыре и его красавице жене.

ЧЕРНАЯ УТОЧКА

Карельская сказка

или старик да старуха. Было у них двое детей — сын и дочь. И выросли они такие красивые, что ни в песне спеть, ни в сказке сказать. Старик со старухой совсем состарились, чувствуют, что смерть близко. Наказывают они своим детям:

— Живите, дети, дружно, не обижайте друг друга!

Похоронили брат с сестрой родителей и остались вдвоем, да еще собачка у них была. Брат на охоту ходит, сестра хозяйство дома ведет. Дружно

живут. Однажды на охоте встретил парень царевича. Царевич так загляделся на него, что глаз не может отвести, и говорит:

— Какой же ты, братец, красивый! Кто ты и откуда?

Отвечает ему парень:

— Я-то что! Вот сестра у меня настоящая красавица!

— Отдай мне ее в жены! И ты будешь свой век богато жить, с нами рядом.

Пришел брат домой и рассказал обо всем сестре. Девушка подумала и говорит:

— До тех пор не выйду замуж, пока своим подолом отцовский порог не изотру.

Только сестра вышла из избы, брат взял топор, разрубил порог на куски и сложил обратно. Вошла сестрица в избу, задела за порог подолом — порог и рассыпался. Говорит брат сестре:

— Пойдешь теперь замуж за царевича?

— Вот как изотру при помоле ручной жернов отца с матерью, тогда и пойду.

Брат спустился в подполье, разбил жернов на кусочки, собрал их и поставил на место. Утром стала сестра зерно молоть — жернов на куски и рассыпался. Брат говорит:

— Теперь, наверно, пойдешь замуж?

— И теперь еще не пойду! Вот когда износится от шитья иголка, оставленная мне матерью, тогда уж и выйду за царевича.

Брат взял иголку, переломил ее пополам, а куски сложил вместе. Стала сестра шить брату рубашку — иголка сломалась.

Делать нечего, пришлось сестре согласиться выйти замуж за царевича. Собрала она свои лучшие наряды, сели в лодку и собачку с собой взяли. Плынут они на лодке, долго ли, коротко ли. Видят,

бежит ведьма Сюоятар* по берегу. Забежала на мысок и кричит:

— Дети добрых родителей, возьмите меня в лодку! Мои ноженьки ветками исцарапаны, муравьями искусаны!

Девушка говорит:

— Не бери, братец, ее в лодку! Это Сюоятар, а зло добром не обернется.

Едут дальше. Сюоятар бежит по берегу. Забежала на следующий мысок и кричит:

— Ой вы, дети хороших родителей, возьмите меня в лодку! Мои ноженьки кусты исцарапали, муравьи искусали! Не могу идти дальше.

Девушка опять и говорит:

— Не возьмем ее, братец,— зло добром не обернется.

Плывут они, плывут, в одном месте оказались так близко от берега, что Сюоятар прыгнула в лодку, села вместо девушки грести и отняла у нее слух. Вот впереди царский берег показался. Говорит брат:

— Прихорашивайся, сестра! Надень свой кашемировый* сарафан — царский дом виднеется, городская стена светится!

Сестра не слышит, переспрашивает:

— Что ты говоришь, милый братец?

А Сюоятар вместо него отвечает:

— Вот что говорит твой милый братец: плюнь в воду, прыгни в море, обернись черной уткой!

Опечалилась девушка. А брат опять:

— Прихорашивайся, сестра! Надень свой шелковый сарафан — царский дом виднеется, городская стена светится!

Сестра снова переспрашивает:

— Что говорит милый братец?

Сюоятар в ответ:

— Плюнь в воду, прыгни в море, обернись черной уткой!

Сестра думает: «Отчего это братец на меня разгневался?»

Уж совсем близко царский дворец. Брат говорит:

— Прихорашивайся, сестрица, надень свой подвенечный сарафан — царский дом виднеется, городская стена светится!

Сестра спрашивает:

— Что говорит мой родимый братец?

Сюоятар опять передает:

— Вот что говорит твой родимый братец: плюнь в воду, прыгни в море, обернись черной уткой!

Сестра заплакала, но послушаться не посмела, плюнула в воду, выпрыгнула из лодки, обернулась черной уткой и поплыла. А Сюоятар рада, надела ее подвенечный наряд.

Подъезжает парень с Сюоятар к берегу, не говорит царевичу, что с ними в дороге случилось. Царевич видит, что его обманули, но делать нечего, пришлось принять Сюоятар. А юношу запер с дикими жеребцами, пусть его изувечат!

Плавает черная уточка недалеко от берега, печальным голосом крикает, будто зовет кого-то. А собачка, которую брат с сестрой из дому взяли, бегаёт по берегу и жалобно скулит.

Настала ночь. Вышла уточка на берег, поднялась на мосток, принесла с собой вышитую рубашку для царевича и стала звать собачку:

Пятнашка, Пятнашка,
Моя милая собачка!
Беги скорей ко мне,
Скажи, где мой братец любимый?

Собачка отвечает:

— Бросили твоего братца к диким жеребцам на погибель!

Просит девушка собачку:

Милая моя Пятнашка!
Пойди к царевичу в покои,
Отнеси ему рубашку,
Так, чтобы ворота не скрипели,
Чтобы двери не стучали,
Чтобы слуги не проснулись
И тебя не увидали.

Может быть, царевич и пожалеет моего братца.
А ты завтра опять приходи на берег.

Побежала Пятнашка, оставила рубашку царевичу в изголовье, никто и не видел.

Утром царевич просыпается, смотрит — в изголовье рубашка лежит, разноцветными шелками вышита. Спрашивает:

— Откуда эта рубашка, кто ее сшил?

Сюоятар отвечает:

— Сама я сплю, а руки у меня работают!

Царевич удивляется, не верит Сюоятар. Велит он слугам перевести парня к коровам в хлев, если жив еще. Слуги так и сделали.

На другой вечер, когда все улеглись, опять выходит уточка на мосток и зовет собачку:

Пятнашка, Пятнашка,
Моя милая собачка!
Беги скорей ко мне,
Скажи, где мой братец родной?

Бежит собачка к берегу, говорит уточке:

— Перевели твоего братца к коровам.

На этот раз девушка принесла с собой полотенце, которое она вышила для царевича. Просит собачку:

Милая моя Пятнашка,
Пойди к царевичу в покои,
Снеси ему полотенце,
Так, чтоб ворота не скрипели,
Чтобы двери не стучали,
Чтобы слуги не проснулись
И тебя не увидали.

Может, царевич и пожалеет братца. Завтра опять приходи. Я в последний раз выйду.

Собачка так и сделала: отнесла полотенце и сунула в изголовье царевичу. Он как проснется утром — полотенце появилось! Что за чудеса! А Сююятар опять свое:

— Это я вышила! Хоть глаза у меня закрыты, да руки мои не спят.

Задумался царевич еще больше. Велел перевести парня к овцам, а сам отправился к старухе-вдове, которая всем помогала советом: не знает ли она, что это все значит? Приходит он к вдове и рассказывает ей, как он хотел жениться на красавице, а оказалась уродина, как уже две ночи подряд у него под подушкой появляются подарки. Вдова говорит:

— Как же, знаю! Твою невесту Сююятар превратила в утку, а себя выдает за невесту. А это уточка присылает тебе с собачкой подарки, чтобы ты помиловал ее брата. Она и сегодня придет на берег попрощаться со своей собачкой, а потом улетит в другие края.

— Как бы мне ее спасти, чтобы она снова стала девушкой? Посоветуй, добрая вдова,— просит царевич.

— Хорошо, я дам тебе совет,— говорит старушка.— Приходи сегодня вечером на берег пораньше, спрячься в укромном месте. Как только все уснут, явится уточка и станет звать собачку. Ты ее тут и лови. Поймаешь — не выпускай из рук. Будет она превращаться в разных тварей. Но ты не огорчайся, бросай на землю через левое плечо, пока она не превратится в девушку.

Поблагодарил царевич старушку, сам домой пошел. Велел слугам перевести юношу во дворец, тайком от Сюоятар. Вечером отправился на берег, спрятался и стал ждать.

Настала ночь, вышла уточка на мосток, кличет свою собачку. Собачка бежит на голос хозяйки. А царевич выскочил из своего укрытия да как схватит уточку! Поймал ее, держит крепко. Превратилась она в змею, царевич ее разорвал и бросил через левое плечо; она — в ящерицу. Царевич опять ее пополам разорвал и через левое плечо бросил. Она веретеном обернулась — он и веретено ломает и бросает через левое плечо. Во что только она не превращалась! Это Сюоятар ее так заколдовал, чтобы ей не быть больше девушкой. Наконец превратилась она в скалку, переломил царевич скалку, выбросил и ждет. Как оглянется — стоит девушка невиданной красоты, какая ему даже во сне не снилась! Берет он девушку за руку, зовет с собой. А она говорит:

— Не пойду я с тобой! Сюоятар меня погубит, со свету сживет.

— Со мной ничего не бойся! — успокаивает девушку царевич.

Оставил он ее у вдовы, сам пошел домой. Наказал слугам натопить баню пожарче, вырыть под порогом яму в девять сажен и залить ее кипящей смолой. А от крыльца до бани разостлать красное

сукно. Все так и сделали. Ведут Сюоятар в баню; она головой во все стороны вертит: пусть все видят, какую ей честь оказывают! Двое слуг под руки ведут цареву жену в баню по красной дорожке! Довели до порога, сдернули сукно, она и упала в яму, в кипящую смолу. Только успела крикнуть:

— Пусть мои руки превратятся в змей, ноги — в гадюк, волосы в червей ползучих! Пусть из ямы вылетят комары да мошкара, чтобы вечно кусать и мучить людей.

Привел царевич свою настоящую невесту во дворец. Очень она обрадовалась, как увидела своего брата живым и здоровым. Царевич справил свадьбу на славу, всех людей созвал на пир, кто только двигаться мог. А брат невесты был на первом месте, тут он и жить остался со своей сестрой. И вдову не забыли, наградили богато. И живут они по сей день, если не умерли. А люди еще долго верили, что вся лесная нечисть на земле от Сюоятар пошла.

САНТА СААДЖА И САФА СААДЖА

Абхазская сказка

ил некогда один царь; правил он приморским народом. Сокровищ у этого царя было немало, а детей не было.

Так царь прожил больше половины жизни и

потерял надежду быть отцом. Это его очень огорчало. Самые вкусные кушанья казались ему горькими, и от лучшего вина болела голова.

Однажды царь, пригорюнившись, сидел на балконе своего дворца и видит — к крыльцу подъехал какой-то человек. Не успел царь оглянуться, как незнакомец уже стоял перед ним.

— Добрый день, царь! Что ты такой хмурый? — обратился к нему неожиданный гость. — У тебя какое-нибудь горе или мой приезд тебе не по сердцу?

— Почему не по сердцу, — ответил царь. — Да и горя у меня никакого нет. Заботы, конечно, есть. Но у кого их нет?..

Однако незнакомец продолжал добиваться, чем огорчен царь.

— Хорошо, — сказал царь, — раз ты так настаиваешь, поделюсь с тобой моей бедой. Но ты все равно не сможешь мне помочь.

— Послушаем, посмотрим, подумаем... А может быть, и удастся помочь, — промолвил незнакомец.

Царь рассказал ему о своем горе — что он бездетен и даже его скот не дает приплода.

— А если я сделаю так, что у тебя появятся дети и твой скот будет давать приплод, чем ты меня тогда наградишь?

— Дам тебе полцарства! — ответил царь.

— Полцарства и даже целого царства я не хочу. Если править им хорошо — хлопотливое дело, а если плохо — опасное. А вот мое условие: когда у тебя родятся три сына и когда они вырастут, ты позови их к себе и спроси каждого, кто из них захочет пойти навестить меня. Вот и все.

Царь с радостью согласился. Тогда незнакомец вынул из кармана яблоко и сказал:

— После того как я уеду, сними кожу с этого

яблока, разрежь его пополам, одну половину съешь сам, другую дай жене, а кожицу от яблока отдай скоту.

— Все это нетрудно сделать,— сказал царь.— Но как найти тебя, если действительно у меня будут сыновья?

— Я живу по ту сторону моря. На берегу будут следы моего коня. По этим следам и можно добраться до меня,— ответил незнакомец.

После этого он простился с царем и уехал.

Царь сделал все, как ему было сказано.

Прошло немного времени, и скот стал давать приплод. Прошел год, и царица родила сына. Через три года у царя уже было три сына.

Время шло, сыновья царя выросли. И вот однажды отец позвал их к себе, усадил и все им рассказал: как у него долго не было детей, кто осчастливил его и какое обещание он дал незнакомцу. Затем царь обратился к старшему сыну и сказал:

— Тебе, как старшему, следовало бы отправиться к этому человеку приветствовать и благодарить его.

Но старший сын ответил:

— Зачем мне пускаться в такое путешествие, неведомо куда! Да и следы, о которых ты говоришь, наверное, смыло море.

— Если старший брат не решается пуститься в путь, так у меня и подавно нет охоты,— сказал средний сын.

Тогда отец обратился к младшему сыну:

— Ты моя последняя надежда, Са́фа Са́аджа! Помоги мне сдержать слово!

Сафа Сааджа ответил царю:

— Отец, ваша воля для меня закон! Снарядите меня как нужно, и я выполню ваше поручение.

На другой же день юноша поехал к морю и увидел на песке и даже на камнях глубокие следы конских копыт. Долго ехал по этим следам младший царевич. Но вот следы оборвались и исчезли. Присмотрелся юноша и увидел, что следы копыт еле виднеются в морской воде. Тогда юноша смело погнал коня в море, но конь уперся и не пошел в воду. Что же оставалось делать? Царевич повернул коня на берег, слез с него, сел на камень и задумался. Его мучила досада, что он не сумел выполнить отцовское поручение.

Пока он размышлял, как ему быть, с ним поравнялся какой-то человек верхом на муле, белом, как морская пена.

— Добрый день! — сказал ему проезжий и поехал дальше по морю, как по полю.

Юноша, погруженный в раздумье, не успел ему ответить на приветствие. Но когда он увидел, что тот едет по морю, как по суше, очнулся и крикнул:

— Задержись, добрый человек, выслушай мою просьбу!

— А что тебе нужно? — отозвался тот.

— Я тоже хотел бы переехать через море, но мой конь для этого не годится. Перевези меня на своем коне.

— Хорошо, — ответил всадник. — Ты хоть и молодой, но смелый, и я исполню твою просьбу.

Он посадил юношу на мула позади себя, и они переехали море. После этого всадник свернул в сторону, а юноша нашел нужные ему следы и пошел по ним. В пути он проголодался, и когда увидел в стороне хижину, свернул к ней. В этой хижине жила одинокая старуха. Завидев юношу, она спросила:

— Нан*-лучезарный, что тебя привело ко мне?

— Мать моя, — ответил юноша, — я пришел из-

за моря и иду к человеку, который осчастливил моего отца.

— Не ходи туда, сынок! — воскликнула старуха. — Тот, к кому ты идешь, — злой человек, он не пощадит тебя!

— Нет, мать моя, — сказал юноша, — пусть я не вернусь живым от него, но раз я взялся за что-нибудь, то не отступлю от своего решения!

Старуха сварила абысту* и накормила юношу.

Когда юноша поел, он сказал:

— Ты уже знаешь, куда я иду. Объясни, пожалуйста, как лучше мне туда пройти.

— Следы, по которым ты шел, скоро исчезнут, — ответила старуха. — Там начинаются владения того, к кому ты идешь, а на своей земле он следов не оставляет. И вот там ты увидишь старую хижину. В этой хижине у очага сидит древняя старуха. Ты пророй под хижинной землю так, чтобы, когда вылезешь, очутиться прямо перед старухой. Не давай ей опомниться, поцелуй старуху и скажи: «С этого дня я твой сын, ты моя мать и должна мне во всем помогать». Она и даст тебе совет, как поступать дальше. Вот тебе в подарок заступ — он может порой оказаться нужнее меча.

Юноша поблагодарил старуху и пошел дальше.

Долго он шел, пока наконец не увидел старую хижину. Подкрался юноша к ней, заглянул в щель. У очага сидела согнувшись древняя старуха и что-то бормотала.

Быстро он сделал подкоп, очутился в хижине и поцеловал старуху. Но в этот миг старуха вздохнула и чуть не проглотила юношу.

— Да падет мое горе на твою голову! — вскричала она. — Теперь я не смогу съесть тебя! Ну что ж поделаешь, не за всеми бегают удача. Скажи мне, кто ты и что тебе от меня надо?

Царевич рассказал ей все: как у его отца не было детей, как пришел к нему незнакомец и принес царю счастье, и добавил, что он идет к тому человеку.

Старуха ответила:

— Не следовало бы тебе идти к нему... Но раз пошел, не смеешь возвращаться, как жалкий неудачник. Своей смелостью ты мне пришелся по душе, и я расскажу тебе, как выпутаться из сети, в которую ты можешь попасть. Знай, что этот человек аджнъш*. Он заманивает к себе людей и, если они ему не угодят, пожирает их. У него семь дочерей, но нет ни одного сына. Иди дальше, пока не дойдешь до реки; спрячься в кустах на берегу. Туда прилетят шесть дочек аджнъша. Они сбросят голубиные перья и будут купаться. Потом они опять станут голубками и улетят. Только берегись, не присматривайся к девушкам! А то у тебя потемнеет в глазах, и ты упустишь из виду старшую. Имя ее Санта Сааджа. Она прилетит позже в виде орлицы. Когда она превратится в девушку и войдет в воду, сумей схватить ее орлиные перья. Если это тебе удастся, девушка будет в твоих руках и поможет тебе во всем. Но ты не отдавай ей орлиные перья до тех пор, пока она не поклянется исполнить все, что ты у нее попросишь.

Царевич поблагодарил старуху за совет, распрощался с ней и пошел к реке. Здесь он спрятался в камыше и стал ждать.

Вскоре прилетели шесть голубок. Они сбросили свои перья и превратились в прекрасных девушек. Но царевич помнил предупреждение старухи и крепко зажмурил глаза. Девушки выкупались, обернулись голубками и улетели.

Вскоре царевич услышал шум крыльев, и на берег опустилась орлица, да так близко, что задела

крыльями верхушки камыша, в котором притаился юноша.

Орлица сбросила перья, стала красивой девушкой и вошла в воду. В ту же минуту царевич немешкая схватил ее орлиные перья. Девушка выкупалась, вышла на берег и стала искать орлиные перья, но не нашла. Села она, закрылась распущенными волосами и долго сидела так и молчала. И вдруг крикнула сначала гневно, а потом жалобно:

— Где ты спрятался, похититель? Отдай мне мои орлиные перья! Я недосмотрела и теперь готова расплатиться за свою ошибку!..

Царевич, не выходя из камыша, сказал:

— Поклянись помочь мне в том, о чем я тебя попрошу!

Когда девушка поклялась, царевич вернул ей орлиные перья и рассказал о том, как и зачем он пришел сюда.

— Ты и в самом деле смелый и проворный человек, если сумел переехать море и заслужил доверие двух старух, — сказала девушка. — Теперь мне не обидно, что ты подстерег меня. Я научу тебя, что надо сделать. Человек, которого ты разыскиваешь, — мой отец. У него очень крутой нрав, и надо, чтобы ты сумел к нему примениться. К нашему жилищу ты подойди, когда стемнеет. Сначала погаснут свечи в окнах у отца и у матери, затем в комнатах сестер. Дольше всех будет гореть свеча в моей комнате. Ты постучи в окно. Я тебя впущу, и мы решим, как поступать дальше. А я за это время кое о чем разузнаю...

Девушка обернулась орлицей и улетела.

Когда наступила ночь, царевич пошел к жилищу аджныша и стал следить за освещенными окнами. Постепенно стали гаснуть свечи. Наконец осталось

К мордовской сказке «Портной, медведь, черт и Вирява».

озаренным только одно окно. Юноша постучал в окно. Девушка впустила его и сказала:

— Слушай, что предстоит тебе завтра. Утром ты придешь к нам как гость. Отец спросит тебя, как поживают твои родители, что ты делал в дороге, а после беседы прикажет слугам зарезать быка и зажарить. Эту бычью тушу он тебе предложит съесть. А если ты вздумаешь отказаться, он скажет, что ты издеваешься над его гостеприимством, и может жестоко расправиться с тобой.

— Но ведь я все равно не смогу съесть бычью тушу,— сказал юноша.— При всем моем желании, с великим трудом, через силу, я, может быть, натошак съем разве что половину бычьей ноги, не больше. Как же мне быть?

— Не бойся! — ответила девушка.— Вот тебе платок. Когда ты почувствуешь, что есть тебе уже не вмоготу, вытри губы этим платком, и ты опять захочешь есть. А теперь ложись и спи спокойно. Когда начнет рассветать, я тебя выпущу. Ты где-нибудь поброди в сторонке от нашего дома, а затем иди как ни в чем не бывало к отцу.

Утром царевич пришел к аджнышу, и они приветствовали один другого. Аджныш расспросил его обо всем, а затем позвал слуг и приказал:

— Приготовьте гостю завтрак, да выберите быка пожирнее! Он проголодался с дороги.

Когда слуги зажарили быка, аджныш усадил юношу за стол и стал угощать. Царевич ел, пока не наелся, но, когда провел платком по губам, опять почувствовал голод. И так он делал каждый раз, когда насытится: проведет платком по губам — и снова голоден. Так он съел все, что было на столе.

— Теперь отдохни после дороги,— сказал аджныш и сам провел его в спальню.

«Ну и гость пришел ко мне! — подумал адж-

ныш.— С таким надо держать ухо востро. Придется, видно, извести его другим способом».

И он пошел посоветоваться с женой. Жена сказала ему:

— У нас во дворе нет ни одного дерева. Пусть твой гость вырастит посреди двора такую чинару, чтобы вся наша семья могла отдыхать в ее тени. А если он этого не сумеет сделать, значит, он обыкновенный человек и нам нечего его бояться. Тогда и расправься с ним.

Когда юноша проснулся, аджныш сказал ему:

— Я тебя прошу об одной услуге. У меня совсем пустой двор, и мне очень хочется, чтобы посреди его выросла тенистая чинара, такая, чтобы вся моя семья могла в зной под ней укрыться. Ты, конечно, сможешь это для меня сделать?

Юноша подумал и сказал:

— Хорошо, выращу чинару. Но раньше мне надо будет поискать семена. Этим я сегодня займусь, а завтра посреди твоего двора появится тенистая чинара.

Аджныш отпустил юношу.

Вышел юноша и думает: «Вечером увижу девушку и спрошу у нее, что мне делать. Может быть, она меня и в этот раз выручит».

Поздно вечером, когда все огни в доме аджныша погасли, царевич пришел к девушке и рассказал о выдумке ее отца.

— Ну как я смогу вырастить за одну ночь тенистую чинару? — спросил он, опустив голову.

— Не горюй, я тебя научу, как поступить, — сказала девушка. — Возьми вот эту палку, а завтра утром пойди и воткни ее в землю посреди двора, потом полей тремя кувшинами воды. Когда ты станешь поливать, придет отец и скажет тебе: «Желаю удачи в твоей работе!» Но ты не отвечай, пока все

три кувшина не выльешь на палку. Когда сделаешь это, тогда только и отвечай на приветствие. Отец рассердится, но ты ему скажи так: «Если бы я ответил до окончания работы, она бы не удалась». Тут чинара начнет быстро расти, и ее ствол тебя закроет. Отец повернется и уйдет. А ты сейчас же беги ко мне, я тебя спрячу за пологом. Ночью мы оба сбежим, потому что отец придумает еще что-нибудь такое, с чем я не справлюсь, и тогда он тебя непременно погубит. А я не хочу, чтобы ты погиб: я полюбила тебя и хочу быть твоей женой. Ночью ты проберись в конюшню и выведи двух лошадей: белую и вороную. Белую никто не обгонит днем, а вороную — ночью. Когда эти лошади в паре, они не отстают одна от другой.

Царевич сделал все так, как говорила ему девушка. Перед тем как пуститься в путь, девушка взяла в дорогу флягу с водой, мешочек орехов и связку кукурузных початков.

В ту ночь ее мать увидела во сне, что в доме случилось несчастье. Она проснулась, разбудила мужа и говорит ему:

— Я видела плохой сон. Должно быть, у нас в доме что-нибудь неладно. Вставай и обойди все комнаты!

Аджныш встал, обошел дом и обнаружил, что его старшая дочь исчезла. Он пошел к жене и рассказал ей об этом.

— Айт, ты старый негодник! — закричала жена. — Во всем виноват ты! Ведь это ты нам на позор избаловал эту негодницу... Сейчас же скачи в погоню и привези ее обратно! А дрянного бродягу, с которым она сбежала, убей, иначе я сживу тебя самого со света!

Аджныш сейчас же вскочил на своего огненного коня и пустился в погоню.

Пока аджныш бродил по дому да разговаривал с женой, беглецы успели ускакать далеко.

Мчались они изо всех сил, но, когда посмотрели назад, увидели, что аджныш догоняет их на огненном коне.

— Ах! — воскликнула девушка. — Какую я сделала ошибку! Ведь я забыла тебе сказать, чтобы ты спрятал уздечку огненного коня. Боюсь, что на нем отец нас нагонит. Но ничего... может быть, у отца не на все хватит догадки!

С этими словами девушка соскочила с коня и обратила его в часовню, а коня царевича — в каменную ограду. Сама она превратилась в попа, а юношу обратила в дьякона. Притворили они плотно дверь часовни и стали петь псалмы* старческими голосами. Аджныш подъехал к ограде часовни, слез со своего огненного коня, но в часовню войти не посмел. Он стоял до тех пор, пока поп и дьякон не перестали петь, а затем спросил их:

— Не проезжали ли мимо вас юноша и девушка на черной и белой лошадях?

— Как же, — ответил поп гнусавым голосом, — проезжали, только давно было это — в ту пору, когда я еще учил азбуку.

— Айт, вот как они обскакали меня! — с досадой воскликнул аджныш. — Гнаться за ними дальше — только зря время терять!

С этими словами аджныш вскочил на своего огненного коня и поскакал обратно.

Как только аджныш скрылся из виду, девушка вернула прежний вид себе, царевичу и коням, и они снова пустились в путь.

Между тем аджныш вернулся домой с пустыми руками.

— Почему ты не волочишь за волосы дочь? Где она? — набросилась на него жена.

Аджныш даже растерялся от такого громкого крика и рассказал жене о своей неудаче.

— Ой, ой! — закричала она. — Тебя надо бить головой об стену, чтобы ты мог догадаться о чем-нибудь! Ведь в часовне были они! Я сейчас сама поскачу в погоню!

Едва отдышался огненный конь, как жена аджныша вскочила на него и пустилась вслед за беглецами.

Много ли, мало ли прошло времени, стала она настигать их.

Оглянулась девушка и видит: мать догоняет их. Тогда она быстро выплеснула воду из фляги. И в тот же миг разлилась широкая бурная река, через которую огненный конь переплыл с большим трудом.

А беглецы тем временем умчались дальше.

Но вот спустя некоторое время жена аджныша опять стала их догонять. Тогда девушка бросила за спину початки кукурузы. И тут же выросла такая густая и высокая кукуруза, что огненный конь едва через нее пробрался и снова стал настигать беглецов. Тогда девушка раскидала каленые орехи. И сейчас же поднялись такие высокие и скользкие горы, что уставший огненный конь не смог перескочить через них. У него пошел дым из ноздрей, он стал спотыкаться, и жена аджныша свалилась с его спины. Поняла она, что ей уже не захватить дочь, и крикнула ей вдогонку:

— Проклинаю тебя! Едва ты увидишь свой новый дом, как превратишься в лягушку!..

Долго скакали еще юноша и девушка, опечаленные проклятием матери.

Когда они были у рощи, уже близко от царского дворца, царевич сказал:

— Вот дом моего отца, где мы будем жить!

Девушка подняла голову, увидела высокую крышу дворца и в тот же миг превратилась в лягушку. Она едва успела сказать юноше:

— Жди меня три года! — и исчезла в траве.

Царевич очень горевал, потеряв девушку, но что поделаешь... Он вернулся домой, а царь на радостях устроил пир.

Царевич жил в тоске, ожидая, когда минует три года. С нетерпением он считал дни и при этом ошибся на три дня в счете. И вот, когда наступил, как он думал, конец третьего года, Санта Сааджа не появилась. Царевич пришел в полное отчаяние. Родители не знали, как его утешить, и сказали:

— Если ты женишься, забудешь о своем горе и станешь опять радостным и веселым! Мы уже давно присмотрели для тебя красивую девушку.

Царевич не стал спорить. Он позволил родителям обвенчать его как раз на третий день с той девушкой, которую они для него выбрали.

В этот самый день дочь аджныша Санта Сааджа сбросила лягушечью кожу и спешила встретиться со своим возлюбленным. Но едва она покинула рошу, как увидела издали свадебное шествие и жениха — Сафа Сааджу. Загоревала она и подумала: «Не дождался он меня, как обещал. Видно, разлюбил и не хочет меня знать...»

Но девушка все же не могла себя заставить уйти из этих мест. Она опять превратилась в лягушку и направилась к старухе, которая жила недалеко от царского дворца. Старуха сидела у очага, когда появилась лягушка. Увидя ее, старуха крикнула:

— Что тебе здесь надо? — Она поддела лягушку веником и вынесла ее за дверь.

Но лягушка вернулась. Старуха опять ее вынесла, но лягушка пришла снова и села у очага.

Она квакнула, и из ее рта выскочил золотой. Обрадованная старуха подняла его.

— Да это, никак, золото? Сейчас узнаем! — сказала старуха и побежала в лавку.

В лавке она накупила все, что хотела, и вернулась домой с полными руками. Тут она стала ухаживать за лягушкой, словно за родной внучкой.

Прошло немного времени, и старуха, которая кормилась объедками с царской кухни, стала жить в таком достатке, что все начали ей завидовать.

Старуха не скрывала, откуда ей привалило счастье. Об этом узнали соседи, и слух о чудесной лягушке дошел и до царевича. Он сразу догадался, что это за лягушка. В отчаянии и горе царевич клял себя за опрометчивость. Но кто мог помочь ему забыть горе?..

Он перестал разговаривать с женой, избегал родных и уходил на целые дни в сад. Там он ложился под деревом и тосковал о своем потерянном счастье.

Девушка-лягушка Санта Сааджа узнала об этом от старухи и попросила ее достать двух дроздов. Этих дроздов она обучила исполнять ее приказания и сказала им:

— Летите сейчас же в царский сад, сядьте на дерево, под которым будет лежать царевич, и затейте между собой драку. И тот, кто окажется слабее, пусть скажет победителю: «Как Санта Сааджа не простила измену Сафа Сааджа, так и я не прощу тебе моего поражения!»

Дрозды прилетели в сад и сели на дерево. Когда царевич пришел и лег под это дерево, дрозды затеяли драку и стали немилосердно клевать друг друга, так что перья полетели в стороны. Скоро один из них свалился на землю около царевича. Оправившись, он крикнул победителю:

— Как Санта Сааджа не простила измену Сафа Сааджа, так и я не прощу тебе моего поражения!.. И, прихрамывая, он скрылся в кустах.

Когда царевич услышал, что сказал дрозд, его охватило еще большее отчаяние. Но дрозды уже скрылись, и он ничего не мог узнать.

Между тем его жена тоже узнала, что у старухи живет Санта Сааджа, бывшая невеста царевича, обращенная в лягушку, и что поэтому так горюет ее муж. Она притворилась тяжелобольной и слегла. Обеспокоенный царь стал ее спрашивать:

— Чем можно тебе помочь, дорогая невестка?

— А вот чем,— ответила она.— У нашей соседки-старухи есть лягушка. Поймайте ее и бросьте в огонь. Это она наслала на меня болезнь.

Старый царь приказал своим людям схватить лягушку. Ее схватили, бросили в огонь и сожгли, только одна косточка выпала из огня на пол. Когда подметали пол, эту косточку вместе с сором вывели за порог. Пошел дождь, косточку смыло водой, она очутилась в реке и обратилась в золотую рыбку.

Старуха, у которой жила лягушка, очень горевала, потеряв свою кормилицу. Однажды она пошла на речку за водой. И вот тут к ней подплыла золотая рыбка и сказала:

— Не печалься о своей лягушке! Я была лягушкой, а теперь стала золотой рыбкой!

Старуха не могла скрыть своей радости и сейчас же рассказала всем об этом. Вскоре и злая жена царевича узнала, что лягушка стала золотой рыбкой. Она опять притворилась тяжелобольной и сказала озабоченному старому царю:

— Если не поймают золотую рыбку, которая появилась в реке, и я ее не съем, то знайте, что я умру!

Царь послал рыбаков на реку. Рыбаки закинули сеть, поймали рыбку и принесли во дворец. Но разве можно съесть рыбу так, чтобы ничего от нее не осталось? Когда ее чистили, один плавничок упал под стол. Его вывели во двор — и вдруг во дворе выросло большое красивое дерево.

Царская невестка сразу догадалась, что ей так и не удалось погубить свою соперницу. Она опять притворилась больной и потребовала, чтобы срубили и сожгли дерево, которое заслоняет ее окно.

Дерево срубили и сожгли. Когда его рубили, одна щепка отлетела далеко в сторону. Как раз в то время мимо проходила старуха. Она увидела хорошую щепку, подобрала ее и принесла домой. Прошло немного времени — щепка обратилась в девушку.

Старуха очень ей обрадовалась, и девушка осталась жить у нее в доме. Она рассказала старухе все, что случилось с нею и с царевичем.

— Что же ты не сказала мне об этом раньше! — воскликнула добрая старуха.

Она сейчас же побежала к дворцу и стала выслеживать царевича.

Когда он остался один, старуха подошла к нему и рассказала о том, что Санта Сааджа, его возлюбленная, вернулась, что она жива и здорова.

Обрадованный царевич сейчас же пошел к отцу и открыл ему все: как попал он к аджышу, как Санта Сааджа спасла его от верной гибели.

— Я так тосковал по этой девушке, — сказал он, — что ошибся в счете на три дня. Она не появилась, и я от отчаяния и досады согласился жениться на другой. Лягушка, которую сожгли по наущению моей жены, рыбка, которую она съела, дерево, которое приказала срубить, — все это была моя прежняя возлюбленная Санта Сааджа!

— Ах, вот как! — вскричал царь. — Ну так пусть злая невестка убирается из нашего дома! Знать ее больше не желаю!

И жену царевича прогнали.

После этого царь устроил свадьбу сына с Сантой Сааджа.

Претерпев столько испытаний, узнав столько горя, они зажили дружно и счастливо.

ОХ И ЗОЛОТАЯ ТАБАКЕРКА

Белорусская сказка

ил себе сирота Янка, сын лесника. Отец и мать у него умерли, а родных никого не было. Так и жил он один в лесу, в отцовской хатке. А чтоб было веселей, держал пестрого котика.

Привык к нему котик. Бывало, куда хозяин идет, туда и он.

Пошел раз Янка собирать хворост. Ну, понятно, и котик за ним. Набрал Янка вязанку хвороста, несет домой, а котик тащит за ним сухую веточку.

Уморился Янка, присел на пенек отдохнуть, подумал, как тяжело жить ему на свете, и громко застонал:

— Ох, ох!..

И только он так сказал — выскочил из-под пня маленький старичок с длинной бородой.

— Ты зачем меня звал, хлопец?

Посмотрел Янка в испуге на него и говорит:

— Нет, дедушка, я не звал тебя.

— Как не звал? — заспорил старичок. — Я ж не глухой! Ты два раза назвал мое имя: Ох, Ох... Теперь ты должен мне сказать, что ты от меня потребуешь.

Подумал Янка и говорит:

— Ничего мне не надо. Вот только голодный я очень. Коли есть у тебя кусок хлеба, то дай.

Ох нырнул назад под пень и тащит оттуда кусок хлеба и миску щей.

— На,— говорит,— поешь.

Наелся сирота, котика накормил и низко поклонился старичку:

— Спасибо, дедушка, за обед: давно я такой вкусной еды не едал.

Взвалил он на плечи свой хворост и пошел веселее домой.

Прошел день, второй, опять голод одолевает. Вспомнил Янка про старичка. «Пойду,— думаю,— может, он накормит меня еще раз».

Пришел к тому самому месту, сел на пенек и вздохнул:

— Ох!

Выскочил старичок.

— Что скажешь, хлопец?

Поклонился ему Янка:

— Я голодный, дедушка. Может, дал бы ты мне кусок хлеба?

Вынес ему старичок тотчас кусок хлеба и миску щей.

Так с той поры и пошло: захочется Янке есть — он и идет к старичку.

Раз вынес ему старичок вместо обеда золотую табакерку.

— Вот что, хлопец,— говорит,— не беспокой меня больше: я уже стар и обед мне носить тяжело. Возьми эту табакерку. Если тебе что понадобится, ты открой ее, и мой слуга мигом явится перед тобой. Он не хуже меня выполнит все, что ты прикажешь.

Взял Янка золотую табакерку, поблагодарил от всего сердца старичка и пошел, приплясывая, домой. Открыл он дома золотую табакерку — выскочил из нее маленький человечек, но не такой, как дедушка Ох, а молодой да прыткий.

— Что прикажешь? — спрашивает Янку тоненьким голоском человечек.

— Дай мне, братец, чего-нибудь поесть.

И вмиг поставил человечек на стол миску щей, положил большой ломоть ржаного хлеба, а сам скок в золотую табакерку и закрылся.

Пожил так Янка некоторое время, и захотелось ему по свету походить, людей повидать, себя показать, а то ни разу он нигде, кроме своего леса, не бывал.

Взял он золотую табакерку, кликнул котика и тронулся в путь.

Много обошел он деревень, городов, много чудес повидал и пришел наконец к синему морю. Видит — лежит на морском берегу серебристая рыбка. Видно, волной ее выбросило во время прибоя. Трепыхается рыбка, бьется о камни, а никак назад в море попасть не может.

Пожалел Янка бедную рыбку. Взял он ее потихоньку и бросил в море.

Плеснула рыбка хвостиком, глотнула воды, очнулась, а потом высунула из воды головку и говорит голосом человеческим:

— Спасибо тебе, добрый молодец, что спас ты меня от смерти. Может, и я когда-нибудь тебе помогу.

Усмехнулся Янка:

— Зачем мне, рыбка, твоя помощь: у меня в кармане не такой помощник есть.

Но рыбка уже не слышала его.

Пошел он дальше. Вдруг выбегает из норки серая мышка.

Котик цап ее за спину и хотел съесть.

Жаль стало Янке мышку. Был он такой, что всех жалел: помнил, как прежде трудно ему жилось. Взял он мышку, погладил и посадил в карман, а потом вынул из торбы хлебную корочку и бросил ей туда.

— Ешь,— говорит,— ты, поди, проголодалась.

Мышка и успокоилась, стала корочку грызть.

Идет он, идет по берегу моря, а тут и вечер наступил — надо искать ночлег. Видит — высится на горе большой дворец. «Нет,— думает Янка,— туда меня не пустят». Пошел он дальше. Глядь — стоит у моря маленькая рыбацья хижинка. Зашел Янка в рыбацью хижинку и попросился переночевать.

— Хорошо,— говорит хозяин,— ночуй. Мне веселей будет.

Разговорился Янка с хозяином.

— Что это за дворец был по дороге? — спрашивает он у хозяина.

— Это дворец королевский,— говорит хозяин.— Там живет сам король. Да вот недавно случилась у него беда: прилетел полночью морской змей, схватил его дочь и унес на свой заколдованный остров, куда ни дойти, ни доплыть. Король теперь прямо волосы на голове рвет. Объявил по всему королевству: кто, дескать, вернет ему дочь, за того и выдаст ее замуж и все королевство после

смерти своей отпишет. Много наезжало сюда разных княжичей да королевичей, но никто до острова того добраться не смог: морской змей такую волну подымает, что ничего не поделаешь...

Вспомнил Янка о своем волшебном помощнике из золотой табакерки и говорит рыбаку:

— Передай, если можешь, королю, что завтра ни свет ни заря он свою дочку увидит.

Пошел рыбак и рассказал о том королю. Позвал король к себе Янку. Посмотрел на него, пожал плечами. «Неужто,— думает,— этот простой мужик сделает то, чего княжики да королевичи не могли сделать? Не может этого быть!» Но королю так хотелось увидеть свою дочь, что он решил попытаться счастья еще раз. Вот и спрашивает он Янку:

— Правда ли, хлопец, что ты берешься вызволить дочь мою из неволи?

Поклонился Янка королю и отвечает:

— Правда, пане король. Я лгать не умею.

— Ну смотри,— говорит король,— чтобы завтра до восхода солнца моя дочь была у меня, а не то велю разорвать тебя железными боронами.

— Ладно,— согласился Янка.— Пусть будет по-твоему.

Вышел он из дворца, открыл золотую табакерку. Выскочил из нее шустрый человечек:

— Что прикажешь?

— Окажи, братец, милость: построй за ночь железный мост от дворца королевского до заколдованного змеева острова и поставь на нем золотую карету с шестериком. Завтра чуть свет я поеду на остров.

— Хорошо,— говорит человечек,— все будет исполнено, как ты просишь.

Вернулся Янка к рыбаку и спать завалился. Наутро поднялся он ни свет ни заря, глядь — пере-

кинут железный мост от королевского дворца до змеева острова, и стоит на мосту золотая карета, запряжена шестериком, и возле коней стоит его помощник с кнутом.

Подошел Янка к своему помощнику, вынул табакерку и говорит:

— Спасибо тебе, братец. А теперь ступай отдыхать, а то, видно, ты сильно уморился.

Человечек отдал Янке кнут, а сам спрятался в золотой табакерке.

Сел Янка в карету и поехал за королевною. Приезжает на остров, видит — стоит там большой темный замок и выглядывает из окна изумленная королевна. Давно не видела она людей и обрадовалась Янке, как брату родному.

— Кто ты таков? — спрашивает. — И зачем ты приехал сюда?

— Не спрашивай, панночка, — отвечает Янка, — а садись поскорей в карету. Поедем к отцу твоему.

Еще больше возрадовалась королевна, услышав такие слова.

— Но я ж не могу через дверь выйти, там треклятый змей спит. Он ночью за добычей летает, а днем у дверей отдыхает.

— Так лезь через окно.

— Боюсь.

Подставил Янка руки:

— Прыгай!

Прыгнула королевна из окна и прямо к нему на руки. Схватил ее Янка, усадил в карету и помчался молнией к королевскому дворцу.

Услыхал змей грохот, вскочил, глядь — нет королевны... Он — вдогонку. Бежит, аж мост дрожит, огонь из пасти пышет...

Оглянулся Янка — гонится вовсю за ним змей.

Вот-вот нагонит. Давай парень тогда кнутом лошадей хлестать. Те рвутся вперед во всю прыть лошадиную.

Примчался Янка к берегу, высадил королевну из кареты, потом открыл потихоньку золотую табакерку и велел своему помощнику снести мост. Человечек вмиг снес мост, а заморенный змей упал в глубокое море и захлебнулся.

Тем временем проснулся король, глянул в окно — глазам своим не верит: ведет Янка ко дворцу его дочь!

Выбежал король навстречу, стал дочь обнимать, целовать. Уж так счастлив, так рад.

— Ну, парень, — говорит он Янке, — порадовал ты меня. Отдам тебе за это дочь свою в жены и отпишу вам после своей смерти все королевство.

Сыграли свадьбу, и стал сирота Янка мужем королевны. Все его любили, только одна королевна искоса на него поглядывала: не по душе ей, что сделалась она женою простого мужика. Вот и пристала она однажды к мужу:

— Скажи мне, кто тебе мост построил, по которому ты меня привез?

Янка все отмалчивался, отнекивался, да не дает ему жена покоя.

— Помру, — говорит, — если не признаешься.

Что тут делать — признался Янка и показал жене золотую табакерку.

— Только поклянись, — говорит, — что ты никогда ее без меня в руки не возьмешь.

Жена поклялась, а потом и говорит:

— Хочу жить с тобой в замке на острове. Вели своему помощнику, чтобы мост построил.

Не стал Янка ей перечить: открыл при жене табакерку, велел помощнику — и построился мост.

Переехали они в змеев замок. Жена говорит:

— Не снимай моста: мы будем по нем на берег ездить — к отцу в гости и куда вздумается.

Прожили они несколько дней в замке. Захотелось Янке поехать на охоту. Взял он лук, котика и мышку, чтоб в дороге веселей было, и поехал по мосту.

Только сошел на берег, глядь — не стало за ним моста! «Что за диво?» — думает Янка. Хватъ за карман, а там нет табакерки... Котика взял, мышку взял, а табакерку забыл...

Тут обо всем он и догадался. «Вот тебе и королевнина клятва! — подумал про себя Янка. — Я пожалел ее, из беды выручил, а она мне за мое добро злом отплатила. Придется теперь опять возвращаться в свою избушку да голодать, как прежде».

Сел он на морском берегу и от обиды даже заплакал.

Вдруг слышит — мышка в кармане скребется. Высунула оттуда головку и спрашивает:

— Ты чего плачешь, добрый человеке?

Рассказал ей Янка про свое горе.

— Ничего, — утешает его мышка, — такую беду мы избудем.

Пошепталась она о чем-то с котиком, потом уселась к нему на спину, и поплыли они по морю. Доплыли до замка. Спрятался котик в саду, а мышка пролезла сквозь щелку в покои королевны.

Долго она там сидела, высматривая, где прячет королевна табакерку. И подглядела-таки — в деревянном ларчике!

Ночью, только королевна улеглась спать, прогрызла мышка ларчик, схватила табакерку и побежала к котiku в сад.

— Нашлась, — говорит, — золотая табакерка!

— Так садись скорей ко мне на спину! — велел котик. — Поплывем назад.

Села мышка ему на спину, и поплыл котик, пофыркивая, по волнам.

Доплыли они почти до самого берега. Спрашивает котик у мышки:

— А ты не потеряла табакерку?

— Нет,— говорит мышка,— вот она!

Подняла табакерку, чтобы показать котику, да не удержала — табакерка и бултых в море!

— Ах ты, разиня! — рассердился котик.— Что ж ты наделала?

Выплыл он на берег и схватил мышку зубами за спину:

— Я тебя задушу!

Увидел это Янка, отобрал у котика мышку. А как узнал, что случилось, то сел у моря и сильно пригорюнился — так жаль было ему табакерки!

Вдруг выплыла из моря серебристая рыбка:

— Ты о чем, человеке, горюешь? Расскажи мне — может, я тебе чем помогу, ведь ты избавил меня когда-то от смерти.

Поглядел Янко — и узнал ту самую рыбку.

— Эх! — тяжело вздохнул он.— Великая у меня потеря...

И рассказал рыбке про свое горе. Выслушала его рыбка и говорит весело:

— Это что за беда! У меня тут в море табакерок сколько хочешь. Я буду выбрасывать их, а ты гляди, какая твоя. Свою возьми, а мои назад мне верни.

Плеснула рыбка хвостом и нырнула на дно моря.

Вскоре начала она выбрасывать на берег табакерки — серебряные, золотые, бриллиантовые. У Янки прямо в глазах зарябило от табакерок. Начал он к ним внимательно приглядываться и — увидел-таки свою. Обрадовался Янка, кинул в море лишние табакерки и крикнул рыбке:

— Спасибо тебе, рыбка! Выручила ты меня из беды.

Взял он свою золотую табакерку и пошел по свету вместе с котиком и мышкой искать лучших людей.

КАК КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН ЗА СОЛНЦЕ РАБОТАЛ

Чувашская сказка

Огда-то, давным-давно, в одной крестьянской семье родился сын. Парень рос крепким, здоровым, сообразительным. А когда вырос, родители решили женить его. Молодец всем взял — и умом, и статью, и красотой, и за него высватали дочь богатого человека. Родители невесты дали в приданое семь лошадей, семь коров и много, без счета, овец.

Хорошо зажили молодые. Но не прошло и двух лет, как жена померла. Овдовевший молодец погоревал, потужил, а потом снова женился. В приданое и за этой женой он получил семь коней, семь коров и без счета овец. Но молодцу, крестьянскому сыну, опять не повезло: вскоре и эта жена померла.

Так он женился семь раз и за каждой новой невестой получал в приданое по семь лошадей, семь коров и много, без счета, овец.

Померла у незадачливого мужа и седьмая жена. А вслед за ней умерли у молодца и его старые родители. Остался он хозяином целого табуна лошадей, стада коров и несметного, нескитанного числа овец. Однако же счастье по-прежнему обходило его стороной. А тут еще беды и невзгоды одна за другой посыпались на его голову.

Как-то нежданно-негаданно напал на коров и лошадей мор, а через небольшое время всех овец передушили волки.

Развевалось, как пыль по ветру, все богатство нашего молодца. Остался у него лишь большой дом с надворными постройками да сад с озером посредине. За садом — что еще делать? — он и начал ухаживать.

Много ли, мало ли прошло времени, заметил хозяин, что в его сад повадились летать на вечерней заре три сизые голубки. Решил он подкараулить голубей и поглядеть, что они делают в его саду. Как-то, под вечер, затаился он в кустах, дождался прилета птиц и видит — голубки превратились в девушек, сбросили платья и стали купаться в озере. Молодец тихонько подкрался, взял платье одной из девушек и унес в кусты.

Искупавшись, девушки вышли из воды. Две из них оделись, превратились в голубей и улетели, а третья, не найдя своего платья, взмолилась:

— Отдай мне, добрый молодец, мое платье!

— Вы купаетесь в моем озере и, как знать, может быть, заколдовали воду, — ответил девушке хозяин сада. — А эту воду мы и сами пили, ею же и скотину поили. Не из-за того ли померли у меня жены и напал мор на коров и лошадей?

— Нет, мы не колдуньи, — сказала девушка. — Мы прилетаем сюда потому, что место здесь уж больно красивое.

Поверил молодец словам девушки и спросил:

— А тогда не знаешь ли, почему не живут мои жены и перестал водиться у меня скот?

— Я-то не знаю,— ответила девушка,— но мать моя, может быть, и знает.

— Ладно, я тебя отпущу,— сказал молодец и отдал платье девушке.— Но где и как я тебя потом увижу?

— А ты сними лубок с молоденькой липки и дай мне нож,— ответила девушка.— Я буду отрезать лубок по маленькому кусочку и бросать на дорогу. По этим кусочкам ты и найдешь наш дом.

Хозяин сада срезал молоденькую липу, снял с нее кору и вместе с ножом отдал девушке. Та отрезала один кусочек лубка, другой и скрылась из виду.

Отправился по условленному следу крестьянский сын в путь-дороженьку и только через семь лет пришел на место.

Оказалось, что девушки, прилетавшие голубками на озеро купаться, были сестрами самого Солнца. И сейчас же навстречу молодцу вышла их старая мать.

Крестьянский сын сказал старухе, зачем он пришел сюда. Та выслушала его и ответила:

— Не знаю, не ведаю. Сынок-то, Солнце, наверное, знает, но тебе нельзя его дожидаться: если он явится, то может погубить тебя.

Тут вмешались в разговор дочери:

— А давай, мама, к приходу брата спрячем этого человека. Брату же мы скажем сначала, зачем он к нам пришел, и, если брат не рассердится, покажем его. Если же братец будет не в духе, мы выпросим у него все, что надо, а потом, когда он утром снова уйдет, перескажем нашему гостю.

Так и сделали.

Поздно вечером заявилось Солнце, уставшее после тяжелой дневной работы.

— Похоже, к нам пришел какой-то человек,— сказало Солнце.— Как он осмелился, ведь я могу сжечь его, как простую соломинку!

Мать с сестрами начали уговаривать его:

— Зачем тебе жечь гостя, он и так убит горем и пришел к тебе за умом, за разумом.

— Ну, если так,— смилостивилось Солнце,— тогда готовьте поскорее еду и пригласите гостя — мы с ним вместе отужинаем.

Сестры приготовили ужин. Солнце посадило рядом с собой крестьянского сына, и они в добром состоянии провели остаток вечера.

Видно, чем-то глянулся Солнцу добрый молодец, крестьянский сын, потому что наутро оно сказало ему:

— День вчера выдался тяжелый, я очень устал. Может, сегодня походишь по небу вместо меня?

Крестьянский сын согласился:

— Отчего же не походить? Похожу.

Солнце одело его в свою ослепительную одежду, посадило на своего коня и наказало:

— Ты не погоняй коня, он сам знает, каким шагом надо идти. В пору раннего завтрака встретится тебе Пихамбár¹ с зеленой чашей в руках, наполненной сытой*. Ты не останавливайся около него и сыту не пей, а только поклонись ему и следи дальше. К позднему завтраку встретится тебе Пюлехсэ* с такой же чашей в руке, наполненной сытой. Не останавливайся и около него и не пей сыту, а поклонись — и дальше. В полдень встре-

¹ В этой сказке бог Пихамбар выступает как покровитель домашнего скота, повелитель волков; последних чувашки называли собаками Пихамбара.

тится тебе сам Тора с зеленой чашей в руке, наполненной сытой. И у него ты не пей сыту, а только поклонись и следуй дальше. Наконец, увидишь ты корм для коня. Коня хоть немного, но надо покормить, а уж потом можно пускаться в путь к дому.

Крестьянский сын выслушал Солнце, принял его облик и, ослепительно блестя золотыми одеждами, выехал в путь-дорогу.

Вот встретился ему Пихамбар с зеленой чашей в руке. Он стоял у дороги и терпеливо ждал, когда к нему подкатит Солнце. Поравнялся с ним молодец в образе Солнца, взял в свои руки протянутую чашу, выпил сыту, опрокинул пустую чашу на голову бога и поехал дальше.

Все повторилось и при встрече с Пюлехсе. Молодец-Солнце выпил сыту, надел пустую чашу на голову бога и поехал дальше.

А вот показался у дороги и сам великий Тора. Но и с ним крестьянский сын обошелся столь же непочтительно, как и с его младшими богами: выпил сыту, а пустую чашу нахлобучил на голову Торы.

Наконец встретилось место с кормом для коня. Молодец покормил коня и повернул к дому.

Тора же, после встречи с ним, подумал: «Что это случилось с Солнцем? Оно позволило себе неслыханную дерзость! Тут что-то не так. Пойду-ка расспрошу Пюлехсе». Но когда он начал рассказывать Пюлехсе о своей встрече с Солнцем, тот тоже пожаловался, что и его накрыл опрокинутой чашей.

Они вместе пошли к Пихамбару. Но и Пихамбар сказал:

— Меня Солнце тоже стукнуло пустой чашей по голове!

После этого уже ничего не оставалось, как

пойти всем втроем к Солнцу и потребовать от него объяснений.

Крестьянский сын еще не успел окончить свой рабочий день, а Солнце, ничего не подозревая, отсыпалось дома. Тора разбудил его и сказал:

— Чем это мы тебя прогневали, если ты нынче каждого из нас стукнуло чашей по голове?

Солнце со сна не сразу сообразило, о чем идет речь, потом ответило:

— Вчера у меня был трудный день, я очень устало и попросило походить за меня своего гостя. Но я не наказывало ему делать что-нибудь плохое!

Пока они так разговаривали, вернулся верхом на солнечном коне крестьянский сын. И только он успел показаться, боги начали выговаривать ему за его неслыханную дерзость.

— Пихамбара следовало бы стукнуть посильнее за то, что он не останавливал своих собак: волки всех моих овец передушили,— услышали они в ответ.

— Хорошо,— сказал Пюлехсе,— а меня за что ты чашей накрыл?

— Неужто не понимаешь? — ответил крестьянский сын.— За то, что не написал мне на роду прожить век с одной женой. Я семь раз женился, и ни одной жены не осталось в живых — разве это дело?

— Понятно,— подал голос Тора.— Но со мной-то, со мной как ты посмел так обойтись? Чем я тебе не угодил?

— А тем, что не предназначил мне счастливую жизнь. Родители мои жили как люди, а меня ты осудил на то, чтобы век свой горе мыкать.

Слушают боги крестьянского сына, а что возразить на его слова — не знают: ведь все, что он говорит, сущая правда. Стали они между собой советоваться, стали думать, чем заняться добру молодцу,

чтобы он поскорее разбогател и зажил счастливо. Тора сказал:

— Пусть он займется воровством — самый верный и короткий путь к богатству!

Пихамбар и Пюлехсе согласились с Торой: пусть крестьянский сын ворует.

А тот, услышав решение богов, вышел из чертогов Солнца, увидел оседланного коня Торы, мигом снял с него серебряное седло да и был таков.

Вышедший вслед за молодым Тора сразу же обнаружил пропажу.

— Что за чудеса — было седло, и нет седла! — возмутился Тора. — И у кого украли — у самого главного бога! Не иначе это дело рук мошенника, который за Солнце работал. Давайте нагоним его и отнимем седло.

Догнали боги добра молодца, спросили:

— Ты зачем, дерзкий, украл у самого Торы седло?

— Так ведь Тора сам определил, чтобы я жил воровством, — очень просто ответил крестьянский сын. — Я и подумал: если Тора не рассердится за пропажу и не будет искать ее, то не будут на меня сердиться и люди. Потому я и решил украсть сперва у Торы.

— Как же людям не сердиться на вора? — не выдержал Тора. — Каждому жаль своего добра!

— А если так, зачем же вы направили меня на путь воровства? — вполне резонно возразил молодец.

Опять крестьянский сын поставил богов в тупик. Думали они, думали, как им от него отделаться, и вот что предложил Пюлехсе:

— У одного царя есть дочь-красавица, но она от рождения слепа. А в том же царстве-государстве есть такая местность, где даже по берегам реки не

растет трава. Мы сделаем — что нам стоит! — так, что в той местности начнет расти трава. Мы сделаем, чтобы на выросшую траву три утра подряд выпадала роса, и пусть слепую царевну эти три утра водят на траву, собирают с нее в чашу росу и той росой обмывают ее глаза. Тогда царевна прозреет, и царь выдаст ее за нашего молодца. Молодец сразу станет и богатым, и счастливым!

— Так бы и сказал давно! — проворчал Тора. — А то ломаем голову как да что, а все, оказывается, можно устроить очень просто.

А крестьянскому сыну наказал:

— Слышал, что сказал Пюлехсе? Смотри, все исполни в точности. И не вздумай бить царя чашкой по голове, а то нам ведь только дел, что тобой заниматься!

Напутствуемый богами, крестьянский сын отправился в тридешатое царство, в котором жила слепая царевна. А придя в столицу того царства, стал шататься по трактирам и громко похваляться:

— Если бы царь отдал за меня свою дочь, я бы вылечил ее от слепоты!

За такую похвальбу, за то, что он лишний раз напоминал о горе царской семьи, стражники схватили молодца и на всякий случай посадили в кутузку. Однако молва о том, что выискался человек, который может вылечить царевну от слепоты, дошла до царского дворца. Царь вызвал молодца к себе и спросил:

— Правду ли говорят, что ты похвалялся вылечить мою дочь?

— Если отдашь ее за меня замуж, то вылечу, — ответил крестьянский сын.

— Только бы вылечил — отдам! — пообещал царь.

Крестьянский сын вместе с царевной отправился

на берег той реки; где не росла трава. Следом за ними туда пришло множество народу, чтобы увидеть чудесное исцеление царской дочери от слепоты.

Когда молодец с царевной пришли к реке, на ее берегах не видно было ни одной травинки. Но вот берега начали прорастать густой травой, а к вечеру сплошь покрылись зеленью. А к утру пала сильная роса. Росу собрали в чашу и омыли ею глаза царевне. Царевна сказала, что начинает видеть. Между тем трава поднималась все выше и гуще. На другое утро роса выпала еще обильней. Ее снова собрали в чашу и опять омыли глаза царской дочери. Царевна почти совсем прозрела, стала веселой и радостной. А трава все растет и растет. На третье утро роса пала уж и совсем небывалая. Ее опять собрали и опять дали умыться царевне. Совсем выздоровела девушка и стала еще краше, чем была.

Вернулся крестьянский сын вместе с невестой в царский дворец. Царь спрашивает у дочери:

— Видят ли теперь глаза твои?

— Когда мы подходили к городу, я за семнадцать верст увидела тебя на балконе,— ответила дочь.

Отец не поверил. Он вышел с дочерью на подворье, нарочно уронил среди щепок и сенной трухи иголку и принялся ее искать. Дочь спросила:

— Что ищешь, отец?

— Иголку обронил и вот никак не найду,— сказал царь.

— Да вон же она лежит! — сказала дочь, еще издали увидев иголку. Она тут же подняла ее и протянула отцу.— Эта?

Отцу ничего не оставалось, как ответить:

— Эта самая.

Царь сдержал свое слово, выдал прозревшую дочь за крестьянского сына и закатил пир на весь мир. А после своей смерти оставил царство своему зятю. Рассказывали, хорошо правил царством-государством крестьянский сын. Оно и понятно: уж если он мог за Солнце работать, то за царя-то и подавно.

ТРИ БРАТА

Абазинская сказка

ил на свете мудрый старик, который весь свой век служил у хана табунщиком. У него были три сына. Умер он и оставил им в наследство на всех одного коня. Но хоть и не оставил он сыновьям богатства, зато унаследовали они от старика его мудрость — выросли все трое умными. Да и конь им достался не простой. Не было в мире скакуна резвее. Шаг у него был ровный. С миской воды в руках на нем скачи — капли не прольется. Тело у него было стройное. Уши чуткие. В глазах радость светилась. Так хорош был этот конь, что не могли его конокрады не приметить. И вот однажды, когда братьев не было дома, сломали они стену в конюшне и увели коня.

— Если нет нашего коня, даром мы на свете живем, зря хлеб жуем,— сказали братья и отправились на поиски.

Много дорог они исходили, во многих аулах побывали, но нигде не могли найти пропажу. Пришли наконец как-то ночью в один аул и зашли в какой-то двор.

— Эй, кто есть в доме? — закричали братья.

Вышел из сакли сам хозяин и пригласил их войти.

— Откуда вы, гости? Куда идете? Что ищете?

— У нас украли коня, и его след привел нас к твоим воротам.

— А какой он, ваш конь?

— Конь у нас лучший на свете. Нет в мире резвее его. Шаг у этого коня ровный: с миской воды скачи — капли не прольешь. Тело у него стройное. Уши чуткие. В глазах радость светится...

Услышал хозяин эти слова — изменился в лице. А братьям сердце подсказывает: тут дело нечисто!

— Верни коня, и мы не будем тебе мстить, — пообещали они хозяину.

— Тот, кто сказал вам, что конь ваш здесь, обманул вас, — уверял хозяин.

— Мы не только знаем, где наш конь, — ответили ему братья, — мы можем угадать, что у тебя в руке.

«Ну-ну, — подумал тот, — дай-ка я их проверю!» Пошел, взял в руку орех и вернулся.

— Что у меня в руке?

— Мне кажется, у той штуки, что ты держишь в руке, кожа крепкая, — сказал, подумав, старший брат.

— А если кожа крепкая, может быть, оно круглое? — сказал средний.

— А если кожа крепкая и оно круглое — значит, это орех, — сказал младший.

Хозяин испугался, побледнел.

— Берите вашу лошадь и уезжайте, — попросил

он.— Только знайте: я ее не украл, а купил. И пусть принесет она вам счастье!

Братья обрадовались, что нашли своего коня, отправились в обратный путь.

Вот едут они домой и видят: в одном ауле собралось посреди большого двора много людей, шумят, о чем-то между собой спорят.

— О чем спор идет? — спросили братья.

— Умер у нас князь и оставил двух сыновей. И они никак не поделят между собой богатство. Уже целую неделю народ занят тем, что помогает им имущество делить. Созвали всех мудрецов, а толку не видно. Может, вы поможете?

Три брата посоветовались между собой.

— Попытаемся! — говорят.

Пригласили их в дом. А там сидят князя, да дворяне, да богачи... Встал навстречу братьям старший сын покойного князя:

— Рассудите нас, гости! Умирая, отец завещал нам все свое богатство — золото и серебро, табуны и отары, дома и конюшни, дедовское ружье и драгоценный камень изумруд. И взял он с нас три клятвы. «Если не удастся вам поделить между собой поровну золото, серебро и постройки, стада, табуны и отары,— сказал отец,— поклянитесь, что разделите все так, как поделил я сам в этом сундуке. Что наверху лежит — твое, старший. Что внизу лежит — твое, младший». И отец показал на сундук у изголовья... Стали мы имущество делить, и пошел у нас спор, и открыли мы сундук, как поклялись. А в сундуке, поглядите сами, сверху щепки да кости, а внизу одни черепки. Как же нам этот мусор между собой поделить? Не можем мы выполнить первую клятву...

А вторая клятва была такая. «Если станете ссориться из-за дедовского ружья,— сказал отец,—

пусть ружье достанется тому, кто меня больше любит». И в этом мы поклялись. Но ведь мы оба — сыновья своего отца, оба его любим. Как же нам быть? Кому отдать ружье?

И третья наша клятва была вот такая. «Изумруд надвое не расколешь,— сказал отец.— Пусть его получит тот из вас, кто правдивее». И на том дали мы клятву. И я не лжец, и брат мой не лгун. Кому же из нас двоих принадлежит изумруд?

Вот наш спор, почтенные гости, и мы боимся, что кончится он кровью.

— Нас здесь трое братьев,— сказал старший брат.— А у вас три тяжбы. Первую тяжбу я возьму на себя. Спор о ружье разрешит мой средний брат. А кому из вас присудить изумруд, подумает наш младший... Теперь скажите мне вы, сыновья князя, какое дело больше всего на свете вы любите?

— Мне больше всего по душе выводить чистокровных коней и растить отары,— сказал старший сын князя.

— А я больше всего люблю копить деньги,— сказал младший сын князя.

— Чем был ваш отец богаче: золотом и серебром или постройками и скотом? — спросил старший брат.

— Всего имел он поровну,— ответили сыновья в один голос.

— Тогда ваш отец поделил вас справедливо и мудро. Каждому из вас он назначил имущество по склонности. Кости и щепки — это скот и постройки. Он завещал их старшему сыну... Черепки — это серебро и золото. Он оставил их младшему сыну. Так говорит ваш сундук, и не надо вам ломать клятву.

Народ удивился мудрости старшего брата, а сыновья князя обрадовались.

— Спасибо! Мы очень довольны твоим решением,— поблагодарили они.

Закончилась первая тяжба, и встал теперь средний брат.

— Кому достанется ружье, я скажу завтра,— сказал он.— А пока привезите воз глины, замесите ее и оставьте меня одного.

Привезли воз глины. Замесили. Пошел средний брат к вдове князя и тайно попросил у нее княжескую одежду. Вылепил из глины статую и нарядил в княжеские одежды. А когда все было готово, прикрыл статую покрывалом и позвал княгиню.

— Похожа эта статуя на князя? — спросил он, подняв покрывало.

— Похожа,— ответила княгиня.

Вот в назначенный срок созвал всех средний брат и объявил сыновьям князя:

— Ружье достанется тому, кто больше любит отца.— Снял он покрывало со статуи и говорит: — Метьте прямо в сердце!

Взял ружье старший сын князя, хорошо прицелился и попал прямо в грудь статуи, туда, где сердце.

— Славно стреляешь! Меткий стрелок! — похвалил средний брат.

Зарядил ружье и протянул младшему сыну князя. Взял тот. Долго-долго целился. А потом вздохнул и опустил ружье.

— Что же ты? — спрашивают его.

— Не могу! — отвечает.— Я вспомнил отца, и у меня нет сил выстрелить.

— Ты истинно любишь отца. Ружье принадлежит тебе,— сказал средний брат.

Подивился народ уму среднего брата. И тогда встал младший брат.

— Теперь мой черед судить, кому изумруд

достанется,— сказал он.— Принесите сюда две миски воску.

Принесли, как он сказал, две миски воску.

— Я хочу знать, каков изумруд, завещанный вам отцом. Возьмите воск,— велел он сыновьям князя,— разойдитесь так, чтоб друг друга не видеть, и вылепите мне этот изумруд.

Много ли, мало ли времени прошло, зовет он княжеских сыновей обратно.

Старший сын князя вылепил из воска конскую головку.

А младший вернул миску нетронутой.

— Отец никогда не показывал нам своего изумруда. Как же я мог его вылепить? — сказал он.

— Хоть ты и уверял, что никогда не лжешь, все-таки лжец ты! — указал младший брат на старшего княжеского сына. И отдал изумруд младшему.

Так рассудили три брата все три тяжбы, что не под силу было рассудить множеству мудрецов, и отправились в путь. Вернулись домой, и коня своего любимого привели, и зажили мирно и дружно. Но была у них одна забота. Очень хотелось братьям иметь свою землю! А земля кругом вся в руках у князей да у богатеев.

И в ближних местах братья искали, и в дальних — нет ни клочка свободной земли... Думали они, думали и надумали. Были братья люди молодые, а хотелось им стать на вид людьми почтенными, чтобы принимали их с уважением.

Шесть месяцев братья бороды и усов не брили. Обросли, как медведи. Нарядились в домотканые черкески, наточили кинжалы, по два пистолета за пояс заткнули. Палки взяли и отправились к князю, у которого много было земли. Смело зашли во двор и крикнули во весь голос:

— Эй, кто в доме есть?

Встретил их слуга и, как глянул на лица, испугался, стал низко кланяться. Но опомнился все же, провел их в дом.

Сели гости, беседуют, а слуга стоит, во все глаза на них смотрит. Потом побежал и княгине докладывает: так, мол, и так, прибыли к нам гости, между собой разговаривают, но ртов у них нет, даже смотреть страшно.

— А это мы увидим, есть у них рты или нет,— сказала княгиня и велела подать гостям меду.

Поставили перед гостями столик-треножку, а на ней полное блюдо меду.

Гости рукава засучили, пальцы в мед макнули, по усам провели, усы закрутили, рты открыли и давай мед есть. Поели, умылись, и снова ртов у них не стало.

— Да,— говорит княгиня,— это, видно, гости почтенные. Князь вернется, сам их угостит на славу. А пока я угостить должна.

Кликнула княгиня служанку:

— Беги в курятник, поймай жирного петуха.

Пошла служанка, стащила с насеста за ноги самого жирного петуха. А братья видели это через окно.

— Домашнего глашатая уже свалили,— сказал старший брат.

— А коли свалили — значит, скоро на трехногой лошади прискачет,— откликнулся средний.

— Не видать ему счастья, коли прискачет,— добавил младший.— Мы его скрутим и через узкие ворота протолкнем.

Когда гости между собой так разговаривали, слуга возле них стоял. Рот разинул, слушает, а о чем говорят — не понимает...

Пошел, княгине доложил: так, мол, и так, гости друг другу загадки загадывают.

— Какие там загадки! — рассердилась княгиня. — Домашний глашатай — это наш петух. Трехногая лошадь — столик-треножка, на которой курятину подадут, а узкие ворота — это горло...

В полночь вернулся домой сам князь, и княгиня рассказала ему, какие у них в доме гости.

Всю ночь князь не спал, о гостях думал. Наутро зашел в кунацкую и, как увидел медвежьих лица трех братьев, удивился, даже назад отступил.

Приказал князь для гостей барана зарезать. Сам их угощал. И три дня резали для них по барану и шло в княжеском доме угощение. На четвертый день спрашивает князь:

— Откуда вы, гости? Какое дело у вас?

— Дай нам земли! — говорят братья. — Мы хотим земли! Много нам не надо. Хоть бы столько, сколько шкурами трех быков обхватим.

«Это еще по-божески!» — обрадовался в душе князь и говорит:

— Хорошо, дам вам земли, сколько просите!

— Смотри не передумай! — сказали братья. — Кто нас обманет, тому мы не прощаем!

— Я не из тех, кто своему слову изменяет, — гордо ответил князь. — Сказал — и кончено!

Убили братья трех быков, содрали с них шкуры и пошли на княжеское поле. Тут они шкуры разрезали сначала на ремни, а потом на тонкую дратву. Связали братья дратву в один шнур и пошли землю обхватывать. Как увидел князь такое дело — за волосы схватился, локти себе кусал...

— Эх, — говорит, — не думал я, что они так меня проведут!

Но что мог князь поделать! Нечего было ему

сказать! Отмерили братья себе большое поле и уже с тех пор никуда не ездили. Стали спокойно жить-поживать, свою землю пахать.

МЛАДШИЙ БРАТ АБОКОВЫХ

Карачаевская сказка

авным-давно, говорят, жили на свете шесть братьев Аббковых. Пятеро старших были смелые джигиты, а шестой — смирный да тихий. Кроме своих шести сыновей, воспитал их отец еще и приемыша — осиротевшего сына одного князя, бия.

Старшие братья славились храбростью: они бесстрашно сражались со злыми эмегёнами*, которые не давали покоя народу той страны: угоняли скот, пожирали людей и держали всех в постоянном страхе. А смелые братья выходили против них, отнимали награбленное добро и возвращали людям. Но эмегены были сильные противники. Одного за другим убили они пятерых братьев. Остались в живых только младший брат — скромный мальчик, которого почему-то считали дурачком, да приемыш — сын бия.

Старик-отец вскоре умер — не смог пережить

такого горя, а сын бия привел в дом жену, и возненавидела молодая невестка младшего сына старика лютой ненавистью.

— Видеть его не могу! Девай его куда хочешь,— твердит она мужу с утра до вечера.

И вот связали муж с женой младшего и бросили в глубокую яму, а соседям сказали: пропал, мол, наш младший. Где искать, не знаем. Соседи любили младшего брата за доброту и приветливость. Долго они разыскивали его, да так и не смогли отыскать. Но злой невестке и этого было мало. Думала она, думала и заставила мужа темной ночью вытащить младшего из ямы и отвезти в дремучий лес. Посадил его сын бия на клячу, сам сел на доброго скакуна и завез его в такой дремучий лес, куда нога человеческая не ступала.

— Подожди меня здесь, скоро я вернусь,— сказал он ему, а сам ударил коня плетью — и был таков.

Много ли времени прошло, мало ли, решил сын бия съездить в лес, посмотреть — жив ли еще младший сын старика, или его уже волки съели? Прискакал в ту самую глушь, на то самое место, где оставил младшего, и что ж видит? Сидит младший брат на траве жив-здоров, рядом с ним лежит мешок — артма́к, и кляча тут же пасется.

Когда младший увидел приемыша, он поднял артмак и взвалил его на спину своей лошади. Пошатнулась лошадь и упала.

— Видишь, брат мой, какого коня ты мне дал. Этой кляче даже артмак не под силу. Как же ей меня носить?

А потом достал младший из артмака богатую одежду, саблю и кинжал, оправленный в золото, оделся, снарядился и превратился в славного джигита. После этого вынул он из артмака колоколь-

чик, позвонил, и примчался к нему оседланный голубой скакун небывалой красоты.

Стоял приемыш, молчал от удивления, а потом соврал:

— Я за тобой приехал, поедem домой.

— Что ж, садись, брат, на своего коня, а я на своего,— говорит младший.— Только кто из нас впереди будет, а кто сзади?

— Езжай ты первым,— ответил приемыш.

И тронулись они в путь. Скакун младшего мчался, словно огонь, лошадь приемыша едва поспевала за ним.

Так ехали они долго, и что ни день встречались им табуны коней.

— Давай, братец, угоним этот табун! — говорил сын бия, как только видел какой-либо табун.

— Нельзя нам этих лошадей трогать. Я здесь бывал, знаю, чьи они. Угнать их — все равно что у слабой женщины кукурузную лепешку отнять.

А заехали они между тем уже далеко-далеко.

Встретился наконец братьям зеленый луг, на котором паслись кони красоты невиданной.

— Вот этот табун — эмегена, мы можем его угнать,— сказал младший.

Вытащил он из своего артмака аркан и направился к табуну.

Не успели они подъехать поближе, как вырвался из табуна жеребец и поскакал прочь. Однако джигит не зевал: метнул аркан и поймал жеребца. Подвел его к брату и спрашивает:

— Чего хочешь: табун гнать или жеребца вести?

— Поведу жеребца,— сказал сын бия.

— Ну води. Да держи крепко, не то в беду попадем.

— Буду держать.

Отдал младший свою добычу приемышу в руки, а сам табун погнал. Но тот не сумел удержать жеребца — ускакал он прочь.

— Что ж ты сделал? — говорит младший. — Теперь прилетит сюда на этом жеребце эмеген! Это его табун. Ну, делать нечего. Только не вздумай окликнуть меня по имени. Эмеген не должен знать, что я младший из Абоковых. А когда мы биться начнем, ты поймай жеребца, да смотри опять не выпусти.

— Валлах*, уж теперь не выпущу! — поклялся бийский сын.

Собрали они табун, тронулись в путь. К вечеру показалось вдали большое белое облако.

— Оглянись и скажи, что видишь? — велел младший бийскому сыну.

— Не то облако, не то туман к нам приближается.

— Не облако и не туман. Это пар из ноздрей жеребца, которого ты упустил. Я буду биться с эмегеном, а ты тем временем поймай жеребца.

Только успел он так сказать, подлетел к ним эмеген.

— Какой собачий сын осмелился угнать мой табун? — закричал эмеген. — Бывало, это делали братья Абоковы, но мы их всех побили.

— Кроме братьев Абоковых, разве нет людей, могущих сесть на коня? Это я угнал твой табун, — ответил младший.

— Бороться будем или камни бросать? — спросил эмеген.

— Если на силу свою надеешься — бороться!

Стали они бороться, и младший Абоков легко свалил страшного эмегена и зарубил его. А сын бия так испугался, что спрятался за камень и не смог поймать жеребца.

— Что же ты, братец, мешкал? — сказал с досадой младший. — Теперь прискачет на этом жеребце второй эмеген. Ну ладно! Уж в этот раз, пока я биться буду, поймай жеребца непременно! Да помни: по имени меня не называй.

И только он это успел вымолвить, как примчался на том жеребце второй эмеген, страшней и свирепей прежнего. Увидел он убитого эмегена и заревел:

— У, собачье племя! Кто осмелился убить моего брата и угнать наш табун? Когда-то нам Абоковы покоя не давали. Так мы их всех до одного побили.

— Я твоего брата убил! Я ваш табун угнал! — ответил младший.

— Бороться будем или камни бросать? — спросил эмеген.

— Коль на свою силу надеешься — бороться!

Долгой была схватка с эмегеном. Но все же свалил джигит его и снес голову. А сын бия совсем перепугался, и от страха взобрался на высокое дерево, и опять не поймал жеребца.

— Что ж ты, братец, так оплошал? — в сердцах сказал младший. — Нет мне от тебя никакой помощи. Отправляйся домой, пока цел. Да помни: не вздумай окликнуть меня по имени! Ведь сейчас прискачет сюда третий эмеген. Кто знает — он победит меня или я его? Если он верх возьмет, тебе тоже пощады не будет.

И отправился сын бия с позором прочь.

Но он только притворился, что возвращается домой. Нашел поблизости пещеру, спрятался и стал ждать, пока эмеген прискачет. А эмеген тут как тут. И был это самый страшный из трех эмегенов, самый свирепый. Как увидел его приемыш, упал наземь без памяти. Однако очнулся вскоре и стал подглядывать, как младший с эмегеном бьется.

Долго бились они, но все же удалось младшему схватить эмегена и ударить об землю. А сын бия посчитал, что эмеген убит, и выбежал с криком:

— Эй, младший из Абоковых, ударь его хорошенько!

Услышал эмеген имя Абоковых, поднялся, натянул лук, и ударила стрела прямо в младшего брата. Но он выхватил саблю и успел все-таки снести эмегену поганую голову.

— Ну, братец, вот ты и сделал то, чего я так боялся,— сказал джигит со стоном.— Трижды просил я тебя не называть мое имя. Садись теперь на моего коня, отпусти поводья и скачи. Конь сам доставит тебя куда надо. Там, где он остановится, выйдут тебе навстречу. Не рассказывай дурных вестей, скажи только: «Младший из Абоковых занемог и просит вас приехать».

Сел приемыш на голубого коня, отпустил поводья, и помчался конь быстрее ветра. Много ли он ехал, мало ли, но прискакал конь к богатой каменной сакле, громко заржал и стал бить копытом.

Выбежала тут на порог красавица, краше которой никогда не видел сын бия. Она попросила его войти в дом:

— Будь нашим гостем! Скажи, в чем нуждаешься? Чем можем тебе помочь?

— Младший из Абоковых занемог. Эмеген пронзил его грудь стрелой, и он уже, наверное, скончался.

Услышав такую весть, вскрикнула красавица и упала замертво. Тут вышел почтенный старик с белой бородой. Он поднял красавицу и унес в дом, а потом вернулся и сердито спросил:

— Эй, всадник, что за весть ты принес в мой дом?

— Младший из Абоковых ранен. Эмеген пронзил его стрелой, и он уже скончался, наверное.

— Глуп же он, коли с тобой дело имел! — проворчал старик.

Быстро оседлал он своего коня и приказал:

— Показывай дорогу!

Как огонь, летели их скакуны. Примчались они на место битвы, видят — младший из Абоковых совсем уже умирает. Спрыгнул старик наземь, зубами у него стрелу из груди вытащил, перевязал рану и посадил на эмегенова коня.

Погнали они перед собой табун, вернулись в дом старика. Младшего брата в постель уложили, и старик принялся искусно врачевать его. А сына бия как гостя принимали, угощали на славу: то кушанье, что сегодня ел, назавтра уже не подавали.

Когда стал раненый поправляться, позвал старик приемыша в комнату для гостей. Там было много красивых девушек. Они пришли приветствовать гостя.

— Узнаешь среди них ту, что вышла тебе навстречу? — спросил старик.

— Я узнал бы ее сразу, но здесь ее нет. Она лучше всех этих красавиц!

— Вот она! — сказал старик. — Она была прекрасней всех моих дочерей, но ты сразил ее страшной вестью. Она занемогла совсем и потеряла свою красоту. Твой поступок недостойн мужчины!

Потом повел его старик в свою кладовую, открыл сундук, полный золота, и велел:

— Бери сколько сможешь и уезжай!

Насыпал приемыш золота два полных кармана, и отправились они с младшим братом домой. Младший брат на эмегеновом коне едет и перед собой табун гонит.

По дороге младший сказал приемышу:

— Эмегены, которых я убил, погубили моих старших братьев. Все пятеро погибли из-за этого табуна.

Как стали к родному аулу подъезжать, младший брат слез с эмегенова коня, снял с себя богатый наряд и оружие, надел старую, рваную черкеску и принял свой прежний вид.

— Если кто спросит обо мне, смотри не болтай, что я пригнал табун и убил эмегенов, — наказал он приемешу.

Добрались они наконец до своего аула.

— Сын бия нашел младшего брата и пригнал табун коней! — радовались люди.

Но когда начали соседи у приемеша допытываться, как ему такая удача выпала, он не удержался:

— Этот табун пригнал он, младший брат.

Как увидела приемешева жена младшего живым, невредимым, опять решила известить его.

Собрались тем временем старейшины аула, пришли к младшему из Абоковых. Приветствовали его как равного.

— Что ж ты, — говорят, — сынок, несмышленишем прикидывался, нас, грешных, обманывал?

— Почтенные друзья моего отца! Всем вам ведомо, что старшие мои братья были смелые джигиты, богатыри. Пятерых убили эмегены. Один я остался жив — был в ту пору ребенком. Если б эмегены прослышали, что уцелел один из Абоковых, они бы и меня погубили. Я прикинулся дурачком, несмышленишем, чтоб не могли люди сказать: «Жив еще один из рода богатырей Абоковых!»

Похвалили старики юношу за его сметливость.

— А теперь, — продолжал он, — рассудите нас, друзья моего отца. Не знаю, какое зло причинил я нашей невестке, но заставила она своего мужа

отвезти меня в дремучий лес и бросить на съедение волкам. Дом, скот, земля — все, что есть у нас, по праву мое. Нужды не знают в нашем доме. Почему же она для меня крошку лишнюю жалела? Скажи при всех, что я тебе плохого сделал? — обратился младший брат к жене приемыша.

Молча стояла женщина. Нечего было ей сказать. Достал тогда младший брат из своего артмака колокольчик, позвонил, и примчался на его зов необыкновенный конь. Посадил джигит злую невестку лицом к хвосту коня и пустил его в степь.

А потом раздал он эмегеновых лошадей всем аульчанам и устроил большой пир. Пировали на том пиру все жители аула, от мала до велика, несколько дней и ночей.

НЕРАЗМЕННЫЙ РУБЛЬ

Эстонская сказка

зажиточного крестьянина было три сына. Двое старших были людьми толковыми и искусными в любой работе, третий же, младший, уже с детских лет слыл придурковатым: ни с каким делом он не мог как следует справиться. Перед смертью отец дал сыновьям такое наставление:

— Дни мои, как я чувствую, клонятся к закату, и, когда я отойду в иной мир, вы, старшие мои

сыновья, разделите между собой поровну все имущество; если желаете, разделите пополам и землю. А если только один из вас захочет здесь хозяйничать, пусть выплатит другому половину стоимости нашей земли. Ты же, Пёэтер, мой младший сынок, не годишься ни в хозяева, ни в работники, поэтому надо тебе отправляться искать счастья по белу свету. Твоя крестная мать подарила тебе в день крестин* старую рублевую монету. Она назвала эту монету неразменным рублем и велела отдать ее тебе, когда ты будешь покидать родительский дом. Крестная сказала так: «Пока у моего крестника будет в кармане эта заветная монета, он не будет знать никаких забот — счастливчика не может коснуться ни горе, ни нужда». Возьми же себе в наследство подарок крестной и постарайся прожить с его помощью.

На другой день отец скончался. Сыновья закрыли ему глаза и похоронили его. Старшие братья еще не были женаты, поэтому остались вместе хозяйничать в отцовском доме. Младшему же брату они дали сумку с едой, которой хватило бы на неделю, и сказали:

— Иди, ищи себе счастья!

Пёэтер, посвистывая, вышел из ворот и направился на восток, думая при этом: «Солнышко, всходя по утрам, будет указывать мне, куда идти, так что с пути я не сойду».

Пока в сумке были припасы, юноша беззаботно шагал по дороге, распевая песни и насвистывая и все больше удаляясь от родного дома. Через несколько дней он, поев, увидел, что сумка его пуста. Но так как он был сыт, то нисколько этим не огорчился. На другое утро, проснувшись, он потянулся к мешку, но там было так же пусто, как у парня в животе. Уныло прошагав несколько верст, он при-

сел отдохнуть и стал раздумывать, как бы раздобыть еды. Правда, рубль лежал у него в кармане нетронутый, но как это могло помочь здесь, в безлюдном месте, где не у кого было купить хлеба. Путник растянулся на траве и положил голову на камень, надеясь, что, может быть, во сне его осенит удачная мысль.

Проснувшись, он увидел, что рядом с ним сидит незнакомый старик с длинной белой бородой и с одним глазом. Этот единственный глаз сверкал у него посередине лба, над носом, а там, где у людей находятся глаза, у старика торчали две большие бородавки, похожие на рожки барана. Три черные собаки, одна больше другой, лежали у его ног.

Старик пристально посмотрел своим единственным глазом на Пеэтера и спросил:

— Земляк, не хочешь ли купить у меня собак? Я тебе продам их дешево.

— Мне и самому есть нечего,— ответил Пеэтер,— чем же я буду кормить собак?

Старик, улынувшись, промолвил:

— Ну, это пусть тебя не тревожит. Мои собаки у тебя есть не попросят, они еще и тебя прокормят.

— Так это охотничьи собаки? — спросил Пеэтер.— Они ловят в лесу всякую дичь и несут хозяину?

— Нет, мои собаки лучше любых охотничьих,— ответил старик.— А если ты не хочешь покупать кота в мешке, я сейчас покажу тебе, какую пользу они приносят своему хозяину.

Он прикоснулся пальцем к голове меньшей из собак и крикнул:

— Беги-неси-есть!

Собака вскочила, помчалась с быстротой ветра и мгновенно скрылась из глаз. Не прошло и получаса, как она вернулась с корзинкой в зубах.

Велика была радость Пеэтера, когда он увидел, что корзинка наполнена самой вкусной едой: здесь была свинина, свежая рыба, колбаса и лепешки. Парень наелся до отвала.

Старик промолвил:

— Все, что у тебя останется из еды, ты должен отдать собакам: корзинку надо очистить так, чтобы в ней ни крошки не осталось.

Пеэтеру было жаль бросать кушанья собакам, но он не посмел послушаться старика, который помог ему утолить голод.

— Эту маленькую собаку я, пожалуй, купил бы,— сказал Пеэтер нерешительно,— будь у меня побольше денег. Но, кроме одной рублевой монеты, у меня за душой ничего нет. Если ты согласен продать собаку за эту цену, тогда ударим по рукам!

Старик согласился, но сказал:

— Этих собак нельзя продавать поодиночке в разные руки, не то случится беда и с хозяевами собак, и с ними самими. Но раз у тебя нет больше денег, я за этот рубль готов продать тебе меньшую собаку, а в придачу подарю тебе и остальных. Думаю, ты будешь доволен покупкой. Как ты уже слышал, первую собаку зовут Беги-неси-есть, среднюю — Растерзай, а самую большую — Ломай-железо. Если с тобой неожиданно что случится и понадобится помощь собак, кликни именно ту, которая тебе будет нужна, и твое желание исполнится. Эта, что поменьше, будет каждый день тебя кормить, а две другие защитят от врагов.

И старик крикнул собакам:

— Вот ваш новый хозяин!

Собаки завили хвостами и стали лизать Пеэтеру руку, словно хотели показать, что поняли приказ.

Прощаясь, старик прикоснулся ко лбу Пеэтера пальцем, и юношу точно молния пронизала насквозь. В тот же миг старик исчез: растаял ли он в воздухе или рассыпался в прах — этого Пеэтер не мог бы объяснить. Пеэтер сказал про себя: «До этого дня я жил словно в густом тумане, а теперь вышел на яркий свет!» Собаки зорко глядели ему в глаза и виляли хвостами, словно хотели сказать: да, ты прав!

Юноша еще долго думал об удивительном происшествии, потом встал и двинулся дальше. Вечером, случайно сунув руку в карман, Пеэтер нашел там свою рублевую монету. Он никак не мог понять, как она туда попала: он ясно помнил, что отдал рубль старику в уплату за собаку и тот у него на глазах опустил монету себе в карман. Как же она могла вернуться обратно?

Вечером Беги-неси-есть по его приказу приносила полную корзину еды, так что хватило с избытком и хозяину, и собакам; то же самое произошло и на следующее утро. Но удивительная история с рублевой монетой не выходила у Пеэтера из головы, и он решил сегодня же сделать еще одну пробу. У повстречавшегося ему крестьянина он обменял свой кафтан на лучший и отдал мужичку в придачу свой рубль. Пройдя версту, он опять нашел монету у себя в кармане!

Теперь Пеэтер понял, каким свойством обладал неразменный рубль: отданный при покупке, он всегда возвращался к своему хозяину. Пеэтер стал каждый день покупать себе одежду и другие необходимые вещи или же просто разные пустяки, как делают богатые люди, но подарок крестной всегда оставался у него в кармане. Каким образом рубль из чужих рук возвращался к нему, Пеэтер не знал. Он думал с радостью: «Я могу, если захочу, обойти

весь свет — нигде у меня не будет недостатка ни в пище, ни в деньгах».

Скитаясь с места на место, Пеэтер попал однажды в дремучий лес. Почувяв что-то недоброе, собаки подняли морды и так поглядели на хозяина, точно хотели сказать: здесь дело неладно, будь осторожен! Пеэтер все же пошел дальше. Он видел, что собаки становятся все беспокойнее, но ничего особенного вокруг не замечал.

Вдруг до него издали донесся грохот колес, будто тяжелый воз медленно катился по булыжнику. Грохот все приближался, и наконец из-за деревьев показалась карета с четверкой вороных коней. Можно было подумать, что в ней везут покойника: карета была покрыта черным и кучер одет во все черное. У лошадей головы и уши были опущены, как будто и лошади чувствовали скорбь.

Заглянув через окошко в карету, Пеэтер увидел красивую молодую женщину в черном платье. Она горько плакала, утирая слезы тонким белым платочком.

Пеэтер спросил кучера, что все это значит, но ответа не получил. Тогда Пеэтер крикнул грозно:

— Негодяй! Останови лошадей и отвечай! Не то я сам открою тебе рот, чтоб ты научился разговаривать с людьми!

Кучер поглядел на Пеэтера и его больших собак и решил, что тут шутки плохи. Остановив лошадей, он стал рассказывать.

— В этом лесу, — говорил он, — живет страшный зверь — наполовину медведь, наполовину птица; чудовище одинаково хорошо умеет и бегать по земле, и летать по воздуху. Оно пожирает по всему королевству людей и животных и давно уничтожило бы все живое в стране, если бы ему каждый год не приносили в жертву невинную девушку,

которую зверь в одно мгновение проглатывает целиком. Ежегодно по приказу короля со всей страны собираются шестнадцатилетние девушки и жребий решает, кто из них будет принесен в жертву. В этом году роковой жребий пал на единственную дочь короля, которую теперь и везут чудовищу на съедение. И хотя король и все его подданные глубоко скорбят об этом, тут ничем не поможешь: в жертву должна быть принесена именно та девушка, на которую пал жребий, кто бы она ни была — богачка или нищая, знатного рода или низкого звания.

Тяжело стало на сердце у Пеэтера, когда он услышал рассказ кучера и увидел, как убита горем несчастная королевна. Он тут же решил проводить девушку в ее последний путь. Карета медленно двинулась дальше, а Пеэтер со своими собаками пошел за ней следом.

Когда они достигли подножия высокой горы, окруженной лесом, кучер остановил лошадей и попросил королевну выйти из кареты: здесь была граница, отделявшая жизнь от смерти. Без единого слова, точно овечка, вышла королевна из кареты и стала подниматься на гору. Пеэтер хотел последовать за ней, но кучер закричал:

— Эй, земляк, брось дурачиться! Хоть ты и погибнешь здесь так же, как и девушка, но делу этим не поможешь!

На это Пеэтер возразил:

— Это дело мое, тебя оно не касается! — и твердым шагом направился вслед за девушкой.

Королевна сквозь слезы с благодарностью взглянула на него, а черные собаки одобрительно завили хвостами, словно хотели сказать: вот это смелый поступок!

Не успели они подняться и на одну треть высоты

горы, как раздался шум и гром, словно приближалась сильная гроза. С вершины горы бежал по склону вниз ужасный зверь с туловищем медведя, но по размерам больше самой крупной лошади; вместо шерсти его тело покрывала чешуя, на голове было два кривых рога, а на спине два длинных крыла. Из пасти страшного зверя торчали огромные зубы в пол-аршина длиною, похожие на кабаньи клыки, на лапах — длинные острые когти. Не добежав до королевны нескольких десятков шагов, страшный хищник высунул длинный язык, собираясь, как змея, ужалить девушку, прежде чем ее проглотить.

Но в то же мгновение Пеэтер смело крикнул:
— Растерзай!

Услышав человеческий голос, чудовище яростно сверкнуло глазами, а из пасти его повалил пар, точно в бане, когда на горячие камни плеснут водой. Но черная собака, выполняя приказ хозяина, с быстротой молнии набросилась на зверя и вступила с ним в борьбу. Ловко увернувшись от страшных когтей и клыков хищника, собака скользнула между его ног, впилась зубами ему в брюхо и терзала его до тех пор, пока не вывалились внутренности, а клыки собаки не вонзились в самое сердце чудовища. Зверь грохнулся наземь, так что гора задрожала, и вскоре испустил дух. Собака же, несмотря на то что была раз в десять меньше зверя, съела его целиком, со шкурой и костями, так что осталась только пара рогов да четыре длинных клыка, которые Пеэтер подобрал и сунул в свой мешок.

После этого он поспешил на помощь королевне, которая от испуга лишилась чувств. Пеэтер принес в своей шляпе воды из родника и до тех пор смачивал лоб и щеки девушки, пока та не пришла в себя.

Как будто очнувшись от сна, девушка сначала не могла припомнить, что с ней произошло. Но, увидев, что страшный зверь исчез и ей больше не грозит смертельная опасность, она упала на колени перед своим избавителем и со слезами радости на глазах благодарила его.

Затем королевна попросила юношу сесть с ней в карету и отправиться к ее отцу, чтобы получить заслуженную награду, по-королевски щедрую. Но Пеэтер поблагодарил за ласковое приглашение и ответил:

— Я еще молод и неопытен, поэтому сейчас не осмеливаюсь предстать пред королевские очи. Я хочу постранствовать, поглядеть на белый свет, а через три года, если буду жив и здоров, вернусь опять сюда.

Так они и расстались. Королевна села в карету и поехала обратно во дворец, Пеэтер же продолжал свой путь в далекие чужие края.

Между тем кучеру пришла на ум недобрая мысль. Услышав, о чем говорила королевна с Пеэтером, он решил выдать себя за ее спасителя и получить богатую награду. Когда они въехали в густой лес, где близ дороги за крутым обрывом зияла глубокая пропасть, кучер остановил лошадей, слез с козел и сказал королевской дочери:

— Ваш избавитель ушел своей дорогой, вряд ли он когда-нибудь вернется и станет требовать от вас и вашего отца награды за труд. Я считаю, что вы должны выдать эту награду мне: ведь это я надоумил парня помочь вам, иначе он и не пошел бы за вами следом. Когда мы прибудем домой, скажите вашему отцу, что это я спас вас и убил адского зверя. Тогда награда будет выплачена мне.

Но королевская дочь ответила:

— Это была бы явная ложь! Будет тяжелой

несправедливостью, если человек, заслуживший награду, лишится ее и вознаграждение дадут тому, кто ничего не сделал. Боже меня спаси от такого греха!

Кучер нахмурился и крикнул злобно:

— Ну что же, будь по-вашему! Но живой вы из моих рук не уйдете. Готовьтесь к смерти!

Королевна упала перед ним на колени и стала умолять о пощаде. Но каменное сердце злодея не смягчилось. Он сказал грубо:

— Выбирайте одно из двух, что вы сочтете лучшим: либо вы скажете отцу, что это я убил чудовище, либо, если вы не хотите лгать, я сброшу вас в пропасть и там ваш язык навсегда онемее! А дома скажу, что страшилище вас проглотило, как и многих других девушек, и с делом будет покончено.

Королевна увидела, что у нее не останется никакой надежды на спасение, если она будет противиться злодею, и обещала солгать отцу, как кучер ее научил. Он еще и заставил ее подтвердить клятвой, что она выдаст ложь за правду и ни одной живой душе ни единым словом не обмолвится о том, что здесь сегодня произошло.

Отупев от отчаяния и страха, королевна подчинилась воле негодея. Но чем ближе подъезжала она к дому, тем тяжелее становилось у нее на сердце. И все же она не смогла нарушить клятву и вынуждена была назвать кучера своим избавителем.

Неописуемо велика была радость короля и всего народа, когда оплакиваемая ими девушка вернулась живая и невредимая и принесла весть о том, что чудовище уничтожено и никому больше не грозит опасность. Люди сбросили траурные одежды и нарядились в праздничные платья. Король со слезами обнимал свою дочь и долго от радости не мог вымолвить ни слова. Когда же язык снова стал ему

повиноваться, он поблагодарил спасителя дочери, протянул ему руку и сказал:

— Честь и хвала тебе, отважный человек! Ты не только спас от смерти мое единственное дитя, но и избавил всю страну от злейшего врага. За это великое благодеяние я уплачу тебе награду, а кроме того, отдам тебе самое драгоценное мое сокровище. Ты должен стать мужем моей дочери и моим зятем. Но так как моя дочь еще слишком молода, свадьбу мы сыграем только через год.

Кучера немедленно нарядили в богатое платье и назначили королевским придворным. Он стал жить в почете и роскоши и даже забыл о том времени, когда был простым слугой.

Королевна же страшно испугалась, когда узнала, что отец обещал ее отдать мнимому спасителю в награду. Она грустила и часто плакала втайне, когда никто не видел ее слез. Связанная тяжелой клятвой, она никому не могла рассказать правду о своем спасении, а тем более открыть то, что день и ночь мучило ее душу: что она не сможет выйти замуж за своего доброго избавителя.

Когда прошел год, она попросила у отца разрешения отложить свадьбу еще на год. Жених был недоволен, но так как король исполнил просьбу дочери, тот вынужден был согласиться. Но когда второй год подходил к концу и дочь опять явилась к королю с просьбой отложить свадьбу, король загорелся гневом.

— Ты — неблагодарное существо! — воскликнул он. — Почему ты не хочешь выйти замуж за храбреца, который спас тебя из пасти злого чудовища и избавил все мое королевство от тяжкого бича?!

Дочь побледнела как смерть и упала к его ногам. Она смогла только сказать:

— О, как я жалею, что чудовище два года назад меня не проглотило!

Эти слова, полные горькой жалобы, пронзили сердце отца, как раскаленные стрелы. Он поднял дочь, посадил ее к себе на колени и сказал:

— Дорогое дитя, я исполняю твою просьбу в последний раз. Но через год никакие силы не избавят тебя от замужества, потому что я своим королевским словом обещал тебя в супруги твоему спасителю.

Дочь поблагодарила отца за новую милость. Она все еще надеялась, что милый юноша, который вырвал ее из когтей смерти, выполнит свое обещание возвратиться через три года.

Но и третий год подошел к концу куда скорее, чем она ожидала и надеялась, а о приезде юноши ничего не было слышно. Королевна знала, что просить отца о новой отсрочке нельзя, поэтому с тревогой смотрела на приготовления к свадьбе, плакала втихомолку и просила помощи у Бога.

В ночь перед свадьбой ей приснился одноглазый старик с седой бородой. Он утешал ее и говорил:

— Будь мужественной, не бойся ничего! Несправедливость не укроется от очей высшего существа, даже если людям она останется неведомой.

Проснувшись, королевна почувствовала в своей душе новую силу и надежду.

И вот случилось так, что в тот самый день, когда в королевском дворце праздновали свадьбу и весь город ликовал, в городские ворота вошел какой-то неизвестный юноша с тремя черными собаками. Он спросил, почему народ так радуется и веселится, и ему ответили, что сегодня королевская дочь выходит замуж за того смельчака, который три года назад вырвал ее из пасти страшного зверя.

Пришелец спросил:

— Скажите мне, где же этот человек?

— Где же ему быть, как не в королевском дворце? — ответили юноше. — Ведь жених всегда сидит рядом с невестой.

Тогда юноша крикнул гневно:

— Пустите меня к королю, я докажу ему, что он выдает свою дочь за бессовестного обманщика! Пустите меня к королю!

Стража, стоявшая у королевского дворца, сочла его безумным. Юношу схватили, заковали в кандалы по рукам и ногам и бросили в тюремную башню с железной дверью, чтобы помешанный не омрачал праздничного веселья.

Пезтер понял, что взялся за дело необдуманно, и стал раскаиваться в своей горячности. Ведь пока он будет томиться в заточении, королевна станет женой другого. Тут он услышал за стеной царяпанье и собачий визг. «Мои верные собаки, — подумал он, — стараются пробраться ко мне. Не удастся ли мне с их помощью спастись?»

К счастью, ему пришло в голову позвать третью собаку. И в то же мгновение, как он крикнул: «Ломай-железо!» — самая большая его собака уперлась лапами в решетку окна, и железные прутья развалились, как сухой хворост. Собака прыгнула к Пезтеру, перекусила цепи на его ногах и руках, словно это были нити из пакли, и выскочила в окно, а Пезтер — следом за ней.

Выскочив из темницы, он стал думать, что же предпринять дальше, чтобы королевская дочь не досталась обманщику. Почувствовав голод, он крикнул первой собаке: «Беги-неси-есть!» Собака умчалась с быстротой ветра и вскоре вернулась с корзинкой в зубах. Кушанья, наполнявшие корзинку, были покрыты тонким белым платочком, а в

уголке платочка завязан золотой перстенок. На перстне Пеэтер увидел имя королевны, и это вселило в него новую надежду.

А с платочком и перстнем дело было так. Король пировал со своими знатными гостями за праздничным столом; справа от короля сидела его дочь, а слева — жених, бывший кучер, которому предстояло стать зятем короля. Вдруг вбегает черная собака с пустой корзиной в зубах, устремляется прямо к королевне, смотрит просящими глазами на девушку и лижет ей руку, словно хочет сказать: положите мне что-нибудь в корзинку!

У королевны руки задрожали от радости: она тотчас же узнала эту красивую собаку, принадлежащую ее избавителю. Королевна взяла со стола мяса и рыбы, несколько кусков сладкого пирожного и уложила все это в корзину. Кроме того, сняла с пальца обручальное кольцо, завязала его в уголок платка и покрыла этим платочком корзину.

Собака тотчас же убежала. Королевна шепнула отцу несколько слов на ухо, после чего король встал, взял дочь за руку и удалился с ней в другую комнату. Немного погодя туда пригласили пастора*.

Король спросил пастора, обязан ли человек сдержать клятву, которую он дал под угрозой смерти, чтобы спастись от руки убийцы? Пастор ответил:

— Клятва, которую человек дал против своей воли, повинуясь насилию, не имеет никакой цены перед лицом закона божеского и человеческого. Такая клятва ровно ничего не значит.

Тогда королевна открыла свою тайну и рассказала все, что с ней произошло в лесу три года назад. Король тут же приказал слугам отправиться по следам собаки, найти ее хозяина и привести его во дворец.

Вскоре человек этот был разыскан и вместе с тремя собаками приведен к королю. Королева сразу же узнала в нем своего спасителя, бросилась ему на шею и воскликнула:

— Сегодня вы еще раз спасаете меня от злого зверя! Тысячу раз благодарю вас за это благодеяние!

Затем король вернулся с дочерью к гостям, а Пеэтеру велел подождать в другой комнате, пока его не пригласят.

За столом король спросил:

— Какого наказания заслуживает человек, который утаивает отважный поступок другого и присваивает себе награду, заслуженную другим?

Бывший кучер подумал: «А ну-ка, покажу, какой я мудрый судья!» И ответил на вопрос короля:

— Самое справедливое наказание такому преступнику — привязать ему на шею мельничный жернов и утопить злодея в морской пучине!

— Очень хорошо, именно такой приговор и должен быть ему вынесен! — ответил король и приказал позвать незнакомого юношу.

Увидев Пеэтера с его тремя черными собаками, кучер побледнел, как стена, упал перед королем на колени и стал умолять о пощаде.

— Ты, низкий человек, — сказал король, — сам изрек себе приговор и должен понести такое наказание, о каком ты сейчас говорил. Но чтобы из-за тебя не омрачалось наше празднество, ты будешь сидеть в темнице, пока не кончатся свадебные торжества.

Кучера немедленно увели, заковали в цепи и заточили в темницу.

Пеэтер вынул из мешка доказательства своего подвига — рога и клыки страшного чудовища, и

радостные крики вырвались из уст гостей. Король усадил Пеэтера рядом с собой в кресло, где раньше сидел кучер, и приказал в тот же вечер обвенчать молодую пару. Через четыре недели, когда празднества закончились, кучер понес заслуженное наказание, к которому он сам себя приговорил.

Однажды, явившись к королю, Пеэтер стал говорить о том, что хотя ему, простому крестьянину, и посчастливилось неожиданно достигнуть высокого положения, но у него остались дома еще двое братьев. Пеэтер попросил у короля позволения взять их к себе, чтобы не только ему одному пользоваться богатством и роскошью, но чтобы и его братьям жилось легче. Король согласился и тотчас же послал гонца за старшими братьями своего зятя.

В тот день, когда старшие братья прибыли и Пеэтер их ласково встретил, самая большая черная собака заговорила человеческим языком.

— Теперь,— сказала она,— наша служба кончилась. Мы были обязаны оставаться у тебя до тех пор, пока не увидим, вспомнишь ли ты теперь, живя счастливо, о своих родных братьях. Слава Богу! Ты, как и подобает человеку благородному, во всем исполнил свой долг!

И собаки вдруг превратились в лебедей, а те расправили могучие крылья и улетели. Куда — этого до сих пор никто сказать не может.

Пеэтер как зять короля жил в почете и роскоши и помогал своим братьям, которые со временем стали зажиточными людьми. Неразменный рубль он подарил на крестины первенцу своего старшего брата, сказав при этом:

— Когда мальчик вырастет и задумает покинуть отчий дом, дайте ему с собой в дорогу этот подарок. Он поможет юноше найти свое счастье, как помог когда-то и мне.

ДОБРЫЙ ИВАНЧУ

Гагаузская сказка

ил в глухой гагаўзской деревушке бедный крестьянин. Только и богатства у него было — трое сыновей. Бился он, бились его сыновья на своем крохотном клочке земли, а достаток к ним в дом все не приходил.

Вот как-то младший брат и говорит:

— Пойдемте лучше, братцы, по свету — счастье искать. Руки у нас сильные, сами здоровые. Найдем себе где-нибудь место.

Долго не соглашались братья, а потом решили все-таки попытать счастья. И пошли они по белому свету куда глаза глядят — счастье свое искать.

А когда их отец в дорогу провожал, дал он старшему сыну палку с крючком, что овец пасут, среднему — старый мешок, а младшему сыну, Иванчу, — корешок целебный, что ему еще от деда достался.

— Нету у меня ничего больше, детки, — сказал он.

Долго бродили по белому свету братья, а свое счастье все найти не могли. Вот как-то вышли они из лесу на большую дорогу и повстречали старичка незнакомого.

— Доброго здоровья, отец.

— Слава Богу. Куда, молодцы, путь держите?

Промолчали старшие братья, а Иванчу и говорит:

— Да вот идем, дедушка, куда глаза глядят.

Счастье свое ищем. Да что-то найти не можем. Уж видно, нет на земле нашего счастья.

— Ладное дело вы затеяли. Да только счастье — оно не сразу в руки дается, — отвечает старик.

Пошли они дальше. И старик с ними пошел.

Долго ли, коротко ли шли, только вдруг видят: в поле стая ворон сидит. Старший брат и говорит:

— Вот кабы эти вороны да моими овцами стали, я б всех прохожих задаром брынзой да бараниной кормил.

Усмехнулся старик.

— А что ж, — говорит, — это может быть.

Только сказал так, и все вороны в овец обратились...

Остался старший брат с овцами, а два других пошли со стариком дальше. Шли они, шли и дошли до быстрой речки. Средний брат и говорит:

— Кабы была у меня здесь водяная мельница, я бы всех прохожих белым хлебом кормил.

А старик опять усмехается:

— И это может быть.

Выросла тут на берегу реки мельница. Остался средний брат, а младший пошел со стариком дальше. Долго они шли. Наконец не выдержал старик, спрашивает парня:

— Чего же ты ничего не просишь? Братья твои уже нашли свое счастье, а ты все молчишь да молчишь.

— Я, дедушка, жениться хочу, — отвечает Иванчу. — Только в жены мне надо такую девушку, чтобы сердце у нее точь-в-точь как мое было.

Задумался старик, а потом и говорит:

— Была такая девушка на свете, да только она помолвлена уже. Завтра ее свадьба. Давай-ка, сынок, поспешим. Может, что и получится.

Вот приходят они в село. Кругом песни, музыка играет. Веселятся люди. Свадьбу справляют. Пригласили и прохожих повеселиться. А старик говорит:

— Спасибо, люди добрые, за ласку. Повеселимся и мы с вами, да с уговором: ежели отдадите вы свою невесту вот за этого добра молодца,— и показывает на Иванчу.

Страшно разгневалась молодежь на старика за эти слова. Жених вконец из себя вышел. Хотели уж было прогнать прохожих, да тут старики вмешались:

— Что ж, отдадим мы нашу девицу за твоего парня. Да только прежде надо их счастье испытать. Видишь вон, в котлах, петухи да индейки варятся. Вот ежели петухи из котла вылетят и песни запоют, а индейки подойдут к столам крошки клевать, быть по-вашему.

Не успели они рты закрыть, как петухи из котла выпорхнули, залились-запели, а индейки к столам метнулись, крошки собирать принялись. Все так рты от удивления и разинули. Но делать нечего. Слово не воробей.

— Видно, и вправду это их счастье,— сказали все.

Распрощался старик с молодыми и пошел своей дорогой.

Много ли, мало ли минуло времени, никто не знает. Решил как-то старик провести братьев. Дошел он до водяной мельницы, смотрит, кипит работа всюю. Одни муку взвешивают, другие мешки тащат, третьи деньги считают. А средний брат хозяином ходит, ручки потирает. Старик и говорит ему:

— Ласков будь, сынок, дай хлебушка кусочек. Проголодался я, устал очень.

А хозяин отвечает:

— Много вас тут, бездельников, шляется. Каждому по кусочку дашь — и от мельницы ничего не останется.

Посмотрел дед на него и говорит:

— И это может быть.

И поднялась тут буря, из тучи ливень хлынул, высоко встала в реке вода. Ушла под воду мельница. Только ее и видели.

Пошел дед дальше. Смотрит: отара овец пасется. Одни пастухи овец доят, другие брынзу делают, третьи мясо солят, четвертые шерсть стригут. А старший брат барином ходит, на пастухов покрикивает. Подошел старик к нему и говорит:

— Сделай милость, сынок, дай брынзы кусочек. Устал я очень. Голоден.

Рассердился брат, раскричался:

— Много вас тут, попрошаек, шляется. Кабы кормил я всех, давно бы с одной палкой остался!

Посмотрел старик на него, погладил рукой бороду и говорит:

— Что ж, и это может быть!

Только сказал, как овцы воронами обернулись и улетели.

Пошел дед к младшему брату. Шел, шел, а как дом увидел, больным притворился. Вышла молодая жена Иванчу, увидела старика, в горницу его пригласила.

— Заходи, — говорит, — дедушка, гостем будешь.

— Бранить тебя муж станет, молодуха, — отказывается дед.

А тут как раз и Иванчу в ворота входит. Взял он старика под руку, в горницу завел, на мягкую постель уложил.

— Что с тобой, дедушка? — беспокоится.

— Болен я, сынок. Видать, помру. Одно только меня спасти может: есть такой на свете, люди добрые говорят, корешок целебный. Да не достанешь ты его...

— Найду я этот корешок, дедушка,— отвечает ему Иванчу.

Вышел он в другую комнату. Достал из сундука корешок — тот, что отец ему дал, принес старику.

— Вот, дедушка, корешок. Поправляйся скорее.

Встал тут старик с постели, обнял Иванчу и говорит:

— Добрый ты человек, Иванчу. Душевный. Жить тебе в счастье и достатке.

Махнул он левой рукой — из рукава серебро посыпалось, махнул правой — золото рекой полилось.

— Живите, люди добрые, во славу.

Сказал так и исчез.

Вот и весь сказ. А много ли в нем правды — кто знает. Только раз уж люди говорят — значит, есть там правда.

НОНЧЫК-ПАТЫР

Марийская сказка

или когда-то в одном селе старик и старуха, а детей у них не было. Сильно горевали старик и старуха.

Говорит однажды старик:

К эстонской сказке «Неразменный рубль».

— Давай, старуха, сделаем себе сына из теста.

— Давай,— согласилась старуха.

Замесила она тесто, вылепила из него человечка, завернула человечка в тряпицу и положила на печь.

Лежит человечек из теста на печке день, лежит другой... А на третий день старик не вытерпел и говорит:

— Посмотри-ка, старуха, как там наш сыночек.

И вдруг с печи послышался голосок:

— Жарко здесь! Снимите меня с печи!

Обрадовались старик и старуха, сняли сыночка с печи, а он и впрямь как настоящий мальчик, только очень маленький.

Живет мальчик в избе у старика и старухи и растет не по дням, а по часам.

Рос мальчик двенадцать дней, вырос в крепкого парня, на тринадцатый день говорит старику и старухе:

— Вы меня вырастили и выкормили, теперь я буду вас кормить. Пойду наймусь к кому-нибудь в работники.

— Ведь тебе всего двенадцать дней,— сказал старик,— куда тебе работать!

— Чую я в себе богатырскую силу,— отвечает ему мальчик,— справлюсь с любой работой.

Нанялся он в батраки к одному злому и жадному богачу. Богач давал своему батраку столько работы, что и десятерым не справиться, а парень со всем один управлялся.

Прозвали люди сына старика и старухи за его силу Нончык-патыр, что значит «Богатырь из теста».

Нончык-патыр трудится, ни от какой работы не отказывается, а время идет. И вот подошел срок расплачиваться хозяину с батраком за работу.

И тогда жадный хозяин, чтобы не платить, задумал погубить Нончык-патыра.

Думал-думал хозяин, как погубить Нончык-патыра, и наконец придумал.

Позвал он его и говорит:

— Сходи на дальние поля и пригони оттуда моих овец.

А на дальнем поле не овцы паслись, бродили там стаи голодных волков. Понадеялся хозяин, что голодные волки сожрут Нончык-патыра.

Пришел Нончык-патыр на дальнее поле.

— А ну, идите-ка сюда! — крикнул он волкам. — По полю бродите, хозяина забыли!

Окружили его голодные волки, зубами щелкают, вот-вот разорвут.

Выдернул Нончык-патыр из земли березу с корнем и давай волков бить! Заскулили волки, поджали хвосты.

Погнал их Нончык-патыр, как овечье стадо, на хозяйский двор.

Пригнал он волков к хозяйскому двору:

— Эй, хозяин, открывай ворота! Я твоих овец пригнал!

Выглянул хозяин в окошко, увидел волков, затрясся от страха и забился в дальний угол, за печку.

— Заболел я, не могу выйти! — кричит хозяин из-за печки. — Открой сам ворота и загони овец в хлев.

Загнал Нончык-патыр волков в хлев и улегся спать на сеновале.

Спит Нончык-патыр, храпит на весь дом.

А хозяину не до сна.

«Ну и работник у меня! — думает хозяин. — Даже волки ему нипочем. Как же мне его извести?»

И придумал хозяин послать Нончык-патыра в

лес к медведям. «Уж медведи-то,— решил он,— не отпустят Нончык-патыра живым».

— Сходи в лес, пригони оттуда моих лошадей! — приказывает хозяин Нончык-патыру.

Пришел Нончык-патыр в лес, поднял медведей из их берлог и погнал на хозяйский двор. Гонит да еще покрикивает:

— А ну, идите домой! Хозяина своего забыли!

Увидел хозяин, что Нончык-патыр медведей гонит, убежал в избу, заперся на все запоры-засовы и кричит:

— Сам загоняй лошадей в хлев!

Загнал Нончык-патыр медведей в хлев и пошел спать.

Крепко спал в эту ночь Нончык-патыр, а хозяину не до сна. Позвал он соседей-богачей, стал у них совета просить.

Соседи присоветовали послать Нончык-патыра к Чертову озеру: пусть его черти утащат.

Повеселел хозяин и говорит Нончык-патыру:

— Года три назад ушел мой брат жить в Чертово озеро да с тех пор ни разу ко мне в гости не наведывался. Поди-ка разыщи его и позови ко мне на ко́ман-мелна́*.

Пришел Нончык-патыр на Чертово озеро.

Заросло озеро черной осокой, разлилось гнилой водой среди болота, затянулось мелкой ряской, а под ряской колыхается бездонная трясина.

Это озеро люди обходили за версту, а по ночам и за все десять.

Выскочил из воды старый лохматый черт, схватил Нончык-патыра, потянул в трясину. А Нончык-патыр не поддается. Стукнул он черта по лбу кулаком, встряхнул за шиворот, как котенка, и сказал:

— Нехорошо родных забывать! Брат тебя на

коман-мелна зовет. А ну, собирайся — пойдем в гости!

И поволок черта в деревню.

Увидел хозяин, что Нончык-патыр возвращается жив-невредим да еще тащит за собой лохматого черта, замахал руками, закричал дурным голосом:

— Не хочет, видно, братец в гости идти. Не держи его! Пусть он в свое озеро возвращается!

Отпустил Нончык-патыр черта и сказал:

— Ну, хозяин, кончился срок моей работы — теперь плати что полагается.

Делать нечего, пришлось жадному богачу расплачиваться с работником.

Расплатиться-то расплатился, а зло затаил.

Вернулся Нончык-патыр в родной дом к отцу, к матери, отдал им заработанные деньги, а сам пошел гулять на улицу.

Играли на улице дети хозяина-богача, беднякам-то не до игры — работать надо.

Подошел к ним Нончык-патыр и попросил, чтобы приняли ребята его в свою игру.

— Поймай летящую стрелу зубами — тогда примем! — отвечают они.

Выпустил Нончык-патыр стрелу из лука прямо в синее небо. Унеслась стрела за облака, а как стала падать вниз, то поймал ее Нончык-патыр зубами.

— Теперь,— говорят ему хозяйские дети,— нырни в эту прорубь, отплыви на середину реки и разломай лед — тогда примем тебя в нашу игру!

Нырнул Нончык-патыр в прорубь, проплыл до середины реки, разбил головой толстый лед и вышел наружу.

— А теперь разбей каменную гору — тогда примем тебя в нашу игру!

Подошел Нончык-патыр к каменной горе, пнул

гору ногой — качнулась каменная гора, пнул в другой раз — посыпались с горы камни. Семь раз пнул — рассыпалась гора в мелкие камешки, но ушла от Нончык-патыра его богатырская сила.

Рассказали тогда дети своему отцу: нет уже у Нончык-патыра его богатырской силы.

Обрадовался хозяин и приказал своим слугам вырыть яму глубиной в сорок сажений, а потом схватить Нончык-патыра, связать его крепко-накрепко и бросить в ту яму.

Одни слуги побежали яму копать, другие набросились на Нончык-патыра, связали ему крепкими ремнями руки-ноги и кинули в яму.

Лежит Нончык-патыр в глубокой яме и день, и два, и месяц, смотрит в ясное небо.

Прилетела ворона, села на край ямы.

Говорит Нончык-патыр вороне:

— Ворона, ворона, слетай к моему отцу, к моей матери! Скажи им, что связали мне руки-ноги крепкими ремнями и бросили в глубокую яму, чтобы я погиб от голода и жажды.

Каркнула ворона в ответ:

— Не стану я звать твоего отца, не буду я звать твою мать! Умирай скорее — я тогда выключу тебе глаза!

Улетела ворона, прилетела сорока.

Стал Нончык-патыр просить сороку позвать отца с матерью.

— А мне-то какое дело! — ответила сорока. — Не полечу.

Летел мимо белый гусь.

— Эй, белый гусь! — крикнул Нончык-патыр. — Лети к моему отцу, к моей матери, скажи им, что связали мне руки-ноги крепкими ремнями и бросили в глубокую яму. Хочет богач-хозяин, чтобы я погиб от голода и жажды. Уже недолго жить мне осталось!

Пусть идут скорее, пусть приведут жирного быка, пусть принесут острый топор!

Поднялся гусь высоко в небо, полетел к старикам.

— Эй, дедушка! Эй, бабушка! Злые люди бросили вашего сына в глубокую яму. Зовет он вас на помощь. Велит привести жирного быка и принести острый топор!

Заплакали старик со старухой и говорят:

— Не смейся над нами, гусь! Нашего сына нет в живых, погубили его. Остались от Нончык-патыра одни только косточки...

— Нет, не умер он,— ответил гусь,— только спешите, уже недолго осталось ему жить.

Поверили старик со старухой гусю, пригнали к глубокой яме, где томился Нончык-патыр, быка, принесли острый топор.

Увидела старика со старухой ворона, закричала:

— Кар-кар! Идут отец и мать, гонят быка, несут топор. Если съест Нончык-патыр быка — вернется к нему его богатырская сила и разрубит он топором свои крепкие путы!

Испугался хозяин, приказал слугам:

— Засыпьте яму доверху песком, завалите камнями — пусть Нончык-патыр задохнется.

А старик уже столкнул в яму быка. Съел Нончык-патыр быка, и вернулась к нему его богатырская сила.

Стали слуги заваливать яму песком да камнями, а старик уже кинул в яму топор.

Разрубил Нончык-патыр все путы, поднялся на ноги, вытолкнул песок с камнями и вышел из ямы.

Как увидел Нончык-патыра жадный хозяин, перепугался, не знает, что делать, где спрятаться.

Побежал богач куда глаза глядят. Попалось ему на пути болото, и потонул он в том болоте.

ТУКУ

Гагаузская сказка

ил-был царь. Злой он был, несправедливый, лютый. Не любили его люди, называли фяна́-падишах — значит «злой царь». И была у этого царя красавица дочка по имени Кирана́. Не в отца она была. Добрая такая, ласковая, до людей приветливая. Не любила она своего отца, спорила с ним, за людей всегда заступалась.

Вот как-то раз отправился царь со своей свитой на охоту. Неладная в тот день у него охота была. Почти ничего не добыл он. Злой домой ворочался. Едет он по дороге, от злости губы кусает. А тут, как на грех, парень навстречу идет. Охапку дров в руках тащит. Ладный такой из себя, статный, пригожий. Увидел парень царя, поклонился ему низко. Да не угодил, видно. Остановил царь своего коня, напустился на дровосека:

— Чего, такой-сякой, шапку перед своим царем не сымаешь?

— Как же я ее сыму, государь-господин? Руки-то у меня заняты, сам видишь, а ногами сымать шапку я покуда не научился.

— А, так ты еще супротивничаешь! — закричал царь.— Эй! Слуги! Взять его, посадить в темницу. Я ему покажу, как царя своего уважать надо.

Подбежали слуги. Схватили они дровосека, во дворец увезли, в самую темную темницу посадили.

Узнала про то царская дочь Кирана, и решил^а она помочь безвинному дровосеку. А у Кираны служанка была — Фатимá, по гроб жизни верная своей госпоже. Вот ночью вышли Кирана с Фатимой из спальни, тайно к дверям темницы пробрались. Стража сперва шум подняла, а как узнала царскую дочь, пропустила молча. Долго сидела Кирана с молодым дровосеком, утешала его, добрые слова говорила. И пообещала она ему сделать все, что сможет, чтоб его от смерти спасти.

И на другую ночь пошла к нему Кирана, и на третью. И полюбили они друг дружку. Крепко полюбили. Стала Кирана просить, умолять отца, чтоб отпустил он дровосека на волю. Да где уж! Фяна-падишах и слушать про то не хотел. И решила тогда Кирана сама помочь бежать любимому. Взяла она кинжал маленький да пилку железную, пошла опять ночью к дровосеку да и отдала ему все это.

— Торопись, любимый мой,— сказала она,— казнят тебя завтра. Не убежишь нынче ночью — погибло все.

Ушли Кирана с Фатимой, а дровосек потихоньку на окне решетку перепилил и из темницы выбрался.

Как узнал про то царь, разгневался сильно, ногами со злости затопал. Велел дочь к себе позвать.

— Это твоя работа, негодница! — кричит. — Это ты ему помогла. Так пропади ж ты сама!

Хлопнул он в ладоши, вызвал стражу и приказал посадить родную дочь в стеклянный дворец. Чтобы словом она ни с кем не обмолвилась, чтоб живой души она не видела.

Схватили слуги Кирану, во дворец пустой посадили. Тяжко Киране, горько. Плачет она, уби-

вается. Тяжело жить на свете, когда родной отец плохой человек.

А Фатима тем часом к дровосеку сбегала, про Киранино горе поведала. Вскочил дровосек. Забилося его горячее сердце. Решил голову положить, а любимую освободить.

Вот однажды темной-претемной ночью помогла ему верная Фатима во дворец пробраться, Кирану увидеть. Обрадовалась Кирана, как его увидела. До самого утра сидели они. Все говорили, все горе свое горькое изливали. И договорились, что на другую ночь опять он придет к Киране, бежать ей поможет. В другую страну убегут они. Обнял парень на прощание Кирану, стал потихоньку из стеклянного дворца выходить. Да не повезло ему — у самого входа в темноте наступил он на спящую собаку. Вскочила собака, залаяла. Сбежалась царская стража, схватила дровосека, привела его к царю. Фяна-падишах сразу узнал дерзкого. А как узнал, что поймали его у дочери во дворце, позеленел от злости.

Приказал к нему Кирану привести.

— Что нужно от тебя этому бродяге? — спрашивает он дочь.

Но Кирана не из пугливых была.

— Ничего я вам не скажу, — говорит. — Что хотите со мной делайте. Одно только скажу: люблю я этого человека.

На весь дворец взвыл фяна-падишах:

— Не будешь ты с ним! Не будешь! В быка я его обращаю. В быка, слышишь?

Не успел он это сказать, как молодой дровосек бычком оборотился, в поле убежал.

— А эту девку, — указал царь на свою дочь Кирану, — отведите в лес да там и казните, от глаз людских подале.

Схватили слуги Кирану. Связали ей руки-ноги В телегу бросили.

Вышел царь-отец на крыльцо. Да не для того, чтоб с родной дочерью проститься. Вышел только сказать:

— Чтобы я был уверен, что вы сделали все, как велено, привезите мне мизинец от ее левой руки.

И повезли Кирану в дремучий лес. А у Кираны любимая собачка была. Завыла та собачка, как увидела, что везут куда-то ее хозяйку, за бричкой побежала. Взяла ее к себе Кирана. Шерстку гладила, гладила, а потом вдруг как закричит. Бросились к ней слуги. Видят: откусила собачка мизинец у Кираны. Остановились они. Старший и говорит:

— Прости нас, госпожа, что довелось нам на смерть тебя везти. Нет ни одного среди слуг твоего отца, который не любил бы тебя за твое доброе сердце. Но мы, известно, люди подневольные. Да только на этот раз повезло нам. Спасла тебя и нас собачка. Иди, ласковая госпожа, куда твоей душе угодно, а этот мизинец мы фяна-падишаху отвезем.

Низко поклонилась им Кирана. Дали они ей еды маленько и поехали обратно — доложить царю, что его наказ выполнен. Осталась Кирана одна. Что делать? Пошла она дальше по лесу. Долго так шла. Дни сменялись ночами, а ночи днями. Наконец пришла она к берегу речушки какой-то. На берегу домик увидела. Зашла туда Кирана. Видит: никого в том домике нет, пустой он. И стала там она жить. Дни шли за днями. Зима сменила лето. И родился у Кираны сынок — ясноглазый, красивый. Назвала она его Тўку. Рос сынок не по дням, а по часам. И двух лет не прошло, как вырос он в богатыря. И умный, и сильный, и матери помощник. Славно они жили. Вот как-то Туку спрашивает мать:

— Мама, а у меня отец есть?

Отвечает, подумавши, Кирана:

— Понятно, есть. Да только далеко он.

— А где найти мне его, мама? — допытывается Туку.

Тяжко вздохнула Кирана.

Вспомнила она отца своего, свирепого фяна-падишаха, вспомнила, как забрал он у Туку родного отца. Горько ей стало.

— Не найдешь ты его, сынок. Только и осталась тебе от него память — бычок маленький. Да только где он, тот бычок, никому не ведомо.

— Ничего, мама, найду я его. Непременно найду, — отвечает ей Туку.

И стал Туку в путь-дорогу собираться. Испекла ему мать пяток лепешек, сшила сумку, и куда отправился Туку, никому про то неизвестно, — искать бычка Гелана.

Шел он, шел и видит: на опушке леса стадо пасется. Ни пастухов при нем, ни собак. Удивился Туку. Тут подходит к нему одна черная корова и говорит человеческим голосом:

— Здравствуй, Туку! Наконец-то ты пришел. Заждались уж мы. Теперь ты наш хозяин. Делай с нами что хочешь.

— А что мне с вами делать?

— Лучше всего продай. Только оставь себе быка Гелана да купи ему в пару еще одного. Они тебя из любой беды выручат.

Как сказала корова, так и сделал Туку. Продал он стадо. Купил себе бычка в пару к Гелану. Назвал его Жойном.

Запряг он своих быков и поехал домой.

Ну, как он там жил — про то одному ему известно.

Вот прошло несколько лет, выросла у фяна-падишаха приемная дочь, красавица из красавиц.

И объявил фяна-падишах, что, кто его земли за одни сутки вспашет, тому он свою дочь в жены отдаст.

Узнал про царскую волю Туку, задумался. Увидел это бык Гелан и спрашивает:

— Чего это ты, Туку, невесел? Чего голову повесил?

Рассказал ему Туку о своей думке.

— Ну, не беда. Поможем мы тебе с Жояном. Сходи ты к царю и скажи, чтоб он за девять суток выковал тебе два плуга.

Пришел Туку к царю и говорит:

— Я, государь, вспашу твою землю за сутки. Да только быки-то у меня есть, а плугов нету. Коли сделаешь ты мне за девять суток плугов пару, вспашу я твою землю.

Усмехнулся царь.

— Ладно,— говорит,— приходи на десятый день. Будут тебе плуги.

Девять суток прошло. И явился Туку к фяна-падишаху. Взял он плуги, царскую землю пахать принялся. До обеда пахал. Много земли плугом поднял.

Видит царь: плохо его дело — вспашет этот бедняк землю. Послал он дочку свою:

— Снеси-ка жениху обед.

Пошла дочка в поле. Увидела она Туку, сразу полюбила его. И говорит она:

— Садись, добрый молодец, отдохни, покушай. Чем богаты, тем и рады.

Покушал Туку. А царская дочь и говорит:

— На вот, запей добрым вином.

Поклонился ей Туку, а от вина отказался. Только девушка так его просила, чтоб он выпил хоть глоточек, что не устоял Туку, согласился.

А в то вино сам фяна-падишах сонное зелье

положил. Про то никто не знал. Даже царская дочь и та не знала.

Только выпил Туку вино, как захотелось ему спать. Прилег он, положил голову на колени девушке и заснул крепким сном. Долго спал Туку. Уже солнце за горы стало заходить. Догадался тут бык Гелан, что это фяна-падишах подстроил. Не растерялся. Поднял он солнце рогами и поставил его от заката опять на полдень. А бык Жоян так чихнул, что проснулся Туку.

— Э-э! Да я, кажись, заснул маленько. За дело, милые помощники.

Ничего не ответили ему быки. Только хвостами помахали.

Не успело солнце снова за горы скрыться, как Туку всю царскую землю вспахал. Пришел к фяна-падишаху и говорит:

— Ну, я свое слово сдержал. Теперь дело за тобой, царь. Когда свадьбу справим?

Не захотелось царю дочку за пахаря отдавать, а отказаться от своего слова нельзя. Задумался царь. А потом и говорит:

— Я свое слово сдержу. Только условие: увезешь все приданое моей дочки этой парой быков, быть по-твоему. А не увезешь — уж не взыщи.

Пришел Туку к быкам грустный-грустный.

— Чего запечалился, Туку? — спрашивает его Гелан.

Рассказал ему Туку про свое горе.

— Ну, эта беда еще не велика. Скажи-ка царю, чтобы он за девять суток телегу подходящую сделал. Выручим мы тебя.

Девять суток прошло. Сделали царские мастера телегу. Такая она была большая, что и тысяча быков сдвинуть ее с места не смогла бы. Запряг Туку в нее Гелана с Жояном, и стали царские слуги

богатства фяна-падишаха на нее складывать. Полную телегу нагрузили, доверху. Сел на нее Туку, крикнул:

— Хейе, Гелан, ча, Жоян!

И пошли быки потихоньку, будто не груз везли, а пух.

Как увидел все это фяна-падишах, к Туку бросился. Добро свое отнять хотел. Да не тут-то было. Поддел его бык Гелан на рога, высоко к небу поднял, да и швырнул потом на землю. А бык Жоян растоптал его ногами.

А царская дочь за Туку замуж вышла. Раздали они почти все богатство фяна-падишаха народу и стали жить-поживать, добро наживать.

Долго ли, коротко ли так жили. Но пришло время быкам помирать. Перед смертью попросили они Туку:

— Как умрем, срежь ты наши рога, закопай у порога. Это тебе от нас память останется.

Так и сделал Туку. Срезал он рога бычьи, закопал у дверей своих. И выросли на том месте четыре огромных дуба. По сей день они там стоят, словно великаны. Может, это они счастье людское от всего злого охраняют...

ВИШАП,
СЫН ЦАРЯ
ЧИНМАЧИНА

Армянская сказка

авным-давно жил-был один царь. У этого царя было трое сыновей: один умный, другой еще умнее, а третий самый умный. Однажды царь сказал сыновьям:

— Пора вас женить.

Младший сын ответил за всех:

— Хорошо, только постарайся, отец, чтобы все три девушки были из одного дома.

— Ладно,— говорит царь,— надо будет поискать. У многих родителей есть по три дочери, но я для вас должен выбрать самых достойных.

— Это твое дело, отец,— отвечает младший сын,— выбирай!

Призвал царь визиря.

— Многие лета здравствовать тебе, царь,— сказал визирь.— Что прикажешь?

— Решил я женить своих сыновей,— говорит царь.— Нужно найти трех невест из одного дома. Собирайся, пойдем найдем трех девушек, посватаем за моих сыновей.

— Многие лета здравствовать тебе, царь. Пойдем поищем.

Сели они на коней, пустились в дорогу. Сколько ни искали, в какие дома ни заходили, не могли найти девушек по своему вкусу.

Царь говорит:

— Послушай, визирь, много мы городов объехали. Давай еще поедem в Багдад*, поищем. Если и там не найдем, то вернемся домой.

Поехали они в Багдад, ходили, искали, кружили по городу, опять не нашли невест для царских сыновей.

— Визирь,— говорит царь,— раз уж мы здесь, пойдем к багдадскому царю, засвидетельствуем ему свое почтение и двинемся в обратный путь.

Пошли они в гости к багдадскому царю. Он устроил для них пир, а на этом пиру три девушки подносили гостям угощение.

Багдадский царь спрашивает путников:

— Зачем пожаловали в наши края — с делом или для своего удовольствия?

Отвечает ему царь:

— Решил я своих сыновей женить на трех девушках из одного дома. А кто эти красавицы, которые подносили нам угощение?

— Это мои дочери.

— Какая удача! — говорит царь.— Они мне все нравятся. Отдай их замуж за моих сыновей.

— Считаю, что я приношу их тебе в дар,— ответил повелитель Багдада.

— Благодарю тебя,— поклонился приезжий царь,— позови своих дочерей. Я надену им на пальцы по золотому кольцу.

Вошли три девушки: и была старшая из них прекрасна, средняя еще прекраснее, а младшая самая прекрасная. Их отец, повелитель Багдада, поздравил с помолвкой и снова устроил прекрасный пир.

Наутро приезжий царь поблагодарил хозяина и сказал:

— Сейчас я поеду домой, а через месяц вернусь с сыновьями, сыграем свадьбу.

Отправился царь назад в свою страну. Все три сына выехали ему навстречу.

— Свет очам вашим,— говорит царь.— Всех троих я обручил с дочерьми повелителя Багдада. Я попросил месяц сроку, чтобы подготовиться к свадьбе.

Заказал царь три роскошных девичьих наряда и три наряда для юношей. Через месяц все было готово.

— Визирь,— говорит царь,— возьмем с собой моих сыновей, пятьсот всадников и поедем в Багдад, привезем моих невесток, сыграем свадьбу.

Младший сын возразил ему:

— Если мы все уедем, кто же останется в нашем дворце? Могут напасть враги в наше отсутствие. Вы поезжайте, а я останусь дома. Мою невесту вы привезете с собой.

— Верно ты говоришь,— согласился царь.

Младший сын на прощание сказал отцу и братьям:

— Как будете возвращаться из Багдада и доедете до родника под красным холмом, не сходите с коней, не пейте там воды и не разбивайте лагерь. Там вас будет подстерегать опасность.

— Хорошо,— обещали они,— будем помнить.

Рано утром все, кроме младшего сына, двинулись в путь. С музыкой, с зурной* и доолом* въехали в город Багдад, прибыли на царский двор и спешились.

Повелитель Багдада принял их как подобает: с почестями, радушно. Привели девушек, нарядили их в новые платья. Двое старших сыновей подошли к своим невестам, взяли их за руки и пошли с ними в сад, а младшая сестра осталась одна и вся залилась слезами. Разгневался повелитель Багдада и говорит царю:

— Раз у тебя только двое сыновей, для чего ты сватал трех девушек?

— Клянусь тебе своей головой и твоей головой клянусь, что у меня три сына,— отвечал царь.— Третий остался во дворце, чтобы враги не застали нас врасплох. Твою третью дочь возьму я с собой, и свадьбу с моим сыном сыграем у нас.

Старших сыновей женили, устроили пир на славу, а наутро стали собираться в обратный путь.

Повелитель Багдада говорит царю:

— Пусть твоя свита едет, а ты еще посиди со мной, выпьем по чашечке кофе, ты их потом догонишь.

Царь согласился. А царская свита и сыновья с молодыми женами тем временем доехали до красного холма. Визирь говорит:

— Что-то наш царь запаздывает. Давайте разобьем шатры и подождем его здесь.

Разбили шатры, стали готовить пищу.

Наконец подъехал царь. Говорит им:

— Собирайтесь сейчас же, уедем отсюда.

А визирь возражает ему:

— Уже темно, куда мы сейчас двинемся? Вот рассветет, и поедем.

— Визирь,— говорит царь,— ты разве не слышал, как младший сын предупреждал нас, что это опасное место?

— Чего ты боишься? — засмеялся визирь.— С нами пятьсот всадников, целое войско, и мы же еще должны бояться?

— Действительно,— говорит царь,— наверно, ты прав, останемся.

А когда рассвело и царь проснулся в своем шатре, он увидел, что его лагерь со всех сторон окружил огромный вишап*.

— Пропусти! — закричали вишапу все пятьсот всадников сразу.

Но вишап рассмеялся так, словно гром загремел:

— Ха, ха, ха! Да я захочу, хвостом шевельну — и от вас следа не останется.

Сам царь стал просить вишапа:

— Пропусти ты нас, нам надо спешить во дворец.

— Пропущу, — говорит вишап, — но только обещаю, что отдашь мне своего младшего сына.

— Ничего не поделаешь, — говорит царь. — Надо же отсюда выбираться. Обещаю.

— Проходите, — говорит вишап. — Только невесту младшего сына я оставлю в залог. Отпущу ее, когда царевич приедет.

Поскакали гонцы во дворец. Говорят младшему царевичу:

— Свет очам твоим. Царь возвращается!

Взял младший сын сто всадников, поскакал на встречу царю. Увидел царь своего сына и горько зарыдал.

— Многие лета здравствовать тебе, царь, — говорит сын. — Что же плачешь в такой радостный день?

— Потому плачу, — говорит царь, — что совета твоего не послушался, сделал привал у красного холма, а ночью нас окружил грозный вишап. Он хотел нас уничтожить и не отпускал до тех пор, пока я не обещал ему тебя, сын мой. Он оставил у себя твою невесту как заложницу. Теперь ты знаешь, почему я плачу.

— И напрасно плачешь, — говорит младший царевич. — Вот если я умру, тогда поплачешь, а пока не все потеряно. Буду собираться в путь.

— Не ходи, — стал умолять его царь. — Не

уйди, останься. Уж что должно случиться, того не миновать...

— Нет, нет,— отвечает сын.— Стыдно нам будет перед повелителем Багдада, если мы оставим его дочь на съедение вишапу. Прощайте все!

Младший царевич сел на коня и отправился в путь. Доехал он до вишапа. Вишاپ говорит:

— Добро пожаловать. Невесту твою я сберег невредимой. Если послужишь мне верой и правдой, отдам я тебе твою невесту, увезешь ее от меня и женишься.

— Приказывай, я к твоим услугам,— отвечает царевич.

— Сядь мне на голову,— говорит вишاپ.— Схватись крепко за уши и не отпускай. И ничего не бойся. Мы с тобой полетим в небо.

Поднял вишاپ царевича выше седьмого неба и говорит:

— Смотри направо.

Царевич посмотрел.

— Что видишь там?

— Город вижу.

— Это столица царя Чинмачина,— говорит вишاپ.— А дворец видишь?

— Вижу.

— А огромную чинару перед дворцом?

— Тоже вижу.

— А теперь взглядишь и скажи мне: видишь ли ты на ветках девушку? Смотри внимательно.

Сначала царевич ничего не мог разглядеть, а потом пригляделся и увидел девушку.

— Вижу, вижу,— говорит.— Она одета в красное платье и сидит почти у самой вершины.

Вишاپ спустил юношу на землю и говорит:

— Пойди и добудь мне эту девушку. Тогда отдам тебе твою невесту.

Дал ему вишاپ скатерть.

— Вот это,— говорит,— тебе на дорогу. Как проголодаешься, разверни скатерть, найдешь в ней все, что пожелаешь.

Взял царевич скатерть и пошел. Долго ли шел, коротко ли, про то ему лучше знать, дошел до дремучего леса. А из лесу выскочили на дорогу два огромных дэва и преградили ему путь.

— Стой,— говорят,— очень мы голодны, хоть тобой закусим!

— Не трогайте меня,— говорит юноша.— Я накормлю вас. Что бы вы хотели съесть?

— Семь буйволов хватило бы нам,— говорят дэвы.

Царевич расстелил скатерть и сказал:

— Скатерть, дай мне семь буйволов!

И тут же ровно семь буйволов сошли со скатерти на траву.

Накинулись на них дэвы, все съели, все косточки обглодали и спрашивают юношу:

— Куда ты путь держишь?

— Иду,— говорит,— в столицу Чинмачина.

— Что ж,— говорят дэвы,— ты нас накормил, мы тебе за это добром отплатим.

Один дэв посадил его себе на спину и мигом донес до границ своего дэвского царства.

— Вот,— говорит,— тебе на прощание мой волос. Если худо тебе придется, сожги его.

Поблагодарил царевич дэва и пошел дальше. Идет он, идет и видит: движется ему навстречу несметное войско. Это конные муравьи возвращаются с войны против обезьян. Окружили муравьи царевича и повели его к муравьиному царю. Царь поглядел на него и говорит:

— Мне он не нужен, заберите его и съешьте. Вам как раз хватит.

— Многие лета здравствовать тебе, царь,— говорит царевич.— Разреши накормить твоих подданных чем повкуснее, а меня пусть они не трогают.

— Разрешаю,— говорит царь.

— Что вы любите есть? — спрашивает юноша у конных муравьев.

— Пшеницу, ячмень и просо.

— А сколько вам нужно?

— Сто мешков насытили бы нас вполне.

Постелил царевич скатерть, и тут же оказалось на ней сто мешков зерна. Наелись муравьи досыта. А царь муравьев достал нитку и протянул ее царевичу:

— Накормил ты моих подданных досыта. Я тебе за это добром отплачу. Как придется тебе туго, обмотай нитку вокруг пальца, мы тогда придем тебе на помощь.

Пошел царевич дальше. Шел, шел и видит: идет навстречу войско. Ни конца ему нет, ни краю. Подошел поближе, увидел, что это обезьяны, которые дрались с конными муравьями. Окружили его обезьяны и повели к своему царю.

— Многие лета здравствовать тебе, царь,— обращается он к царю.— Вели своим подданным отпустить меня, а я их досыта накормлю. Чем накормить вас? — спросил он у обезьян.

— Мы едим миндаль, бананы и грецкие орехи.

— А сколько съедите?

— Мы съедем шестьдесят мешков.

Расстелил юноша скатерть и попросил у нее шестьдесят мешков грецких орехов, бананов и миндаля.

Наелись обезьяны, а обезьяний царь протянул юноше два кольца и говорит:

— Накормил ты моих подданных досыта, я тебе

за это добром отплачу. Одно кольцо надень на правую руку, одно — на левую. Одну руку опустишь в воду — вода замерзнет. Другую опустишь — лед растает.

Двинулся юноша дальше. И наконец дошел до города Чинмачина. А город этот был окружен глубоким рвом, а моста через этот ров не было. Опустил он в воду левую руку — вода замерзла. Перешел он через ров. Коснулся кольцом правой руки льда во рву — лед растаял. В городе встретил царевич старушку. Расспросил у нее, какой в городе царь и хорошо ли живет людям в Чинмачине.

— Живется неплохо, — отвечает старушка. — Только вот беда: пропал у царя сын. И еще одна беда: тому, кто посватается к царской дочери, предлагает царь испытание, а если жених испытаний не выдерживает, царь рубит ему голову.

— Что ж, — говорит юноша, — теперь настала моя очередь. Пойду сватать царскую дочь.

— Не ходи, сыночек, — говорит старушка. — Лишишься ты головы, жалко мне тебя.

— Нет, пойду, — говорит царевич. — Если позволишь, я у тебя переночую, а с утра разбуди меня пораньше и проводи во дворец.

Пошел он с утра во дворец, подошел к стражникам и говорит:

— Пустите меня, у меня дело к вашему царю.

Пошли слуги, доложили царю.

— Так и так, — говорят. — Пришел какой-то юноша, хочет с тобой говорить.

— Введите! — приказывает царь.

Вошел юноша в царские покои. Семь раз поклонился, на восьмой руку к сердцу приложил.

— Что скажешь? — говорит царь.

— Скажу, что пришел сватать твою дочь, — отвечает царевич.

— Уходи той же дорогой, что и пришел,— говорит царь.— Жалко мне тебя. Ведь если не пройдешь мои испытания, голову тебе отрублю.

— Согласен,— говорит юноша.

Тут чинмачинский царь созывает своих назір-визирей и говорит:

— Расставьте серебряные подносы под этой чинарой, а на золотой поднос поставьте стакан воды. Если парень влезет на чинару, не пролив ни капли, отдам ему дочь. Если хоть каплю прольет, отрублю ему голову.

Юноша подошел к дереву, опустил кольцо в воду и полез на чинару. Поднялся на самую верхину и сел на ветку. А потом стал спускаться и по дороге оттаивать воду вторым кольцом.

— Ну,— говорит царь,— сегодня тебе повезло. Завтра снова придешь.

Пошел царевич ночевать к старушке, а она его жалеет:

— Ослепнуть бы моим глазам и не видеть, что над тобой творят. Ложись отдыхай.

Наутро опять отправился царевич во дворец. Царь заставил его целый день простоять у ворот, а к вечеру приказал наполнить маслом два тридцатипудовых чана и велел ему съесть их до утра. Съел юноша крошечный кусочек масла и уже наелся.

«Эх,— думает,— отрубят мне завтра голову».

И вдруг вспомнил про дэвов. Поднес он волосок к огню — и дэвы тут же вошли в его комнату.

— Что случилось? — спрашивают.

— Видите чаны с маслом? Я позвал вас, чтобы угостить.

Дэвы говорят:

— Мы уже сорок лет масла не пробовали.

Опустили они морды в чаны и все съели, даже стенки облизали.

На рассвете царь встал и позвал своих назир-визирей:

— Приведите парня, отрубим ему голову. Столько масла и тысячу человек не съедят.

Вошли назир-визирь в комнату к царевичу, а он спит. Разбудили они его и привели к царю.

— Ну что скажешь? — говорит царь.

— Я съел все масло, — отвечает царевич.

Царь послал слуг, те стали проверять — искать, везде шарить, но ничего не нашли. Пришли к царю и говорят:

— Он и вправду все съел.

Тут прислужницы сообщили царевне, что один парень за нее сватается и уже два испытания прошел.

— Что же, — говорит царь, — пока еще не все. Сейчас поди отдохни, а вечером приходи во дворец.

Пошел царевич к старушке, отдохнул у нее, а вечером опять явился к чинмачинскому царю. Царь зовет своих назир-визирей и говорит:

— Отмерьте десять мер ячменя, десять мер пшена и столько же проса. Смешайте все и велите парню к утру по сортам разобрать.

Начал юноша крупу разбирать и видит, что ему до утра и с одной горсточкой не справиться. И вдруг вспомнил он про муравьев. Намотал он нитку на палец — и тут же вся его комната наполнилась муравьями.

Говорит им юноша:

— Я вас попрошу пшено, просо и ячмень на три кучи разделить, все по сортам. Только пока не ешьте, я вас после накормлю.

И вот собрались муравьи, и было их столько, что, если их выстроить по одному, последний окажется на вершине горы Масís. Разобрали они все зерно, а потом царевич разостлал перед ними ска-

терть и досыта их накормил. На рассвете проснулся царь, стал созывать своих назир-визирей.

— Приведите,— говорит,— парня, отрублю ему голову.

Пришел царевич, а чинмачинский царь велит ему голову рубить.

— За что же? — говорит юноша.— Я все как надо сделал.

Пошли, проверили, все зерно перемерили. Видят: работа и вправду выполнена.

Царь говорит:

— Иди, на следующее утро опять придешь.

Сообщили прислужницы обо всем этом царевне.

— Интересно, где этот парень живет? — спрашивает царевна

Говорят ей:

— У одной старушки.

Царевна дала целую горсть золота своей служанке и говорит:

— Чтобы лишнего слова не слетело с твоих губ. Пусть старушка оденет парня в девичий наряд и вечером приведет ко мне.

Вечером старушка нарядила юношу в женскую одежду и привела во дворец. Стражник не хотел ей открывать ворота.

Старушка говорит:

— Я привела свою дочь на обучение к царской дочери.

— Ну ладно, раз так, веди.

Отвела старушка юношу к царевне, поклонилась ей и говорит:

— Чему можешь научить мою дочь, сейчас учи, а на ночь ей нельзя здесь остаться.

Царевна отослала служанок и, когда они остались одни, обратилась к царевичу:

— Ты хорошо прошел все испытания, но завтра

тебе предложат новые. Слушай внимательно и запоминай. Завтра мой отец приведет сорок девушек, одетых в черные платья, посадит их на черных коней, накинёт им на голову черную вуаль, построит их в ряд и спросит тебя, которая из них его дочь. Отсчитай девятнадцать от начала, а двадцатая буду я. Смотри не запутайся.

На рассвете царевич приходит к царю. Зовёт царь назир-визирей и говорит:

— Идите привезите сорок девушек. Оденьте их в черные платья. Посадите на сорок черных коней. Накиньте им на головы черные вуали.— А царевичу говорит: — А ну-ка, которая тут моя дочь?

Царевич считает до девятнадцати, подходит к двадцатой девушке, берёт коня под уздцы и говорит:

— Вот твоя дочь.

— Что ж, верно,— говорит царь.— Иди домой, утром снова придешь.

Царевич ушел, но тут же вернулся, переодевшись в женский наряд.

Царевна опять отослала слуг и учит его:

— Слушай, юноша. Завтра мы сядем на красных коней, наденем красные платья, покроем головы красной вуалью. Я встану последней. Подойдешь к моему коню и возьмешь его за уздечку.

Утром снова идет царевич во дворец.

Царь приказывает своим назир-визирям:

— Приведите сорок девушек, посадите на красных коней и постройте их в ряд.

Спрашивает чинмачинский царь у царевича:

— Которая тут моя дочь?

Царевич подошел к последнему коню.

— На этом коне твоя дочь,— говорит.

— И сегодня тебе повезло,— говорит царь.— Иди домой, придешь завтра утром.

Опять приходит юноша к царевне в девичьем наряде.

Царевна говорит ему:

— Завтра сядем на белых коней, оденемся в белые платья, головы покроем белой вуалью. Я встану первой. Подойдешь, возьмешь коня моего за узду, подведешь к царю.

Рано утром пошел юноша во дворец.

Выходит царь и приказывает:

— Идите приведите сорок девушек, оденьте их в белый наряд, посадите их на белых коней, покройте головы белой вуалью и постройте в ряд.

Спрашивает царь юношу:

— Которая моя дочь? Найди и приведи ее.

Подошел юноша к первой всаднице, взял белого коня за уздечку, подвел к царю и говорит:

— Многие лета здравствовать тебе, царь. Уже шесть дней ты меня терзаешь. Вот тебе твоя дочь. Отдашь ты ее мне наконец?

Царь приказал всем всадницам сойти с коней и всех пригласил в царские покои.

— Кто ты? — спросил он у юноши. — До сих пор через мои испытания никто не сумел пройти.

Отвечает ему юноша с поклоном:

— Я царский сын, приехал сюда сватать твою дочь. А что все твои испытания я прошел, так это просто мне повезло.

Говорит ему чинмачинский царь:

— Не хотелось мне ее замуж отдавать. Мой сын пропал. Как же я с единственной дочерью расстанусь? Женись на ней и оставайся здесь.

— Нет, — отвечает юноша. — Снаряди нас в дорогу, а свадьбу мы сыграем у моего отца.

— Ничего не поделаешь, — отвечает царь.

На прощание чинмачинский царь говорит ему:

— Послушай, юноша, что я скажу тебе. Пропал

мой двадцатипятилетний сын. Ты такой мудрый, может быть, ты сына моего найдешь. Если вернешь мне сына, отдам я тебе половину своего царства. А теперь счастливого вам пути.

Доехал юноша с царевной до страны обезьян. Обезьяны отвели его к своему царю. Обезьяний царь говорит:

— Добро пожаловать. Накорми нас, потом мы тебя проводим.

Расстелил юноша скатерть, досыта накормил обезьян. А они проводили его короткой дорогой до страны конных муравьев.

— Добро пожаловать,— сказал им муравьиный царь.— Накорми нас, а потом мы тебя проводим.

И перед муравьями расстелил юноша скатерть и накормил их досыта. И муравьи проводили его короткой дорогой до страны дэвов. Дэвы подходят к юноше и говорят:

— Накорми нас, и доброго тебе пути.

Наелись дэвы и быстро перенесли юношу с царевной к дому вишапа.

Вишاپ его спрашивает:

— Ты почему так долго?

— Не легко было пройти все испытания,— отвечает царевич.

— Оставь эту девушку у меня,— говорит вишاپ.— А сам сходи в сад за своей невестой.— Потом вишاپ говорит девушке: — Скорей обмотай свои волосы вокруг моей шеи.

Испугалась девушка, отшатнулась от него, а он так ласково ее просит, умоляет. Она обмотала волосы вокруг его шеи. И в ту же секунду вишاپ вскрикнул, шкура на нем разорвалась, и он превратился в прекрасного двадцатипятилетнего юношу. Дочь чинмачинского царя увидела, что это ее брат.

В этот момент царевич возвратился из сада.

Увидев незнакомого юношу, он тут же выхватил саблю, а чинмачинский царевич говорит ему:

— Подожди, не убивай меня, сначала выслушай. Эта царевна — моя сестра. Только одна она могла разрушить колдовство. Многих я посылал за нею, и только ты один сумел ее привезти.

И такая тут настала радость, будто им целый мир подарили. Все четверо сели на коней, поехали в царский дворец и сыграли свадьбу царевича с его невестой.

Через некоторое время царевич говорит:

— Я должен отвезти сына и дочь чинмачинского царя к их отцу.

А вперед скачут гонцы.

— Свет очам твоим! — говорят они чинмачинскому царю. — Твои сын и дочь вернулись.

Чинмачинский царь созывает всех придворных, всех слуг, весь народ, задает невиданный пир.

С неба упало три яблока: одно — тому, кто рассказывал, другое — тому, кто слушал, а третье — тому, кто на ус намотал.

НЕПОБЕДИМЫЙ ЧЕМИД-ЧУДЗИН

Башкирская сказка

ил на свете бедный
пастух Чемид-Чудзин.

С детства он сильным и ловким был, сильнее всех своих сверстников. А как подрос, так его и

взрослые опасаться и уважать стали. Знали все, что никому из них с силачом Чемид-Чудзином в бою не справиться: всякого он легко одной рукой победит.

Много лет пас бедный пастух Чемид-Чудзин стада богатого Чанара. Но однажды разгневался богач на своего пастуха и прогнал его. Взвалил Чемид-Чудзин котомку на плечи и пошел куда глаза глядят.

Долго шел он, устал.

Привела его дорога в густой лес. Выбрал Чемид-Чудзин тенистую полянку, положил под дерево котомку, лег и заснул.

Спит он и видит сон — будто подходит к нему старик с большой белой бородой и говорит:

«Здравствуй, богатырь».

«Какой я богатырь! Я простой пастух», — отвечает Чемид-Чудзин.

«Нет, ты богатырь. Слушай, что я тебе скажу. Под этим деревом, в тени которого ты спишь, есть железная дверь. Дверь эта ведет в подземелье. Уже сто четыре года стоит там волшебный конь и ждет богатыря, который его оседлает. Садись на него, и станешь настоящим богатырем. Не давай в обиду слабых, помогай бедным и наказывай злых и богатых».

Проснулся Чемид-Чудзин — и сам не знает, верить своему сну или не верить. Встал он на ноги, схватил за нижние ветви дерево, под которым спал, вырвал его и видит — в глубине ямы большая железная дверь.

«Кажется, старик-то мне правду сказал», — подумал Чемид-Чудзин. Открыл он дверь и спустился в подземелье.

Не прошел он и трех шагов, как появился перед ним, словно из-под земли, белоснежный конь. Грива у коня кольцами, шерсть шелковая, подковы из

чистого золота. Драгоценное седло на коне, и повешено к седлу богатырское оружие.

Остановился конь перед Чемид-Чудзином и заржал, словно от радости. Чемид-Чудзин не стал долго раздумывать. Вскочил он на коня, выехал из подземелья и помчался по лесной дороге.

Доехал он до первого перекрестка, и встретился ему незнакомый богатырь на сером коне.

— Куда, богатырь, путь держишь? — спрашивает Чемид-Чудзин.

— Еду я в турецкую землю. Там собираются богатыри со всей земли. Кто окажется всех сильнее, за того падишах свою дочь отдаст.

— А как зовут тебя?

— Зовут меня — Сагіб-Алі.

— Сагіб-Али, возьми меня с собой.

— Поедем, дорога широкая — двоим места хватит.

Долго ехали богатыри через дремучие леса, через высокие горы. Переплыли много быстрых рек, доехали до перекрестка трех дорог — и встретился им богатырь на черном коне.

— Куда, богатыри, путь держите? — спрашивает.

— В турецкую землю, — отвечают богатыри. — Там собираются силачи со всего света. Самому сильному падишах свою дочь в жены отдаст.

— Возьмите меня с собой, — просит их новый товарищ.

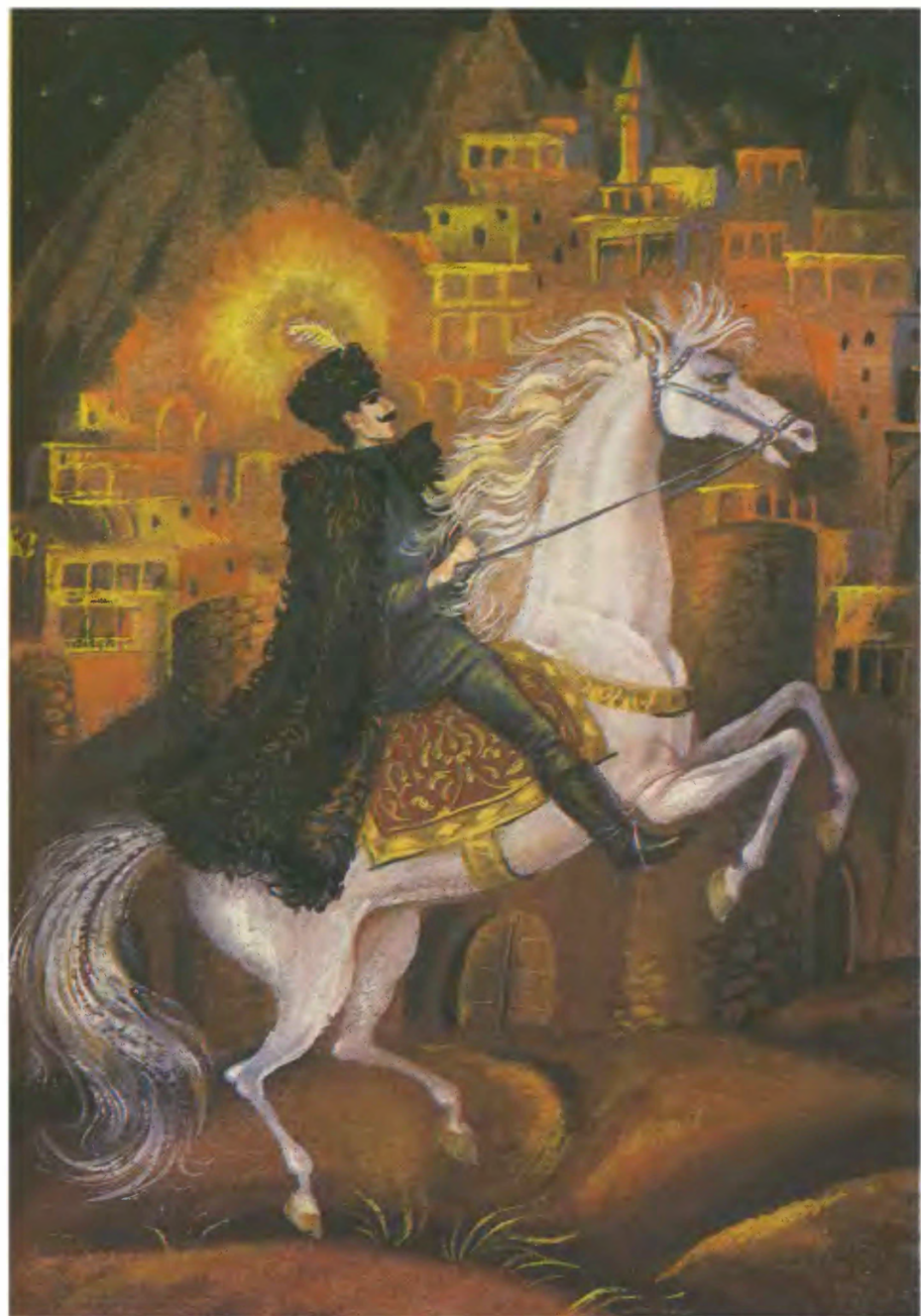
— А как зовут тебя?

— Зовут меня — Мухамэд-Керім.

— Поедем, дорога широкая — троим места хватит.

Едут богатыри, беседу дружескую ведут, а Сагіб-Али и говорит:

— Братья, напрасно мы все трое в турецкую

К аварской сказке «Морской конь».

землю едем. Ведь там падишах нас друг с другом бороться заставит. Придется нам в единоборстве друг на друга руку поднять. Давайте лучше бросим жребий: пусть один из нас к турецкому падишаху едет, а другие двое от перекрестка вправо и влево разъедутся.

Согласились богатыри, кинули жребий, и пал жребий на Чемид-Чудзина.

— Ты поезжай в турецкую землю, — говорят ему Сагиб-Али и Мухамед-Керим, — а мы — один вправо, а другой влево поедем. И ровно через три года все мы на этом перекрестке соберемся. А если не придет кто-нибудь из троих, значит, случилось с ним какое-нибудь несчастье. Поклянемся, что будем помогать один другому, что бы ни случилось.

Поклялись богатыри, распрощались и разъехались в разные стороны.

Поехал Сагиб-Али направо. Много стран он объездил, многих слабых и обиженных защищал, много добра людям сделал — и стало имя его известным от моря до моря.

Однажды, когда он ехал дремучим лесом, услышал голос:

— Богатырь, спаси меня от злой смерти, помоги мне. Злой волшебник держит меня тут в неволе.

Сагиб-Али подъехал к краю дороги и увидел, что к дереву привязана молодая красивая девушка.

Соскочил богатырь с коня, разрубил веревки. А девушка вдруг превратилась в огромную змею и проглотила его.

Испуганно заржал черный конь и бросился от дороги в чащу.

А Чемид-Чудзин ехал да ехал прямой дорогой в турецкую землю. На третий день пути встретился ему старик с большой бородой.

«Где я его видел?» — подумал Чемид-Чудзин

и вспомнил: этот старик с ним во сне разговаривал.

Теперь он остановил богатыря и спрашивает:

— Куда, сынок, путь держишь?

— В турецкое царство,— отвечает Чемид-Чудзин.— Хочу с другими богатырями сразиться, свое счастье испытать.

— Это ты всегда успеешь,— отвечает старик,— поезжай лучше в царство киргизское, сразись с царем Замигулом.

— А зачем мне с ним сражаться? — спрашивает Чемид-Чудзин.

— У царя Замигула,— говорит старик,— есть волшебный камень. Кто его в руках держит, у того все желания исполняются. Камень этот может даже мертвых воскрешать. Победишь Замигула — камень этот твоим станет.

— Спасибо за хороший совет, отец,— говорит Чемид-Чудзин.— Конечно, я лучше к Замигулу поеду.

Повернул он коня и поехал в киргизское царство.

Привез его конь в киргизское царство, к самому двору царя Замигула.

Стоит царский шатер — весь из красного шелка, золотой решеткой обнесен, а на решетке отрубленные головы человеческие. Однако не испугался храбрый богатырь Чемид-Чудзин, спрыгнул с коня и перелез через решетку.

Входит он в царский шатер.

Сидит в шатре древняя старушка, войлочную попону для коня шелком и золотом вышивает.

Поздоровался с ней богатырь, а старушка и говорит:

— Как ты попал сюда, добрый молодец? Ведь это шатер злого царя Замигула. Если он застанет

тебя здесь — убьет. Видишь, сколько людей он уже загубил и головы их на решетку повесил?

— Авось меня не убьет, — отвечает Чемид-Чудзин. — Я сюда, бабушка, за делом приехал. Надо мне узнать, где у Замигула волшебный камень спрятан. Помоги мне, если можешь.

В это время за оградой конский топот послышался, громкий крик.

— Это Замигул вернулся, — говорит старушка, — спрячься скорее.

Посадила она его в угол и прикрыла старым войлоком.

Входит в шатер царь Замигул. Халат на нем шелковый, тюбетейка жемчугом вышита, черные волосы в мелкие косы заплетены, в руках плетка ременная.

Садится Замигул за стол.

— Давай, старуха, есть — проголодался я.

Подает ему старушка золотые блюда с кушаньями, а сама спрашивает:

— Долго ты ездил, Замигул. По лесам гонялся?

— Да, — отвечает царь, — охотился. Совсем было загнал оленя белого, да увернулся он от меня и в горах скрылся. Ну да я его все равно найду.

— А как же ты найдешь его? — спрашивает старушка.

Усмехнулся Замигул:

— Есть у меня камень волшебный. Этот камень открывает мне все, что я знать хочу. Опущу я его в воду, погляжу на дно — и ничто от меня не скроется.

Поел Замигул, встал, снял со стены золотой меч и опустил его рукоятку в чан с водой.

— Вот, гляди, старуха. Камень в рукоятку меча вставлен. Гляжу я на дно чана и вижу, что олень в

горную пещеру спрятался. Завтра поеду туда и достану его.

Повесил Замигул меч обратно на стену и лег на мягкие подушки отдыхать. Вышел тут Чеми́д-Чудзин из угла, снял волшебный меч со стены, на двор выбежал и кричит:

— Царь Замигул, вставай! Я с тобой биться приехал, твою голову с плеч снять.

Услышал Замигул, с подушек поднялся:

— Молод ты, богатырь, чтобы с Замигулом биться. Не боюсь я никого. Мне смолоду предсказано, что смерть мне только от руки богатыря Чеми́д-Чудзина написана. А ты кто такой?

— А я и есть богатырь Чеми́д-Чудзин!

Выскочил Замигул из шатра, второпях и про меч свой забыл. А Чеми́д-Чудзин ждет его, на коне вокруг шатра скачет, волшебным мечом размахивает.

Вскочил и Замигул на коня, да как увидел, что богатырь его меч в руках держит, испугался.

Бросился он на Чеми́д-Чудзина, хочет меч отнять, а богатырь только поднял руку с волшебным мечом — упал Замигул мертвым.

Вошел Чеми́д-Чудзин в шатер.

— Нет больше, бабушка, злодея Замигула. Не будет он теперь добрых людей безвинно казнить.

А старушка поглядела на богатыря и говорит:

— Доброе дело ты сделал, богатырь. Долго я тебя ждала. Меня сюда отец мой, старый орел, на помощь людям отправил. Теперь я могу в родные степи воротиться.

Обернулась старушка молодой орлицей, вылетела из шатра и унеслась за дальние горы.

Поклонился ей вслед богатырь, сел на коня и поехал к перекрестку, где он с Сагибом-Али и с Мухамедом-Керимом расстался.

Приезжает он туда и видит — нет богатырей. Только серый конь и черный конь бродят, понурые, со сбитыми набок седлами.

«Видно, с моими братьями беда случилась», — думает Чемид-Чудзин. И вдруг слышит голос:

— Помоги мне, добрый богатырь. Спаси меня от волшебника, который меня в плену держит.

Обернулся Чемид-Чудзин, а у дороги молодая девушка к дереву привязана.

— Проверю сейчас, правду ли ты говоришь, — отвечает богатырь.

Опустил он волшебный меч в ручей, заглянул на дно и узнал всю правду.

— Не девушка ты — змея лютая. Ты моих братьев проглотила. Отдавай их сейчас же, не то плохо тебе придется! — закричал Чемид-Чудзин.

Испугалась девушка, обернулась змеей, чтобы на богатыря кинуться, а Чемид-Чудзин ударил волшебным мечом, рассек змею на две части. Вышли из нее названные братья, стали обнимать Чемид-Чудзина.

— Как ты осмелился с этой волшебной змеей бороться? — спрашивают.

А богатырь отвечает:

— Да ведь мы друг другу слово давали — один за другого в беде стоять.

И Сагиб-Али, и Мухамед-Керим никогда с Чемид-Чудзином не расставались и, как родные братья, его любили.

МОРСКОЙ КОНЬ

Аварская сказка

ил в давние времена человек, и было у него три сына. Каждый день приходили они рано поутру к отцу узнать, здоров ли он, не нужно ли ему чего-нибудь.

Вот раз пришли они и увидели его в великой печали.

— Что с тобой, отец? — спросили сыновья. — Огорчили тебя дурные вести или беда какая случилась? Отчего ты такой невеселый?

— Не было дурных вестей, и беды со мной тоже не случилось, — ответил отец. — Не дает мне покоя сон, который видел я в эту ночь. Снилось мне, что взошло над морем солнце, а вслед за ним выплыл на морской берег снежно-белый конь. В один миг обещал он трижды вокруг земли и снова канул в море, а вслед за ним на дно морское упало и мое сердце. С того часа, как увидел я этот сон, не мил мне стал дом наш и весь свет. Хочу добыть этого коня!

— Успокойся, отец! — сказали сыновья. — Мы пойдем за этим чудом и добудем его или не вернемся.

Они вскочили на коней и поехали.

В полдень третьего дня очутились братья на перекрестке трех дорог и увидели камень, на котором были высечены такие слова: «Кто пойдет направо — будет жив. Кто пойдет налево — тоже будет жив. Кто прямо пойдет — или счастье найдет, или сам пропадет».

Старший брат поехал по правой дороге, средний повернул налево, а младший погнал коня напрямик.

— Зачем ты едешь по этой опасной дороге? — закричали братья. — Поезжай с нами!

— Нет, — ответил тот. — Будь что будет... Если погибну, расскажите отцу, как расстались.

И поскакал, не оглядываясь, по прямому пути.

Ехал он, ехал... Ехал днем, ехал ночью, оставил позади бурные реки, перевалил через одну нашу гору и через две чужие, миновал три долины и пять ущелий, а тропинкам и счет потерял. Наконец доехал до дремучего леса.

Плутал он в этом лесу день, плутал неделю, плутал месяц, плутал год, но ни следа человеческого, ни жилья, ни выхода из леса найти не мог.

Голод и жажда измучили его, одежда на нем износилась и висела клочьями, конь его пал, а боевой меч покрылся ржавчиной.

И вот, когда юноша уже совсем отчаялся, он увидел на земле след человеческой ноги. Только нога та была удивительная: длиной в три аршина, шириной в аршин. Юноша не побоялся, пошел по следу.

Лес перед ним расступился, и он вышел на большую поляну, посреди которой стоял дворец, высокий, до самого неба.

Юноша вошел во дворец и увидел великаншу, старуху Карт, которая дремала у очага. В одно мгновение подбежал он к ней и коснулся губами ее груди — в знак того, что хочет быть ее сыном.

— Ну и хитер же ты! — сказала старуха Карт. — Теперь, по нашему обычаю, ты стал моим названным сыном, а я — твоей матерью. Не сделай ты этого, пришлось бы тебе худо. Откуда ты и что тебе надо?

Юноша рассказал ей о снежно-белом коне.

Старуха Карт задумалась:

— Такой конь действительно есть. Это конь Морского шаха, что живет на дне моря. Каждый день с восходом солнца выплывает конь на сушу, в один миг трижды обегает вокруг света, купается по пути в молочном озере, валяется на белом песке и снова уходит под воду... Там, на морском берегу, где резвится он, стоит чинара. Она так высока, что достигает вершиной до самого неба, а на вершине ее висят золотое седло и серебряная уздечка. Кто поймает морского коня и наденет на него эту сбрую, тот и будет ему хозяином...

Старуха Карт накормила юношу, дала ему одежду, оружие, доброго коня и показала дорогу к морю.

Ехал он долго, ехал он трудно, ехал днем, ехал ночью. Приехал наконец на берег моря, снял с чинары золотое седло и серебряную уздечку, вырыл в песке яму и спрятался в ней.

До восхода солнца он не сомкнул глаз. Когда стало светать и солнце поднялось из-за тихого моря, юноша увидел, как вслед за солнцем выплыл из морской пучины снежно-белый конь.

В миг обежал тот конь трижды вокруг земли, искупался в молочном озере и стал валяться на белом песке.

Вскочил тогда юноша на коня и обвился вокруг его шеи.

Морской конь подпрыгивал до самых облаков, а потом ударялся о берег. Земля дрожала под его копытами, но юноша не разводил рук и только теснее прижимался к шее коня. Так длилось до глубокой ночи.

— Ты победил! Теперь я твой навеки,— сказал наконец конь человеческим голосом.— Оседлай меня, надень уздечку, и я повезу тебя, куда ты захочешь.

Юноша оседлал коня золотым седлом, надел на него серебряную уздечку и сказал:

— Отвези меня к моему отцу!

Вдруг среди ночи стало светло как днем. Юноша спросил:

— Что это светится?

Они поехали на свет и увидели на маленькой поляне золотое перо, сверкавшее подобно солнцу

— Какое красивое перо! — воскликнул юноша. — Взять его или нет, как ты думаешь?

— Не возьмешь — пожалеешь. Возьмешь — раскаешься, — ответил ему морской конь.

— Уж лучше взять да каяться, чем не взять и жалеть, — сказал юноша.

Поднял перо, воткнул его в шапку, и они отправились дальше.

Вскоре они увидели большой город, которым правил Кривой шах. Крепкие стены окружали город, и все ворота были закрыты на ночь.

Конь напился из родника у городской стены и попросил:

— Пусти меня на траву. А когда понадоблюсь, кликни только — и хоть буду я за семью горами, мигом явлюсь к тебе.

Юноша отпустил коня, спрятал перо в карман, накрылся буркой и уснул, как человек, который не спал шесть ночей.

А жители того города, увидев, что ночь вдруг стала светлой как день, а потом опять потемнела, бросились к Кривому шаху и рассказали ему об этом чуде.

Кривой шах испугался еще больше, чем его подданные, и велел поставить на городской стене сто дозорных. Всю ночь не сомкнул он глаз от страха.

Едва стало светать, Кривой шах выслал на разведку отряд всадников, вооруженных, как для

битвы. Они увидели юношу, разбудили его и повели во дворец.

— Тебя нашли спящим у городской стены,— сказал шах.— Не знаешь ли ты, что это сияло сегодня ночью, словно солнце, а потом вдруг погасло?

— Знаю,— сказал юноша и вынул из кармана золотое перо.

Руки у шаха затряслись от жадности. Он схватил перо и велел спрятать его в свою сокровищницу.

— Теперь принеси мне птицу, которая уронила золотое перышко! — закричал шах.— Я хочу владеть этой птицей!

— Пошли своих слуг, о шах! — ответил юноша.— Я тороплюсь домой. Меня ждет не дождется отец...

— Ты просто трус! — И шах в ярости затопал ногами.— Ты трус, и глашатаи мои прокричат об этом по всему свету!

Обиделся юноша.

«Постой же,— подумал он,— покажу я тебе, какой я трус!»

Пришел юноша в поле, стал звать морского коня.

Откуда ни возьмись, вырос перед ним снежно-белый конь.

— Что ты так печален? — спросил конь у хозяина.

— Пообещал я Кривому шаху поймать птицу, которая уронила золотое перо, да не знаю, где ее искать.

— Не печалься,— сказал морской конь.— Было бы все у нас и впредь так же легко. Помнишь озеро, где я купался?

— Помню,— ответил юноша.

— У Морского шаха есть три дочери,— продолжал конь.— Каждый день превращаются они в голубей и прилетают купаться в этом озере. Перышко, которое мы с тобой нашли, уронила из своего крыла младшая дочь. Ты притаись в кустах на берегу. Когда морские царевны прилетят купаться и сбросят на песок оперение, возьми оперение младшей, спрячь за пазуху. Девушка будет плакать, но ты не отдавай ей оперение, и тогда она пойдет за тобой всюду...

Обрадовался юноша, сел на коня, и конь одним прыжком перенес его к озеру.

Юноша спрятался в кустах и стал ждать. Наступил полдень, прилетели три голубя.

Вот они сбросили на песок золотое оперение и превратились в девушек-красавиц. А когда они вошли в воду, выскочил юноша из кустов и схватил оперение младшей дочери. Младшая дочь заплакала, но юноша не сжалился над ней и спрятал перышки за пазуху, как велел ему конь.

А две старшие сестры обратились в птиц и стали кружить над младшей.

— Сестрицы,— закричала младшая со слезами,— пришло время нам расставаться!.. Принесите мой сундучок с одеждой!

Не успел юноша оглянуться, как голубки прилетели с сундучком, бросили его на берег озера и взвились в синее небо. Девушка оделась. Юноша вскочил на коня, посадил ее позади себя в седло, и отправились они в путь.

— Куда мы едем? — спросила красавица.

— Мы едем к Кривому шаху. Он грозился ослабить меня трусом, если я не приеду,— ответил юноша.

— Не хочу я к нему ехать! — закричала девушка.

— А я не хочу прослыть трусом! — возразил юноша.

И пока они так говорили, добрый конь уже прискакал к тому самому городу, где правил Кривой шах.

— Вот,— сказал юноша.— Теперь ты, шах, не посмеешь бросить мне, что я трус! Птица, роняющая золотые перья, перед тобой...

Увидел Кривой шах морскую царевну и захотел жениться на ней.

— Ты мне в деда годишься,— сказала морская царевна.— Был бы ты молодым, я бы еще, может, подумала...

— Как же мне стать молодым? — закричал шах.— Научи меня!

— Вели выкопать за городом колодец глубиной в шестьдесят аршин,— сказала девушка,— наполни его молоком красных коров, искупайся в том молоке, и ты превратишься в юношу...

— Что за выдумки! Во всем моем царстве не найдется столько красных коров! — рассердился Кривой шах.

— Вот возьми,— сказала красавица и бросила ему маленький красный платочек.— Пошли кого-нибудь вон на ту высокую гору. Пусть встанет там и махнет этим платком.

Только поднялся человек на вершину высокой горы и взмахнул красным платочком, как с гор, с зеленых полян, из лесов и тысячи разных стран стали сбегаться к городу красные коровы. Пока морская царевна доила их, слуги шаха выкопали колодец глубиной в шестьдесят аршин и всё молоко вылили в колодец.

— Ну что ж, купайся! — сказала царевна.

Но Кривой шах испугался — колодец-то глубокой в шестьдесят аршин...

— Вот как! Да ты сам, оказывается, трус! — засмеялась красавица.

Обиделся Кривой шах на эти слова, прыгнул в колодец и, как свинец, пошел ко дну. Там, говорят, он и до сих пор лежит.

А юноша попрощался с жителями города (очень они были рады, что Кривой шах утонул), сел на морского коня и поехал с морской царевной к отцу.

Ехали они не спеша и вот однажды остановились на ночлег в маленьком селе. Они были голодны, и юноша пошел купить чуреки. Вдруг бедный человек, у которого покупал он чуреки, бросился обнимать его.

Это, оказывается, был старший брат, который поехал направо. Он не нашел коня, а вернуться домой с пустыми руками постыдился и жил теперь тем, что пек и продавал чуреки.

Юноша купил старшему брату одежду, оружие, коня, и они поехали дальше уже втроем. Ехали не торопясь, дней не считая, и остановились в маленьком городке отдохнуть. Там встретили они среднего брата, который отправился по левой дороге. И он не нашел коня и теперь жил тем, что продавал на базаре холодную воду.

Младший брат купил среднему одежду, оружие, коня, и уже вчетвером поехали они напрямик к отцовскому дому.

Но чем ближе подъезжали к родным местам, тем сильнее завидовали удачливому младшему брату неудачливые старшие братья и между собой потихоньку говорили так:

— Как будем мы дальше жить на свете? Как покажемся мы на глаза нашему отцу? Нет, нет! Надо как-нибудь избавиться от этого мальчишки, и тогда конь и дочь Морского шаха достанутся нам.

— На нашем пути, я знаю, будет глубокая про-

пасть,— сказал старший брат.— Как станем подъезжать к ней, давай предложим этому нашему удачнику скакать на спор: чей конь быстрее. Его конь, конечно, вырвется вперед и упадет в пропасть.

На том и порешили.

Вот стали они подъезжать к пропасти, и старшие братья сказали младшему:

— Давай скакать на спор: посмотрим, чей конь быстрее.

— Вы что, шутите? — удивился юноша.— Мой конь может трижды в один миг обехать вокруг света. Как же вам тягаться со мной?

— Ничего! — отвечали старшие.— Зато мы увидим, как скачет твой конь.

И они поскакали.

Морской конь, звеня подковами, вихрем помчался к пропасти и остановился как вкопанный у ее края. Юноша не усидел в седле и полетел головой вниз, в пропасть, а дочь Морского шаха свалилась наземь.

Кинулись братья ловить морского коня, но едва протянули к нему руки, как он уже скрылся из глаз.

Приехали старшие братья в родной город, заперли морскую царевну на замок и пошли к отцу.

На одну ложь громоздили они десять, на десяти строили сто, рассказывали ему о своей ловкости и удали.

— А коня, которого ты видел во сне, отец,— закончили они свой рассказ,— нет на свете. Не осталось такого места на земле, где бы мы ни искали его.

— Не надо мне коня! Скажите, где ваш младший брат? — спросил отец.

— Он поехал один по опасной дороге. Не слушался нас,— ответили братья,— и погиб, наверно, в пути.

Велико было горе отца. Он оделся в черные одежды, и все соседи оплакивали вместе с ним гибель отважного юноши. А старшие братья то и дело посылали свах к дочери Морского шаха, и каждая сваха расхваливала своего жениха.

— Пусть берегутся эти обманщики! — отвечала свахам царевна. — Я сама знаю, за кого выйду замуж!

И она смотрела в окно, у которого сидела целые дни, не сводя глаз с проезжей дороги.

Однажды рано утром дочь Морского шаха увидела наконец, как кружится вдали морской конь, грызет удила и косит на нее огненным глазом. Она махнула ему рукой, и тотчас морской конь стал у нее под окном.

— Где твой хозяин? — спросила она.

— Ты же знаешь: свалился в пропасть, — ответил конь.

— Мы должны спасти его! — воскликнула дочь Морского шаха.

— Накинь мне на шею веревку подлиннее, — сказал конь, — я вытащу его из пропасти.

У красавицы не было веревки. Она обрезала свою золотую косу, свила из нее длинную веревку и набросила на шею коня. В тот же миг конь очутился у пропасти и опустил золотую веревку на самое дно. Юноша схватился за нее, выбрался на белый свет, сел на морского коня и поскакал в родной город.

А старшие братья, как слышали знакомый звон подков, пустились наутек: один — на запад, другой — на восток, и до сих пор еще, пожалуй, бегут.

Так храбрый юноша добыл своему отцу снежно-белого морского коня и женился на красавице — дочери Морского шаха.

Свадьба была очень веселая! Дули в кожаную зурну, били в медный барабан. Кто бы ни пришел, уходил сыт и пьян. Говорят, и сейчас еще пьют и едят.

ДЕСЯТЫЙ СЫН ПАСТУХА

Курдская сказка

ил когда-то падишах. Несметны были его богатства, нескончаемы его владения, но не было у него наследника. И только к старости, когда годы посеребрили его бороду, родилась у него дочь. Счастливый отец устроил пышный пир в честь ее рождения, а потом позвал самых старых мудрецов, велел им заглянуть в волшебные книги и сказать, кто будет мужем его дочери, кому передаст он свое царство. Полистали мудрецы книги и ответили падишаху, что дочь его выйдет замуж за десятого сына бедного пастуха, у которого родимое пятно на левом плече.

Разгневался падишах:

— Вот позор будет, если моя единственная дочь станет женой бедняка. Не допущу я этого, пока жив!

Приказал он заточить мудрецов в высокую башню, а сам вместе с визирем переоделся дервишем* и поехал искать сына пастуха, который дол-

жен был жениться на его дочери по предсказаниям мудрецов. Он решил найти его и погубить.

Долго ли ехали, коротко ли, только доехали они до какой-то деревни. На краю деревни стояла покосившаяся от ветхости хижина бедняка пастуха. Визирь сказал падишаху:

— О господин, во время странствий мы всегда гостим у богатых людей. Давай на этот раз переночуем у пастуха.

Падишах подумал-подумал и согласился. Подъехали всадники к хижине. У пастуха было девять сыновей, мал мала меньше. Они играли во дворе и увидели, что к дому подъезжают стражники. Вбежал старший сын в дом и сказал:

— Отец, к нам едут два дервиша.

Пастух вышел на порог, поклонился всадникам, помог им слезть с коней и промолвил:

— Отцы дервиши! Гость — посланец Аллаха. Заходите в дом, отдохните и поешьте с дороги.

Падишах и визирь спешились и вошли в хижину. Пастух жил бедно, была у него только одна овца. Зарезал он ее и сделал шашлык для гостей. Отведал падишах пастушеского угощения и говорит:

— Никогда такой вкусной еды не пробовал. Скажи мне, добрый человек, как ты приготовил этот шашлык?

— Отец дервиш, мы, пастухи, только и умеем делать шашлык. Это искусство от дедов к отцам переходит, а от отцов — к внукам. Вот и меня отец научил такой шашлык готовить, что и сам падишах мог бы его отведать.

Наступил вечер. Пастух постелил гостям, и все легли спать. А утром, когда падишах и визирь проснулись, пастух сказал им, что этой ночью у него родился десятый сын.

— Покажи нам мальчика, — попросил падишах.

Принес пастух малыша, развернул и показал гостям. Ребенок был здоровым и красивым, а на плече у него виднелось большое родимое пятно.

Пастух рассказал гостям, что старушка колдунья нагадала, будто мальчику суждено жениться на единственной дочери падишаха. Понял падишах, что это тот самый мальчик, о котором говорили ему мудрецы, и стал думать, как бы погубить его.

А пастух тем временем приготовил угощение и пригласил своих гостей к столу:

— Счастье тому дому, где побывали дервиши! Садитесь к столу, дорогие гости.

А падишах промолвил в ответ:

— Добрый человек, я не буду есть твой хлеб, пока ты не исполнишь мою просьбу.

Пастух поспешил ответить:

— Отец дервиш, у меня ничего нет, в чем бы ты нуждался. Отведай моего угощения, а потом поговорим.

— Нет, добрый человек, пока ты не пообещаешь выполнить мою просьбу, я не притронусь к угощению.

Пастух подумал-подумал и согласился. Гости стали есть, а потом падишах и говорит:

— Ты обещал выполнить мою просьбу.

— Говори, отец дервиш, чего ты хочешь?

— Я человек старый, и у меня нет сыновей. Отдай мне твоего младшего. Ты беден, а у меня ему будет хорошо. Я тебе дам за него столько золота, сколько он сам весит.

— Слыханное ли это дело, чтобы родного сына чужому человеку отдавать!

— Ты же обещал, что исполнишь мою просьбу.

Пошел пастух с женой посоветоваться, а она и говорит ему:

— Ну что же, раз обещал исполнить просьбу,

отдавай сына, ведь нам и остальных кормить нечем. На это золото мы всех других детей растить будем, а младшему сыну счастливая судьба предсказана. Видишь, у него на плече родимое пятно — счастливый знак. Ему и у чужих людей плохо не будет.

Положили мальчика на одну чашу весов, на другую падишах стал золото насыпать, пока обе чаши весов не сравнялись. Пастух получил золото, а падишах взял мальчика и уехал с визирем. Отъехал от дома пастуха, отыскал в одном селении мастера и попросил его сделать деревянный ящик. Мастер сделал ящик, падишах взял мальчика, и поехали они дальше.

Долго ли ехали, коротко ли, приезжают к реке. Падишах положил мальчика в ящик и бросил в реку...

Прошло много лет. Однажды падишах был на охоте. Свита его отстала, и он ехал лесом один. Едет он, едет — и видит впереди реку, а в ней несколько юношей купаются. Остановился падишах, чтобы посмотреть, как они ныряют и плавают, и подождать своих слуг. Вдруг заметил он у одного из юношей родимое пятно на плече.

Вспомнил падишах мальчика, которому при рождении было предсказано жениться на единственной дочери падишаха. Только не верилось ему, что это тот самый мальчик: ведь того он бросил в реку! Падишах подъехал к юноше и спросил:

— Скажи, юноша, чей ты сын?

— Я сын мельника, — ответил юноша.

— Пойдем, покажи мне дом твоего отца.

Юноша повел падишаха к мельнице. Мельник вышел навстречу.

— Салам алейкум, — сказал ему падишах.

— Алейкум салам, — ответил мельник. (Он не узнал падишаха, потому что падишах, выезжая на

охоту, не надевал богатой одежды.) — Будь моим гостем, добрый человек. Ведь гости приносят в дом счастье, — добавил мельник.

Падишах спешил и зашел к мельнику в дом. После угощения он спросил у хозяина:

— Скажи, много ли у тебя детей?

— Юноша, который тебе дорогу к моему дому показал, — мой единственный сын. Его мне послал Аллах восемнадцать лет назад. Однажды мельница моя остановилась. Осмотрел я колесо и увидел, что какой-то ящик мешает ему вертеться. Достал я тот ящик, открыл его и нашел в нем мальчика. Он и стал моим сыном.

«Так оно и есть», — подумал падишах и снова обратился к мельнику:

— Я падишах этой страны. Пошли своего сына, чтобы он отнес письмо во дворец, к моему визирю.

А в письме падишах написал: «Как только этот юноша передаст тебе мое письмо, сразу казни его. Если не исполнишь приказа, я велю бросить тебя в темницу».

Отдавая письмо юноше, падишах сказал:

— Вот тебе десять золотых, пойдешь в город, отыщи мой дворец и отдай это письмо визирю. Только не показывай его никому, кроме самого визиря.

Юноша взял письмо и зашагал в город. Пришел он в город и увидел прекрасный сад. А в том саду часто гуляла со своими невольницами единственная дочь падишаха — красавица из красавиц. Когда юноша подошел к саду, дочь падишаха как раз была там. Юноша никогда раньше не видел такой красавицы. Смотрел он на нее, насмотреться не мог! Потом вспомнил о письме и сказал, что ему надо пройти во дворец падишаха.

Дочь падишаха взглянула на юношу и замер-
ла — так он был красив.

— А зачем тебе дворец падишаха? — спросила
она наконец.

— Я должен передать визирю письмо.

— Покажи мне это письмо, — попросила она.

Юноша помнил строгий наказ, но когда он
узнал, что перед ним дочь падишаха, то протянул
ей письмо.

Прочитала она письмо, немного подумала и
попросила юношу подождать, а сама написала но-
вое письмо. В этом письме было сказано: «Визирь,
юношу, который принесет тебе это письмо, возьми
во дворец, одень, как знатного человека, и жени на
моей дочери. А свадьбу сыграй такую, какой никто
еще никогда не видел. Если не исполнишь моего
приказа, я велю тебя казнить».

Подала дочь падишаха это письмо юноше и рас-
сказала, как найти визиря. Пришел он во дворец и
хотел к визирю пройти, но стража его остановила:

— Зачем тебе визирь, юноша?

— Я должен передать ему письмо падишаха.

— Давай письмо, мы сами передадим.

— Нет, падишах велел отдать письмо в руки
визиря.

Визирь прочитал письмо и тотчас отдал приказ.
Десятого сына пастуха одели в самые лучшие
одежды, и он стал еще красивее, чем был. Семь
дней и семь ночей длилась свадьба.

Прошло еще несколько дней, и вернулся пади-
шах.

— Выполнил мой приказ? — спрашивает он.

— Все сделал, как надо, мой господин, такую
свадьбу сыграли, какой еще никто никогда не
видел.

— Какую еще свадьбу?

— Ту, о которой в письме говорилось. Юношу, принесшего письмо, я женил на твоей дочери.

Покраснел падишах от гнева, но делать нечего. Понял он, что кто-то письмо его подменил и отныне десятый сын пастуха — муж его единственной дочери. «Исполнилось то, что мудрецы предсказывали,— подумал падишах.— Видно, чему быть, того не миновать».

Вот так юноша, которому угрожала смерть, избежал ее и нашел свое счастье.

ЗОЛОТАЯ ПТИЦА

Балкарская сказка

незапамятные времена жил в одном ауле старик. И было у него три сына. А еще был у старика сад, в котором росла яблоня. Каждый год на ней созревало только одно яблоко. Зато яблоко было золотым и волшебным: кто съест его, к тому возвращались молодость и здоровье. Да вот беда: последние три года кто-то тайком срывал волшебное яблоко.

Силы стали покидать старика — никак не обойтись ему без яблока! И решил он посылать своих сыновей сторожить ту яблоню.

В первую осень послал он старшего сына. Почти до зари сидел сын, не смыкая глаз. И только когда

забрел рассвет, не выдержал, задремал ненадолго. А когда вскочил, яблока на яблоне уже не было.

На другую осень отправил старик сторожить яблоню среднего сына. Всю ночь не спускал сын глаз своих с яблока. Только когда совсем стало светать, уснул ненадолго. Проснулся, смотрит — нет яблока на яблоне.

А старику становилось все хуже. Вот настала третья осень, и послал он самого младшего, любимого сына — Хасана. Всю ночь сидел Хасан под деревом, не спускал глаз с яблока. А когда начинала одолевать дремота, умывался холодной росой и прогонял сон.

Далеко за полночь услышал Хасан шум крыльев какой-то птицы. Всмотрелся и видит: опустилась на дерево золотая птица, схватила волшебное яблоко. У Хасана стрела была наготове, пустил он ее в птицу. Сбила стрела только одно перо, а птица вспорхнула и улетела с яблоком.

Утром пришел Хасан к отцу, рассказал ему, как сторожил он всю ночь яблоню, как прилетела золотая птица и сорвала яблоко, как пустил он стрелу, да сбила она лишь одно перо у той птицы. Показал Хасан отцу перо и поклялся:

— Пока не найду я эту птицу, не вернусь домой!

Попросил Хасан мать приготовить для него еду на дорогу, оседлал коня и рано утром отправился в путь.

Много ли он ехал, мало ли — кто знает! Подъехал он к развилке дорог. Видит — лежит перед ним камень, а на камне написано: «Поедешь налево — погибнешь сам, поедешь направо — погибнет твой конь».

Подумал Хасан, как ему быть, а конь сам свернул направо.

Долго ехал он через леса и болота, горы и долины, а конца дороги все не было. Еда давно кончилась. Проголодался Хасан, а конь его совсем отощал.

Вдруг дорогу ему преградил огромный серый волк. Глаза у волка горят, зубами щелкает.

— Слезай с коня! — говорит волк грозно.

Что было делать Хасану? Сил у него нет, убежать не может, и конь еле стоит. Не успел Хасан слезть с коня, а коня как будто и не было. Съел волк его и говорит Хасану:

— Был я голоден — ты помог мне. Теперь и я могу помочь тебе. Расскажи, откуда идешь и куда путь держишь? Какая забота привела тебя сюда?

— Еду я за золотой птицей, — отвечал Хасан.

И поведал волку, как стерег он чудесную яблоню, как золотая птица унесла волшебное яблоко и как поклялся он отцу, что не вернется домой, пока не добудет ту птицу.

— Вижу, ты хороший сын. Садись на меня верхом, зажмури глаза и не открывай их, пока я тебе не скажу.

Сел Хасан верхом на волка и зажмурил глаза.

Понесся волк словно вихрь. И не успел Хасан опомниться — остановился волк.

— Приехали, слезай!

Слез Хасан с волка, а волк говорит:

— Золотая птица живет во дворце у хана. Как сядет солнце, проберись незаметно в ханский дворец, подкрадись к золотому гнезду. Но до гнезда не дотрагивайся.

А то гнездо было красоты необыкновенной!

Захотелось Хасану подарить птицу вместе с гнездом. Нарушил он наказ волка: только коснулся он гнезда, как зазвенели разные колокольчики, подвешенные к гнезду. Услыхали стражники звон,

прибежали, схватили Хасана и отвели его к хану.

— Как сумел ты пробраться в мой дворец и зачем нужна тебе золотая птица?

И поведал Хасан хану, как стерег он чудесную яблоню, как золотая птица похитила волшебное яблоко и как поклялся он отцу, что не вернется домой, пока не добудет ту птицу.

— Вижу, ты хороший сын, и я помогу тебе, — проговорил хан, выслушав рассказ Хасана. — Отдам я тебе золотую птицу вместе с золотым гнездом, только прежде ты добудь мне золотогривого жеребца у Глиняного хана.

Что было делать Хасану? Вернулся он к волку и рассказал, что не сумел незаметно унести птицу, а теперь хан требует, чтобы он добыл золотогривого жеребца у Глиняного хана. Только тогда он отдаст ему птицу вместе с золотым гнездом.

— Хоть и не послушал ты моего совета, я помогу тебе добыть золотогривого жеребца, — сказал волк. — Садись на меня верхом, зажмури глаза и не открывай их, пока я тебе не скажу.

Сел Хасан верхом на волка и зажмурил глаза.

Понесся волк словно вихрь. И не успел Хасан опомниться — остановился волк и говорит:

— Приехали, слезай!

Слез Хасан с волка, а волк и показывает:

— Видишь вон ту крепость? Это и есть владение Глиняного хана. Как сядет солнце, проберись незаметно в крепость, подкрадись к конюшне. Среди многих коней узнаешь ты золотогривого коня. Рядом с ним будут лежать золотое седло и золотая уздечка. Ты не бери ни седла, ни уздечки, даже не дотрагивайся до них. Возьми коня за гриву и неслышно выведи его из конюшни.

Хасан пробрался в крепость, подкрался к конюшне. Много было там коней, да только сразу

увидел он золотогривого коня. А рядом с конем лежали золотое седло и золотая уздечка красоты необыкновенной.

Захотелось Хасану добыть коня вместе с седлом и уздечкой. Только коснулся он седла — зазвенели разные колокольчики, подвешенные к седлу.

Услыхали стражники звон. Прибежали, схватили Хасана и отвели его к Глиняному хану.

— Как сумел ты пробраться в мой дворец и зачем нужен тебе золотогривый конь? — спросил Глиняный хан.

И поведал Хасан Глиняному хану все, как было.

— Вижу, ты хороший сын, и я помогу тебе, — проговорил Глиняный хан, выслушав рассказ Хасана. — Отдам я тебе золотогривого коня вместе с золотым седлом и уздечкой, только прежде ты добудь мне золотую рыбку из озера хана Дадияны.

Что было делать Хасану? Вернулся он к волку и рассказал, что не сумел незаметно увести золотогривого коня, а теперь Глиняный хан требует, чтобы добыл он золотую рыбку из озера хана Дадияны, тогда он отдаст ему золотогривого вместе с золотым седлом и уздечкой.

— Хоть и не послушал ты моего совета, помогу я тебе в последний раз, — сказал волк. — Садись на меня верхом, зажмури глаза и не открывай их, пока я тебе не скажу.

Сел Хасан верхом на волка и зажмурил глаза.

Понесся волк словно вихрь. И не успел Хасан опомниться — остановился волк:

— Приехали, слезай. Теперь я сам добуду золотую рыбку, а ты ожидай меня на берегу.

Бросился волк в озеро, нырнул на самое дно. День ищет золотую рыбку, другой, третий. Только на четвертый вынырнул волк с золотой рыбкой.

Обрадовался Хасан. Сел на волка, помчались они к Глиняному хану. Отдал ему Хасан золотую рыбку, а взамен получил у него золотогривого коня вместе с золотым седлом и уздечкой.

Тут и говорит волк Хасану:

— Все, что мог, я для тебя сделал. Теперь садись на золотогривого и поезжай за золотой птицей.

— Спасибо тебе, серый, за помощь! — поблагодарил его Хасан.

Сел он на золотогривого и приехал к хану — хозяину золотой птицы. Отдал ему коня, а взамен получил птицу вместе с гнездом. А еще в придачу хан дал Хасану статного коня, быстрого как ветер.

Сел Хасан на того коня и помчался домой к отцу.

С той поры никогда не пропадало золотое яблоко с чудесной яблони. И жил отец Хасана долго и счастливо.

ДУБОЛГО ПИЧАЙ

Мордовская сказка

старика со старухой были два сына и дочь. Звали дочку Дуболго Пичай. Была она такая красавица, что другой такой не

сыщешь. Когда умерли отец с матерью, осталась Дуболго Пичай с двумя братьями. Оба брата ее очень любили. Собирается, бывало, старший брат на охоту, она выходит провожать его, и брат говорит ей:

— Если, на твое счастье, попадутся мне звери и птицы, я тебе, сестрица Дуболго Пичай, куплю браслеты и кольца!

Выходит Дуболго Пичай провожать младшего брата, и он ей подарки сулит. Братья ей все покупали, что сулили: на ее счастье, охота всегда у них бывала удачная.

Вскоре братья один за другим поженились. Жены им попались нехорошие, сварливые: каждый день ругаются со своими мужьями и между собой живут как кошка с собакой. С самых первых дней невзлюбили они Дуболго Пичай: завидовали они тому, что была она первой красавицей в деревне, что все, за что она ни бралась, ей удавалось, что братья души в ней не чаяли. Злые бабы готовы были сжить ее со света и постоянно наговаривали на нее своим мужьям. Особенно злились они на то, что братья, когда собирались на охоту, всегда сулили что-нибудь своей сестре Дуболго Пичай. Вначале они и женам своим сулили, да только тогда им ничего не попадалось.

Однажды братья уехали на охоту. Злые жены их и задумали погубить Дуболго Пичай.

— Вот что,— говорят,— мы сделаем: изведем лучшего вороного жеребца. Приедут мужья домой, мы и скажем: «Ваша любимая сестра Дуболго Пичай нехорошее дело сделала: это она вашего доброго вороного жеребца извела».

Как задумали, так и сделали: убили вороного жеребца.

Братья Дуболго Пичай едут с охоты домой,

везут с собой всяких зверей и птиц, а сестре своей везут много гостинцев. Жены вышли им навстречу, плачут в голос, каждая своему мужу жалуется:

— Ах, миленький муженек, что сделала ваша любимая сестра! Уморила она вашего любимого вороного жеребца... Она не любит ни нас, ни вас: вы ей покупаете всякие подарки, а она только и помышляет, чтобы зло какое-нибудь вам сделать.

Братья говорят:

— Невелика беда, что пропал наш вороной жеребец: мы найдем другого такого же доброго коня, но второй такой умной и доброй сестры нам нигде не найти.

Не рассердились братья на Дуболго Пичай: отдали ей все гостинцы. Жены их еще больше озлобились. Зубами скрипят, думают про себя: «Как-нибудь да погубим мы тебя, ненавистная Дуболго Пичай! Перестанут любить тебя братья, привяжут тебя к хвосту жеребца!»

Чего только они ни придумывали, как ни наговаривали на Дуболго Пичай, только ничего добиться не могли.

Как-то раз братья поехали на охоту. Дуболго Пичай вышла их провожать, а у самой слезы так и катятся, как крупный горох. Старший брат говорит:

— Если, на твое счастье, убью дорогого зверя или птицу, сестрица, куплю тебе хороший подарок!

И другой брат обещает ей гостинцев.

В этот раз братья еще удачнее охотились: попалось им много всякого зверя и всякой птицы. Долго они охотились и остались ночевать в лесу. Младший брат и говорит:

— Скажи-ка мне, старший братец, отчего это у меня сердце сегодня так ноет?

— У меня у самого, братец, сердце не на месте. Как бы чего дурного не случилось с нашей Дуболго

Пичай! Сестра у нас добрая, кроткая, как голубь,— жены наши зря ненавидят ее.

А пока братья на охоте были, жены их задумали злое дело.

Старшая говорит:

— Давай изведем Дуболго Пичай хитростью. Ты походи поскорее баню истопи, в большом котле воск растопи. Когда истопится баня и воск станет жидким, как вода, ты мне скажи.

Жена младшего брата так и сделала.

Притворились они добрыми и ласковыми, говорят Дуболго Пичай:

— Пойдем с нами в баню, помоемся да попаримся.

Дуболго Пичай худа не ждала, пошла с ними в баню.

В бане невестки одна ласковее другой: моют Дуболго Пичай, голову ей окатывают.

— Голубушка Дуболго Пичай, стой хорошенько: мы сами уж тебя и вымоем-оботрем, и голову тебе промоем-окатим!

Младшая невестка говорит:

— Ну вот, ты вымылась, и волосы твои промылись, теперь в последний раз окатить тебя нужно. Давай, сестрица, окатим Дуболго Пичай теплой водичкой!

Старшая невестка принесла большой котел с растопленным воском и вылила его на Дуболго Пичай. Девушка тут же упала на лавку как подкошенная. Воск покрыл тоненьким, как листок, слоем все тело Дуболго Пичай и залил ей и горло и уши. Обрадовались злодейки-невестки, что избавились наконец от ненавистной Дуболго Пичай.

Принесли они ее из бани домой, убрали, обрядили, положили на лавку в передний угол. Стали они мужей своих дожидаться.

С восходом солнца братья вернулись.

— Что же,— говорят,— не встречает нас сегодня наша любимая сестрица Дуболго Пичай?

Жены выбежали им навстречу с громким плачем:

— Любимая ваша сестрица упала вдруг и умерла! Мы вас весь вечер и всю ночь ждали и не могли дожждаться. Уж мы ее без вас вымыли и одели, чтобы в гроб положить. Пойдите на милую сестрицу взгляните да гроб ей приготовьте.

Говорят они это мужьям, а сами во весь голос ревут.

Вошли братья в избу. Смотрят — сестрица их Дуболго Пичай лежит на передней лавке под белым холстом. Открыли они лицо ее. И кажется братьям, что она им говорит:

«Милые мои братцы, защитники мои! За что погубили меня злые невестки?»

Градом покатались у братьев слезы. Сделали они гроб из негниющего дерева. Положили в него любимую сестрицу свою Дуболго Пичай и отвезли в большой лес, на перекресток трех дорог. Построили помост и поставили на него гроб. А на помост возле гроба поставили корзины с пшеницей.

Вернулись братья в печали домой, а женам своим не сказали, куда поставили гроб Дуболго Пичай, хоть те и допытывались.

А по ту сторону большого леса, за рекой, жила старуха вдова. У нее был единственный сын, Виртяном его звали. Был Виртян большой, сильный, красивый парень, работать любил, да только за какое дело ни примется Виртян — счастья у него ни в чем нет. Только в одном ему везло: лучше его гусей не было ни у кого во всей деревне. Стал Виртян примечать, что гуси его возвращаются домой постоянно с одной и той же стороны. Думает-гадает

Виртян: «Куда это мои гуси ходят? Куда это они повадились? Дай-ка я за ними послежу».

На другой день выпустил он гусей, но никуда их не погнал.

«Пускай,— думает,— идут куда хотят, а я пойду за ними».

Пошли гуси опять в ту же сторону, откуда возвращались каждый день. Идут гуси, а Виртян не отстает от них. Дошли гуси до большой реки, переплыли на другую сторону, и Виртян тоже плывет за ними. Чуть не утонул: река-то очень быстрая была. Дошли гуси до леса недалеко от реки и остановились на полянке. Смотрит Виртян — на той полянке три дороги сходятся, а на перекрестке высокий помост, а на помосте стоит гроб. По обе стороны гроба поставлены корзины, а из них пшеница сыплется. Гуси под помост прошли, стали пшеницу подбирать. Не долго думая, поднял Виртян гроб на плечи и понес домой. Дошел опять до большой реки и говорит:

— Если переплыву реку, принесу гроб к матери, пусть она скажет, что с ним делать.

Вошел Виртян в реку, а вода ему только по щиколотку. Дошел Виртян до середины, взглянул вверх по реке — вода остановилась и стоит стеной; взглянул вниз по реке — вода уже высыхает. Только он успел выйти из реки, опять с ревом понеслась бурная вода. Принес Виртян гроб домой, показал его своей матери. Мать велела ему открыть гроб. Открыли крышку гроба — запахло душистыми цветами. Откинули холст, смотрят — лежит красавица девушка. Мать Виртяна и думает: «Эта красавица не похожа на мертвую, она словно уснула».

Видит — горло чем-то залито по язычок; смотрит — и уши залиты. Догадалась старушка, что это воск, и говорит:

— Поди-ка, сынок Виртян, истопи пожарче баню.

Истопил Виртян баню. Мать и говорит:

— Отнеси девушку в баню, положи на полóк и уйди. Я ее попарю.

Виртян так и сделал. Старушка скинула с девушки верхнюю вышитую рубашку, потом и нижнюю рубашку, положила ее ничком и стала парить березовым веником. Смотрит — закапал жидкий воск. Девушка застонала, а потом начала дышать. Старушка сняла ее с полка, положила на лавку, покрыла белым холстом и позвала сына.

Виртян вошел, глянул и обрадовался: девушка дышит, точно во сне. Сел он с матерью около нее. В полночь девушка стала дышать глубже, стала ворочаться. Потом повернулась вверх лицом.

Как увидел Виртян лицо ее — и сам не знает, бедный, что ему делать, что говорить: такой красавицы он никогда и нигде не видывал. А девушка открыла глаза, взглянула перед собой и промолвила:

— Милый братец!..

Она приняла Виртяна за брата, да увидела, что это не брат.

Стоит Виртян перед девушкой, смотрит на нее, не может глаз отвести. Девушка снова открыла глаза, стала со старушкой и Виртяном разговаривать, стала спрашивать, как она попала к ним. Они ей все рассказали. Потом Дуболго Пичай оделась, нарядилась, пошла с ними в избу. О себе она им ничего не сказала.

— Ничего я не помню, — говорит.

После того как Дуболго Пичай у них поселилась, за что Виртян ни возьмется — всякое дело у него спорится. И назвал он девушку Уцýской, что значит «счастье». А когда он женился на ней, еще лучше стали жить.

Однажды Дуболго Пичай сидит под окном и видит — подходят к избе два человека. Она их сразу узнала: это были ее родные братья, только не такие, как прежде, — измученные, оборванные; на одежде заплатка на заплатке, дыра на дыре. Как увидела их Дуболго Пичай, слезы у нее закапали — кап-кап!

Подошли братья под окно, поклонились ей в землю и просят:

— Пожалей ты нас, хозяйка! Накорми, напои бедных людей.

— Войдите! Расскажите мне, где вы были, куда ходили, что видели, — говорит Дуболго Пичай.

Вошли братья, говорит один другому:

— Смотри, как хозяйка на сестру нашу Дуболго Пичай похожа! Если б не знали мы, что сестрица наша умерла, подумали бы, что это она.

А Дуболго Пичай накормила, напоила их, истопила для них горячую баню. Пришли братья из бани, поблагодарили добрую хозяйку за привет, за ласку и собрались было уходить, а Дуболго Пичай не отпускает их.

— Куда, — говорит, — вы на ночь глядя пойдете? Ночуйте лучше у нас. И муж мой скоро с охоты вернется. Он вам обрадуется: он любит послушать рассказы странников.

Братья остались у нее ночевать. Скоро вернулся с охоты Виртян и говорит Дуболго Пичай:

— Смотри, как много я дичи настрелял! Все на твое счастье попало.

Поздоровался он с прохожими и стал с ними разговаривать. Старший брат вздохнул тяжело и начал рассказывать:

— И мы, почтенный хозяин, были так же счастливы и богаты, как ты. Хорошо мы жили, была у нас сестра, Дуболго Пичай ее звали. Мы оба ее

любили больше всего на свете. Мы не видели девушек красивее ее, а ум сестры был еще краше лица... Она, почтенный хозяин, похожа была лицом на твою жену. Погубили ее наши злодейки-жены! Как извели они нашу любимую сестрицу, мы до сих пор не знаем. После ее смерти за что мы ни примемся, ни в чем у нас удачи нет! Так мы и обнищали, разорились совсем и ходим по миру...

Не окончил рассказа брат Дуболго Пичай — заплакал, и у другого брата слезы рекой полились.

А Дуболго Пичай не выдержала, глядя на горе своих братьев, и тоже горько заплакала. Глядит на них Виртян — не знает, что делать, и тоже загоревал.

Поплакали они, потом успокоились немного, тут Дуболго Пичай и сказала им:

— Братцы мои милые, ведь я сестра ваша родная — Дуболго Пичай! Виртян меня спас, вернул к жизни снова. Оставайтесь жить с нами!

Обрадовались братья, что нашли свою любимую сестру, и стали они жить все вместе дружно и счастливо.

ИОН МОЛДАВАНУ

Молдавская сказка

ил в давнюю пору один человек, и был у него единственный сын Ион. Незадолго до своей смерти отец сказал Иону:

— Ион, я помираю, а ты иди куда глаза глядят, ищи свое счастье. Парень ты работающий, трудись. Покажи, что ты не хуже других.

Ион похоронил отца, собрал котомку и отправился счастье искать.

Шел он долго ли, коротко ли и вот в зеленой долине чабана повстречал.

— Куда идешь, паренек? — спросил чабан.

— Работу ищу, — ответил Ион.

— А не пойдешь ли работать ко мне в овчарню?

— Почему же нет? Пойду!

— А какую плату ты хочешь?

— Осенью дашь мне овцу, какую я сам выберу.

— Ну что ж, пусть будет по-твоему, — ответил чабан.

Все лето Ион пас овец, а осенью получил овцу и отправился в путь. Только на дорогу вышел, а овца упала и сдохла на месте.

«Не везет мне с овцами», — подумал Ион и пошел искать новую работу.

Шел он долго ли, коротко ли и повстречал старого мельника.

— Далеко ли собрался, паренек? — спросил мельник.

— Я, дяденька, счастье свое ищу.

— А не поработаешь ли ты со мной на мельнице?

— Почему же нет? Попробую.

— А что ты возьмешь за это?

— Немного: ты меня кормить будешь, а осенью отдашь мельничный камень, какой я захочу.

— На что тебе мельничный камень? Возьми лучше мешок муки.

— Муки мне не надо, давай все-таки камень, — ответил Ион.

— Ладно, пусть будет по-твоему.

Осенью взял Ион камень и только с ним на дорогу вышел, камень упал и раскололся надвое.

«Что за напасть! И тут мне не повезло», — подумал Ион и пошел дальше.

Шел он долго ли, коротко ли и встретился с попом.

— Куда, паренек, путь держишь? — спросил поп.

— По свету хожу, работу ищу.

— Не поработаешь ли у меня?

— Ну что ж, могу и у тебя поработать. А что ты мне заплатишь? — спросил на этот раз Ион.

— Дам тебе осенью хлеба. А работа будет такая: пахать, сеять, молотить, по хозяйству мне помогать.

— Ладно, согласен я.

Вечером поп привел Иона домой и показал попадье. На другой день взял он его с собою поле пахать. А у попа были такие волы, что вчетвером с ними не справиться. Словом, были волы с норовом.

Поработали немного, а поп и говорит Иону:

— Я пойду домой, а ты погоняй потихоньку. Волы, я вижу, сегодня смирные.

— Иди, иди, я один справлюсь.

Только поп отошел, один из волов вдруг и говорит Иону:

— Слушай, Ион, мы волы не простые, а волшебные. Помогаем мы добрым людям, чем можем. Пойди отдохни, а мы сами поле вспашем.

За полем лес начинался. Ион забрался в тень и лежит-полеживает, а волы пашут, стараются.

А поп домой не пошел. Он спрятался, чтобы посмотреть, как будет пахать Ион, когда один останется. Увидел он, что волы пашут сами, и подумал: здесь дело нечистое. Вечером он и говорит Иону:

— Возьми за работу что хочешь, только уходи от меня.

Взял Ион деньги и пошел восвояси. Вдруг догоняют его волы. Парень вернулся и говорит попу:

— Запри своих волов, а то они идут за мной, словно всю жизнь меня знают.

Запер поп волов, но только Ион отошел — они сломали ворота и снова догнали его. Ну, на этот раз Ион их отводить не стал, а пошел с ними дальше.

Привели его волы в большой лес, и стал он тут их пасти. Смотрит — чья-то коза травку щиплет. Подошел Ион да подоил ее. А это была коза старого змея — змей в лесу жил. Змей заметил вечером, что коза без молока домой пришла, и закричал на весь лес:

— Эй, какой проказник мою козу доил?

— Это я, Ион Молдавану, — ответил парень.

— Ну-ка, иди сюда. Слыхал я, что молдаване борцы крепкие. Покажи-ка мне свою силу.

Что тут делать Иону? Достал он творог, который только что сделал из козьего молока, и сжал его в руке. Змей спрашивает:

— Что это ты делаешь?

— Да вот сжимаю камень, чтобы воду добыть, а то до колодца далеко идти.

Увидел змей, что вода и впрямь потекла, и испугался. «А что, — думает, — если он и меня сейчас так же сожмет!»

— Знаешь, — сказал он Иону, — давай лучше подружмся. У меня здесь в лесу замок да хозяйство большое, а живу я один. Вот ты мне и будешь вроде брата и сына.

— Ладно, пусть будет по-твоему, — согласился Ион.

Недели две ему не пришлось и пальцем пошеве-

лить. Но вот однажды змей послал его воды принести. А ведра дал такие большие, что Ион их и пустыми еле-еле несет, а полными их и не поднять. Что делать? Решил Ион схитрить. Стал он окапывать колодец вокруг. Змей воды не дождался и пошел Иону навстречу. Пришел и спрашивает:

— Что ты делаешь, Ион?

— Да вот хочу этот колодец домой принести.

— Ты что, ума лишился? — закричал змей. — Только этот колодец и есть у меня, а ты его завалить хочешь. Дай-ка я лучше сам воды наберу, а то с твоими затеями я без колодца останусь!

Змей взял ведра, и они пошли домой. А дышал змей так сильно, что при выдохе Ион отлетал далеко вперед, а при вдохе его притягивало к самой пасти змея.

— Ты чего бегаешь туда-сюда? — спросил змей.

— Сердит я так, что места себе не нахожу. Как пойду вперед, вспомню все, возвращаюсь, и хочется так тебя треснуть, чтобы искры из глаз посыпались.

— А чем же я провинился?

— Как чем? По твоей милости мне придется каждый день ведра таскать. Разве не лучше было весь колодец домой принести?

— Ладно, — говорит змей, — воду я сам буду носить, только ты колодец не трогай.

На другой день змей посылает Иона в лес за дровами. А Ион взял веревку и стал ею обвязывать все деревья в лесу. Увидел змей, что Иона все нет да нет, и пошел посмотреть, что он делает.

— Слушай, что ты затеял? — спросил он у Иона.

— Хочу лес домой отнести.

— Тьфу, чтоб тебе пусто было! Ведь этот лес достался мне в наследство от отца, а ты хочешь его уничтожить!

Вырвал змей дерево побольше, чтобы домой отнести, а Ион говорит:

— Послушай, змей, ты носи ствол, а я понесу ветки. Видишь, их как много: тебе с ними не справиться.

Поднял змей дерево, а Ион уселся среди ветвей и спокойно поехал домой.

Скоро после того собрался змей к брату своему в гости.

Оставил он Иону ключи и сказал:

— Вот тебе ключи. Можешь заходить куда хочешь, только не заглядывай в погреб да вот этой двери не открывай. Понятно?

Когда змей ушел, Ион стал ходить всюду, смотреть его богатства.

Остановился Ион у погреба и подумал: «Что же там такое?»

Взял и открыл дверь. Смотрит — а там полным-полно людей.

— Кто вы такие, люди добрые, и почему здесь сидите? — спросил Ион.

— Мы гайдук^{*} лесные. Змей нас посадил сюда за то, что мы против злых богачей, бберов^{*}, поднимались, добро у них отнимали и бедным раздавали.

— Выходите и отправляйтесь по домам. Вот змеева казна: возьмите из нее золото и раздайте бедным людям.

— Спасибо тебе, Ион!

Когда они ушли, Ион открыл и ту дверь, которую не велел отпирать змей. А за дверью стоял красавец конь, такой, что глаз не отвести. Это был конь храброго гайдуцкого атамана Кодряна. Змей поймал этого коня в лесу, когда гайдук стреножил его и отпустил пастись.

Сказал конь Иону:

— Выведи меня отсюда да возьми с полки щетку, платок и шапку.

Ион Молдавану взял с полки щетку, платок и шапку и вывел коня в лес.

— А теперь,— сказал конь,— ступай отпусти волов, что тебя привели сюда. Дальше я тебе помогать стану. А волы теперь пойдут к новому хозяину — на опушке леса бедный старик живет.

Сбежал Ион, нашел волов — они все это время, пока Ион у змея жил, на зеленой поляне паслись. Попрощался Ион с волами, и они пошли к бедному старику, что без скотины маялся.

А Ион вернулся туда, где его конь гайдука Кодряна дожидался.

— Садись на меня! — крикнул конь.

Ион сел. Волшебный конь заржал так, что земля дрожала, и помчался быстрее ветра.

Услышал змей ржание коня и бросился догонять его. Когда он был уже так близко, что от его дыхания Ион в седле закачался, конь крикнул:

— Бросай щетку!

И он бросил щетку, и она превратилась в большой, густой лес. Змей начал грызть деревья, чтобы проложить себе дорогу. Вот он выбрался из чащи и вновь стал Иона настигать. Тогда конь сказал:

— Бросай платок!

Ион бросил платок, и на том месте, куда платок упал, разлилось море. Пока змей через это море перебирался, Ион далеко отъехал. Но скоро змей снова стал беглецов настигать, и, когда он был уже совсем близко, конь крикнул Иону:

— Бросай шапку!

Упала шапка и обернулась железной стеной, а змей с разгону ударился о нее и ту же околел.

Остановился конь, спрыгнул Ион на землю. Когда они немного отдохнули, конь говорит:

— Вот что, Ион, я вернусь к своему хозяину, Кодряну-гайдуку, а ты возьми этот колокольчик. Когда я тебе буду нужен, позвони в него — я примчусь к тебе быстрее ветра. И вот тебе мой совет: не ходи с открытым лицом. Очень уж ты красивый, и от этого с тобой может беда случиться. Закрой лицо телячьей шкурой, она тебя от дурного глаза убережет.

Конь ускакал, а Ион пошел к пастухам, достал у них телячью шкуру, набросил ее на себя и отправился дальше.

Услышал Ион, что у царя есть три дочери и младшая из них такая красавица, что глаз не оторвать. И говорили люди, будто она племянницей Кодряну-гайдуку приходится, а во дворец ее взяли, чтобы не огорчать царя. Младшая-то царская дочь слепой родилась, отец об этом до сих пор ничего не знал. Вот и считал царь племянницу Кодрянову своей младшей дочерью, а царица не решалась ему правду открыть.

Пришел Ион к царским воротам и спросил, не найдется ли для него работа какая. Послали его гусей пасти.

Вывел Ион гусей на зеленый лужок, сбросил телячью шкуру, и гуси весь день на него смотрели, так что и о траве забывали. А всему виной была красота Иона. Так день прошел, два, три — гуси все смотрели на Иона, не ели и стали от голода подыхать.

Рассердился царь и послал старшую дочь проверить, как гуси у нового пастуха пасутся. Но Ион сразу услышал, что приближается царская карета с бубенцами, закрыл лицо шкурой, и гуси стали щипать траву. Подъехала царская дочка, глядит — все в порядке. Возвратилась во дворец и сказала об этом отцу. А наутро несколько гусей

снова были найдены мертвыми, и царь послал к пастуху среднюю дочь.

Оседлала царевна коня и поехала. Только она на дороге показалась, а Ион уже заметил ее. Набросил он на себя шкуру, и гуси стали спокойно пастись. Вернулась дочка к царю и рассказала, что Ион хорошо за гусями присматривает.

На третий день царь послал к пастуху младшую дочь, потому что опять подошло много гусей. Она была умнее старших, набросила поверх царского платья рваный платок и пошла не по дороге, а через терновый кустарник. Выбралась на луг, а Ион и бровью в ее сторону не повел — сидит себе, лицо открытое, и гуси на него глядят. Сбросила тут девушка платок, и увидел Ион, что перед ним царевна.

— Ты, Ион, не бойся меня, — сказала она. — Слышала я о твоей красоте и пришла на тебя посмотреть. И так ты мне понравился, что хочу я быть твоей невестой.

— Но я человек бедный, пастух простой, ты же — дочь царская, а цари и бедняки терпеть друг друга не могут. Ты небось слышала о Кодряне-гайдуке?

— Я даже один раз в глаза его видела, — ответила девушка, — он красивый такой и храбрый.

— А знаешь ли, кто ты сама?

— Я младшая дочь царя.

— Нет, ты племянница Кодряна.

И рассказал ей Ион все, что от людей слышал.

Девушка велела ему и дальше от всех лицо свое прятать да никому не рассказывать, что они любят друг друга.

А ночью царю сон приснился — мол, должен он поскорее выдать замуж всех своих дочерей, иначе с ним беда приключится. Наутро царь позвал доче-

рей, дал им по золотому яблоку и велел на балкон выйти. Все желающие проходили под этим балконом, а царевны должны были бросить яблоко тому, кого хотят себе в женихи. Две старшие царевны сразу выбрали себе мужей — боеров знатных, а младшая ни в первый, ни во второй день никому не бросила своего золотого яблока. Удивлялись все, а царь повелел узнать, кто еще остался незванным ко двору, и ему указали на пастуха в телячьей шкуре. Позвали Иона, прошел он под балконом, и бросила ему девушка золотое яблоко.

Сильно рассердился царь на свою младшую дочь, но деваться было некуда, и пришлось ему выдать царевну за пастуха.

К себе царь их не принял, да Ион и сам был не из тех, что в царских дворцах живут. Сделали они землянку на самом краю города и стали там жить. Начали они дружно работать в поле, потому что ведь и жена Иона была дочерью бедного крестьянина, а во дворец она попала случайно.

Вот однажды на страну напали враги, и царь собрался в поход с двумя зятьями и войском своим.

Ион Молдавану говорит жене:

— Сходи к царю и попроси для меня коня. Я тоже на войну поеду.

Но мужья старших царевен посмеялись над ней и дали Иону старую кобылу, которая давно уже только воду возила. Раньше всех отправился в путь Ион на царской кобыле, да на полдороге в болоте застрял. Там его и нагнал царь с войском.

— Посмотрите-ка, и этот неумытый тоже воевать поехал, — сказали царские зятья.

Подъехали они к Иону и спрашивают:

— Эй, ты, куда собрался?

— На войну, — спокойно ответил Ион. — Хочу и я страну нашу защищать.

— Ты что же, не нас ли защищать вздумал?

— Нет, страна наша — это народ, люд бедный, и для нас нашествие врагов страшнее, чем для таких, как вы.

— Да он с ума спятил, несчастный! Он, кажется, считает себя равным нам, царским зятьям!

Дали они ему по оплеухе и отправились дальше. Только они отъехали, Ион позвонил в волшебный колокольчик. И сразу прискакал конь гайдука Кодрына. Ион вошел к нему в левое ухо и вышел из правого одетым в латы, с саблей и копьем. Быстрее ветра помчал его конь. Обогнал Ион царское войско, врезался в ряды врагов и стал их рубить налево и направо. Пока подошел царь с войсками, все враги уже были побиты. Повернул Ион обратно, а когда мимо царских зятьев проезжал, шлепнул их так, что они зашатались. Добрался он до болота, отпустил волшебного коня и прикрыл лицо телачьей шкурой. Подъехали к нему зятья и давай опять насмехаться, а он им и отвечать не стал.

Вернулся Ион домой и послал жену во дворец сказать, что это он врагов побил. Но зятья над ней лишь посмеялись:

— Это был Божий ангел, и он нам победить помог, а не твой пастух.

На другой день Ион снова один вражеское войско побил и надавал пощечин зятьям царским. А они встретили его опять в болоте, верхом на старой кобыле, и не догадались ни о чем.

Жена Иона опять к царю пошла:

— Мой муж говорит, что это он разбил вражеское войско.

— Помолчи ты, не срамись лучше! Ведь это ангел был.

На третий день войско врагов было намного сильнее. Когда царь с войском подъехал к месту

битвы, Ион еще бился с врагами. И ранили его в правую руку. Бросил царь ему свой шелковый шарф, и перевязал им Ион свою рану. А потом всех врагов побил, дал царским зятьям по шесть оплеух и умчался на своем коне. А на обратном пути царские зятья опять его у болота нашли: бился он, никак свою старую кобылу из болота вытащить не мог.

Вскоре война кончилась, а Ион Молдавану все жил в своей землянке на самом краю города.

Но вот однажды царь созвал к себе всех соседей смотреть, как будут двух гайдуков казнить. Они в лесу напали на богатого и знатного боера. Понаехало гостей видимо-невидимо.

Вывели гайдуков из темницы и поставили рядом на площади. Пришел туда и Ион. Стали гости насмехаться над гайдуками. Один из царских зятьев указал на гайдука и сказал:

— Не тот ли это богатырь, что врагов победил?

Все так и покатались со смеху, а Ион не утерпел, вышел вперед и крикнул:

— Это я, простой пастух, помог вам врага побить, но вы мне не поверили. А сегодня хотите казнить людей, которые дрались вместе со мной! Вот тебе, царь, твой шелковый шарф, что ты дал мне во время битвы.

Бросились тут к Иону, чтобы схватить его, но он взял и зазвонил в свой колокольчик. Прибежал конь, Ион вошел в левое ухо, вышел из правого в латах да при оружии, схватил саблю и расправился с царем и его зятьями.

Освободил Ион гайдуков, побратался с ними, взял жену, и уехали они в лес. А лес всегда был надежным другом гайдука.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОХОТНИКА

Карачаевская сказка

ил в давние времена знаменитый в Карачае охотник. Звали его Магомёт. И днем и ночью ходил он по горам, охотился и приносил большую добычу.

Но однажды за целый день ему ничего не попалось. Уже решил он вернуться домой, как вдруг, подняв голову, заметил орла, сидевшего на верхушке высокого бука. В другое время он не стал бы стрелять в орла. А тут что было делать? Только натянул он тетиву, как заговорил орел человеческим голосом:

— Не убивай меня, меткий охотник! Может, и я пригожусь тебе когда-нибудь. Вот мое перо. Как понадобится тебе моя помощь, поддержи его возле огня, и я тотчас явлюсь перед тобой.

И орел сбросил охотнику перо.

Поднял Магомет орлиное перо, спрятал его и пошел дальше. Идет по лесу и на опушке видит дикую козу. Не успел он' прицелиться, как коза вдруг заговорила человеческим голосом:

— Не убивай меня, меткий охотник! Может быть, встретимся мы с тобой и я пригожусь тебе. Коли понадобится тебе помощь, погрей мою шерсть у огня, и я мигом явлюсь перед тобой.

Вывала коза клочок своей шерсти и отдала его охотнику прямо в руки. Спрятал Магомет в газырь* клочок козьей шерсти и пошел дальше, досадуя на

неудачу. Так бродил он до ночи, а ночью разыскал бук с могучими ветвями, влез на него и устроился спать меж ветвей.

Утром спустился охотник на землю, обошел горы, леса, долины, но все напрасно — дичи как не бывало.

Что делать? Направился охотник к морю. «Наловлю рыбы, — подумал он, — вот и обед будет».

Пришел он к морю, достал крючок, который всегда носил при себе, достал леску из конского волоса и принялся ловить рыбу. Вытащил он на берег большую рыбину, а она заговорила вдруг человеческим голосом:

— Отпусти меня в море, охотник! Быть может, и я пригожусь тебе. Вот тебе моя чешуйка. Погрей ее у огня, и я мигом явлюсь перед тобой.

Делать нечего, отпустил охотник и рыбу, а чешуйку спрятал в один из своих газырей.

Отправился охотник в лес, забрел в самую чащу.

Вдруг он увидел на дереве куницу. Прицелился охотник, но стрелять не стал — уж очень хороша была куница!

— Будь что будет! — сказал охотник и положил стрелу в колчан.

— Спасибо, — сказала куница человеческим голосом. — Быть может, я когда-нибудь пригожусь тебе. Вот тебе мой волосок, спрячь его. Когда понадобится я тебе, погрей волосок у огня, и я тут же явлюсь, как из-под земли.

Делать нечего, спрятал охотник волосок куницы и пошел дальше.

Идет охотник по лесу и видит — стоит в стороне сакля. Обрадовался он, открыл ворота, окликнул хозяина.

В сакле жила одинокая старуха. Сидела она у

очага и грелась. От голода у нее с трудом язык ворочался.

Встретила старуха гостя приветливо. Пожаловалась, что голодна, что нечем его угостить.

— Вот уж три дня, как я ничего не ела,— сказала она.— Да разве я одна! Все деревни вокруг голодают по три дня в неделю.

— Это почему же так? — спросил охотник.

Старуха объяснила:

— Мы не едим три дня в неделю. Три дня запрещено лаять собакам, запрещено пастись скоту. А все потому, что жестокая дочь князя в эти дни забавляется со своим волшебным зеркалом, в котором она видит все на свете, и не желает, чтобы три дня в неделю кто-нибудь трогался с места и мешал ее забавам. Княжна очень красива,— говорила старуха.— Это невиданная красавица. Десяносто девять женихов сватались к ней, но все они погибли.

— Они погибли как трусы? — спросил охотник.

— Нет, добрый гость, это были храбрые люди. Любой, кто желает взять себе в жены красавицу княжну, должен в течение трех дней прятаться. Княжна выйдет замуж за того, кого она не сумеет отыскать. А если отыщет, голова его попадет на частокол.

— Я пойду сватать вашу княжну,— сказал охотник.

— Смотри, ты будешь сотый, и голова твоя на частоколе тоже будет сотой,— ответила старуха.

Но охотник не испугался — направился к княжескому дворцу. Увидела его княжна и громко сказала:

— У этого нашего гостя красивая голова. Она тоже украсит наш частокол.

Услышал охотник ее слова и сказал:

— Это мы еще посмотрим, где быть моей голове. Ей и на плечах моих неплохо. А сейчас, княжна, я готов выполнить все твои условия.

— Ну что ж,— сказала княжна,— спрячься сегодня, да получше. А утром я разыщу тебя и приготовлю место на частоколе.

Вечером развел охотник костер в лесу, достал из газырей орлиное перышко, погрел его возле пламени — орел тут как тут.

— Что с тобой, охотник? — спросил он. — Чем помочь тебе?

— Спрячь меня так,— попросил охотник,— чтобы три дня не могла отыскать коварная княжна.

Орел подхватил его и поднялся в небеса. Там, на скале, у орла было гнездо. В нем он спрятал охотника.

Утром проснулась княжна и принялась за поиски. Взяла в руки зеркало и направила его в горы. Осмотрела княжна леса и реки и не нашла охотника. Тогда обратила она свое зеркало к небу. Обыскала солнце, и луну, и звезды, добралась до густых облаков и увидела орла, прикрывающего собой гнездо свое. И увидела княжна кончик башлыка под орлиным крылом.

— Так вот где ты! — воскликнула она.

Что делать? Предстал охотник перед княжной.

— Ну-ка попробуй спрятаться второй раз,— сказала жестокая княжна.— Но помни: только три раза ты можешь это сделать.

Куда деваться охотнику? Снова пошел он в лес, развел там костер, достал из газыря клочок козьей шерсти и погрел его возле пламени. Дикая коза тут как тут.

— Я готова помочь тебе, добрый охотник,— сказала она.

— Спрячь меня на три дня,— попросил он.—

Спрячь, да так, чтобы не нашла меня коварная княжна.

— Держись, охотник, за мои рога, да покрепче!

И в одно мгновение помчала его коза через леса и горы, моря и реки, на высокую скалу и укрыла его в пещере, а сама уселась перед входом.

Встает утром княжна и принимается за поиски. Берет в руки зеркало и направляет в небо — на солнце, и луну, и звезды. Вот шарит она по лесам и рекам, направляет зеркало к горам. И на высокой скале видит княжна дикую козу, прикрывающую собой вход в пещеру. А еще она видит полу серой черкески, которую не сумела прикрыть коза. Как же это она оплошала!

— Эй, ты, парень! — крикнула княжна. — Выбейся-ка из пещеры и торопись ко мне! Мой частокол давно дожидается тебя.

Что делать? Предстал охотник перед княжной.

— Попробуй в третий, и последний раз спрятаться, — сказала княжна. — Может, и повезет тебе!

Куда идти охотнику? Снова пошел он в лес. И опять разложил костер, достал из газыря рыбу чешую, погрел ее над пламенем. И появилась перед ним рыба.

Поведал ей охотник о своем горе.

— Следуй за мной, — сказала рыба.

Привела она его к морю, а сама бултых в воду и вскоре вынырнула с огромной рыбиной. Та раскрыла свою пасть, проглотила охотника. Опустилась рыбина на самое дно и затаилась в песке.

Встает утром княжна, берет в руки зеркало. Направляет его на горы, на небо — на солнце, на луну, на звезды, — на леса и реки. Но все напрасно. Вот шарит она в пучинах вод и в самом глубоком месте находит огромную рыбину. Странной показав-

лась княжне эта рыбина. Задержала на ней княжна свое волшебное зеркало.

Вот зевнула рыбина, и в чреве ее увидела княжна охотника.

— Вот ты где, парень! — обрадовалась она. — Выходи-ка из своего убежища!

Что делать? Пошел охотник к княжескому дворцу.

— Какой же тебе нравится кол? — спросила насмешливо княжна. — Может, этот? Или вон тот? — А сама не сводит с него глаз.

— Для мертвой головы годится любой кол. Прошу тебя — разреши мне спрятаться еще один раз, — отвечал охотник.

— Хорошо, — сказала она, — прячься.

Куда идти охотнику? Снова пошел он в лес. Опять развел костер, достал из газыря куний волосок, погрел его у пламени. И появилась куница тут как тут!

— Я здесь, — пропищала она.

Поведал охотник кунице о своем горе, и куница сказала ему:

— Спрятать тебя от глаз княжны очень трудно. Но я попробую. Возьми меня за уши и с силой потяни к себе.

Охотник исполнил все в точности. И что же? Сползла шкура с куницы, а под нею оказалась золотистая шерсть.

— А теперь, — сказала куница, — залезай в мою шкуру и притворись мертвым. Не двигайся. Я оставлю тебя у княжеского дворца. Самое главное — не двигайся. И жди, что будет.

Послушался ее охотник, забрался в кунью шкуру, зашила ее куница так, что швов не видеть, поволокла к княжескому дворцу и бросила у колоды.

Просыпается утром княжна, берет в руки волшебное зеркало.

А в это время ей говорят:

— Княжна, у ворот мы нашли убитую куницу. Большая куница, а шерсть-то у нее какая!

Понравилась княжне кунья шерсть. Она сказала:

— Оставьте куницу у моих ног. Я оторочу ее мехом свое платье,— и принялась за поиски охотника.

Направила она зеркало на небо — на солнце, луну и звезды. Обшарила горы и реки, леса и моря. Искала в земле и под землей, в воде и под водой. И не нашла!

К вечеру, выбившись из сил, сказала княжна:

— Выходи, парень, где бы ты ни был!

Охотник вспорол шкуру и предстал перед княжной.

С досады бросила княжна зеркало на землю — разлетелось оно на мелкие кусочки.

Охотник собрал народ и сказал так:

— Зеркало не будет больше служить княжне, да и потеряло оно свою силу. Я уезжаю. А княжну оставляю на ваш справедливый суд.

МАЛЬЧИК БЕБЕЛЕ

Еврейская сказка

Огда-то жили старик со старухой. Жили они много лет, а детей у них не было, и они очсьнь горевали об этом.

Раз старик ушел на работу, а старуха осталась дома готовить обед.

Стала она перебирать для супа фасоль, взяла одну фасолинку и говорит:

— Ах, если бы у нас был сынок, хоть такой маленький, как эта фасолинка!

Не успела старуха сказать это, как у фасолинки сейчас же выросли ноги, руки, голова, и она сказала тоненьким голосом:

— Я мальчик Бёбеле — фасолинка и буду твоим сынком!

Обрадовалась старуха, сшила мальчику Бёбеле самые маленькие штанишки и самую маленькую рубашечку, какие только можно себе представить. Затем она сварила в наперстке кашу и накормила Бёбеле. После этого она стала куда-то собираться.

— Куда ты, матушка, собираешься? — спросил мальчик Бёбеле.

Старуха ответила:

— Я собираюсь нести завтрак твоему отцу в мастерскую.

— Я сам отнесу ему завтрак! — сказал Бёбеле.

— Но как же ты понесешь, сынок? Ведь ты такой маленький!

— Ничего, отнесу! Только скажи, куда надо идти.

Старуха рассказала, как пройти к мастерской, потом положила на блюде кусок рыбы, завязала его в платок и дала Бёбеле. Он взял узелок и побегал.

По дороге он увидал старика нищего. Нищий грустно сидел на большом камне.

Бёбеле подошел к нему и спросил:

— Отчего ты такой невеселый, дедушка?

— Ах, мальчик Бёбеле, — сказал нищий, — я со вчерашнего дня ничего не ел, я очень голоден!..

Тогда Бебеле подал ему узелок и сказал:

— Ешь эту рыбу! Это очень вкусная рыба.

Старик нищий съел всю рыбу и оставил только одни косточки.

После этого Бебеле побежал домой, чтобы взять еще рыбы и отнести отцу.

Бежит он, а навстречу ему идут семеро воров. Они увидели Бебеле и очень обрадовались. Самый старший вор нагнулся, взял его двумя пальцами, посадил на ладонь и сказал:

— Эге! Этот мальчик поможет нам воровать. Он такой маленький, что пролезет в любую щелку! Ты хочешь с нами воровать?

Бебеле решил, что спорить с ворами нельзя, и поэтому сказал «да», хотя воровать он совсем и не собирался.

Тогда вор посадил его в карман, и они пошли дальше.

Бебеле высунул голову из кармана вора и все смотрел, куда они идут. Когда воры проходили совсем близко от какой-то стены, Бебеле выпрыгнул из кармана и юркнул в щелку, так что воры даже и не заметили этого.

Бебеле думал, что он уже спасся, но не тут-то было: он стал выбираться из щелки, стал карабкаться и попал прямо в кормушку с нарезанной свеклой. Большая рыжая корова ела эту свеклу. Вместе с куском свеклы она проглотила и мальчика Бебеле, и он очутился в коровьем брюхе.

Тут в хлев пришла работница и села доить корову. Вдруг она услышала крик:

— Ах ты, негодница, ах ты, дрянная!

Это Бебеле ругал корову за то, что она проглотила его. Но работница не поняла — она думала, что это ругается корова. Работница испугалась, уронила подойник и убежала из хлева.

Прибежала она к хозяйке и сказала:

— Корова не велит себя доить. Корова громко кричит и ругается!

Хозяйка сказала:

— Вот я сама подою корову! Меня-то, свою хозяйку, она уж не осмелится ругать!

Но только она села доить корову, как раздался сердитый крик:

— Ах ты, негодница, ах ты, дрянная! погоди! Вот я тебе задам!

Хозяйка тоже испугалась и убежала из хлева.

Позвала она своего мужа и велела ему сходить в хлев.

— Тебе-то корова не посмеет грубить! — сказала она.

Но корова обругала и хозяина.

Он выбежал из хлева и сказал:

— Это очень дерзкая корова! Ее непременно нужно зарезать!

И рыжую корову зарезали. Мясо положили в ледник, а требуху отнесли далеко и выбросили.

Как раз мимо этого места проходил старый нищий. Он увидел коровью требуху и сказал:

— У меня нет денег на мясо, возьму эту требуху, сварю — и у меня будет вкусный обед!

Он взял требуху, положил ее в мешок, перебрал мешок через плечо и пошел домой.

А надо сказать, что у Бебеле была маленькая сабля, он сделал ее из обломка старой иглки. Вот этой саблей он и стал колоть нищего в плечо. Не думайте, что он хотел сделать больно старику: он только хотел напомнить о себе.

Нищий перекинул мешок на другое плечо. Но мальчик Бебеле опять уколол его. Тогда нищий решил посмотреть, что это его колет. Он разрезал требуху и увидел Бебеле. А Бебеле только этого и

надо было: он выскочил и встал перед нищим. Нищий узнал его и очень удивился.

— Тэ-тэ-тэ... — сказал он. — На свете все бывает! Вот мы и опять встретились! Но что мне с тобой делать, мальчик Бебеле?..

— Отнеси меня домой! — сказал Бебеле.

И нищий отнес его домой, к старику и старухе. Старик и старуха очень обрадовались. Они усадили нищего за стол и досыта накормили его. И все были рады, что все кончилось так благополучно.

ЧУДЕСНЫЙ ПОЯС

Осетинская сказка

мирая, один бедный человек завещал своему сыну:

— Я не оставляю тебе ни дворцов, ни серебра, ни золота. Но если когда-нибудь будешь нуждаться, отправляйся к моему другу, мудрецу. Он не раз и не два выручал меня из беды и тебе не откажет в помощи.

Сын похоронил отца так, как полагается: ни богато, ни бедно, а сам стал жить в старой дедовской башне что ни день все беднее. Все, что было в доме, кончилось, и в конце концов юноша так ослабел, что не мог руки поднести ко рту.

Тогда юноша отправился к другу своего отца, мудрецу.

Очень обрадовался старик.

— Не думал, что у моего друга остался такой сын, такой молодец,— говорит мудрец.— Весь год я не отпущу тебя из моей башни. Твоей башне не грозит никакая опасность: туда никто, кроме зверей, не заглянет.

Год прошел быстро. Мудрец привел коня, дал юноше в дорогу круг ячменного чурека и круг козьего сыра. Потом дал ему еще пояс из кожи барса и сказал:

— Пока ты жил в моей башне, вокруг выросли такие дремучие леса, что и не проберешься— дороги не найдешь. Вот тебе пояс. Подпоясешься — и откроется дорога в черном лесу. Когда выедешь из леса на равнину, увидишь медную башню и рядом с ней железную гостевую комнату. Остановишься в гостевой. Выйдет к тебе хозяйка башни, красавица девушка. Множество юношей приезжали к ней, сватались, но ни один не вернулся обратно. Когда она выходит к гостю, то не разговаривает с ним. Но если гость заставит ее три раза заговорить, если у него найдется столько ума, она выйдет за него замуж, и ему достанутся все ее сокровища и башня. Когда она выйдет, ты положи пояс на фынг* и скажи: «Видно, хозяйка моя немая, не о чем говорить с ней. Расскажи ты, мой барсовый пояс, что делается на свете». Пояс расскажет три были и каждый раз будет задавать тебе вопросы, а ты давай нарочно неверные ответы. Если девушка заговорит с тобой — твое счастье; не то велит отрубить тебе голову и насадить ее на ограду башни.

Юноша натянул пояс, поблагодарил мудреца, сел на коня и уехал.

Много он ехал или мало, не знаю, но выбрался на равнину. Показалась медная башня, а рядом железная гостевая.

Юноша спешился, коня привязал к кольцу в

стене башни, сам вошел в гостевую, сел и ждет.

Вечером в гостевую комнату явилась прекрасная девушка. Красоты она была такой, что и глаз не оторвать.

Юноша приветствовал ее, но девушка ни слова не ответила. Тогда юноша положил пояс на фынг и говорит:

— Видно, хозяйка моя немая, не о чем говорить с ней. Расскажи ты, что делается на свете.

Пояс человеческим голосом ответил:

— Что я могу рассказать! Днем я бываю на тебе, а ночью — под твоим изголовьем.

— Ничего, расскажи нам что-нибудь.

Девушка подняла брови и приготовилась слушать.

Пояс начал:

— У трех братьев был один бык, больше ничего не было в их бедном хадзаре*. Очень берегли они этого быка. Один брат охранял быка и сидел у хвоста его, другой — у брюха, а третий — у головы. Брат, сидевший у хвоста, видит: три дня и три ночи около быка совсем нет навоза. Испугался он, не заболел ли бык, и побежал сказать об этом другому брату, что у брюха. С утра до позднего вечера бежал он и, добежав, говорит:

«Бык наш три дня и три ночи совсем не дает навоза, не заболел ли он?»

Второй брат сказал:

«Вот уже три дня и три ночи около него сухо, совсем сухо. Пойдем к брату, посоветуемся».

Два брата на другой день побежали к третьему, и вечером, когда солнце спускалось за горы, добежали до него.

«Бык наш три дня и три ночи не дает навоза, не мочит землю. Не заболел бы он у нас!»

«А ведь он и есть перестал,— сказал третий

брат.— Наверно, ему хочется пить. Пойдем напоим его».

Три брата повели своего быка к большой реке. Бык одним глотком осушил ее, и все жители реки остались на дне.

Со дна выскочила рыба и сразу проглотила быка. Вдруг с гор слетел коршун, впился в рыбу когтями и поднял ее в небо. Коршун отнес рыбу на гору, и гора рассыпалась пеплом. Тогда коршун положил ее на вековой дуб, но дуб сломался, как былинка. А коршун не выпускает рыбу из когтей. Летаёт с ней, смотрит во все стороны.

На берегу около пастуха лежал козел, рога его были переплетены. Коршун опустил на его рога и съел рыбу. Когда коршун добрался до быка и стал его есть, лопатка быка отскочила и попала в глаз пастуху.

Вечером пастух пригнал стадо в селение, вошел в дом и говорит своим трем сестрам:

«Сегодня что-то попало мне в глаз. Идите-ка сюда, поищите».

Одна из сестер засучила рукав и сунула руку по самый локоть в глаз брата. Искала, искала, но ничего не нашла. Вторая сестра влезла в глаз брата, но тоже ничего не нашла и ни с чем вылезла обратно. Третья сестра залезла в глаз брата, поплавала туда-сюда и вынесла лопатку. Кость выбросили в мусор, а с мусором вывезли за селение.

Долго лежала эта кость и выросла дерном.

Однажды возчики с обозом в двенадцать подвод расположились на заросшей кости на ночлег. В полночь лиса подкралась к селению в надежде на добычу. Учувала она кусочек мяса, оставшийся на кости, схватила его и стала крутить кость вместе с обозом.

Среди возчиков оказался хороший охотник. Он

взял да и убил лису. Двенадцать человек стали снимать с нее шкуру. Ободрали половину, стали переворачивать лису на другой бок, но сил не хватило. Оставили они напрасную работу, отрезали половину шкуры и той половиной все двенадцать оделись с головы до ног.

Наутро девушка вышла к реке по воду, споткнулась и говорит:

«Это что такое?»

Увидела, что это убитая лиса, нагнулась и ободрала оставшуюся половину шкуры. Принесла шкуру домой и стала кроить шапку для своего годовалого брата, но на шапку не хватило...

Вот тебе мой рассказ,— сказал чудесный пояс.— Теперь ответь: кто был больше всех?

— Коршун, кто же другой! — сказал юноша.

Улыбнулась тогда девушка и говорит:

— С виду ты будто умный человек, но отвечаешь неправильно. Самое удивительное в рассказе — годовалый ребенок, у которого такая большая голова.

Так девушка заговорила в первый раз.

Девушка ушла, а сын бедняка улегся спать.

На другой день вечером девушка опять спустилась в гостевую комнату, села в кресло и ни слова не говорит.

Юноша снова снял пояс, положил его на фынг и говорит:

— Видно, хозяйка моя немая, не о чем с ней говорить. Расскажи ты, что делается на свете.

— Что я могу рассказать! Днем я бываю на тебе, а ночью — под твоим изголовьем,— ответил пояс.

— Позабавь нас немного, скоротаем время,— просит юноша.

И пояс стал рассказывать:

— У трех братьев было стадо овец и коз. Братья охраняли свое стадо по очереди. Однажды старший брат, посвистывая, погнал стадо к опушке черного леса и там стал пасти скот в высокой траве, сам стоит под большим деревом, а овцы и козы пасутся вокруг.

Чтобы скоротать время, стал пастух вырезать на стволе девушку. Весь день вырезывал и кончил работу только вечером.

На другое утро средний брат погнал стадо на то же место. Средний брат увидел девушку, вырезанную его старшим братом, и говорит:

«Нет на свете девушки красивее. Хорошо было бы украсить ее».

И начал украшать девушку. Он собрал для нее самые красивые, самые благоухающие цветы.

Когда наступил вечер, он пригнал стадо домой.

На третий день со стадом отправился младший брат. И он погнал свое стадо на то же место, к опушке дремучего леса.

Увидел младший брат изображение девушки и остановился как вкопанный.

Младший брат подумал: «Вот та, о которой я мечтал всю жизнь». Он бросился к дереву, но это оказалась не девушка, а лишь ее изображение.

Тогда взмолился юноша:

«О бог богов, оживи ее!»

Только сказал, как изображение превратилось в живую девушку.

Младший брат привел красавицу девушку в дом, и тут братья стали спорить о том, за кого должна выйти она замуж...

За кого должна выйти она замуж? — спросил чудесный пояс.

— За старшего брата, конечно, — отвечает юноша. — Если бы не он, девушки не было бы вовсе.

— Неправда,— сказала хозяйка башни.— Девушке выходить только за младшего брата, который ее оживил. Ничего нет лучше жизни на земле.

Так девушка заговорила во второй раз.

На третий день девушка опять пришла в железную гостевую. Молча села она в кресло недалеко от гостя.

Юноша опять снял с себя пояс, положил его на фынг и сказал:

— Расскажи нам еще одну быль, чтобы время скоротать. Видно, хозяйка наша немая — ни слова не говорит.

— Что я могу рассказать! Днем я на тебе, а ночью — под твоим изголовьем. Но если уж хозяйка немая, я расскажу, только слушай хорошенько!

— Буду слушать, ни слова не пропущу,— отвечает юноша.

— У одного алдара*, владетеля одной страны, была такая красивая дочь, что месяц и звезды видели в ней себя, как в зеркале. Алдар и его жена ни на шаг не отпускали от себя дочь: они жили, пили и ели только для нее. И вот семь уангов*, семь братьев-насильников, унесли любимую дочь алдара и его жены.

Твоему бы недругу так горевать, как горевали отец с матерью!

В селении алдара жила ведунья. Было у нее три сына. То, что они умели делать, никто другой на свете не сделал бы.

Алдар и его жена изнемогали от горя и послали своих слуг к сыновьям ведуньи — к трем братьям и велели им сказать:

«Хоть вы и неровня, все же мы выдадим свою дочь замуж за одного из вас, если вы освободите ее от насильников-уангов».

«Хорошо, мы освободим твою дочь», — согласились братья и отправились к уангам.

Братья отъехали от селения, посмотрели друг на друга и говорят:

«Мы алдару слово дали, что освободим дочь. А что будет делать каждый?»

«Я вынесу дочь алдара от уангов так, что они даже и не узнают об этом», — сказал старший брат.

Средний сказал:

«Если дочь алдара попадет в мои руки, то не только уанги, даже ветер и тот не догонит меня».

«Когда уанги бросятся в погоню, я истреблю их всех», — сказал младший.

Братья поехали дальше. Когда приблизились к дому уангов, старший брат отправился к уангам, а средний и младший стали ждать его.

Старший незаметно вынес дочь алдара из дому уангов. Средний взял ее и, подобно буре, помчался в замок алдара.

Третий брат остановился, ожидая погони, и уничтожил уангов — ни один из них не вернулся больше домой.

Когда три сына ведуньи — три брата вернулись домой, стали они спорить, за кого алдар должен выдать дочь...

За кого? Скажи сам, — спрашивает чудесный пояс юношу.

— За кого? А за того, кто вынес ее из дома уангов, — ответил тот.

Хозяйка засмеялась:

— Юноша, верно, не так хорош твой ум, как твоя наружность. Алдар должен выдать дочь за младшего. Не велик подвиг — унести ее из дома уангов: они сумели бы унести ее и второй раз. Но если похитители погибнут, девушке не грозит беда.

Алдар должен выдать дочь за младшего сына ведуньи.

Так заговорила она в третий раз.

— Победил ты меня, добрый юноша! Теперь я твоя навек.

В медной башне юноша и красавица устроили богатый пир, а после счастливо и долго жили.

СКАЗКА ПРО ИВАНА И ЧУДЕСНУЮ КНИГУ

Украинская сказка

Было то, либо не было. Жил на свете бедный человек с тремя сыновьями. Когда дети подросли, говорит старший сын:

— Тátu, не на что нам дома всем жить, придется, видно, на стороне работу искать.

— Ну что ж,— сказал отец,— ступайте.

Сперва отправился старший брат. Шел он, шел и увидал хатку. Отворил дверь, глядит — старуха в хатке сидит. Хлопец поклонился:

— Добрый день, бабко.

— Добрый день, сынку.

— Ищу себе работу. Может, вам пригожусь? — спрашивает.

— Пригодишься... — старуха отвечает.

— Ну а какая будет служба, что надо делать?

— Будешь овец пасти.

— Добре!

На другое утро рано бабка хлопца разбудила, дала ему хлеба, дала топор и сказала:

— Смотри нигде овец не запирай, а знай иди следом за ними. И где что увидишь удивительное, чего век не видал, что бы то ни было, отруби немного и принеси мне.

Погнал хлопец овец. Идет вслед за ними: куда овцы, туда и он. А как наступил полдень, обежал он стадо кругом, и овцы улеглись и до самого вечера спали. Вечером пригнал хлопец овец домой. А старуха только взглянула на овец, как тут же схватилась и вырезала у молодца из спины ремень:

— Вот тебе плата за твою службу! Ступай куда знаешь!

Вслед за старшим братом пошел искать работу средний. И попал он к этой же самой старухе, и так же она вырезала ему ремень из спины. С тем и воротился средний сын домой. Тогда стал проситься младший:

— Тату, пустите и меня. Пойду работу искать. Отец с матерью уговаривают:

— Уж коли старшие ничего не заслужили, так чего же ты можешь заработать?

— Не тужите о том, не печальтесь, чего-нибудь да заработаю, только отпустите,— неотступно просит хлопец.

Ну что тут станешь делать? Отпустил его отец.

Ушел младший брат и как раз угодил к той же самой старухе.

— Добрый день, бабко,— поздоровался молодец.

— Добрый день, сынку.

— Работу вот ищу. У вас, бабко, нет ли какой службы?

— Почему нет? Дело найдется! — старуха отвечала.

— А что за работа, чего надо делать?

— Будешь овец пасти, вот и вся твоя работа.

На другой день рано утром дала старуха хлопцу мешок да топор и сказала:

— Овец нигде не запирай, а куда они пойдут, туда и ты следом ступай. Да коли увидишь что диковинное, что бы там ни было, отруби немного и принеси мне.

Овцы щиплют траву да бредут, щиплют да бредут, и хлопец вслед идет, идет и идет. Так дошли до реки. И тут хромой баран проговорил:

— Садись, пастух, на меня, перенесу тебя через реку.

Переправились на другую сторону. Что такое? Растет на том берегу трава-мурава шелковая, сочная, густая, а скотина, что тут пасется, лядащая, худущая, словно грабли.

Подивился хлопец и нарезал охапку той травы, сунул в мешок.

Бредут овцы дальше и вышли на такое место: земля совсем голая, словно пол в хате, а скотина на той земле тучная, что твои перины.

«В чем тут дело?» — думает хлопец.

Вырезал ком той земли, сунул в мешок. А овцы все дальше идут, и Иван следом за ними. К дому повернуло стадо. Хромой баран и говорит:

— Слушай, Иван. Как будет тебя баба спрашивать, чего хочешь за то, что хорошо пас овец, и станет за хорошую службу давать тебе и серебро, и золото, ты не бери, а проси книгу, что в укладке лежит... Баба не захочет отдавать книгу, а ты знай неотступно проси и ничего иного не бери за работу. Ведь то книга не простая, а волшебная: открой ее, и все у тебя будет, чего пожелаешь.

Пригнал хлопец стадо домой. Взглянула старуха на овец и рада-радехонька: хорошо паслись, будто налитые, аж светятся, как звезды. Спрашивает Ивана:

— Ну, что ты там видал?

— Видал заливные луга. Растет на лугах трава шелковая, густая, сочная, а скотина, что пасется там, лядащая, чуть на ногах держится... почему так?

— А потому,— баба отвечает,— что пастух негодный.

— А почему на голой земле коровы тучные?

— Потому, что пастух хороший! Ну а теперь, сынку, проси что хочешь за твою хорошую службу...

— Ничего не хочу, бабко, отдай мне только ту книжку, что у вас в укладке лежит.

— На что тебе та книга? Я тебе дам четыре воза золота и четыре пары коней!

— Ничего не хочу, кроме книги.

— Ну ладно, отдам тебе книгу, но смотри, по дороге не раскрывай, не заглядывай в нее. Когда придешь домой, строй хлевы на коней, коров и на всякую живность, какая только есть на свете. Как построишь, все двери отопри, стань против хлевов и открой книгу, увидишь, что будет.

Иван взял книгу и пошел домой. Шел, шел, притомился, сел отдохнуть и подумал:

«А что, как погляжу, чего есть в той книге?»

И только успел раскрыть книгу... батюшки светы! Откуда что взялось; валом повалил разный скот табунами, стадами, отарами. Побежали кто куда, в разные стороны.

Хлопец вскочил на ноги, кинулся бежать, загонять скотину. Ну да разве тут справишься? И уви-

дал: бежит баба, сердитая-пресердитая, огонь из глаз мечет.

«Ну,— думает себе хлопец,— пропал я!»

Прибежала баба и кричит:

— А что я тебе говорила, неслуху! Не раскрывай книгу, покуда домой не придешь да хлевов не поставишь. Не послушался меня, теперь пеняй на себя. Скотину я тебе всю собираю, все будет как было. А за ослушанье век останешься ты холост — не женат. Коли опять не слушаешь, лиха-беды наживешь: как только женишься, того часу и умрешь.

Баба обежала кругом табунов, стад, отар, и вся живность пропала из глаз, будто век ее не бывало. Подала Ивану книгу:

— Ступай да помни, что я тебе сказала!

Пришел хлопец домой. Его спрашивают:

— Ну, чего ты заслужил? Показывай!

— Вот эту книжку,— говорит Иван.

Стали братья над ним смеяться. А Иван просит отца:

— Поставьте, тату, новые хлевы для разной скотины.

— Откуда я тебе поставлю новые хлевы? — говорит отец. — На то надо много денег, а где их взять, те гроши?

— Не тужи, не кручинься, тату, есть у нас на что хлевы поставить, — сказал сын, — вот тебе гроши. — И тут же снял золотую обложку с книги: — Хватит этого золота?

Нанял отец мастеров, и в скором времени выстроили всякие хлевы и закуты. Когда все было готово, хлопец раскрыл чудесную книгу, и, откуда ни возмись, валом повалили кони, коровы, овцы и всякая иная живность прямо в хлевы и закутки. Разбогател отец с сыновьями, стал Ивана уговаривать:

— Пора тебе, сынку, жениться!

— Не могу я жениться,— тот отвечает.— Коли вздумаю жениться, тут же на свадьбе и умру.

Много ли, мало ли прошло времени после того, и отец с матерью уговорили-таки Ивана жениться. Высватали ему красивую дивчину из богатого дома.

И только вышли от венца, как увидал холопец ту самую бабу. Он вскочил на коня и кинулся наутек куда глаза глядят.

Гнал коня, гнал, доехал до Пятницы. Пятница ему говорит:

— Не бойся, молодец, ничего. Возьми вот эти три яблочка, они тебе со временем пригодятся. И на вот тебе еще ширинку*. Как доедешь до моря и станет тебя смерть настигать, махни этой ширинкой, и море расступится, а как перейдешь на другой берег, опять махни ширинкой, море и сольется. Смерть твоя и отстанет от тебя. Через море ей не перебраться нипочем.

Поблагодарил холопец Пятницу и поехал дальше. Приехал к морю. Коня пустил пастись, а сам привалился отдохнуть и не заметил, как крепко уснул. В ту пору баба-ведьма и настигла его. Кинулась она сперва на Иванова коня. Коня разорвала, обернулась к Ивану — что такое? Охраняют холопца три пса по имени Тяжигора, Далековид и Далеkochуй. В тех псов обернулись три яблочка, что Пятница Ивану дала.

Проснулся добрый молодец, увидал бабу-ягу, вспомнил про шириночку. Махнул шириночкой, и вода расступилась. Он и перешел на другой берег. Там снова махнул шириночкой, и море слилось. Осталась баба-яга на другом берегу.

Построил холопец себе хатку и стал ходить с Тяжигорой, Далековидом и Далеkochуем на охоту.

Тем и кормился. Жил он так долго ли, коротко ли, никого из людей не видал.

И вот как-то раз повстречалась ему дивчина красивая на вид. Приглянулась дивчина молодцу, и в скором времени они поженились.

Иван по-прежнему на охоту ходил, а жинка по дому управлялась, хозяйство вела.

Как-то раз, когда Иван был на охоте, вышла молодница к морю и глядит на другой берег. А баба-яга обернулась молодцем пригожим и стала с того берега ласковые речи говорить. Молоднице тот хлопец по сердцу пришелся, а пуще того льстивые слова запали в душу, и стала она каждый день на берег выходить, с красивым хлопцем разговоры вести. Так со дня на день время идет. Потом стал молодницу тот хлопец уговаривать:

— Как бы ты меня да на ваш берег переправила!

— Переправить-то бы я тебя с радостью переправила, да только не знаю как...

— Я тебя научу,— хлопец ей говорит.— В изголовье у Ивана есть чудесная шириночка. Возьми ту шириночку, махни три раза, вода расступится, и я перейду к тебе.

Молодница так все и сделала: махнула шириночкой три раза, море расступилось. Баба-яга под видом пригожего хлопца перешла через море и говорит:

— Вот бы нам с тобой теперь Ивана сгубить, и тогда бы я на тебе женился. Где у вас псы спят?

— В сенях,— молодница отвечает.

— Тогда ты вырой яму в хате под столом и схорони меня там.

Ухоронила жинка хлопца-оборотня в той яме, сверху землей прикрыла.

Воротился Иван домой. Поужинали, стали спать ложиться, а псы в сени никак нейдут. Улеглись в

хате под столом, как раз над ямой, где баба-яга ухоронилась.

На другой день утром Иван кликнул псов и ушел на охоту. Баба-яга чуть живая выбралась из ямы и говорит:

— Попроси мужа — пусть завтра псов дома оставит, тогда я его одного погублю в лесу.

Перед тем как Ивану прийти, жинка напоила, накормила хлопца-оборотня и опять схоронила в яму. Пришел Иван. Сели ужинать.

— Не бери, муженек, завтра псов на охоту: что-то я боюсь одна оставаться.

Утром Иван ушел один, а жинка загнала псов в клеть и крепко дверь прикрыла. Баба-яга вылезла из ямы и кинулась догонять Ивана. Стала настигать и закричала:

— В этот раз не уйдешь от меня!

Иван влез на матерый дуб, а баба-яга принялась грызть тот дуб своими страшными зубами.

Все это Далекочуй услышал и говорит:

— Беда! Баба-яга погубит нашего хозяина. Надо скорее бежать на выручку!

Выломали псы дверь и кинулись бежать сколько сил хватало. Когда прибежали, дерево уже ходуном ходило — вот-вот упадет.

Схватили псы бабу-ягу и разорвали ее на клочки.

Пришел Иван домой, взял чудесную шириночку, вышел на берег и махнул три раза той шириночкой. Море расступилось, и он со своими верными Тяжигорой, Далековидом и Далекочует перебрался на свою сторону. Там снова махнул шириночкой: слилось море и навеки разлучило его со злой жинкой.

Тут и сказке конец.

ЗАЗА, КРАСНАЯ КОРОВУШКА

Лакская сказка

о ли было, то ли не было — жила, говорят, в одном селении женщина с родной дочерью и с падчерицей.

Дочь свою она работой не томила, сладкими чуреками кормила. А падчерице черствую корку да соли щепотку даст и на целый день в поле пасти корову пошлет.

Корова у них была красная, звали ее Заза́. Девушка корову на солнышке привяжет, коркой соленой угостит, а сама сидит голодная до вечера.

Вот однажды и говорит Заза, красная коровушка:

— Иди сюда, добрая, иди сюда, милая, попей из моих рогов!

Наклонила Заза голову, и напилась девушка из правого рога меду, из левого — масла.

Так у них и повелось: отдаст девушка корове соленую корочку, а сама меду и масла напьется.

А мачеха падчерицу не только корову пасти посылала, но еще и козью шерсть теревить заставляла.

Сидит как-то девушка в поле, корову пасет, козью шерсть чешет. Откуда ни возьмись, налетел черный вихрь и унес у девушки всю шерсть. Заплакала бедняжка, побежала к мачехе:

— Матушка, матушка, что делать? Ветер унес нашу шерсть!

Избила мачеха сиротку и велела сейчас же найти шерсть.

— Если не найдешь, убью тебя, не оставлю в живых!

Вернулась девушка в поле, спрашивает:

— Что делать мне, Заза, красная коровушка?

— Не плачь! — отвечает красная корова. — Научу тебя, как найти шерсть... Утри слезы и слушай. Пойдешь ты во-он по той дороге. Будут лежать на твоём пути широкие поля. Увидишь ты на тех полях людей. Будут они убирать свой урожай — красные кораллы. Поклонись, скажи так: «Да будет добро вам и вашему урожаю! Не насыплет ли мне лопатку зерна? Не покажете ли, где живет хозяйка ветров Чассажей?» Они пошлют тебя на второй ток, где убирают крупный жемчуг. И у этих людей спросишь о том же. Отсюда пошлют тебя на третий ток. Там будут убирать червонное золото. Ты и этим людям поклонись и о том же попроси. Они покажут тебе дорогу...

Как пойдешь ты по той дороге, увидишь собак, перед ними будет лежать сено, и лошадей, перед ними будут кости... Дай собакам кости, а лошадям — сено, пожалеи их, скажи: «Бедные вы мои!» И они пропустят тебя.

Дальше будет на твоём пути быстрая река. Отпей из нее глоток воды, похвали: «Ах, сладкая вода!» И река откроет тебе дорогу. За этой быстрой рекой стоит дом Чассажей.

Распахнешь ты дверь, взойдешь по лестнице, крикнешь: «Мать ветров Чассажей, сжался, отдай мне шерсть, не то мачеха убьет меня!»

Чассажей ответит: «Подойди поближе, я ничего не слышу!» Ты не бойся, подойди, а она скажет: «Ну-ка, перетряхни все в моем доме!» Тогда ты дом побели, белье постирай и постель приberi...

Понравится это Чассажей, и она велит тебе: «Растрепли-ка мне волосы и разорви на мне платье!» Но ты, конечно, не слушай ее. Платье поштопай, а Чассажей искупай, косы ей расчеши, в постель уложи.

Когда она уснет, ты возьми шерсть и беги, не оглядываясь, не то Чассажей заставит тебя век с нею жить.

Поблагодарила девушка Зазу и отправилась в путь. Увидела она широкие поля, увидела ток, на котором сгребали люди красные кораллы.

— Пусть будет добро вам и вашему урожаю! — молвила девушка. — Не дадите ли и мне лопатку? Не покажете ли дорогу к хозяйке ветров Чассажей?

Насыпали те люди девушке в хурджин лопатку красных кораллов и послали ее на второй ток, где веяли крупный жемчуг.

— Пусть будет удача вам и вашему урожаю! — сказала девушка. — Какой красивый жемчуг! Не дадите ли и мне лопатку? Не покажете ли дорогу к хозяйке ветров Чассажей?

Насыпали они девушке в хурджин лопатку жемчуга и послали ее на третий ток, где сыпали в мешки червонное золото.

— Пусть будет счастье вам и вашему урожаю! — всплеснула руками девушка. — Не подарите ли и мне лопатку? Не покажете ли дорогу к хозяйке ветров Чассажей?

Насыпали они девушке в хурджин лопатку червонного золота и сказали:

— Иди спроси вон у тех лошадей и у тех собак!

Пошла девушка и видит: кто-то дал собакам сено, а лошадям — кости. Отнесла она сено лошадям, кости бросила собакам, да еще погладила их, пожалела: «Бедные, голодные вы мои!» А они показали дорогу дальше.

Попалась девушке на пути быстрая река. Отпила она из нее водицы, похвалила: «Ах и сладкая же вода!» И речка остановила свои волны, расступилась, показала дно и пропустила девушку.

Пришла девушка к дому Чассажей, распахнула дверь, поднялась по лестнице и позвала:

— Мать ветров Чассажей, сжался! Отдай мне шерсть, не то мачеха убьет меня!

— Я плохо слышу! — крикнула Чассажей в ответ. — Подойди поближе.

Девушка подошла, и Чассажей велела:

— Ну-ка, переверни все кверху дном в моем доме!

— Хорошо, — сказала девушка.

А сама принесла воды, дом побелила, белье постирала, все перемила, по местам расставила...

— Ну, теперь растрепли мне косы и разорви мое платье! — приказала Чассажей.

И девушка починила одежду, Чассажей испала, косы ей расчесала, в постель уложила.

Очень понравилось это хозяйке ветров.

— Иди ко мне, моя доченька! — позвала она, полила на голову девушки воду из кувшина, и стали косы у девушки золотыми...

Несколько дней не отпускала хозяйка ветров свою гостью. А та тосковала по родным местам, по своей красной коровушке.

Чтобы не ушла девушка потихоньку, Чассажей прятала от нее шерсть под подушку. Все же улучила сиротка час, когда уснула Чассажей крепче обычного, вытащила из-под подушки шерсть и убежала.

Проснулась хозяйка ветров. Смотрит — девушки нет. Пустилась старуха в погоню, кричит:

— Эй, мутная река, не пускай!..

— Эй, лошади, эй, собаки, поймайте!

— Эй, люди на токах, чтоб вам пусто было, задержите...

Добежала девушка до быстрой реки, расступилась река, пропустила ее да еще выплеснула перед ней башмаки с золотыми каблучками. Башмаки те были диковинные: и на носке правого, и на носке левого увидела девушка свой портрет. Взяла она башмаки, поблагодарила речку и побежала дальше.

— Ешьте на здоровье! — сказала она лошадям, что хрустели сеном, и собакам, что грызли кости.

А они приласкались к ней и пропустили ее.

Прибежала девушка на третий ток, и на второй ток, и на первый ток. Везде желала она людям счастья, и люди пропускали ее, желали доброго пути.

Рассердилась, разъярилась хозяйка ветров Чассажей.

— Эй, речка! Эй, лошади и собаки! Эй, люди на токах! Как вы смели послушаться меня!

И речка сказала ей:

— Ты называешь меня мутной, а девушка сказала, что я сладкая...

Собаки и лошади ответили ей:

— Кости ты бросаешь лошадям, а сено даешь собакам... Мы умирали от голода, а девушка накормила нас...

Люди же сказали так:

— Никогда-никогда не желала ты нам добра! А ласковая девушка пожелала нам счастья... Как же нам не пропустить ее?

И вернулась хозяйка ветров Чассажей к себе ни с чем.

Ну и пусть возвращается! А мы расскажем о девушке...

Прибежала сирота домой, обняла свою красную коровушку:

— Здравствуй, милая коровушка! Вот тебе кораллы и золото, жемчуг и башмачки с портретами! Спрячь все это получше...

Рассказала сирота Зазе обо всем, что видела. Потом пошла к мачехе и отдала ей шерсть.

Пошло у них все по-старому. Пасет падчерица в поле Зазу, красную корову, да козью шерсть теребит, а мачехина дочь дома бездельничает.

Но вот однажды спросила мачеха у падчерицы:

— Почему ты так низко повязываешь платок?

— Голова у меня болит, матушка.

— Ну-ка, дай посмотрю! — закричала мачеха и сорвала платок.

Как увидела мачеха золотые девушкины косы — затряслась от зависти. Пристала она к сиротке:

— Расскажи, расскажи, откуда у тебя золотые косы?

Делать нечего — так она сердилась, так бранилась! — пришлось девушке сказать:

— Мать ветров Чассажей дала мне золотые косы...

— Кто научил тебя пойти к Чассажей? — спросила мачеха.

— Заза, красная коровушка.

Ни слова не промолвила мачеха. Поспешила она домой, привела в поле дочь. Велела ей корову пасти и заодно козью шерсть теребить. Откуда ни возмись, налетел черный вихрь и унес всю шерсть.

Приказала мачехина дочка:

— Говори, красная корова, как мне шерсть вернуть!

Рассказала ей Заза все, что и сиротке рассказывала. Побежала мачехина дочка к хозяйке ветров Чассажей.

Увидела она широкие поля и нашла ток, на котором сгребали люди красные кораллы.

— Чтоб пусто было и вам, и вашему урожаю! — закричала она. — Насыпьте-ка мне поживей кораллов да покажите дорогу к хозяйке ветров!

— Это что за невежа такая? — удивились люди.

Рассердились они. Посадили ее на лопату, бросили на второй ток, где веяли крупный жемчуг.

— Провалиться бы вам и вашему урожаю! — завопила мачехина дочка. — Насыпьте живо лопату жемчуга и покажите дорогу к хозяйке ветров!

Подхватили ее на лопату и швырнули на третий ток, где ссыпали в мешки червонное золото.

— Пропади пропадом и вы, и ваш урожай! — заорала мачехина дочка. — Дайте-ка золота побыстрей и покажите дорогу к хозяйке ветров!

Ну, на третьем току и досталось же ей! Надавали тумачков и отправили на лопате к лошадям и собакам.

А она и тут все напутала. Отняла у лошадей сено — кинула собакам. Схватила у собак кости — швырнула лошадям.

— Чтоб вам подавиться! — говорит.

Искусали ее собаки. Лошади копытами побили. Кое-как вырвалась она, пришла на берег быстрой реки.

Отпила мачехина дочка из реки глоток воды, сплюнула: «Тьфу! Грязная вода...» Рассердилась речка, зашумела, преградила ей путь.

Перебралась мачехина дочка вброд на тот берег и пришла, мокрая, грязная, вся в синяках, к дому хозяйки ветров Чассажей.

Распахнула она дверь, поднялась по лестнице и крикнула:

— Чтоб ты лопнула, вредная Чассажей! Отдай сейчас же шерсть, а то моя матушка бранится!

— Не слышу! — крикнула Чассажей в ответ. — Подойди поближе!

Подошла мачехина дочка, и Чассажей сказала:

— Переверни-ка все сверху донизу в моем доме!

— Ладно уж, переверну! — обрадовалась мачехина дочка. Все перебила, все разорила, камня на камне не оставила...

Не стала Чассажей браниться, только посмотрела хмуро.

— Ну что ж, теперь растрепли мне косы, разорви на мне платье! — приказала она.

Мачехина дочка набросилась на нее: косы повыдергала, платье в клочья изорвала...

Потемнела хозяйка ветров.

— Спасибо! Получай награду! — сказала она. Брызнула девушке в лицо из кувшина, и покрылись у той все щеки бородавками. — А теперь забирай свою шерсть и уходи!

Долго ли, коротко ли шла мачехина дочка, говорить не станем... Хоть и побитая вся, вернулась все же домой.

Увидела мать свою любимицу в бородавках, чуть ума не лишилась от горя.

Думала она, думала, что делать, и надумала со зла зарезать Зазу, красную корову.

— Твоя мачеха хочет убить меня, — сказала красная корова падчерице. — Собери мои косточки, когда меня зарежут, зарой их в саду под яблоней.

Зарезала мачеха Зазу, красную корову. Мясо ее сварили и съели вдвоем с дочкой, а косточки падчерица собрала и зарыла в саду под яблоней.

С тех пор совсем не стало сироте покоя.

— Ты все хорошеешь, а моя дочь дурнеет! — бранилась мачеха и колотила падчерицу.

Пошла однажды девушка в сад, села под яблоней и заплакала с горя.

— Не плачь, добрая! Не плачь, милая! — отклик-

нулись коровьи косточки.— Скажи, чего тебе хочется?

А в тот день была веселая свадьба в соседнем ауле. Девушке очень хотелось потанцевать на свадьбе.

— Дай мне, коровушка, красивое платье и мои башмаки! — попросила она.

Тотчас появились перед ней красивое платье и башмаки с портретами. Нарядилась девушка и пошла на свадьбу.

Стала она переправляться через ручей. Прыгала с камня на камень, уронила один башмачок, и вода унесла его. Пришлось бедняжке вернуться домой — так и не поплясала она на свадьбе...

А в это время молодой хан ловил в ручье форель. Вдруг поймал он башмачок с золотым каблуком и увидел на носке башмачка портрет прекрасной девушки с золотыми косами. И очень захотелось хану найти хозяйку этого башмачка.

Многим красивым девушкам той страны примерял хан башмачок, но никому он не пришелся впору.

Наконец приехал хан со своими слугами в то селение, где жила мачеха с дочерью и падчерицей... Побывал он во всех домах. Дошла очередь и до мачехино дома. Только вошел юноша в дом, как увидел девушку, которую так долго искал... Надел он ей на ногу башмачок. Башмачок пришелся как раз впору.

Обрадовался хан, попросил мачеху отдать ему девушку в жены. Затаила хитрая женщина свою зависть и злобу, сделала вид, что с радостью соглашается.

— Прошу тебя, хан,— сказала она с поклоном,— возвращаясь в дом твоего отца! Мне надо снарядить невесту, а потом я сама привезу ее к вам.

Так и сделали... Откуда же мог юноша знать о ее черной злобе? Уехал молодой хан, а мачеха стала хлопотать, будто бы собирая падчерицу в дорогу.

Вот наконец отправились они в путь. Мачеха велела девушке завязать в узелок золотые башмачки, а с собой она ничего не взяла, только кусок хлеба с солью.

Дорога была дальняя, места пустынные, а день знойный. Девушка утомилась и захотела есть.

— Дай мне поесть, матушка! — сказала она.

— У меня нет ничего, кроме хлеба, — ответила мачеха и дала ей соленую корку.

Съела девушка соленый хлеб. Начала мучить ее жажда.

— Ой, как хочется пить! Хоть бы глоточек воды, матушка!

— Потерпи, — ответила мачеха, — скоро будет колодец с чистой, прохладной водой. Тогда напьешься вдоволь.

Колодец и впрямь был неподалеку. Положила девушка наземь свой узелок с золотыми башмачками, побежала напиться. Но едва нагнулась она над колодцем, как злая мачеха подкралась сзади и толкнула ее в воду.

Схватила мачеха башмачки и побежала домой. Нарядила она свою дочь в самое лучшее платье, закрыла ей лицо шелковой фатой, посадила на белую лошадь и повезла к молодому хану.

Приняли их в ханском дворце с почетом, справили пышную свадьбу. А когда кончили пир, откинул хан покрывало с лица молодой жены и увидел ее бородавки. Только делать уже нечего: свадьба-то сыграна!

— Это не моя любимая! — закричал хан в отчаянии. — Меня обманули!

— Это твои собственные глаза обманывают тебя, уважаемый зять! — улыбнулась мачеха. — У меня только одна эта красавица дочь и есть.

Смутился молодой хан. «Может, тут колдовство? Может, и впрямь глаза меня обманули?» — подумал он.

А пока во дворце свадьбу справляли, к тому колодцу, куда бросила мачеха свою падчерицу, подошли купцы с караваном. Остановились они у колодца отдохнуть.

Опустил один из них в колодец кувшин на длинной веревке и стал тянуть. Но кувшин оказался таким тяжелым, что одному не вытянуть... Кликнул купец на помощь товарищей, и вытащили они вместе с кувшином девушку.

Поблагодарила девушка купцов и попросила их:

— Когда я выскажу вслух свое желание, ответьте мне, добрые люди: «Да сбудется!..»

Купцы охотно обещали выполнить ее просьбу. Девушка крикнула:

— Я хочу стать горлинкой!

— Да сбудется! — ответили купцы и увидели, что девушки нет — исчезла!

Превратилась она в белую горлинку, вспорхнула и улетела. Подивились купцы такому чуду и пошли дальше своей дорогой, а горlinka прилетела в ханский сад и села на миндальное дерево.

— Садовник, садовник! — заворковала она. — Пусть увянет это дерево, как я увядаю... Передай мой привет молодому хану!

Улетела горlinka, а миндальное дерево засохло.

С тех пор каждый день на утренней заре прилетала горlinka в сад, каждый раз садилась на новое дерево и ворковала:

— Садовник, садовник! Пусть погибнет это

дерево, как я погибаю! Передай мой привет молодому хану!

Пришел однажды хан в свой сад и увидел: засохли лучшие деревья — айва и миндаль, инжир и гранат, персики и груши. Разгневался он на садовника:

— Ты совсем запустил сад, бессовестный человек! Погибли лучшие деревья!

— Помилуй, хан! — взмолился садовник. — Нет тут моей вины. Каждое утро прилетает в сад гор-linka, выбирает лучшее дерево и садится на него. И только она скажет: «Пусть увянет это дерево, как я увядаю! Передай мой привет молодому хану!» — дерево тут же сохнет.

Тогда велел хан поймать гор-linkку.

Раскинул садовник сети, и на другой день на заре поймал хан белую гор-linkку. Едва коснулся он ее руками, как превратилась гор-linkка в красавицу девушку с золотыми косами. Хан сразу узнал в ней свою невесту.

— Значит, вот как меня обманули! — воскликнул хан. — Пойдем же, пойдем во дворец! Там ты расскажешь мне все!

— Сто лет жизни тебе, мой повелитель, — поклонилась девушка. — Но о чем я буду рассказывать? О том, что глаза видели, или о том, что уши слышали?

— Виденное глазами во сто раз ценней, чем слышанное ушами, — ответил молодой хан. — Ты расскажешь о том, что видела и испытала...

— Хорошо! Но когда я буду рассказывать, пусть слушает меня моя мачеха со своей дочерью. И пока я не кончу, никто не должен выходить из дворца.

Закрыла девушка лицо покрывалом. Пошли они во дворец. Послал хан слугу разбудить злую

мачеху с ее дочерью и привести к нему, а потом отдал страже приказ: не выпускать никого из дворцовых покоев.

Пришли мать с дочкой, заспанные, злые, и начала девушка свой рассказ. Она поведала о том, как мучила ее злая мачеха, как бросила в колодец. Едва начала девушка говорить, задрожала, побледнела мачеха и стала украдкой вместе с дочкой пробираться к дверям. Но у дверей стояла стража, а молодой хан грозно приказал им оставаться на месте.

— За вашу злобу, за обман вас следовало бы казнить,— сказал хан, когда девушка кончила рассказ.— Но я нашел свою любимую. Вот она! — И хан откинул с лица девушки покрывало.— Я не хочу омрачать казнью самый счастливый день моей жизни. Отдайте моей невесте бамшачки, уходите из моей страны и больше на глаза не попадайтесь!

Выгнали злую мачеху и ее дочь с позором из той страны.

А девушка попросила хана поехать с ней в ее родные места. Там она взяла свое золото, и кораллы, и жемчуг. Все сберегла для нее Заза, красная коровушка.

И вот женился наконец молодой хан на своей любимой.

Справили они веселую свадьбу. Играли там семь зурначей. Били там в семь барабанов. Пили там, пока бурдюки не похудели, ели, пока котлы не опустели. Плясали, пока ноги держали, песни пели, пока голос не потеряли.

Словом, все, что положено добрым людям сделать, сделали! Я на их свадьбе гулял и до сих пор о том забыть не могу!

ВЕРНЫЕ ДРУЗЬЯ МОВСУР И МАГОМЕД

Чеченская сказка

или два друга — Мовсúr и Магомед. Сдружились они еще мальчишками. Миновали годы, Мовсур и Магомед выросли, вместе с ними окрепла их дружба... Но теперь они жили в разных аулах.

Однажды Мовсур вернулся с пастбища очень усталый и поспешил лечь спать. А во сне он увидел, будто красавица Жовár, дочь князя Мусы, который жил в трех месяцах пути от их аула, назначила день и сказала: «Если ты сможешь добраться ко мне, то в этот день я уеду с тобой». Мовсур сорвался с постели, словно подстреленный олень. Было еще темно. Прошли только две части ночи, начиналась третья. Ночные звезды разбегались в разные стороны, уступая небо предутренним звездочкам.

«Что за сон мне приснился? — подумал Мовсур. — Не может быть, чтобы в этом не было правды. Я должен разыскать дочь князя Мусы — иначе мне и джигитом называться нельзя».

До рассвета он уже не сомкнул глаз. Мать заметила, что он мало спал, но не стала ни о чем спрашивать. Она только сказала:

— Сегодня я присмотрю за скотом. А ты можешь проведать своего друга Магомеда.

— Хорошо, я поеду к Магомеду, но если не вернусь ни сегодня, ни завтра, ты обо мне не беспокойся. Знай, что я отправился в дальнюю дорогу, — ответил Мовсур матери.

Он оседлал своего коня и поехал к другу. Дети бежали за ним и кричали:

— Мовсур едет к Магомеду!

А те, что жили рядом с Магомедом, подбежали к его окну и крикнули:

— К тебе едет Мовсур!

— Ассалам алейкум, Магомед! — сказал Мовсур.

— Ва-алейкум салам! — отвечал Магомед.

Он помог другу сойти с коня, повел его в дом, угостил. Потом Мовсур сказал:

— Приехал я звать тебя в путь-дорогу. Если согласен, то седлай коня, и мы поедем!

Магомед не спросил Мовсура: «Куда мы едем?», и Мовсур не сказал Магомеду: «Едем туда-то и туда-то». Они выехали и пробыли в пути восемьдесят семь дней и восемьдесят семь ночей. Восемьдесят восьмой вечер застал их в густом лесу. Уже стемнело, когда они выехали на узкую тропинку. Тропинка привела их к чьей-то коновязи. Рядом изпод земли валил дым. Друзья слезли с коней, привязали их, подошли к тому месту, откуда валил дым, и заметили там ступеньки, ведущие в подземелье. Спустились вниз и очутились в просторной комнате. Людей в комнате не было, но посередине стоял стол, уставленный разными блюдами, из которых поднимался пар.

Ни Мовсур, ни Магомед не спросили, что это такое. Они сели за стол, поели и легли спать. Прошло немного времени, и в печную трубу закричал кто-то снаружи.

— Я здесь! — ответил человеческий голос из комнаты.

Казалось, заговорил стол, потому что, кроме Мовсура и Магомеда, в комнате никого не было.

Мовсур уже спал крепким сном. Неизвестные

голоса слышал только Магомед. Он все гадал: «Куда это мы едем?» — и не мог заснуть. А невидимый опять крикнул:

— Я не могу пойти с тобой. У меня ночуют чужеземные гости. Надо их сначала в путь приводить. Ступай один!

Снаружи отвечали:

— Твои гости проделали путь в три месяца. Один из них увидел во сне красавицу Жовар, дочку князя Мусы. Она назначила день, когда он должен прийти за ней. Живет князь за нашим морем. Завтра они подъедут к этому морю. Если они срежут ветку дуба, растущего у самой воды, и бросят ее в море, то она превратится в мост. По мосту они смогут переехать через море. На другом берегу моря они увидят дом, а в том доме живет старуха. Она поможет им добыть княжескую дочь. Но тот, кто услышит эти мои слова и расскажет о них другому, — тот превратится в кусок льда.

Голоса смолкли. Магомед долго еще ворочался, потом и он уснул.

Рано утром друзья проснулись и пошли смотреть своих коней. А коней кто-то расседлал, стреножил, и они всю ночь паслись на зеленой поляне. Мовсур и Магомед переглянулись, но не сказали друг другу ни слова. Оседлали они коней, потом вернулись в подземелье, чтобы попрощаться с хозяином, но он так и не появился. А стол опять был уставлен блюдами. Друзья поели, вышли из подземелья, сели на коней и пустились в путь.

Приехали они к морю, о котором ночной голос упоминал. Остановились. Куда ни посмотришь — всюду вода. И только далеко впереди узенькой полоской виднеется другой берег моря. Ни один из друзей не сказал: «Через это море не переплывешь!» Мовсур хотел въехать в воду на коне. Но

Магомед удержал его. Он глянул вокруг, увидел на берегу большой дуб, подъехал к нему, вынул кинжал, срезал ветку побольше и бросил в море. Тотчас перед ними вырос мост. Друзья поехали по нему. Подъезжая к другому берегу, заметили под скалой маленький домик. У домика стояла старуха.

— Да будет день твой хорошим, нáni!* Гости едут к тебе: верные друзья Мовсур и Магомед,— сказали джигиты.

— Да будет путь ваш благополучным! — приветливо отвечала старушка. — А я про вас знаю. С самого утра на море поглядываю — не покажетесь ли. Вовремя вы подоспели. Ведь завтра кончатся три месяца — срок, который дочь князя Мусы назначила Мовсуру. Не приехали бы вы сегодня — пришлось бы уезжать ни с чем.

Всадники слезли с коней, привязали их к коновязи и вошли в старушкин домик. Она подвела их к окну и говорит:

— Видите на пригорке дворцы? Хозяин их — сам князь Муса. У князя есть золотых дел мастера. Я схожу к ним и закажу кольцо для Мовсура. Магомед пойдет со мной. А ты, Мовсур, пройдишь мимо того дворца, что поближе к нам. В нем живет дочь князя. Она уже знает, что ты здесь. Но за ней строго следят. Когда будешь идти мимо дворца, Жовар заметит тебя. Если она что-нибудь бросит из окна, ты подними и уходи поскорее. Да смотри не оглядывайся!

Старушка сходила с Магомедом к мастерам. Мастера взялись сделать кольцо для Мовсура. Когда старушка и Магомед вернулись домой, Мовсур уже дожидался их. В руке он держал золотое яблоко, яблоко ему из своего окна украдкой бросила Жовар.

— Мовсур,— сказала старушка,— этим ябло-

ком Жовар дает тебе знать, что будет тебя ждать сегодня в яблоневом саду. Отправляйся вечером туда. Когда Жовар выйдет в сад, сияние ее красоты озарит все вокруг, ночь превратится в день. А тебя потянет заснуть. Но ты смотри не засыпай.

Вечером Мовсур оделся получше, пробрался в сад князя Мусы и стал дожидаться Жовар. Когда у входа в сад показалась Жовар, ночь превратилась в день. А Мовсур был так ослеплен ее красотой, что тут же уснул. Жовар подошла к Мовсуру, посмотрела на него, посидела рядом, подождала, потом поднялась и говорит:

— Пора мне домой. Жаль, что ты не проснулся. Видно, устал в дороге!

Потом сняла с него шапку — чтобы он знал, что она была рядом, — положила на траву, а сама удалилась.

Мовсур проснулся. Сильно огорченный тем, что заснул, он подобрал свою шапку, вернулся к старушке и рассказал обо всем, что с ним приключилось. Добрая старушка принялась его успокаивать.

— Не печалься, все уладится, — сказала она. — Но ты должен знать, что Жовар насильно хотят выдать замуж за одного княжеского сына. Больше тебе нельзя ходить к дворцу. Если отец Жовар увидит, он обо всем догадается и бросит нас всех в темницу. Посиди дома, а мы с Магомедом сходим за кольцом и постараемся повидать Жовар.

Когда они получили у мастеров кольцо и проходили мимо дворца, Жовар бросила из окна золотую гроздь винограда. Старушка принесла ее домой и сказала:

— Это значит, что сегодня вечером Жовар тебя ждет в винограднике. Когда пойдешь к ней, надень на палец это кольцо.

Едва стемнело, Мовсур пробрался в княжеский

виноградник, где его ждала Жовар. Ее красота опять его ослепила. Он остановился как вкопанный, потом опустился на землю и заснул. Но на этот раз Жовар догадалась, почему он заснул. «Видно, я его ослепляю», — подумала она. Посидела рядом, а когда стало светать, сняла у Мовсура кольцо с пальца и ушла. Мовсур проснулся и опять поспешил к старушке.

— Не печалься, все будет хорошо, — успокоила его старушка. — Но я узнала, что князь Муса не хочет откладывать свадьбу. Неспроста Жовар сняла у тебя с пальца кольцо. Это значит, что она просит тебя увезти ее, потому что сегодня князь Муса намерен устроить свадьбу, выдать Жовар за князя, которого он выбрал ей в женихи.

Вечером старушка пошла на свадьбу, а друзьям наказала ждать ее в условленном месте.

В самый разгар свадьбы, когда все гости князя принялись танцевать лезгинку, старушка сделала знак Жовар. Девушка незаметно вышла за нею. Старушка повела ее туда, где их ждали Мовсур и Магомед.

Мовсур посадил Жовар рядом с собой на коня. Друзья попрощались с доброй старушкой, поблагодарили ее за помощь и поспешили в обратный путь.

Не успели отъехать за ближайшую гору, как за ними началась погоня. Но беглецы уже были у моря, и Магомед бросил в воду дубовую ветку, которая у него была припасена. Перед ними тут же вырос мост. Как только друзья с невестой переехали на другой берег, мост исчез в волнах. Теперь погоня была не страшна.

Жовар спросила у Магомеда, как он сумел перекинуть через такое море мост. Но Магомед не мог ответить. Он промолчал.

Вот приехали они в знакомый лес и спустились в

подземную комнату. Как и в первый раз, нашли в ней стол, накрытый для гостей. Поужинали и легли спать. Но Магомед и в эту ночь не сумел заснуть. Он вспоминал разговор, который услышал когда-то в этой комнате.

Во второй половине ночи, как и в первый раз, кто-то снаружи крикнул в трубу. Магомед прислушался. Голос сказал:

— Твои гости вернулись с невестой. Они доберутся к себе домой и справят свадьбу, которая будет длиться три дня и три ночи. На четвертую ночь, когда жених и невеста уснут, из дыры в полу вылезет змей и задушит их. Тот, кто услышит эти слова и расскажет о них другим, превратится в кусок льда.

Наутро отдохнувшие путники тронулись в путь. Хотя и была дорога длинная, но лошади были хорошие, они домчали их быстро.

Приехали втроем домой к Мовсуру. Мать Мовсура встретила их у ворот.

— Совсем я тебя заждаюсь, сын мой, теперь порадуюсь твоему счастью,— сказала она, обнимая его, красавицу невесту и верного друга Магомеда.

Сыграли они свадьбу. Когда свадьба кончилась, Магомед не уехал. Он сказал, что погостит еще несколько дней. Этому Мовсур был очень рад.

Ночью Магомед пришел и сел около двери комнаты Мовсура и стал ждать, что будет. В полночь, когда Мовсур и его молодая жена уснули, Магомед услышал какой-то шорох. Он открыл дверь и увидел, что пол комнаты приподнялся и оттуда показалась голова змея. Магомед не растерялся: он схватил свою саблю, вбежал в комнату и изрубил змея на куски.

Мовсур проснулся рано утром и увидел зарубленного змея, а возле него спящего Магомеда. Он

бросился к другу, разбудил, попросил объяснить, как он узнал, что ночью к ним заберется змей. Магомед не хотел говорить, но, чтобы Мовсур не обиделся, рассказал ему все, что знал. И едва повторил слова, какие слышал в подземелье, как превратился в кусок льда и покатился по полу.

— Мой дорогой друг Магомед, без тебя я не хочу жить! — воскликнул Мовсур.

Он выхватил из ножен кинжал, приставил острием к своей груди и схватил кусок льда, чтобы ударить по кинжалу и пронзить себе сердце. Но удара не получилось. От первого прикосновения к рукоятке кинжала лед снова превратился в человека. Мовсур увидел перед собой живого и невредимого Магомеда.

Так и должно было случиться. Магомеда мог спасти только друг, готовый погибнуть вместе с ним. Мовсур доказал это и спас Магомеда.

И стали они жить-поживать, никогда уже не разлучались. И крепче их дружбы никто не знал.

ШЕЙДУЛЛА-ЛЕНТЯЙ

Азербайджанская сказка

е в наше время, а давным-давно жил на свете человек. Звали его Шейдулла, и был он лентяй и бездельник.

Жена и дети его постоянно голодали, а уж о новых платьях и мечтать не смели.

Станет жена упрекать Шейдулла, что он не хочет работать, а Шейдулла в ответ:

— Ничего, не горюй! Сейчас живем бедно, скоро будем жить богато!

— Да как же мы будем жить богато? — спросила жена. — Ведь ты целые дни лежишь, палец о палец не ударишь!

А Шейдулла опять свое: .

— Подожди, придет время — заживем и мы богато!

Ждала жена, ждали дети — не могли дождаться.

— Нечего ждать, — говорит жена, — совсем от голода умираем!

Решил тут Шейдулла идти к мудрецу за советом: как от бедности избавиться. Собрался и пошел.

Шел Шейдулла три дня и три ночи и встретил на дороге тощего волка.

— Куда идешь, добрый человек? — спросил его волк.

— Да вот иду к мудрецу просить совета, как стать богатым.

Услышал это волк и говорит Шейдулле:

— Будь добр, узнай, кстати, что мне делать. Вот уже третий год у меня страшная боль в животе: ни днем, ни ночью нет мне покоя. Пусть посоветует мудрец, как мне избавиться от этой боли.

— Хорошо, — отвечает Шейдулла, — спрошу.

И пошел дальше.

Шел Шейдулла опять три дня и три ночи и увидел возле дороги яблоню.

— Куда идешь, добрый человек? — спрашивает его яблоня.

— Иду к мудрецу просить совета, как жить без трудов.

— Будь так добр, попроси у мудреца совета и для меня, — говорит яблоня. — Каждый год весной я

вся зацветаю, а как распустятся мои цветы, так все разом и осыпаются. Спроси у мудреца, отчего это.

— Хорошо, спрошу,— ответил Шейдулла и отправился дальше.

Шел он опять три дня и три ночи и дошел до глубокого озера.

Высунула большая рыба голову из воды и спрашивает:

— Куда идешь, добрый человек?

— Да вот иду к мудрецу просить совета и помощи.

— Будь так добр, передай ты мудрецу и мою просьбу. Вот уже седьмой год, как у меня постоянно что-то колет в горле. Пусть мудрец даст совет, как мне стать здоровой.

— Хорошо, спрошу,— сказал Шейдулла и пошел дальше.

Шел Шейдулла опять три дня и три ночи. Наконец дошел он до рощи. А роща вся была из розовых кустов. Смотрит — под одним кустом сидит старик с длинной седой бородой. Взглянул старик на Шейдулла и спрашивает:

— Что тебе нужно, Шейдулла?

Удивился Шейдулла.

— Как ты,— спрашивает,— узнал мое имя? Не тот ли ты мудрец, к которому я за советом иду?

— Да,— ответил старик.— Что же тебе нужно от меня? Говори скорее!

Рассказал Шейдулла, зачем он пришел, что ему нужно.

Выслушал его мудрец и спрашивает:

— Больше ни о чем не хочешь спросить меня?

— Хочу,— отвечает Шейдулла.

И рассказал о просьбах тощего волка, яблони и большой рыбы.

— У рыбы,— сказал мудрец,— застрял в горле

крупный драгоценный камень. Когда вынут у нее из горла этот камень, тогда она и выздоровеет. Под яблоней зарыт большой кувшин с серебром. Когда выроют этот кувшин, тогда перестанут засыхать цветы яблони и будут на ней созревать яблоки. А волку, чтобы избавиться от боли, нужно проглотить первого лентяя, какой ему попадется.

— А моя просьба? — спрашивает Шейдулла.

— Твоя просьба уже исполнена. Ступай!

Обрадовался Шейдулла, не стал больше расспрашивать мудреца ни о чем и отправился домой.

Шел он, шел и дошел до озера. Там его ждала с нетерпением большая рыба. Как только увидела она Шейдулла, спросила:

— Ну, что посоветовал мне мудрец?

— Когда вынут у тебя из горла драгоценный камень, тогда и станешь ты здоровой, — сказал ей Шейдулла и хотел идти дальше.

— Добрый человек, сжался надо мной, — стала просить его рыба, — вынь у меня из горла этот камень! И меня освободишь, и сам богатство получишь!

— Ну нет, зачем мне зря трудиться? У меня и без того богатство само собой появится! — сказал Шейдулла и пошел дальше.

Пришел Шейдулла к яблоне.

Увидела его яблоня — затрепетала всеми своими ветками, зашелестела всеми своими листиками.

— Ну что? — спрашивает. — Узнал ты у мудреца, как мне избавиться от моего горя?

— Узнал, — говорит Шейдулла. — Надо, чтобы у тебя из-под корней вырыли большой кувшин с серебром. Тогда и не будут засыхать твои цветы, тогда и будут созревать яблоки.

Сказал это Шейдулла и хотел идти дальше.

Стала яблоня просить его:

— Вырой из-под моих корней этот кувшин с серебром! Это и тебе на пользу пойдет — сразу разбогатеешь!

— Ну нет, не хочу я трудиться! Мудрец сказал, что у меня и без того все будет,— ответил Шейдулла и пошел своим путем.

Шел он, шел и встретил тощего волка. Увидел Шейдулла тощий волк, так весь и затрясся от нетерпения.

— Ну,— спрашивает,— что посоветовал мне мудрец? Не томи, скажи скорее!..

— Съешь первого лентяя, какой тебе на пути встретится,— сразу поправишься,— сказал Шейдулла.

Поблагодарил волк Шейдулла и стал расспрашивать его обо всем, что он видел и слышал по дороге.

Шейдулла рассказал волку о своих встречах с большой рыбой и яблоней и об их просьбах.

— Только не стал я задерживаться,— говорит Шейдулла,— я и без того богат буду.

Выслушал его волк и очень обрадовался.

— Ну,— говорит,— не нужно мне теперь искать лентяя: он сам ко мне пришел! Нет никого на свете глупее и ленивее этого Шейдуллы!

Кинулся волк на Шейдулла да и проглотил его целиком!

Так и пропал лентяй Шейдулла.

С неба упали три яблока: одно — тому, кто слушал, другое — тому, кто рассказывал, третье — всем остальным.

СЫН ВОРОНОГО

Грузинская сказка

или-были, а может, и нет, старик со старухой. Ничего у них не было, кроме одной кобылицы. Утром кобылица уходила пастись в лес, а вечером приводила с собой жеребеночка. Старик продавал жеребеночка и покупал хлеба и сыру. Так и кормились старики.

Обидно было кобылице, что отнимают у нее жеребят. Ушла она однажды в лес и не вернулась к старикам.

Живет кобылица в лесу. Пасется там со своими жеребятками — целый табун у нее теперь.

Трудно кобылице смотреть за ними, и однажды она молвила:

— Эх, родился бы у меня сын человеческий, пас бы жеребят!

Только вымолвила — и появился у нее мальчик. Не мальчик, а ясное солнышко.

Вырос он прекрасным юношей. Стал пастись жеребят, но захотелось белый свет повидать, свою долю поискать. Кобылица отговаривает сына, молит не покидать ее, а юноша стоит на своем.

— Хорошо, сынок, раз так, выбери коня, садись и поезжай.

Выбрал себе юноша коня из табуна, а тот ворчит:

— Где это видано — младший брат верхом на старшего садится!

Не понял юноша этих слов, передал их кобылице.

— Выбери себе другого,— говорит она.

И второй конь ворчит, говорит те же слова, что первый. И третий не дался юноше.

Пошел юноша пешком — не захотел обижать коней.

Идет он и думает: «А что, если люди спросят меня, чей я сын, как меня зовут, что я отвечу?»

Воротился он назад, спрашивает у кобылицы свое имя.

— Если спросят, кто ты, отвечай так: «Я сын Вороного, рожден я в лесу»,— говорит она.

Идет сын Вороного куда глаза глядят, куда сердцу хочется.

Тропа вывела его на дорогу, а дорога привела к селению.

День уже к вечеру клонился. Пора ночлег искать. Видит юноша: ковыляет по дороге старушка, несет с родника воду. Нагнал он старушку, попросил напиться.

Испил холодной воды и спрашивает, не пустит ли она его переночевать.

— Отчего же, сынок, гостю всякий рад.

Привела его в домик на краю леса. Накормила, напоила, спросила, куда и зачем путь держит.

— Хочу белый свет повидать, свою долю поискать.

— Не ходи дальше. Поймают тебя царевы слуги, пошлют за горстью нехоженой земли для царя.

— А на что царю горсть нехоженой земли?

— Состарился наш царь. Мудрецы говорят, помолодеет он и удвоится срок его жизни, ежели принесут ему горсть нехоженой земли. Много храбрецов, до золота охочих, ездили за нехоженой землей, да никто ее не нашел. Теперь царь силой посылает искать нехоженую землю. Оставайся лучше у

меня табунщиком. Не управляюсь я с моими конями.

Рассмеялся сын Вороного: от коней ушел, к коням пришел. Согласился все же поработать месяц. А за труды старуха коня ему обещала.

Чуть свет сын Вороного угонял табун пастись на склонах гор, а в полдневный зной укрывал его в лесу.

Подошел месяц к концу. Осталось в последний раз выгнать коней на пастбище.

Позвала его старуха и говорит:

— Довольна я тобой, сынок. Ежели и завтра приведешь всех коней, не потеряешь ни одного, выбирай тогда себе любого.

Говорит старуха, а про себя думает: «Как же, возьмешь у меня коня!»

Лег сын Вороного спать, а старуха пошла на конюшню и приказала коням:

— Разбредитесь завтра по всему свету! А ты, мой белый конь, затеряйся за девятью горами, в небо поднимись, в воду опустишь, только чтобы не сыскал тебя парень!

Утром сын Вороного, как всегда, пригнал на пастбище шестьдесят коней. Пустил их пастись, а сам лег в тени под деревом. Пощипывают кони траву и поглядывают, когда табунщик задремлет.

Сморил сына Вороного сон.

Много ли он спал, мало ли, разбудили юношу пчелы. Гудят-жужжат сердито совсем рядом. Открыл юноша глаза и видит: на цветке шиповника ссорятся пчелы — спихивают друг дружку.

— Ну и неразумные! — смеется юноша. — Вон сколько веточек с цветами, а вы на одной толчетесь!

Рассадил он пчел по разным веточкам.

— Спасибо, человек, научил нас уму-разуму.

Не нужна ли тебе наша помощь? Чем можем — поможем, только скажи! — загудели пчелы.

Посмотрел сын Вороного на небо — солнце закатилось, пора коней домой гнать. Глянул по сторонам — ни одного коня не видно! Бегают юноша, ищет коней, не может найти. Позвал он тогда на помощь пчел.

— Пчелы мои, пчелы, выручайте меня! Кони у меня разбежались, шестьдесят их было, ни одного не осталось! Летите во все стороны, разыщите их да пригоните сюда.

— Это дело нехитрое, мы живо соберем их, — жужжат пчелы.

Разлетелись пчелы по белому свету. Увидят коня и жалят его, гонят к сыну Вороного. За девятью горами нашли и белого коня.

Гонят пчелы табун к дому старухи, а юноша бежит впереди, кричит:

— Открывай, мать, конюшню, принимай коней! Старуха пересчитала их — все на месте!

Подивилась старуха, что юноша перехитрил ее. «Не человек, а чертово копытце», — думает она. Повела старуха юношу в дом, усадила поужинать, а сама пошла на конюшню.

— Разве не велела я тебе спрятаться за девятью горами? Почему послушался меня? — напустилась она на белого коня.

Взяла старуха кнут и давай хлестать — исполо-совала всего.

Потом привела юношу в конюшню и говорит:

— Выбирай любого, какого пожелаешь.

Уверена старуха, что не возьмет юноша белого коня — места на нем живого нет.

Выбирает сын Вороного, осматривает одного коня за другим, никак не выберет. Подошел к белому коню, а тот вдруг зашептал ему по-человечьи:

— Возьми меня, избавь от злой старухи.

Жалко стало сыну Вороного бедного коня. Любил он коней, ведь с ними вырос.

— Дай мне белого коня! — говорит он старухе.

— На что он тебе, хилый да хворый! Вот сколько откормленных, гладких!

— Нет, не хочу я другого!

Делать нечего, пришлось старухе согласиться.

Повел сын Вороного белого коня под уздцы. Не стал его седлать, пока раны не заживут.

— Дай мне отдохнуть три дня, исхлестала меня старуха, — сказал конь юноше. — Буду тебе служить верно, за добро добром отплачу.

Три дня паса белый конь на склоне горы. А на четвертый день зажили у него все раны.

Вскочил на него юноша и говорит:

— Вези меня по белу свету!

Ехали они через густые леса, через пустынные места и повстречали пастухов. Пастухи усадили путника у костра, накормили хлебом, овечьим сыром.

С горы, где они сидели, юноша заметил вдали огонек. «Наверно, жилье, — думает, — поеду попрощусь на ночлег». Распрощался с пастухами и помчал коня. Подъехал и видит: светится перышко на траве, сияет, сверкает лунным светом.

Взлетело перышко и молвило:

— Возьмешь меня — раскаешься, не возьмешь — раскаешься.

— Не бери, — говорит конь, — хлопот не оберешься.

Не послушался юноша коня, схватил перышко и спрятал в карман.

Много ли, мало ли проехал сын Вороного, повстречал он царевых слуг. Схватили они юношу, повели во дворец.

Привели юношу во дворец и оставили под террасой ждать, пока царь отужинает. Царский стол ломится от яств — не скоро поужинает царь! Юноша достал из кармана перышко разглядеть, какое оно, а от него такой свет разлился — огни во дворце померкли!

— Что случилось, что там сияет? — кричит царь.

Спустились слуги под террасу и видят: светится перышко! Привели юношу к царю. У царя от восторга дух захватило. Вырвал он перышко из рук юноши и говорит:

— Таким сокровищем только царю положено владеть!

— Ну и забирай! Захочу, раздобуду птицу, от которой это перышко, — похвастался юноша.

— Раздобудешь — сделаю тебя своим наследником, а нет — снесу голову за хвастовство, — говорит царь. — Даю тебе три дня сроку.

Легко пообещать, трудно дело сделать.

Пошел сын Вороного за советом к своему белому коню.

— Говорил тебе — не бери перышко! Ладно, помогу, да смотри в другой раз будь осторожнее и словами не кидайся. Иди скажи царю, пусть зарежут буйвола и дадут тебе требуху.

Так юноша и сделал. Снарядился он в дорогу, взял с собой буйволиную требуху.

Помчал белый конь юношу к морскому берегу.

— Видишь островок в море? — говорит конь. — Перенесу тебя туда. Я спрячусь в море, а ты ложись на берегу и прикройся требухой. Налетит сверху огромная птица, ты ухвати ее за крылья и держи крепче. А теперь хлестни меня плеткой.

Хлестнул юноша коня изо всей силы. Стрелой вытянулся конь, перенес юношу на островок.

Лег сын Вороного на берегу, прикрылся требухой, а конь скрылся в волнах. Только скрылся конь — послышался шум, поднялся ветер. Налетела сверху огромная птица, сверкает вся, переливается. Схватила она требуху, а юноша вцепился птице в крылья и держит ее, не отпускает. Взмыла птица в небо. Трудно ей поднимать юношу, опустилась она к земле, передохнула, потом снова взлетела, опять опустилась. Так поднималась и опускалась она, покуда не изнемогла.

Выскочил из моря белый конь и понес сына Вороного с добычей к царю.

— Обманул ты меня,— кричит царь,— не ту птицу поймал, не светятся ее перья!

— И не будут светиться в неволе! — отвечает юноша.— Выпустишь птицу, увидишь — огнем горят ее перья!

— Отпусти, государь, отпусти, но с уговором: пусть привезет тебе девушку, которая владела этой птицей,— шепчет на ухо царю главный визирь.

— Привези мне девушку, которая владела этой птицей. Не привезешь — прирежу птицу, на что мне такая! — грозит царь.

Сыну Вороного жалко птицу. Не знает, как быть. Пошел он за советом к своему умному коню.

— Говорил же тебе — не бери перышко. Вперед будешь слушаться меня! Так и быть, выручу тебя и на этот раз. Садись, поедem за девушкой.

Конь примчал его к морскому берегу и говорит:

— Я опять перенесусь на тот островок. В саду на островке спит девушка. Подкрадись к ней тихонько сзади — хоть и спит она, видит и с закрытыми глазами. У красавицы двенадцать кос. Схвати ее за две средние да покрепче держи. Будет девушка кричать, умолять, не выпускай ее, пока не поклянется, что пойдет с тобой.

Прокрался сын Вороного на заре в сад. Видит: спит девушка лицом к восходящему солнцу. Одним прыжком очутился юноша позади нее, схватил за две средние косы. Проснулась девушка, кричит, просит отпустить ее.

— Поклянись, что пойдешь со мной, тогда отпущу,— говорит юноша.

Поклялась прекрасная девушка. Тут выскочил белый конь из моря и понес их ко дворцу старого царя.

Увидел царь красавицу и захотел сделать ее своей женой.

А девушка заупрямилась:

— Не стану я твоей женой, очень ты старый.

— Вовсе я не старый,— обиделся царь.— А как принесут мне горсть нехоженой земли, и совсем помолодею.

И приказал юноше отправиться за нехоженой землей.

Но девушка не хочет выходить за царя, ни за старого, ни за молодого,— полюбился ей отважный юноша.

— погоди, государь, не спеши,— говорит она царю.— Докажи, что ты не старый. Спляши на узенькой доске над котлом с кипятком, тогда и пойду за тебя.

Принесли огромный котел кипящей воды, уложили сверху узкую доску. Но царь боялся поднаться на доску, и пошел он на хитрость.

— Пусть сперва юноша спляшет, посмотрим, как пляшут молодые,— говорит он девушке.

Сын Вороного легко вспрыгнул на доску и стал плясать.

Царь взял и не приметно приподнял доску с одной стороны — упал юноша в котел! Вытащили его слуги и бросили позади дворца бездыханного.

Почуял верный белый конь беду, сорвался с привязи и понесся к своему другу. Облизал он юношу с головы до пят и оживил его.

Вернулся сын Вороного во дворец. Обмер царь — откуда он взялся живой!

— Что же ты не пляшешь, царь, забыл про условие? — говорит девушка.

Кряхтя, вскарабкался царь на доску. Задрожал, затрясся, ноги не может приподнять — куда там плясать! От страха потемнело у него в глазах, и бултыхнулся он в кипяток.

— Уйдем отсюда, — сказала девушка сыну Вороного. — Зачем тебе царство?

Отпустили они на волю диковинную птицу, сели на белого коня и отправились странствовать по свету.

ДВЕНАДЦАТЬ УМНЫХ БРАТЬЕВ

Вепская сказка

а краю одной деревни стояло двенадцать одинаковых домов. Шесть изб рядом, шесть изб тоже рядом, только по другую сторону улицы. И жили в этих избах двенадцать братьев. У каждого была жена и дети, да не о них речь пойдет, их поминать не будем.

Так вот, жили двенадцать братьев. Собрались

они однажды зимой в город Сортавалу за покупками. Кому соль понадобилась, кому ситец жене на платье, кому мыло, кому сапоги... Запряг каждый свою лошадь, расселись по саням и поехали.

Ехать не близко, в пути их ночь застала. Свернули они на постоянный двор при дороге. Стали лошадей распрягать. Один брат говорит:

— Не забудьте сани оглоблями повернуть в ту сторону, куда нам ехать надо.

— Хорошо придумано,— сказал другой брат.

— Завтра гадать не придется, куда ехать,— сказал третий.

— Знай гони лошадей, пока до Сортавалы не добегут,— добавил четвертый.

Услышал их разговор хозяин постоянного двора, подивился, посмеялся. Однако ничего братьям не сказал.

А братья поставили лошадей на конюшню и все двенадцать саней повернули оглоблями в одну сторону — к Сортавале. Потом пошли в дом и легли спать.

Едва братья заснули, хозяин взял да и повернул оглобли в другую сторону. Сам себе сказал:

— Не со зла ведь делаю. Просто любопытно — неужели они и вправду по оглоблям дорогу узнают?

Ну, проспали братья ночь. Утром принялись запрягать лошадей. Запрягают, друг друга похваляют:

— Не поверни мы вчера оглобли, теперь бы не знали, куда ехать,— говорит один.

— Когда по незнакомой дороге едешь, главное — не заблудиться,— говорит второй.

А двенадцатый сказал:

— Одна голова хорошо, а уж с двенадцатью нигде не пропадем.

Поехали братья. Хозяин им вслед посмотрел, пожал плечами, но ничего не сказал.

Погоняют братья коней, торопятся в Сортавалу. Вдруг передний говорит:

— Смотрите, братцы, какое место знакомое. Точь-в-точь как то, что мы вчера проезжали. Береза у валуна стоит, и канава рядом.

— Это точно, похожее место,— говорит второй.

— Много на свете одинаковых мест,— говорит третий.

— Что ж тут удивительного! — подхватил четвертый.— В нашем краю что ни дерево, то береза, что ни камень, то валун. И канавы попадают часто.

А двенадцатый сказал:

— Вы бы меньше по сторонам зевали!

Час едут — молчат, другой едут — молчат, третий едут — никто ни слова. Только коней понукают.

Вдруг пятый брат сказал:

— Вроде бы мы вчера эту деревню проезжали!

Повернули все братья головы, стали смотреть.

— Не та эта деревня,— говорит шестой.

— Не та,— говорит седьмой.

— Та деревня слева была,— говорит шестой.

— Слева,— поддакивает седьмой,— а эта, сам гляди, справа.

— Справа,— говорит шестой.

— Чего там спорить! — сказал двенадцатый.— Ехать надо. Как бы опять в пути ночевать не пришлось!

Опять едут, опять молчат. Впереди снова деревня показалась.

Тут восьмой брат сказал:

— Не знал бы я точно, что в Сортавалу едем, подумал бы, что это наша деревня.

— И пригорок такой,— сказал девятый.

— А вон на том краю шесть да шесть изб стоят, точь-в-точь как наши,— сказал десятый.

— Я ж говорил, что на свете много мест одинаковых,— напомнил третий.

— Это ты говорил,— согласился одиннадцатый.— Но такого места, как наше, такой деревни, как наша, таких изб, как наши, нигде на свете не сыщешь.

Двенадцатый прикрикнул на братьев:

— Хватит языки чесать! Наша деревня, не наша — вперед ехать надо.

Только успел это сказать, подбежала к его саням рыжая собака, хвостом завиляла.

Тут двенадцатый сказал:

— Деревня чья, не знаю, а собака моя.

— Ну, раз собака твоя, так и деревня наша,— сказал первый. И повернул к себе во двор.

Так и не поехали братья в Сортавалу.

— Чем без толку ездить, лучше дома сидеть,— сказал двенадцатый брат.

И все одиннадцать с ним согласились.

А то вот еще что с двенадцатью братьями случилось.

Отправились они как-то на сенокос. Целый день махали косами. Сена прибавилось, травы будто не убавилось. Укосное лето выдалось в том году. Решили братья домой не возвращаться, в поле заночевать.

— А как же, братцы, мы ляжем? — спрашивает один.

— Да так подряд и ляжем, с младшего до старшего,— сказал другой.

Легли они на траву рядком. Вдруг двенадцатый брат говорит:

— Непорядок это. Все в серединке лежат, я один с краю. Холодно мне ночью будет, а ведь я старший.

— И я с краю,— отозвался первый.— И мне холодно будет, а я ведь младший.

— Да, беспорядок это,— сказал шестой.

— Беспорядок,— сказал седьмой,— ложитесь-ка вы между нами. Вот и окажетесь в серединке.

Только улеглись первый и двенадцатый между шестым и седьмым, второй и одиннадцатый закрычали:

— Теперь мы крайние! Нам будет холодно.

Стали опять перекладываться. Никак улечься не могут. До тех пор перекладывались, пока снова первый и двенадцатый крайними не очутились.

— Почему же это так вышло? — удивляются они.— Видно, придется начинать сначала!

Как раз в это время ехал мимо них по дороге сосед. С сенокоса возвращался. Он-то решил в деревне ночевать. Смотрит сосед — у братьев что-то неладно. Остановил коня, слез с телеги и подошел поближе.

Увидели братья соседа, обрадовались.

— Вот хорошо,— говорят,— может, добрый человек посоветует, как нам быть.

— А что у вас? — спрашивает сосед.

— Да вот такое дело,— отвечают братья,— как ни ложимся, всё двое с краю оказываются.

— Ну, этому горю помочь нехитро,— сказал спокойно сосед.

Взял он стожар — шест, вокруг которого стог навивают,— и воткнул в землю.

— Ложитесь к стожару ногами, головами наружу,— сказал сосед братьям и уехал.

Легли братья. Смотрят — всем хорошо. У первого двенадцатый да второй по бокам, у двенадца-

гого — первый да одиннадцатый... Никто с краю не лежит, все посерединке.

Ранним утром едет сосед из деревни на сенокос. Глядит, опять у братьев неладно — шум, спор, чуть до драки не доходит.

— Моя нога! — кричит седьмой.

— Где же твоя?! — сердится двенадцатый. — Моя!

— Ты посмотри, ноготь на большом пальце скрюченный не у тебя, а у меня, — говорит седьмой.

— Ноготь скрюченный — значит, моя нога, — закричал первый. — Я три года назад топором ноготь прибил. Так что отдавайте мою ногу, и слышать ничего не хочу!

— Что это у вас тут делается? — спросил сосед

— С ногами никак не разобраться, — объясняют братья. — Головы у всех врозь, а ноги в куче. Косить пора, а мы встать не можем.

— И этому горю немудрено помочь, — сказал сосед. — Полежите еще немножко, я сейчас...

Нарезал он тальниковых прутьев и, не говоря братьям ни слова, начал охаживать их по пяткам розгами.

Мигом братья повскакали. Тут уж не до споров, где чьи ноги. Как ожжет пятку розгой, долго думать не будешь!

Попрыгали братья по траве, утренняя роса охладила их горящие подошвы. Принялись они за работу.

С тех пор никогда братья на сенокосе ночевать не оставались. Говорили: с ногами самим не разобраться, а сосед, кто его знает, то ли окажется поблизости, то ли другой дорогой поедет

КАК
ГЛУПЫЙ СЫН
ЕЗДИЛ В РИГУ

Латышская сказка

одного крестьянина было три сына: два умных, а третий дурак.

Умных сыновей отец отдал учиться гончарному ремеслу. А дурака оставил дома — пусть на печке лежит.

Когда отец умер, старшие братья-гончары взяли в свои руки отцовское хозяйство, а дурака от всех дел отстранили. Ведь он же ничего не соображает!

«Ну, не соображаю, так и не соображаю», — думает дурак. И не спорит с ними.

А умные братья взялись за дела. Мяли и трепали лен, обжигали горшки — от работы не отказывались, лишь бы деньги хорошие шли. И между собой договорились дурачку денег не давать. А работать он может и без денег, за харчи.

Вот наделали братья горшков, вся изгородь горшками увешана. Пора везти в Ригу*. Сложили они эти горшки на воз и послали младшего брата на базар.

— Продай горшки, а деньги, смотри, все домой привези. Чем больше денег привезешь, тем лучше.

Дурак было заспорил:

— Как же я все деньги привезу? Мне ведь тоже нужно кое-что на расходы!

— Кто на харчи не умеет заработать, как он смеет еще и деньги тратить? — отвечали ему братья. — Наших денег не тронь!

— Хорошо,— сказал дурак,— не дотронусь я до ваших денег. Даже и не взгляну на них!

И уехал.

В Риге на базаре подходят к нему покупатели:

— Сколько просишь за горшки?

— Что я могу просить? Мне велено до денег не дотрагиваться. А я даже и смотреть на них не хочу. Берите горшки даром!

— Эх ты, пустая голова!

Покупатели как слышали, что горшки даровые, так и давай их тащить. Прямо из рук рвали. До вечера еще далеко, а воз уже пуст. И дурачок, посвистывая, едет домой.

Еще не подъехал он и к воротам, а братья уже навстречу.

— Дурачок, где деньги?

— Где деньги? В Риге.

— Куда же ты девал горшки, если деньги в Риге?

— И горшки в Риге. Их там возами берут. Нарасхват. А денег не дают, пока все горшки не привезем.

Братья слышали, что у рижан горшки нарасхват, больше и спрашивать ни о чем не стали. Грузят горшки на воз и снова посылают дурака в Ригу. Один воз отвезет, а у них уже другой готов. А дурачок ездит да ездит в Ригу с горшками. Его какое дело? Братья велют — он и возит.

Так он возил да возил горшки все лето и всю осень. Вот уж и зима настала, и снегу навалило, и дурак поехал с последним возом.

«Эх, горе какое,— думает дурачок,— нынче надо привезти деньги за все горшки. Не привезу — братья в живых не оставят. А пожить-то на свете хочется!»

Едет он обратно домой из Риги — ни горшков у него, ни денег.

И вот — счастье, откуда ты являешься? — слышит он в кустах какой-то шум. Подъехал поближе и видит: разбойники, грабители или кто еще они там — в дороге ведь всех не узнаешь! — что-то прячут в сугроб.

Дурачок думает:

«Что мне с такими связываться? Пусть прячут. А как уйдут, настанет мой черед».

Разбойники закопали что-то в снег и ушли. А дурачок пошарил в сугробе, смотрит — а там большая шкатулка, полная серебра. Ну что же? Взвалил шкатулку на сани и едет домой.

Дурак приехал домой и насыпал братьям полные шапки серебра. А остальные деньги оставил в шкатулке, забросил на печку свой соломенный матрас и снова спит, как спал.

Умные братья, увидев, как много денег привез им дурак, почувствовали себя перед ним виноватыми. И тут же разрешили ему то, на что раньше никогда бы не согласились: жениться!

Ну, если жениться — так жениться. Не будет же дурак старшим братьям перечить!

И вот затеяли старшие братья свадьбу. Парят, варят, пир готовят. А что невесты нету, им и горя мало. Да и когда искать невесту? Надо еще в город Цёсис съездить за маслом. Может, где по дороге найдут какую-нибудь глупую девчонку для этого дурака.

Братья уехали. А дурак пошел топить баню, варить пиво. Топил-топил он баню, да так жарко натопил, что пиво разбушевалось, вышибло пробку в потолок и разлилось по всему полу. А без пива какая же свадьба? Все дело развалилось.

Зато на следующую осень свадьба уже не разва-

лилась. Дурачок сам нашел себе невесту и сам свадьбу справил. И потом жил так разумно, что даже умные братья приходили к нему за советом.

Вот как бывает, когда другого глупей себя считаешь!

КОШЕЛЕЧЕК

Украинская сказка

или себе муж и жена, и была у них пара волов, а у соседей повозка. Вот как подойдет, бывало, воскресенье или праздник какой, то и берет себе кто-нибудь из них волов и повозку и едет в церковь или в гости, а на следующее воскресенье — другой, так между собой и делились.

Вот раз баба и говорит старику, чьи волы были:

— Отведи волов на базар и продай, а мы себе купим лошадей и повозку, будем сами по воскресеньям в церковь и к родичам ездить. Да и то сказать — ведь сосед свою повозку не кормит, а нам приходится кормить.

Накинул старик веревку волам на рога и повел. Ведет по дороге, догоняет его человек на коне.

— Здорово!

— Здорово!

— А куда ты волов ведешь?

— Продавать.

— Променяй мне волов на коня.

— Давай!

Променял он волов на коня, едет на коне. А тут навстречу ему ведет человек на ярмарку корову.

— Здорово!

— Здорово!

— А куда это ты едешь?

— Вел я на ярмарку волов продавать, да на коня променял.

— Променяй мне коня на корову.

— Давай!

Поменялись. Ведет он корову, а тут человек свињю гонит.

— Здорово!

— Здорово!

— А куда это ты корову ведешь?

— Да вел я на ярмарку волов, да на коня променял, а коня на корову.

— Променяй мне корову на свињю.

— Давай!

Гонит он свињю, а тут человек ведет овцу.

Расспросили друг друга.

— Променяй свињю на овцу.

— Давай!

Гонит уже дед овцу, а тут человек несет продавать гуся.

Расспросили друг друга.

— Променяй овцу на гусыню.

— Давай!

Пошел дед немного с гусыней, несет человек петуха. Разговорились.

— Променяй гусыню на петуха.

— Давай!

Несет дед петуха, а тут нашел человек на дороге пустой кошелечек. Разговорились.

— Вот нашел я кошелек, променяй петуха на кошелечек!

— Давай!

Спрятал дед кошелек, идет себе на ярмарку. Подходит к городу — надо переезжать реку на пароме, а ему за перевоз заплатить нечем. Перевозчики ему говорят:

— Дашь хоть этот кошелек, то перевезем.

Отдал он.

А стоял там чумацкий обоз. Как узнали у него чумаки*, за что он выменял кошелечек, стали над ним смеяться.

— Что тебе, — говорят, — жинка за это сделает?

— Да ничего! Скажет: «Слава Богу, что хоть сам живой воротился».

Вот и побились они об заклад: коли скажет жена так, отдадут ему чумаки все двенадцать груженных возов да еще с батогами в придачу. Выбрали одного из обоза и послали к его старухе.

Вот приходит он.

— Здравствуйте!

— А ты про своего старика слыхала?

— Нет, не слыхала.

— Да он волов на коня променял.

— Вот хорошо! Волы недорого стоят, как-нибудь и соберемся купить.

— Да и коня променял на корову.

— Это еще лучше: будет у нас молоко.

— Да и корову на свинью променял.

— И то хорошо: будут у нас поросятачки, а то как заговенья или разговляться, все покупать приходится.

— Да и свинью на овцу променял.

— И то хорошо: будут у нас ягняточки да шерсточка, будет мне что в спасовку прясть.

— Да и овцу променял на гусыню.

— И то хорошо: будут у нас крашенки и перья.

— Да и гусыню на петуха променял.

— О, это еще лучше! Будет петушок по утрам петь, нас на работу будить.

— Да и петуха на кошелек променял.

— И это хорошо. Как кто что заработает — он, или я, или дети, — в кошелек складывать будем.

— Да он и кошелек-то за перевоз отдал.

— Ну что ж, слава Богу, что хоть сам живой воротился.

Вот чумакам и нечего делать — отдали они ему все двенадцать возов.

ЧЬЯ РАБОТА ТРУДНЕЕ?

Курдская сказка

одном ауле жили-поживали муж и жена. Детей у них не было. Летом муж нанимался в чабаны, пас чужие отары, а жена оставалась дома. Возвращаясь с пастбища, муж говорил жене:

— Слушай, жена, я всегда в поле, в горах, в дождь и в град при отаре, а ты целый день дома, в тепле. Какие у тебя заботы? Никаких.

Очень сердилась жена за такие слова, а однажды утром сказала она мужу:

— Ты оставайся дома, сегодня я пойду в поле пасти овец.

Муж обрадовался:

— Хорошо, только Расскажи мне, что надо делать.

— Убери в доме, дай корма наседке с цыплятами и выпусти их из курятника. Только посматривай, чтобы цыплята не разбежались и коршун их не утащил. Потом просей муку. Из муки замеси тесто. Затем затопи тэндур*, приготовь обед, а потом испеки лаваш. В полдень подои козу и овец, молоко процеди, чтобы чистое было, вскипяти, и дай немного остыть, потом разлей его и заквась, чтобы завтра был катых*. Вот шерсть, спряди из нее нитки, я вернусь и свяжу носки и рукавицы на зиму. Из навоза непременно наделай кизяков*, чтобы было чем топить зимой. Из вчерашнего катыха сбей масло, иначе он прокиснет и испортится. У меня там еще белье замочено, и ткань я начала ткать, но это оставь — уж так и быть: приду вечером, сама сделаю.

— Иди, жена, — воскликнул муж, — я все сделаю и хоть раз отдохну дома!

Ушла жена отару пасти, а муж убрал в доме, как жена велела, потом накормил курицу с цыплятами. Цыплят он решил привязать длинной ниткой к курице, чтобы они не разбежались. Потом затопил тэндур, поставил обед варить.

Вдруг ему показалось, что за окном, высоко в воздухе, курица кудахчет. Удивился он, выскочил на улицу и видит, что коршун держит одного цыпленка в когтях и летит, а на ниточке висят все цыплята и курица. Курица кудахчет с перепугу. Бросился он вдогонку за коршуном, хотел поймать нитку с висящими на ней цыплятами и курицей, долго гнался, но не догнал. Коршун скрылся за горой.

Когда муж вернулся домой, то увидел, что тэндур совсем потух, вода в казане* с крупой вся выкипела, а крупа пригорела. Затопил он снова тэндур, тут же высыпал из мешка муку в корыто

и хотел просеять ее, но подумал, что время летит, а работы еще много, и решил: «Привяжу я горшок с катыхом к спине. Пока буду муку просеивать и тесто месить, масло само собьется».

Так он и сделал.

Когда стал просеивать муку, горшок двигался то вправо, то влево, и масло постепенно сбивалось. Муж радовался своей находчивости.

Но опять случилась беда.

Стоя месить тесто было неудобно, и он встал на колени — горшок перевернулся, и весь катых из него вытек на пол. Кое-как муж отвязал горшок, а комнату подмел и посыпал золой, чтоб посуше было.

И снова принялся тесто месить. Едва кончил месить, увидел, что тэндур накалился, и стал лаваш печь.

А тут у дверей заблеяли овцы и коза. Он схватил медный котел и побежал их доить. Сначала доил овец. Доить было нелегко, потому что они к нему не привыкли. Когда он стал доить козу, та дважды вырывалась, а на третий раз копытом толкнула котел, и больше половины молока разлилось.

Очень он устал. Когда подоил и овец и козу вернулся в дом и видит — лаваш в тэндуре сгорел. Решил он хоть молоко вскипятить. «Не топить же снова тэндур, вскипячу я молоко на улице, на костре,— решил находчивый муж,— так легче и быстрее».

На небе уже появились звезды, во дворе было совсем темно. Разжег он костер, повесил над ним котел с молоком, взял ложку и стал молоко мешать, чтобы оно не подгорело.

А в это время его жена возвращалась домой. Еще издали увидела она у своего дома костер и удивилась. «Зачем ему костер понадобил-

ся?» — подумала она и поспешила к дому. Муж и не заметил, как подошла жена, а она спросила:

— Что случилось, зачем ты костер разжег?

— Решил молоко на дворе вскипятить, так удобнее, — сказал он.

Молоко вскипело. Жена подхватила котел и унесла в дом. Муж стал рассказывать обо всем, что с ним за день приключилось.

— Я проголодалась, дай мне поесть, — попросила жена.

— Кроме молока, ничего нет, не успел я сварить, совсем забегался. Знаешь, жена, завтра ты уж лучше сама оставайся дома и занимайся хозяйством, а я пойду овец пасти.

С тех пор муж больше никогда не говорил, что его работа труднее. И стали они жить дружно.

ЦАРЕМ БЫТЬ — НЕ РЕМЕСЛО

Грузинская сказка

ил один юный царевич. Отец у него умер, и народ тотчас посадил его на престол. Он был очень молод, любил охоту и рано начал искать себе невесту.

Как на охоту, так и на поиски невесты он ходил переодетым. Больше всех ему понравилась одна девушка. Послал он своего управляющего-моурава

к ее отцу с просьбой выдать девушку за молодого царя. Родители обрадовались, но девушка спросила у моурава:

— А какому ремеслу обучен жених?

— Да он же царь! — со смехом ответил моурав.

— Царь — это не ремесло, — возразила девушка. — Я спрашиваю, что он умеет делать, каким мастерством владеет.

Снова засмеялся моурав и повторил:

— Он умеет управлять царством — вот и все его ремесло. Царь он!

Тогда девушка сказала твердо:

— Царь — это никакое не ремесло. Раз он ничего другого не умеет, я за такого замуж не пойду, пусть он даже на престоле сидит!

Родители девушки были вне себя от негодования: как посмела эта дуреха отказать царю, да еще такому молодому и красивому!

Когда царю доложили об этом, он не только не обиделся, но и призадумался. Действительно, что это за мужчина, если не владеет никаким ремеслом. Кто знает, каково еще в жизни придется! И сказал он своему моураву:

— Я полагаю, что ремесло не помешает царю управлять царством.

— Разумеется, — отвечал моурав, — чем больше человек знает, тем лучше. И царю, конечно, не помешает знание ремесла, оно поможет во многом, выручит в трудную минуту. Не посмели мы вам передать, что еще сказала ваша суженая своим рассерженным родителям: «А если народ сбросит царя, каким ремеслом он пропитание себе добывать станет?»

— Верно! Мудрой оказалась моя избранница, и я непременно должен обучиться ремеслу. Но какому? Вот над этим надо подумать.

— Мне кажется, мастера серебряных и золотых дел имеют преимущество над прочими.

— Нет,— отвечал юный царь,— лучше всего ткать ковры. Что может быть прекраснее, чем расцвечивать шелка цветами и птицами, чтобы потом босые ступни моей любимой касались ковра. Первый плод моего труда я должен подарить моей невесте.

Моурав спорить не стал, и призвали лучшего во всем царстве ковровщика. Стал он ходить во дворец и обучать царя. Первый ковер, который выткал царь-подмастерье, был весь испещрен любовными стихами, они так искусно были вытканы среди цветов и птиц, что различить буквы и прочитывать стихи было непросто.

Этот ковер царь послал возлюбленной как свидетельство своего мастерства. Умение царя привело девушку в восторг, и она не только согласилась стать его женой, но и до небес возносила его талант и мастерство. Состоялась царская свадьба.

Спустя некоторое время царь, по своему обыкновению, переоделся в простую одежду и пошел на охоту. Никакой дичи он не убил и, проголодавшись, вышел на дорогу и стал искать духáн*, где можно было бы поесть. Наконец он обнаружил в чаще леса домик и поспешил туда.

— Можно ли здесь пообедать? — спросил он.

— Разумеется,— ответили ему.

Духанчик оглядел его одобрительно, указал место и сказал:

— Извольте садиться, сейчас вам подадим обед.

Царь направился в комнату, которая была очень красиво убрана, а у самого порога был расстелен прекрасный ковер. «Это место как раз по мне»,— подумал царь и только ступил на ковер, как пол под ним провалился, и он очутился в глубокой яме.

После солнечного света в яме все показалось ему черным как смола. Упав на дно ямы, он не сразу понял, что с ним приключилось. Постепенно приходя в себя, он стал различать во тьме каких-то людей. Один из них подошел к нему и спросил:

— А тебя какой грех занес на эту бойню?

— Какую еще бойню?

— Тебя, меня и вон того человека сюда бросили затем, чтобы убить...

— Что ты говоришь? Как это убить?

— А вот так: они мясом таких, как мы, «телят» кормят тех, кто попадает в их берлогу.

— Человеческим мясом кормят?

— Да, человеческим; того, кто им подойдет, они кидают в эту яму. Им и деньги не приходится на мясо тратить. Жадность их так велика, что не бросают они своего ужасного дела, хотя знают, что кувшин, который повадился по воду ходить, в конце концов у родника и расколется, и тогда им придется расплачиваться за гибель невинных людей.

— А откуда вы знаете, что они убивают людей и их мясом...

— И ты скоро узнаешь... Очередь теперь за одним из нас. Придут сюда вооруженные люди и заколют жертву, словно быка. Ни бежать нельзя, ни сопротивляться. Ведь оружие они отбирают при входе в этот притон.

Заныло сердце у молодого царя. Пока они вели разговор, спустились в яму вооруженные разбойники, повалили того, кто говорил, связали ему руки и перерезали горло прямо на глазах у царя. Он спросил:

— Вы и меня должны убить?

— А что ты за красное яичко?

— А если я таким ремеслом владею, что принесет вам большую прибыль, чем я сам? Не выгоднее

ли это вам? Заставьте меня работать, сохраните мне жизнь и будете деньги помелом мести...

— Каким таким ремеслом ты владеешь? — подозрительно спросили молодого царя.

— Я сотку ковер, который вам будет стоить шесть туманов*, а продадите вы его за пятьсот.

— Да кто нам даст за ковер пятьсот туманов? Такие орешки ты своим свиньям подбрасывай, — расхохотались они.

— Зря смеетесь! Я вам дело говорю. Я скажу вам, кто даст за ковер пятьсот золотых. Мастерство мое не имеет себе равных — убедитесь в этом сами.

— Если мы принесем тебе пряжу сюда, ты исполнишь то, что обещал?

— Где угодно, мне все равно.

— Не думай, что нас легко провести.

— Моему ремеслу не нужны ни ложь, ни хвастовство. Оно говорит само за себя.

— А если нам не дадут пятьсот туманов?

— Я же в ваших руках. Все равно вы должны убить меня — тогда и убьете.

— Может, ты так хочешь время выгадать? Может, задумал чего?

— Вы зря меня подозреваете. У меня золотые руки — воспользуйтесь этим. Выгоду получите в сто раз больше.

— Ну, пиши, какой инструмент тебе нужен и какой материал.

— Вот по этому списку любой ковровщик определит, что я за мастер! — сказал царь и написал, что необходимо ему для работы.

Поняли они, что имеют дело с настоящим ковровщиком, и принесли ему все.

Царь принялся ткать ковер при свете коптилки. А на его глазах разбойники продолжали убивать людей.

Прошло время.

Работа была закончена, и ковер получился редкостной красоты. Как увидели его злодеи, глаза у них разбежались. Никак не думали они, что юный охотник способен на такое: листья, цветы и птицы были распределены стройно, в должном порядке, все на своем месте. Казалось, что перед ними настоящий сад с поющими птицами.

— Ну так кто же его купит? Кто даст нам за ковер пятьсот золотых? Куда его нести?

Юноша отвечает:

— На такой ковер у простых людей денег не хватит, поэтому несите его в царский дворец, только ночью, тайно. Тот, кто к вам выйдет — все равно: царь или царица, — тотчас купит ковер и тут же отсчитает вам золото.

Пошли разбойники ночью во дворец. Остановили их у ворот стражники:

— Что вам тут надобно?

— Принесли мы только что вытканый дорогой ковер, такой, что никто, кроме царя с царицей, его не купит.

Доложили царице, пригласила она «купцов» в свои покои, глянула на ковер и тотчас поняла, что сделал его ее супруг. «Наверное, заставили его в неволе работать», — подумала она, но промолчала, прикусила язык...

— Давайте внесем ковер в мою опочивальню, расстелим там, поглядим, на что он годится.

— Сию минуту, госпожа!

Слуги внесли ковер в царскую опочивальню. Задержалась там царица, ибо среди листьев и птиц прочитала она о всех злоключениях мужа.

«Переодетый, охотился я, как обычно. Никакой дичи не убил. Проголодавшись, зашел в духан пообедать. Там ввели меня в комнату, пол подо мной

провалился, и очутился я в глубокой яме. Яма эта — бойня для невинных людей. Меня тоже собираются убить, чтобы моим мясом кормить тех, кто сюда заходит. Если что и спасет меня — так это ремесло ковровщика. Дай этим людям пятьсот туманов золотом и прикажи привести меня во дворец измерить дарбáзи*, чтобы выткать для него ковер. Пообещай им тысячу туманов. Пусть незаметно следят за ними мои слуги. Поспешу, но соблюдай осторожность, иначе они прирежут меня».

Ковер оказался настоящим письмом. Царица вынесла разбойникам пятьсот туманов и сказала:

— Вот для этого зала мне нужен большой ковер. Я заплачу вам тысячу туманов, но ковер должен быть выткан точно по размеру. Если он окажется чуть больше или меньше, я его не приму, и вы окажетесь в убытке. Поэтому пусть длину и ширину измерит сам мастер. Я вас предупредила. Кто же станет тысячу туманов на ветер бросать!

Как только злодеи услышали о тысяче туманов, они закричали в один голос:

— Завтра ночью мы приведем мастера, чтобы он все точно измерил.

Отпустила царица очень довольных разбойников, приставила слуг, чтобы незаметно следили за ними... На следующую ночь привели во дворец переодетого царя как мастера-ковровщика...

Вошли они в зал-дарбази. Стал царь измерять его длину и ширину, потом пошел в опочивальню, якобы проверить, подошел ли по размеру проданный ковер. Снял он там простую одежду, облачился в царский наряд и вернулся в зал:

— Вы ковер принесли?

— Мы, государь.

— Это вы получаете от царицы заказ на тысячу туманов?

- Мы, государь!
- А кто я, знаете ли вы?
- Знаем, государь! Ты — царь.
- А больше вы ничего не знаете обо мне?
- А что мы можем еще знать?
- А то, что я — тот самый ковровщик, который выткал вам ковер, а вы — злодеи, людоеды, разбойники!

Приказал царь схватить их. Собрались визири и вельможи, моурав с войсками, всех злоумышленников поймали и решили их повесить. Освободили несчастных пленников, обреченных на смерть. И тогда спросила царица у мужа:

— Разве плохо я сделала, заставив тебя обучиться ремеслу?

— Благодаря тебе я остался жив. Не владей я ремеслом, царский титул мне бы не помог, я бы погиб. Ты — жизнь моя, здравствуй долгие годы! Если бы не мое ремесло, меня бы давно не было на свете. Царский титул мне не помог, а ремесло спасло.

ПЕЙМА-ХАНУМ

Кумыкская сказка

ил в одном ауле старшина по имени Токáй, который гордился своим умом.

Созвал он однажды жителей аула и сказал:

— Эй, люди! Хоть и глупы вы все, решил я задать вам одну задачу. Сдерите шкуру со скалы на берегу реки. Срок — три дня. Не исполните, с вас самих шкуру сдеру!

Собрался народ с утра на берегу, сидят горюют. Как быть?! Какая у скалы шкура?.. А в это время пришла к реке с кувшином красавица, дочь лесника Пейма-ханум*.

— Что вы так печальны? — спрашивает девушка.

— Поделились с нею люди своим горем: так, мол, и так, ищет старшина причину с нами расправиться...

— Только и всего? — спросила она. — Не горюйте! Идите и скажите: «Где это видано, чтоб снимали шкуру с незарезанного? Ты зарежь сперва скалу, а уж мы ее потом освежаем».

Старшине тем временем не терпелось. Пришел сам на берег и кричит:

— Где же шкура? Эй, бездельники!

— Помилуй, Токай! — отвечают люди. — Кто снимает шкуру с незарезанного? Зарежь, сделай милость, скалу, а уж мы ее мигом освежаем.

— Гм! — понял Токай, что в дураках остался. — А ну-ка, говорите, кто вас научил так отвечать?

— Мы сами додумались.

— Нет! — кричит Токай. — Врете! Кто научил?

— Дочь лесника, Пейма-ханум, научила.

Велел тогда Токай принести три доски для молотьбы¹.

— Ступайте к Пейма-ханум и передайте мой

¹ В старину в аулах для молотьбы употребляли доски с вбитыми в них кремневыми зубьями.

наказ. Пусть выделает эти овчины, скроит и сошьет мне из них шубу.

Увидела Пейма-ханум доски, спрашивает:

— Что это вы такое принесли, люди добрые?

А людям стыдно исполнять глупый приказ.

Переглянулись они:

— Токай сказал: «Это овчины». Велел тебе их выделать, скроить и сшить для него шубу.

Засмеялась Пейма-ханум:

— Хорошо! Отнесите овчины в мой амбар и не откажитесь, прошу моего хлеба-соли отведать.

Пока они угощались, взяла Пейма-ханум большой мешок, насыпала в него речной гальки, крепко завязала.

— Вот,— сказала она,— здесь коконы шелкопряда. Пусть совет мне из них Токай крепкие нитки. А то шубу я уже скроила, а шить нечем.

И остался опять Токай в дураках.

Пошла вскоре Пейма-ханум со своим отцом в лес за дровами. Поручил ей отец срубить у дороги сухой дуб, а сам отправился на охоту.

А в это время проезжал лесом со своим батраком на паре лихих коней старшина Токай. Видит: рубит красивая девушка у дороги сухой дуб.

Токай велел остановить коней и спрашивает:

— Ты кто будешь?

— Я дочь лесника Пейма-ханум,— отвечала девушка.

— Наконец-то я тебя встретил! — обрадовался Токай.— А ну-ка, ну-ка, если ты такая умная, ответь: сколько раз ударила ты по этому дереву топором и сколько отлетело щепок?

— Я простая девушка,— скромно ответила Пейма-ханум.— Я могу и не знать... А вот ты старшина! Умней тебя, говорят, нет никого в округе... Скажи, сколько шагов сделали твои лошади, как

выехал ты из дому, и сколько раз обернулись колеса?

— Гони! — крикнул Токай батраку. — Не будем тратить время на пустые разговоры!..

Так и остался старшина трижды в дураках.

МОЛОДОЙ КУЗНЕЦ

Эстонская сказка

ил в старину один крестьянин. Было у него три сына. Старшие сыновья с малых лет во всем помогали отцу, и выросли из них добрые работники. Хотел отец и младшего приучить к работе, да жена все не давала.

— Мал еще. Пусть порезвится! — А сама сынку младшему, ненаглядному, то калачик испечет, то пирожок подсунет.

И вырос младший сын бездельником-лентяем, только есть да спать любил.

Терпел крестьянин, терпел, наконец позвал сына и говорит:

— Не пора ли за дело приниматься? Хочешь быть кожевником?

— Нст, не хочу, — отвечает сын. — Всю жизнь кожи дубить да мять — руки до костей разъест.

— Ну, будь портным.

— Что ты, отец! Век над жилетами да камзолами гнуть спину — этак и горб вырастет.

— Ладно, сынок. Я тебя не неволю. А вот что ты скажешь про кузнечное дело? Сильней и крепче доброго кузнеца никого не сыщешь.

— Что ж, — отвечает сын. — В кузнецы я, пожалуй, пойду.

Отец отыскал самого искусного кузнеца в округе, заплатил ему вперед за ученье и отвез сына в кузницу.

— Ну, сынок, смотри, как добрые люди работают, и сам выучись.

А мать тайком притащила из дому на тележке кровать с периной и подушками и сказала:

— Ты, сынок, у меня привык на мягком спать. Устанешь от трудов, полежи на перинке, что я тебе сама сшила, приклони голову на подушку, что я тебе сама мягким пухом набила.

Ну, отправились отец с матерью домой, а сынок остался у кузнеца.

Он поставил свою кровать в угол кузницы, разлегся на ней и стал смотреть, как кузнец с учениками бьют молотом по наковальне.

— Что смотришь? — спрашивает кузнец. — Бери молот в руки.

— А зачем? — отвечает сын крестьянина. — Отец сказал: смотри, как люди работают, — сам научись.

Покачал головой кузнец и принялся за свое дело.

Лежит младший сынок на мягкой кровати, только вправо-влево поворачивается, глаз не спускает с кузнеца.

Не выдержал кузнец, опять говорит:

— Да что ты все валяешься! Бока отлежишь.

— Нет, не отлежу, — отвечает сын крестьянина, — перина-то мягкая. У меня голова от вашего грохота болит, а мне матушка велела: устанешь,

сын, отдохни, приклони голову на пуховую подушку.

Кузнец и вовсе махнул рукой на него. Что с ним, лентяем, разговаривать! Так шли дни за днями, месяцы за месяцами.

От чужой работы руки не болят. Вот младший сын и говорит себе:

«Не велика премудрость. Раз стукнешь по наковальне, другой ударишь молотом — и делу конец. Этак и я сумею что хочешь сковать, не хуже самого хозяина!»

Вот и миновали три года.

Пришел крестьянин за сыном.

— Ну как, выучился мой парень кузнечному ремеслу? — спрашивает крестьянин у кузнеца.

— Кто его знает! — отвечает кузнец. — Смотреть смотрел, а чему научился — нам не показывал.

— А ты, сынок, что скажешь?

— А что говорить, дойдет до дела, верно, не сплосжаю.

Обрадовался отец. Приспособил старый сарай под кузницу, припас всякого инструмента и говорит:

— Ну, сынок, теперь покажи свое искусство, скуй мне новый сошник на соху.

Пошел молодой кузнец в сарай. И отец — за ним, вместе со старшими сыновьями. Молодой кузнец приставил одного брата угли разжигать, другого — мехи раздувать, сам засучил рукава и взял большой молот в руки. А как накалилось железо, такой стук пошел по кузнице, что хоть уши затыкай.

Ковал, ковал молодой кузнец, все руки себе отмахал, да видит — не выковать ему сошника. Вот он и говорит:

— А зачем тебе, отец, новый сошник? Ведь и

старый еще годится. Лучше скую тебе острый топор.

— Ладно, сынок,— отвечает крестьянин,— выкуй топор. Мой-то совсем притупился.

Стал молодой кузнец ковать. Бил, бил молотом, видит — и топор не выходит.

— Эх, отец! — говорит он опять. — Неохота мне ковать топор. Грубая это работа. А вот скую я тебе дюжину гвоздей, тонких, как игла у матушки.

— Что же,— отвечает крестьянин,— и гвозди нужны в хозяйстве.

Опять принялся кузнец за дело. Стучал, стучал, ковал, ковал, а ничего не выковал. Все железо перевел, только маленький кусочек остался.

Тут и отец увидел, что ничему-то его сын не выучился. Взял он этот кусочек железа и бросил его в чан с водой. Железо как зашипит — пш! пш!

— Слышишь, сынок,— сказал отец,— что из твоего ученья-то вышло. Один пшик получился. Только вот что я тебе скажу: не было в нашем роду лодырей и не будет. Ступай из дому куда глаза глядят и, пока не выучишься хоть какому-нибудь ремеслу, назад не возвращайся.

Опустил младший сын голову и пошел прочь из родного дома. Вышел за околицу, сел на пень и задумался: «Как теперь быть? Что делать?» Думал он, думал и решил идти с повинной головой назад к кузнецу.

Посмеялся над ним кузнец, а все-таки взял его опять в ученье.

— Только теперь уж буду учить тебя по-своему! — сказал он.

И стал учить. О мягкой перине парень и думать забыл. На жесткой соломе бы выспаться — да где там! Ни вздохнуть, ни охнуть не дает ему кузнец. Только опустит парень молот, только спину разогнет, а хозяин уж тут как тут — шипит ему в ухо:

«Пши-пшик!» Стыдно станет парню, встряхнется он — и снова за работу.

Опять три года прожил он у кузнеца. А кончились три года — сказал ему хозяин:

— Теперь иди куда хочешь и смело берись за дело.

Парень попрощался с кузнецом и пошел.

Шел он, шел и пришел в большой город. Там он нанялся в одну кузницу подмастерьем. В тот же день в эту кузницу явился важный барин.

— Эй, хозяин,— сказал барин.— Почини-ка мне карету. Да так, чтобы как новая была. Я молодую невесту сосватал, в этой карете ее к венцу повезу.

— А где карета? — спрашивает хозяин.

— Да тут, у ворот.

Вышел хозяин вместе с подмастерьем за ворота. Смотрят — ну и карета! Дверцы на одной петельке висят, рессоры винтом изогнулись, ободья на колесах штопором завились. И как только такая развалина до кузницы докатилась!

Почесал хозяин за ухом.

— Уж и не знаю, что и сказать! — говорит барину.— Месяца три ее чинить — и то, пожалуй, не починишь.

— Как три месяца! — закричал барин.— Чтобы через три дня была готова! А не починишь в срок — велю своим слугам твою кузницу по бревнышку разнести.

Что тут сделаешь? С барином не очень-то поспоришь.

Покричал еще барин и ушел.

Хозяин и говорит молодому кузнецу:

— Ну, подмастерье, выручай как хочешь.

— Хорошо,— отвечает подмастерье,— пришли ко мне двух учеников, а сам отправляйся отдыхать.

Хозяин ушел домой, а в кузнице так и закипела работа. Подмастерье вмиг разобрал всю карету на части, учеников приставил огонь раздувать в горне, сам взялся за молот.

Раз стукнет по наковальне — один обод готов. Еще раз ударит — другой готов. Сковал ободья — принялся за рессоры. Там выпрямит, здесь согнет. И часу не прошло — сделано дело.

Ученики только диву дались, а молодой кузнец подчистил, свинтил, подогнал, где надо, и велел выкатить готовую карету под навес.

Потом все трое отправились на лужок за кузницей и разлеглись там на траве.

В полдень кузнец-хозяин пошел посмотреть, как подвигается работа. Входит в кузницу... Что такое! Тихо, пусто, ни подмастерья, ни учеников... Даже огонь потух в горне.

Ох и рассердился хозяин! Бросился искать своих работников. Видит — лежит подмастерье на травке, и тут же рядышком оба ученика.

— Ах, лентяи! Ах, бездельники! — закричал хозяин. — Так-то вы работаете!

Подмастерье перевернулся на другой бок, зевнул и говорит:

— Ну, чего сердишься, хозяин?

— Как это чего! — еще громче закричал старый кузнец. — Карета должна быть через три дня готова, а вы тут бездельничаете! Барин с меня из-за вас голову снимет с плеч.

— Ничего, хозяин. Не пугайся раньше времени, — отвечает подмастерье. — Пока твоя голова еще на плечах, поверни-ка ее назад и посмотри хорошенько.

Хозяин повернулся да так и разинул рот: под навесом стояла готовая карета.

Подбежал к ней хозяин поближе, со всех сторон

оглядел — все прилажено, все на месте, хоть сейчас впрягай лошадей и поезжай куда хочешь.

— Ну, парень,— сказал старый кузнец молодому,— такой работы я еще не видывал. Нечего тебе в подмастерьях ходить, оставайся в моей кузнице хозяином.

— Нет, добрый человек,— ответил молодой кузнец,— я в этом городе долго не останусь. А хочешь меня наградить — дай мне кусок самого лучшего железа и позволь три дня поработать в твоей кузнице.

— Ну что ж,— сказал старый кузнец,— будь по-твоему.

Три дня и три ночи работал подмастерье. Никого близко не подпускал к кузнице. А потом вышел из дверей с мешком за плечами и зашагал прочь из города.

Долго ли он шел по дорогам — мы не знаем, а пришел к родному дому. Перешагнул порог, бросил свой мешок на стол и сказал отцу:

— Вот смотри, отец, может, твой сын чему и выучился.

Тут он развязал мешок и вытащил кованую шкатулку.

— Это тебе, матушка.

Мать открыла шкатулку, а в шкатулке — узорчатый гребень и игольник с такими тонкими иглками, что хоть бисер нижи.

— Это вам, братья. К праздничной одежде пришейте,— сказал молодой кузнец и высыпал перед братьями горку блестящих пуговиц.— А ты, отец, возьми вот этот кубок. Если понравится мой подарок, выпей из него доброго вина за то, чтобы в нашем роду не было лентяев.

ПШЕНИЧНОЕ ЗЕРНО
ВЕЛИЧИНОЙ
С ЯЙЦО

Азербайджанская сказка

днажды шах, расхаживая по подземелью дворца, где хранились сундуки с золотом и драгоценными камнями, нашел на полу пшеничное зерно величиной с куриное яйцо. Подивился шах. Сколько лет прожил на свете, а никогда не видел такой пшеницы. Взял шах зерно, пошел в свои покои, созвал советников и спросил, где растет такая пшеница и почему зерно ее так велико? Но никто не смог ответить на вопрос шаха. Тогда он сказал главному визирю:

— О мудрый визирь, ты должен узнать тайну этой пшеницы.

Испугался визирь, упал перед шахом на колени и говорит:

— Помилуй, о могучий шах, как же я узнаю тайну?

— На то ты и визирь,— молвил шах.— Ничего не знаю! Даю тебе сорок дней сроку. Не узнаешь тайну пшеницы, прощайся с жизнью, велю отрубить тебе голову.

Что было делать визирю? Поклонился он шаху, пошел домой и стал собираться в путь-дорогу. А наутро, попрощавшись с женой и детьми, сел на коня и поехал выведать, откуда взялось чудо-зерно. А куда ехать, кому рассказать о своей заботе? Шел визирь долго. И по ровной дороге и по горам. То

месяцами не с кем было словом перекинуться, то с утра до ночи коротал время в сладкой беседе. Каждый день миновал визирь новую деревню. Наконец добрался до распутия. Видит — сидит на камне седовласый старик. Поздоровался с ним визирь почтительно, сошел с коня, поклонился в пояс, завел разговор. Наконец рассказал о своем горе. Выслушал его старик внимательно и говорит:

— Тайну этой пшеницы могут знать только три брата-мудреца, которые живут в дальнем городе, и никто больше. А до города того можно дойти вот по этой дороге. — И старик показал на одну из четырех дорог, отходивших в разные стороны от его камня.

Поблагодарил визирь, снова сел на коня и поехал дальше. Ехал он три дня и три ночи, наконец увидел городские стены и башни. Расспросил он людей — оказалось, это тот самый город, о котором говорил старик. На базаре визирю показали, как пройти в дом младшего брата-мудреца. Оставил он коня в караван-сараяе и пошел к заветному дому. Постучал. Открыла ему какая-то женщина. И только вышла на порог, начала ругаться:

— Шайтан вас побери, в своем доме нет покоя! Что тебе нужно, проклятый? Разве мой муж — мужчина? Будь он настоящим мужчиной, вышел бы он и разбил тебе голову. Хороший, честный человек никогда к нам не придет.

Отшатнулся визирь, хотел было уйти, но потом вспомнил, зачем пришел, и миролюбиво сказал:

— Послушай, сестрица, откуда ты знаешь, кто я и что мне нужно? Не успел я рта раскрыть, как ты начала меня проклинать и честить на чем свет стоит. Лучше скажи — дома ли твой муж?

Женщина, ворча, повела визиря к своему мужу. В самой дальней комнате, завернувшись в одеяла и теплые шали, сидел седой, сгорбленный старик.

Поздоровался визирь, поведал мудрому старцу о своем горе:

— О добрый человек, я главный визирь великого и могучего шаха. Однажды, гуляя по подвалам дворца, где стоят сундуки с золотом и драгоценностями, шах нашел пшеничное зерно величиной с яйцо. Захотелось ему знать, откуда взялось такое огромное зерно. Дал он мне сорок дней сроку. Если к тому времени не узнаю я тайну пшеницы, отрубят мне голову. Может, ты что-нибудь знаешь об этой пшенице? Расскажи мне.

Старик покачал головой:

— Нет, визирь, ничего я об этом не знаю. Но в этом же городе живет мой брат. Он старше и мудрее меня, может быть, он что-нибудь знает. Пойди к нему.

Поблагодарил визирь старика и снова отправился на поиски. Много улиц и дворов обошел он, пока наконец нашел дом второго брата. Постучался. И здесь вышла к двери женщина, которая накинулась на него с такой бранью, что визирь пожалел о своем приходе. Наконец ему удалось кое-как вставить:

— Сестрица, мне нужен твой муж...

— Сдохните вы оба — и ты, и мой муж. На что он тебе?

Однако она провела визиря в комнату, где, завернувшись в одеяла и теплые шали, лежал сгорбленный старик, беззубый, с седой бородой до колен. Поздоровался визирь, рассказал о своей беде. Еле-еле ворочая языком, старик ответил:

— Тайна пшеницы мне неизвестна. Но в этом городе живет мой старший брат. Он самый мудрый из нас троих. Только он может знать эту тайну.

Поблагодарил визирь и пошел искать старшего брата. Шел и думал: «Если младший и средний брат

такие дряхлые старики, что уж ходить не могут, каков же старший брат? У него, наверное, и сил нет, чтоб говорить».

Нашел визирь дом старшего брата, постучался. Снова открыла ему женщина. Приготовился он услышать еще худшую ругань, но женщина приветливо спросила:

— Что тебе нужно, добрый человек?

— Я пришел к твоему мужу,— ответил визирь.

— Мой муж ушел на базар. Но он скоро вернется, заходи, странник, подожди его.

Она провела визиря в самую красивую комнату, усадила, прислала сыновей, чтоб занимали гостя, а сама пошла готовить угощение. Удивился визирь такому приему, только собрался расспросить мальчиков, как вдруг в комнату вошел красивый молодой мужчина с черными усами, поздоровался и спросил:

— Чем могу служить, дорогой гость?

— Спасибо, сынок,— улыбнулся визирь,— но у меня к тебе нет никакого дела. Мне нужен самый старший из трех братьев-мудрецов.

Мужчина рассмеялся:

— Я и есть тот человек, которого ты ищешь.

Визирь не поверил:

— Не может быть этого! Я видел двух младших братьев. Они так стары, что не могут двигаться, еле говорят, а ты разгуливаешь по городу, ходишь на базар и называешь себя самым старшим? Да тебе не больше двадцати пяти лет.

— Ты мне не веришь...— усмехнулся хозяин.— Не только ты. Многие люди в городе, которые знают нас давным-давно, тоже не верят.

— Объясни же мне эту загадку, мудрый человек.

— Охотно. Но сначала ответь мне на вопрос.

Что ты увидел, когда постучал к моим младшим братьям?

— В обоих домах мне открыли жены твоих братьев,— ответил визирь,— и на чем свет стоит обрутали меня. Каких только грубостей они мне не наговорили.

— А как тебя привечали в моем доме? — снова спросил старший брат.

— Твоя жена встретила меня радушно,— сказал визирь,— пригласила зайти, послала сыновей, чтобы я не скучал, подала плов и чай.

— Вот тебе и разгадка, мудрый визирь,— рассмеялся хозяин.— Мои младшие братья преждевременно состарились из-за своих жен. Эти грубые, ворчливые, темные женщины им совсем житья не дают. Представь себе, если они тебе, чужому человеку, столько наговорили, то как они обращаются со своими мужьями, как они изводят своих мужей. А я остался молодым только благодаря доброму нраву моей жены. За всю нашу долгую жизнь она ни разу ни словом, ни делом меня не обидела. Даже когда в доме не было ничего, кроме хлеба, она встречала меня улыбкой. В тяжелые дни она была моей опорой. Потому я и молодею. А теперь расскажи, какое у тебя ко мне дело.

И визирь поведал мудрецу, что шах нашел пшеничное зерно величиной с яйцо, что это его очень удивило и тогда послал он визиря на поиски человека, который мог бы разгадать тайну пшеницы.

— И дал мне на это всего сорок дней сроку,— печально закончил он.— Не разведу тайну — голова с плеч долой. Люди сказали мне, что только ты один можешь знать эту тайну. Если знаешь, открой ее мне.

— Люди правильно сказали,— ответил мудрец.— Слушай же, визирь. В нашей деревне жил да

был бедняк из бедняков. Ничего-то у него не было — ни денег, ни скота. Только достался в наследство от отца крошечный клочок земли. Год от году родила она все меньше и меньше пшеницы. И наконец человек обнищал до того, что больше не мог прокормить семью. И тогда продал он свою землю другому крестьянину. А тот начал пахать и вдруг почувствовал, что соха его наткнулась на что-то твердое. Раскопал поглубже и нашел семь глиняных кувшинов золота. А надо сказать тебе, визирь, что был он человек добрый и честный. Тут же закопал он кувшины и отправился прямо к тому бедняку, который продал ему эту землю. «Братец, — сказал он, — когда я пахал землю, которую ты продал мне, я нашел семь глиняных кувшинов золота. Иди заberi свое богатство». Но тот ответил: «Это золото не мое, а твое. Если бы оно было моим, я нашел бы его, когда пахал землю. А теперь земля твоя, и золото, которое закопано в ней, — твое». Но человек, купивший землю, стоял на своем: «Нет, братец, земля сначала была твоей, поэтому и золото принадлежит тебе. Иди заberi его».

Так они спорили долго, ни один не соглашался взять золото.

Тогда пошли к старосте и попросили дать совет. Староста задал им несколько вопросов, узнал, что у одного из них есть сын, у другого — дочь. И дал он такой совет: «Ты отдай свою дочь за его сына, и все золото достанется детям».

Крестьяне поблагодарили старосту и сделали, как он советовал. А так как сердца их были благородны и чисты, каждое зерно посевной пшеницы выросло величиной с яйцо. Одно из них и нашел твой шах.

Подивился визирь диковинной истории, побла-

годарил мудреца за то, что выручил его в трудную минуту, и отправился обратно. Долго ли шел, коротко ли, наконец прибыл в свой город и рассказал шаху все, что разузнал о пшенице. Шах был очень доволен и щедро наградил своего визиря.

ХРОМАЯ НОГА НЕ ВИНОВАТА

Ногайская сказка

ил в старину на свете бедный старик. Было у него четыре сына. Умер старик, и досталось от него четверем сыновьям наследство — беленький козленок. Славный был козленок, да захромал как-то на заднюю ножку. Братья пожалели его, смазали ногу мазью и перевязали тряпочкой.

Но всякое наследство надо делить. Стали братья между собой делиться. Здоровую заднюю ногу решено было отдать старшему, две передние ноги — двум средним, а хромую заднюю ножку — младшему брату. Поделили козленка и начали его растить. Кормили травкой, поили свежей водицей да айраном*, а по вечерам укладывали спать в тепле — у очага.

Вот однажды, когда лежал беленький козленок у очага, выпал оттуда уголек. Загорелась тряпочка на ноге козленка. Подпрыгнул козленок от боли, заметался, выбежал из сакли и поскакал в поле.

А в поле стояли стога, и козленок, прыгая вокруг них, поджег те стога.

Стога принадлежали хану. Рассердился хан. Велел узнать, кто поджег сено, назначил суд и призвал к себе всех четырех братьев.

— Возместите мне убытки, не то брошу вас в темницу.

— Да, да, заплатите, а не то вас всех бросят в темницу, — в один голос подхватили ханские судьи.

— За эти стога, милостивый хан, мы платить не должны, — ответили три старших брата. — Правда, козленок нам всем достался от отца в наследство. Но мы его уже между собой поделили. Задняя нога, на которой загорелась тряпочка, — это имущество младшего брата. Ему и платить!

— Мне все равно, кто заплатит, — согласился хан. — Пусть платит младший.

И все ханские судьи согласно закивали головой:

— Пусть платит младший. Мудрому хану все равно!

«Где мне, бедняку, тягаться с ханом! — подумал младший брат. — Придется, видно, платить». И, не сказав больше ни слова, покинул ханский дворец. По дороге встретился ему старик нищий.

— Куда ты идешь, сын мой, и почему так печален? — спросил старик.

Рассказал младший брат о беде, что неожиданно упала на его голову.

— Э, сынок! Напрасно ты согласился платить! Главный ответчик не ты, а три твоих старших брата. Почему? Я отвечу тебе... Если бы у вашего козленка была только одна нога — хромая, хозяином которой считаешься ты, козленок не смог бы ускакать в поле, и ты потушил бы тряпочку. Козленка привели к ханским стогам три здоровых ноги. А хозяева их — твои старшие братья.

Вернулся вне себя от радости младший брат в ханский дворец и закричал:

— О хан мой! Суд был неправильный! Верно, твои стога загорелись от хромой ноги нашего козленка. Но ведь нога эта не сама в поле пришла? Ее принесли три здоровых ноги! А хозяева этих трех ног — мои старшие братья.

Созвал хан вновь своих судей, велел заново судить. И пришлось старшим братьям платить долю наравне с младшим.

Хромая-то нога не виновата.

СКАЗКА О БЕДНЯКЕ И ЕГО ЖЕНЕ

Армянская сказка

или-были муж и жена, оба необыкновенно бедные. Жена ходила по людям, нанималась на поденную работу, и существовали они оба, ну, совершенно впроголодь. Нечем было им даже единственного сына кормить.

Однажды жена сказала:

— Ах, муженек, никак нам не вырваться из бедности и нужды! Пошел бы ты в другие города, может быть, заработал бы что-нибудь на жизнь.

Муж собрался и пошел искать работу. Нанялся он в одном богатом селе сторожить яблоневый сад. Построил себе крошечную избушку и поселился

там. Прижилась у него в избушке какая-то бродячая кошка; с ней он и провел все лето, больше не с кем было слова сказать.

Осенью хозяева садов расплатились с ним яблоками.

Проезжал как-то мимо этого села один купец, его односельчанин. Поклонился ему бедняк и говорит:

— Заработал я мешок яблок, да еще кошку нажил, вот и все мое имущество. Передай это все моей жене.

— Хорошо, — говорит купец. — Передам. Только сначала распродам свои товары в чужих краях.

Прибыл купец в чужие края, а там всего вдоль, и только яблоки никогда не родятся. Упросили его тамошние жители продать им яблоки. Купец сначала отказывался, а потом согласился. Заработал он на яблоках кучу золотых денег и отправился дальше.

Добрался он до другой страны. Привез он свои товары на продажу в царский дворец. И там он увидел, что по дворцу бегают целые стаи мышей, и нет от них никакого спасения.

— Что дашь мне, — говорит купец царю, — если я избавлю тебя от этих мерзких тварей?

— Мешок золота дам, — говорит царь.

Тут купец выпустил голодную кошку из мешка, и она быстро перекусила всех мышей.

Царь с купцом расплатился, и купец отправился в обратный путь.

Передал он жене бедняка кучу золота и сказал:

— Это прислал тебе твой муж.

— А не сказал ли он, что мне делать с этим богатством? — спросила изумленная женщина.

Купец засмеялся, вспомнив кошку и яблоки, и сказал:

— Нет, делай что хочешь.

Жена выстроила на эти деньги роскошный дом и отдала сына в учение.

Прошло лет пятнадцать. Бедный крестьянин сумел заработать за это время всего три золотых монеты. С ними и отправился он домой.

По дороге пришлось ему заночевать у одного крестьянина. Там он попал на семейный праздник. Видит он, что за столом все гости пьют, едят и весело болтают. И только один человек ничего не ест и ни с кем ни о чем не разговаривает.

— Почему этот гость молчит? — спросил он у хозяина дома.

— Да ну его совсем, — говорит хозяин. — У него каждое слово на вес золота.

Изумился бедняк и достал один золотой.

— Вот, — говорит, — золотая монета. Пусть скажет что-нибудь.

Поглядел молчун на бедняка и говорит:

— Пока смерть не придет, не умрешь. И не бойся глубины.

Еще больше удивился бедняк, достал вторую монету.

— На, — говорит, — тебе еще золота, говори.

— Лучше всех та, которую всей душой любишь, — вымолвил молчун.

— Эх, будь что будет! — говорит бедняк. — Уж очень складно ты говоришь. Вот тебе моя последняя монета.

— Как чихнешь, постой, подумай, — говорит молчун.

А бедняк наутро, как и был бедняком, отправился дальше.

Дошел он до одной деревни и видит: толпится народ возле колодца.

— Что вы тут делаете? — спрашивает.

— Беда у нас, ужасная беда,— говорят.— Воды у нас осталось всего на дне колодца. Да кто ни спустится в колодец за водой, назад не возвращается. Скоро мы все умрем от жажды. Попробуй, прохожий, достать воду. Если достанешь, все дадим тебе по золотой монете.

Вспомнил бедняк слова молчуна и говорит:

— Раньше смерти все равно не умру. И не боюсь я глубины. Полезу в колодец!

Спустился он в колодец, набрал воду с самого дна, хотел уже вылезти, вдруг кто-то уцепил его за подол и говорит:

— Поди сюда.

Обернулся он — и что же видит? На дне колодца человеческие головы в кучу свалены, а рядом стоит большой стол, и на нем сидят ворон и лягушка.

Ворон говорит:

— Ну раз ты сюда пришел, отвечай на мой вопрос. Не ответишь как надо — голову отрублю.

— Спрашивай,— говорит бедняк.

— Видишь вот эту лягушку? Стоит она того, чтобы я на ней женился?

— Лучше всех та, которую любишь всей душой,— ответил он словами того человека.

Только он это проговорил, стали ворон и лягушка у него на глазах раздуваться, раздуваться. И вдруг шкура на них лопнула, и превратились они в прекрасного юношу и прекрасную девушку.

— Ты освободил нас от колдовства,— говорит юноша.— Спасибо, вот тебе в награду много денег.

Вылез бедняк (а был он уже теперь не бедняк) из колодца, вытащил кувшин воды, и жители села тоже щедро с ним расплатились за то, что он их спас от смерти. А колодец тут же до краев наполнился водой.

Дошел этот человек до своего села. Видит, на месте его избушки стоит роскошный дом, а вокруг — пышный сад. Заглянул он в окно. Видит, жена его с каким-то молодым человеком беседует.

«Ах, так! — подумал он. — Значит, она без меня за богатого замуж вышла? Сейчас я им покажу!»

И выхватил ружье. Только он хотел выстрелить, как неожиданно чихнул. Вспомнил он слова молчуна. Остановился и думает. И вдруг слышит, как молодой человек говорит:

— Нáni-джан, что же это от нашего отца вестей нет? Я по нему так соскучился.

А жена говорит:

— Ай, сыночек, а и я все глаза по нему плакала! Так мне хочется, чтобы он вернулся и посмотрел, какой у него сын вырос!

Тут муж распахнул двери, вбежал в дом, бросился обнимать жену и сына.

Десять раз он себя поблагодарил, что не пожалел тогда последних денег за умное слово.

Так пришло к ним счастье, пусть придет оно и к вам.

РАЗУМНАЯ ДОЧЬ

Белорусская сказка

ил один бедняк с женой. Родилась у них дочь. Надо справлять родины, а у него ни хлеба, ни к хлебу. Чем гостей угощать?

Пошел бедняк за водою на речку. Набрал полные ведра, назад возвращается. Глядь — лежит в кустах телочка. Да такая слабая, плохенькая, что сама и не подыметса.

Принес бедняк домой воду и рассказал жене о телочке.

— Так возьми ее, — говорит жена.

Вернулся он на речку, взял телочку и домой принес.

— Давай, — говорит жене, — зарежем ее: будет чем гостей угостить.

Понравилась жене телочка — такая пестренькая, белолобая.

— Нет, — говорит она, — пускай лучше растет.

— Да она ведь совсем слабенькая. Видно, кто-то ее бросил, чтоб в коровнике не околела.

— Ничего, может, и выходим ее. Подрастет дочка — будет ей молоко.

Послушался муж жену, и стали они телочку выхаживать.

Окрепла телочка, растет как на дрожжах. И дочка тоже как на дрожжах растет. Да такая умница вышла, что и старики охотно ее слушаются.

Выкормилась из пестренькой, белолобой телочки славная корова.

Подросла девочка, исполнилось ей семь лет, стала сама корову пасти.

Засмотрелся однажды богатый сосед на бедняцкую корову.

— Откуда она у тебя? — спрашивает.

Бедняк и рассказал ему все, как было.

— Эге, — говорит богатей, — так это ж моя телочка! Это я ее выбросил — не думал, что она на ноги подыметса. Нет, тогда я заберу свою корову назад...

Запечалился бедняк.

— Ведь я ж ее выкормил,— говорит он.—
Теперь она моя.

Не соглашается богатей:

— Не отдашь по-хорошему — пойдем к пану
судиться.

Что делать? Пошли судиться к пану.

Богатей подал пану руку, поздоровался: известно, богатый с богатым свои люди. Пан ему говорит:

— Садись.

Сел богатей в кресло, а бедняк у порога стоит, снял шапку. Пан на него и не смотрит.

— Ну, что скажешь? — спрашивает он богатого.

— Да вот, пане, какое дело вышло,— начал жаловаться богатый.— Семь лет назад забрал этот человек мою телку, а теперь не отдает.

Выслушал пан и бедняка, а потом говорит им:

— Хорошо. Суд мой будет таков. Задам я вам три загадки: «Что на свете жирнее всего?», «Что на свете слаще всего?», «Что на свете быстрее всего?». Кто отгадает, у того и корова останется. А теперь ступайте домой, пораздумайте. Завтра приходите с отгадками.

Вернулся бедняк домой, сел и плачет.

— Чего ты, тата, плачешь? — спрашивает дочка.

— Да вот хочет богатый сосед корову у нас отобрать,— отвечает отец.— Пошли мы с ним к пану на суд, а тот задал нам три загадки. Кто из нас отгадает, у того и корова останется. Да где ж мне отгадать те загадки!

— А какие, тата, загадки? — спрашивает дочка.

Отец сказал.

— Ничего, тата, не печалься, — говорит доч-

ка.— Ложись спать. Утро вечера мудренее: завтра что-нибудь да придумаем.

А богатеи пришел домой и радуется.

— Ну, баба,— говорит он жене,— будет корова наша! Только нам надо с тобой отгадать три загадки: что на свете жирнее всего, что слаще всего и что быстрее всего?

Подумала жена и говорит:

— Вот диво! Да тут и отгадывать-то нечего. Нет ничего на свете жирнее моего рябого борова, слаще липового меда наших пчел, а быстрее нашего гнедого жеребца никто бежать не может: ведь он как помчится, так и ветер его не догонит!

— Правда,— согласился муж,— я так пану и скажу.

Наутро приходят богатый с бедным к пану.

— Ну что, отгадали мои загадки? — спрашивает пан.

Богатый вышел вперед:

— Да тут и отгадывать-то нечего: нету на свете никого и ничего жирнее моего рябого борова, слаще липового меда моих пчел и быстрее моего гнедого жеребца.

— А ты,— спрашивает пан у бедняка,— отгадал?

— Отгадал, пане: нет ничего жирнее земли — ведь она нас всех кормит; нет ничего слаще сна — хоть какое случилось горе, а уснешь, все позабудется, и нет ничего быстрее людских мыслей: ведь сам ты еще здесь, а мысли уже далеко-далеко.

Правильно отгадал бедняк! И пришлось пану присудить ему корову.

— Кто это тебя научил так отгадывать мои загадки? — спрашивает он у бедняка.

— Моя дочка-семилетка,— говорит бедняк.

Удивился пан: не может быть, чтоб какая-то

малолетняя бедняцкая дочь отгадывала его загадки! Решил он посмотреть на умную девочку. Приехал однажды к бедняку, а тот как раз в это время был в поле. Встретила пана дочь-семилетка.

— Девочка,— спрашивает пан,— к чему мне лошадей привязать?

Посмотрела девочка на сани и на повозку, что стояли на дворе, и говорит:

— Можешь к зиме привязать, а можешь и к лету.

Пан так глаза и вытаращил: как это можно привязать лошадей к зиме или к лету? Смеется, видно, над ним девчонка!

— Ну, хоть к саням привяжи, хоть к повозке,— пояснила девочка недогадливому пану.

Видит пан, бедняцкая дочка и вправду очень разумная. Обидно это пану. Услышат люди, что она умнее его, тогда хоть беги из поместья.

Поговорил пан с девочкой и поехал, а ей сказал, чтоб отец пришел к нему вечером.

Пришел бедняк вечером к пану.

— Что ж,— говорит пан,— умна твоя дочка. А я все же умнее ее.

Дал пан бедняку решето с яйцами:

— На, отнеси это дочке да скажи, чтоб она посадила на них наседку и вывела мне к утру цыплят на завтрак. А не выполнит этого — велю бить кнутом.

Пришел бедняк домой пригорюнясь. Сел на лавку и плачет.

— Ты чего, тата, плачешь? — спрашивает дочка.

— Да вот, доченька, какая беда: задал тебе пан новую загадку.

— Какую?

Показал отец решето с яйцами:

— Сказал, чтоб ты посадила на эти яйца наседку и вывела ему к утру цыплят на завтрак. А разве можно это сделать?

Дочка подумала и говорит:

— Ничего, тата, завтра что-нибудь да придумаем. А пока что возьми, мама, эти яйца да изжарь на ужин яичницу.

Утром говорит дочка отцу:

— Нѧ тебе, тата, горшок, ступай к пану. Скажи, чтоб он за день лес вырубил, выкорчевал да вспахал, просо посеял, сжал и обмолотил да в этот горшок насыпал — цыплят кормить.

Пошел отец к пану, подал ему пустой горшок и сказал все, что дочка велела. Подкрутил пан усы и говорит:

— Умная ж у тебя дочка, а я все же ее умней.

Взял он три льняных стебля, подал их бедняку:

— Скажи дочке, чтоб она к утру этот лен вытеребила, спряла, соткала и сшила бы мне из него рубашку.

Вернулся отец домой пригорюнившись. Дочка спрашивает:

— Что сказал тебе пан?

Подав отец ей три льняных стебля и рассказал, что пан загадал.

— Ничего,— отвечает дочка,— ложись, тата, спать: завтра что-нибудь да придумаем.

Наутро дает дочка отцу три кленовые палки и говорит:

— Отнеси их пану да попроси посадить их, за одну ночь вырастить и сделать из них станок ткацкий, чтоб было на чем полотна ему на рубашку наткать.

Пошел бедняк к пану, подал три палки и сказал так, как дочь научила.

Покраснел пан и говорит:

— Умная ж у тебя дочка — ничего не скажешь. А я все же умнее ее! Так вот передай ей, чтоб она не пешком пришла ко мне, не на лошади приехала, не голая, не одетая и принесла б мне подарок, да такой, чтобы я не мог принять его. Если она все это сделает, то приму ее в дочери — вырастет, панною будет! А не сделает — плохо ей придется...

Вернулся отец домой пуще прежнего запечаленный.

— Ну, что ж тебе, тата, пан сказал? — спрашивает дочка.

— Да вот, доченька, наделала ты беды и нам и себе своими отгадками...

И рассказал ей отец, что пан загадал.

Засмеялась дочка:

— Ничего, тата! Как-нибудь обманем пана и на этот раз. Только поймай мне живого зайца.

Пошел отец в лес, поставил капкан и поймал зайца.

Дочка сняла рубашку, набросила на себя вместо платья рыбацью сеть, села верхом на палочку и поехала с зайцем к пану.

Пан стоит на крыльце, видит — опять перехитрила его бедняцкая дочка! Разозлился он и натравил на нее собак — думал, что они разорвут умницу. А девочка выпустила из рук зайца — собаки и кинулись за ним в лес.

Подошла она к пану.

— Лови,— говорит,— мой подарок: вон он в лес убежал...

Пришлось пану взять умную девочку в дочери.

Поехал пан вскоре за границу, а девочке сказал:

— Смотри ж без меня не суди людей моих, а то плохо тебе придется.

Осталась девочка одна в усадьбе.

И случилось в то время такое дело. Пошли два

мужика на ярмарку. Один купил телегу, а другой кобылу. Запрягли кобылу в телегу и домой поехали. По дороге остановились отдохнуть. Легли и уснули. А проснулись, глядь — бегают у телеги молодой жеребеночек. Дядьки заспорили. Тот, чья телега была, говорит:

— Жеребенок мой — это моя телега ожеребилась!

А тот, чья кобыла, на своем настаивает:

— Нет, жеребенок мой — это моя кобыла ожеребилась!

Спорили, спорили и порешили ехать к пану на суд.

Приехали, а пана нет дома.

— Рассуди хоть ты нас, — просят дядьки приемную панскую дочку.

Узнала девочка, какое у них дело, и говорит:

— Пусть тот из вас, чья кобыла, выпряжет ее из телеги и поведет под уздцы, а тот, чья телега, пускай тащит ее на себе в другую сторону. За кем жеребенок побежит, тот и будет его хозяином.

Так дядьки и сделали. Жеребенок побежал за кобылою, на том спор у них и окончился.

Вернулся пан из-за границы и узнал, что умная девочка без него судила. Рассердился он, поднял крик:

— Что ж ты меня не послушалась? Теперь ты мне не дочка. Возьми себе из поместья что пожелаешь и ступай домой, чтоб я тебя больше не видел!

— Хорошо, — говорит девочка. — Но мне хочется на прощанье тебя вином угостить.

— Угости, — буркнул пан. — Только поскорей.

Напоила его девочка вином, пан и уснул без памяти. Тогда велела она слугам запрячь лошадей, положила пана в карету и повезла домой. Дома с

отцом вынесла его из кареты и перенесла в сени на кучу горóховин*.

— Вот тебе,— говорит,— постель вместо перины. Отлеживайся себе.

Проснулся наутро пан, по сторонам озирается: где же это он? Увидал свою приемную дочку и спрашивает:

— Почему я тут, в грязной мужицкой хате лежу?

— Ты сам так захотел,— смеется девочка.— Ты мне сказал: «Бери себе из поместья что пожелаешь и ступай домой». Я и взяла тебя. Вставай, бери топор и мотыгу да иди вместо отца панщину отбывать. Ты мужик крепкий, будет работник из тебя неплохой.

Услыхал это пан, вскочил на ноги и так махнул назад в свое поместье, что только его и видели. Даже от лошадей с каретою отказался.

КТО ЖЕ
ИЗ НИХ
ГЛУПЕЕ

Черкесская сказка

или-были, говорят, в одном ауле вдова с сыном, дочерью и невесткой. Жили они небогато, но и бедности не знали, имели небольшое хозяйство.

И мать, и сестра, и жена очень любили своего Машукó. Когда он, бывало, уедет куда-нибудь, они ждут не дождутся его, за ворота встречать выходят... Да и было за что его любить. Парень он был смелый, умный и нравом веселый.

Вот однажды поехал Машуко за сеном. Стало время к обеду приближаться, и мать сказала:

— Ах, невестка моя хорошая! Нет у нас воды, а твой муж должен вот-вот вернуться. Пора обед ставить.

Повесила невестка ведра на коромысло и пошла к речке за водой. Зачерпнула одно и только хотела второе ведро наполнить, услышала: какой-то голос поет, выговаривает, словно колокольчик звенит. Это пастушонок на том берегу пас овец и пел грустную песенку.

— Если б этот пастух был моим мужем и если бы он умер, я оплакивала бы его только такой песней,— сказала себе невестка. А как сказала, давай волосы рвать, рыдать да приговаривать.

Ждет свекровь дома невестку не дождется, то и дело выходит на дорогу посмотреть: не возвращается ли она? Обед не готов, а сын вот-вот должен вернуться. «Не случилось ли чего с нашей невесткой?» — подумала мать и послала за ней дочку. Побежала девушка к речке, видит: сидит невестка на берегу, волосы рвет, плачет, убивается.

— Что случилось? Почему ты плачешь? — испугалась девушка.

— «Если бы мой муж умер, разве я не заплакала бы?» — так спросила я у себя самой, и вот плачу,— ответила сквозь слезы невестка своей золовке.

— Ну а если бы мой брат единственный умер, разве я не рыдала бы? — воскликнула девушка, села на бережок и тоже заплакала во весь голос.

А дома мать ждет не дождется. Нет ни той, что по воду пошла, ни той, кого за ней вслед посылали! И обед не готов, а сын вот-вот вернуться должен! Что делать матери? Посылать больше некого, пошла сама на речку.

Как увидела она, что сидят невестка и дочь на берегу, навзрыд рыдают, остолбенела от испуга.

— Что случилось, моя невестка? Что случилось, дочь моя? — закричала она еще издали.

И они рассказали ей то, о чем вы уже слышали...

— Ох, Аллах, если б это был мой единственный сын и если бы он умер, я точно так же плакала бы! — И, сказав так, мать зарыдала в полный голос.

Сидят все трое у речки, волосы на себе рвут, оплакивают живого Машуко. А время уже к полудню... Съездил Машуко за сеном, вернулся, выпряг быков, хотел кнут в саклю занести и увидел на дверях замок... Нет никого дома, никто его не встретил, как всегда бывало...

«Сгоню-ка я быков на водопой,— думает Машуко,— а тем временем жена или мать вернется». Погнал быков к речке, а там на берегу сидит вся его семья, слезами обливается.

— Что с вами? — встревожился Машуко.— Какое горе в нашем доме?

Рассказали они ему о том, что вы уже слышали. Крепко обиделся Машуко: как же так, живого его оплакивают?! А еще больше досада его взяла...

— Уйду я,— сказал он им,— и не вернусь до тех пор, пока не встречу кого-нибудь глупее вас.

Схватил Машуко глиняный кувшин, выбил дно, протянул через него веревку, повесил на плечо и пустился в путь, покрикивая:

— Продаю дырявый кувшин!

Долго ли он шел, коротко ли, много ли позади

оставил пройденных дорог, мало ли, только ходил он уже целых семь дней.

Пришел он в один аул, стоявший, как и его родное селение, на берегу реки. Неподалеку от этого аула был большой холм, а кругом холма копошились люди... Повстречался Машуко на дороге старый пастух с отарой овец.

— Салам алейкум!

— О, алейкум салам, будь нашим гостем.

— Пошли тебе Аллах самых лучших гостей, почтенный! Не скажешь ли ты мне: почему толкуются люди вокруг холма? Что они там делают?

— Видишь ли, сын мой, наш князь велел перетаскать холм и поставить его рядом с аулом. С этого холма, говорит князь, удобно будет скликать народ.

Подивился про себя Машуко и этому князю, и этим людям.

— Не осуди меня, добрый человек, не подумай: «Вот бездельник, сующий нос не в свои дела!..» — но приказ вашего князя неразумный... Холм вы с места не сдвинете. Проще бы вам переселиться к холму всем аулом, если уж князю так хочется, чтобы холм поближе стоял.

— Эй, твоя правда!.. У нас это никому в голову не пришло,— обрадовался старик. Бросил отару и побежал к своим землякам.

А что же Машуко? Машуко дальше пошел, покрикивает:

— Продаю дырявый кувшин! Продаю дырявый кувшин!

Много ли он шел, мало ли, а дошел до другого аула и увидел у крайней сакли женщину.

— Что продаешь, сынок? — спросила она.

— Кувшин. Его можно мыть со всех сторон.

— Аллах! Это как раз то, что мне нужно! Сколько же он стоит?

— Много я не прошу. Столько, сколько в него влезет.

— Пойдем, будь нашим гостем! Такой кувшин я не могу упустить.

Зазвала женщина Машуко в амбар и стала сыпать в кувшин просо. А кувшин Машуко держал над раскрытым мешком. Когда наполнил все мешки, какие нашлись, поставил в последнем кувшин, до краев насыпанный зерном, и сказал:

— Вот теперь довольно!

— Заходи, пожалуйста, в наш дом. Я должна угостить человека за такую выгодную покупку.

Накормила она Машуко всем, что было у нее приготовлено для сына, поехавшего по дрова.

— Откуда ты? — спрашивает.

— Я с того света, — отвечает Машуко.

— На том свете моя единственная дочь... Не слышал ли ты о ней?

— Как зовут ее?

— Сурáт.

— О, да будет ваш дом полон добра! Как же! Мы ведь с ней там соседи. Наши плетни сходятся. Теперь расскажу ей, что был вашим гостем!

— Ой, Аллах, ой, Аллах, какое диво! — ударила себя женщина руками по коленям. — Год прошел, как мою дочь на тот свет взяли, и до сих пор от нее вестей не было. Прошу тебя, возьми передай ей несколько платьев.

— Уж конечно, передам! — согласился Машуко. — Не беспокойся. Считаю, что ты сама это сделала.

— За твою услугу я дам тебе арбу и быков. Отвезешь свое просо на тот свет, а заодно и сундук

моей дочери. Я бы тебе и лошадей не пожалела, да на них сын за дровами поехал.

— На быках я еще лучше доеду. На том свете дороги для них больше подходят.

Так они договорились обо всем, и Машуко уже стал прощаться, как вдруг громко закричал у самого порога осел.

— Чего это он раскричался? — говорит Машуко.

— Это любимый ослик моей дочери, — ответила женщина. — Наверно, услышал наш разговор и просится к ней.

— Ну что ж, возьму и его с собой, пусть повидает хозяйку.

— Да буду я твоей жертвой! — обрадовалась женщина. Привязала к арбе ослика и проводила Машуко на тот свет.

Едет Машуко домой, песни поет да быков подгоняет... А та женщина ждет не дождется сына, чтоб скорее своей покупкой похвастаться.

Вот вернулся наконец ее сын из лесу с дровами.

— О мой сын, свет моих очей! — выбежала она ему навстречу. — Посмотри, какой чудесный кувшин я купила. Его удобно мыть со всех сторон! — И она сунула ему в руки дырявый кувшин.

Спрыгнул сын с воза и спрашивает:

— Сколько же ты за этот кувшин отдала?

— Отдала все просо, что было в закромах, — только и всего!

— А где арба и быки? — оглянулся сын, уже догадываясь, что мать натворила беды.

— Человек, продавший кувшин, приехал к нам с того света, — объяснила мать. — Он живет там по соседству с нашей Сурат. Я ему и быков позволила запрячь, и сундук нашей девочки отдала... Да и

ослика заодно с ним отправила. Пусть Сурат повидается.

— И давно он уехал? — говорит сын, а сам уже коня седлает.

— Только-только за аул выехал.

...Вот видит Машуко, нагоняет его всадник, скачет во весь опор по дороге. Свернул он в сторону, завел быков и осла в кусты дерезы, а сам обратно вышел. Подъехал всадник к нему и спрашивает:

— Не видел ли ты человека на быках? К арбе у него еще ослик привязан.

— Как не видеть, видел! Он по боковой дороге поехал. Верхом его не догнать, лучше пешком иди. А я твоего коня подержу.

Отдал ему этот парень поводья, побежал — пыль ногами поднимает, рукавом пот вытирает. А тем временем Машуко отрезал у коня кончик хвоста и сунул в трещину на дороге. Загнал коня в кусты, а сам кричит:

— Эй, вернись! Твой конь сквозь землю провалился!

Вернулся парень, посмотрел — только хвост из трещины торчит — и махнул рукой:

— Не повезло мне! Быков увели, осла увели, а теперь еще и конь сквозь землю провалился!

Приехал Машуко в свой аул со многим добром да еще и коня привел.

Кто же из них глупее? Жена Машуко? Или сестра? Или мать? Или тот князь? А может, его люди? Или та женщина? Или сын той женщины?

Как вы думаете?

УЧЁНАЯ КОШКА

Азербайджанская сказка

ил-был богатый купец. Задумал он однажды отправиться в чужие страны торговать. Накупил много разных товаров, распрощался с женой и пустился в дорогу. Он переезжал из одной страны в другую, пока не приехал в какой-то город. Там он остановился в караван-сарае. А в этом городе существовал такой обычай, что всякий чужестранный купец должен был подносить шаху достойный подарок. После этого шах приглашал купца к себе в гости и играл с ним в нарды*.

И вот наш купец разложил на подносе много дорогих тканей и пошел во дворец к шаху. Шах рассказал ему, что у него есть кошка, которая с вечера до утра может держать на своем хвосте семь светильников. Затем он предложил купцу сыграть в нарды с таким условием: если кошка продержит с вечера до утра на своем хвосте семь светильников, то шах получит все привезенные купцом товары и его наличные деньги, а сам купец отправится в темницу; а если кошка не выдержит этого, то всю шахскую казну получит купец и посадит шаха в темницу. И купец вынужден был согласиться на это.

Как только шах кликнул кошку, она пришла, свернула хвост и уселась перед ним. Шах приказал поставить на ее хвост семь светильников и начал с купцом играть в нарды. Три дня и три ночи играли они, а кошка за это время ни разу не шевельнула хвостом. Наконец в изнеможении купец встал и

признал себя побежденным. Жадный и жестокий шах велел связать ему руки и бросить в темницу, а все товары и деньги купца взял себе.

Слуга купца увидел, что с его хозяином случилась такая беда, поспешил обратно на родину и рассказал об этом жене купца. Та немедленно приказала наловить побольше мышей и посадить их в сундук. Затем она переоделась купцом, взяла с собой слуг и с караваном пустилась в путь. По приезде в тот город, где томился в темнице ее муж, она положила на поднос драгоценный подарок и пошла к шаху, а своим слугам передала сундук с мышами и поручила им впускать по несколько мышей в ту комнату, где она будет играть с шахом в нарды.

Шах принял жену купца с почетом и предложил ей сыграть с ним в нарды на тех же условиях, на каких играл с ее мужем. Она согласилась. Шах позвал кошку. Та тотчас же прибежала, свернула хвост и уселась перед ним. После того как ей на хвост поставили семь светильников, шах с женой купца сели за нарды. Через некоторое время слуги впустили в комнату несколько мышей.

Как только кошка увидела мышей, она хотела было кинуться за ними, но шах так грозно посмотрел на нее, что она осталась сидеть на месте. Немного спустя слуги впустили в комнату еще несколько мышей. Кошка на этот раз не вытерпела, метнулась в их сторону, уронила светильники и переловила одну за другой всех мышей.

По условленному знаку слуги жены купца вошли в комнату, крепко связали руки шаху и заключили его в темницу, а купца освободили.

Так жена купца спасла своего мужа и избавила народ от жестокого шаха.

КАК БАРИНА ПРОУЧИЛИ

Латышская сказка

ил в одном имении очень злой и жестокий барин: он так своих людей работой мучил да избивал, не приведи Господь. Как-то в праздник приказал барин работникам хлеб обмолотить. Делать нечего, пришлось молотить. А староста греется у печи в риге, дубинкой поигрывает и ехидно приговаривает:

— А барин-то прав: в праздник молотьба лучше спорится!

Тут, откуда ни возьмись,—седой старичок, встал рядом со старостой, тоже погреться захотел. Погнал староста и старичка на работу, а тот не идет. Разозлился староста и к барину побежал.

Пришел барин:

— Эй ты, иди работать!

А старичок не идет.

Позеленел барин от злости да как заорет:

— Эй, староста, принеси мне розги, я ему покажу, как от работы отлынивать!

— Не розги неси,—сказал старичок,—принеси-ка лучше недоуздок*!

Принес староста и розги, и недоуздок. Схватил барин розги и замахнулся на старичка, а старичок взял недоуздок, набросил барину на голову и прикрикнул, как на лошадь:

— Тпрру! Тпрру!

В тот же миг превратился барин в белого коня.

Старичок тотчас же вскочил на коня, огрел его

розгами и умчался словно ветер. А поехал он к одному крестьянину, который тому же барину принадлежал. Тем временем стемнело. Привязал старичок коня к столбу и пошел в избу ночлега просить. Хозяин пустил его ночевать и стал плакаться:

— Подчистую разорил меня барин: все время на барщине я горб гнул, для себя и хлеб-то убрать не успел — так он на поле и пророс, и сена для скотины не накопил — все лошади, все коровы с голодухи пали. Вот и нечем мне гостя попотчевать, нечем коня его накормить.

— Ну и пусть, не беда, — отвечает старичок, — отведи моего коня в конюшню да кинь ему соломы охапку, раз другого ничего нет.

Взял хозяин фонарь и зажег лучину.

— Неужто у тебя и свечи нет? Нельзя же в фонаре лучину жечь!

— Нету, нету, — жалуется хозяин. — У кого овец нет, у того и сала нет, из чего же я свечи стану лить?

— Как это нет, вон у тебя свечек полно на полке!

Глянул хозяин — ну и чудо! — прав старичок: на полке свечей полно. Зажег он фонарь и, подивившись чуду, пошел коня в конюшню ставить.

Вошел в конюшню — а там весь верх до самого конька сеном набит, вошел в хлев — по всем углам коровы стоят, пошел в овчарню — она овец полна, заглянул в амбар — все закрома хлебом засыпаны. Увидел все это хозяин и остолебенел. А старичок вышел следом и говорит:

— Чего дивишься, заходи в избу, пора спать ложиться!

А наутро отдал старичок своего коня хозяину и сказал:

— Забирай мою лошадь и работай на ней целый

год, не жалей ее, залежь подымай, поля обрабатывай. Через год я приду за своим конем.

Так все и было: лошадь работала за троих, и хозяин на ней все залежи вспахал.

Через год пришел старичок за конем, вскочил на него и поскакал прямо в имение, а там отпустил коня в барском саду. Вскоре увидел староста коня в саду и велел отвести его в конюшню. Наутро запыхавшийся конюх прибежал к барыне:

— Вот диво: конь-то, которого я вчера в конюшне привязал, за ночь в прежнего нашего барина превратился!

Побежала барыня поглядеть — да, так оно и есть, только так уж барин отощал, так похудел, что едва и узнаешь. Барыня на радостях кинулась обнимать его, целовать, а барин еле языком шевелит:

— Целуй побыстрее да покорми меня: целый год я одно только сено ел!

Скоро барин совсем оправился, и с той поры жил он со своими людьми лучше, чем брат родной: никого не порол, не мучил, по праздникам работать не заставлял.

ТРУДОВЫЕ ДЕНЬГИ

Кабардинская сказка

ил-был один крестьянин. От зари до зари трудился он в поле — очищал его от камней, сеял кукурузу, выхаживал ее.

Нелегко было ему работать, никто ему не помогал.

Был у того крестьянина сын, лентяй — второго такого на всем свете не сыскать! Отец выходил в поле задолго до зари и возвращался, когда совсем стемнеет, а сын с утра до вечера бездельничал.

А к отцу тем временем старость подкралась, стали убывать его силы. Хоть и мог он заставить сына работать на своем поле, но решил отдать его в батраки.

Отвез крестьянин сына в соседний аул батрачить за один золотой в год.

Удивился хозяин, почему старик крестьянин запросил за своего сына такую малую плату.

«Видно, он богач, — подумал хозяин, — неспроста этот человек отдал мне своего сына. Чтобы не обидеть старика, я не буду заставлять работать этого парня».

А лентяю только того и надо. Живет лентяй в свое удовольствие — поздно встает, ест лучшие куски, наряжается да веселится.

Когда прошел год, хозяин дал лентяю золотой и с почетом проводил его.

Пришел лентяй домой.

— Как тебе жилось-работалось, сынок? — спрашивает отец.

— С утра до вечера трудился я не покладая рук. Хозяин остался доволен мною.

Протянул сын золотой, а отец взял деньги и, даже не взглянув, бросил в огонь.

Ни слова не сказал лентяй. Не удивился, отчего это отец вдруг стал деньги в огонь бросать. Повернулся и пошел себе спать. Подумаешь, деньги — один золотой!

Понял отец, что ничему не научился его сын, и решил отдать его к другому хозяину. Отвез он сына в другой аул.

Новый хозяин, как и первый, решил, что неспроста старик отдал своего сына в работники. И тоже не заставлял лентяя работать.

И снова незаметно пролетел год. Опять лентяй получил золотой.

Приходит он к отцу.

— Ну как, сынок, тебе работалось?

— Работал я от зари до зари. Вот мой заработок,— ответил сын.

— Дай-ка его сюда!

Протянул сын золотой, и снова отец взял деньги и, даже не взглянув, бросил в огонь. И опять ни слова не сказал лентяю. Даже не спросил, почему это отец деньги в огонь бросает. Повернулся и пошел себе спать. Подумаешь, деньги — один золотой!

Видит отец, что напрасно прошли два года.

Решил он в третий раз отдать сына в работники. Отвез его в самый дальний аул, выбрал бедного крестьянина. В доме у него было много едоков да мало работников.

— Вижу я, трудно тебе живется,— говорит старик отец бедняку,— нет у тебя помощников. Оставляю тебе на год своего сына: научи его работать как следует, а платы с тебя никакой не надо!

Новый хозяин с первого же дня заставлял лентяя работать наравне с собою.

Вставали они чуть свет, работали без передыху и заканчивали, когда все звезды на небе зажгутся.

Медленно потянулись дни, каждый казался лентяю таким длинным! Трудно было ему с непривычки: пот катился градом по его лицу, а хозяин не разрешал утереться.

Не взвидел лентяй белого света, а потом стал привыкать к работе и вскоре уже не мог без дела сидеть. И снова быстро побежало время.

Кончился год.

Теперь парень уже не был похож на прежнего лентяя: нарядная одежда его поизносилась, на руках появились мозоли.

Пришла пора отправляться домой.

На прощанье хозяин и говорит ему:

— Твой отец не просил с меня никакой платы, но ты хорошо потрудился! Вот тебе два золотых — купишь себе новый бешмет.

Приходит сын к отцу.

— Ну как, сынок, тебе работалось?

— Хорошо работалось.

— А заплатил ли тебе хозяин за твои труды?

Протянул сын отцу два золотых, а тот даже не взглянул на них — в огонь бросил.

Не выдержал тут сын, закричал, стал голыми руками раскаленные угли разгребать.

— Как же можно трудовые деньги в огонь бросать!

ЗАЯЦ-СЛУГА

Сказка крымских татар

ил на свете бедный человек Насыр-Эддин-оджа. И до того он дожил, что не осталось у него в доме ни монетки, чтоб хлеба купить, ни полена, чтоб печку истопить.

— Что будем делать, ага? — спрашивает у него жена. — Ничего у нас нет.

— Не печалься,— отвечает Насыр-Эддин-оджа.— Сегодня у нас ничего нет, завтра всего будет много! Только ты во всем меня слушайся. Ступай сейчас же к мяснику и попроси у него в долг — в последний раз — баранины, а у соседей выпроси муки, кофе да дровец. Скажи всем, что завтра расплачусь, вдвое отдам. А сама приготовь угощение на четверых, да смотри получше — вечером я знатных гостей приведу!

Удивилась жена:

— Что ты затеял, ага? Зачем тебе эти гости понадобились?

— Сама увидишь! А когда мы придем, ты только скажи: «Что же вы так замешкались? Наш слуга уже давно прибежал и передал мне твой приказ приготовить кавурму — жаркое, пирожки да кофе».

Еще больше удивилась жена:

— Какой же это наш слуга? Откуда он возьметсЯ?

— А вот сейчас я пойду принесу его! — говорит Насыр-Эддин-оджа.

Ничего не поняла жена, подумала:

«Уж не тронулся ли разумом мой ага?»

А Насыр-Эддин-оджа отправился к знакомому охотнику.

— Будь,— говорит,— мне другом: дай тех двух зайцев, которых ты вчера в силки поймал. Очень они мне нужны!

Не отказал охотник, дал зайцев Насыр-Эддину-одже.

Вернулся он домой и говорит жене:

— Вот я и двух слуг принес. Одного мы посадим в чулан, а другого я с собой унесу. Запомни, что я тебе еще скажу: позови соседского сына Велéша, посади его в тот же чулан, где заяц будет, и проси его играть на скрипке. Как только мы войдем в дом,

подай ему знак — пусть играет веселее. А как услышит Велеш, что к чулану подходят, пусть положит свою скрипку у двери, а сам спрячется.

Жена говорит:

— Как велел, так и сделаю. Ты плохого не придумаешь!

Посадил Насыр-Эддин-оджа одного зайца в чулан, а другого взял под мышку и пошел в кофейню.

В кофейне шум, разговоры: одни кофе пьют, другие кальян* курят, третьи скинули туфли и расцелись на коврах.

Сел Насыр-Эддин-оджа возле двери, принялся своего зайца поглаживать.

Обернулись все в его сторону, стали над ним насмехаться:

— Смотрите-ка, видно, он охотником стал!

— Эй, Насыр-Эддин-оджа, как это ты зайца поймал?

А Насыр-Эддин-оджа посмотрел на всех и спокойно молвил:

— Какой уж я охотник! Где мне ловить зайцев! Нет, этого зайца я не поймал, а нанял.

— Как это «нанял»?

— А очень просто: как другие нанимают. Этот заяц — мой слуга, он все мои поручения исполняет. Лучшего слуги и не найти. Ведь вы сами знаете, какие зайцы проворные, как быстро они бегают!

Удивились все, но не поверили Насыр-Эддину-одже: мало ли что он придумает!

— Выдумки это твои!

— Какие выдумки! — отвечает тот. — Нет ничего проще, как проверить правдивость моих слов.

Обернулся Насыр-Эддин-оджа к трем богатым торговцам и говорит:

— Будьте вы судьями в этом деле!

— А что мы должны делать?

— Ничего особенного. Согласитесь только пожаловать ко мне. Я сейчас пошлю моего слугу к жене и прикажу ей приготовить для вас хорошее угощение.

Любопытно стало богачам.

— Ну что ж,— говорят они,— согласны. Пусть твоя жена для нас хоть кофе сварит.

— Нет,— говорит Насыр-Эддин-оджа,— какое же это угощение! Одним кофе сыты не будете.

Нагнулся он к уху своего зайца и сказал:

— Эй, мальчик, слышишь, что гости требуют? Пусть твоя хозяйка сварит к нашему приходу кофе. Да что кофе! Одного кофе нам мало. Скажи хозяйке, чтобы она хорошую, жирную кавурму приготовила. Запомни: кавурму! И свежий лаваш* пусть испечет. Запомнил ты: лаваш! И пирожков пусть испечет. Не забудь — пирожков!

Слушают все, улыбаются недоверчиво, переглядываются. А Насыр-Эддин-оджа приоткрыл дверь пошире и отпустил зайца.

Тот — скок! — и умчался.

— Ну, теперь прощайся со своим зайцем! — засмеялись все.

— Зачем прощаться? — говорит Насыр-Эддин-оджа.— Мы с ним скоро встретимся!

Посидели еще немного в кофейне, поговорили, покурили, а потом не спеша пошли к дому Насыр-Эддина-оджи.

Вышла жена Насыр-Эддина-оджи, поздоровалась с гостями и стала их упрекать:

— Что же вы так замешкались? У меня все уже готово!

Вошли гости в дом и видят: скатерть расстелена, на скатерти блюда с угощением стоят.

Удивились они и спрашивают:

— Как же ты узнала, что мы придем и что будет у вас трое гостей?

— Чего же вы удивляетесь? — отвечает им жена Насыр-Эддина-оджи. — Прибежал наш слуга и передал мне приказанья мужа. Только не сказал, что вы по пути так задержитесь.

Переглянулись богачи, уселись и стали есть.

— Ишь, — говорят, — все угощенья поданы, какие хозяин зайцу заказывал: и кофе, и лаваш, и пирожки, и кавурма! Ничего не забыл!

Самый богатый из гостей поел, попил и спрашивает:

— А где же сейчас ваш заяц-слуга?

— Сейчас он отдыхает, — говорит Насыр-Эддин-оджа. — Ушел в свой чуланчик и играет на скрипке. Слышите?

Прислушались гости: в самом деле, кто-то на скрипке играет.

— Эй, Насыр-Эддин-оджа, разреши нам взглянуть на твоего зайца! — говорит любопытный богач. — Очень я люблю все необыкновенное, все диковинное!

И другие гости стали упрашивать:

— Разреши нам посмотреть на твоего зайца!

— Что ж, — отвечает Насыр-Эддин-оджа, — так и быть, покажу вам моего слугу. Только идите тихонько, не разговаривайте: если заяц услышит шум, он бросит скрипку и перестанет играть. Он у нас пугливый, смущается играть при чужих. А если перестанет играть — ни за что потом не уговорить, не упросить!

Гости говорят:

— Мы тихонько пойдем, ни словечка не скажем.

— Ну, пойдем!

Пошли они за Насыр-Эддином-оджой к чулану

на цыпочках, боятся дышать. Слышат, кто-то играет в чулане на скрипке, да так весело!

Не выдержал самый богатый гость и говорит:

— Очень хорошо! Очень хорошо!

И только он сказал — затихло в чулане.

— Э-э, не надо было тебе так громко говорить! — стал упрекать богача Насыр-Эддин-оджа. — Смутил ты моего зайца!

А богач свое твердит:

— Пек якшій! Очень хорошо!

И другие двое не отстают:

— Пек якши! Пек якши! Покажи нам своего зайца!

Приоткрыл Насыр-Эддин-оджа дверь. Заглянули гости в чулан и видят: лежит на полу скрипка, а в углу сидит заяц, уши прижал.

Взял его Насыр-Эддин-оджа на руки, стал гладить да приговаривать:

— Не бойся, оглѧн, не стыдись: сыграй еще для гостей.

А заяц только уши жмет да лапками дрыгает.

Стал самый богатый гость приставать к Насыр-Эддину-одже:

— Продай мне твоего зайца!

И второй гость пристаёт:

— Продай лучше мне! Я больше заплачú!

Третий кричит:

— Мне продай! Я не поскуплюсь: сколько запросишь — столько и дам!

Самый богатый ногами топает:

— Никому не уступлю! Я первый просил про дать мне зайца!

Такой шум подняли, что весь дом затрясся.

А Насыр-Эддин-оджа спокойно говорит:

— Как можно продать такого зайца! Он тебе и слуга, и музыкант. Да и жена привыкла к нему, ни

за что с ним не расстанется. Нет, лучше и не просите: не продам я моего зайца!

Стали богачи наперебой уговаривать Насыр-Эддина-оджу:

— Променяй на бешмет!

— Променяй мне зайца на осла! На двух ослов! На трех!

— Возьми сто золотых!

Насилу уговорили Насыр-Эддина-оджу. Хорошо, жена помогла, сказала:

— Стыдно тебе, не хочешь ты выполнить просьбу наших гостей!

Вздыхнул муж и говорит:

— Ладно, отсчитывай скорее золотые, пока я не передумал!

Отсчитал самый богатый гость деньги, отдал Насыр-Эддину-одже. А сам схватил зайца и давай кричать:

— Эй, заяц, теперь ты мой слуга!

Потом обернулся к двум другим богачам и сказал:

— Нечего нам ссориться из-за этого зайца — так, видно, Аллаху было угодно, чтоб он стал моим слугой.

Согласились те два богача: видно, Аллаху было угодно, нельзя спорить и ссориться.

— Ну,— говорит первый богач,— хочу я на радостях угостить вас всех. Эй, заяц, беги ко мне домой и скажи своей новой хозяйке, что я приду с гостями после вечернего нама́за*, пусть приготовит нам хороший ужин! Да смотри у меня — проворнее, не то достанется тебе!

Пустил он зайца на пол, а тот в дверь — только его и видели!

Посидели гости, поговорили о том о сем и пошли в мечеть на молитву. А потом все отправи-

лись к богачу ужинать. Один Насыр-Эддин-оджа не пошел.

— Что-то,— говорит,— у меня нога заболела и спину ломит.

Подошли гости к дому богача — темно. Постучали раз — не открывают дверь. Постучали еще раз — не открывают дверь. Стали стучать кулаками изо всех сил. Вышла заспанная хозяйка, зеваает спронеся и сердито спрашивает:

— Что это ты не вовремя гостей привел?

— Как — не вовремя? Ты разве не ожидала нас? И ужин не приготовила?

— Да как же я могла знать, что вы придете?

— А разве тебя заяц не предупредил об этом? — удивился богач.

— В своем ли ты уме? Какой заяц?

— Да наш новый слуга!

Рассердилась жена:

— Ум у тебя помутился или ты вздумал посмеяться надо мной?

Хлопнула она дверью и ушла в дом.

— Так, видно, этот плут обманул меня! — завопил богач и бросился к дому Насыр-Эддина-оджи.

Прибежал он и давай кричать и кулаками размахивать:

— Обманщик ты! Обманул ты меня!

Сел Насыр-Эддин-оджа на тахту и спрашивает:

— Чем же я тебя обманул?

— Заяц к моей жене не пришел, ничего ей не передал и сам неизвестно где.

Улыбнулся Насыр-Эддин-оджа:

— Не я тебя обманул. Сам себя ты обманул!

— Как так — сам?

— Вспомни: ты приказать-то зайцу приказал, а сказал ли, где ты живешь — на какой улице, в каком доме?

Ударил богач себя по лбу кулаком:

— Верно, не сказал!

— И еще: не успел ты зайца взять, как начал ему наказаньями грозить. А он этого не любит. Вот и потерял ты проворного слугу! Сам себя и вини!

Видит богач — нечего возразить, и поплелся домой злой и пристыженный.

А Насыр-Эддин-оджа и с долгами расплатился, и хлеба и дров купил, и стал жить без нужды.

ДАТУА И ПЕТРИКЕЛА

Грузинская сказка

было ли, не было ли — в давние времена жили два человека. Одного звали Датуа, другого Петрикела, и были они оба большие плуты.

Однажды Датуа достал мешок, набил его туго мхом, сверху положил немного шерсти и принес продавать. Когда он стал взбираться по склонам хребта, попался ему навстречу Петрикела. У Петрикелы на спине тоже был большой мешок, а набит он был скорлупой грецких орехов. Только сверху покрывали скорлупу настоящие орехи.

— Здравствуй! — крикнул Датуа.

— Здравствуй! — ответил Петрикела.

— Откуда идешь и куда путь держишь?

— Да вот несу продавать орехи. А ты откуда идешь, скажи мне?

— Я, брат, несу шерсть продавать. Только появилась у меня сейчас хорошая мысль. Никакой ведь нам выгоды не будет, если мы с нашим грузом станем тащиться по такой тяжелой дороге туда и обратно. Только чувяки износим! Давай лучше поменяемся мешками: ты понесешь продавать шерсть в свои места, а мне дай орехи — я тоже вернусь обратно в свои и продам их.

— Хорошо ты придумал! Глупо тащиться по такой тяжелой дороге. Лучше вернуться нам в свои места. На, возьми мои орехи, а взамен отдай мне свой мешок шерсти.

Так, ничего не подозревая, плуты обменялись мешками, и каждый пошел к себе домой.

Прошли они часть пути и, когда перестали видеть один другого, остановились и торопливо раскрыли каждый свой мешок. Видят — обманули друг друга!

Подосадовали они, поворчали, да ничего не поделаешь!

Спустя некоторое время плуты встретились. После приветствия Датуа сказал Петрикеле:

— Я думал, что один я такой плут, но выходит, что ты, брат, ничем не уступаешь мне!

— Вот еще! Чему же тут удивляться, брат? Если ты умеешь плутовать, почему бы и мне не уметь?

— Ну, так давай побратаемся!

— Давай!

— Денег у нас обоих нет, торговать нечем — поступим вместе в услужение к какому-нибудь богатому человеку.

— Пусть будет по-твоему.

Стали плуты искать места.

Ходили они, ходили и наконец узнали, что

какой-то старухе нужны два работника. Явились они к старухе и стали спрашивать, какую работу она им даст и сколько платить будет.

Старуха сказала:

— Есть у меня корова и этот дом. Одному из вас придется гонять корову на пастбище со свирелью, чонгүри* и бубном, потому что моя корова любит плясать под музыку. А другому надо будет работать дома: мести пол, наводить чистоту и выносить мусор куда-нибудь подальше. Буду вас за это кормить и деньги вам платить буду. Если согласны — поступайте ко мне.

— Почему не согласны? Согласны! — ответили Датуа и Петрикела разом.

На другой день Петрикела остался дома хозяйничать. А Датуа захватил с собой хлеба, бубен, свирель и чонгури и погнал корову на пастбище.

Вымел Петрикела кое-как все углы, навел чистоту, мусор собрал в одну кучу, но поленился отнести подальше от дома: решил свалить мусор на соседском дворе.

Только он собрался вывалить мусор, как хозяева этого двора накинулись на него и больно поколотили, приговаривая:

— Не посмеешь больше свой мусор на нашем дворе сваливать! Не посмеешь!

Пришел Петрикела весь в синяках и повалился в хлеве.

«Эх, — думает, — не для того, оказывается, соседский двор, чтобы туда мусор выбрасывать!»

А Датуа-плуту тоже плохо пришлось: не успела его корова выйти на пастбище, как стала бегать и прыгать по полю из конца в конец, и носилась она так до самого вечера, не давая отдыха своим ногам. И Датуа не давал покоя своим ногам: он бегал за

коровой, бренчал на чонгури, дудел на свирели, из всех сил бил в бубен...

Только поздним вечером корова перестала прыгать и скакать и вернулась домой. За ней вернулся и Датуа. Он так измучился от беготни, что и пища ему не шла в рот. Вошел он в хлев и спросил Петрикелу:

— Что с тобой, братец, не болен ли ты?

— Почему это ты решил, что я болен?

— А почему же ты лежишь?

— Да вот, вымел я и дом, и двор, и хлев, а мусор свалил на соседском дворе. А там соседи как только увидели меня, зазвали в гости, пригласили к столу и славно угостили. От такого угощения я даже устал, а от вина у меня немного голова кружится... Ты-то расскажи, как время провел.

— Тоже неплохо! Пришел я в поле, забил в бубен, ударил пальцами по струнам чонгури и задудел на свирели. Тут корова моя пустилась отплясывать лезгинку. Целая толпа мужчин и женщин собралась веселиться вместе с нами. Можешь ты себе представить — хлеб принес обратно домой и поесть забыл!

— Раз так, братец, то завтра я пойду пасти корову, а ты погостишь и попируешь у наших соседей!

— Пусть будет по-твоему, не хочу обижать тебя отказом,— сказал Датуа.

На другой день Петрикела испытал то же, что и Датуа: корова заставила его бегать целый день без передышки. А Датуа получил то же, что и Петрикела: соседи так исколотили его, что он едва ноги до хлева дотащил.

Ночью они признались один другому в своем лукавстве и стали советоваться.

— Если мы не удерем отсюда,— говорили

они,— то помрем или с голоду, или от побоев.

Решили Датуа и Петрикела, не откладывая, бежать. Но беда была в том, что по вечерам старуха сама наглухо запирала снаружи двери, и невозможно было уйти. Петрикела сказал:

— Вот что мы сделаем: сложим в мешок наши пожитки. Один из нас пусть подставит спину другому и поможет вылезти через щель в потолке хлева на крышу. Оттуда можно будет спустить веревку и поднять мешок с нашими пожитками и того, кто внизу останется.

— Ты замечательно придумал! — одобрил Датуа.— Я сильнее тебя и одинаково легко могу вытащить из хлева и мешок с нашими пожитками, и тебя!

Петрикела сразу же подставил спину, и Датуа вылез на крышу.

Тут Петрикела сложил в мешок пожитки, забрался в него сам и крикнул вверх:

— Эй, друг! Тяни наше имущество и спускай обратно веревку!

Датуа поднял наверх мешок, взвалил на спину и пустился бежать, совсем не заботясь о своем приятеле.

Пробежал он большое расстояние, устал, захотел передохнуть и бросил мешок на камни.

— Тише ты, дьявол! Так мне ведь больно! — крикнул Петрикела и вылез из мешка.

— Сам ты дьявол! Знаешь, как от тяжести у меня поясница разболелась!

— Ну а я-то чем виноват? Не обманывали бы мы друг друга, так и не болели бы у нас ни поясница, ни бока,— сказал Петрикела.

ЛЕГКИЙ ХЛЕБ

Белорусская сказка

осил мужик траву на лугу. Уморился и сел под кустом отдохнуть. Достал узелок, развязал и принялся за еду.

Выходит из лесу голодный волк. Видит — мужик под кустом сидит и что-то ест.

Подошел к нему волк, спрашивает:

— Ты что ешь?

— Хлеб,— отвечает мужик.

— А вкусный он?

— Страсть какой вкусный!

— Дай мне попробовать.

— Милости прошу!

Отломил мужик кусок хлеба и дал волку.

Понравился волку хлеб. Он и говорит:

— Хотел бы я каждый день есть хлеб, только где его доставать? Посоветуй!

— Ладно,— говорит мужик,— научу тебя, где и как хлеб доставать.

И начал он учить волка:

— Перво-наперво надо землю вспахать...

— Тогда и хлеб будет?

— Нет, брат, погоди. Потом надо землю заброновать...

— И можно хлеб есть? — обрадовался волк и хвостом замахал.

— Ишь ты какой скорый! Сначала надо рожь посеять...

— Тогда будет хлеб? — облизнулся волк.

— Нет еще! Дождись, покуда рожь взойдет, холодную зиму перезимует, весной вырастет, потом заколосится, потом начнет зерно наливаться, потом зреть...

— Ох,— вздохнул волк,— уж больно долго ждать надо! Ну а когда созреет зерно, тогда-то я наемся хлеба вволю?

— Где там наешься! — говорит мужик.— Раненько еще! Сначала спелую рожь надо сжать, потом в снопы связать, а уж снопы в крестцы поставить. Ветер их провеет, солнышко просушит, вот тогда вези на ток.

— И есть хлеб буду?

— Какой нетерпеливый! Первым делом надо снопы обмолотить, зерно в мешки собрать, мешки на мельницу отвезти да муки намолоть...

— И все?

— Нет, не все. Из муки надо тесто замесить и ждать, покуда тесто взойдет. Тогда в горячую печь сажать.

— Испечется хлеб?

— Ага, испечется. Вот тогда и наешься вволю,— закончил мужик.

Задумался волк, почесал затылок и говорит:

— Нет! Эта работа не по мне — и долго, и хлопотно, и трудно. Ты лучше посоветуй, как легкий хлеб добывать.

— Ну что ж,— говорит мужик,— если не хочешь трудный хлеб есть, ешь легкий. Иди на выгон, там конь пасется.

Пошел волк на выгон. Увидел коня:

— Конь, конь, я тебя съем!

— Что ж,— говорит конь,— ешь. Только сначала сдери с моих ног подковы, чтоб не поломать об них зубы.

— И то правда,— согласился волк.

Пригнулся он подковы сдирать, а конь как лягнет его копытом!

Перекувырнулся волк — да ходу. Прибежал к реке. Видит — гуси на берегу пасутся.

«Не съесть ли мне их?» — думает волк. Потом говорит:

— Гуси, гуси, я вас съем!

— Что ж, — отвечают гуси, — ешь. Только сначала окажи нам услугу.

— Какую? — спрашивает волк.

— Спой нам песню, а мы послушаем.

— Это можно! Песни петь я мастер.

Сел волк на кочку, задрал голову и начал выть. А гуси — порх-порх крыльями — с места снялись и улетели.

Слез волк с кочки, поглядел им вслед и пошел дальше ни с чем.

Идет, ругает себя: «Ну не дурень ли я, а? И зачем только я взялся петь гусям! Ну уж теперь кого ни встречу — съем!»

Только он так подумал, смотрит — бредет по дороге старый дед. Волк — к нему:

— Дед, дед, я тебя съем!

— Куда торопиться? — говорит дед. — Давай сначала табачку понюхаем.

— А вкусный он?

— Попробуй, так будешь знать.

— Давай!

Вынул дед из кармана табакерку, сам понюхал и волку дал.

Потянул волк носом изо всех сил да весь табак и вдохнул в себя. А потом давай чихать на весь лес... Ничего от слез не видит, все чихает. Больше часу чихал, покуда прочихался. Оглянулся, а уж деда и след простыл.

Пошел волк дальше.

Шел он, шел, смотрит — овцы на лугу пасутся, а пастух спит.

Высмотрел волк самого крупного барашка, схватил его и говорит:

— Баран, баран, я тебя съем!

— Что ж,— говорит баран,— видно, такая моя доля. Становись-ка в ту лошину да разинь пасть пошире. А я взбегу на пригорок, разгонюсь и сам вскочу тебе в рот.

— Спасибо за совет,— сказал волк,— так и сделаем.

Стал он в лошину, разинул пасть, ждет. А баран взбежал на пригорок, разогнался да трах волка рогами! У того аж искры из глаз посыпались...

Очухался волк, покрутил головой и говорит:

— Не пойму: съел я его или не съел?

А в это время тот самый мужичок с косыбы домой возвращался.

Услышал он волковы слова и говорит:

— Съесть ты его не съел, а легкого хлеба отведал.

НЕБО РУШИТСЯ

Литовская сказка

ила одна старушка, и был у нее котенок. Вот пошли они веников нарезать. Пригнула старушка березку, и упал котенку листик на хвост. Закричал котенок:

— Бабушка, бабушка, бежим скорее, небо рушится!

— Не беги, кисонька, не рушится.

Тут другой листик шлеп котенку на хвост!
Запищал котенок:

— Бабушка, небо рушится, я побегу!

И ну бежать! Ну бежать!

Повстречал зайца:

— Бежим, косой,— небо рушится!

— Кто тебе сказал?

— Сам видел: мне на хвост упало!

И ну бежать! Ну бежать!

Лису повстречали:

— Бежим, лиса-краса,— небо рушится!

— А кто тебе, котенок, сказал?

— Никто не говорил, сам видел — мне на хвост свалилось!

И ну бежать! Ну бежать!

Волка повстречали:

— Бежим, серый волк,— небо рушится!

— А ты откуда знаешь?

— Сам видел: мне на хвост опрокинулось!

И ну бежать! Ну бежать!

Повстречали медведя:

— Бежим, медведь косолапый,— небо рушится!

— А кто тебе сказал?

— Сам видал: мне на хвост брякнулось!

И ну бежать! Ну бежать!

Добежали до леса, нашли там избушку, заперлись.

Все проголодались, а в избушке — пусто. Думали, думали и надумали позвать к себе на обед лося. На том и порешили:

— Давайте спрячемся, а как лось придет, навалимся на него и растерзаем.

Лиса взобралась на печку, котенок прыгнул на

жердочку, заяц под метлой притаился, волк втиснулся под печку, а медведь в печку залез.

Все попрятались, некому лосю звать. Спрыгнула лиса с печки, пришла к лосю и говорит:

— Разлюбезный лось, пожалуй к нам на обед, всего мы напекли, наготовили.

А сама первая домой прибежала и опять на печку. Тут и лось пожаловал. Только он дверь приотворил — все на него кинулись. Да вот какая беда приключилась: лиса с печки спрыгнула, шею себе свернула, котенок с жердочки скатился — лапки вывихнул, заяц из-под метлы кинулся — глазки выколол, волк из-под печки ринулся — ребра помял, медведь из печки вывалился — хребет переломил. А лось остался жив и пошел домой.

СЧАСТЬЕ, УМ И БОГАТСТВО

Балкарская сказка

аспорили однажды между собой Счастье, Ум и Богатство.

— Я важнее всех, — похвалялось Богатство.

— Без счастья и богатство ни к чему, — возразило Счастье.

— Если ума нет, не поможет ни богатство, ни счастье, — сказал Ум.

Долго спорили они, а потом решили проверить: кто из них прав.

Отправились они странствовать по свету и вскоре повстречали бедного джигита, который сеял на своем маленьком поле кукурузу.

Остановились Ум, Счастье и Богатство.

— Пусть поле бедняка покроется золотом! — повелело Богатство.

И тут же покрылось все поле бедняка золотыми самородками.

Но Ум, чтобы доказать свое могущество, взял и покинул бедняка. И лишился бедняк ума своего. Увидел он золотые самородки и решил, что это простые камни.

— Беда у меня: на мое поле выпал град из камней! — побежал с криком он по аулу.

Первым джигит повстречал богача бая*.

«Что-то встревожен мой сосед. Поеду-ка я погляжу, что там стряслось?» — подумал бай и скорее поехал в поле.

Приехал и увидел золотые слитки.

Но не подал бай виду, позвал хозяина поля и говорит:

— Так и быть, земли у меня много, выручу я тебя. Ты возьми самое лучшее мое поле, а я возьму твое, с камнями.

Обрадовался джигит, что променял свой клочок на хорошее поле. Собрал бай все золото и увез на арбах, а бедняк стал пахать новое поле.

Тогда Счастье, чтобы показать свое могущество, глянуло на бедняка и сказала:

— Будь счастлив!

Откуда ни возьмись, подъехал к джигиту отряд воинов.

— Мы давно ищем себе предводителя, — сказали воины. — Просим тебя, будь нашим предводителем.

Джигит по глупости (ум-то к нему не воротился)

не знал, что сказать, только головой кивнул. Тогда воины дали ему серебряную кольчугу, опоясали драгоценным оружием, посадили на вороного скакуна и увезли с собой. Таким выглядел джигит молодцом, что и узнать нельзя!

Остановился отряд на ночь в ауле того самого бая, что поменял свое поле на клочок земли бедняка. А у бая была дочь, красавица из красавиц.

— Давайте женим нашего начальника на дочери бая! — порешили воины и послали к баю сватов.

Бай согласился, и джигит сделался женихом его дочери.

Созвали народ повеселиться на пиру, будущего зятя посмотреть. А джигит рта не раскрывает да как-то странно по сторонам озирается.

Так он сидит день, другой, будто воды в рот набрал. Кто из байской родни ни подойдет к нему, ни заговорит, а он и слова в ответ не молвит.

— Что это он все молчит? — дивится родня. — Может, он и разговаривать не умеет?

На третий день уже и сам бай рассердился.

Видят Богатство и Счастье, что дела плохи, стали Ум просить:

— Вернись к джигиту!

Послушался Ум, вернул бедняку рассудок. Как раз в это время пришел бай и захотел поговорить.

— Скажи, джигит, — попросил он, — отчего ты все молчишь?

И тут, на удивление всем, джигит заговорил:

— Когда я был еще ребенком, напали на наш аул враги. Все жители поднялись в защиту — и мужчины, и женщины. Но отважнее всех сражался юный джигит — он один почти всех врагов одолел. А когда кончилась битва, оказалось, что тем юным джигитом была девушка, переодетая в мужское платье. Вот я и молчал два дня, все думал: можно

ли считать эту девушку храбрецом наравне с мужчинами?

Обрадовался бай, услышав, что его будущий зять так складно и мудро рассуждает.

Сыграли они на радостях веселую свадьбу. Забрал джигит молодую жену и уехал в свой аул.

А вскоре опять встретились Счастье, Ум и Богатство. И решили они, что самое главное для человека — ум! Если нет у человека ума, ни богатство, ни счастье ему не помогут.

КАК СТАРИК ШАЙТАНОВ ПЕРЕХИТРИЛ

Ингушская сказка

подножия высокой горы, на опушке леса, стояла маленькая сакля, обмазанная глиной, с плоской крышей, небольшими окнами и низенькой дверью. В той сакле жили старик со старухой. Детей у них не было. Старик ходил в лес на охоту, а старуха за домом смотрела

Однажды на рассвете шел старик лесом и под кустом увидел спящего зайца, но пожалел его и стрелять не стал. Пошел он дальше и в глубокой пещере заметил медведицу с медвежатами. Их он тоже не тронул и пошел своей дорогой.

А в том лесу с некоторых пор поселились шай-

таны. Они считали лес своим, и им не нравилось, что старик как хозяин бродит по лесу и охотится. Собрались они и порешили выжить старика из леса. Но как это сделать? Долго думали, но не могли ничего придумать. Наконец самый старший шайтан, огромный, страшный,— звали его Панк-Панк — сказал:

— Я выйду к нему и скажу: «Я — Панк-Панк, самый страшный среди шайтанов! Давай, старик, бороться с тобой! Если ты меня поборешь, то можешь и дальше в нашем лесу охотиться. А уж если я тебя поборою — ты уйдешь отсюда и больше никогда в лес не будешь приходить».

— Хитро ты придумал! — закричали шайтаны.

Отыскал Панк-Панк старика в чаще, подошел к нему и сказал:

— Я — Панк-Панк, самый страшный среди шайтанов! Давай, старик, с тобой бороться! Если ты меня поборешь, то можешь и дальше в нашем лесу охотиться. А уж если я тебя поборою — ты уйдешь отсюда и больше никогда в наш лес не будешь приходить.

— Хорошо, я согласен,— отвечает старик,— но только сначала ты поборись с моим младшим братом, а то я боюсь, что переломаю тебе все ребра.

Повел он страшного Панк-Панка к той пещере, где заметил медведицу, и говорит:

— Мой младший брат живет в этой пещере. Зайди к нему и поборись с ним. А уж если его поборешь, тогда и я стану с тобой силой мериться.

Послушался его Панк-Панк и пошел в пещеру. А медведица проснулась на шорох, поднялась на задние лапы, обхватила непрошеного гостя и давай его мять. Помяла-помяла, в пыли поваляла и сбросила в пропасть.

Выбрался Панк-Панк из пропасти еле живой, а старик тут как тут — стоит усмехается:

— Ну что, теперь со мной поборешься?

А Панк-Панк и слова не в силах вымолвить. Притворился, что не видит старика, и побрел скорее в чащу. Добрался к своим, еле в себя пришел, а потом поведал, что с ним случилось.

— Нет, никому из нас не побороть старика! — закончил он свой рассказ.

Стали шайтаны думать, советоваться, как дальше быть. Долго думали, но не могли ничего придумать.

Наконец средний шайтан, самый ловкий и быстрый, — звали его Танк-Танк — предложил:

— Я выйду к старику и скажу ему: «Я — Танк-Танк, самый быстрый и самый ловкий среди шайтанов! Давай, старик, с тобой наперегонки побежим. Если ты прибежишь первым, то можешь и дальше в нашем лесу охотиться. А уж если я буду первым — ты уйдешь из нашего леса и больше никогда сюда не вернешься».

— Хитро ты придумал!

Отыскал Танк-Танк старика в чаще, подошел к нему и сказал:

— Я — Танк-Танк, самый быстрый и самый ловкий среди шайтанов! Давай, старик, с тобой наперегонки побежим! Если ты прибежишь первым, то можешь и дальше в нашем лесу охотиться. А уж если я буду первым — ты уйдешь из нашего леса и больше никогда сюда не вернешься.

— Хорошо, я согласен, — отвечает старик, — но только сначала ты моего сына догони. Хочу убедиться, быстро ли ты бегаешь.

Повел он Танк-Танка в ту сторону, где видел зайца, который спал под кустом. Не доходя до куста, остановился, поднял сосновую шишку и бро-

сил в зайца, а шайтану сказал: «Беги за ним!» Заяц вскочил и бросился наутек, а Танк-Танк помчался за ним следом. Полдня носился он за зайцем, но так и не смог догнать его. Исцарапался он, запыхался — вот-вот задохнется. Понял Танк-Танк, что сына старика ему не догнать. Свалился на тропинку и лежит — отдышаться не может. А старик тут как тут — стоит усмехается:

— Ну что, теперь со мной наперегонки победишь?

А Танк-Танк и слова не может вымолвить. Притворился, что не видит старика, поднялся и побрел скорее в чащу. Добрался кое-как к своим, еле в себя пришел, а потом подробно рассказал шайтанам, что с ним случилось.

— Нет, никому из нас не обогнать старика! — закончил он свой рассказ.

Стали шайтаны думать, как дальше быть. Долго думали, но ничего не могли придумать. Наконец самый младший, самый сильный и самый хитрый, — звали его Манк-Манк — предложил:

— Я возьму булаву, которая нам от наших предков досталась, выйду к старику и скажу ему: «Я — Манк-Манк, самый сильный и самый хитрый среди шайтанов! Давай, старик, будем с тобой бросать эту булаву. Если ты бросишь ее выше, чем я, то можешь и дальше в нашем лесу охотиться. А уж если я брошу булаву выше, то ты уйдешь из нашего леса и больше никогда сюда не придешь».

— Хитро ты придумал!

Вышел Манк-Манк из чащи, отыскал старика и сказал ему:

— Я — Манк-Манк, самый сильный и самый хитрый среди шайтанов! Давай, старик, будем с тобой бросать эту булаву. Если ты бросишь ее выше, чем я, то можешь и дальше в нашем лесу

охотиться. А уж если я брошу булаву выше — ты уйдешь из нашего леса и больше никогда сюда не придешь.

— Хорошо, я согласен, — отвечает старик, — только начнем с тебя, ты бросай первый.

Схватил Манк-Манк тяжелую булаву, замахнулся и изо всей силы бросил ее вверх. Взлетела булава выше самых высоких деревьев, выше самой высокой горы и скрылась в тучах. И только через час послышался вой и свист и булава упала, ушла в землю по самую рукоятку.

— Теперь твоя очередь, старик! — гордо сказал Манк-Манк, самый сильный и самый хитрый среди шайтанов.

Старик взялся за рукоятку, но бросать не спешил — он знал, что такую тяжелую булаву ему и не поднять. Стоит он, на небо поглядывает и будто высматривает что-то.

А Манк-Манку не терпится:

— Что же ты не бросаешь?

Старик ему отвечает:

— В прошлом году я забросил на небо такую же булаву и пробил там дыру. Этой дыры сейчас не видно, ее облаком закрыло. Подождем, пока облако в сторону уйдет, чтобы не пробивать новых дыр.

— Что ты, что ты, старик! — испугался Манк-Манк. — Эту булаву нельзя насовсем забрасывать: она нам от наших предков досталась!

Не стал он дожидаться, что ему ответит старик, вырвал булаву из земли и бросился с нею в чащу. Бежит, а сам все оглядывается — не догоняет ли старик, чтобы отобрать заветную булаву и забросить на небо. Прибежал он к братьям своим, долго в себя не мог прийти, а потом рассказал, как старик хотел забросить на небо булаву, которая им от предков досталась.

— Нет, ничего с этим стариком нам не сделать! — сказали шайтаны.

И решили они, что лучше им самим покинуть этот лес и перебраться в другое место.

Так они и сделали. Взяли свою булаву и побрели куда-то в горы — подальше от хитрого старика.

А старик остался со своей старушкой жить в сакле на опушке леса. Он спокойно охотился в лесу, а старуха за домом смотрела.

НАСТОЯЩАЯ ЧЕПУХА

Армянская сказка

или-были муж с женой. Были они очень бедны. Была у них всего одна курица, но такая драчунья, что если спереди зайти — клювом бьет, а если сзади — то лапами. Приказал им староста курицу эту зарезать, а им жалко было резать ее. Заперли они ее в кладовку, закрыли окна и забыли про нее.

Муж однажды вспомнил про курицу и говорит:

— Жена, пойдем на курицу поглядим, что с ней стало?

— Хорошо, — говорит жена, — пойдем поглядим.

Пошли они в кладовую и видят, что вся она доверху набита яйцами. Взяли они эти яйца,

запрягли быков, положили яйца на воз, а сами сверху сели. Яичная скорлупа стала лопаться, стали из яиц выходить направо — петушки, а налево — курочки.

Вдруг из одного яйца гусь выскочил. Выскочил и побежал. Погнался за ним хозяин, а его уже другой человек изловил и на току молотить заставил. Взял этот человек и дал хозяину в придачу к гусю два мешка зерна. Нагрузил тот мешки гусю на спину и погнал его домой.

Дома видят: мешки гусю спину натерли. Сказал ему один лекарь:

— Помажь гуся ореховым маслом, ранка заживет.

Ходил-ходил хозяин, никак орехов найти не мог. В конце концов встретил одну старушку.

— Послушай, матушка,— говорит,— дай мне немного орехов, мне гуся надо вылечить.

— Когда я была ребенком,— говорит старуха,— мой отец из Индии привез орехи. Мы все орехи съели, а один под тахту закатился. Дайте мне палочку, я пошарю.

Взяли муж с женой вырвали дерево с корнем, дали его старухе, а она из-под тахты орех выкатила. Раздавили они этот орех, смазали спину гуся, а у него на спине через месяц ореховое дерево выросло. Когда гусь на лугу пасся, пастухи и ребята бросали в него комья земли, камни и палки, чтобы орехи сбить. Все это между ветвями застряло, и стал в его ветвях зеленый луг. Люди залезли на дерево, распахали луг, посеяли пшеницу и рожь, а пастухи стали там пасти быков, овец и ягнят.

Однажды один человек сорвал в этом саду арбуз, хотел его разрезать, да нож у него в арбузе застрял, застрял нож и провалился. Разделся этот человек и залез в арбуз. Долго он там бродил,

никак ножик найти не мог. Вдруг видит: идет чабан с дубинкой на плече.

— Эй, братец,— спрашивает чабан,— что ты за человек, что делаешь в арбузе?

— Ножик мой упал сюда,— говорит,— ищу, может, найду.

— Эх, зря надеешься,— говорит чабан.— Вот уже ровно два года у меня пропало здесь целое стадо овец. Я уж искать устал, а ты говоришь — нож!

Не понравились эти слова хозяину ножа, и он стукнул чабана. А чабан его дубинкой огрел, и началась тут такая драка, что арбуз свалился на землю, а из него выскочил заяц, выплюнул заяц бумажку, а на ней написано: «Все это настоящая чепуха».

ТИГР — ЗАСТУПНИК КОШКИ

Грузинская сказка

а окраине села крестьянин пахал землю. Из дому вместе с рабочим скотом прибежал и кот, и в самый разгар пахоты гонялся он на опушке леса за бабочками и кузнечиками.

В это время по лесу бежал тигр. Очень удивился тигр, завидя кошку, и спрашивает:

— Братец, ты, видно, из нашего роду, но почему ты так мал?

Хитрый кот прикинулся страдальцем и ответил:
— Эх, великий государь, царь зверей, если б вы знали, как нам тяжело жить у людей.

— Кто смеет притеснять тебя? Покажи мне того человека, и я расправлюсь с ним,— сказал тигр.

Кот повел тигра к крестьянину, который шел за плугом.

Тигр сказал:

— Эй, человек, зачем ты притесняешь моего сородича так, что он даже расти не может? Чем он провинился перед тобой? Вот я сражусь с тобой из-за него.

— Пожалуйста,— ответил крестьянин,— только я силу свою дома оставил; сбегая принесу — и сразимся.

— Ладно,— сказал тигр,— иди, я подожду тебя.

— А вдруг обманешь, уйдешь куда-нибудь, а я напрасно буду бегать! — сказал крестьянин. — Вот что, дай привяжу тебя веревкой к этому дереву, пока я сбегая в деревню, а там принесу свою силу и померяемся с тобой.

— Ладно,— согласился тигр.

Привязал его крестьянин к дереву толстой веревкой, пошел, срезал в лесу крепкую ясеневую дубинку, вернулся и говорит:

— Вот моя сила! — и давай избивать тигра.

Тигр рычал, небо и земля горели от жалости к нему, но человек не отпускал, пока не поотбивал ему бока, а потом отвязал и сказал:

— Не в свое дело не мешайся! Иди теперь и, где вздумаешь похвастать собой, не забудь помянуть и меня!

Тигр еле живой поплелся прочь. Завидев кота, он тяжело вздохнул и со стоном сказал ему:

— Молодец же ты, братец, что под властью такого зверя хоть до таких размеров дорос.

КАК ГОЛУБЬ УЧИЛСЯ ГНЕЗДО ВИТЬ

Азербайджанская сказка

е умел голубь гнездо вить и пошел к дрозду поучиться. Дрозд в этом деле был большой мастер. Когда прилетел голубь, дрозд только что начал вить свое красивое гнездо.

Сначала голубь следил очень внимательно за работой дрозда, но когда основание гнезда было готово и начали понемногу подниматься края, голубю стало скучно. Он решил, что учиться ему уже нечему, и начал кричать:

— Умею! Умею! Умею!

Взмахнул крыльями и улетел. И даже спасибо не сказал.

На другой день голубь сам принялся вить гнездо. Донышко гнезда свил, а как дальше делать, и не знает.

Тогда голубь снова полетел к дрозду и стал упрашивать, чтобы дрозд еще раз показал, как надо строить гнездо.

Но дрозд ответил:

— Ты уже хвалился, что умеешь строить, вот и сумей без меня довести работу до конца.

Так гнездо у голубя до сих пор и стоит недостроенное. Однако голубь нет-нет да и похвастается:

— Умею! Умею!

А на самом-то деле и не умеет!

ЛЬВИНАЯ ДОЛЯ

Татская сказка

о лесу шел голодный лев, а навстречу ему брели волк и лиса. Увидев царя зверей, кинулись они наутек, но лев остановил их и предложил:

— Хотите, пойдем на охоту вместе? Добычу разделим по справедливости.

Как было не согласиться!

Вышли они втроем на охоту. Поохотились. Добыча у них оказалась такая: сначала белка, потом заяц, а под конец олень.

— Ну что ж, волк, приступай к дележу, — приказал лев.

— Ты лев, — говорит волк, — ты наш повелитель. Тебе полагается первая добыча, я, уж так и быть, буду доволен последней, а лиса...

Рассвирепел лев, даже не дослушал волка, взмахом лапы свернул ему шею.

— Дели ты, лиса! — зарычал он.

— О царь зверей, о господин мой лев! — сказала лиса, поглядывая искоса на мертвого волка. — Ты самый могучий из нас, тебе — львиная доля. Зайца ты съешь утром, оленя — в обед, белку на ужин. А мне, малому зверю, много ли нужно! Что оставишь, то и довольно!

Очень понравился льву такой дележ.

— Какая ты умница! — воскликнул он. — Откуда у тебя столько ума?

— Я умна, потому что иногда мне доставался

кусочек от волчьего языка,— скромно ответила лиса.

С тех пор лев и лиса неразлучны. Он охотится, а она подбирает остатки.

КАК СТАРЫЙ КОТ ОБРАТИЛСЯ В ХАДЖИ

Адыгейская сказка

оту на старости лет стало трудно ловить мышей.

«Плохо мое дело,— подумал кот,— надо что-то придумать».

И придумал.

Намотал на голову чалму в знак того, что он уже стал хаджй*, и велел передать мышам, что он покаялся в своих грехах и хочет помириться с мышами.

— Стар я уже стал и чувствую, что не сегодня завтра умру,— передал кот мышам.— А среди вас есть такие, у кого я съел отца, мать или сына. Соберитесь все на собрание, и я буду просить у мышей, чтобы они простили меня.

Услышав об этом, мыши обрадовались, возликовали. Но среди них оказалось и много таких, которые не поверили раскаянию кота.

— Святых котов не бывает! — говорили они.—

Тому, кто поедал нас, а теперь говорит, что не будет нас есть,—верить нельзя!

Больше всех не верили коту две старые мыши — Асран и Ауджéдж; они сами не верили и других мышей предостерегали.

Но большинство мышей не послушали их уговоров и пошли на собрание, назначенное котом-хаджи. Старые, опытные мыши, Асран и Ауджедж, не пошли на собрание, взобравшись на плетень, они издали наблюдали за происходящим.

И вот мыши собрались. Пришел и кот-хаджи.

— Очень хорошо, что вы собрались,— Аллах сделай вас здоровыми,— сказал кот.— Но это место не подходит для собрания. Я стал стар и слабоват глазами. Лучше вы войдите в печь, я сяду у дверцы, и так мы будем разговаривать, чтобы лучше видеть и слышать друг друга.

Кот говорил тихим и мягким голосом, и мыши послушались его.

Подбадривая друг дружку и весело шутя, они вошли в печь и расселись там. Кот-хаджи сел у дверцы.

И только что мыши ладненько высказали коту свои жалобы, как он выпустил свои страшные когти и стал хватать мышей и сворачивать им шеи.

Так и передавил всех мышей, собравшихся в печке. Остался в живых только один молодой мышонок Сали́м.

— Тебя я отпущу, чтобы ты мог рассказать тем двум старым мышам — Асран и Ауджедж, что произошло с остальными мышами! — сказал кот и, ободрив ему уши, отпустил.

Вывавшись из лап кота, мышонок Салим пустился бежать от него со всех ног.

— Ох, кажется, чего мы боялись, то и случилось! — в страхе сказали две старые мыши, Асран и

Ауджедж, увидя бегущего мышонка.— Смотри — у этого мышонка нет обоих ушей! Салим! Что случилось? — в сильной тревоге пискнули старые мыши, когда мышонок поравнялся с ними.

— Вестей хороших нет! — дрожа от страха, отвечал мышонок.— Из всех мышей, которые собрались в печке, ушел живым только я один, да и то оставил там свои уши.

Услышав это, старые мыши со страху попадали с плетня, и при этом Асран сломала себе ребро, а Ауджедж — лапку.

Тяжело раненных, их отнесли в дом; они долго лежали там и не допускали к себе ни мышиного лекаря, ни других мышей.

Долгое время они не пускали к себе никого. Пустили только одну старую мышь — из уважения к ее старости.

— Что такое случилось с вами, мои дети? — спросила мышь-старуха, войдя в дом, где они лежали, и поставила перед ними немного теплого хантúпса*, который она принесла с собой, чтоб угостить больных.

— Ох, случилось такое горе, что геперь не стоит и жить на свете...— отвечали ей те две мыши.

— Ну, до этого еще не дошло,— стала утешать их мышь-старуха.— Когда-то со мной случилось еще и не такое горе: моих девятерых мышат заклевал орел, моих десятерых мышат задушила просяная шелуха. И вот хотела я тогда удавиться, но у меня не хватило сил поднять на себя руки... Взобравшись на балку, я бросилась оттуда вниз головой, чтобы разбиться, но упала в корзину с шерстью и осталась невредимой. После этого я решила сломать свои зубы о твердый сыр. Думала так. «Оставшись без зубов, скорее умру». Стала грызть

сыр — и что же? — зубы не сломались. «Утоплюсь в масле», — решила я. Но, всунув голову в густое масло, не утонула — опять осталась жива.

И вот — живу и веселюсь, и ничуть не жалею о том, что мне тогда не удалось покончить с собой! — бодро закончила старая, мудрая мышь. — Советую и вам выбросить из головы невеселые мысли. Ваше горе, в сравнении с моим, — небольшое горе.

Уходя от больных, старушка-мышь посоветовала им допустить к себе лекаря и принимать пищу, которую им принесут.

Те послушали ее и скоро выздоровели. Потом они вывели маленьких мышат, и после этого мыши размножились вновь.

ПАУК И МУХА

Латышская сказка

давние времена
жизнь на земле была очень трудной, потому что не было огня. Как только зайдет солнце, уже и не видно ничего, и холодно. Люди, правда, знали, что огонь есть в самой глубине адского пекла. Но никто не мог туда спуститься и достать огня.

В те времена миром правил один-единственный король.

У короля была такая власть, что его приказов слушались не только люди, но и все звери, насеко-

мые и всякая другая живность, какая только находилась на земле и в воздухе.

Однажды король объявил большую награду тому, кто спустится в пекло и вынесет огонь. Многие пытались, но ни один человек не смог достать огня.

Все же король решил во что бы то ни стало добыть для людей огонь. Он созвал всех своих советников и велел им придумать еще большую награду герою, который вынесет на землю огонь.

Советники долго думали и наконец решили: тот, кто принесет огонь, на веки вечные может бесплатно есть за любым столом.

Гонцы разнесли эту весть по всему свету, объявили ее не только людям, но и зверям, и птицам, и насекомым. Много героев пускалось в опасный путь, но никто не мог вынести огонь из ужасной глубины.

Но вот услышал королевскую весть Паук и сразу решил добыть огонь. Он спешно принялся вить веревки, чтобы на них спуститься в преисподнюю. Когда веревки были готовы, Паук, не сказав никому ни слова, отправился в ад.

Добравшись до края ада, смельчак привязал конец веревки к крепкому корню дуба и опустился на самое адово дно, подобрался к костру, выхватил горящую головешку, вихрем помчался обратно к своей веревке и благополучно выбрался наверх.

Хотя Паук и умел ловко лазить, все же, поднимаясь из такой глубины, да еще с ношей, он сильно устал. Очутившись на земле, Паук лег немножко отдохнуть, а огонь положил рядом. Паук хотел лишь чуть-чуть вздремнуть, но его обуял сон, и он крепко заснул.

Настала пора выгонять скот, а Паук все еще спал. И тут Мухе, которая летала взад-вперед

неподалеку, в нос ударил странный запах. Она оглянулась кругом и вдруг видит чудеса в решетке: возле Паука пылает огненная головешка!

Муха поняла, что это Паук вынес огонь из ада. И что же она сделала?

«Разве такой соня знает, как с огнем обращаться? Будет спать, пока огонь не погаснет! А благодарность мне пригодится больше, чем ему!» — решила она.

И, быстро схватив головешку, Муха улетела.

Она принесла королю головешку и говорит:

— Получай, владыка, огонь! С опасностью для жизни вынесла я его из самого пекла. Давай обещанную награду!

Король был очень рад. Устроил пир в честь Мухи и выдал ей такую грамоту: на веки вечные Муха может обедать за всеми столами.

Паук проснулся лишь к концу дня. Глядит — пропала головешка! Заволновался Паук, забегал. У всех спрашивает, не видал ли кто вора. А все смеялись над Пауком: помешался он, что ли? Ведь уже давно известно, что это Муха с опасностью для жизни вынесла огонь из самого пекла.

Услышав об этом, Паук действительно чуть не помешался от обиды. Начал он кричать во весь голос:

— Муха — воровка! Муха — воровка! Она меня обокрала! Это я вынес огонь из пекла, и только мне полагается обещанная награда!

Многие поверили рассказу Паука, но только головой покачали: поздно, ведь Муха уже получила грамоту.

Это еще больше разобидело Паука. Падая и спотыкаясь, еле переводя дыхание, Паук потащился к королю, чтобы рассказать, как Муха его обокрала.

Муха сидела на почетном месте, по правую руку короля. Паук стал рассказывать, как было дело.

— Паук все врет,— сказала Муха.— Найдется ли хоть один, кто видел бы Паука с огнем? Ни одного!

ПЕТУШОК И КУРОЧКА

Украинская сказка

или себе дед да баба, а у них была курочка да петушок. Дед с бабой померли, а петушок и курочка все без них поели — и бобочки, и все дочиста. Сели на насесте. Петушок: «Кукареку!» — схватил камешек, да и подавился. Вот курочка плакала-плакала, побежала потом к морю воды просить:

— Море, море, дай воды!

— Зачем воды?

— Петушку воды:

Лежит петушок на горе

И не дышит,

Только хвостиком

Все колышет.

А море говорит:

— Ступай к волу, пускай рог даст!

Она и пошла, просит:

— Вол, вол, дай рог!

- Зачем рог?
- Морю рог: море воды даст.
- А зачем вода?
- Петушку вода:

Лежит петушок на горе
И не дышит,
Только хвостиком
Все колышет.

- А вол и говорит:
- Так ступай к кабану: пускай клык даст!
- Пошла она, просит:
- Кабан, кабан, дай клык!
 - Зачем клык?
 - Волу клык: вол рог даст.
 - Зачем рог?
 - Морю рог: море воды даст.
 - А зачем вода?
 - Петушку вода:

Лежит петух на горе
И не дышит,
Только хвостиком
Все колышет.

- Так ступай к дубу: пускай желудь даст!
- Вот курочка и пошла:
- Дуб, дуб, дай желудь!
 - Зачем желудь?
 - Кабану желудь: кабан клык даст.
 - Зачем клык?
 - Вол рог даст.
 - Зачем рог?
 - Море воды даст.
 - А зачем вода?

— Петушку вода:

Лежит петух на горе
И не дышит,
Только хвостиком
Все колышет.

- Так ступай к девке: пускай нитки даст!
Вот курочка пришла и говорит:
— Девка, девка, дай ниток!
— Зачем нитки?
— Дубу нитки: дуб желудь даст.
— Зачем желудь?
— Кабану желудь: кабан клык даст.
— Зачем клык?
— Волу клык: вол рог даст.
— Зачем рог?
— Морю рог: море воды даст.
— А зачем вода?
— Петушку вода.

Лежит петух на горе
И не дышит,
Только хвостиком
Все колышет.

- Так ступай,— говорит,— к бабе: пускай
масла даст!
— Баба! Баба, дай масла!
— Зачем масло?
— Девке масло: девка ниток даст
— Зачем нитки?
— Дубу нитки: дуб желудь даст.
— Зачем желудь?
— Кабану желудь: кабан клык даст.
— Зачем клык?

- Волю клык: вол рог даст.
- Зачем рог?
- Морю рог: море воды даст.
- А зачем вода?
- Петушку вода:

Лежит петух на горе
И не дышит,
Только хвостиком
Все колышет.

— Так ступай ты к липе: пускай липового цвету
даст!

Она и пошла:

- Липа! Липа, дай цвету!
- Зачем тебе цвет?
- Бабе цвет: баба масла даст.
- Зачем масло?
- Девке масло: девка ниток даст.
- Зачем нитки?
- Дубу нитки: дуб желудь даст.
- Зачем желудь?
- Кабану желудь: кабан клык даст.
- Зачем клык?
- Волю клык: вол рог даст.
- Зачем рог?
- Морю рог: море воды даст.
- Зачем вода?
- Петушку вода:

Лежит петух на горе
И не дышит,
Только хвостиком
Все колышет.

Дала ей липа липового цвету, баба за липовый
цвет масла, девка ниток, дуб за нитки желудь,

кабан за желудь — клык, вол за клык — рог, а море за рог воду дало.

Вот напоила курочка петушка, да и живут себе, хлеб жуют и постóлом* добро возят.

КУКЛУХАЙ

Даргинская сказка

поле стояло дерево, было в дереве дупло, в дупле гнездо, в гнезде трое птенцов, а с ними их мать, Куклухáй-птица.

Проходил однажды полем хан-волк, увидел Куклухай с ее детками и зарычал:

Это поле мое,
В поле дерево мое,
В дереве дупло мое,
Что в дупле — все мое!
Куклухай, Куклухай,
Сколько у тебя детей?

— У меня их всего трое, — ответила Куклухай. Разгневался хан-волк:

— Почему трое?.. Значит, один растет без пары! Отдай его мне, а не то прикажу срубить дерево. Скоро зима, мне дрова нужны.

Заплакала Куклухай, захлопала крыльями и бросила волку одного птенца. Волк проглотил его и ушел.

Но назавтра он пришел опять и опять завыл под деревом:

Это поле мое,
В поле дерево мое,
В дереве дупло мое,
Что в дупле — все мое!
Эй, Куклухай, Куклухай,
Сколько у тебя детей?

— У меня их всего двое осталось,— сказала Куклухай.

— Зачем тебе двое? Живешь ты бедно. Двоих тебе будет трудно вырастить. Отдай мне одного на воспитание.

— Нет! — сказала Куклухай. — Не отдам!

Тогда хан-волк кликнул дровосеков, и дровосеки пришли с острыми топорами.

Горько заплакала Куклухай и отдала волку еще одного птенца.

На другой день пришел волк в третий раз и завыл громче прежнего:

Это поле мое,
В поле дерево мое,
В дереве дупло мое,
Что в дупле — все мое!
Эй, Куклухай, Куклухай,
Сколько у тебя детей?

— У меня теперь один-единственный сын,— ответила Куклухай, еле живая от горя.

— Ну, я избавлю тебя от забот о нем. Я беру его на службу к себе, а ты гуляй себе по лесам.

— Нет, не отдам я его! Делай что хочешь,— заплакала Куклухай.

Тогда волк рассердился и приказал дровосекам рубить дерево. Топоры ударили, дерево дрогнуло, и последний птенец выпал из гнезда. Хан-волк съел его и ушел.

Громко закричала Куклухай и улетела далеко в лес, села на кизилковый куст и запела:

В поле дерево росло,
Было в дереве дупло,
Было гнездышко в дупле,
Жили деточки в тепле,
А теперь не стало их,
Бедных деточек моих.

Откуда ни возьмись, прибежал хитрый лис, который давно уже хотел стать ханом вместо волка.

— О чем плачешь, милая Куклухай? — спросил он сладко.

И доверчивая Куклухай рассказала все, как было.

— Не плачь, милая Куклухай, — сказал лис. — Я добрый. Я помогу тебе отомстить злому волку. А ты лети-ка по лесам и всем рассказывай, какой он злой.

И Куклухай полетела рассказывать о злодействе хана-волка.

А лис пошел прямо к волчьему логову.

— Куда торопишься, лис? — спросил волк, завидев лиса.

— Бегу на мельницу поживиться мукой. Мельничиха пошла к соседям огоньку попросить, и на мельнице никого нет... Хочешь, вместе пойдем, хан-волк?

— Пойдем, — сказал волк.

Пришли они на мельницу. Волк первый забрался

в ларь и наелся муки досыта. А когда пришла очередь лису лезть, он сказал:

— Ты, хан-волк, стой на страже. Только смотри не вздумай удрать!

— Что ты, лис, я и не собирался! Ешь спокойно.

— Нет, хан-волк, лучше давай я тебя привяжу. Это ведь ненадолго.

— Ну что ж, если ненадолго — привязывай.

Лис привязал хвост волка к мельничному колесу и пустил мельницу. Колесо закружилось, и с ним вместе волк. Било его, кружило его, а он рвался изо всех сил, пока не вырвался и не убежал. А хвост свой оставил на мельничном колесе.

Через несколько дней лис, будто случайно, снова попался хану-волку навстречу.

— Разбойник! — зарычал волк. — Ты что со мной сделал?

— А что я такое сделал? — лис притворился удивленным. — Я тебя в первый раз вижу.

— Как, разве не ты заманил меня на мельницу? Разве не ты оставил меня без хвоста?

— Что ты, что ты! — вскричал лис. — Я здесь совсем ни при чем. Я старый лекарь и занимаюсь только тем, что раны лечу.

— Вылечи меня, пожалуйста, — попросил волк. — Стыдно в лес без хвоста показаться. Кто же станет уважать бесхвостого хана!

— Никто не станет, — подтвердил лис. — Я тебя вылечу. Только помни: слушайся меня!

Лис привел волка к стогу сена.

— Спрячься в стог, — сказал он, — не вылезай, пока я не позову.

Волк залез в стог, а лис поджег сено и убежал. Волк терпел, пока не загорелась на нем шерсть. Выскочил из стога, бесхвостый, бесшерстный, и тут же издох от боли и досады.

— Ну вот,— сказал лис Куклухай-птице,— с волком я расправился. Теперь лети, скликай всех птиц. Пусть выберут меня ханом вместо волка. Я ведь добрый!

И Куклухай полетела из конца в конец по всему лесу и везде пела песни о доброте лиса.

А сам лис тоже рассказывал всем, какой он хороший и как он наказал злого хана-волка.

— Теперь,— говорил он,— надо выбрать нового хана, да чтоб была у него пушистая шкура и длинный хвост.

Все согласились выбрать лиса ханом. Только куры были не согласны. Но их никто не слушал.

И сделался лис ханом.

Наступила весна, и снова вывела Куклухай птенцов.

Села она на верхушку дерева и запела такую песню:

Что за счастье у меня,
Что за детки у меня:
У них растут перышки,
Вырастают крылышки,
Скоро детки полетят,
Будут по лесу гулять...

Не успела Куклухай кончить свою песню, как увидела хана-лиса в золотом платье с серебряным кинжалом. Лис выступал важно и шел прямо к дереву, а за ним шагали два дровосека с острыми топорами.

Подошел лис к дереву и закричал:

Это поле мое,
В поле дерево мое,
В дереве дупло мое!

Что в дупле — все мое.
Куклухай, Куклухай,
Всех детей мне отдай!

— Послушай, добрый лис,— закричала Куклухай,— ведь это я живу здесь со своими детками, я, Куклухай-птица!.. Ведь мы с тобой были друзьями, пока ты не сделался ханом.

— Глупая ты птица,— ответил лис.— Не можешь отличить, где правда, а где обман,— и велел дровосекам срубить дерево под корень.

Дерево срубили, лис съел птенцов и ушел.

Так поплатилась Куклухай за то, что поверила обманам хитрого лиса. Ведь хан-лис ничем не лучше хана-волка.

ЛИСИЦА-ХИТРИЦА

Белорусская сказка

или дед и баба. Ничего у них в хозяйстве не было, одна только курочка Хохлатка.

Жили они, жили и дожились до того, что и варить-то больше нечего. Вот дед и говорит бабе:

— Баба, а баба, свари, пожалуй, Хохлатку, а то что ж?..

Замахала баба руками:

— И что ты, дед, надумал! Уж лучше будем голодные, а Хохлатку варить я не дам.

Услыхала то курочка, побежала во двор, нашла там бобовое зернышко и принесла его бабе.

Говорит дед:

— Вот и хорошо! Свари, баба, хоть этот бобочек.

Поглядела старуха на бобок:

— Дед мой, дед, да какая ж с одного-то бобочка еда? Я для него и горшка не подберу. Лучше давай-ка посадим его. А как вырастет, испечем целый бобовый пирог.

— А где ж мы его посадим? — спрашивает дед.

— В поле.

— В поле его ворона выклюет.

— Ну, во дворе.

— Во дворе его курица выгребет.

— Давай посадим его тогда под полатями, в хате.

— Ладно, — согласился дед и посадил бобовое зернышко под полатями, в хате.

Взошел бобок и давай расти. Рос, рос, уперся в полати.

— Что нам, баба, делать? — спрашивает дед.

— Надо полати разбирать.

Разобрал дед полати, а боб растет и растет — вырос до самого потолка.

— Что нам, баба, делать? — опять спрашивает дед.

— Надо потолок разбирать.

Разобрал дед потолок, а боб растет и растет — вырос под самую крышу.

Дед и крышу разобрал. Выглянул бобок на свет и давай расти еще веселей. Вырос до самого неба.

Взял тогда дед мешок, полез по стеблю на небо, собрал спелые стручки и назад воротился.

Обрадовалась баба — принес дед целый мешок бобовых стручков.

— Ну, теперь-то мы уж пирога наедемся!

Пошелушила баба стручки, высушила бобы на печи, смолола и замесила в дёже* на пирог тесто.

А тесто подымается и подымается — лезет вон из дежи. Положила его баба на лопату, вылепила из него пирог, разукрасила разными узорами, чтоб был красивей, — и в печь.

А пирог растёт и растёт — из печи на шесток лезет. Открыла баба заслонку, а он прыг в хату, из хаты за порог и убежал.

Бросились дед с бабой догонять пирог. Да где там!.. Так и не догнали.

Прикатился пирог в лес. А тут навстречу ему рыжая лиса. Схватила она пирог, выела мякиш, в середку шишек напихала и побежала с пирогом к пастушкам.

Нашла в поле пастушков и говорит:

— Пастушки, пастушки, дайте мне бычка-тре-тьячка, я вам за это пирог дам.

Видят пастушки — хорош пирог у лисы: жел-тенькая корочка так и блестит, так и хочется его отведать. Подумали и отдали лисе бычка-тре-тьячка.

— Только смотрите ж не ешьте пирог, пока я не заеду за горку, — говорит лиса.

Села она верхом на бычка и поехала. И только скрылась за горкой, пастушки и говорят:

— Сядем на песочке, съедим по кусочку!

Разломил пирог, а в нем одни только шишки еловые... Обманула их лисица-хитрица!

Едет лиса на бычке, видит — стоит на дороге пустая повозка, а недалеко человек пашет. Подкра-лась она тихонько к повозке, запрягла в нее бычка-

третьячка, уселась на мягкой соломе и едет себе дальше, кнутом бычка погоняет.

Приехала в лес. Идет ей навстречу волк. Набегался, уморился, еле ноги волочит.

— Куда, кума, едешь? — спрашивает.

— За тридевять земель, в тридесятое царство.

— Зачем?

— Там, говорят, столько кур, что и коршуны их не клюют.

— А бараны в том царстве водятся? — облизнулся волк.

— Да там их хоть пруд пруди!

— Ох, лисичка-сестричка, возьми и меня с собой: подвези хотя бы мой хвост.

— Что ж один-то хвост везти? Садись весь ты.

Сел волк. Едут дальше. Встречают медведя.

— Куда, кумовья, едете?

— За тридевять земель, в тридесятое царство...

— Зачем?

— Там, говорят, и коршуны кур не клюют, — отвечает лиса.

— Да там, говорят, и баранов хоть пруд пруди, — поддакивает волк.

— А меду там много?

— Да там, говорят, медовые реки текут!

Обрадовался медведь:

— Так возьмите и меня с собой. Хоть одну лапу подвезите.

— Что ж одну лапу везти? Уж садись ты весь.

Уселись втроем, едут дальше. Вдруг сломалась оглобля.

Говорит лиса медведю:

— Ступай, кум, принеси оглоблю.

Пошел медведь в лес, нашел вывороченную ель

и притащил к повозке. Увидела лиса, раскричалась:

— Ах ты, медведище, ах ты, дурачище, разве это дерево для оглобли! — и к волку: — Ступай, кум, принеси-ка оглоблю потоньше.

Пошел волк и принес кривой еловый сук. Лиса и на него накричала, плюнула и пошла сама за оглоблей. А тем временем медведь с волком съели бычка-третьячка, шкуру соломой набили, на ноги поставили и пошли себе, посмеиваясь.

Вернулась лиса, глядь — ни волка, ни медведя, только бычок стоит. Приладила она оглоблю, села в повозку, махнула на бычка кнутом, а тот — брык! — и повалился.

Поглядела лиса на бычка и обо всем догадалась.

— Постойте же вы у меня! — пригрозила она волку и медведю и пошла своею дорогой.

Долго ли она шла, а в пути уж осень ее застала. Встречает волка, того, что бычка съел:

— Здравствуй, кум! Как поживаешь?

— Плохо, — говорит волк. — Видно, простыл под дождем, так весь и трясусь. зуб на зуб не попадает.

— Значит, надо новый тулуп сшить, — советует лиса.

— Ты верно, кума, говоришь, — согласился волк.

Побежал на выгон, схватил овечку и притащил в лес.

— Хватит на тулуп? — спрашивает у лисы.

— Мало, — говорит лиса.

Принес волк еще одну овечку.

— А теперь хватит?

— Нет, надо еще одну.

Притащил волк и третью.

— Ну а теперь, — говорит лиса, — надо портного искать.

— Где ж мне искать его, кумушка?

— Я знаю хорошего портного. Пойдем к нему
Привела лиса волка на луг. А там в кустах на
привязи жеребец пасся.

— Вот он, портной.

Засмеялся волк:

— Да какой же это портной? Нет, кумушка, как
хочешь, а ума у тебя мало.

Обиделась лиса:

— Ты о моем уме не слишком-то языком бол-
тай! Была я умной и буду, а ты как был дураком,
так дураком и останешься.

Тут уже волк обиделся, даже обозлился:

— Еще посмотрим, кто из нас поумней!

— Не хвались наперед,— говорит лиса,— вот
увидишь, как с тебя сейчас шкуру сдерут.

— Кто сдерет? — щелкнул зубами волк.

— Хозяин этого коня.

— Не может быть! — не верит волк.

— Вот увидишь. На чем жеребец привязан? —
спрашивает лиса.

— На веревке.

Засмеялась лиса:

— Вот и видать, что ты дурак!

— Почему? — подскочил волк.

— Жеребец к колу привязан.

— Не может быть! — захлопал глазами волк.

— Идем покажу.

Подвела лиса его к колышку, к которому был
привязан конец веревки, сняла веревку, сделала
петлю и закинула волку на шею. Не успел волк и
опомниться, как очутился в петле. Тут подбежала
лиса к жеребцу, замахала хвостом. Жеребец испу-
гался и как бросился бежать домой.

Вот так и притащил он в петле волка своему
хозяину. Ну а там с него и шкуру сняли.

Вернулась лиса в лес, закопала овечек в мох про запас, одни только мозги на обед оставила. Села под елью и ест.

Идет медведь, тот, что бычка съел.

— Что это ты, кумушка, жуешь? — спрашивает.

— Мозги. Ты слепой, что ли?

— А где ж ты достала их?

— Из головы. И ты можешь достать, если хочешь.

— Как?

— Очень просто: разгонись да стукнись головою об дуб, вот мозги и выскочат.

— Спасибо, кума, за добрый совет. Так я и сделаю. А то есть давно хочется.

Нашел он самый толстый дуб, разогнался из всей силы да как грохнулся об него лбом!

Тут ему и конец.

А лисица-хитрица наелась и пошла запивать водой из ручья. Увидали ее пастушки.

— А-а, старая обманщица! — закричали они в один голос. И напустили на лису собак.

ПЕС ЧАБАНА

Молдавская сказка

ил-был чабан, и была у него большая отара овец, которых сторожил старый преданный пес... Много волков и медведей

уничтожил он на своем веку. Да с некоторых пор стали ослабевать его силы — с трудом поднимался он с земли, начала облезать шерсть. Чабан, увидев, что в один прекрасный день может остаться без охранителя, нашел где-то щенка и стал его приручать. А так как он был хорошим хозяином, то продолжал ухаживать за обоими псами. Но вот стал щенок задираться со старым псом из-за пищи. Жадный и ненасытный, он все боялся, что останется голодным.

Как-то подластился он к чабану, потерял об его ноги, а потом и говорит ему:

— Хозяин, ты бы прогнал этого старого пса, он только еду зря переводит. А так мне больше достанется: быстрее вырасту, окрепну, ведь вся твоя надежда на меня, а он пусть идет на все четыре стороны, все равно пользы от него уж ждать нечего.

Чабан послушался совета и принялся покрикивать на старую собаку, сегодня тихо, завтра — громче, когда словом обидит, когда и палку пустит в ход. Увидел бедный пес, что не житье ему у хозяина, а каторга, и, понунив голову, побежал прочь. Бежал он сколько, бежал и добежал до леса. Там принялся рыскать в поисках еды, ищет то там, то здесь, но ничего не находит. От голода и напрасных поисков совсем уж лишился он сил. Но вот повстречалась ему на пути избушка. Вошел он в нее, сел и призадумался: «Ну и удружил мне этот щенок! Теперь, видно, не останется ничего другого, как распрощаться с жизнью».

Сидел он так и проклинал свое житье-бытье, как вдруг видит в окошко волка, приближающегося к избушке, — тут проходила как раз тропинка волков. Собака не ошетинулась: знала, что волки, когда сыты, не трогают никого. Волк подошел к избушке и спрашивает:

— Мэй, ты кто таков?

— Сапожник,— отвечает пес.

— И что ты умеешь делать?

— Постóлы, сапоги, все, что можно сделать из кожи.

— Вот хорошо, сапожник, уж с каких пор собираюсь я себе сапоги заказать.

— А кожа есть?

— Нету. А какая требуется?

— Для подошвы — телячья, для передков — свиная, для голенищ — гусиная.

— Значит, по рукам. Сработаешь мне сапоги!

— По рукам, кум, только приволоки мне живого теленка, я сам с него шкуру сдеру, сам и дубить буду.

— Ладно, сапожник.

Рыскал-рыскал волк по полям, по стадам и вот тащит молодого быка.

— Хорош?

— Хорош. А через три дня мне понадобится и свинья.

Волк убежал, а пес принялся за бычка. Поест-поест, отдохнет малость, воды попьет и опять ест. За три дня в самый раз управился с бычком. Волк, думаячи только о сапогах, сдержал слово: на третий день приволок огромного кабана.

— Вот, сапожник, притащил, сгодится на передки?

— Лучше и не надо.

— Когда сапоги-то готовы будут?

— Принеси теперь четырех гусей на стельки да на голенища — в три дня сработаю.

Волк радуется не нарадуется. На второй же день притащил четырех гусей и все места себе не может найти — не дождется, когда сапоги обует. А пес, братец ты мой, знай себе ест да спит. Закусывает

то свининкой, то гусятинкой, добро — и вода ключевая под боком. Если это был не рай, близко к раю это было. От сытной еды окреп пес, набрался сил, шкура на нем стала лосниться от жира, так что казался он двухлетком — так помолодел.

Тут и срок подошел — является волк.

— Ну, готовы сапоги, сапожник?

— Что это за сапоги ты требуешь, зверюга? — выскочил пес из избушки.

Волк от удивленья на хвост присел, пес же бросился на него и давай разрывать зубами. Бедный волк, предчувствуя конец, так взвыл, что сбежались к ним все волки из ближнего леса. Пес же со всеми так расправлялся, что только деревья качались. Как вгрызался зубами раз — сразу троих с землей сравнивал. Через какое-то время примчался и царь волков. Увидел такую свалку и закричал:

— Довольно, волки! Оставьте пса в покое и бегите ко мне.

Волки отступили, а царь принялся их отчитывать:

— Мэй, клыкастые, зачем вы связались с этой псиной, иль хотите, чтобы он вам всем перегрыз горло, так чтоб и рода вашего не осталось? Не видите, как он силен и ловок, — никто из вас не может устоять против него! Идите, дайте ему денег, сделайте все, чтоб он ушел отсюда куда глаза глядят, иначе не будет нам покою.

Побежали тогда четыре волка к псу:

— Ваше высочество, сколько заплатить вам иль что сделать, чтоб вы покинули лес и оставили нас?

— Коль утащите из отары такого-то чабана (тут он назвал имя своего хозяина) двух овец, мне другого вознагражденья не надо.

Волкам порученье пришлось по вкусу.

Побежали они под гору, куда пес указал, и

недалеко от отары овец принялись выть и лязгать зубами. Молодой пес от страха поднял хвост трубой и — поминай как звали. Бедный же чабан не мог справиться с четырьмя волками одной палкой. Свистел, кричал, да все напрасно: волки бросились к овцам, схватили двух из них и собрались в обратный путь. Тут выбежал им навстречу наш пес (а он тихонько раньше пробрался к отаре) и давай рвать волков зубами, кромсать, так что те еле-еле унесли ноги.

Ох и обрадовался чабан, увидев, как расправляется с волками его старый друг! Приласкал его, накормил, а молодого пса, когда тот вернулся, побил и прогнал прочь от загона.

Стал старый пес, как и прежде, жить в довольстве у чабана: и корм у него был, и уход, и крыша над головой.

И чем он старше становился, тем усерднее чабан ухаживал за ним. А когда настало время искать чабану другого пса, нашел он такого, который был похож на старого: прилежно охранял отару и не боялся волков.

ЛИСА-СИРОТА

Башкирская сказка

днажды весной встретились медведь, волк, собака и заяц. Они пожаловались друг другу на то, как плохо жилось им зимой:

было холодно и трудно добывать пищу. И стали они держать совет.

— Давайте жить вместе, так будет лучше! — сказал медведь.

Все согласились с этим. Построили они избу на лесной поляне и начали жить вместе. Как-то раз медведь говорит:

— Друзья, пора готовиться к зиме: надо бы купить нам корову. Собака будет пасти ее. Глядишь, к зиме наберем батман* масла.

Остальные охотно согласились с медведем. В тот же день они пошли на базар, продали шкурки убитых ими зверей и на вырученные деньги купили корову.

Собака каждый день выводила корову на поляну и пасла ее, а волк каждый вечер доил ее. Заяц выводывал, где лучше трава для коровы, а медведь распоряжался всем хозяйством.

Так прошло все лето, и к осени друзья собрали целый батман топленого масла.

— Надо поставить батман с маслом в избу, под крышу, — сказал медведь. — Пусть никто пока не трогает масло. Когда наступит зима, будем брать его понемногу и жарить картошку.

Опять все согласились с медведем — батман с топленным маслом подняли и спрятали под крышей избы.

Однажды вечером они сидели за чаем: вдруг кто-то постучался. Послали зайца открывать дверь.

Видят — пришла лиса, а в лапе кумган* держит, а сама кроткая, тихая и низко кланяется.

— Здравствуйте, дорогие друзья! Добрый вечер! Хозяева поздоровались с ней и пригласили пить чай.

Села лиса за стол и начала говорить тихо и скромно:

— Я одинокая сирота. Возьмите и меня в свою семью.

— Ладно, сегодня будем держать совет, взять или не взять тебя в нашу семью, завтра придешь за ответом,— сказал ей медведь.

Лиса поблагодарила хозяев за чай и ушла.

— Жаль ее. Такая она скромная и тихая, надо принять,— решили хозяева.

На другой день утром пришла лиса. Объявили звери о своем решении принять ее в свою семью. И стала лиса жить у них.

Вела она себя скромно, всех слушалась и всеми силами старалась угождать не только медведю, волку и собаке, но даже и зайцу.

Вскоре лиса узнала, что под крышей избы спрятан батман с топленным маслом. Любит лисонька масло! Решила она одна съесть масло и стала придумывать хитрость.

Наконец придумала — на то она и лиса!

Как-то вечером лиса сказала, что идет проверить, крепко ли заперты ворота. Вышла она за дверь, подошла к окну, постучала в него и спросила не своим голосом:

— Дома ли лиса-сирота?

— Дома, дома, сейчас придет со двора,— ответили ей.

— Скажите ей, чтобы она сейчас же шла к нам — дать имя новорожденному барсуку.

— Хорошо,— ответили из дому.

Лиса вернулась в избу.

— Лисичка, сейчас только приходили звать тебя к новорожденному барсуку,— сказал медведь.

— Что ж, надо сходить,— ответила лиса.

Собралась она и вышла из избы. Обошла она избу кругом, вспрыгнула под крышу, нашла батман

с маслом и стала его есть. Наелась лиса досыта, отдохнула и вернулась домой.

— Чем угощали? — спросили ее.

— Жареным гусем, вареной курицей и маслом, — ответила лиса и облизала жирные губы.

— Каким именем нарекли? — спросила собака.

— Початок, — ответила лиса.

На следующий день лиса сказала, что ей опять надо идти давать имя, а сама вышла, забралась под крышу и съела масло до середины батмана.

— Какое имя дали новорожденному? — спросил лису заяц, когда она вернулась.

— Середка, — ответила лиса.

На третий день лиса опять залезла под крышу и съела все масло. Она дочиста вылизала батман и вернулась домой.

— Каким именем нарекли? — спросил ее медведь.

— Последок, — ответила лиса.

А тут подошла и зима с морозом и вьюгой.

Вот однажды медведь говорит:

— Ну, друзья, надо принести немного масла и нажарить картошки.

— Давайте, давайте! — радостно согласились остальные.

— Иди, лиса, принеси немного масла, — сказал медведь.

Все вышли в сени. Лиса полезла было по стене под крышу, да упала на землю и притворилась, что не может вскарабкаться по стене.

— Очень уж высоко, я не могу залезть, — жалуется лиса.

Собака взялась помочь лисе. Подсадила лису. Вот взлезла она, и все внизу слышали из-под крыши писклявый голос лисы:

— Никакого масла тут нет! Есть только пустой батман.

Ей никто не поверил. Тогда лиса скатила вниз пустой батман. Глядят — и правда, батман пустой.

— К нам никто чужой не приходил. Кто это, бессовестный, сожрал масло? — зарычал медведь. — Сейчас же найти разбойника!

Долго они гадали, как найти вора. И вот что придумал медведь:

— Давайте разведем большой костер и рассядемся вокруг него. У того, кто съел масло, оно растопится и потечет наружу.

Так они и сделали: развели костер.

Вскоре они пригрелись у костра и уснули. Так как были уже первые зимние морозы, то крепче всех спал медведь.

Лишь одна лиса не спала. Видит она: по всей шерсти ее течет масло. Испугалась лиса, что это может выдать ее и тогда ей не избежать наказания. Решила она свалить свою вину на медведя: стерла масло с себя и обмазала им спящего медведя.

Когда они проснулись, увидели: все, как были, сухие, а у медведя шерсть в масле.

— Вот кто съел масло! — закричали звери и захотели наказать медведя.

— Не торопитесь! Тут какая-то хитрость, — сказал медведь. — Надо развести костер еще жарче и испытать всех снова.

Все согласились. Одна только лиса сказала, что не надо разводить костра, а то жарко будет.

Опять развели костер, и все расселись вокруг него. Медведь, по своей зимней привычке, опять захрапел. А волк, собака и заяц притворились спящими. На лисе опять стало выступать масло.

Лисица дождалась, когда звери заснули, начала опять стирать с себя масло и натирать им медведя.

Увидели это волк, заяц и собака, вскочили и с криком набросились на лису:

— Вот где настоящий вор! А еще прикинулась тихоней-сиротой!

Шум разбудил медведя. Ему рассказали, как было дело.

— Я не ела масла! Нет, нет! — отказывалась лиса.

Тогда все набросились на лису, связали ее, стали держать близко к огню за лапы и за хвост. Масло с нее так и потекло на костер.

После этого они сказали:

— Уходи сейчас же! Чтобы и духу твоего здесь не было. Нет тебе места в нашей дружной семье!

Лиса подхватила свой кумган и ушла скорее куда глаза глядят.

ПОЧЕМУ БАРСУК И ЛИСА В НОРАХ ЖИВУТ

Белорусская сказка

Огда-то, рассказывают, не было у зверей и скота хвостов. Только один царь звериный — лев — имел хвост.

Плохо жилось зверям без хвостов. Зимой еще кос-как, а подойдет лето — нету спасения от мух да мошкары. Чем их отгонишь? Не одного, бывало, за

лето до смерти заедали оводы да слепни. Хотя караул кричи, коль нападут.

Доведался про такую беду звериный царь и дал указ, чтоб все звери шли к нему хвосты получать.

Кинулись царские гонцы во все концы зверей созывать. Летят, в трубы трубят, в барабаны бьют, никому спать не дают. Увидали волка — передали ему царский указ. Увидали быка, барсука — тоже позвали. Лисице, кунице, зайцу, лосю, дикому кабану — всем сказали, что надо.

Остался один лишь медведь. Долго искали его гонцы, нашли наконец сонного в берлоге. Разбудили, растолкали и велели, чтоб за хвостом поспешал.

Да когда ж оно было, чтоб медведь да торопился. Бредет себе потихоньку, помаленьку — топ, топ, все кругом разглядывает, нюхом мед выискивает. Видит — пчелиное дупло на липе. «Дорога-то к царю долгая, — думает, — надобно подкрепиться».

Взобрался медведь на дерево, а там, в дупле, меду полным-полно. Забормотал он на радостях да и стал дупло выдирать, мед загребать, за обе щеки уплетать. Наелся, глянул на себя, а шуба-то вся в меду да в трухе!.. «Как же, — думает, — в таком виде пред царские очи являться?»

Пошел медведь на речку, вымыл шубу да и прилег на пригорке сушиться. А солнышко так припекло, что не успел мишка и оглянуться, как уже сладко захрапел.

Тем временем стали звери к царю собираться. Первой прибежала лиса. Огляделась по сторонам, а перед царским дворцом целая куча хвостов: и длинные, и короткие, и голые, и пушистые...

Поклонилась лиса царю и говорит:

— Ясновельможный господин царь! Я первая откликнулась на твой царский указ. Дозволь же

мне за это выбрать себе хвост какой захочется...

Ну, царю-то все равно, какой хвост дать лисе.

— Ладно,— говорит,— выбирай себе хвост по вкусу.

Разворошила хитрая лиса всю кучу хвостов, выбрала самый красивый — длинный, пушистый — и помчалась назад, пока царь не передумал.

За лисой прискакала белка, выбрала себе хвост тоже красивый, да только поменьше, чем у лисы. За нею — куница. И она с хорошим хвостом назад побежала.

Лось, тот выбрал себе хвост длинный, с густой метелкой на конце, чтоб было чем от оводов да слепней отмахиваться. А барсук схватил хвост широкий да толстый.

Лошадь взяла себе хвост из сплошного волоса. Прицепила, махнула по правому боку, по левому — хорошо бьет. «Теперь мухам смерть!» — заржала она на радостях и поскакала на свой луг.

Последним прибежал зайчик.

— Где же ты был? — говорит царь. — Видишь, у меня один только маленький хвостик остался.

— А мне и этого хватит! — обрадовался зайчик. — Оно и лучше, чтоб налегке от волка и собаки убежать.

Прицепил себе зайчишка коротенький хвостик куда полагается, скакнул раз, другой и побежал веселый домой. А звериный царь, все хвосты раздав, пошел спать.

Только под вечер проснулся медведь. Вспомнил, что надо ведь к царю за хвостом торопиться. Глянул, а солнце-то уже за лес катится. Кинулся он со всех ног галопом. Бежал, бежал, аж вспотел бедняга. Прибегает к царскому дворцу, а там — ни хвостов, ни зверей... «Что ж теперь делать? —

думает медведь. — Все будут с хвостами, один я без хвоста...»

Повернул мишка назад и злой-презлой потопал в свой лес. Идет он, вдруг видит — на пне барсук вертится, ладным своим хвостом любитесь.

— Послушай, барсук, — говорит медведь, — за чем тебе хвост? Отдай его мне!

— И что ты, дядька медведь, выдумал! — удивляется барсук. — Разве можно такого красивого хвоста лишиться?

— А не дашь по доброй воле, силой отберу, — буркнул медведь и положил лапу на барсука.

— Не дам!.. — закричал барсук и рванулся из всех сил бежать.

Смотрит медведь, а у него в когтях кусок барсучьей шкуры остался да кончик хвоста. Бросил он шкуру прочь, а кончик хвоста себе прицепил и двинулся в дупле мед доедать.

А барсук от страха места себе не найдет. Куда ни спрячется, все ему мерещится, что вот-вот придет медведь, остаток хвоста отберет. Вырыл он тогда в земле большую нору, там и поселился. Рана на спине зажила, а осталась зато темная полоска. Так до сих пор она и не посветлела.

Бежит раз лиса, глядь — нора, а в ней кто-то храпит, словно подвыпил. Забралась она в нору, видит, там барсук спит.

— Что это тебе, соседushко, наверху тесно, что ты под землю забрался? — удивляется лиса.

— Да-а, лисичка, — вздохнул барсук, — правда твоя — тесно. Если б не еду искать, то и ночью бы не выходил отсюда.

И рассказал барсук лисе, отчего ему на земле тесно. «Э-э, — подумала лиса, — коль медведь на барсучий хвост позарился, то мой ведь во сто раз краше...»

И побежала она искать от медведя убежища. Пробежала целую ночь, нигде спрятаться не может. Наконец под утро вырыла себе нору, такую же, как у барсука, залезла в нее, прикрылась своим пушистым хвостом и спокойно уснула.

С той поры барсук и лиса живут в норах, а медведь так без хорошего хвоста и остался.

МЫШЬ И СОРОКА

Сказка коми

или-были сестрица-мышка и сестрица-сорока. Однажды собралась мышка на работу и говорит сороке:

— Я, сестрица-сорока, за сеном схожу, а ты пока приберись в доме да поставь варить суп.

Ушла мышка, а сорока стала прибираться и варить суп. Варила, варила суп-то, да и свалилась в горшок вниз головой.

Пришла мышь домой, стучится:

— Сестрица-сорока, открой!

Долго стучалась, но никто не откликнулся. Юркнула она в норку, зашла в сарай, сметала сено и опять побежала в избу. Только нет как нет там сестрицы-сороки.

Достала тогда мышка суп из печки, чтобы поесть, тут и увидела в горшке сестрицу-сороку. Что поделаешь, съела она сорочье мясо, а грудную

кость-лодочку утащила на речку, села в нее и запела:

Мышь плывет-качается:
Лодка у нее — сорочья грудина,
Весло — бобровый хвост,
Шест — выдрин хвост,
Парус — соболий хвост.
Под крутым бережком подгребет,
Под песчаным бережком — подтолкнет.

Идет навстречу заяц, говорит:
— Сестрица-мышка, возьми меня в лодку.
— Не возьму, лодка у меня маленькая.
— Ну хоть одну лапку поставлю, на одной постою...

— Ну что с тобой делать, садись.
Поплыли они дальше вдвоем, мышка опять запела:

Мышь плывет-качается:
Лодка у нее — сорочья грудина,
Весло — бобровый хвост,
Шест — выдрин хвост,
Парус — соболий хвост.
Под крутым бережком подгребет,
Под песчаным бережком — подтолкнет.

Повстречалась им лиса, говорит:
— Сестрица-мышка, возьми меня в лодку.
— Не возьму, лодка у меня маленькая.
— Ну хоть одну лапу поставлю, на одной постою...

— Ну что с тобой делать, садись.
Плывут они втроем, мышка опять поет свою песенку:

Мышь плывет-качается:
Лодка у нее — сорочья грудина,

Весло — бобровый хвост,
Шест — выдрин хвост,
Парус — соболий хвост.
Под крутым бережком подгребет,
Под песчаным бережком — подтолкнет.

Повстречался им медведь, говорит:
— Сестрица-мышка, возьми меня в лодку.
— Не возьму, лодка у меня маленькая.
— Ну хоть одну ногу поставлю, на одной постою.
— Нет, ты много места займешь, лодку опрокинешь.
— Тогда я сяду, чтоб она не перевернулась.
Сел медведь в лодку-то и утопил всех!

ВОЛК И ОВЦА

Эстонская сказка

ил-был волк, и жила-была овца. Овца от стада отбилась, заблудилась в лесу да и осталась там жить. А волку-то лес — дом родной. Повстречались волк и овца, ну и подружились друг с другом.

Лето хорошо прожили: кругом тепло, сытно, чего ж тут ссориться!

Осенью кое-как промаялись, а зима нагрянула — плохо им пришлось. У волка лапы мерзнут, у овцы хвост дрожит от холода.

Вот овца и говорит:

— Давай, волк, построим себе дом. Будем в доме печь топить, в тепле зиму зимовать.

А волку лень. Он говорит:

— Это вы, овцы, у людей привыкли жить под крышей. А мне и так хорошо.

Выстроила себе овца избушку, с печкой, с лежанкой. И зима ей теперь не страшна. Тепло овце.

А волк рыскал, рыскал по лесу да и взвыл. Мороз что ни день крепчает, а спрятаться некуда. Как ни лень, надо строить хоть какой-нибудь дом.

Сгреб волк снег в кучу, лапами утоптал, хвостом подмел, кое-как выстроил ледяную избушку.

Да тут, как нарочно, выглянуло солнце, и растаяла над волком ледяная крыша, развалились снеговые стены. Опять волк без дома.

Как быть? Что делать?

Пошел волк к овце, стал перед избушкой и говорит:

— Овечка, овечка, приоткрой двери. На дворе мороз трещит, а у меня нос и уши замерзли. Позволь хоть морду у тебя обогреть.

Пожалела овца волка и приоткрыла дверь избушки. Волк сунул в щелку морду, постоял, постоял и говорит опять:

— Овечка, овечка, у меня передние лапы замерзли, позволь на порог ступить.

Овечка открыла дверь пошире, позволила волку ступить на порог. А волку все мало.

— Слышишь, овечка, как ветер воет? — говорит волк. — У меня бока совсем заledenели. Позволь и бока отогреть.

У овечки сердце мягкое, овечьё.

— Что ж, — отвечает она, — у меня тепла не убудет, погрей, волк, свои бока.

Волк залез в избушку по самый хвост и говорит:

— Спасибо тебе, овечка, теперь совсем хорошо. Боюсь только, как бы хвост не отмерз. Без хвоста вся моя волчья краса пропадет!

— Эх, волк,— говорит овца,— ну и мастер ты выпрашивать! Тебе бы с сумой по деревням ходить. Ладно уж, погрей и хвост.

Волку только того и надо. Прыгнул он в избушку, осмотрелся кругом — да скок на печь. Свернулся калачиком и уходить не собирается.

Так пролежал он до вечера. Разогрелся, распарился, и захотелось ему есть. Вот он и говорит овце:

— Овечка, овечка, не пора ли спать? Залезай на печь, я подвинусь — и тебе места хватит.

Посмотрела овца на волка. Голос-то ласковый, а глаза злые, голодные.

— Нет, волк,— отвечает овца.— Мне еще недосуг. У меня ложки не мыты, мука не просеяна. Вот справлюсь, тогда уж пойду спать.

Волк лежал, лежал, ждал, ждал, да и задремал.

Ночью проснулся. Ух, до чего есть хочется! Брюхо так и подвело. Пошарил лапой — нет овцы на печи. Спрыгнул волк на пол и давай искать овцу. Только и овца хитра: спряталась от волка в мусорный ящик. Не нашел ее волк.

Утром овца посмеивается:

— Отчего ночью не спал, кого, серый, искал? Тыкал носом во все углы, не нашел, серый, овцы.

Волк пролежал на печи целый день. К вечеру еще больше захотелось ему есть. Опять зовет он овцу:

— Залезай, овечка, на печь. Тут тепло, тут хорошо.

Овца ему отвечает:

— Погоди, волк. У меня еще тесто на хлеб не

поставлено, дрова не наколоты. Управлюсь — забе-
русь на печь.

Волк опять не дождался, заснул. Ночью проснулся злой, голодный. Так бы, кажется, и взвыл, да побоялся овцу напугать. Пошарил лапой кругом — пусто. Не пришла овца на печь ночевать — знает повадки серого.

Волк спрыгнул на пол. Туда-сюда тычется в темноте. Нет нигде овцы.

Утром опять смеется овечка над волком:

— Эх, волчище, чего по ночам рыщешь, кого по углам ищешь? Я под квашней сидела, на тебя, серого, глядела.

Вот и третий вечер настал. Опять зовет волк овцу на печь, а овца отговаривается:

— Что ты, волк! Рано еще спать. У меня полы не выметены, половики не вытряхнуты.

Заснул волк. Ночью проснулся, стал овцу искать.

Мусорный ящик перевернул, квашню опрокинул — нет нигде овцы. Совсем изголодался волк, даже зубами лязгает с голоду.

Видит овца — добром дело не кончится.

Под утро выбежала она из избы. Стала по лесу ходить, копытцами в снегу рыть. Нашла клюкву-ягоду. Собрала ту ягоду в кучу и принялась по ней кататься. Всю шерсть вымазала красным соком. Потом схватила длинный прут и побежала назад к избушке.

Стала под окошком. Стучит прутom по раме, кричит страшным голосом:

— Нет ли волка в избе, нет ли серого на печи? Я семерых волков загрызла и до этого доберусь!

Волк глянул в окно. Видит — стоит страшный, лохматый зверь, весь кровью перемазанный, должно быть — волчьей!

Испугался волк, поджал хвост — да скорее вон из избы. Забился в лесную глушь и носа оттуда не показывает.

А овца смыла снегом красную клюкву-ягоду со своей шерсти и зажила спокойно в теплой избушке

КАК ЧЕЛОВЕК ПОБЕДИЛ ВСЕХ ЗВЕРЕЙ

Кабардинская сказка

ЫЛО это давным-давно, когда на земле только появились люди и звери. Вот и решили звери каждому определить свое место.

— Ты, Рыба, будешь жить под водой.

— Ты, Паук, будешь днем и ночью плести паутину.

— Ты, Волк, будешь жить в лесу и пугать зверей.

— Ты, Лев, самый сильный, будешь царем зверей.

Стали думать, кому отдать ум и хитрость.

— Ум и хитрость надо отдать Человеку, — сказал Лев. — Я всегда справлюсь с Человеком — ведь у меня будет сила!

Так было определено место каждого на земле.

Однажды собрались звери в лесу. Вдруг слышат стук топора. Видят — Человек рубит дерево.

— На этом первом Человеке я испытаю свою силу,— прорычал Лев.— Сейчас я его съем!

Громко рассмеялся Человек.

— Над чем ты смеешься, маленький Человек? Я пришел съесть тебя!

— Я смеюсь над твоей глупостью. Я пришел, чтобы помочь тебе, а ты хочешь съесть меня. У тебя всегда будет много врагов — ведь ты силен и могуч. Когда враги станут преследовать тебя, тебе понадобится укромное место, где ты сможешь спрятаться. Вот я и хочу помочь тебе — сделать укрытие.

— Я не знал этого,— сказал Лев.— Хорошо, сделай для меня доброе дело.

И Человек принялся за работу. Он сколотил огромную клетку.

— Взгляни, царь зверей, что я построил для тебя,— сказал человек и велел Льву войти в клетку.

Вошел Лев в клетку и спрашивает:

— Ну что, не видно меня?

— Убери хвост, тогда не будет видно,— отвечал Человек.

Лев убрал хвост, а Человек быстро захлопнул дверь клетки.

— Видишь, царь зверей, одной силой ничего не сделаешь, если у тебя нет ума.

Понял Лев, что Человек победил его. Заревел Лев, стал звать на помощь зверей. А звери в страхе разбежались.

— Тот, кто смог победить царя зверей Льва, легко справится и с нами,— говорили они.

Так Человек победил всех зверей.

Словарь

- Абыста** — каша из кукурузной муки.
Аджныш — черт, дьявол.
Айран — жидкая простокваша, употребляется как прохладительный напиток.
Алангасар — великан.
Алдар — дворянин, господин, князь.
Амарт — сказочная большая птица.
Амбал — грузчик, физически очень сильный человек.
Арба — повозка, телега, двухколесная или четырехколесная.
Артак — мешок.
Арык — оросительный канал, канава.
Аул — селение на Кавказе и в Средней Азии.
Ахти — водяной.
Ашдага — злой демон, змей, проживший много лет, пожирающий людей.
- Багдад** — в IX—X вв. крупнейший культурный центр на Ближнем Востоке. В настоящее время — столица государства Ирак.
Бай — знатный богатый человек.
Батман — мера веса, равная 20 кг, а также бочонок такого объема.
Батыр — богатырь.
Бек — мелкий феодальный правитель, а также добавление к имени в значении «господин».
Бешмет — мужская верхняя одежда, вроде легкого пальто со сборками, стянутого в поясе.
Бер — боярин.
Булавá — короткая палка с шарообразным утолщением на конце, служившая в старину оружием.
Бурка — накидка из валяной шерсти у горцев Кавказа.
- Валлах!** — восклицание.
Вéжа — жилище у саамов.
Визирь, назир-визирь — высший государственный чиновник, ближайший советник государя у ряда восточных народов.
Вирява — хозяйка леса.
Вишáп — дракон, огромный змей.
- Газирь** — на черкеске кармашек для патронов.
Гайдук — воин, ратник, служитель у вельможи, рослый человек.
Гвелешáпи — огнедышащий дракон в змеиной шкуре.
Горилка — водка, крепкий хмельной напиток.
Горóховина — гороховый стебель с листьями.

Гянджа́ — город в Азербайджане; родина поэта Низамі, близ Гянджи находится его гробница.

Дарба́зи — большой парадный зал.

Де́жа — большой сосуд, в котором замешивают тесто

Дерви́ш — мусульманский нищенствующий монах.

Джинн — волшебник, чародей.

Джиги́т — искусный наездник.

Доол — двусторонний барабан.

Див, дэв — мифическое существо, волосатый гигант, великан-людоед, обычно злой и враждебный людям, но иногда помогает сказочным героям.

Дукáт — старинная золотая или серебряная монета, также украшение, которое носят на шее в виде ожерелья.

Духáн — небольшой ресторан, трактир.

Ёгет — юноша удалой, отважный, храбрый.

Зурна́ — духовой музыкальный инструмент.

Иранде́к — огромная гора в Башкортостане.

Каза́н — котел.

Калама́ны — обувь.

Ка́лев — отец Кáлевипоэга — главного героя эстонского народного эпоса «Кáлевипоэг».

Калья́н — прибор для курения табака через воду

Карава́н-сара́й — постоялый двор, где останавливались караванщики и другие путники.

Кати́х — густое кислое молоко, острое на вкус.

Ка́фские горы — по поверью, горы, расположенные на краю света, земли.

Кашеми́р — легкая шерстяная или полушерстяная ткань.

Кеча́л — плешивый, лысый. **Кеча́л Маме́д** — герой многих азербайджанских сказок, умный, находчивый, удачливый.

Киби́тка — крытая дорожная повозка или переносное жилище у кочевых народов.

Кизя́к — сушеные лепешки из навоза, которыми топили печь.

Киреме́ть — в мифологии чувашей название категории духов, в которых превращались духи почитаемых людей.

Клеть — кладовка в избе или в отдельной постройке для хранения имущества.

Клу́мпы — деревянная обувь.

Кома́н-мелна́ — слоеные блины, марийское национальное блюдо.

Корча́ — постоялый двор, трактир.

Крести́ны — у верующих христиан обряд крещения, а также угощение и вручение подарков после этого обряда.

Куде́ль — волокнистая часть льна.

К у м г а н — металлический сосуд для воды, напоминающий кувшин.

К у н á к — друг.

К у н á ц к а я — специальное помещение для гостей.

К у р á й — народный музыкальный инструмент у башкир, род **эви-рели**.

Л а в á ш — хлеб, испеченный из тонко раскатанного теста.

Л ó к о т ь — старинная мера длины, равная приблизительно 0,5 метра.

Л у к á с е д л á — выступающий изгиб переднего или заднего края седла.

М а н д ж í к — служба в буддийском монастыре.

М о т о в í л о — снаряд для размотки пряжи в клубки или намота пряжи с веретена.

М о ш н á — мешок для хранения денег.

Н а м á з — молитва у мусульман.

Н а н — у абхазцев форма ласкового обращения.

Н á н и — обращение к матери.

Н á р д ы — настольная игра, состоящая из доски, шашек и играль-ных костей.

Н á р т ы — эпические богатыри, герои эпических сказаний осетин, адыгов и других народов Кавказа.

Н е д о ú з д о к — уздечка без удили с одним поводом.

П а д и ш á х — титул государя у ряда восточных народов.

П а л я н í ц а — небольшой плоский хлеб из пшеничной муки.

П á с т о р — протестантский священник.

П и т а м б á р, **П и х а м б á р** — у чувашей бог, покровитель скота.

П о с т ó л ы — обувь из сыромятной кожи домашнего изготовления.

П с а л ó м — род религиозного песнопения; **п с а л ó м щ и к** — служитель в церкви, помогающий священнику при совершении обрядов.

П é р и — красавица, добрый дух, ангел.

П ю л е х с é — божество, раздающее блага.

Р í г а — столица государства Латвия.

С а ж é н ь — мера длины, равная 2,12 м.

С á к л я — жилище у горцев.

С а л á м а л é й к у м ! В а л е й к у м с а л á м ! — приветствие во всех мусульманских странах (переводится как «Мир вам!»).

С в í т к а — верхняя длинная одежда.

С е м р ú г — мифическая волшебная птица огромных размеров.

С т а м б ú л — крупнейший город Турции.

Сытá — медовый напиток.

Сэкé — сплошные нары в избе.

Сюотáр — злая лесная ведьма, у карелов — героиня многих сказок.

Тéрек — большая река на Кавказе.

Тифлís — до 1936 г. официальное название города Тбилиси — столицы государства Грузия.

Тóрба — мешок, сума.

Тумáн — золотая монета.

Тын — забор, частокол.

Тэндúр — печь, к раскаленным стенкам которой прикладывается тесто и выпекается хлебная лепешка.

Уáнг — великан, исполин, главный враг героев осетинских сказок.

Фынг — осетинский круглый стол на трех ножках, в старину на нем подавали угощение гостям.

Хадж́ — человек, совершивший хадж — паломничество в Мекку, к главной святыне мусульман камню Каáб.

Хадзáр — дом у осетин.

Хан — феодальный владетельный князь.

Хантúпс — пшенный суп, заправленный кислым молоком или сметаной.

Ханúм — уважительное обращение к женщине.

Хормустá — в мифологии монгольских народов верховное небесное божество.

Хурдж́н — переметная сума, которую перекидывают через седло верхового животного или через плечо пешехода.

Чалмá — головной убор мусульман, кусок ткани, обернутый вокруг головы.

Чинáра — дерево, восточный платан.

Чонгúри — музыкальный инструмент.

Чувя́ки — обувь из сыромятной кожи.

Чумáк — крестьянин, занимающийся извозом и торговым промыслом.

Чумбúр — одинокий повод уздечки, за который водят верхового коня, привязывают или дают поваляться.

Чурéк — пресный хлеб, лепешка.

Шайтáн — дьявол, черт, сатана.

Шербéт — сладкий напиток.

Ширínка — полотенце.

Эмегéны — чудовища, пожирающие людей.

Яйлáу — пастбище в горах.

Содержание

А. И. Алиева. Предисловие	3
Летучий корабль. Украинская сказка. <i>Перевод Г. Петникова</i>	15
Эгле. Литовская сказка. <i>Обработка З. Задунайской</i>	26
Седун. Сказка коми. <i>Запись и обработка А. Микусева. Перевод А. Смольникова</i>	36
Мудрая девушка. Белорусская сказка. <i>Пересказ М. Булатова</i>	52
Фэт-Фрумос и Солнце. Молдавская сказка. <i>Перевод С. Сырцовой, литературная обработка В. Гацака</i>	69
Старый цыган и спорники. Цыганская сказка. <i>Перевод Е. Друца и А. Гесслера</i>	86
Златопряхи. Эстонская сказка <i>Обработка Фр. Р. Крейцвальда, перевод Е. Поздняковой</i>	90
Три брата, три облака, три волшебных коня и три княжеские дочери. Чеченская сказка. <i>Литературная обработка и перевод В. Гацака</i>	108
Сказка об Олененке и Елене Прекрасной. Грузинская сказка. <i>Перевод Н. Долидзе</i>	119
Покатигорошек. Украинская сказка. <i>Пересказ М. Булатова</i>	134
Три брата. Калмыцкая сказка. <i>Перевод И. Кравченко</i>	145
Сказка о солнце. Саамская сказка. <i>Пересказ для детей С. А. Панкратова</i>	164
Сказка о курае. Башкирская сказка	173
Волшебная птица. Латышская сказка. <i>Обработка Ю. Ванага, перевод Л. Воронковой</i>	176
Батыры из племени чудь. Удмуртская сказка. <i>Литературная обработка Н. Крапиной</i>	182
Три завета. Армянская сказка. <i>Перевод И. Токмаковой</i>	191
Волшебное кольцо. Татарская сказка. <i>Перевод С. Гильмутдиновой</i>	203
Батыр и Чиге-хурсухал. Чувашская сказка. <i>Обработка Н. Данилова и А. Нечаева</i>	221
Сестра семи братьев. Лезгинская сказка. <i>Пересказ Н. Капиевой</i>	236

Тайна дружбы. Азербайджанская сказка. <i>Обработка Н. Сеидова, перевод Э. Ибрагимова</i>	243
Околдованная сиротка. Цыганская сказка. <i>Перевод Е. Друца и А. Гесслера</i>	265
Сестрина любовь. Литовская сказка. <i>Перевод и обработка Ф. Шуравина и З. Шишовой</i>	272
Окаменелое царство. Ассирийская сказка. <i>Обработка А. Алиевой</i>	281
Портной, медведь, черт и Вирява. Мордовская сказка. <i>Обработка Э. В. Померанцевой</i>	286
Тайна безносого Силаймы. Ингушская сказка. <i>Литературная обработка и перевод В. Гацака</i>	295
Черная уточка. Карельская сказка. <i>Перевод У. С. Конкка, А. С. Степановой, Э. Г. Карху</i>	307
Санта Сааджа и Сафа Сааджа. Абхазская сказка. <i>Перевод Х. С. Бгажба</i>	314
Ох и золотая табакерка. Белорусская сказка. <i>Пересказ А. Якимовича, перевод Г. Петникова</i>	330
Как крестьянский сын за солнце работал. Чувашская сказка. <i>Перевод С. Шуртакова</i>	339
Три брата. Абазинская сказка. <i>Перевод и обработка Н. Капиевой</i>	348
Младший брат Абоковых. Карачаевская сказка. <i>Перевод и обработка А. Алиевой и А. Холаева</i>	356
Неразменный рубль. Эстонская сказка. <i>Обработка Фр. Р. Крейцвальда, перевод В. Раммо</i>	364
Добрый Иванчу. Гагаузская сказка. <i>Обработка Ю. Лопаткова и А. Тукана</i>	380
Нончык-патыр. Марийская сказка. <i>Перевод и обработка Вл. Муравьева</i>	384
Туку. Гагаузская сказка. <i>Обработка Ю. Лопаткова и А. Тукана</i>	391
Вишاپ, сын царя Чинмачина. Армянская сказка. <i>Перевод И. Токмаковой</i>	399
Непобедимый Чемид-Чудзин. Башкирская сказка	414
Морской конь. Аварская сказка. <i>Пересказ Н. Капиевой</i>	422
Десятый сын пастуха. Курдская сказка. <i>Пересказ и обработка для детей А. Шамилова, перевод В. Гацака</i>	432
Золотая птица. Балкарская сказка. <i>Перевод и обработка А. Алиевой и А. Холаева</i>	438

Дуболго Пичай. Мордовская сказка. <i>Перевод и обработка Вл. Муравьева</i>	443
Ион Молдавану. Молдавская сказка. <i>Литературная обработка В. Гацака</i>	451
Приключения охотника. Карачаевская сказка. <i>Перевод и обработка А. Алиевой и А. Холаева</i>	463
Мальчик Бебеле. Еврейская сказка. <i>Пересказ М. Булатова</i>	469
Чудесный пояс. Осетинская сказка. <i>Перевод и обработка С. Бритаева</i>	473
Сказка про Ивана и чудесную книгу. Украинская сказка. <i>Перевод А. Нечасва</i>	481
Заза, красная коровушка. Лакская сказка. <i>Пересказ Н. Капиевой</i>	489
Верные друзья Мовсур и Магомед. Чеченская сказка. <i>Литературная обработка и перевод В. Гацака</i>	502
Шейдулла-лентяй. Азербайджанская сказка. <i>Пересказ Н. Алембековой</i>	509
Сын Вороного. Грузинская сказка. <i>Пересказ Н. Дolidзе</i>	514
Двенадцать умных братьев. Вепсская сказка. <i>Пересказ для детей Н. Гессе и З. Задунайской</i>	522
Как глупый сын ездил в Ригу. Латышская сказка. <i>Обработка Ю. Ванага, перевод Л. Воронковой</i>	528
Кошелечек. Украинская сказка. <i>Перевод Г. Петникова</i>	531
Чья работа труднее? Курдская сказка. <i>Пересказ и обработка А. Шамилова, перевод В. Гацака</i>	534
Царем быть — не ремесло. Грузинская сказка. <i>Перевод А. Беставашвили</i>	537
Пейма-ханум. Кумыкская сказка. <i>Пересказ Н. Капиевой</i>	544
Молодой кузнец. Эстонская сказка. <i>Перевод Л. Чевычеловой</i>	547
Пшеничное зерно величиной с яйцо. Азербайджанская сказка. <i>Обработка Н. Сеидова, перевод Э. Ибрагимова</i>	554
Хромая нога не виновата. Ногайская сказка. <i>Пересказ Н. Капиевой</i>	560
Сказка о бедняке и его жене. Армянская сказка. <i>Перевод И. Токмаковой</i>	562
Разумная дочь. Белорусская сказка. <i>Пересказ А. Якимовича, перевод Г. Петникова</i>	566

Кто же из них глупее. Черкесская сказка. <i>Перевод и обработка Н. Капиевой</i>	574
Ученая кошка. Азербайджанская сказка. <i>Обработка Н. Сеидова, перевод Э. Ибрагимова</i>	581
Как барина проучили. Латышская сказка. <i>Перевод С. Бажановой и Ч. Шкленника</i>	583
Трудовые деньги. Кабардинская сказка. <i>Пересказ и обработка А. Алиевой и З. Кардангушева</i>	585
Заяц-слуга. Сказка крымских татар. <i>Пересказ М. Булатова</i>	588
Датуа и Петрикела. Грузинская сказка. <i>Пересказ М. Булатова</i>	596
Легкий хлеб. Белорусская сказка. <i>Перевод и обработка Е. Благиной</i>	601
Небо рушится. Литовская сказка. <i>Перевод В. Чепайтиса</i>	604
Счастье, ум и богатство. Балкарская сказка. <i>Перевод и обработка А. Алиевой и А. Холаева</i>	606
Как старик шайтанов перехитрил. Ингушская сказка. <i>Литературная обработка и перевод В. Гацака</i>	609
Настоящая чепуха. Армянская сказка. <i>Перевод И. Токмаковой</i>	614
Тигр — заступник кошки. Грузинская сказка. <i>Перевод Н. Долидзе</i>	616
Как голубь учился гнездо вить. Азербайджанская сказка	618
Львиная доля. Татская сказка. <i>Пересказ Н. Капиевой</i>	619
Как старый кот обратился в хаджи. Адыгейская сказка. <i>Перевод Т. Керашева, литературная обработка П. Максимова</i>	620
Паук и муха. Латышская сказка. <i>Обработка Ю. Ванага, перевод Л. Воронковой</i>	623
Петушок и курочка. Украинская сказка. <i>Перевод Г. Петникова</i>	626
Куклухай. Даргинская сказка. <i>Пересказ Н. Капиевой</i>	630
Лисица-хитрица. Белорусская сказка. <i>Пересказ А. Якимовича, перевод Г. Петникова</i>	635
Пес чабана. Молдавская сказка. <i>Обработка Гр. Ботезату</i>	641
Лиса-сирота. Башкирская сказка. <i>Литературная обработка А. Платонова</i>	645

Почему барсук и лиса в норах живут. Белорусская сказка. Пересказ А. Якимовича, перевод Г. Петникова	650
Мышь и сорока. Сказка коми. Обработка А. Микушева, пересказ А. Смольникова	654
Волк и овца. Эстонская сказка. Обработка З. Задунайской	656
Как человек победил всех зверей. Кабардинская сказка. Пересказ и обработка А. Алиевой и З. Кардангушева	660
С л о в а р ь	662

**СКАЗКИ НАРОДОВ МИРА
В 10 ТОМАХ**

Том IX

**СКАЗКИ НАРОДОВ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
И КАВКАЗА**

*Составитель
Алиева Алла Ивановна*

Ответственный редактор

Т. М. Тумурова

Художественный редактор

О. К. Кондакова

Технический редактор

И. П. Савенкова

Корректор

Е. В. Туманова

ИБ № 13049

ЛР № 010003 от 28.08.91

Сдано в набор 26.11.93. Подписано к печати
24.05.94. Формат 60×84¹/₁₆. Бум. типогр. № 1.
Шрифт таймс. Печать высокая. Усл. печ. л. 40,11.
Усл. кр.-отт. 44. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1681.
С 026.

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы
народов издательство «Детская литература» Коми-
тета Российской Федерации по печати. 103720,
Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская
книга» Комитета Российской Федерации по печати.
127018, Москва, Суцевский вал, 49.

Отпечатано с фотоплимерных форм «Целлофот»

С 42 Сказки народов Восточной Европы и Кавказа/
Сост., вступит. ст. и словарь А. И. Алиевой; Художн.
Е. Попкова.— М.: Дет. лит., 1994.—670 с.: ил.—
(Сказки народов мира в 10 томах, т. IX).

ISBN 5-08-001996-4

ISBN 5-08-002587-5

В этот том вошли сказки о животных, волшебные и бытовые сказки народов, проживающих в европейской части России, на Украине, в Беларуси, Молдове, в странах Балтии, и сказки народов Кавказа.

С 4804030400—026 Подп. изд.
M101(03)-94

ББК 84.4

REPRODUCED FROM THE ORIGINAL